

СЕВЕРОАФРИКАНСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ – 1940-1942

МАЛЬТА В БЛОКАДЕ - 1940

10 июня 1940 года, около полуночи, Муссолини объявил о вступлении Италии в войну на стороне Германии, и первый рейд итальянской авиации на Мальту состоялся в 6.55 утром следующего дня. Адмирал [Эндрю Каннингэм](#) (Andrew Cunningham) заблаговременно увел свои тяжелые крейсера из гавани острова в Александрию, так что средств ПВО на Мальте оставалось очень мало, и самолеты противника без проблем выбирали себе цели для воздушных атак. Блокада Мальты продлится два с половиной года, и ее героическая оборона сыграет большую роль в поражении армий Оси в Северной Африке...

С падением Франции 22 июня баланс сил на Средиземноморье резко изменился: западная половина моря, ранее находившаяся под контролем французов, стала *свободной акваторией*. В ответ на это британцы сформировали эскадру, позднее получившую название *Боевая Группа (Force) H*, базирующуюся в Гибралтаре, - ей предстояло защищать морские коммуникации британцев от атак противника. Линкоры Средиземноморского флота Великобритании не могли базироваться на Мальте...

Верховное британское командование рассматривало сценарий оставления острова и восточной части моря в целом. В межвоенные годы остров рассматривался как территория, которую Королевские ВВС и сухопутные армейские части страны не могли защитить из-за финансовых ограничений того периода времени, хотя командование Королевского флота протестовало против такой политики правительственных кругов. С началом ВМВ ситуация изменилась: Черчилль приказал удерживать остров любой ценой. Так началась продолжительная и ожесточенная борьба за сохранение острова в руках британцев – борьба за снабжение острова всем необходимым и концентрацию на нем необходимых сил обороны.

Мальтийский архипелаг, состоящий из островов Мальта, Гоцо/Gozo и Комино/Comino и занимающий площадь около 100 кв. миль, на протяжении столетий имел важнейшее стратегическое значение в силу своего положения на морских путях Средиземноморья, находясь примерно на одинаковом расстоянии от Гибралтара (1 150 миль) и Александрии (960 миль) и всего лишь в 60 милях от Сицилии. Как сказал один историк, этот остров «был

крупнейшей и самой лучшей природной гаванью на Средиземноморье.» В 1940 году его население составляло примерно 250 000 человек, из которых 95% были мальтийцами. На острове находились 5 батальонов пехоты (около 4 000 человек) и 14 батарей ПВО.

Адмирал Каннингхэм, командующий Средиземноморским флотом Великобритании, в первые же дни войны стал настаивать на его усилении и придании ему активной роли как на западе, так и на востоке огромной акватории. В личном плане он был доволен тем, что его жена и дочери эвакуировались в Александрию с Мальты. Он вспоминал: «Я был очень доволен тем, что моя жена и две дочки покинули Мальту. Находясь под бомбами практически каждую ночь и часто каждый день, они вовсе не получали от этого удовольствия. Моя жена насчитала 72 авианалета со дня объявления Италией войны до момента своей эвакуации – всего за 29 дней.»

Неспособность Королевских ВВС и британской армии укрепить гарнизон острова тогда, когда для этого еще было время, компенсировалась отсутствием у итальянцев воли к тому, чтобы захватить остров тогда, когда у них было колоссальное превосходство в силах. Командер Марк Антонио Брагадин (Marc Antonio Bragadin) написал в истории итальянского ВМФ в годы ВМВ: «Что касается Мальты, ее порты и аэродромы находились в самом сердце наиболее стратегически важной для Италии акватории. Фактически, начиная с 1938 года, [командование] ВМФ настаивало на том, что оккупация острова являлась первейшим и необходимым условием для ведения военных действий ... против Великобритании. Когда впервые стало возможным вступление Италии в войну, ВМФ представил на рассмотрение план захвата Мальты Верховному Командованию. Однако Верховное Командование оставило эту идею из-за предположения, что война будет короткой и также потому, что была уверенность в том, что итальянские ВВС смогут нейтрализовать возможность военных операций [противника с его баз].» То есть, до войны сложилась ситуация, в которой британцы чувствовали, что не смогут удержать остров из-за отсутствия необходимых средств, а итальянцы, располагающие средствами для вторжения на него, не думали о том, что им понадобится его захват...

Тем не менее, способность британцев пробивать лбом стену и выпутываться из трудных ситуаций сыграла первостепенную роль. 8 самолетов, упакованных в ящики с маркировкой *Запчасти – Собственность Королевского Флота/Boxed Spares—Property of the Royal Navy*, были найдены в ангаре военно-морской авиабазы в заливе Марсакслокк/Marsaxlokk на западе острова. Это были устаревшие истребители-бипланы *Глостер Гладиатор/Gloster Gladiator*, оставленные на базе авианосцем *Glorious* перед уходом к побережью Норвегии. 4 машины были незамедлительно переданы Королевским ВВС и быстро собраны: уже вскоре они вступили в бой против итальянских бомбардировщиков... Пилоты этих самолетов храбро сражались, сбив несколько вражеских машин и потеряв одну свою. Три остальных самолета, прозванные *Вера, Надежда и Милосердие/Faith, Hope and Charity*, вскоре стали символом усиливавшегося сопротивления гарнизона острова. В июле 1940 к ним присоединились 5 *Харрикейнов/Hurricane*, прибывшие через Францию и Тунис.

830-я Эскадрилья военно-морской авиации (Fleet Air Arm), в которую входили 9 торпедоносцев-бомбардировщиков *Сордфиш/Swordfish*, ранее базировавшиеся в Тулоне для совместных действий с французским ВМФ, также прибыли на Мальту и стали единственной авиационной частью, способной атаковать вражеские корабли. Силы ПВО острова включали в себя всего 34 тяжелых и легких зенитных пушки и один радар.

Жительница Мальты Куини Ли (Queenie Lee), жена морского офицера, провела на острове весь период его блокады и так рассказывала о первых неделях бомбежек во время радиопередачи, состоявшейся 29 июня 1943 года:

В июне 1940-го, когда Италия вступила в войну, никто толком не знал, чего ожидать. Первая бомбежка имела место через 6 часов после объявления войны – на рассвете 11

июня. Стоял страшный грохот. Я не знала разницы между грохотом пушек и бомб, доносившимся до меня, когда я сидела с другими женщинами в каких-то укрытиях, спрятанных под навесом для лодок. Мы чувствовали себя в сравнительной безопасности: нам сказали, что это – бомбоубежище, в котором можно ночевать...

Все на острове были взбудоражены в тот июнь... Целые семьи сочли, что надо быть в движении и что это – решение всех проблем. Сотни людей упаковали кое-какие пожитки и стали искать безопасные места в центре острова. Площади близ побережья и гавань обезлюдели – по ним бродили разве что батальоны голодных кошек.

Помню, как я шла вдоль причалов между авианалетами и никого не видела, кроме одинокого старика, сидевшего на краю бомбовой воронки, безмятежного в своей убежденности в том, что в одну точку две бомбы не упадут... Через несколько недель к тем, кто совершал эти авиарейды, стали относиться с презрением, и большинство людей вернулось в свои дома. Жизнь вернулась в нормальное русло, если не считать того, что было полное отсутствие движения в заливах и бухтах.

В первые дни июля флот Каннингхэма вышел в море, чтобы прикрыть два конвоя, идущие из Мальты в Александрию. 8 июля, после 22-х воздушных атак, наблюдатели с флагманского корабля – линкора *Warspite* – насчитали не менее 300 бомб, упавших в воду поблизости от него. Ближе к концу следующего дня крейсер *Gloucester* из состава 7-й Крейсерской Эскадры, был поврежден авиабомбой, упавшей на командный мостик и убившей командира и 17 членов экипажа. Тем не менее итальянские ВВС не сумели остановить дневные операции Королевского флота в центральном Средиземноморье. После полудня 9 июля Каннингхэм узнал о том, что итальянский флот находится в море. Он надеялся на то, что ему удастся завязать с ним бой, вклинившись между противником и его базой, и взял курс на Таранто. Итальянское командование приказало командующему флотом адмиралу Иниго Кампиони (Inigo Campioni) не вступать в бой до наступления следующего дня, пока британские корабли не окажутся в пределах досягаемости для большего числа итальянских бомбардировщиков, базирующихся на основных аэродромах.

В 15.50 следующего дня два флота вступили в бой, начав артиллерийскую дуэль. 15-дюймовый снаряд линкора *Warspite* угодил в итальянский линкор *Cesare*, после чего Кампиони отступил, прикрывшись дымовой завесой. Около 16.40 Каннингхэм повернул назад, опасаясь атак эсминцев и подводных лодок. В самом деле, план Кампиони заключался в попытке заманить британцев за линию развертывания подводных лодок, однако эти корабли так и остались далеко на юге. К этому времени британцы были уже в 25 милях от побережья Калабрии. В следующие 4 часа высотные бомбардировщики продолжали атаковать британские корабли, в ходе этих рейдов итальянские самолеты умудрились сбросить бомбы на свои собственные корабли и вызвать приступ гнева у Кампиони. Правда, ни одна из бомб не нанесла итальянским кораблям повреждений...

Прибытие британского флота и двух конвоев в Александрию в целости и сохранности успешно завершило операцию. Повреждения, полученные кораблями противоборствующих сторон, были незначительными, однако стали очевидными проблемы, с которыми обе стороны будут сталкиваться. До полного понимания масштаба этих проблем было еще далеко... Капитан Доналд Макинтайр (Donald Macintyre) позднее писал:

Обе стороны увидели, что британский флот, базируясь в Александрии, не сможет воспрепятствовать безопасному прохождению итальянских конвоев с грузами в Африку. С точки зрения итальянцев, это стало подтверждением их представлений о том, что не будет никакой пользы от отправки флота в море в поисках боестолкновения с противником, как такового.

Но итальянцы не сумели разглядеть то, что существующая ситуация рано или поздно вынудит британцев напрячь все силы для того ... , чтобы восстановить Мальту как воздушную и военно-морскую базу, с которой они смогут атаковать идущие в Ливию конвои [противника]. Единственным путем к предотвращению этого был захват [острова] тогда, когда он был, в реальности, ничем не защищенным. Однако и германское, и итальянское верховное командование верили в то, что они смогут достичь своей цели просто путем нейтрализации острова атаками с воздуха. Это оказалось фатальной ошибкой.

Нехватка истребителей на Мальте стала критической, поэтому в августе 1940-го со старого авианосца *Argus*, находившегося в тот момент к югу от Сардинии, на остров были переброшены 12 *Харрикейнов* (операция *Hurry*). В ноябре с этого авианосца поднялись в воздух еще 12 *Харрикейнов*, чтобы перелететь на остров (операция *White*), но из-за навигационных ошибок на место прибыли только 4 истребителя.

Тем временем на Мальте была проведена тотальная мобилизация, и было сформировано ополчение (*Home Guard*). Два дислоцированных на острове полка – Королевской Мальтийской Артиллерии/*Royal Malta Artillery* и Собственный Мальтийский Полк Короля/*King's Own Malta Regiment* были усилены новыми рекрутами. Были также предприняты шаги по предотвращению действий граждан по созданию личных запасов продовольствия и меры по стимулированию сельскохозяйственной деятельности: даже столь дорогие сердцу многих мальтийцев поля для игр в гольф и поло были распаханы

Авианалеты продолжались – всего в 1940 году их было более 200, однако жертв среди гражданского населения и военных было немного. Жизнь на острове продолжалась, и в клубах по-прежнему проводились танцевальные вечера. Работали кинотеатры, хотя электричество подавалось только в будки киномехаников. Зрители рассаживались по местам и выбирались из кинозалов в полной темноте. Бары оставались открытыми и привлекали людей, хотя цены в них постоянно росли с истощением запасов спиртного.

Вспоминает сержант Чеширского Полка Джон Мэйсон (*John Mason*):

*Большая часть моей службы была связана с гражданской обороной, спасательными работами и предоставлением первой помощи... Иногда мы даже не ждали окончания авианалетов, потому что, когда мы добирались до завалов, люди уже начинали сами выбираться из-под них и бродить по улицам. Так они теряли свои конечности, потому что никто не приходил к ним на помощь вовремя. Помню случай, когда разбомбили кинотеатр *Regal*. Его до этого бомбили четырежды, но на этот раз все было совсем плохо. Кинозал был заполнен до отказа, и когда мы добрались дотуда, люди уже сами выползали из-под руин и шли к ближайшему госпиталю с иссеченными лицами и страшными травмами...*

*В нашем полку погиб 21 человек, в моей роте – 2... Один из парней шел в столовую с кружкой чая в руке. Мы нашли его сидящим, все еще с кружкой в руках и без единой царапины: просто взрыв бомбы высосал из его тела весь воздух... Еще мы несли вахту у пулеметов на берегу. Такие точки были размещены по всему побережью. Мы также помогали засыпать воронки на аэродроме *Лука/Luqa* – подвозили на наших грузовиках *15-hundredweight* (грузоподъемность 760 кг - ВК) щебень, взятый в развалинах, и заполняли им воронки, по которым потом ездил паровой каток...*

Судя по всему, уже летом 1940 года британцы предпринимали усилия по расширению многочисленных тоннелей и подземелий острова и превращению их в убежища. Австралийский моряк с находившегося на Мальте эсминца *Vendetta* Гордон Хилл (*Gordon Hill*) вспоминает бомбардировки гавани Мальты:

Был случай, когда корабль с грузом боеприпасов загорелся, а еще один, для предотвращения большого взрыва, был затоплен флотскими водолазами, которые закрепили на нем небольшие магнитные мины и подорвали их. Хотя несколько транспортных судов было потоплено, водолазы подняли грузы с некоторых из них. Гавань стала кладбищем многих моряков, солдат и докеров, разгрузивших суда...

Как-то раз меня включили в рабочую команду, которая грузила глубинные бомбы на машину и отвозила их к форту Ранелла/Ranella, где находилась радиостанция. Это была главная радиостанция острова. Там мы закладывали глубинные бомбы во многие тоннели, которые расширяли взрывами. Я не думаю, что сильно помог при погрузке и перетаскивании 350-фунтовых бомб, так как весил всего 8 ½ стоунов (54 кг), за что меня когда-то в Виктории убрали из расчета 6-тидюмового орудия, так как я не мог поднять с лотка 112-тифунтовый снаряд...

28 октября 1940 года Италия вторглась в Грецию, однако наступление было остановлено [героическим сопротивлением греческой армии](#). 12 ноября 1940 года в дневнике графа [Галеаццо Чиано](#) (Galeazzo Ciano), зятя Муссолини и бывшего военного летчика, в то время – министра иностранных дел страны – появилась следующая запись: «Черный день. Британцы атаковали стоящий в Таранто на якоре итальянский флот.» Это был действительно черный день: из 5 боеготовых линкоров 3 были серьезно повреждены, еще один – *Savour* – выбросился на мелководье и больше не вернулся в строй...

В то время как войска генерала [Арчибальда Уэйвелла](#) (Archibald Wavell) [теснили итальянцев в североафриканской пустыне обратно к Ливийской границе](#), адмирал Каннингхэм, осуществив проводку еще одного конвоя в Александрию, отвел свой флот назад в Мальту. 20 декабря его флагманский линкор *Warspite* бросил якорь в большой гавани острова Гранд Харбор/Grand Harbor. Он позднее писал:

Когда мы входили [в гавань] с играющим оркестром и построенными на палубе моряками, Бараккас/Baraccas (сады по периферии порта – ВК) и все окрестности были черны от приветствующих нас людей. То, как нас принимали, глубоко тронуло и ошеломило. Было приятно осознавать, что люди понимали: хотя флот и не может использовать Мальту [в качестве базы], мы хорошо помним о них.

Когда на следующий день прибывший вместе с флотом генерал Уэйвелл отправился с визитом в порт, его окружили толпы ликующих рабочих, и ему пришлось отбиваться от тех, кто хотел нести его на руках, и произнести с десятков импровизированных речей о том, в какой большой степени флот зависит от них.

Однако для жителей и гарнизона Мальты наступали тяжелые времена: на помощь итальянцам шли немцы. В декабре 10-й Авиационный Корпус *Люфтваффе* (Fliegerkorps X) – часть, специализирующаяся в атаках на военные корабли и судоходство, прибыла из Норвегии на аэродромы южной Италии. К середине января 1941 года на сицилийский авиабазах было уже 186 немецких самолетов различных типов. Приоритетной целью их атак были британские корабли и суда, первым в списке которых был авианосец *Illustrious*. Нейтрализация Мальты оставалась важнейшей задачей.

Королевские ВВС нанесли удар первыми, когда бомбардировщики *Веллингтон/Wellington* из базирующейся на Мальте 148-й Эскадрильи атаковали итальянские порты Бриндизи/Brindisi, Бари/Bari и Таранто/Taranto, в которых грузились транспорты для отправки военных материалов войскам *Оси* в Греции. Была также осуществлена бомбардировка порта Неаполя – крейсер *Pola* и линкор *Cesare* были повреждены, в результате чего крупные итальянские корабли были перемещены на север, в Геную. Таким образом, угроза британскому флоту и морским коммуникациям со стороны крупных надводных кораблей итальянцев на время была устранена.

ПАДЕНИЕ ВОСТОЧНО-АФРИКАНСКОЙ ИМПЕРИИ МУССОЛИНИ

10 июня 1940 года Италия объявила войну Великобритании и Франции. 3 августа итальянский отряд из примерно 400 человек пересек границу между контролируемой Италией Эфиопии и Британским Сомали в пункте Бийяд/Biyad близ города Борама/Borama (также Boorama). После серии стычек между силами британцев, родезийцев и колониальных войск и превосходящими их по численности в четыре раза итальянцами британцы были вынуждены 18 августа оставить административный центр колонии Берберу/Berbera. Британское Сомали стало частью владений Италии в Восточной Африке. Великобритания не могла долго мириться с подобной ситуацией и 16-21 марта 1941 года, после высадки десанта с моря, выбила итальянцев из Британского Сомали.

Еще до завершения разгрома итальянцев в Сомали, генерал Каннингэм (Cunningham), командующий силами британцев в Восточной Африке, принял решение вторгнуться в контролируемую итальянцами Эфиопию. Скорость и мобильность были важны по трем причинам. Во-первых, генерал не знал, насколько быстро ему придется расстаться с частью своих войск из-за того, что британское командование на Ближнем Востоке срочно нуждалось в подкреплениях. Во-вторых, поражение в Сомали в определенной степени насторожило итальянское командование, и промедление могло дать им время на реорганизацию своих сил наведению должного порядка. В-третьих, к концу апреля-началу мая в Эфиопии должен был начаться сезон дождей, грозивший сделать любые перемещения войск невозможными.

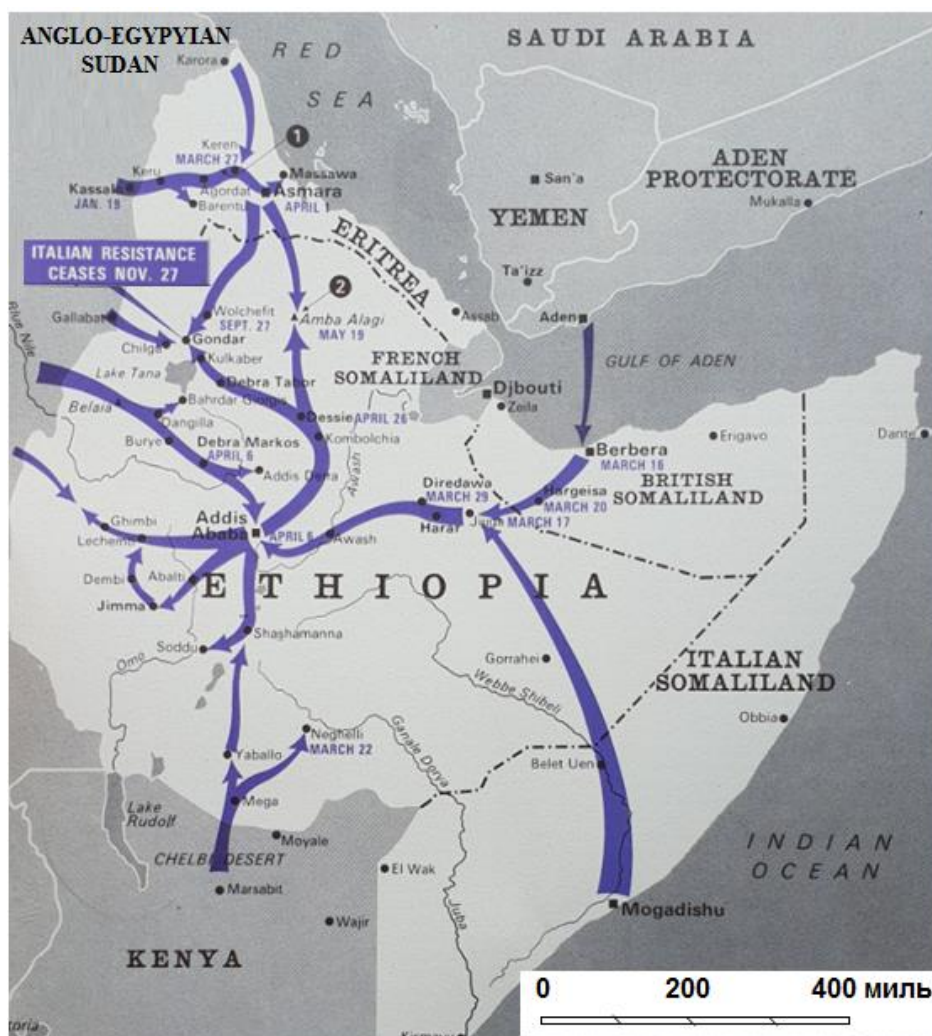
Предыдущая попытка пересечь южную границу Эфиопии по пустынному лавовому плато Челби/Chelbi со стороны города Марсабит/Marsabit в Северной Кении силами двух бригад 1-й Южно-Африканской Дивизии избавила британцев от идеи вторжения с юга. Они пришли к выводу о том, что условием успеха этого вторжения будет сотрудничество с эфиопскими племенами, а последние продемонстрировали крайнюю враждебность.

Только после падения Кисмайо/Kismaayu (также Kismayo – ВК), отразившего слабость итальянцев, была предпринята еще одна попытка вторгнуться в Эфиопию из Кении, и снова силами двух южноафриканских бригад. Перейдя границу к северу от Марсабита, южноафриканцы поднялись на плато по крутому уступу в рельефе и двинулись в сторону Меги/Mega – города в Эфиопии, расположенного на высоте 7 000 футов над уровнем моря, который они атаковали 18 февраля. Сопротивление противника было незначительным, и гарнизон города капитулировал через несколько часов: в плен сдались 26 офицеров и 927 прочих чинов с семьей орудиями.

Южноафриканцы с захваченным итальянским флагом

С этого момента решение о вторжении в Эфиопию можно было считать принятым окончательно. Однако от Меги единственный возможный путь на север проходил по изматывающим людей горным тропам, тогда как Могадишо, столица Сомали, неожиданно для британцев, должна была вот-вот пасть в их руки, открывая им более легкий путь. По этой причине британское командование сфокусировалось на преследовании итальянских войск, отступающих из Сомали.

Схематическая карта наступательных действий войск Британского Содружества в Восточной Африке. 1941 год

Чтобы установить заслон на пути возможного продвижения на север южноафриканцев, [герцог Д'Аоста](#) (D'Aosta), командующий силами итальянцев в Восточной Африке, приказал генералу Де Симоне (de Simone), войска которого отступали из Могадишо в Эфиопию, перебросить одну дивизию на 450 миль в юго-западном направлении к Негелли/Heghelli, расположенному немного в стороне от единственно возможного пути внутрь Эфиопии от Меги. Это ослабило силы итальянцев, противостоящие британцам, наступающим из Сомали...

Задача по преследованию войск генерал Де Симоне легла на 11-ю Африканскую Дивизию генерал-майора Везеролла (Wetherall), которая была усилена 1-й Южно-Африканской Бригадной Группой и 22-й Восточно-Африканской Бригадой. 11-я Дивизия включала в себя также 23-ю Нигерийскую Бригаду и южноафриканскую полевую и тяжелую артиллерию. Эта группировка была обеспечена поддержкой с воздуха.

Дорога от Могадишо до Джиджиги/Jijiga – города, к которому отступали итальянцы, на протяжении 400 миль проходила по сложенной вулканической лавой равнине. Далее, на примерно через 200 миль после пересечения границы с Эфиопией, дорога упиралась в крутые уступы в рельефе и поднималась по ним в направлении Джиджиги и далее вглубь страны, где высоты над уровнем моря достигали 10 000 футов и более. Все необходимое, включая воду, перемещающимся по этой дороге войскам приходилось везти с собой и нести на себе. 11-я Дивизия преследовала итальянцев столь медленно, что итальянцам пришлось впервые вступить с войсками Британского Содружества в бой только после Джиджиги. Сам этот город британцы нашли оставленным противником 17 марта 1941 года.

В 20 милях к западу от Джиджиги дорога на Харар/Harar – важный центр одной из провинций страны – проходила через узкое ущелье – горный проход Марда/Marda. В 60 милях дальше на запад – через еще одно ущелье и горный проход Бабиле/Babile. Оба ущелья представляли из себя превосходные участки для размещения оборонительных позиций, которые невозможно было обойти с флангов. Они и были выбраны итальянцами для того, чтобы остановить противника. Рано утром 21 марта артиллерия южноафриканцев обрушила интенсивный огонь на позиции итальянцев в районе прохода Марда. В полдень нигерийцы начали продвигаться вперед под сильным, но довольно неточным огнем противника. Всю вторую половину дня они медленно наступали, и ко времени наступления темноты их отряд занял одну из высот справа от дороги, откуда было возможным атаковать господствующую над местностью и простирающуюся с юго-юго-востока на северо-северо-запад гряду, которую пересекала дорога. Ночью небольшой отряд нигерийцев был усилен: британцы намеревались взять прилегающую к дороге ключевую высоту утром. Однако первые лучи солнца осветили брошенные итальянцами оборонительные позиции! Противник отступил, чтобы дать бой на участке Бабиле.

Британцы немедленно перешли к преследованию, и еще до полудня нигерийцы продвинулись еще на 60 миль. Скорость их марша сыграла важнейшее значение: итальянцы не были готовы к бою, и оборонительные позиции над ущельем Бабиле все еще не были заняты войсками. После ожесточенного арьергардного боя итальянцы откатились на 10 миль к реке Бисидимо/Bisidimo, но нигерийцы преследовали их по пятам и не дали противнику закрепиться на новых позициях. Итальянцы вновь отступили после короткого арьергардного боя. Харар теперь был всего в 12 милях – его обороняли три итальянские бригады, от которых ожидали упорного сопротивления. Однако, когда нигерийцы еще находились близ реки Бисидимо, итальянцы объявили Харар открытым городом. В 50 милях к северо-западу от Харара находился важный административный центр Диредава/Diredawa (*также Dire Dawa – БК*) со значительным итальянским населением. Наступающие войска Содружества были все еще далеко, когда взбурдаженные представители итальянской муниципальной полиции встретили их и призвали генерала Везеролла как можно быстрее вступить в город: его гарнизон отступил, бросив гражданское население на произвол судьбы, и эфиопы, представленные, в основном, армейскими дезертирами, приступили к погромам, грабежам, изнасилованиям, убийствам и избиениям людей. Машины британцев не могли с ходу попасть в город из-за оставленных итальянскими войсками разрушений и завалов на дорогах, но отряд южноафриканцев отправился в Диредаву пешим ходом, чтобы вступить в единственный в истории боев в

Восточной Африке городской бой. Эфиопские погромщики были неплохо вооружены, и у южноафриканцев на восстановление некоторого порядка ушли целый день и еще одна ночь. И британское, и итальянское командование были шокированы жесткостями эфиопов, в особенности, по отношению к женщинам, и эти явления сыграют важную роль в принятии дальнейших решений о судьбе Аддис-Абебы.

Рассчитывая на то, что продвижение британцев сильно замедлится из-за разрушений и завалов на дороге, гарнизон Диредавы, надеясь остаться незамеченным, отступал на юго-запад по горным тропам в направлении реки Аваш/Awash, находившейся в 150 милях от города и на полпути до Аддис-Абебы. Оборонительные укрепления вдоль долины этой крупной эфиопской реки были в процессе строительства. 1-я Южно-Африканская Бригадная Группа оказалась быстрее итальянцев, наступая по основной дороге, и приблизилась к реке Аваш после 100-мильного марша. 22-я Восточно-Африканская Бригада прошла через позиции южноафриканцев, у которых кончилось горючее для машин, чтобы опередить войска гарнизона Диредавы. Эта бригада быстро продвинулась вверх по течению реки и под прикрытием огня артиллерии заняла плацдарм на левом (западном), противоположном берегу реки. Южноафриканские инженеры сумели быстро навести мост через Аваш. Теперь Аддис-Абеба была всего в 150 милях...

На этой стадии герцог Д'Аоста принял решение не защищать столицу Эфиопии. Впав в депрессию, он расстался со всеми надеждами на победу над вторгшимся в страну противником, но был полон решимости сохранить Итальянскую Восточно-Африканскую Империю под своим частичным контролем, пока исход войны будет решаться на других фронтах. Он доложил Муссолини о том, что его единственной надеждой на успех в этом деле будет удержание оборонительных позиций на одном из хорошо укрепленных рубежей с оставлением всех тех территорий, которые сохранить за собой уже невозможно. С его точки зрения, удержать Аддис-Абебу будет невозможно, и, в любом случае, у него нет ресурсов для снабжения многочисленного итальянского населения этого города. Чтобы облегчить свое собственное положение, Д'Аоста считал необходимым оставить итальянское население города под защитой британцев и, помимо этого, итальянское население Диредавы. В связи с этим герцог приказал очистить дороги для быстрого продвижения британцев и оставить после себя материальные ресурсы и персонал, необходимые для помощи британцам в заботе о местных итальянцах.

Британцы, вышедшие к реке Аваш, не знали о принятом герцогом решении, но получили сообщения о том, что отступающие итальянцы не отходят к Аддис-Абебе, а вместо этого смещаются к юго-западу в направлении провинции Негелли – в сторону от оси наступления британцев. Было принято решение не препятствовать итальянцам: куда важнее было как можно скорее достичь Аддис-Абебы и затем завершить приготовления к переброске сил в Египет, где командование остро нуждалось в подкреплениях. Прочие сообщения указывали на то, что гарнизон Аддис-Абебы покидает город и уходит на север.

Хотя намерения герцога - наместника итальянского короля - оставались неизвестными, генерал Каннингхэм организовал сброс с воздуха послания для находившегося в столице страны Д'Аоста. В подписанном генералом Уэйвеллом (командующий британскими силами на Ближнем Востоке, включая войска генерала Каннингэма) письме содержались опасения повторения эпизода, происшедшего в Диредаве, и просьба о сотрудничестве со стороны герцога в деле обеспечения безопасности женщин и детей. Д'Аоста ответил, что городская администрация столицы готова к сотрудничеству в любом виде и гарантирует оставление в городе припасов для немедленных нужд населения. Рано утром 5 апреля к британским позициям приблизился итальянский полицейский с посланием, призывавшим британцев немедленно вступить в Аддис-Абебу. Гарнизон города полностью покинул его, и, как и в Диредаве, эфиопы начинают терять рассудок. В особенной опасности находились женщины и дети. На следующее утро объединенный отряд, состоявший из подразделений всех трех бригад, участвовавших в преследовании итальянцев, вступил в Аддис-Абебу.

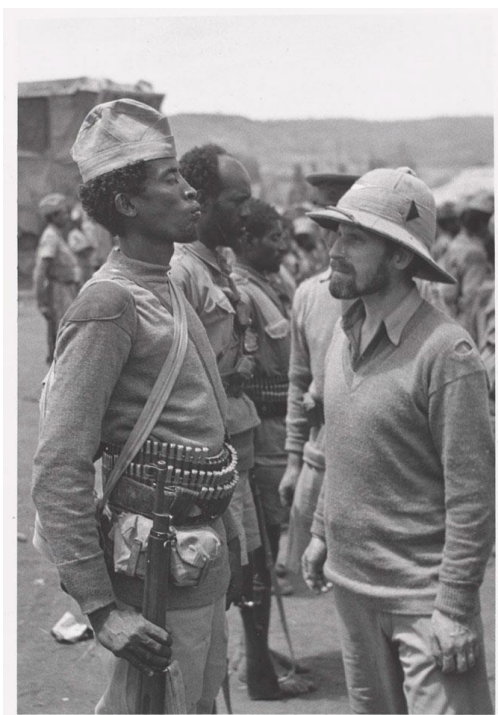

Аддис-Абеба, май 1941. Вооруженные эфиопы в ожидании оглашения декларации о возвращении императора Хайле Селассие в столицу

Через 8 недель после перехода через сомалийско-эфиопскую границу британцы прошли 1 700 миль по одной из самой негостеприимных для человека африканских территорий. Серьезных боестолкновений при этом не случилось, и британцы потеряли в небольших стычках всего 501 человека убитыми и ранеными: значительно большие потери они понесли от перегрева и истощения людей. Итальянцы бросили большую часть своего снаряжения и техники, многие сдались в плен, но собственно убитых и раненых среди них было сравнительно мало. Хотя Аддис-Абеба была взята, крупные силы итальянцев все еще находились в Восточной Африке. Это входило в намерения герцога Д'Аоста, но не объясняло провал итальянцев в обороне своих владений в Сомали, юго-восточной Эфиопии и ее столицы. Он отдавал приказы стоять насмерть в нескольких ключевых пунктах с превосходными природными условиями для обороны и укрепленными позициями, и ни разу его приказ не был выполнен. Более того, на этой стадии боев итальянские ВВС были вполне в состоянии сыграть важную роль в оборонительных усилиях, но этого ни разу не случилось. Какого-либо рационального объяснения этому не было...

Пока наступление сил генерала Каннингхэма на юге развивалось столь стремительно, на северо-западе Эфиопии шла совсем другая война, в которой принимал участие Император Хайле Селассие. Боевыми действиями британцев руководил генерал-майор Уильям Плэтт (William Platt), который дал командующему укомплектованными британцами, суданцами и эфиопами *Силами Специального Назначения/Special Operations Executive Force (SOE)* майору, позднее подполковнику [Орду Уингейту](#) (Orde Wingate) возможность продемонстрировать свои способности в полупартизанской войне.

Силы Уингейта состояли из 50 офицеров, 20 британских подофицеров, 800 суданцев и 800 эфиопских добровольцев, хотя время от времени их поддерживали (а иногда им же и противостояли) местные племена. Тем не менее, эти силы связали семь итальянских бригад и поддерживающие их многочисленные отряды эфиопов.

Орд Уингейт и его солдаты из 2-го Эфиопского Батальона

В 1940 году генерал Уэйвелл приказал изучить вопрос о возможности стимулирования восстания эфиопов против итальянцев в случае вступления Италии в войну. Полковник Сэнфорд (D. A. Sanford), который в прошлом жил в Эфиопии, получил назначение в штаб генерала Плэтта в Хартуме для проведения такого исследования. Ему удалось получить свидетельства тому, что на северо-западе этой страны зреют серьезные беспорядки, выливающиеся в открытое противостояние колониальным властям. Вследствие этого, когда Италия вступила в войну, британцы решили послать в этот район небольшую военную миссию для работы с местными племенами. Хайле Селассие был доставлен на самолете из Великобритании в Хартум через две недели после объявления Италией войны, и военная миссия, возглавляемая полковником Сэнфордом, получила задание подготовить в Эфиопии базу, где Император мог бы обосноваться.

Миссия полковника Сэнфорда пересекла суданско-эфиопскую границу через месяц после вступления Италии в войну. Эта группа, находясь в постоянной опасности, прошла почти 200 миль, проникла в высокогорный район к юго-востоку от озера Тана/Тапа и прислала просьбу своему командованию о присылке оружия, денег и многого другого для представителей дружественных [британцам] племен. Сэнфорд также сообщил, что присутствие [Хайле Селассие](#) в Эфиопии будет иметь важнейшее значение. Многие племена враждовали друг с другом, и только авторитет Императора мог заставить их забыть о противоречиях. Одним из результатов этого доклада Сэнфорда стало принятие решения о создании небольшого эфиопского отряда в качестве личной армии Хайле Селассие. В отряд должны были войти несколько специальных частей, которыми командовали бы британские офицеры и подофицеры. Майор Уингейт должен был возглавить его.

Батальон Сил Обороны Судана получил задание обеспечить снабжение выбранного Сэнфордом места расположения штаба Императора. Для него был найден изолированный участок в горах в районе горы Белайа/Belaya, расположенный на высоте 7 000 футов над уровнем моря в 70 милях вглубь территории Эфиопии и в 80 милях к юго-западу от озера Тана.

Император Хайле Селассие отправляется в путь

К концу января было решено, что база укреплена в достаточной степени для того, чтобы принять Императора, который немедленно тронулся в путь в сопровождении Уингейта и

его людей. Непростой переход занял две недели. По прибытии Хайле Селассие к месту назначения недавно повышенный в звании до бригадира Сэнфорд был назначен личным советником Императора, а ставший подполковником Уингейт занял его должность главы британской миссии, которую назвал *Gideon Force*. Вскоре было решено, что Селассие нуждается в менее удаленной базе, если необходимо добиться того, чтобы его влияние на событие стало действительно ощутимым. По этой причине Уингейт тронулся в путь со своими людьми на юго-восток в поиске подходящего места к югу от озера Тана. Итальянцы к этому времени были в курсе того, что происходит что-то важное, но их разведка сообщила о значительных британских силах, вступивших на территорию Эфиопии из Судана. Отряды местных племен, вооруженные и идеологически обработанные людьми Сэнфорда, приступили к партизанским действиям против итальянцев, которые решили провести реорганизацию своих сил и перегруппировку к югу от озера Тана. Они сконцентрировали две свои бригады в районе города Бахир Дар/Bahir Dar [Giorgis] на южном побережье озера Тана и еще две бригады в районе городка Буре/Bure в 100 км дальше на юго-юго-запад. Дорога между двумя пунктами дислокации была оставлена без прикрытия во избежание распыления сил. 19 февраля Уингейт со своими силами выдвинулся на высоты в район городка Дангила/Dangila (примерно на полпути между Бахир Даром и Буре), с которых хорошо просматривалась проходящая через городок дорога. Разделив свои силы, Уингейт послал один отряд преследовать итальянцев, отходящих к Бахир Дару, а сам с остальными силами двинулся в направлении Буре, чтобы завязать бой с отступающими к этому городку силами итальянцев.

На протяжении следующих двух недель силы Уингейта осуществили серию дневных и ночных атак, нанеся итальянцам ощутимые потери и внося сумятицу в ряды противника. В начале марта отход итальянцев почти превратился в бегство, когда одна из их бригад буквально откатилась к Бахир Дару, потеряв около 400 человек убитыми и ранеными и около 2 000 попавшими в плен. Итальянский гарнизон Буре был вынужден отступить к городку Дебра Маркос/Debra Markos, расположенный в 30 милях дальше к югу и соединился с более многочисленным местным гарнизоном.

Силы Уингейта также понесли тяжелые потери, особенно пострадали бойцы-эфиопы, но эта часть выполнена поставленные перед ней задачи, и 14 марта Император обосновался на новой базе в Буре. Тем не менее, почти сразу после этого наметилась кризисная ситуация. Враждебно настроенный по отношению к Императору влиятельный вождь одного из эфиопских племен по имени Рас Хайлу/Ras Hailu с несколькими тысячами своих воинов присоединился к итальянцам, дислоцированным в городе Дебра Маркос. Приободрившийся после этого командующий гарнизоном генерал-лейтенант Наси (Guglielmo Nasi), выяснивший, что данные его разведки не соответствуют действительности, приказал своим частям, дислоцированным в Дебра Маркосе, отбить Буре у противника, а двум бригадам, находившимся в районе Бахир Дара, вырваться из изоляции и отрезать Императору путь к возможному бегству. Судьба Хайле Селассие повисла на волоске, но Уингейт принял смелое решение не пытаться эвакуировать его в безопасное место, а отразить атаки противника и защитить Императора.

Основная тяжесть последовавших за этим боев легла на батальон суданцев, которым командовал подполковник Бустед (Bousted). Суданцы атаковали пытавшегося наступать со стороны Дебра Маркоса противника по ночам в течение 10 дней и вели бои на высоте, которая была для них довольно непривычной. Эфиопы Рас Хайлу, неподготовленные к ночным боям и не имевшие понятия о какой-либо дисциплине, решили, что эта война не для них, и бросили итальянцев. 4 апреля противник вышел из боя и оставил Дебра Маркос. Через два дня Аддис-Абеба была занята войсками генерала Каннингхэма, и Хайле Селассие переместился в Дебра Маркос.

Генерал Плэтт немедленно дал силам Уингейта новое задание. Британцы заподозрили, что герцог Д'Аоста, отступая на север от Адис-Абебы, попытается собрать все разбросанные по региону силы итальянцев для того, чтобы дать противнику последний бой где-нибудь в горах. Уингейт получил приказ не дать итальянцам, дислоцированным близ озера Тана, соединиться с войсками герцога. В связи с этим Уингейт вновь разделил *Gideon Force* на несколько отрядов, готовых проводить операции на большом удалении

друг от друга. Например, дорога, проходившая к востоку от озера Тана, была перерезана одним из этих отрядов. Дислоцированные в районе Бахир Дара силы итальянцев оказались под постоянными ударами другого отряда и были вынуждены отступить на север вдоль восточного берега озера. Еще один отряд Уингейта атаковал итальянский батальон в 60 милях к юго-востоку от озера Тана и вынудил его сложить оружие. Тем временем суданские бойцы очистили дорогу, ведущую к Аддис-Абебе, и дали Императору возможность войти в столицу страны под своим эскортом в начале мая...

Часть итальянского гарнизона, оставившего Дебра Маркос, не имела возможности отступить на юг в направлении Аддис-Абебы, уже находившейся в руках британцев. Эти силы численностью примерно в бригаду начали марш на восток через горы. Небольшой отряд суданцев и эфиопов из состава *Gideon Force* приступил к преследованию этой бригады. Африканцы шли по пятам за противником и переправились за ним через Голубой Нил. Им стало остро не хватать провианта, пришлось сильно урезать расход боеприпасов, их одежда превратилась в тряпье, но люди продолжали наступать на пятки итальянцам и вступать с ними в перестрелки. Итальянцы также страдали от нехватки всего и от сильных холодов, типичных для высокогорья. Они сумели дойти до пункта Аддис Дерра/Addis Derra – небольшого горного форта в 90 милях к востоку от Дебра Маркоса, расположенного на высоте более 10 000 футов. Там они продержались до середины мая, после чего нехватка провианта вынудила их тронуться дальше.

Тем временем Уингейт принял на себя командование одним отрядом и заручился поддержкой местного племени эфиопов. С их помощью он сумел обойти отступающего противника и заблокировать ему отход. Бой с бригадой итальянцев продолжался три дня. Людям Уингейта пришлось отразить одну сильную контратаку итальянцев, но на четвертый день британец проинформировал командира итальянцев полковника Маравентано (Maraventano) о том, что его отряд нужен в другом месте, и, если итальянцы не капитулируют в ускоренном порядке, они будут оставлены на милость большого числа эфиопов, собирающегося на участке боев. Это был блеф, но полковник Маравентано знал, что ждет его и его людей в руках эфиопов, и сложил оружие вместе с 8 100 солдатами и офицерами. Это был последний бой, проведенный в Эфиопии силами Уингейта. Всего они в течение трех месяцев захватили в плен 15 600 итальянцев вместе с большим количеством оружия и снаряжения.

Однако война на северо-западе Эфиопии еще не окончилась, и некоторые подразделения, ранее служившие в силах Уингейта, примут участие в боях к северу от озера Тана на последней стадии Восточно-Африканской кампании...

Ограниченные цели

Британское наступление в Эритрее, в ходе которого имели место наиболее ожесточенные бои всей Восточно-Африканской кампании и итальянцы оказали наиболее ожесточенное сопротивление, напомнило другие наступательные операции: вначале оно имело ограниченные цели. Пока Кассала/Kassala – столица одноименной провинции Судана – находилась под контролем итальянцев, с точки зрения британцев, сохранялась опасность продвижения противника в Судан. Генерал Уэйвелл, в этой связи, был вынужден усилить суданскую группировку генерала Плэтта за счет британских сил, действующих на Ближнем Востоке.

В Эритрее находились многочисленные и активные силы итальянцев, которыми командовал генерал Фрусци (Frusci). В самой Кассале, ее окрестностях и вдоль границы были дислоцированы 17 000 солдат и офицеров. Эти войска были хорошо вооружены и располагали артиллерией и легкими танками. В глубине контролируемой итальянцами территории генерал Фрусци имел еще три дивизии и три отдельные бригады, кроме того, он мог получить подкрепления из северной Эфиопии. Таким образом, британскому командованию представлялось важным отбить Кассалу и лишить противника плацдарма для вторжения в Судан. Однако генерал Фрусци не помышлял о наступлении. Герцог Д'Аоста, снова введенный в заблуждение своей разведкой, которая существенно преувеличивала численность британских войск в Судане, сам ожидал британского

вторжения в Эритрею. Так, по чистому совпадению, когда генерал Плэтт готовился к атаке на Кассалу, герцог приказал оставить этот город и другие приграничные позиции и отойти на более удобные в глубине Эритреи. Наступление генерал Плэтта должно было начаться 19 января. Отход итальянцев на линию, расположенную примерно на намеченном британцами рубеже продвижения, начался 18 января. Так британцам достался в виде подарка рубеж, за выход к которому они готовились заплатить дорожную цену...

4-я Индийская Дивизия [командир – генерал-майор Бересфорд-Пирс (Beresford-Peirse)] и 5-я Индийская Дивизия [командир – генерал-майор Хит (Heath)] получили приказ следовать за отступающим противником. Первый контакт с итальянцами имел место в районе небольшого городка Керу в 60 милях к востоку от Кассалы и в 40 милях от границы вглубь страны. Здесь итальянская бригада намеревалась дать арьергардный бой, но городок был обойден британцами с флангов и окружен, и после попытки прорыва ее командир с 900 солдат и офицеров сдался в плен.

В 45 милях к юго-востоку от Керу находился город Баренту/Barentu, в 70 милях к востоку – Агордат/Agordat. Это были города среднего размера, защищенные природными препятствиями, каждый из которых удерживала дивизия противника. Индийцы, наступавшие по двум направлениям, вышли к этим городам почти одновременно. К Агордату, находившемуся восточнее Баренту, 4-я Дивизия приблизилась несколько раньше, через 9 дней после начала наступления. После ожесточенного боя в горах, с применением танков *Матильда I*/Matilda I, генерал Бересфорд-Пирс сумел обойти город с фланга и перерезал идущую от него на восток дорогу. Однако большая часть итальянцев сумела вырваться из окружения, бросив большое количество снаряжения и техники, включая артиллерию и танки. В районе Баренту, к которому вышла 5-я Дивизия, отбрасывая противника, ведущего арьергардные бои, итальянцы также оказывали упорное сопротивление, но только до того момента, когда до них дошли новости о падении Агордата, в результате которого их путь к отступлению на восток также был перерезан. В ночном бою они порвались на юго-восток, уйдя в горы, и преследовавшие их части потеряли контакт с ними.

Генерал Уэйвелл приказал генералу Плэтту продолжать наступление в направлении городов Керен/Keren и Асмара/Asmara – столицы Эритреи, поскольку неожиданно для самих британцев оказалось, что есть вероятность захвата Эритреи с устранением угрозы, которую представляла из себя военно-морская база итальянцев в Массаве/Massawa. Однако Асмара находилась в 108 милях к востоку и почти точно на полпути лежал Керен – мощная природная крепость и ворота к Асмаре и Массаве. Последние 2 ½ мили на подходе к Керену ведущая к нему дорога шла по глубокому узкому ущелью, прорезающему стоящий стеной хребет с одиннадцатью вершинами, поднимающимися до 2 000 футов над дном долины. На каждой из этих вершин итальянцами были построены укрепления, господствующие над местностью. Дорожное полотно в ущелье было разрушено взрывами и завалено скальными обломками. Из цепи вершин, занимавших площадь в 5 ½ квадратных миль, семь находилось слева от ущелья и дороги: гряда Камерон/Cameron Ridge, Сэнчилл/Sanchill, пик Бригз/Brigs Peak, Хогз Бэк/Hog's Back, Сэддл/Saddle, Флэт Топ/Flat Top и Саманна/Samanna. Справа от ущелья находились следующие вершины: Дологородок/Dologorodoc (с фортом на ней), Фалесто/Falestoh, Зебан/Zeban и Залале/Zalale. Между Фалесто и Залале находился подъем в направлении невысокой гряды через проход под названием Аква Кол/Aqua Col.

Одна из итальянских дивизий, усиленная тремя ударными батальонами 11-го Гренадерского Полка дивизии *Savoia*, занимала оборонительные позиции на вершинах, и на помощь к ним спешно перебрасывались еще две бригады. Четыре бригады были в резерве. Атака на любую из вершин подразумевала сначала медленное приближение к ним в пешем строю по открытой местности, а затем восхождение на крутые скалистые склоны – все это на виду у противника. Атака на укрепленные позиции могла быть начата только после преодоления верхних бровок склонов ущелья. Других вариантов у наступающих просто не было...

Первая попытка прорваться через ущелье была предпринята 4-й Индийской Дивизией. Рано утром 3 февраля 11-я Индийская Пехотная Бригада пошла на штурм вершин Сэнчилл, Бригз Пик и гряды Камерон – ближайших к слева от входа в ущелье. Бой продолжался четыре дня под сильным артогнем с обеих сторон. Индийцы взяли все три вершины, но были сбиты с вершин Сэнчилл и Бригз Пик решительными контратаками противника. Итальянцы дрались с ожесточением, которое редко приходилось наблюдать на протяжении всей Восточно-Африканской кампании. Здесь ими командовал генерал Карнимео (Carnimeo).

7 февраля 5-я Индийская Пехотная Бригада пошла в ночную атаку в направлении прохода Аква Кол. Подход к нему шел через сильно расчлененную местность, и практически все вооружение и снаряжение солдатам приходилось нести на себе на протяжении двух миль. Несмотря на это и сильный огонь итальянцев верхняя точка прохода была взята, но и здесь ее не удалось удержать под сильными контратаками противника. На восьмой день – 10 февраля – генерал Бересфорд-Пирс организовал атаку по широкому фронту, и слева, и справа от ущелья одновременно. 1-я Индийская бригада снова захватила Бригз Пик, и снова была сбита с этой вершины. Эта последовательность событий повторилась снова: индийцы заняли большую часть гряды, сражались героически – здесь один из бойцов, *субедар* Ричпал Рам Ламба (Richhpal Ram Lamba), был посмертно представлен к *Кресту Виктории* — и снова были вынуждены отступить...

Необходимая пауза

Потери британцев быстро росли, они больше не могли поддерживать необходимый уровень давления на противника, более того, им была нужна пауза для того, чтобы подбросить к передовой нужные припасы и подкрепления. Чтобы отвлечь на себя внимание итальянцев и, по возможности, часть их сил, 7-я Индийская Бригадная Группа, которая какое-то время оставалась в приграничном суданском городе Карора/Karora, расположенном на побережье Красного моря прямо у границы с Эритреей, получила приказ атаковать в южном направлении. В бригаду входили один британский и один индийский батальоны и бригада [Свободной Франции](#).

Солдаты Свободной Франции под Кереном с пулеметом времен ПМВ Hotchkiss M1914

Затишье в боях продолжалось до середины марта. Теперь 4-я Индийская Дивизия должна была атаковать слева от дороги, а 5-й предстояло взять штурмом Дологородок справа, а затем атаковать Фалесто и Зебан. Тем временем 7-я Бригадная Группа, теперь находившаяся всего в 14 милях к северу от Керена, должна была отвлечь на себя максимально возможное количество итальянцев. Утром 15 марта, после интенсивной артподготовки и бомбардировки итальянских позиций с воздуха 11-я Индийская Пехотная Бригада 4-й Дивизии, усиленная двумя батальонами, пошла в атаку на вершины Сэнчилл, Бригз Пик, Хогз Бэк и Флэт Топ, тогда как 5-я Бригада атаковала вершину Саманна. Все

вершины были взяты, но итальянцы контратаками сбили индийцев с вершин Сэнчилл, Бригз Пик и Саманна. На правом фланге, пока итальянцы были сфокусированы на обороне левого фланга, 9-я Индийская Пехотная Бригада 5-й Дивизии начала продвижение в направлении вершины Дологородок и быстро попала под интенсивный перекрестный огонь. Прогресс был незначительным, и остаток дня бригада была прижата к земле огнем с противоположного борта ущелья, в основном, с вершины Сэнчилл.

Бой по обе стороны ущелья продолжался и после наступления темноты без дальнейшего продвижения на левом фланге, но справа 9-я Бригада, наконец, сумела взойти на Дологородок и закрепиться на небольшом плацдарме. На рассвете индийцы пошли на штурм форта, взяли его и сумели удержать после нескольких контратак итальянцев. Бой продолжался весь день 16 марта без какого-либо дальнейшего продвижения атакующих. Ночью командование британцев бросило последние резервы в атаку на Сэнчилл и Бригз Пик, но итальянцы не дрогнули, и отразили ее. Одновременно с этим справа от ущелья 29-я Пехотная Бригада, переброшенная на Дологородок в дневное время, была брошена в атаку на Фалесто и Зебан, но была уже вскоре прижата на открытой местности к земле огнем обороняющихся. Только на следующий день, после наступления темноты, эта бригада сумела отступить.

Индийцы в бою на подступах к городу Керен

17 марта британские инженеры сумели подползти к завалу на дороге. Они доложили, что его можно будет расчистить в течение 48 часов, если им дадут соответствующее прикрытие. Эта задача, которая подразумевала захват удобных позиций для прикрытия на прилегающих возвышенных участках, была поставлена перед 5-й Индийской Дивизией. Однако за этим последовали пять дней решительных контратак итальянцев, повлекших тяжелые потери для обеих сторон, настолько тяжелые, что как генерал Плэтт, так и генерал Фрусци, начали сомневаться в способности своих войск продолжать бои еще сколь-нибудь долго. 20 марта численность итальянцев уменьшилась до одной трети от первоначального состава...

25 марта части 5-й Индийской Дивизии двинулись вперед к завалу на дороге, слева от них наступала 9-я Бригада, 10-я – справа. Индийцы попали под интенсивный огонь артиллерии, минометов и пулеметов, но, наконец-то, итальянцы дрогнули, и обеим бригадам на флангах удалось занять позиции, дающие возможность прикрыть расчистку завалов на дороге. Инженеры пробили просвет в завале к вечеру следующего дня, и утром 27 марта танковый Эскадрон 1 (4-й Королевский Танковый Полк) и 50 бронетранспортеров с установленными на них пулеметами *Брен* начали продвижение от завала к Керену, рассекая линию обороны итальянцев. Генерал Фрусци понял, что наступил критический момент сражения, и дальнейшее удержание позиций стало невозможным. Он отдал приказ на немедленный отход, который был осуществлен с большим мастерством: только защитники вершины Сэнчилл не сумели отступить. Итальянцы оставили Керен, и в то же

утро британские танки вошли в город. Сражение за Керен продолжалось 8 недель. Британцы потеряли 536 человек убитыми и 3 229 ранеными, итальянцы только убитыми потеряли более 3 000 человек...

Генерал Фрусци отвел свои войска на юг в направлении эфиопской границы, а 1 апреля, за 5 дней до падения Аддис-Абебы, пала Асмара безо всякого сопротивления. Теперь целью британцев стала Массавы – военно-морская база в 56 милях к северо-востоку. Контр-адмиралу Бонетти/Bonetti, командующему военно-морскими силами итальянцев в Восточной Африке, было направлено послание с предложением сдаться вместе с пятью эсминцами, находившимися на базе, но он ответил, что Массавы будет обороняться. Однако эсминцы торопливо покинули гавань 2 апреля и ушли в направлении Порт-Судана на север. Корабли были замечены британцами с воздуха, и четверо из них были потоплены ударами с воздуха. Пятый эсминец был затоплен командой.

Тем временем 7-я и 10-я индийские пехотные бригады и бригада *Свободной Франции* прошли марш-броском от Асмары в направлении Массавы по труднопроходимой извилистой дороге, спускающейся по уступу в рельефе высотой около 8 000 футов.

Адмирал Бонетти отклонил еще одно предложение о сдаче, и 8 апреля все три бригады одновременно атаковали позиции итальянцев вокруг Массавы. Пользуясь плотной поддержкой авиации, они прорвали оборонительный периметр во многих местах, и ближе к вечеру адмирал Бонетти капитулировал со своим гарнизоном численностью 9 600 человек. Кроме того, союзники захватили 127 орудий. С падением Массавы окончилась кампания в Эритрее. Угроза от итальянцев, в том числе, и коммуникациям в Красном море, была устранена, и, теоретически, британское командование могло бы быстро перебросить силы из Восточной Африки в Египет, но морских транспортных средств отчаянно не хватало, и британцам пришлось использовать сухопутные пути.

Несмотря на достигнутые британцами успехи итальянцы по-прежнему блокировали им перемещение по Эфиопии, и стало необходимым зачистить дорогу между Аддис-Абейой и Асмарой. Командование смогло перебросить в Египет часть находившихся в Эритрее войск, включая 4-ю Индийскую Дивизию, но остальные, в основном, подразделения 5-й Индийской Дивизии, получили приказ об отправке в Эфиопию.

Последние войны герцога Д'Аоста

То, что планировалось как ограниченная по масштабам операция по зачистке дороги между Аддис-Абейой и Асмарой, вылилось в сражение, которое увенчалось сдачей в плен самого герцога и существенной части его армии. Это сражение будет проходить в горах, достигающих в высоту 10 -12 000 футов, в одном из самых живописных уголков Африки, где солдатам и офицерам приходилось страдать от сильных холодов и проливных дождей.

Армия герцога теперь была разделена на две части. На северо-западе, с центром в Гондаре/Gondar, находилась группировка генерала Наси, на юге и юго-западе – группировка генерала Гаццеры (Gazzera). Оба генерала получили приказ сражаться независимо друг от друга. Сам герцог оставался с остальными войсками, отступившими на север от Аддис-Абебы и на юг из Эритреи, командовал ими генерал Фрусци.

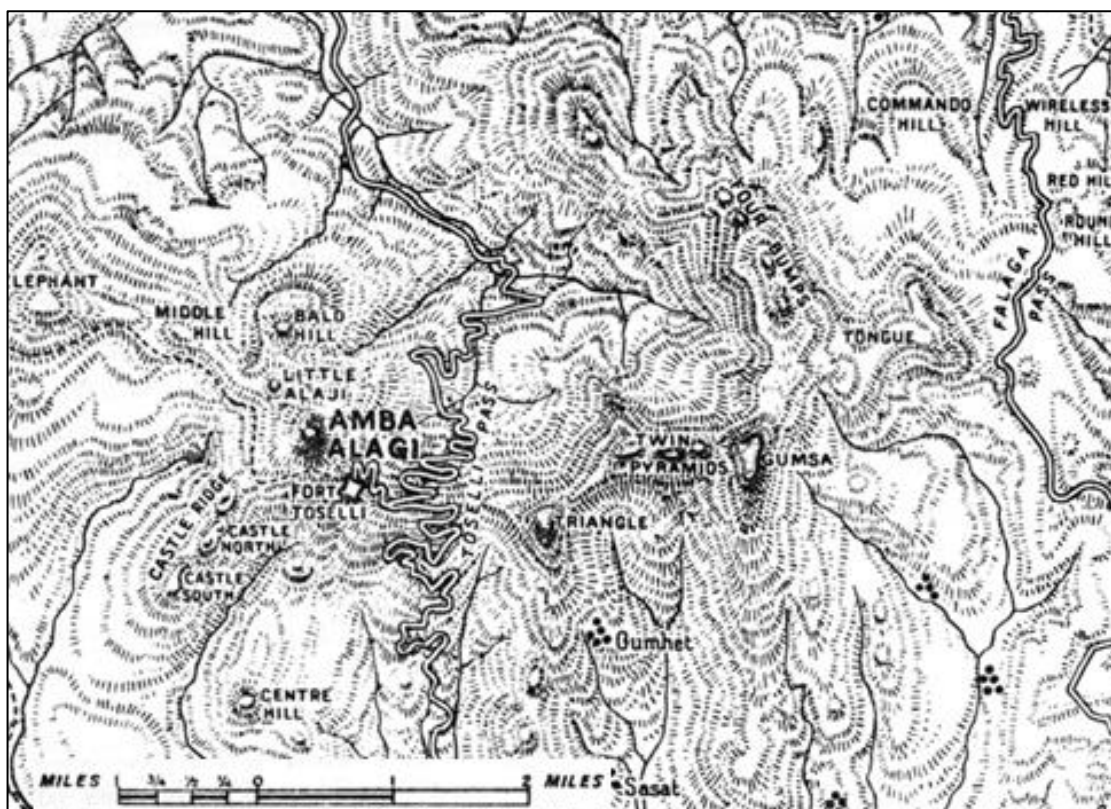
Генерал Уэйвелл приказал уделить максимум внимания зачистке дороги, по которой отступал герцог со своими войсками. Генерал Плэтт, на которого была возложена эта зачистка, имел в своем распоряжении 5-ю Индийскую Дивизию, переброшенную из Эритреи [теперь ей командовал генерал-майор Мэйн (A. J. G. Maune)], тогда как генерал Хит получил под свое командование корпус в Малайе], 1-ю Южно-Африканскую Бригадную Группу (одоленную южной группировкой сил генерал Каннингхэма), и смешанные британско-эфиопские части, ранее входившие в *Gideon Force*.

Южноафриканцы, оставившие Аддис-Абебу 13 апреля, беспрепятственно прошли через расположенный в 120 милях к северу перевал, носивший имя Муссолини и находившийся на высоте 11 000 футов. Затрудняли продвижение только многочисленные взорванные участки дороги. За перевалом южноафриканцы спустились по крутому уступу в рельефе в

Великую Рифтовую Долину. Первый раз они столкнулись с противником, поднимаясь вверх к Дессе/Dessie – городку, расположенному в 250 милях к северу от Аддис-Абебы. В районе города Комболча/Kombolcha, в горном массиве, расположенном в стороне от дороги в нескольких милях южнее Комболчи, итальянцы построили сильные оборонительные укрепления, и бригадир Дан Пиенаар (Dan Pienaar) решил, что фронтальная атака этих позиций обойдется слишком дорого, а результат ее совсем неочевиден. Он завязал контрбатарейную борьбу против итальянцев силами своей полевой артиллерии и орудий среднего калибра и под прикрытием этого огня приказал своим пехотинцам взойти на цепь высот, находившихся слева от бригады и достигающих отметок 6 000 футов. Итальянцы немедленно попытались помешать этому маневру, атаковав небольшими силами, но южноафриканцы отразили эти наскоки, нанесли итальянцам ощутимые потери и взяли много пленных – в основном, дезертиров.

Восхождение на намеченные Пиенааром вершины заняло три дня. С них 22 апреля южноафриканцы вместе с присоединившимися к ним эфиопскими партизанами атаковали в двух пунктах вражеские позиции. Артиллерия южноафриканцев вела исключительно точный огонь и оказала атакующим превосходную поддержку, которая совершенно деморализовала итальянцев – они, преимущественно, сдались без боя. Южноафриканцы захватили около 8 000 пленных и большое количество вооружения, транспортных средств и различных материалов. Атакующие потеряли 9 человек убитыми и 30 ранеными. Остальные итальянские части стремительно отступали. Дессе был занят южноафриканцами без боя, их задерживали только разрушения и завалы по дороге. За Дессе дорога на север снова спускалась в Великую Рифтовую Долину, после чего шла вдоль нее почти 120 миль. Далее она вновь резко забиралась в горы и шла через горный массив на протяжении 50 миль. На полпути через этот массив дорога проходила через перевал Амба Алаги, находившийся на высоте 10 000 футов.

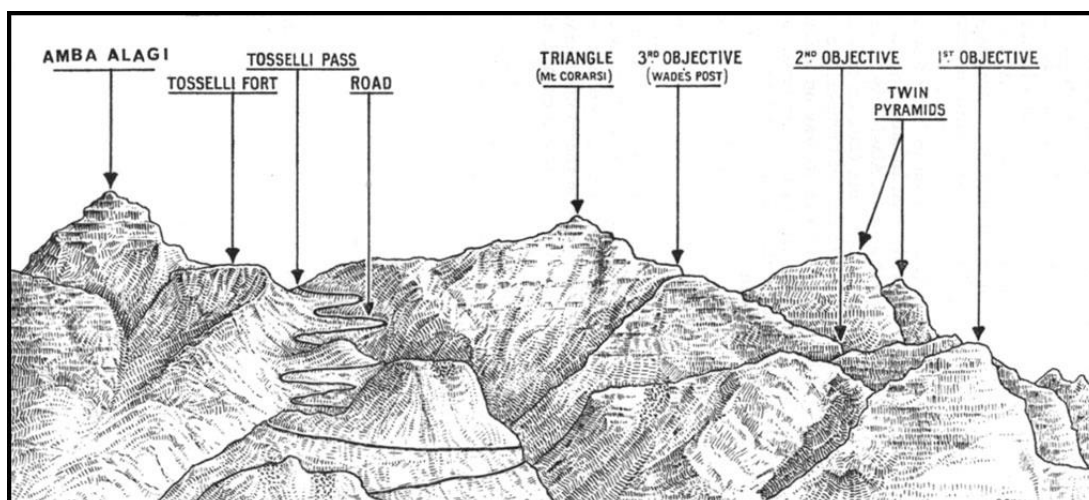
Над перевалом господствовали девять горных пиков высотой до 12 000 футов, представлявших из себя природный редут с множеством пещер, разбросанных по участку площадью около 12 квадратных миль. Британцы дали этим пикам следующие названия: западнее перевала – Пирамида/Pyramide (10 800 футов), Уэйлбэк/Waleback (10 900 футов), Элефант/Elephant (11 200 футов), Миддл Хилл/Middle Hill (11 500 футов) и Амба Алаги (11 200 футов), от которой получил название сам перевал. На высоте непосредственно рядом с перевалом находился форт Тоселли/Fort Toselli. К юго-западу от перевала находилась гряда Касл/Castle Ridge (10 600 футов), к востоку – Трайэнгл/Triangle (10 800 футов). Далее, вдоль гряды, протягивающейся дальше на север, находилась вершины Твин Пирамидс/Twin Pyramids (11 300 футов) и Гумса/Gumsa (11 500 футов). К востоку от Гумсы находился перевал Фалаги/Falagi Pass (7 миль от Амба Алаги), через который шла тропа, ответвляющаяся от дороги несколькими милями севернее.

Орографическая карта района Амба Алаги

В районе перевала Амба Алаги герцог Д'Аоста обосновался со своим штабом, готовясь дать британцам последний бой. Каждый из вышеперечисленных пиков был хорошо укреплен, склоны были защищены проволочными заграждениями и усеяны огневыми точками. На укрепленных позициях находились 7 000 солдат и офицеров и 40 пушек. Провианта и боеприпасов должно было хватить на три месяца.

Пока продолжалось продвижение южноафриканцев с юга на север, 5-я Индийская Дивизия выделила часть сил для исполнения административных обязанностей и несения гарнизонной службы. В сопровождении большого отряда эфиопов, которыми командовал подполковник Рэнкинг (Ranking) из Сил Оборона Судана, остальная часть дивизии начала марш на юг из Эритреи, подойдя к перевалу Амба Алаги 29 апреля.

Панорама горного рельефа района Амба Алаги с рядом важных вершин

Генерал Мэйн отправил небольшой сводный отряд под командованием подполковника Флетчера (Fletcher) из Полка Легкой Пехоты Горцев/Highland Light Infantry по тропе, проходящей через перевал Фалаги, чтобы отвлечь внимание итальянцев и затем атаковать

позиции итальянцев с запада. 3 мая атака началась под сильным дождем. Отряд Флетчера приблизился к перевалу Фалаги, но не сумел преодолеть оборону противника и был отброшен. Атака силами батальона на центр оборонительной линии итальянцев в трех милях к западу также захлебнулась. Однако уже на следующий день 29-я Индийская Пехотная Бригада при поддержке артиллерии пошла на штурм трех самых западных вершин – Пирамиды, Уэйлбэка и Элефанта - после марша длиной в 4 мили по сильно расчлененной труднопроходимой местности. Все три вершины были взяты!

Раной утром следующего дня, 5 мая, в стремительной атаке со стороны вершины Элефант, при поддержке артиллерии, британцы взяли вершину Миддл Хилл, но на этом их продвижение вперед было остановлено: передовые части (1-го Уорсестерширского Полка) попали под сильный и точный пулеметный огонь. Генерал Мэйн, в этой связи, спешно сформировал бригадную боевую группу, подчиненную штабу 9-й Индийской Пехотной Бригады, чтобы помочь подполковнику Флетчеру возобновить атаку на перевал Фалаги.

Индийцы из 29-й Пехотной Бригады в атаке на одну из вершин Амба Алаги

29-я Индийская Пехотная Бригада после ночного марша под проливным дождем, тем временем, двинулась на юг вдоль западного фланга сектора боев и заняла две не обороняемые противником вершины на юго-западных подходах к Амба Алаги. Этот маневр привел к сходу с толку итальянцев, и подполковник Флетчер, пока противник был в замешательстве, атаковал перевал Фалаги и добился успеха. На острие атаки находился 3-й Батальон 12-го Приграничного Полка/12th Frontier Force Regiment. Силы Флетчера также смогли повернуть на запад, находясь на перевале, и взять вершину Гумса, расположенную в 2 ½ милях по направлению к Амба Алаги. Однако после взятия Гумсы отряд остановился: перед ним были исключительно труднопроходимая местность и сильные оборонительные позиции итальянцев. В этот момент бригадная группа южноафриканцев, сопровождаемая двумя отрядами эфиопов, подошла со стороны Десси после долгого марша. Эфиопы незамедлительно и самоотверженно атаковали вершину Твин Пирамидс и, проявив настоящий героизм, сбросили с нее итальянцев. С захваченными пленными эфиопы обращались крайне жестоко, что укрепило решимость защитников соседней вершины – Трайэнгл – сражаться до последнего человека, и, когда эфиопы атаковали ее, они были отброшены после едва ли не самого ожесточенного боя за весь период сражения. На следующий день, 14 мая, южноафриканцы атаковали вершину Трайэнгл. Итальянцы стойко держались весь день, но с наступлением темноты начали отступать к Амба Алаги. Южноафриканцы приступили к преследованию и вышли к Форту Тоселли, который находился всего в одной миле от Амба Алаги. Со стороны этого форта перевал Амба Алаги не имел укреплений, и, после его занятия, южноафриканцы рассчитывали ударить по незащищенному флангу сил герцога Д'Аоста.

Герцог и генерал Фрусци понимали, как сильно ослабил их позиции захват вершины Трайэнгл и каковы дальнейшие намерения южноафриканцев. Кроме того, боевой дух

итальянцев сильно укрепился после того, как до них дошли сведения о крайне жестоком обращении эфиопов с пленными. Итальянское командование осознавало, что их войска теперь будут использовать любую возможность сдаться регулярным частям противостоящих им многонациональных сил, от которых можно было ожидать сдержанного обращения. Так или иначе, герцог принял решение воспользоваться присутствием в секторе боев южноафриканцев и обсудить с ними условия капитуляции.

В ходе обсуждения итальянцам была предложена сдача в плен со всеми воинскими почестями, и 19 мая герцог и 5 000 оставшихся с ним солдат и офицеров покинули свои позиции, чтобы сложить оружие. Сражение за Амба Алаги продолжалось две недели. Последняя капитулировавшая группа довела общую численность пленных, захваченных в продолжавшейся 3 ½ месяца кампании до 230 000 человек. На юго-западе и на северо-западе страны все еще оставались 80 000 активных штыков генерала Гаццеры и генерала Наси, но большая часть войск *Содружества* теперь спешно перебрасывалась на Ближний Восток...

Последние бои

Последняя стадия кампании в Восточной Африке состояла из боев на двух направлениях. Сначала войска генерал Каннингхэма атаковали силы генерала Гаццеры в провинции Галла-Сидамо/Galla Sidamo к юго-востоку от Аддис-Абебы. Только после завершения боев между этими группировками генерал Плэтт начал свое наступление против сил генерала Наси, дислоцированных к северу от озера Тана. Британское командование снова посчитало, что британских сил в Эфиопии недостаточно для решающего наступления, в связи с чем оно намеревалось просто изолировать силы итальянцев в отдаленных районах страны.

Почти в 200 милях к юго-западу от Аддис-Абебы, в районе города Джимма/Jimma, генерал Гаццера располагал 40 000 активных штыков, удовлетворительными запасами различных материалов и более чем 200 орудиями. На северо-западе, в районе города Гондар, генерал Наси имел в своем подчинении также около 40 000 человек и около 80 орудий, его силы были разбросаны по множеству укрепленных пунктов в горах. Его положение с боеприпасами и продовольствием было значительно более напряженным.

Предыдущие бои Восточно-Африканской кампании затухали, когда начинались сезоны дождей и передвижение по дорогам становилось невозможным. Распутица должна была стать главной проблемой для генерала Каннингхэма, поскольку он должен был изолировать семь неполноценных дивизий генерала Гаццеры в практически лишенной дорог местности, значительно большей по площади, чем Великобритания. Итальянцы, со своей стороны, получили приказ удерживать любыми средствами Итальянскую Восточную Африку, как существующую хотя бы формально.

Для решения поставленной перед ним задачи генерал Каннингхэм имел в своем распоряжении четыре бригады: 22-ю Восточно-Африканскую с двумя [временно подчиненными ему] южноафриканскими батальонами в составе 11-й Африканской Дивизии, которой командовал генерал-майор Везеролл, и еще две бригады: 21-ю Восточно-Африканскую 24-ю Бригаду Золотого Берега/24th Gold Coast Brigade в составе 12-й Африканской Дивизии под командованием генерал-майора Годвина-Остена (Alfred Godwin-Austen). 11-я Дивизия была дислоцирована в районе Аддис-Абебы. Одна бригада 12-й Дивизии находилась в Негелли, почти в 400 милях к югу от столицы, куда она была переброшена из Сомали, другая – в Йабалло/Yaballo, еще на 150 миль дальше на юго-запад, на дороге, ведущей на север от Меги.

В конце апреля 11-я Африканская Дивизия начала марш на юг, с трудом преодолевая раскисшие дороги под проливными дождями, в направлении города Шашаманна/Shashamanna, где, примерно на полпути от Аддис-Абебы до Негелли, была дислоцирована итальянская дивизия. Тем временем 12-я Дивизия получила приказ наступать на север со своих позиций в районе Йабалло и Негелли, также в направлении Шашаманны. Начавшийся марш был трудным – машины вязли в грязи через каждые несколько ярдов... Обе бригады, наступая, преуспели в нескольких небольших

бое столкновениях с противником. После занятия Шашаманны британцы получили сообщения о том, что итальянцы проводят перегруппировку близ города Судду/Suddu в 70 милях к юго-западу от Шашаманны. В связи с этим генерал Каннингхэм приказал 11-й Африканской Дивизии наступать на запад в направлении Содду и на северо-запад в направлении Джиммы. 12-я Дивизия, почти полностью застрявшая на месте в условиях распутицы, должна была по возможности находиться в тылу 11-й и высвободить для нее дополнительные силы.

Непогода оставалась основным препятствием для 11-й Дивизии, однако 22-я Бригадная Группа успешно справилась с противником в районе городка Колито, находившегося на пути к Джимме в 45 милях к западу от Шашаманны. В ожесточенном бою за этот город, за проявленный при отражении атаки итальянских танков, был посмертно награжден *Крестом Виктории* Найджел Грэй Лики (Nigel Gray Leakey), уроженец Кении, штаб-сержант 1-го Батальона 6-го Полка Африканских Стрелков Короля/King's African Rifles. Затем британцы взяли Содду, в которой был захвачен в плен контингент штабов двух итальянских дивизий.

В результате этих боев разбросанные итальянские части оказались к востоку от британцев, а весь итальянский «фронт» - в беспорядочном состоянии. К этому добавилось большое количество итальянских гражданских лиц – беженцев из Сомали и с юго-запада Эфиопии. В этой связи генерал Гаццера приказал своим войскам отступить на западный берег вышедшей из берегов в период половодья реки Омо, по возможности избегая хаоса и увозя с собой беженцев. Ранее генерал планировал встретить противника на этой реке и дать ему бой, но дожди и половодье исключили такую возможность. Преследование противника для 11-й Дивизии, в основном, было занято не бое столкновениями, а вытаскиванием из грязи и спасением застрявших на дорогах итальянцев, обремененных большим числом беженцев. На этой стадии наступления в плен сдались еще 18 000 солдат и офицеров противника.

Длительное напряжение измотало войска генерала Каннингхэма, и он был вынужден подчинить 11-й Дивизии 23-ю Нигерийскую Бригаду, до этого задействованную на транспортировке грузов. Эта бригада начала марш по дороге, идущей от Аддис-Абебы до Джиммы, чтобы переправиться через реку Омо в районе города Абальти/Abalti. Одновременно с 23-й Бригадой 22-я Восточно-Африканская Бригада должна была переправиться через Омо в районе города Сциоло/Sciolo. Обе бригады успешно справились с поставленными задачами, но только после упорных боев, в частности, в районе Сциоло, где было захвачено около 4 000 пленных. После этого 23-я Бригада была немедленно получила приказ наступать на север по одной из нескольких проходимых дорог в направлении города Некемте/Nekemte (*в прошлом – Lechemte - ВК*), где, как докладывалось, были сконцентрированы две итальянские дивизии. 22-я Бригада должна была одновременно продвигаться в направлении Джиммы, где, в 60 милях к западу, находился штаб генерала Гаццеры.

Тем временем вдохновленные успехами британцев эфиопы, живущие в Джимме и ее окрестностях, начали формировать партизанские отряды. Под защитой генерала Гаццеры в этих местах находились несколько тысяч итальянских гражданских лиц, включая женщин и детей, и он намеревался защитить их любой ценой. В итоге Гаццера отправил генералу Каннингхэму послание, разъясняющее опасность сложившейся ситуации и включавшее призыв поскорее занять Джимму. 22-я Восточно-Африканская Бригада с максимальной поспешностью устремилась к городу и заняла его 21 июня, приняв капитуляцию всего гарнизона. Сам генерал Гаццера покинул Джимму, оставив в городе и его окрестностях около 15 000 солдат и офицеров, которые стали военнопленными. Едва передохнув, 22-я Бригада продолжила марш на северо-запад, чтобы поддержать *нигерийцев*, которые быстро продвигались по дороге с лучшей проходимостью. *Нигерийцы* заняли Некемте, не встретив заметного сопротивления, и продолжили преследование отступавших на запад итальянцев. Пройдя 40 миль от Джиммы *восточно-африканцы* разбили итальянский арьергард в районе города Демби/Dembi, почти одновременно с этим *нигерийцы* взяли город Гимби/Ghimbi, расположенный в 60 милях к западу от Некемте, рассеяв итальянский арьергард. Две, в общем, полноценные итальянские дивизии, отступавшие на северо-

запад, теперь преследовали *восточно-африканцы, нигерийцы* и эфиопы. Однако погода опять испортилась, кроме того, продвижение преследователей замедляли разрушения, оставленные итальянцами на дорогах. Итальянцы постепенно втягивались в ловушку. Бельгийские части из Конго, представленные двумя батальонами и усиленные батальоном *восточно-африканцев* и тяжелыми минометами, продвигались на соединение с силами генерала Плэтта на северо-западе. В этот момент времени этот сводный отряд находился именно там, куда отступали итальянцы, и в его расположение наносил визит командующий силами бельгийцев генерал-майор Огюст-Эдуард Гиллиерт (Auguste-Eduard Gilliaert). 3 июля он приказал своим частям вступить в бой против итальянцев. Гаццера понял, что дальше дороги нет и капитулировал вместе с 5 000 солдат и офицеров и 2 000 эфиопов-ополченцев.

Гондар

Теперь силы генерала Наси на северо-западе Эфиопии остались последней группировкой, не сложившей оружия в Восточной Африке. Заняв с 40 000 активных штыков хорошо укрепленные позиции в горах на высотах до 10 000 футов над уровнем моря к северу от озера Тана, Наси принял решение сражаться до последнего. Его штаб находился в городе Гондар на высоте около 7 000 футов. Единственной проходимой дорогой, ведущей туда, была дорога от Асмары, расположенной в 300 милях к северо-востоку. Последние 70 миль на подходе к Гондару эта дорога шла через горный проход Уолкефит (?-ВК)/Wolchefit, пересекающий горный массив высотой 10 000 футов. При приближении к горному проходу дорога поднималась серпантинном по крутому уступу в рельефе относительной высотой 4 000 футов. Около 5 000 итальянцев занимали оборонительные позиции в районе горного прохода. Между входом в Уолкефит и Гондаром действовали эфиопские партизаны, враждебно настроенные по отношению к итальянцам, и, в реальности, гарнизон города и оборонительные позиции были отрезаны друг от друга. Юго-восточнее дорога, проходимая только в хороших погодных условиях, соединяла Гондар с Дессе, расположенным в 250 милях. В стороне от этой дороги, в 100 милях от Гондара, на высоте 9 000 футов находилась высокогорная деревня Дебра Табор/Debra Tabor. Ее удерживал сильный итальянский гарнизон, как и еще одну высокогорную деревню в стороне от дороги – Кулкабер/Kulkaber, расположенную в 25 милях от Гондара. Еще одна горная дорога шла к нему от Суданской границы – на ней в 30 милях к западу от города находилась деревня Чилга/Chilga с итальянским гарнизоном.

Генерал Наси располагал довольно ограниченным количеством провианта и боеприпасов, и ни о каком подвозе материалов речи шло. У него не было поддержки с воздуха, и позиции его сил постоянно находились под атаками британской авиации, когда это позволяла погода. Генерал надеялся, что с приходом сезона дождей в этом плане у него будет передышка, но этому не суждено было случиться.

В мае батальон суданцев (ранее входивший в *Gideon Force*) атаковал Чилгу к западу от Гондара, но был отброшен с тяжелыми потерями перешедшими в контратаку итальянцами. Две атаки эфиопов на позиции итальянцев в проходе Уолкефит окончились тем же. Однако в июне позиции итальянцев в районе деревни Дебра Табор подверглись таким ожесточенным атакам с воздуха, что командующим местным гарнизоном сдался на милость эфиопам. Некоторые из эфиопов, ранее находившихся здесь на итальянской службе, немедленно присоединились к пробританским формированиям соотечественников...

Африканские Стрелки Короля собирают трофеи после капитуляции итальянцев в районе горного прохода Уолкефит

В июле 3-й Батальон 14-го Пунджабского (Punjab) Полка индийцев был переброшен в Гондарский сектор по дороге от Асмары и снова атаковал проход Уолкефит – результат был тем же с большими потерями для индийцев.

Командование 25-й Восточно-Африканской Бригадой из состава 12-й Африканской Дивизии принял генерал-майор Фоукс (C.C. Fowks), а бывший ее командир Годвин-Остен стал командиром корпуса на Северо-Африканском фронте. Бригада, которая находилась большую часть кампании в Кении, была переброшена в Массаву и, в итоге, добралась до прохода Уолкефит в конце сентября. Однако победа британцев здесь окажется бескровной: итальянская бригада защитников горного прохода израсходовала боеприпасы и провиант и 27 сентября капитулировала.

В сентябре недавно повышенный в звании до генерал-лейтенанта Уильям Плэтт возглавил британские силы в Восточной Африке – *East African Command*, так как только на этой стадии было решено избавить британское командование на Ближнем Востоке – *Middle East Command* – от лишних забот. Генерал Каннингхэм к этому времени уже отбыл в Северную Африку, чтобы возглавить 8-ю Армию. Шел сезон дождей, длившийся в этих краях 5 месяцев, и у британцев было время спланировать последнее наступление в Восточной Африке.

26-я Восточно-Африканская Бригада (теперь в подчинении у 12-й Африканской Дивизии), которая ранее была переброшена ближе к Дессе, переместилась на подступы к Дебра Табор и получила приказ продвигаться по дороге к Гондару, в то время как суданский батальон был переброшен к Чилге для еще одной атаки на этот пункт.

11 ноября началось последнее сражение. Сводная боевая группа, включавшая части 26-й Восточно-Африканской Бригады (включая броневые автомобили) и эфиопских партизан и поддержанная авиацией, пошла в атаку на Кулкабер. Хорошо окопавшийся итальянский гарнизон в составе четырех батальонов, занявший позиции за проволочными заграждениями и минным полем и располагавший бетонными ДОТами, отбросил

атакующих убийственным по интенсивности огнем. Суданский батальон атаковал Чилгу, но также был отброшен силами четырех вражеских батальонов, и к концу дня только эфиопы могли рапортовать об успехах: к юго-востоку от Гондара они окружили итальянские позиции, состоявшие из множества огневых точек, и зачистили этот участок.

Генерал Фоукс пришел к выводу о том, что для взятия Кулкабера понадобятся обе восточно-африканские дивизии – 25-я и 26-я, но первая была все еще в пути севернее Гондара. Понадобилось пять дней, чтобы она добралась до подступов к Гондару по узкой, едва проходимой тропе.

21 ноября 25-я Восточно-Африканская Бригада атаковала Кулкабер с северо-востока, тогда как сводная боевая группа, в которую входили части 26-й Бригады и которая ранее, 11 ноября, уже пыталась перейти в наступление, атаковала с юга. Ее поддерживал сильный отряд эфиопов. Еще один отряд эфиопов атаковал с запада – фактически, итальянцы в Кулкабере были полностью окружены, но весь этот день они сражались с исключительным упорством. Часа в 3-4 после полудня, однако, их внешние позиции были прорваны во многих местах, и итальянцы начали сдаваться. К наступлению темноты их командир полковник Уголини (Ugolini) приказал 2 500 своих солдат и офицеров сложить оружие. В этом бою британцы потеряли около 200 человек убитыми...

Теперь все было готово для последней атаки на Гондар. 26-я Восточно-Африканская Бригада должна была атаковать с востока, 25-я – с юга, в секторе между ними, в различных точках, - отряды эфиопов под командой британских офицеров и подофицеров. Атакующих поддерживало небольшое число броневых автомобилей. Гондар и его оборонительные позиции находились на высотах, и чтобы взять их, атакующим было необходимо карабкаться по крутым уступам, разделенным террасами, подвоз боеприпасов и всего необходимого при этом мог осуществляться только с помощью выючных животных.

На рассвете 27 ноября, под прикрытием артогня, многонациональные части британцев пошли в атаку. Два батальона 26-й Бригады, наступавшие с востока, сразу же угодили на минное поле и попали под сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Однако эти батальоны продолжили движение вперед и вскоре после полудня вышли на вершину гряды в двух милях от Гондара. Оттуда они могли корректировать артогонь, прикрывающий продвижение остальной части бригады, штурмующей расположенную юго-западнее вершину, с которой городу уже частично просматривался. За этим последовал короткий бой, итальянцы стали откатываться назад и попали в руки эфиопов, беспрепятственный обошедших эту вершину...

Эфиопы сражались превосходно: юго-восточнее Гондара они в ночной атаке взяли две высоты, убивая по пути всех итальянцев, попадавших им под руку. Сразу к югу от Гондара 25-я Бригада также уверенно продвигалась вперед, сталкиваясь с менее упорным сопротивлением: вскоре после полудня они взойшли на высоты к югу и к юго-западу от Гондара. Все итальянские части были связаны боем, и, воспользовавшись этим, эскадрон Кенийского Полка Бронемашин/Kenya Armored Car Regiment по неохраняемой дороге проник в город. За ним последовал отряд эфиопов. В середине второй половины дня генерал Наси запросил условия перемирия. На следующий день все остававшиеся в строю итальянцы сложили оружие – всего 22 000 человек.

Эпилог

Спустя 17 месяцев и 17 дней после того, как Муссолини объявил Великобритании войну, его Восточно-Африканская империя прекратила существование. Кампания была выиграна, в основном, войсками Британского Содружества – индийцами, черными африканцами, белыми южноафриканцами, суданцами при поддержке патриотически настроенных эфиопов. В боях приняли участие также солдаты *Свободной Франции* и бельгийцы. Эти союзные войска потеряли 11 300 человек убитыми и 744 человека умершими от болезней, итальянцы потеряли 16 966 человек убитыми и огромное количество солдат и офицеров пленными – 230 000 человек.

ОПЕРАЦИЯ COMPASS – ЛИВИЯ

ДЕКАБРЬ 1940 – ЯНВАРЬ 1941

Созданная летом 1939 года группировка британских вооруженных сил на Ближнем Востоке, которую в августе этого года возглавил фельдмаршал Арчибальд Уэйвелл, - Middle East Command – располагала войсками, разбросанными по девяти странам и двум континентам на территории размером 1 700 миль x 2 000 миль. Занимаемая военной группировкой Уэйвелла территория в Северной Африке и на Ближнем Востоке имела важнейшее значение для британцев, так как представляла собой западный фланг британских позиций в этом регионе, и контроль над ней означал сохранение за Британской Империей Суэцкого канала и кратчайшего пути в Индию и удержание под контролем нефтяных месторождений Ирака и Ирана.

В обязанности Уэйвелла входило военное планирование для всего будущего театра военных действий, организация переброски на него подкреплений в случае наступления кризисной ситуации, распределение войск и размещение гарнизонов. В дополнение к этому, Уэйвелл должен был согласовывать свои действия с военно-морскими и военно-воздушными силами, встречаться с послами Великобритании в Египте и Ираке, генерал-губернатором в Судане, верховным комиссаром в Палестине и Трансиордании, губернаторами на Кипре, в Адене и в Британском Сомали. Дипломатические и политические аспекты должностных обязанностей Уэйвелла были весьма существенными и добавляли ему проблем. При этом для выполнения такого большого объема административной работы он первоначально получил в свое подчинение штабной персонал численностью в пять офицеров. Зимой 1940-1941 годов эта группа спланировала военные операции в Западной (Ливийской) Пустыне, получившие обобщенное название *Наступление Уэйвелла/Wavell's Offensive*. Первая из этих операций – *Compass* – была детищем генерал-майора О'Коннора (Richard Nugent O'Connor), которого позднее вполне справедливо называли *забытым победителем*. Первоначально эта кампания должна была стать всего лишь пятидневным рейдом силами *Войсковой Группировки в Западной Пустыне/Western Desert Force*, которая была сформирована под командованием О'Коннора в декабре 1940 года. Он был назначен ее командующим благодаря своей репутации решительного и неортодоксально мыслящего военачальника. Примечательно, что О'Коннор в годы ПМВ провел около года на Итальянском фронте в должности командира батальона и за храбрость был награжден *Итальянской Серебряной Медалью Почета/Italian Silver Medal of Honor* и планкой к *Ордену за Отличие в Службе/Distinguished Service Order*, так что он был близко знаком с особенностями национального характера итальянцев и ментальности офицерского корпуса этой страны...

Планы Уэйвелла и Черчилля

С точки зрения логистики Западная Пустыня, охватывающая Египет и восточную половину Ливии, именуемую Киренаикой, была кошмаром для британского командования. Перемещающиеся по ней войска должны были перевозить с собой все необходимые материалы. Вода, провиант, горючее, боеприпасы – имеющееся в доступности количество всего этого было основным фактором, ограничивающим мобильность войск на этом ТВД. Временами Уэйвелл был вынужден путешествовать на большие расстояния, чтобы вынести вопросы снабжения на обсуждение с Лондоном, но часто наталкивался лишь на довольно пренебрежительное отношение со стороны премьер-министра Черчилля. Одна из таких поездок в Лондон для консультаций с Черчиллем состоялась в начале августа 1940 года, однако достигнуть ему удалось очень немного: при этом усилились подозрения Черчилля по отношению к тому, что *хвост армии всегда кажется непропорционально большим по сравнению с зубами*. Взаимоотношения между Черчиллем и Уэйвеллом, этими двумя обладавшими сильной волей людьми, стали отличаться все большей напряженностью. В ходе этих консультаций с премьер-министром

Уэйвелл пожаловался на неадекватность имеющихся у него в распоряжении наземных сил для противодействия угрозам со стороны итальянцев в регионе. Черчилль же ждал активных действий, таких, например, как высадка морского десанта в тылу противника, тогда как Уэйвелл сконцентрировался на строительстве оборонительных укреплений. После довольно горячих дебатов Черчилль все еще не был полностью согласен с тем, как генерал Уэйвелл распоряжается имеющимися у него ресурсами. В своих мемуарах он писал: «Я думал, что наилучшим решением будет его сохранение на командной должности. Я восхищался его превосходными личными качествами и был под впечатлением от той веры в него, которая была типична для такого множества людей.» Именно то, что Ближневосточный ТВД представлял из себя не просто арену боев, а «невероятную смесь военных, политических, дипломатических и административных проблем исключительной сложности», в итоге, вынудило Черчилля оставить на командном посту более опытного и старшего по званию Уэйвелла и не менять его на младшего по званию, новозеландца, генерала [Бернарда Фрейберга](#) (Bernard Freyberg, правильно – Фрайберг – ВК).

Орографическая схема основного района боевых действий в Северной Африке в 1941-42 годах

Силы британцев в Западной Пустыне

До совещания в Лондоне, 7 июня 1940 года произошла важная перемена в структуре командования на Ближнем Востоке. Находившийся в Иерусалиме генерал-майор О'Коннор, ранее имевший в подчинении южный район Палестины, получил приказ прибыть в Каир в штаб генерал-лейтенанта Уилсона (Maitland Wilson), командующего *Британскими Силами в Египте/British Troops in Egypt (BTE)*. Никаких объяснений по поводу этого вызова О'Коннор не получил. Здесь он получил приказ отбыть в египетский город Мерса Матрух/Mersa Matruh (на современных картах – Marsa Matruh – ВК) и принять на себя командование войсковой группировкой в Западной Пустыне. Перед ним была поставлена задача отразить ожидаемое вторжение итальянцев в Египет. 10 июня 1940 Бенито Муссолини объявил войну Британии и Франции.

Одновременно с назначением О'Коннора на новую должность Британский Экспедиционный Корпус завершил эвакуацию с европейского континента. Таким образом, Северная Африка на тот момент была единственным местом, где британцы могли вступить в бой против итальянцев на суше. О'Коннор чувствовал себя уверенно и позднее вспоминал, что получил весьма схематичные инструкции касательно политических вопросов и не возражал против этого, так как предпочитал, чтобы его оставили самого по себе.

Силы британцев в Западной Пустыне состояли из двух дивизий: 7-й Танковой и 4-й Индийской Пехотной. Обе части были недоукомплектованы людьми, транспортными средствами, и, самое главное, танками. Боевое расписание сил Уэйвелла указывало на наличие «двадцати одного пехотного батальона, двух полков кавалерии, четырех полков артиллерии с шестьюдесятью четырьмя полевыми, сорока восемью противотанковыми и восемью зенитными пушками.» В Британском Сомали были дислоцированы также подчиняющиеся Уэйвеллу еще более малочисленные силы. То есть, в Западной Пустыне около 30 000 британцев Уэйвелла и О'Коннора противостояли 200 000 итальянцев и ливийцев.

Генерал Хобарт

В середине 1939 года генерал Уилсон, который учился вместе Хобартом 20 годами ранее в Штабном Колледже, но не стал тогда его другом, возглавил Британские Силы в Египте и стал непосредственным начальником [Хобарта](#) (Percy Hobart), командира 7-й Танковой Дивизии. Эта дивизия была детищем генерала Хобарта. В сентябре 1938 года, после Мюнхенского кризиса, он был отправлен в Египет для формирования и обучения второй бронетанковой части в этом регионе – Мобильной Дивизии/Mobile Division. Он создал на ее основе знаменитую 7-ю Танковую Дивизию с эмблемой в виде черного тушканчика/black jerboa, которого британцы называли *Пустынной Крысой/Desert Rat*. Кличка *Пустынные Крысы* закрепилась за этой частью.

10 ноября 1939 года Уилсон написал письмо Уэйвеллу с рекомендацией заменить Хобарта на основании «отсутствия уверенности в его способности командовать танковой дивизией.» Уилсон негативно отнесся к чрезмерной централизации командования, установленной Хобартом, и «еретическому» характеру его идей в тактике, основывавшихся на представлениях о непобедимости танков, дошедших до исключения из применения других видов оружия в необходимой пропорции. Письмо Уилсона Уэйвеллу заканчивалось следующими словами: «Настоящим прошу назначить нового командира Танковой Дивизии.» Биограф Хобарта Кеннет Мэкси (Kenneth Macksey) отмечал: «Ни генерал Уэйвелл, ни генерал Уилсон не выиграли из-за удаления Хобарта.» Однако Уэйвелл писал: «Надеюсь, что будет найдена возможность использовать колоссальные знания и опыт генерала Хобарта в бронетанковых войсках на какой-нибудь должности.» Когда Хобарт покидал Египет, части *Мобильной Дивизии* выстроились по обеим сторонам дороги, чтобы проститься со своим генералом. Следует отметить, что, командуя *Мобильной Дивизией*, Хобарт продемонстрировал высокий уровень изобретательности, совершенствуя имеющуюся технику тогда, когда нехватка буквально всего была максимально острой. Когда большее количество пехоты, снаряжения, бронетехники и артиллерии стало прибывать на место, его люди начали углубленно изучать возможности оружия и машин и учиться использовать свои снаряжение и технику наилучшим способом. Другие важные шаги, такие как обучение выживанию в пустынных условиях, развертыванию, обнаружению и отслеживанию хорошо замаскированного противника, были также предприняты в ходе становления *Мобильной Дивизии* как боевой части.

Генерал О'Коннор, тогда находившийся в Палестине, так писал о *Мобильной Дивизии*: «Это – наиболее обученная из всех дивизий, которые я когда-либо видел.» Пройдет всего шесть месяцев после отъезда Хобарта, и подготовленная им 7-я Танковая Дивизия, используя разработанные им методы, начнет громить итальянцев.

Итальянцы – амбиции и возможности

5-й Армией итальянцев, дислоцированной в северо-восточной Ливии (историческое название – Триполитания), командовал генерал Итало Гарибольди (Italo Gariboldi). Когда французские войска в Тунисе оказались под контролем коллаборационистского правительства маршала Петена, она была переброшена в Киренаику вместе с 10-й Армией генерала Марио Берти (Mario Berti). Маршал [Родольфо Грациани](#) (Rodolfo Graziani) на тот

момент времени был генерал-губернатором Ливии и осуществлял общее руководство наступлением итальянцев на Египет, начавшееся в сентябре 1940 года.

Итальянские дивизии имели уменьшенный двухполковой состав – это увеличило число дивизий, но сильно ослабило их. Пехота перемещалась по пустыне преимущественно пешим ходом, тогда как британская армия была полностью моторизована. Две из шести итальянских дивизий 10-й и 5-й армий были представлены *чернорубашечниками* – фактически, милицейскими формированиями, прошедшими весьма ограниченную боевую подготовку. Итальянская пехота была вооружена винтовками *Mannlicher-Carcano* образца 1881 года, которые отличались невысокой начальной скоростью пули. Пулеметы *Бреда/Breda* были неудобными в использовании, их часто заклинивало. В тактическом плане итальянцы были лишены гибкости, придерживаясь принципа максимальной концентрации сил в одном секторе боя независимо от поставленных задач.

Итальянская пехота на марше через ливийскую пустыню. 1940 год

10-я Армия состояла из четырех корпусов: 20-го, 21-го, 22-го и 23-го, однако единственной не относящейся к пехоте частью в ее составе была частично моторизованная и располагающая бронетехникой *Maletti Group*. Бронетанковые силы этой группы, которые возглавлял генерал Пьетро Малетти (Pietro Maletti), были представлены 70 танками. Половина из них состояла из пулеметных танкеток *Fiat L3*, другая половина – средними танками *M11/39*. Последние были вооружены установленной в корпусе 37-мм пушкой с ограниченным углом поворота, быстрое наведение которой на цель было едва ли возможно. Хотя эти танки относили к классу средних, они были слабо бронированы и отличались невысокой технической надежностью, особенно в трудных условиях пустыни. Более тяжелый танк *M13* был вооружен 47-мм пушкой, но его максимальная скорость не превышала 9 миль в час. Британские танки, среди которых были более скоростные машины *Cruiser* и более тяжелые танки *Мамильда/Matilda*, превосходили итальянские машины по всем параметрам...

В целом, итальянским войскам не хватало противотанковой и зенитной артиллерии, боеприпасов и радиостанций. Артиллерийские орудия относились к устаревшим типам. Авиационная группировка итальянцев насчитывала 84 бомбардировщика и 114 истребителей современных типов, еще 113 машин были сильно устаревшими. Напротив, британские оружие и техника неплохо действовали в условиях пустыни: солдаты и офицеры британской армии были обучены воевать в этих условиях. Готовившиеся вступить в бой австралийцы были привычны к сухому и жаркому климату, многие из них были знакомы с полупустынями и пустынями. Собственно говоря, сам Грациани сомневался в способностях своих многочисленных сил, состоявших преимущественно из пехоты, достичь поставленных перед ним целей, понимая, что у итальянцев нет той мобильности, которая имелаась у британцев...

Первые рейды на передовые позиции итальянцев

Несмотря на отсутствие признаков активности в действиях итальянской 10-й Армии после объявления Муссолини войны, силы британцев в Западной Пустыне не стояли на месте. 7-й и 11-й Гусарские (Hussar) полки, входившие в 7-ю Танковую Дивизию, осуществили несколько рейдов через египетско-ливийскую границу на итальянские аванпосты. 12 июня 1940 года 11-й Полк снял несколько укрепленных позиций итальянцев и взял большое количество пленных. Еще через два дня этот же полк захватил укрепленные пункты Форт Капуццо/Fort Capuzzo и Форт Маддалена/Fort Maddalena при поддержке легких танков 7-го Полка и пехотинцев Полка Королевских Стрелков. 16 июня генерал Ластуччи (Lastucci), главный инженер итальянской 10-й Армии, был взят в плен в одном из таких рейдов. Хотя основным силам генерала О'Коннора еще только предстояло принять участие в боевых действиях, части британских сил в Западной Пустыне приобретали боевой опыт и беспокоили итальянские аванпосты в Ливии. В начале августа другие части 7-й Дивизии, включая 3-й Полк Гвардейцев/Coldstream Guards, 1-й Батальон 60-го Стрелкового (Rifles) Полка и 2-ю Стрелковую (Rifles) Бригаду, один эскадрон 6-го Королевского Танкового Батальона и две механизированные батареи Королевской Конной Артиллерии/Royal Horse Artillery (RHA), продолжили успешные беспокоящие рейды на позиции итальянцев. Действуя на протяженном 60-тикилометровом секторе фронта, они уничтожили или взяли в плен почти 3 500 итальянцев, потеряв не более 150 человек убитыми и ранеными...

Схематическая карта боевых действий в Северной Африке в ходе операции *Compass*

Перед столкновением с итальянской 10-й Армией

В августе 1939-го О'Коннор и 7-я Дивизия были переброшены в район города Мерса Матрух. Перед О'Коннором была поставлена задача удержания этой важной базы в случае ожидаемой атаки 10-й Армии Муссолини, силы которой постепенно концентрировались по другую сторону границы. Вслед за этим из Иерусалима пришло назначение О'Коннора командующим силами британцев в Западной Пустыне.

В силы О'Коннора входили 4-я Индийская Пехотная Дивизия под командованием генерал-майора Бересфорда-Пирса (Noel Beresford-Peirse) и 7-я Танковая Дивизия под командованием генерал-майора О'Мура Крига (Michael O'Moore Creagh). Вскоре после начала операции *Compass* 6-я Австралийская Пехотная Дивизия под командованием генерал-майора Айвена Маска (Iven Mackay) сменила 4-ю Индийскую Дивизию, которая была переброшена в Восточную Африку.

Вторжение итальянцев в Египет начинается

13 сентября 1940 года 21-й (Metropolitan) Корпус итальянцев продвинулся на 60 миль вглубь Египта. В районе городка Сиди Баррани/Sidi Barrani итальянцы остановились и начали закрепляться на достигнутом рубеже. По-видимому, причиной остановки наступления стали нехватка необходимых материалов, прежде всего, воды и нежелание удаляться на большее расстояние от баз в Ливии.

Британцы тем временем постепенно отходили на восток. Первоначально стратегия О'Коннора заключалась в уклонении от боестолкновений с численно превосходящими силами противника на границе. Основная часть его сил должна была отступить к городу Мерса Матрух, расположенному в 150 милях западнее египетского порта Александрия и связанному с ним железной дорогой, обеспечивавшей снабжение войск. Однако О'Коннор оставил за собой легкий заслон из трех усиленных артиллерией пехотных батальонов, удерживавших сектор протяженностью вдоль фронта около 20 миль. Заслон обеспечивали легкие танки 7-го Гусарского Полка, бронеавтомобили 11-го Гусарского полка, два моторизованных батальона 60-го Стрелкового Полка и Стрелковой Бригады и два полка моторизованной Королевской Конной Артиллерии (ККА). Во время марша на Сиди Баррани итальянцы в стычках с этим арьергардом британцев потеряли около 3 500 человек убитыми и ранеными.

Хотя арьергардный заслон британцев был весьма малочисленным, разведывательные патрули О'Коннора, прощупывавшие позиции итальянцев, докладывали, что «силы [итальянцев] утратили [наступательную] энергию.» Муссолини пытался подстегнуть Грациани и продолжить наступление на Каир, однако, увидев, что главнокомандующий и его люди, вероятнее всего, будут заниматься укреплением своих позиций на достигнутом рубеже в районе Сиди Баррани/Sidi Barrani и южнее, Дуче предпринял [вторжение в Грецию](#) силами своих войск, оккупировавших Албанию.

Итальянцы построили несколько хорошо укрепленных опорных пунктов обороны по дуге, протянувшейся от пункта Мактила/Maktila на побережье до пункта Софафи/Sofafi примерно в 40 милях к юго-западу. Вокруг каждого опорного пункта были возведены противотанковые препятствия и уложены минные поля, каждый из них оборонялся силами пехотной бригады, усиленной танками и артиллерией. Очевидным недостатком данной схемы размещения укреплений, как было замечено О'Коннором, являлись большие расстояния от одного пункта обороны до другого, лишавшие их возможности поддерживать друг друга. С учетом того, что итальянские части были довольно статичны, командованию британцев стало ясно, что нужно начинать планирование наступательных операций, а не ждать, пока итальянцы приблизятся к Мерса Матруху.

Первое время после объявления Италией войны Великобритании командованию силами британцев на Ближнем Востоке рекомендовалось оставаться в обороне и встретить предполагаемый удар итальянцев на укреплениях в районе Мерса Матруха, где О'Коннор и 7-я Танковая Дивизия были дислоцированы с августа 1939 года. Однако позднее Черчилль стал подталкивать местное командование к наступлению и в августе 1940 года пригласил Уэйвелла в Египте для недельных консультаций...

Предстоящие бои на египетской земле станут началом между сильно напоминающих качели/seesaw сражений сначала между итальянцами, позднее между итальянцами и немцами с одной стороны и войсками Британского Содружества с другой на северных окраинах Египта и Ливии. Эти бои будут продолжаться с переменным успехом еще более двух лет. Ареной сражений станет полоса преимущественно каменистых пустынь протяженностью около 400 миль и шириной не более 80 миль, обрывающаяся на юг почти 500-футовым уступом в рельефе в сторону непроходимых для танков и колесных машин песчаных пустынь и солончаков.

Британцы готовятся к контрнаступлению

О'Коннор использовал три месяца относительной тишины на западе между объявлением Италией войны и началом вторжения Грациани в Египет для подготовки к предстоящим операциям. Он отдавал предпочтение личным инспекциям войск и участию в рекогносцировочных выездах, иногда удаляясь от собственных передовых позиций. Для него это было привычным делом со времен боев во Фландрии и на Итальянском фронте в годы ПМВ. Уже 11 сентября 1940 года, еще до начала наступления Грациани, Уэйвелл начал интересоваться возможностью вторжения в Киренаику, которое он рассчитывал увидеть в конце 1940-го – начале 1941-го после отражения наступления итальянцев. Всю осень 1940-го Черчилль кипятился из-за отсутствия у командования британскими силами в Западной Пустыне наступательного духа. Боевые действия в Египте требовали значительных подкреплений, часть которых, в чем Черчилль был уверен, могла быть найдена на Ближнем Востоке. Особенно раздражало премьер-министра то, что значительные по численности первоклассные войска – британские, австралийские, новозеландские – все еще дислоцированы в Палестине. В ответ на меморандум от главы военного министерства (Secretary of State for War) Энтони Идена (Anthony Eden), посвященного увеличению численности сил Содружества на Ближнем Востоке, Черчилль заострил внимание на том, что на Ближневосточном ТВД уже имеет место *возмутительно пустое времяпровождение войск/shocking waste of troops*. Иден предложил Уэйвеллу личную встречу с ним в Египте для разработки плана наступательных действий, и во время этого визита началось вторжение итальянских войск в Грецию. 28 октября Иден прибыл в Каир в качестве личного посланника Черчилля для получения более точного представления о намерениях Уэйвелла в свете стремлений премьер-министра помочь Греции после вторжения итальянцев. Когда Иден уже приступал к отдаче распоряжений о дальнейшей переброске британских войск с Ближнего Востока в Афины и в район залива Суда/Suda на острове Крит, Уэйвелл раскрыл ему свои планы по осуществлению «пятидневного рейда» на позиции Грациани в районе Сиди Баррани.

Черчилль продолжал настаивать на проведении операции на Балканах, пока Иден 8 ноября не вернулся в Лондон и не раскрыл ему секретные планы Уэйвелла. Позднее Черчилль писал о том, что, «к сожалению», он не знал о них раньше. После этих событий Лондон сконцентрировал свое внимание на реализации плана атаки на позиции итальянцев, накапливающих свои силы в пустыне. Черчиллю был нужен быстрый успех, чтобы высвободить силы и материалы для переброски их в Грецию, тем не менее, он с вниманием отнесся к тому, насколько далеко идут планы по развитию возможного успеха, которого нужно было достичь в ходе пятидневного рейда. Уэйвелл сам жаждал быстрой победы, и в своем послании генералу Уилсону от 20 октября 1940 года он писал, что «рейд должен занять не более 4-5 дней,» чтобы далее сфокусироваться на [Эфиопии и Сомали](#), где была дислоцирована крупная войсковая группировка итальянцев под командованием герцога Д'Аоста.

Тем временем О'Коннор получил временное звание генерал-лейтенанта в свете увеличения численности подчиненных ему сил и для соответствия его ранга званиям подчиненных ему командиров. У Уэйвелла был свой план атаки, но О'Коннор имел ряд возражений и предложил свой собственный план: пройти через просвет в оборонительных линиях итальянцев в районе городка Бир Энба/Bir Enba к югу от опорного пункта Нибейва, после чего бросить пехотную дивизию на север в сторону побережья, атакуя оборонительные пункты противника с тыла. Уэйвеллу понравился неортодоксальный подход О'Коннора. Главным архитектором этого плана был бригадир Дорман-Смит, офицер штаба Уэйвелла, прикомандированный к О'Коннору для оказания помощи в планировании полномасштабной атаки. Дорман-Смит заметил, что на аэрофотоснимках района Нибейвы все автомобильные дороги ведут к северо-западному углу опорного пункта, и предположил, что здесь нет минных полей. План Дормана-Смита был одобрен Уэйвеллом и положен в основу атаки О'Коннора на Нибейву.

Дорман-Смит, О'Коннор и Уэйвелл были знакомы давно. В июле 1931 года Дорман-Смит был назначен начальником штаба в 6-ю Экспериментальную Бригаду, которой командовал Уэйвелл. Во время службы Дормана-Смита в этой части на одном из его докладов Уэйвелл сделал пометку: «Помните, что небольшая неортодоксальность – вещь опасная ... , но без этого вы не победите в сражениях.» Таким образом, еще до войны Дорман-Смит заработал в Британской Армии репутацию передового военного мыслителя и сыграл важную роль в борьбе за механизацию Армии.

Операция *Compass* начинается

28 ноября 1940 года Уэйвелл написал в своей инструкции Уилсону: «Мы представляем себе административные и тактические трудности глубокого прорыва. Тем не менее, представляется возможным, что появятся условия для превращения поражения противника в выдающуюся победу... Я хочу заявить с полной определенностью, что, если откроются большие возможности, мы готовы полностью их использовать в моральном, психологическом и административном плане.»

Начало наступления было назначено на 9 декабря. Предполагалось, что войска начнут продвижение на запад 6 декабря, а приближение с пунктом Нибейва начнется на рассвете 8 декабря. 7-я Танковой и 4-я Индийской дивизиям предстояло совершить марш к югу от основного уступа в рельефе, обращенного на север, так как продвижение по каменистой возвышенности должно было поднять меньшее количество пыли и не могло встревожить находившихся западнее итальянцев.

О'Коннор принял решение использовать в ходе этой первой атаки тяжелые танки *Матильда* 7-го Королевского Танкового Полка/7th Royal Tank Regiment. Вместо традиционной артподготовки, за которой следует атака пехоты и танков, было решено сразу бросить в атаку на укрепления итальянцев *Матильды* под командованием подполковника Джеррэма (R.T. Jerram), за которыми будет наступать индийская пехота 4-й Дивизии вдоль незаминированной дороги, ведущей с северо-запада в тыл пункта Нибейва. Одновременно с этим другой отряд пехоты отвлечет внимание защитников этого опорного пункта к востоку от него ружейно-пулеметным огнем и взрывпакетами. Эта отвлекающая атака была проведена силами 4-го Батальона 7-го Раджпутанского (Rajput) Полка 11-й Индийской Пехотной Бригады. В 6 утра 9 декабря эта часть отступила, успешно выполнив поставленную перед ней задачу.

Британские танки атаковали и смяли проволочные заграждения, артиллерийский огонь итальянцев оказался неэффективным против их трехдюймовой брони. На башнях *Матильд* были заблаговременно закреплены *фашины* для заполнения противотанковых рвов и последующего их преодоления, но этот вид укреплений так и не был встречен танкистами. За танками следовала моторизованная, продвигавшаяся на вооруженных пулеметах *Брен/Bren* легких бронетранспортерах пехота 2-го Батальона Полка Собственных Камеронских Горцев Королевы/Queen's Own Cameron Highlanders и 1-го Батальона 6-го Полка Раджпутанских Стрелков/Rajputana Rifles 11-й Индийской Бригады. Артиллерийские расчеты и пехота итальянцев укрывалась в неглубоких окопах, огражденных брустверами из мешков с песком, и их огневые точки быстро подавлялись огнем танковых 2-хфунтовок и пулеметов.

Наступление британцев было поддержано авиацией, которая, атаковав аэродромы итальянцев, уничтожила и повредила на земле 29 итальянских самолетов. Боевая группа *Selby Force [командир - бригадир Селби (A.R. Selby)]*, состоявшей из 1800 активных штыков, вышла к опорному пункту Мактила, который подвергся артобстрелу с моря силами канонерок *Terror* и *Aphis*, и захватила его. Атака британских танков на опорный пункт Нибейва с северо-запада оказалась полной неожиданностью для итальянцев. Многие танкисты были убиты, не успев добежать до своих машин. Сам генерал Малетти погиб, едва выбежав из своего блиндажа. Вспоминает британский танкист Элф Дэвис (Alf Davis):

Мы вышли к установленной точке около 5 утра прямо перед рассветом и ожидали, что увидим итальянские танки и пехоту. Вместо этого мы наткнулись на три сотни человек, стоявших со свечами в руках – это была утренняя месса. Знаете, законов [на войне] нет, мы просто открыли огонь из пулеметов, и свечи со всем остальным просто полетели в разные стороны... Почему я это сделал? Потому что ты должен подчиняться приказам: поступил приказ открыть огонь, и я должен был следовать ему.

После захвата Нибейвы другие опорные пункты обороны итальянцев – Западный/West и Восточный/East Туммар/Tummar – были заняты с применением той же методики - атаки с запада, однако занятию этих опорных пунктов предшествовала часовая артиллерийская подготовка. На этом этапе британцы захватили более 4 000 пленных.

В ходе наступления они столкнулись с ранее неизвестным им видом оружия, который использовали итальянцы – это были *бомбы-игрушки*. Вспоминает рядовой Баркер (Barker):

Мы услышали звук мотора небольшого самолета где-то с очень большой высоты и уже были готовы броситься на землю, если он решит спикировать на нас. Прошло несколько часов, прежде чем мы выяснили, что кое-кому оторвало руки взрывающимися авторучками, которые ребята находили в песке.

Потом кто-то из парней подобрал флягу-термос, предположив, что она выпала из проехавшей офицерской машины и попытался свинтить крышку. Но крышка не поддавалась, ее в руки взял сержант, и тут из остановившегося грузовика выскочил молоденький лейтенант и сказал: «Я заберу это, сержант.» Офицер тоже попытался открутить крышку, но тоже не справился. Он приложил флягу к уху и потряс ее, вероятно, желая понять, стоит ли она того, чтобы ее открывали.

Тем временем наш сержант наткнулся на парня, которому оторвало руку, догадался, в чем дело и начал орать на собравшуюся толпу любопытных, но было поздно: фляга взорвалась, подняв облако песка и пыли. Офицеру снесло голову и оторвало предплечье и руку, сержант был убит, еще два парня лежали в образовавшейся воронке и стонали. Пять человек было потеряно из-за одной спрятанной во фляге бомбы... Итальянские летчики летали высоко, потом отключали моторы и планировали над нашими позициями, сбрасывая эти небольшие «подарки», и первоначально им удалось нанести нам немалый ущерб, пока мы не сообразили, в чем было дело.

Первые крупные успехи

Утром 10 декабря 16-я Пехотная Бригада, которой командовал бригадир Ломакс (C.E.N. Lomax), продвигалась вперед без поддержки танков и в районе Сиди Баррани натолкнулась на ощутимое сопротивление, оказанное двумя колониальными ливийскими дивизиями и 4-й Дивизией *Чернорубашечников*. Переждав песчаную бурю, бригаду поддерживали артиллерия и танки *Матильда*, атаковавшие позиции итальянцев с востока вместе с частями 11-й Индийской Бригады. После полудня итальянцы, занимавшие позиции в районе Сиди Баррани, сложили оружие.

Об артиллерийской дуэли к западу от города, где британцам удалось выйти к шоссе, ведущему из Сиди Баррани на запад, рассказывает в своем дневнике офицер-артиллерист британской 16-й Пехотной Бригады (Полк Аргайлских и Сазерлендских Горцев/Argyll & Sutherland Highlanders) Уолтера Драйздейла (Walter Burns Drysdale.) Судя по всему, итальянская артиллерия пыталась сбить с шоссе заслон британцев и обеспечить прорыв своим войскам из окружения:

Сильный артобстрел, противник ведет пулеметный огонь в нашем направлении, но все выше голов. Я опустился на колени прямо перед радиатором [машины], и тут осколки просто разнесли его вдребезги. Осмотрелся и увидел парня, катающегося по земле.

Подбежал к нему и увидел мерзопакостную рану на его правом предплечье. Вместе с капралом Макэлпайном (McAlpine) усадили его и перевязали рану, пока он крыл итальянцев последними словами. Пошел в сторону своего грузовика, и тут рядом с ним разорвался снаряд и снес голову Кларку (Clark), моему денщику. Он умер мгновенно. Водитель был немного не в себе, но я заставил его развернуть грузовик, забросил в него убитого и отправил машину к санитарам...

7.50. Переговорил с бригадиром. Он спросил, достанут ли мои пушки позиции итальяшек (Itu – произносится «айтай» – ВК). Я сказал: «Да». Поступил приказ подготовить пушки к бою.

8.00. Ввел пушки в бой, нацелив их на бугор, расположенный правее передовой роты Аргайльских Горцев: огонь с него, казалось, прижал роту. Одна из пушек загорелась о прямого попадания, огонь остальных был точным, но противотанковые снаряды не могли нанести большого ущерба артиллерии противника, который молотил по моей позиции. Артиллерийская дуэль – штука захватывающая. Наши части продвигаются вперед медленно. В 8.20 в строю осталась только одна пушка, в 8.25 разрывом снаряда ранило двоих из ее расчета. В 8.30 снаряд упал сразу слева от пушки, и я потерял сознание на полминуты. Пришел в себя и увидел, что моя левая рука повисла, – сначала подумал, что ее вообще оторвало. Услышал, как кто-то сказал: «Бог ты мой, капитан убит.» Сумел сесть и сказать: «Нет, придурок, продолжайте вести огонь.» Понял, что из раны, что чуть выше сердца, хлещет кровь. Капрал Бишоп (Bishop) подошел ко мне и сказал, что пушка разбита, весь расчет получил ранения. Попытался подняться, но потерял сознание. Позже пришел в себя и дополз до 1-го номера расчета, который, было видно, корчился от боли...

Вечером 10 декабря итальянцы, которые ранее оставили опорный пункт Мактила, были атакованы силами наступавшей со стороны Мерса Матруха боевой группы Selby Force. Итальянцы были разгромлены в бою на прибрежном шоссе к востоку от Сиди Баррани на следующий день. После занятия британцами Сиди Баррани, который также был обстрелян с моря канонеркой Ladybird, остатки двух ливийских дивизий и 4-й Дивизии Чернорубашечников были окружены частями британской 16-й Пехотной Бригады и Selby Force. Итальянцы пытались вырваться из окружения. 11 декабря Selby Force, поддержанная бронетехникой, атаковала позиции 1-й Ливийской Дивизии и вынудила ее сложить оружие. К ночи 4-я Дивизия Чернорубашечников также капитулировала.

Британский солдат Том Баркер оставил воспоминания о боях под Сиди Баррани. Победа над итальянцами была не столь легкой, как может показаться:

Мы продвигались вперед, пока не услышали о том, что, «итальянские позиции от нас всего в полумиле, так что давайте потише.» Пустые грузовики теперь ползли на самой низкой передаче в сотне ярдов за нами. Шумел только транспортер с Бреном, и, вроде как, офицер приказал ему задержаться. По меньшей мере, он теперь не так шумел. Мы шли и шли во тьме африканской ночи, пока не пришел приказ остановиться. Команды стали отдаваться шепотом. Было около двух, мы стали копать себя неглубокие ячейки. Пришел приказ, передаваемый шепотом от человека к человеку: «Не разговаривать, не курить.» Было очень холодно, а из-за отсутствия движения казалось, что было холоднее обычного...

Казалось, остаток ночи до рассвета продолжался вечно... Макушка кроваво-красного солнечного диска показалась на горизонте. Сначала я очень хотел, чтобы солнце вставало побыстрее, чтобы я мог согреться, но теперь хотел, чтобы оно вообще не вставало, потому что боялся того, что принесет дневной свет. Некоторые из наших парней начали вставать, потягиваться, а один начал вытряхивать свое одеяло. Я подумал: «Что они делают, ведь противник всего в полумиле от нас?» Неожиданно тишину разорвал рокот, будто бы это был тяжелый грузовик, едущий со спущенными

шинами. Рокот приблизился, раздался страшный взрыв, и парень с одеялом исчез. Там, где он был, осталось облако пыли...

Все, кто стоял, застыли, как статуи, на секунду, после чего плюхнулись на землю и зарылись в нее: тем временем воздух наполнился свистом [снарядов] и грохотом. Земля дрожала от взрывов. Сквозь пыль ничего не было видно, на зубах скрипел песок, глаза слезились, хотя я заранее сделал себе маску из тонкого прозрачного пластика. Я проверил винтовку на предмет наличия патрона в патроннике и на то, опущен ли предохранитель, но затвор еле двигался, и его было трудно открыть. Моя винтовка вышла из строя, потому что была забита пылью. Парень, который был рядом со мной, сумел открыть затвор и вылизывал пыль из него языком, выплевывая ее на землю. Слышались будто бы шлепки, словно кто-то лупил кожаным ремнем по столу, но я неожиданно сообразил, что это были пули, пролетавшие рядом. Я увидел, что этот парень закрыл затвор и машет мне рукой, чтобы я двигался вместе с ним. Мы забрались под грузовик, и тут что-то со страшным ревом ударило в его кабину. Я стал думать о том, что все это затеяли напрасно и о том, кто были эти люди, которые послали нас в эту преисподнюю... Под дифференциалом задней оси залег какой-то парень, видимо, считая свое место безопасным, однако я видел, что он рискует: а что, если что-то попадет в шины, и заорал, чтобы он выбирался оттуда. Но было так шумно, что он меня не услышал или не думал об опасности. Потом я услышал его вопли: одна из задних шин стала сдуваться: что-то пробило ее. Он попал в ловушку, и его медленно вдавливало в песок – коробка дифференциала вошла ему в спину. Страшные крики. Мы стали лихорадочно выкапывать из-под него песок голыми руками, но положение было безнадежным. Он задышался, и стоны прекратились...

Грузовик сгорел, и несмотря на отчаянные попытки автора воспоминаний и его друга вызволить из кабины двоих своих товарищей они погибли в огне...

Кто-то из клубов пыли прокричал: «Примкнуть штыки!» Мы оставили позади уже бесполезный грузовик, рядом взорвался еще один снаряд, и неожиданно вокруг зажужжали осколки, словно сердитые шершни. Крейг осел на землю, словно сдуваемый воздушный шар. Я подбежал к нему, он был бледен, но губы его двигались. Я приложил к его рту ухо и услышал его шепот: «Мне холодно, Томмо... Моя грудь немеет, я ничего не чувствую.» Я растянул его ремень, перевязал его, но не смог остановить кровь... Кто-то ударил меня по плечу и заорал мне в ухо: «Бросай его, ты ему ничем не поможешь.» У меня не было выбора. Со смешанными чувствами я поднялся и побежал за теми, кого мог видеть. Казалось, мы двигаемся туда, где посветлее. Теперь я видел других, мы все были в той или иной степени на линии атаки в четырех ярдах друг от друга...

Теперь я был полон ненависти и хотел добраться до противника и убить как можно больше врагов. Справа от меня находился парень по имени Хэрри Чалмерс (Harry Chalmers). Мы залегли, и тут прямо между нами упал снаряд. Он поднял облачко песка, но не взорвался, а стал вертеться и укатился немного дальше. Был он где-то один фут в длину и дюйма четыре в диаметре. Я посмотрел на снаряд и поймал взгляд Хэрри. Он тоже смотрел на него, и, когда он перестал вертеться, он поднял большой палец и оскалился. Помню, я оскалился в ответ...

Мы снова поднялись и тронулись в направлении окопов итальянцев. Наш офицер знал свое дело: он свистел в свисток, когда видел, что вражеские расчеты перезаряжают свои пушки, - мы вскакивали и двигались вперед, а когда слышали гудение снарядов, принакивали к земле. Плохо было то, что, когда мы поднимались, некоторые из наших парней корчились в песке, а некоторые оставались в песке навсегда... Один парень пошел вперед, через минуту ему снесло голову, и двойной фонтан крови хлынул из его шеи, пока он падал на землю. Еще один пытался поспеть за нами, придерживая вываливающиеся кишки руками. Он уронил винтовку и прижал к животу обе руки,

продолжая брести вперед. Раздался свисток, мы залегли, но он все шел и шел, потом дернулся, словно его ударили, осел на землю и затих.

Мы тупо шли вперед эти полмили, словно металлические утки в ярмарочном тире, пока итальянцы стреляли в нас из своих окопов. Мы были у них целиком на виду, а сами видели только стальные каски и, повыше песка, из-под каждой, - пару глаз, уставившихся на нас. Большинство из нас не могло отвечать огнем из-за того, что винтовки были забиты пылью. Однако, вот-вот это должно было кончиться, поскольку мы подошли уже очень близко, потому что теперь они уже смотрели не в прицелы, а в стволы своих пушек и стреляли прямой наводкой. Теперь снаряды ударялись о землю и не взрывались, кроме того, некоторые из итальянцев запаниковали и бросились бежать в пустыню. Был момент, когда я залег за камнем, голова моя была закрыта каской, и я еще прижал к лицу винтовку на случай, если прилетит осколок. Я сам услышал, как бормочу: «Если я выберусь отсюда, я буду ходить в церковь каждое воскресенье и, клянусь, буду помогать старушкам переходить улицу...» Потом мое благоговение прервал свисток, и я поднялся. Увидев, как некоторые парни корчатся от боли, а некоторые вообще не двигаются, я почувствовал, как гнев снова наполняет меня.

Один или двое итальянцев уже стояли с поднятыми руками, но другие все еще с упоением стреляли в нас. Все, что я хотел, - добраться до этих хмырей, которые стреляли в нас, начиная с рассвета... Мы добрались до них. Внезапно я оказался лицом к лицу с итальянцем, который отчаянно пытался перезарядить свою винтовку, но он так и не успел этого сделать... Мы были на линии окопов. Некоторые из них выскакивали и бежали, некоторые остались на месте и были перебиты. Позднее я услышал, что один из наших парней нашел итальянца, прятавшегося в блиндаже, и тот поднял руки с белой тряпкой в руке и вышел. Как только наш парень повернулся к нему спиной, итальянец выхватил стилет из носка и ударил им парня в спину... Один из наших офицеров, видевший это, спокойно подошел к итальянцу и направил свой револьвер на его голову. Тот инстинктивно поднял руки, чтобы прикрыться, но пуля прошла через кисть одной из них и уложила его наповал.

Повсюду были разбросаны трупы итальянцев в самых разных позах. Из одного и трупов торчал штык, и я подумал было, что он был плохо примкнут к винтовке того парня, которому он принадлежал. Я сел на песок и загнал в него штык, чтобы очистить его от крови. Мой гнев куда-то исчез, я был опустошен и опечален... У нашего бронетранспортера в передней части была пробоина от снаряда. Когда мы посмотрели на сидение водителя, вокруг него все было почернело от сажи, а на полу все еще был виден ботинок со ступней внутри. Кто-то сказал: «Посмотри, какая белая кость.» Насколько я помню, водителем был сержант Макфи (McFee). Все вокруг было усеяно разбитыми грузовиками, от которых в уже ясное небо поднимались дымы. Черные пятна на песке двигались, и при ближайшем рассмотрении я увидел, что это были тучи мух, привлеченных лужами крови.

Пленные, казалось, были рады тому, что для них война окончилась. Вечером к нам из пустыни пришли несколько итальянцев, их офицер подошел к нашему и попросил взять их в плен в обмен на еду и воду. Наш офицер вежливо послал его на ... , в пустыню и сказал вернуться утром. Они так и сделали. Мы поставили несколько найденных бутылок в песок и постреляли по ним из итальянских винтовок. Ох и жалкое же это было оружие! Я думаю, стволы были совсем разношенными. Я целился в одну из них, но попал в соседнюю слева, и всего-то с 50 ярдов. Совсем негодное оружие...

Мы принесли Британии первую победу во ВМВ. Все, что мы получили за это – это ром. Достаточно сказать, что я выжил в этом бою и не хочу принижать солдат противника, которые, в отличие от некоторых своих товарищей, стояли до конца и сложили головы за то, во что верили...

В боях под Сиди Баррани принимал участие батальон *Свободной Франции*. Том Баркер обратил внимание на присутствие на передовой солдат в необычной форме, при этом кто-то сказал ему что это были испанцы, которые ненавидят нацистов...

О'Коннор уже ощущал вкус полной победы. *Пункт 90/Point 90*, еще одна укрепленная позиция итальянцев, также был взят 11 декабря. 7-я Танковая Бригада не сумела отрезать итальянцам путь к отступлению от опорных пунктов Софафи и Рабия/Rabia на юго-запад из-за начавшейся песчаной бури и позднее, вечером того же дня, была брошена вдогонку оставившим эти укрепления частям, уходившим в направлении пункта Бук Бук/Buq Buq, расположенного рядом с приморским шоссе к западу от Сиди Баррани. О'Коннор был полон желания преследовать отступающего противника вплоть до Бенгази, но Уэйвелл принял решение перебросить 4-ю Индийскую Дивизию в Эфиопию и заменить ее 6-й Австралийской Дивизией. Этот шаг замедлил график наступления сил О'Коннора... Он вспоминал позднее, что решение Уэйвелла «стало полным и весьма неприятным сюрпризом... Этим было остановлено немедленное развитие [успеха].» Отбытие 4-й Индийской Дивизии лишило О'Коннора большей части его артиллерии и транспорта. Однако операция *Compass* на тот момент времени уже достигла успеха: было захвачено 38 000 пленных, 237 орудий, 73 легких и средних танка ценой потери лишь 600 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Итальянцы стали называть это поражение *Битвой на Мармарике (Marmarica – итальянское название прибрежной равнины, на которой развернулись бои)*.

Взятие Бардии и Тобрука. Изменения в структуре командования

К 15 декабря британские и индийские войска заняли города Соллум/Sollum (*на современных картах – Sallum - ВК*), Халфайя/Halfaya и древнюю крепость Форт Капуццо/Fort Capuzzo. Наступала очередь Бардии, и ожидалось, что для участия в наступлении в направлении этого важного города на побережье на фронт должна прибыть 6-я Австралийская Дивизия.

Итальянский 23-й Корпус генерал-лейтенанта Аннибале Бергонцоли (Annibale Bergonzoli), дислоцированный в районе Бардии, насчитывал около 40 000 активных штыков. Оборонительные позиции на подступах к городу протягивались на 18 миль и включали в себя противотанковый ров, проволочные заграждения и бетонированные [открытые] капониры для артиллерийских и пулеметных расчетов. В распоряжении защитников города было небольшое количество танков, в том числе машины *M13/40*.

В январе 1941 года силы британцев в Западной Пустыне были преобразованы в 13-й Корпус. В том же месяце 6-я Австралийская Дивизия генерала Макка пошла в атаку на Бардию. Уже на подступах к Бардии австралийцы увидели, что отступавшие итальянцы находились под ударами Королевских ВВС: по обе стороны дороги были видны многочисленные сгоревшие грузовики и танки, нередко – истлевшие трупы погибших.

Атаковав позиции итальянцев, австралийцы прорвались через проволочные заграждения с помощью *бангалорских торпед (удлиненные заряды – ВК)*. Засыпав противотанковый ров в нескольких местах, работая кирками и лопатами, австралийцы при поддержке танков вынудили гарнизон города капитулировать. В плену было взято около 36 000 итальянцев, захвачено около 400 артиллерийских орудий, 130 легких и средних танков, сотни автомобилей. Командующий 23-м Корпусом бежал в Тобрук...

11 января 1941 года. Австралийские солдаты в хорошем расположении духа. Бардия взята с минимальными потерями...

5 января Уэйвелл, казалось, склонился к тому, чтобы развить первоначальный успех прорыва О'Коннором линии фронта, хотя Черчилль по-прежнему считал необходимой переброску всех доступных сил на греческое направление. Уэйвелл проинструктировал О'Коннора предусмотреть продвижение не дальше Бенгази после взятия Тобрука. Примечательно то, что О'Коннор и сам запланировал это независимо от директив своего главнокомандующего. Когда же правительство Греции отклонило предложение Черчилля о присылке на греческо-итальянский фронт британского экспедиционного корпуса, премьер-министр проинформировал Уэйвелла о том, что Бенгази становится первейшим приоритетом.

Австралийцы О'Коннора и его 4-я Танковая Бригада заняли позиции на подступах к Тобруку 6-7 января 1941 года. Тобрук, как и Бардия, был защищен полукольцом оборонительных укреплений с бетонными ДОТами, подземными укрытиями, линиями проволочных заграждений и противотанковым рвом. Полукольцо имело длину более 30 миль, а гарнизон города насчитывал около 25 000 активных штыков с 220 орудиями и примерно 60 танками. Гарнизон поддерживал с моря сильно устаревший крейсер *San Giorgio* – предполагалось также, что он усилит ПВО Тобрука.

Вечером 9 января австралийцы приступили к активному патрулированию и рекогносцировке обороны итальянцев. К 12 января Тобрук был изолирован с суши. Австралийцы не переходили в атаки до ночи с 20 на 21 января. В 2 часа ночи 21-го монитор Королевского ВМФ *Terror* и три канонерки меньшего размера начали обстрел Тобрука.

Устаревший монитор Terror, построенный в 1916 году. 24 февраля 1942 года он будет затоплен собственной командой после получения тяжелых повреждений от бомб пикирующих бомбардировщиков Ju-87

Далее, вплоть до утра, самолеты Королевских ВВС бомбардировали портовые сооружения и штурмовали полевые укрепления, при этом грохот разрывов заглушал рокот моторов британских танков, концентрирующихся для предстоящей атаки. Через 12 часов после начала наступления часть гарнизона под командованием генерала Петасси Манелла (Petassi Manella) капитулировала. После полудня 22 января сдались бригадный генерал Винченцо делла Мура (Vincenzo della Mura) и оставшиеся 17 000 солдат и офицеров гарнизона. Итальянцы потеряли 25 000 человек убитыми, ранеными и сдавшимися в плен. Крейсер *San Giorgio*, доставивший своим огнем определенные неприятности атакующим, был взорван командой. Австралийцы потеряли около 400 человек. В дополнение к большой массе военнопленных были захвачены большие трофеи, запасы провианта и других материалов. В ходе боев за Тобрук австралийцы заметили, что пленных итальянцев лучше было сразу разделить на офицеров и солдат. Эти группы относились друг к другу с плохо скрываемым презрением, и, по мнению, австралийцев, по этой причине итальянские солдаты не сильно рвались в бой. Австралийцы довольно быстро научились понимать, что итальянцы, которые кричат *Ci arrendiamo!*, сдаются в плен. Австралийцы также заметили, что гарнизон Тобрука хорошо питался, имел в своем распоряжении запасы алкоголя и, более того, - доступ к борделям. Об этом в своем репортаже для австралийского радио написал военный корреспондент Честер Уилмот (Chester Wilmot, 1911-1954), давая свою интерпретацию увиденного:

Для итальянцев все эти элементы комфорта были естественными и необходимыми. Это было существенной частью иллюзий, которые насаждал Муссолини, надеясь привить своим людям воинственный дух и имперские амбиции. В своих речах, в своей пропаганде он старался гламуризировать войну, пытался показать, что это – грандиозное приключение, а в награду за участие в ней человек приобретает власть, славу и возможность пограбить. Чтобы раззадорить малодушных, он говорил, что молодые, мужественные легионеры просто должны маршировать вперед, и тогда пресыщенные и изнеженные британцы будут сломлены...

Уже вскоре после окончания боев за Бардию и Тобрук Уилмот услышал от австралийцев такую фразу, характеризующую слабый накал сражения: «Бои? Вы это называете боями? Бог ты мой, ... да полицейские в Тель-Авиве дрались с нами лучше, чем эти...» Уилмот немного говорил по-итальянски и сумел переговорить с несколькими пленными. По его наблюдениям, итальянцы были немало удивлены тем, что *australiani* служат в армии

добровольно: «Они понимали свое положение. Сами они были призваны в армию и посланы в Ливию добыть славу Муссолини. Они предполагали, что Томми (*кличка британских солдат – ВК*) просто защищали имперские интересы Великобритании. Но что здесь делают австралийские добровольцы?»

Возобновление наступления – разгром итальянцев под городом Беда Фомм

После падения Тобрука было решено подчинить 13-й Корпус непосредственно Уэйвеллу, таким образом, удаляя Уилсона из командной иерархии. О'Коннор позднее сказал, что благодаря этим изменениям наступил «самый эффективный и счастливейший период в его деятельности в роли командующего.»

После Тобрука О'Коннор продолжил продвижение в направлении Дерны силами австралийской 6-й Дивизии, тогда как 7-я Танковая Дивизия повернула в направлении города Мехилия/Mechili к югу от гор Джебель Ахдар. 24 января 4-я Танковая Бригада вступила в бой против итальянских танков на дороге Дерна-Мехилия. Итальянцы сумели уничтожить некоторое количество легких и средних танков британцев, потеряв несколько своих машин. 25 января итальянская пехота оказала упорное сопротивление атакующим австралийцам, однако после нескольких боестолкновений большая часть итальянской 60-й Дивизии *Sabratha* была разгромлена, и 26 января австралийцы заняли Дерну. В этот же день остальные итальянские дивизии начали отступление на северо-запад вдоль побережья в сторону Бенгази.

Британские артиллеристы ведут огонь по позициям итальянцев в районе Дерны 1 февраля 1941 года

О'Коннор разработал план быстрого продвижения 7-й Танковой Дивизии по пустынным дорогам через Мсус/Msus (*на современных картах – Masus – ВК*) и Антелат/Antelat (*на современных картах – Antlat – ВК*) с последующим перехватом и окончательным разгромом отступающих итальянцев. В это же время австралийцам предстояло преследовать отступающего по прибрежному шоссе противника, наступая ему на пятки. 4 февраля 4-я Танковая Бригада, усиленная идущими в авангарде эскадронами бронеавтомобилей А и С 11-го Гусарского Полка, начала форсированный марш через пустыню вместе эскадроном бронеавтомобилей Драгунского Полка Гвардейцев/King's Dragoon Guards. За бронеавтомобилями следовали танки трех полков: 3-го и 7-го гусарских и 2-го Королевского. За ними продвигался 2-й Батальон Стрелковой Бригады, противотанковые батареи ККА и части ее же 106-го Полка с установленными на грузовики 37-мм противотанковыми пушками. Эта боевая группа получила название *Combe Force* по

имени ее командира подполковника Кума (John Combe) из 11-го Гусарского Полка. Боевая группа насчитывал около 2 000 солдат и офицеров.

К 3.30 после полудня 4 февраля бронемшины 11-го Гусарского Полка очистили от противника древний форт на подступах к городу Мсус. Затем боевая группа *Combe Force* продолжила свой марш и подошла к Мсусу после 10 утра 5 февраля. Она вышла на прибрежное шоссе близ города Сиди Салех/Sidi Saleh в 10 милях южнее города Беда Фомм/Beda Fomm в полдень. В 2 часа дня рота 2-го Батальона Стрелковой Бригады заняла позиции по обе стороны шоссе, еще две роты прикрыли позиции, занятые артиллеристами 4-го Полка ККА. Эти британские части прибыли на место за полчаса до подхода к нему авангарда отступающих войск 10-й Армии. Пулеметный и артиллерийский огонь остановил колонну итальянцев. Они начали разбегаться по пустыне, устремляясь на юг, но наткнулись на позиции других частей Стрелковой Бригады, блокирующих шоссе. В 6 часов вечера танкисты 7-го Гусарского Полка и части 2-го Королевского Танкового Полка получили приказ атаковать итальянцев, растянувшихся по дороге ближе к городу Беда Фомм из-за холма, получившего прозвище *Прыщ/Pimple*. Бои продолжались весь день по обе стороны шоссе, но несмотря на растущее давление противника и усиливающуюся нехватку боеприпасов Стрелковая Бригада и танкисты 11-го Гусарского Полка продолжали удерживать заслон...

Рассказывает британец из 2-го Танкового Полка [Джеймс Палмер \(James Palmer\)](#):

Мы расположились за небольшим холмом, который прозвали Прыщ/The Pimple. Глядя на дорогу Бенгази-Триполи, мы не могли поверить своим глазам. Вся армия Грациани уходила из Бенгази. Насколько мог видеть глаз, всюду были колонны грузовиков, танков, автоцистерн, пушки, бронетранспортеры. Бог мой! Это была легкая добыча!

К этому времени у нас осталось всего 14 танков. Были вызваны грузовики с боеприпасами, и каждый танк загрузился ими настолько, насколько было возможно. Бензобаки были заполнены доверху, и мы были готовы атаковать. Итальянские легкие танки продвигались по обе стороны от колонны, словно эсминцы, эскортирующие конвой. Мы выехали из-за Прыща, рванулись к дороге и вышли прямо к колонне, ведя огонь на ходу с максимально возможной скоростью. Грузовики начали гореть, и через минуту дорога была заблокирована объятymi пламенем машинами. Итальянцев охватила паника. Люди соскакивали с грузовиков, паля во все стороны. Застучали пулеметы, и мы слышали звон пуль, ударяющихся о броню нашего танка. Все пространство внутри танка наполнилось дымом и газами. Наводить пушку нужды не было: каждый выстрел попадал в цель!

Из колонны выкатили противотанковые пушки, которые открыли по нам огонь в упор. Солдаты бросали в нас ручные гранаты, когда мы со скрежетом двигались вдоль дороги. Итальянские танки были рядом с нами там и тут, они стреляли, но в полной панике. Они попадали даже в свои грузовики, иногда даже в свои танки.

Пыль была такой плотной, что мы видели не больше чем на пару ярдов. Все горело, до нас доносились крики и стоны. Горели танки, в них взрывались боеприпасы. В некоторые из наших машин тоже угодили снаряды, и экипажи выбирались из пламени и бежали, чтобы укрыться между камней. Визжали пули и летящие осколки. Клубился дым, грохотали взрывы. Шум стоял невообразимый... Весь бой продолжался меньше, чем два часа, после чего стрелять уже было не во что. Конвой горел, все вражеские танки были подбиты или брошены. Уцелевшие итальянцы размахивали белыми флагами. Раненые рыдали, вопили и умирали. Смотреть на это было тошно. На протяжении двух часов мы сходили с ума от азарта, стреляя и убивая...

6 февраля, в 10.45 утра танкетки L-3 10-го Полка Берсальеров/Bersaglieri безуспешно атаковали сектор заслона британцев, удерживаемый танкистами 11-го Гусарского Полка и 2-м Батальоном Стрелковой Бригады. Позднее в атаку пошли подошедшие к голове

колонны из арьергарда танки *M13* Бригады *Bambini*, но были разгромлены. Сказались качественное превосходство британских машин, боевой настрой и лучшая выучка британских танкистов, прошедших подготовку на равнине Солсбери в условиях, напоминавших пустыню. Броня итальянских танков была настолько тонкой, что была уязвимой даже для крупнокалиберных пулеметов. Вспоминает лейтенант Сайрил Джоли (Cyril Joly):

Райан (Ryan, пулеметчик) попал во вражеский танк, который поворачивал на склоне, подставляя себя [под огонь], и зацепил его двигатель, разорвав топливные баки, от чего по машине начал быстро распространяться огонь. В небо поднялись клубы дыма, и вражеский танк исчез из поля зрения. Потом с глухим грохотом взорвался его боезапас, и в воздух взлетело множество обломков... Мы с ужасом увидели человека, бредущего сквозь дым с почерневшим лицом и в горящей одежде. Он прошел несколько ярдов, потом упал и начал кататься по песку в агонии, отчаянно стараясь сбить пламя. Но все было напрасно. Постепенно его движения замедлились, пока, наконец, он не дернулся в конвульсиях и не затих...

Итальянцы начали тысячами сдаваться в плен. К месту сражения прибыли остальные части 4-й Танковой Бригады и нанесли удар по левому флангу итальянцев непосредственно к северу от города Беда Фомм... Британский танкист Сэм Брэдшо (Sam Bradshaw) вспоминал: «Смущало и очень затруднительным было то, что мы взяли так много пленных, - тысячи и тысячи, - и мы, танкисты, не могли с ними управиться.» По радиации он услышал призыв одного из командиров эскадронов: «Ради Бога, пришлите пехоту, нас окружили военнопленные!»

Вечером 6 февраля на поле боя опустилась тишина. В 11 утра 7 февраля генерал Вирджинио (Virginio), начальник штаба 10-й Армии, прибыл в штаб 4-й Танковой Бригады для уведомления о готовности капитулировать. О'Коннор позднее писал: «Я думаю, это можно было назвать полной победой, поскольку ни одному вражескому солдату не удалось бежать.» В сводке, отправленной Уэйвеллу, он охарактеризовал это британской охотничьей поговоркой: «Лисицу подстрелили в чистом поле/Fox killed in the open.»

Наступление остановлено, приоритетом становится Греция

Численность активных штыков, которыми командовал Уэйвелл, ни разу не превысила 30 000 человек, однако несмотря на износ техники и нехватку продовольствия, воды и боеприпасов силы британцев в Западной Пустыне сумели под началом О'Коннора пройти 500 миль за 10 недель и полностью разгромить 10-ю Армию итальянцев. В плен сдались 130 000 солдат и офицеров противника. После победы под городом Беда Фомм О'Коннор начал оценивать возможность продолжения наступления дальше на запад и захват Триполи. Дорман-Смит был направлен командиром 13-го Корпуса в Каир для встречи с Уэйвеллом, получения разрешения на продвижение к Триполи и обращения к нему с просьбой предоставить необходимые материалы. Однако, когда Дорман-Смит прибыл в офис Уэйвелла, он увидел на стене только карту Греции: карты Северной Африки уже были сняты. Уэйвелл сказал следующее: «Видите, Эрик, я занят планированием моей весенней кампании!» Наступление британцев было остановлено по приказу Черчилля, передовые части британцев стали закрепляться в районе города Эль Агейла/El Agheila (на современных картах – Al Uqailah - ВК). Генерал-лейтенант О'Коннор умолял верховное командование продолжить наступление на столицу Ливии – Триполи, но тщетно... Уэйвелл, следуя приказам из Лондона, принял решение перебросить на Балканы 6-ю Австралийскую Дивизию, части 7-й Танковой Дивизии и большую часть имеющихся у него в распоряжении материалов и воздушных сил для участия в обреченной на провал кампании Черчилля в Греции и на Крите. С остановкой наступления в Африке О'Коннор получил должность командующего британскими силами в Египте, тогда как Уилсон должен был принять на себя командование британскими экспедиционными силами на Балканах.

В ходе операции *Compass* Дуче потерял более 200 000 солдат и офицеров. Его оппоненты продемонстрировали высокий наступательный дух и умение вести мобильные боевые действия в условиях механизированной войны. Маятник войны в Северной Африке качнулся влево, на запад. Уже вскоре фронт покатится в противоположном направлении, и так будет еще не раз. Решающие сражения в пустыне были впереди...

Январь 1941 года. Итальянские военнопленные на пути в концентрационные лагеря...

ГЕРМАНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ГРЕЦИЮ – АПРЕЛЬ 1941 ГОДА

6 апреля 1941 года германские вооруженные силы вторглись в Грецию и за три недели разгромили армию этой страны и выбили с ее территории экспедиционные силы, представленные британскими, австралийскими и новозеландскими войсками...

Прелюдия

Начав 28 октября 1940 года [вторжение в Грецию с территории Албании](#), к тому времени ставшей провинцией *Новой Римской Империи*, Муссолини ожидал победы в течении нескольких недель – до того, как наступит балканская зима. Однако неожиданно упорное сопротивление греков нарушило график продвижения войск *Дуче* вперед. Ожидаемая скоротечная кампания превратилась в ожесточенное зимнее противостояние на земле Албании. В начале 1941 года 14 греческих дивизий удерживали линию обороны протяженностью 20-30 миль и теснили 19 итальянских дивизий в сторону порта Влёре/Vlorë. Нападение итальянцев на Грецию, на самом деле, привело Гитлера в ярость. Он намеревался завоевать Балканы не военными, а дипломатическими усилиями. Действия *Дуче* дали британцам шанс занять плацдарм на Балканах и оттуда угрожать румынским нефтяным промыслам – крупнейшему для Германии источнику сырья для производства горюче-смазочных материалов.

Генерал [Уэйвелл](#), командующий британскими силами на Ближнем Востоке, в ноябре 1941 года довольно точно предсказал дальнейшее развитие событий: «Я вполне уверен в том, что Германия не сможет позволить себе увидеть Италию побежденной или даже остановленной в Греции и должна будет вмешаться.» Гитлер впервые упомянул

возможную оккупацию северной Греции в том же месяце в своей *Директиве 18*. В *Директиве 20* от 13 декабря он уже с большей определенностью указал, что намеревается «(а) в предстоящие месяцы разместить на юге Румынии постоянно нарастающую численность группировку и (б) после наступления благоприятной погоды – вероятно, в марте, – ввести эти силы в Болгарию, чтобы оккупировать северо-восточное побережье Эгейского моря и, если понадобится, всю континентальную Грецию (операция *Marita*). Мы можем положиться на поддержку болгар.»

Через четыре дня вышла его *Директива 21 (Barbarossa)*, содержащая план разгрома на СССР в молниеносной кампании, которая будет тесно связана с операцией *Marita*. Дивизии, выделенные для операций на Балканах, должны были позднее использоваться на советской территории, и окончательная дата начала операции *Barbarossa* (на то время намеченная на период времени после 15 мая) стала зависеть от того, насколько близко к плану пойдут операции в Греции.

Гитлеру было также необходимо оказывать помощь своему союзнику в северной Африке, где в конце 1940 года войска [маршала Грациани](#) оказались в крайне тяжелом положении. 14 февраля 1941 года Гитлер перебросил в Ливию боевую группу, которая станет ядром *Африканского Корпуса* генерала [Эрвина Роммеля](#) (Erwin Rommel). В том же месяце на аэродромах Сицилии приземлились эскадрильи *Люфтваффе*, которым предстояло начать операции против британского судоходства в центральной части Средиземного моря.

В это время греческий диктатор [Метаксас](#) (Ιωάννης Μεταξάς) пытался решить сложную задачу, стараясь и победить Италию, и не спровоцировать Гитлера на оказание непосредственной помощи своему союзнику по *Оси*. Наличие дружеских отношений между Грецией и Германией вселяло в Метаксаса веру в то, что его усилия могут привести к успеху. Однако Метаксас не мог игнорировать высокую вероятность германского вторжения и был вынужден рассматривать три сценария развития событий: (1) зная о том, что Гитлер среагирует на значительное присутствие британцев в Греции, он мог позволить наличие на своей территории лишь символической группировки, противостоящей итальянцам, (2) размещение на своей территории сильного британского контингента, способного остановить или отразить нападение немцев; (3) расчет на сильную, готовую вступить в бой, британскую группировку за пределами Греции. Метаксас предпочел комбинацию вариантов (1) и (2).

Помощь, которую Великобритания была в состоянии предложить грекам, когда их атаковала Италия, была настолько ограниченной, что первоначально Метаксас предпочел сценарий (1). Он отклонил предложение о вводе британских войск в континентальную Грецию, но согласился на представление помощи в виде четырех авиаэскадрилий, которые должны были вступить в бой на Албанском фронте. Когда в январе 1941 года в Афины прибыли Уэйвелл и главный маршал авиации (Air Chief Marshal) [Артур Лонгмор](#) (Arthur Longmore), командующий Королевскими ВВС на Ближнем Востоке, Метаксас начал действовать согласно сценариям (2) и (3). Он запросил 9 британских дивизий или, как вариант, концентрацию сильной британской группировки на Средиземноморье для переброски в Грецию в случае атаки Гитлера.

Присылка соединения из девяти дивизий находилась далеко за пределами возможностей британцев, а отправка небольшой боевой группы, которую Уэйвелл мог предложить, была отвергнута. Вместо этого союзники согласовали переброску в Грецию грузов с боеприпасами, автотранспортом и обмундированием, необходимыми на Албанском фронте. После январской встречи помощь Греции отошла на второй план в списке британских приоритетов. В конце месяца части [генерала О'Коннора](#) (Richard O'Connor) в условиях подавляющего численного превосходства итальянцев сначала заняли Тобрук, а затем Бенгази, и к 7 февраля [восточная Ливия была уже полностью под контролем британцев](#).

29 января Метаксас скончался после кратковременной болезни. Его на посту Президента Совета Греции/President of Greek Counsel сменил [Александр Коризис](#) (Alexander Korizis), директор Национального Банка и бывший министр социальной помощи. Тоталитарная

структура режима осталась неизменной. Концепция национальной гордости греков осталась столь же твердой, что и раньше. Сообщения о подготовке немцев к вторжению теперь поступали из разнообразных источников, и 8 февраля Коризис вернулся к вопросу о британской помощи. Новая просьба о помощи нашла сильный отклик у Черчилля. Его незамедлительным ответом на угрозу Юго-Восточной Европе со стороны Гитлера стали формирование ядра группировки, готовой к отправке в Грецию, и попытка сформировать антигерманский Балканский фронт. Черчилль считал, что Югославия, Турция и Греция станут для Германии *крепким орешком*, особенно при поддержке Великобритании. Он изложил свои взгляды в телеграмме Уэйвеллу от 10 января 1941 года: «Разгром Греции затмит победы, достигнутые вами в Ливии, и сможет негативно повлиять на позицию турок, особенно если мы продемонстрируем свое равнодушие к судьбе союзников.»

В этом пункте Черчилль и Уэйвелл сходились: Греции было необходимо предоставить всю возможную помощь. Одним из принципов Уэйвелла был следующим – драться с врагом на как можно более удаленном фронте, обороняя при этом Ближний Восток. «Мы с большей вероятностью будем подыгрывать противнику, оставаясь инертными вместо того, чтобы принять бой на Балканах, - писал он 19 февраля 1941 года. – При этом условии беседы с греками показывают, что существует хороший шанс построить антигерманский фронт с нашей помощью, я думаю, мы должны взяться за это.»

Успешное дипломатическое маневрирование немецкой стороны дало германским военным возможность осуществлять военные приготовления без особых затруднений. Сочетание давления и дипломатии, использованное Гитлером, превратило Венгрию, Румынию и Болгарию в вассальные государства. Немецкие войска получили разрешение на первой стадии вероятного развития событий пройти через венгерскую территорию, чтобы встать на охрану румынских нефтяных промыслов, а затем сконцентрировать одну из армий на румынско-болгарской границе, чтобы быть готовой вторгнуться в Грецию.

Командование находившимися под началом Уэйвелла силами с его разнообразными военными и политическими проблемами было колоссальной нагрузкой для одного человека. Это было с опозданием признано британским Военным Кабинетом, когда к списку театров военных действий Уэйвелла прибавились Балканы. Кабинет решил направить главу внешнеполитического ведомства [Энтони Идена](#) (Anthony Eden) и начальника Генерального Штаба, генерала [Джона Дилла](#) (John Dill), в Каир для оказания поддержки Уэйвеллу.

12 февраля – в тот день, когда Роммель вылетел в Триполи для того, чтобы взять под свою команду *Африканский Корпус*, Иден и Дилл покинули Англию на летающей лодке *Сандерленд/Sunderland*. Их путешествие включало в себя совещания на самом высоком уровне в Каире, Афинах и Анкаре. Все это нужно было сделать в быстром темпе: весна начиналась через несколько недель, и ожидалось, что Гитлер начнет вторжение сразу после ухода зимы.

Надежды на то, что удастся вовлечь Югославию и Турцию в военный союз с Грецией и Великобританией, улетучились уже тогда, когда Иден и Дилл были еще на пути в Египет. Правительства Югославии и Турции осознавали военную слабость британцев и впечатляющую мощь германской армии, при этом, пока путешественники из-за плохой погоды пять дней находились в Гибралтаре, югославские премьер-министр и министр иностранных дел побывали в Бергтесгадене/Berchtesgaden, где Гитлер в беседе с ними подчеркнул все преимущества от вступления [Тройственный Пакт/Tripartite Pact](#). Князь [Павел Карагеоргиевич](#) (Pavle Karađorđević), регент, нанес визит Гитлеру 4 марта, а два его министра 14-го прибыли в Германию с повторным визитом, и, в конце концов, 25 марта подписали соглашение о вступлении в *Пакт*.

Тем временем германские дипломаты подготовили *Пакт о Вечной Дружбе* между Турцией и Болгарией, подписанный 14 марта, и это означало, что Турция не будет рассматривать прохождение германских войск через Болгарию в качестве *повода к войне*.

Военное планирование британцев

Иден и Дилл прибыли в Каир 19 февраля и немедленно приступили к консультациям с Уэйвеллом, Лонгмором и [адмиралом Каннингемом](#) (Andrew Cunningham), командующим Средиземноморским флотом (на снимке слева – Уэйвелл, Лонгмор и Иден в Каире). Частями, которые Уэйвелл собирался отправлять в Грецию, были британская 10-я Бронетанковая Бригадная Группа (командир - бригадир Черрингтон (Harold Charrington), Новозеландская Дивизия (командир – [генерал-майор Фрейберг](#) и 6-я Австралийская Дивизия (командир – генерал-майор Маккэй (Iven Mackay, 1882-1966)). Австралийцы и новозеландцы будут объединены в Корпус Anzac под командованием генерал-лейтенанта [Блэйми](#) (Thomas Blamey). В дополнение к этому в экспедиционные силы вошли два полка полевой артиллерии среднего калибра. Авиационные силы, которые Лонгмор мог выделить для воздушного прикрытия этих сил были менее чем адекватны, так как военно-воздушная группировка союзников, действовавшая на Ближнем Востоке, и без того недавно лишилась части своего состава: пять эскадрилий уже были отправлены на Албанский фронт, и планировалось, что общее их число в Греции не превысит восьми.

Незначительная численность экспедиционных сил настораживала разведку и оперативные службы Ближневосточного штаба союзников, но Уэйвелл возражал им словами британского офицера эпохи [Семилетней войны Джеймса Вулфа](#) (James Wolfe): «Война – это сплошные трудности/War is an option of difficulties.» Иден, которому *Военным Кабинетом* были даны неограниченные полномочия на то, чтобы окончательно решить, отправится ли экспедиционный корпус в Грецию, был полон энтузиазма относительно намечаемой операции. Он разделял точку зрения Черчилля, которую премьер-министр выразил следующими словами: «Неподвижно стоять и смотреть, как Германия побеждает Грецию, вероятно – дело бескровное, но при этом – наихудший вариант развития событий.» Так Уэйвелл в качестве военного советника и Иден в качестве политического решили рекомендовать проведение задуманной операции. Причины этого были скорее политические, чем военные. Не сделав этого, Великобритания могла бы потерять уважение нейтральных стран и, возможно, благосклонное отношение Соединенных Штатов, где шло обсуждение закона о [Ленд-Лизе](#).

Тем временем в самой Великобритании Черчилль, чей призыв поддержать Грецию стал движущей силой всего проекта, начал задумываться о возможных последствиях. Пока шло совещание в Каире, он стал прислушиваться к словам генерал-майора Джона Кеннеди (John Kennedy, 1893-1970), Директора по Военно-Оперативным Вопросам/Director of Military Operations, который высказывал сильные аргументы в пользу того, что отправка войск в Грецию является не лучшим предложением в военном смысле. Премьер-министр отправил Идену телеграмму: «Не считайте себя обязанными поддерживать *греческое предприятие*, если в глубине души чувствуете, что это будет лишь еще одно фиаско *норвежского плана*. Но, само собой, вы знаете, насколько значимым может стать его успех.» Иден полагал, что шансы на успех были ощутимыми; он намеревался убедить греков принять британскую военную помощь.

Иден, Дилл, Уэйвелл, Лонгмор и капитан Дик (R. N. Dick, представитель Каннингема) прибыли в Афины 22 февраля в сопровождении штабных офицеров. На конференции, состоявшейся в Королевском дворце в Татои/Tatoi, председательствовал сам пробритански настроенный монарх [Георг II](#). К тому времени греки расстались с надеждами Метаксаса на то, что, если им удастся избежать провокаций, можно будет предотвратить германское вторжение. Они хотели получить ответ на один вопрос: смогут ли предполагаемые к отправке британские силы отбросить немцев с помощью самих греков? Иден и Уэйвелл уверенно отвечали положительно на этот вопрос. Цифры, предоставленные британцами, выглядели внушительно: 100 000 солдат и офицеров, 240

полевых пушек, 202 противотанковые пушки. Это были реальные цифры, но в них входил и административный персонал.

Греки, которые твердо заявили о своем намерении сражаться при наличии британской помощи или без таковой, были глубоко тронуты жестом своего старого союзника – Великобритании. 23 февраля Коризис, не скрывавший сильных эмоций, формально принял британскую помощь.

Оборонительные планы

Дискуссии между военными лидерами двух стран были осложнены их неведением о намерениях Югославии. С исторической точки зрения возведение греками оборонительных линий было связано с восприятием Болгарии как потенциального противника, и система фортификаций *Линии Метаксаса*, соответственно, прикрывала греко-болгарскую границу в восточной Македонии и Тракии, но не протягивалась дальше, в западную Македонию и Югославию. В случае, если немцы нарушат югославский нейтралитет или югославы присоединятся к немцам и откроют им проход через свою территорию, лишенную оборонительных укреплений греко-югославскую границу пришлось бы защищать союзникам. В особенности проблемным был участок к северу от Флорины/Florina, где дорога через приграничную горную местность пролегла по горному проходу *Монастип/Monastir*.

К сожалению, в период планирования, греческий главнокомандующий, генерал [Александр Папагос](#) (Αλέξανδρος Παπάγος), принимал решения полным желанием видеть Югославию в качестве союзника в антигерманской борьбе. Линия снабжения, ведущая в южную Югославию, проходила через греческий порт Салоники, поэтому любое решение по удержанию линии обороны, не прикрывающей этот город, могло показаться основанным на том, что Югославия остается нейтральной. По этой причине Папагос в наибольшей степени был озабочен вопросами, связанными с удержанием *Линии Метаксаса*.

Едва ли это можно было назвать сбалансированным подходом. *Линия Метаксаса* имела около 100 миль в длину, протягиваясь вдоль отрезка греко-болгарской границы от хребта Белес в районе города Дойран/Dojran до устья реки Нестос/Nestos с изолированными укреплениями дальше к востоку, в Тракии. Вторая линия проходила за первой от хребта Белес, вытягиваясь вдоль реки Стримон/Strimon. Однако обе эти линии не имели существенной глубины и, даже если бы их удалось удержать, болгарские аэродромы располагались всего в 50-100 милях от Салоник – порта, который не имел средств ПВО и даже системы оповещения об воздушных налетах и который мог быть в короткий срок превращен авиацией в руины.

Схематическая карта германского вторжения в Югославию и Грецию

Значительно более сильной оборонительной позицией была *Линия Алиакмон/Aliakmon Line*, протягивающаяся примерно на 60 миль от устья реки Алиакмон в районе горы Олимп до югославской границы через Веролу/Verola и Эдхессу/Edhessa, в район горы Каймакчалан/Каумтакчалан. Горные барьеры, прорезанные тремя узкими речными долинами, представляли из себя природное препятствие, и эта полоса обороны прикрывала линию снабжения, ведущую в южную Грецию и также дающую превосходную возможность вести наблюдение за происходящим на открытой Македонской равнине. На тот случай, если Югославия не стала бы присоединяться к союзникам, *Линия Алиакмон* давала наилучшие возможности для отражения германского вторжения, но при том условии, что Югославия не разрешит немцам прохождение через свою территорию. Но, в случае продвижения Вермахта через Югославию, эту линию можно было обойти с левого фланга, таким образом создав угрозу войскам, удерживающим Албанский фронт.

Чтобы действовать независимо от поддержки со стороны Югославии и предотвратить прорыв немцев через проход *Монастир*, союзникам было необходимо предусмотреть создание еще одной оборонительной линии, упирающейся правым флангом в подножия горы Олимп. К этой линии могли быть отведены войска, удерживающие Албанский фронт.

Это было предложено британцами, но Папагос высказал резкие возражения. Греческое командование готовило наступление, нацеленное на захват порта Влёре и разгром итальянских войск в Албании. В случае успеха этой атаки все греческие войска, находившиеся на этом фронте, могли быть использованы для отражения германского вторжения.

Кроме того, возражал Папагос, предлагаемый британцами отвод войск приведет к потере всех территорий, отвоеванных у итальянцев, и значительных по площади греческих земель, что будет иметь катастрофическое воздействие на боевой дух армии независимо от стратегических преимуществ. Греческая армия на всех ее уровнях была решительно против сдачи врагу даже пяди земли.

Неопределенность позиции югославов вынуждала британцев настаивать на обороне *Линии Алиакмон*. В итоге было достигнуто согласие в том, что это будет необходимо сделать, или, как полагали британцы, их экспедиционным силам придется выдвинуться на эту линию после выгрузки в порту Пирей, а греческие войска, дислоцированные в восточной Македонии и Тракии, будут отозваны, чтобы присоединиться здесь к союзникам.

Как и ожидалось, визит Идена и Дилла в Анкару оказался непродуктивным. Президент [Исмет Инёню](#) (İsmet İnönü) подчеркивал, что Турция не готова к войне и останется нейтральной, пока не будут решены вопросы с материальным обеспечением ее вооруженных сил и когда она сможет стать эффективным союзником, а не обузой. Югославский регент, князь Павел, отказался от встречи с британской миссией. Иден отправил ему телеграмму, в которой просил прояснить югославскую позицию, и ответ был передан послом этой страны в Анкаре, когда британские представители еще находились там. Югославия намеревалась самостоятельно защищать свою страну от агрессии и отказать немцам в разрешении пройти через свою территорию, но не собиралась принимать какие-либо обязательства за пределами вышеуказанного. Иден вслед за этим отправил князю письмо через британского посла в Белграде, в котором просил направить югославского военного представителя в Афины.

Компромисс с Папагосом

2 марта потерпевшая неудачу британская миссия вернулась в Афины, где узнала о том, что германские войска пересекли Дунай и вошли на территорию Болгарии. Не менее тревожными были известия о том, что греческие войска не отошли на *Линию Алиакмон*, поскольку Папагос настоял на том, что согласно подписанному соглашению до отдачи приказа о какой-либо переброске войск необходимо окончательное подтверждение югославской позиции. Так как на телеграмму Идена все еще не было получено никакого ответа (ответ ушел в Анкару, а не в Афины), Папагос не отдал приказа об отводе войск к реке Алиакмон. Теперь, сказал он, было слишком поздно, потому что войска могут быть пойманы немцами в движении, более того, воздействие отвода войск на морально-психологическое состояние войск и гражданского населения на оставленных незащищенными территориях будет негативным. Уэйвелл был поспешно вызван из Каира, начался еще один раунд переговоров, и, в итоге, под непосредственной угрозой германского вторжения, было достигнуто второе соглашение: греки и британцы подписали заявление, включавшее в себя окончательные решения.

Греческая армия состояла из 21 дивизии, и все они, кроме шести, находились на Албанском фронте. Из этих шести три должны были занять оборону на *Линии Метаксаса*, кроме того, символическая боевая группа, – изолированные форты в Тракии, в то время как греческой 12-й Дивизии предстояло держать оборону в западной Тракии, а двум новым дивизиям – 20-й Пехотной, дислоцированной в районе Флорины, и 19-й Моторизованной, дислоцированной в районе Лариссы, – занять позиции на *Линии Алиакмон* вместе с семью отдельными батальонами из западной Тракии. Это означало, что участие греков в обороне основной линии будет обеспечено 23 батальонами вместо первоначально обещанных 35. Со своей стороны, в соответствии с первоначальным соглашением, британцы должны были занять позиции на *Линии Алиакмон*.

Перед германской 12-й Армией, которой командовал генерал [Лист](#) (Wilhelm List), была поставлена задача захвата Греции. Она приступила к концентрации своих сил в Румынии еще в конце 1940 года. Первой задачей Листа была быстрая переброска его армии через Дунай, когда пришел приказ о пересечении территории Болгарии. Единственный пригодный для переправы мост располагался в румынском городе Чернаводэ/Cernavoda, через который проходили железная дорога и нефтепровод, ведущие к порту Констанца на Черном море. Русло Дуная оказалось в это время года замерзшим вплоть до Гюрджю/Giurgiu, и немецким инженерам пришлось навести три дополнительных моста, прежде чем армия приступила к переправе. Один из них длиной 1 200 м был построен в Гюрджю, один – в Турну Мэгуреле/Turnu Magurele, еще один – в Бекете/Bechet.

В первые три недели марта 12-я Армия медленно пересекала территорию Болгарии, борясь с плохой погодой и плохими дорогами. Личный состав получил приказы, касающиеся поведения по отношению к греческому населению. От него ожидалось достойное, *солдатское* поведение.

Британцы отбывают в Грецию

Первый конвой из транспортов и военных кораблей с войсками и грузами на борту покинул Египет 4 марта. Часть 1-й Бронетанковой Бригады и передовые части австралийцев и новозеландцев находились на борту крейсеров *Gloucester*, *York* и *Bonaventure*. Последующие конвои отправлялись в путь с интервалами в 3-4 дня, в портах Пирей и Волос/Volos выгрузка людей и материалов осуществлялась ежедневно, поскольку крупные корабли оставляли транспорты и легкие корабли сопровождения далеко позади. Морское прикрытие конвоев осуществляли четыре крейсера и четыре эсминца.

Итальянские надводные военно-морские силы и подводные лодки, базирующиеся на острове Лерос/Leros, вместе с пикирующими бомбардировщиками, базирующимися на острове Родос, осуществляли частые атаки на морской путь, ведущий в Афины, и добились заметных успехов, так как британские силы истребительного прикрытия были совершенно неадекватными по численности: аэродромы Королевских ВВС на Крите не были достроены. 25 кораблей и судов общим водоизмещением 115 036 тонн были потеряны в ходе транспортировки экспедиционных сил, но лишь 7 из них были потеряны в море на пути в Грецию. Большая часть потерь была связана с бомбардировками портов разгрузки и атаками на возвращающиеся в Египет корабли и суда.

Генерал [Уилсон](#) (Henry Maitland Wilson), назначенный командующим британскими силами в Греции, прибыл в Афины 4 марта. Ему предстояла работа по двум направлениям: иметь дело с греческими властями по административным и политическим вопросам и руководить военными операциями на фронте, находившемся на расстоянии около 200 миль. Однако он не получил разрешения на контроль над всеми британскими военными операциями. В Афинах с ноября 1940 года находились самостоятельно действующий военно-морской штаб и независимая британская межведомственная миссия. Контингент Королевских ВВС (командир – воздушный вице-маршал (Air Vice Marshal)/генерал-майор Д'Альбиак (правильно – Д'Албиэк, John D'Albiac) был помещен под начало генерала Папагоса в октябре 1940 года, и это положение сохранялось и в дальнейшем. Двойственность роли Уилсона привела к тому, что он был вынужден разделить своих штабистов: передовой штаб разместился в деревне Царицани/Tsaritsani близ горы Олимп, тыловой - в Афинах.

Многие из трудностей, с которыми столкнулись военнослужащие экспедиционных сил, были связаны с тем, что британское правительство так и не сбалансировало свою политику и стратегию. Помощь Греции основывалась на англо-французских гарантиях, которые британцы согласовали тогда, когда премьером был [Чемберлен](#) (Neville Chamberlain), но при этом наилучшие средства выполнения договора рассмотрены не были и не были предприняты какие-либо шаги для получения точной и детальной информации. Политика декларировала то, что Великобритания должна оказывать поддержку Греции, но стратегические последствия этой поддержки были проигнорированы. Когда, наконец, в ноябре 1940 года в Грецию была отправлена межведомственная миссия, ее глава, генерал

Гэмбиер-Перри (Michael Gambier-Parry, 1891-1976), часто сталкивался с утомительными ограничениями в своей деятельности.

За несколько недель Уилсон и его штаб должны были собрать информацию, которую было необходимо обобщить давно, сразу же после предоставления гарантий Греции. Теперь была быстро создана разведслужба, и бригадир Квилльям (C.D. Quilliam) возглавил ее деятельность.

Бригадир Бранскилл (G.S. Brunskill), старший административный офицер Уилсона, произвел быструю инспекцию греческих портов и дорог – шоссе и железных. Железнодорожная сеть оказалась неадекватной для военных нужд: главная дорога страны между Афинами и Салониками была однопутной. Дорога от Афин до Флорины – главное шоссе страны – во многих местах была недостаточно широкой, чтобы на ней разъехались две автомашины.

Марш на Алиакмон

Несмотря на эти трудности британцы создали передовую базу в городе Ларисса/Larissa, где были накоплены различные припасы на 60 дней. Передовые склады были размещены в Ливадионе/Livadhion, Сервии/Servia, Козани/Kozani, Верии/Veroia, Эдхессе/Edhessa и Аминеоне/Amindaion, и к концу первой недели апреля 14 000 тонн грузов для инженерных частей (включая 300 тонн взрывчатки), ГСМ на 38 дней и боеприпасы на 20 дней были переброшены на передовые склады.

После высадки на берег британские войска начали переброску на север: кто-то в переполненных железнодорожных вагонах, кто-то в грузовиках. Повсюду их радостно приветствовало гражданское население Греции.

По плану *Группа W/W Group* – соединение, которое должно было занять позиции на *Линии Алиакмон*, - должно было состоять из более чем семи дивизий: трех греческих и четырех британских, также ожидалось прибытие польской бригады. На самом деле, в таком составе она так и не была развернута: Папагос все еще ожидал, что Югославия выступит на стороне союзников, и убеждал Уилсона в необходимости удерживать *Линию Метаксаса*. Уилсон ответил отказом, но, когда 1-я Бронетанковая Бригада (минус один полк) прибыла в Грецию с первым конвоем, она была размещена далеко впереди по отношению к *Линии Алиакмон*, чтобы удерживать позиции на реке Аксиос/Axios (также Вардар/Vardar) и действовать в качестве сил сдерживания противника между реками Аксиос и Алиакмон. В дополнение к этому, греческая 19-я (Моторизованная) Дивизия, которая занимала позиции в прибрежной полосе к северу от горы Олимп, была также переброшена на север в этот же район, чтобы противостоять противнику в случае неожиданной высадки им воздушного десанта.

Неразбериха, сложившаяся на *Линии Алиакмон*, была также осложнена прибытием британских войсковых колонн по частям и вразнобой. К началу апреля некоторые части уже окопались, другие еще даже не прибыли на передовую, какие-то все еще оставались в Египте. 5 апреля 6-я Австралийская Дивизия имела на линии обороны одну (16-ю) бригаду. Два батальона 19-й Бригады были все еще на пути из Пирея, тогда как штабной персонал отбыл из Египта только на следующий день, а 17-я Бригада – пять дней спустя. Чтобы использовать доступные ему части наилучшим образом, Уилсон попытался, где возможно, размещать греков на высотах, а британцев в понижениях рельефа: в этом случае части должны были сражаться в условиях, в которых проходили подготовку и для которых лучше подходили их транспортные средства. На севере Греции все еще стояла зима, было очень холодно, даже в долинах, а многие австралийцы и новозеландцы видели снег впервые в жизни.

В составе *Группы W* новозеландцы были развернуты на правом фланге, на отрезке от прибрежной дороги близ Катерини/Katerini до гор Пиерия/Pieria. После того, как греческая 19-я Дивизия покинула этот сектор и переместилась вперед, на равнину Аксиос, перед новозеландцами встала трудная задача – удерживать линию обороны протяженностью 23 000 ярдов. Генералы Блэйми и Фрейберг были обеспокоены уязвимостью позиций

новозеландцев и предложили изменить конфигурацию линии обороны с использованием горы Олимп в качестве бастиона в прибрежной полосе, но это предложение не было тут же принято Уилсоном.

6-я Австралийская Дивизия занимала позиции в районе перевала Сервия, при этом 16-я Бригада из ее состава была готова выдвинуться вперед в район Веролы, чтобы поддержать 12-ю Дивизию греков в горах Вермион/Vermion. Один полк греческой 12-й Дивизии занимал позиции в горах Пиерия на левом фланге новозеландцев, а 20-я Дивизия греков – севернее, в горах Вермион, близ Едхессы.

На первый взгляд, на карте, линия обороны союзников выглядела прочной, но ее слабые места стали очевидными, когда британцы вступили в близкий контакт с греческими дивизиями на *Линии Алиакмон*: ни по численности, ни по вооружению эти части не соответствовали понятию «дивизия». Генерал Фрейберг посетил расположения 19-й и 12-й дивизий и обнаружил, что 19-я Дивизия была таковой только по названию: она насчитывала немногим более 2 000 человек, которые, по словам бригадира Черрингтона, «не могли рассчитывать на то, что смогут с пользой сражаться как мобильная часть со своими немногими пулеметными бронетранспортерами, мотоциклами и небольшими автомашинами.» 12-я Дивизия состояла из шести недавно сформированных батальонов и располагала шестью машинами – пятью грузовиками и командирским автомобилем. Надо сказать, греки проявили себя к тому времени крепкими бойцами, когда дрались на подготовленных, укрепленных позициях в горах, но британским наблюдателям было очевидно, что они не смогут сражаться с хорошо оснащенным противником в условиях мобильных операций. У них в распоряжении было мало артиллерии, как полевой, так среднего калибра, а противотанковый парк был представлен пушками, захваченными у итальянцев.

Албанский фронт к тому времени забрал почти весь имеющийся в наличии армейский персонал и почти всё вооружение, которым располагали греки. Даже в этих условиях командование не могло отвести с фронта на отдых какие-либо части, хотя они были в боях с начала года. Резервов у греков не было, и между тыловыми и фронтовыми частями не было ротации, – положение было таким, что было ясно: им мало что сулят более трудные бои с немцами.

Пять эскадрилий Королевских ВВС были отправлены в Грецию, на Албанский фронт, в 1940 году, и теперь британцы могли добавить к ним не более трех других: 111-ю (*Бленхеймы/Blenheim*), 112-ю (*Гладиаторы/Gladiators*) и 33-ю (*Харрикейны/Hurricanes*). Воздушный вице-маршал Д'Альбиак реорганизовал свои эскадрильи в три крыла. В Западное крыло, сражавшееся на Албанском фронте, вошли эскадрилья бомбардировщиков и эскадрилья *Гладиаторов*; Восточное крыло, которое должно было поддержать силы, готовящиеся отразить немецкое вторжение, базировалось на наскоро оборудованных аэродромах близ Лариссы; крыло, базировавшееся на аэродромах близ Афин, состояло из истребительной, бомбардировочной и армейской операционной эскадрилий. Кроме того, британцы располагали несколькими самолетами *Сордфиш/Swordfish* военно-морской авиации, прибывшими в марте и базировавшимися в Парамитии/Paramythia. Они осуществляли рейды на албанские порты Дуррес/Durrës и Влёр, через которые шло снабжение итальянских войск. Всего у британцев было 80 самолетов. *Люфтваффе* для поддержки сил вторжения располагало 400 бомбардировщиками и 380 истребителями. У итальянцев на Албанском фронте было 320 самолетов.

Князь Павел, регент Югославии, и его министры приняли решение встать на сторону держав *Оси* и закрепили свое присоединение к *Тройственному Пакту* подписью 25 марта. Эта новость достигла Белграда два дня спустя, и группа молодых офицеров югославских ВВС при поддержке британцев совершила государственный переворот. *Регентский Совет* был распущен, глава кабинета министров арестован, было объявлено о восхождении на престол [короля Петра II](#).

Когда известия о присоединении Югославии к *Тройственному Пакту* достигли Афин, генерал Папагос немедленно обсудил с Уилсоном вопрос об отводе греческих войск с *Линии Метаксаса* на *Линию Алиакмон* (как это предлагалось ранее), но еще до того, как было принято какое-либо решение, пришли новости о военном перевороте в Югославии, и Папагос снова передумал. Теперь он хотел, чтобы *Группа W* была переброшена к *Линии Метаксаса* на расстояние 125 миль от нынешних позиций. Уилсон не соглашался: переброска британских войск в тот момент, когда немецкое вторжение должно было вот-вот начаться, вероятно, могла привести лишь к тому, что новая линия обороны будет прорвана до того, как союзники успеют окопаться.

С политической точки зрения переворот в Югославии снова вселил в Черчилля надежду. Он телеграфировал Идену и Диллу, предлагая им вернуться на Ближний Восток, чтобы снова попытаться стимулировать создание Балканского фронта. Иден и Дилл вернулись в Афины 28 марта, чтобы встретиться с Уилсоном, Дилл при этом полетел в Белград сам по себе и вернулся с известиями о том, что новое югославское правительство не знает, что делать дальше, однако отправляет своего представителя для дальнейших переговоров с союзниками.

Югославия не дает никаких обещаний

Генерал Янкович (Radivoje Janković), заместитель начальника югославского Генерального Штаба, прибыл в Афины 3 апреля. Он не мог обещать присоединения своей страны к союзникам, но сказал, что, если Германия атакует ее, Югославия будет защищать свои границы. Тем не менее, было очевидно, что новое правительство мало что сделало для подготовки к оборонительным действиям. Янкович дал согласие на то, что югославская армия должна будет атаковать итальянцев в Албании одновременно с наступлением греков, если армии *Оси* вторгнутся в Югославию, но это был единственный позитивный для союзников момент в ходе встречи.

Уилсон полагал маловероятным то, что югославы смогут предотвратить прорыв немцев в Грецию через горный проход *Монастир*, поэтому принял решение усилить фланг *Линии Алиакмон*, противостоящий *оси* этого потенциального удара противника. Заслон союзников должен был остановить немцев в долине реки Флорина в районе города Веви/Vevi, при этом штаб боевой группы находился в городе Аминдеон. В Аминдеон также был доставлен по железной дороге 3-й Королевский Танковый Полк из состава 1-й Бригады (комбриг - бригадир Ли (E. A. Lee)), где для него были складированы припасы на неделю. Полк был на время слит с новозеландским пулеметным батальоном (минус две роты), 2-м Полком Королевской Конной Артиллерии и австралийским противотанковым полком.

Тем временем Гитлер принял решение разгромить Югославию, и это решение молниеносно внесло изменения в планы немцев. Вторжение в Югославию было поручено фельдмаршалу [фон Вейхсу](#) (Maximilian von Weichs), командующему 2-й Армией, штаб которой находился в Граце, на юге Австрии. Эту армию должны были усилить 41-й Моторизованный Корпус (командир – генерал [Рейнхардт](#) (Georg-Hans Reinhardt)) и 1-я Танковая Группа под командованием генерала [фон Клейста](#) (Paul Ludwig Ewald von Kleist) (оба из 12-й Армии Листа). Кроме этих частей, переведенных ему в подчинение, Лист располагал тремя корпусами, в которые входили шесть пехотных дивизий (часть этого персонала прошла подготовку к ведению боевых действий в горах), три моторизованные дивизии, две танковые дивизии (около 200 боевых машин) и две дивизии резерва. Гитлер хотел, чтобы операция *Marita* началась 1 апреля, но сильные мартовские дожди превратили болгарские аэродромы в болота, и Лист счел погоду пригодной для наступления только 6-го. В 05.15 12-я Армия немцев атаковала Грецию.

Как говорилось ранее, силы союзников были разбиты на три группы: греческие войска в Албании, греческие войска в восточной Македонии и Тракии и объединенная греко-британская группа на *Линии Алиакмон* с выдвинутыми вперед частями на равнине Аксиос. Лист воспользовался сильной разбросанностью войск противника и запланировал отсечение каждой из групп от двух остальных. Его 40-й (Моторизованный) Корпус должен был вторгнуться в Югославию, далее продвинувшись на юг через проход *Монастир*, обойти

с фланга Албанскую армию греков и сомкнуть позиции с итальянцами в районе Охридского/Ohridsko озера. 18-й (Горный) Корпус должен был прорвать *Линию Метаксаса* в центральном секторе фронта и изолировать греческие войска, занимающие позиции в восточной Македонии, зажав его сходящими ударами, второй из которых предстояло нанести 30-му Корпусу, наступающему через западную Тракию.

Силам вторжения противостояли: греческая Восточно-Македонская Армия (7-я, 14-я и 18-я дивизии и Бригада *Нестос/Nestos*) и три батальона из Бригады *Эврос/Evros* в западной Тракии с гарнизонами в двух фортах; *Группа W* на *Линии Алиакмон*, которая все еще была в процессе концентрации своих сил; и греческая Западно-Македонская Армия, находившаяся на Албанском фронте, состав которой увеличился до 15 дивизий после успешного контрнаступления.

6 апреля 30-й Корпус немцев, в который входили 50-я и 164-я пехотные дивизии, вышел из долины реки Арда на территории Болгарии на равнину Комотины/Komotini в Западной Тракии. Здесь малочисленная и плохо вооруженная греческая Бригада *Эврос* не смогла оказать немцам эффективного сопротивления, но два форта в пунктах Нимфея/Nymphaea и Эхинос/Ekhnos продержались целый день, находясь в окружении и под сильным артогнем.

Немецкие солдаты на Линии Метаксаса. 6 апреля 1941 года

Одна из немецких колонн стала продвигаться в направлении Ксанти/Xanthi, Другая – в направлении Комотины, поворачивая вправо, чтобы сомкнуть позиции с первой. Третья наступала восточнее Комотины в направлении города Александруполис/Alexandroupolis, расположенного на побережье. Колонны, прошедшие через Ксанти, отправили вперед разведывательные патрули, чтобы те прощупали позиции противника на *Линии Метаксаса* вдоль реки Нестос.

Бригада *Нестос* в составе трех батальонов занимала позиции в устье реки Нестос и на 30-мильном отрезке выше по течению. Слева от этой бригады пять батальонов греческой 7-й Дивизии удерживали часть долины реки и дальше влево, где река входила на территорию Болгарии, занимали оборону к югу от города Неврокоп/Nevrikop. Далее шесть батальонов 14-й Дивизии занимали позиции вплоть до реки Стримон, а от нее до югославской границы были развернуты пять батальонов 18-й Дивизии.

В центральном секторе *Линии Метаксаса* немецкий 13-й (Горный) Корпус (командующий – [генерал Бёме](#) (Franz Böhme)) наносил удар тремя клиньями. 2-я Танковая Дивизия пересекла югославскую границу и вышла в тот же день к городу Струмица/Strumica, не встречая заметного сопротивления. 5-я и 6-я горные дивизии атаковали в лоб *Линию Метаксаса* в районе горного прохода *Рупель/Rupel*, а 72-я Пехотная Дивизия при поддержке танков, артиллерии и пикирующих бомбардировщиков двинулась в южном

направлении от Неврокопа, чтобы атаковать *Линию Метаксаса* севернее города Серраи/Serrai.

40-й Моторизованный Корпус [генерала Штумме](#) (Georg Stumme) нанес удар в западном направлении, прорвавшись на территорию Югославии из района города Кюстендил, расположенного южнее Софии. 9-я Танковая Дивизия и Дивизия *SS Leibstandarte Adolf Hitler* (далее *ЛАН*) продвинулась в направлении городов Крива Паланка и Куманово, наступая на Скопье. К югу от последних двух 73-я Пехотная Дивизия взяла Козани и вышла к городу Велес на реке Вардар (Аксиос) уже вечером 6 апреля.

Дальше к северу 41-й Моторизованный Корпус и 1-я Танковая Группа вступили на территорию Югославии, нацеливаясь на Белград, а затем перешли в подчинение фельдмаршалу фон Вейхсу, командующему 2-й Армией. Воскресным вечером 6 апреля гавань порта Пирей была забита судами конвоя *AFN 24*. Один из транспортов, 12 000-тонный *Clan Fraser*, пришел с 350-тонным грузом взрывчатки. 250 тонн опасного груза все еще были в трюме, когда на закате разгрузка была остановлена. Связь между греческой портовой администрацией и британским военно-морским командованием была неудовлетворительной, и, хотя немцы в тот день начали вторжение и авианалеты с болгарских аэродромов можно было ожидать в любое время, *Clan Fraser* оставили на якоре у причала вместо того, чтобы отбуксировать судно в залив.

Незадолго до 21.00 до порта донесся гул моторов немецких самолетов. Первая их волна сбросила в гавань магнитные мины на парашютах, чтобы воспрепятствовать буксировке судов из порта. Затем подошли бомбардировщики, выбравшие *Clan Fraser* в качестве цели. Несколько бомб попали в транспорт, и ночную темноту озарили красно-оранжевые языки огня... Потом судно взлетело на воздух, разбивая стекла и распахивая двери в афинских домах в семи милях от порта. Суда и причалы гавани Пирея, постройки и здания на ее берегах горели до утра. Погибло множество британских моряков и военнослужащих. Были уничтожены 11 судов общим водоизмещением 41 489 тонн, порт превратился в руины. Даже после ремонта стало возможным использованием лишь пяти из двенадцати пристаней. Адмирал Каннингем назвал это событие *сокрушительным ударом* по снабжению войск. Тогда успех авианалета был воспринят как результат деятельности немецких агентов, которые следили за перемещениями судов и знали характер груза, находившегося на транспорте *Clan Fraser*. Сейчас более известна другая версия событий – здесь проявил свое боевое мастерство ас бомбардировочной авиации [Люфтваффе Ханс-Йоахим Херманн](#) (Hans-Joachim Hermann), командир 7-й Эскадрильи 4-й Бомбардировочной Эскадры (KG 4).

Порт Пирей после бомбардировки 6 апреля

Небольшим утешением для британцев стали известия о том, что шесть *Веллингтонов/Wellington* из 37-й Эскадрильи Королевских ВВС уничтожили

железнодорожный состав с боеприпасами в Софии, а *Бленхеймы* из 84-й эскадрильи повредили железнодорожное оборудование и технику дальше к югу.

Весь день 7 апреля форт в Нимфее, на западе Тракии, отражал атаки немецкой пехоты, использовавшей огнеметы, но постепенно укрепления на подходе к форту были уничтожены саперами, пикирующими бомбардировщиками и струями пламени. Еще не наступила полночь, когда в ходе очередной атаки немецкой пехоты сопротивление греков было подавлено. Уцелевшие бойцы Бригады *Нестос* отступили на территорию Турции, где были разоружены...

Люфтваффе продолжило атаки на военные объекты греков за *Линией Метаксаса*, разрушая казармы и железнодорожные пути. По всей линии обороны укрепления греков оказались под бомбами, а вскоре разгорелись ожесточенные пехотные бои, переходившие в рукопашные схватки. Типичным примером этого стали бои в районе форта *Келкайя/Kelkaya*, в секторе, обороняемом греческой 18-й Дивизией. В 05.15 немцы приступили к интенсивной бомбардировке форта, используя тяжелую и противотанковую артиллерию и *Штуки*. Вслед за этим пехота атаковала укрепления на подходах к форту и разгорелся ожесточенный бой, в котором греки отбивались от противника штыками. Греческие пушки, находившиеся на огневых позициях за пределами форта, нанесли тяжелые потери солдатам генерала Бёме. Все утро и все послеполуденные часы немцы снова и снова шли вперед. Дважды переходившие в контратаку греки добивались успеха, отбрасывая врага. Ближе к закату греки уже истекали кровью под губительным артогнем немцев. Двое из вспомогательных выходов из форта были подорваны немцами, но еще одна атака немцев была отбита его героически сопротивлявшимися защитниками.

На следующий день немцы подтянули специальную технику, генерирующую густой дым. Потоки дыма направлены на территорию форта, после чего в бой вступили огнеметчики. Атмосфера внутри форта стала удушливой, его защитники часто не могли отличить своего от чужого и, хотя греческие пулеметчики были еще в состоянии вести огонь, сопротивление защитников форта подошло к концу. К полудню 8-го его гарнизон был вынужден капитулировать, но он не посрамил чести греческого солдата...

Угроза Салоникам

6 апреля три форта в секторе греческой 18-й Дивизии были захвачены штурмовыми отрядами генерала Бёме, использовавшими огнеметы и дымовые генераторы и поддерживаемыми артиллерией и пикирующими бомбардировщиками. Малочисленные греческие гарнизоны с их примитивным вооружением по сравнению с тем, чем располагали атакующие, шансов не имели.

Наиболее серьезной угрозой для обороняющихся оказалась немецкая 2-я Танковая Дивизия, которая повернула влево в районе Струмицы и вышла к Дойрану вечером 7 апреля. Если этот рывок немецких танкистов получал дальнейшее развитие, фланг *Линии Метакса* мог оказаться свернутым, а силы немцев могли спуститься на равнину Аксиос и двигаться на Салоники. В этой связи генерал Папагос приказал своей 19-й Моторизованной Дивизии (которая занимала позиции на равнине Аксиос, чтобы удерживать здесь фронт в случае высадки парашютистов) переместиться вперед, к востоку от реки Аксиос, к озеру Дойран. К ним на помощь были переброшены две пехотные роты из Салоник. Так сектор обороны 19-й Дивизии был растянут на 40 миль, и стоит вспомнить, что состояние, в котором она находилось, не добавляло уверенности союзному командованию. После этой попытки устранить нависшую угрозу оставался опасный просвет в позициях греков между районом Дойрана и флангом *Линии Метаксаса*, где занимали позиции части 18-й Дивизии.

К тому времени *Группа W* не вступала в бой, однако новости, поступавшие из Югославии, указывали на то, что Скопье был занят немецкой 9-й Танковой Бригадой, которая теперь продвигалась на юг. Уилсон подготовился к изменениям в конфигурации своих сил на *Линии Алиакмон*, и также держал в уме необходимость создания второй линии обороны, пересекающей Грецию дальше к югу, линию, на которую будут отведены греческие войска с Албанского фронта.

Греки отступают...

Форт *Эхинос* в Тракии капитулировал 8 апреля, но другие форты *Линии Метаксаса* продолжали сражаться. Угроза Салоникам в тот день быстро становилась все более очевидной на фоне стремительного продвижения немецкой 2-й Танковой Дивизии (13-й Корпус) в районе Дойрана. Атака *панцеров* прорвала слабую оборону греческой 19-й Дивизии, и это оказалось важнейшим моментом всей кампании. Экипажи легких танков британского 4-го Полка Гусар (1-я Бронетанковая Бригада), действовавшие к западу от реки Аксиос, взорвали дорожное полотно и железнодорожные мосты через реку и, по приказу Уилсона, отступили через горные проходы *Эдхесса* и *Верия* к Козани. Здесь они присоединились к силам, создающим заслон в районе горного прохода *Вевы*.

Немецкие танки продвигаются вперед вдоль железной дороги

2-я Танковая Дивизия немцев продолжала продвигаться вперед в направлении города Килкис/Kilkis и в районе Килиндри/Kilindri перерезала железную дорогу, идущую от Салоник. Этим была заблокирована переброска небольших по численности резервов из Салоник на участки основных боестолкновений. Это глубокое проникновение противника в греческие тылы стало признаком намечающегося обхода *Линии Метаксаса*. Передовые

отряды немцев достигли окрестностей Салоник в тот же вечер. Нефтяные баки порта были взорваны отрядом канадских Королевских Инженеров (известных под названием *Kent Corps Command*), чтобы горючее не попало в руки врагу.

Генерал Папагос, который за день до этого приказал начать наступление на Албанском фронте, скоординированное с атакой югославской армии, отменил свой приказ в свете угрозы, нависшей над греческими войсками в Албании со стороны 40-й Моторизованной Группы, продвигающейся в направлении горного прохода *Монастир*. Три дивизии этого корпуса сомкнулись в один клин в районе города Прилеп/Prilep, который был занят ими 8 апреля.

В сектор *Группы W* наконец прибыли из Пирея два батальона 19-й Австралийской Бригады, и Уилсон принял решение разместить их в районе Козани, чтобы иметь их под рукой для того, чтобы отразить атаки противника или через долину Флорины, или через долину реки Алиакмон со стороны равнины Аксиос. Так или иначе, это оставляло без прикрытия фланг 16-й Бригады в районе Верии.

9 апреля передовой патруль британцев пересек югославскую границу в районе прохода *Монастир* и обнаружил группы югославских солдат, перебирающихся на территорию Греции. Патруль сообщил командованию, что югославы прекращают сопротивление на юге своей страны. Там временем на горы начал падать снег, превращающийся в дождь в речных долинах, что сильно затруднило разведывательное патрулирование и лишило британцев возможности собирать надежную информацию.

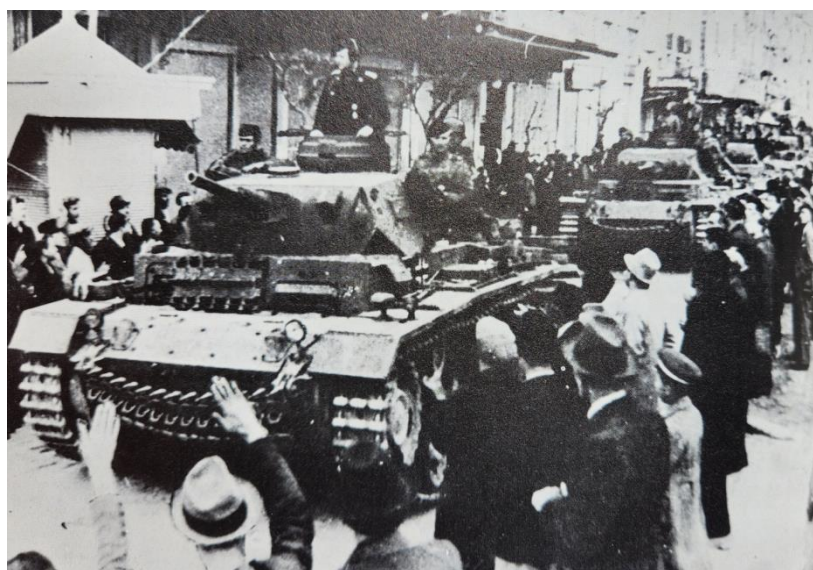
События развивались быстро. Обход немецким 18-м Корпусом с фланга *Линии Метаксаса* привел к капитуляции греческих войск в восточной Македонии, и в 8 часов утра 9 апреля основная колонна *панцеров* вступила в Салоники. Протокол о капитуляции был согласован немецким командующим 2-й Танковой Дивизии и [генералом Бакопулосом](#) (Κωνσταντίνος Θ. Μπακόπουλος, на фото слева), командующим греческими войсками в этом районе.

Пленные греки в сопровождении немецких конвоиров

Видя угрозу *Алиакмонской Линии* со стороны 40-го Моторизованного Корпуса немцев, британское командование решило провести перегруппировку сил *Группы W*. Генерал Маккэй, командир 6-й Австралийской Дивизии, взял под свое начало силы, дислоцированные в Аминдеоне, и усилил их частями своей дивизии и людьми из 1-й

Бронетанковой Бригады, отступившей с равнины Аксиос. Эта боевой группе предстояло встретить немцев на перевале *Веви*...

Немцы вступают в Салоники. Некоторые греки приветствуют их нацистским салютом...

Союзники отступают

Перегруппировка и реорганизация стали результатом штабного совещания между Уилсоном, Блэйми, Маккзем и греческими старшими офицерами. Были проведены консультации с Папагосом, который согласился на создание новой линии обороны. Первоначально она проходила от позиции Алиакмон-Олимп на правом фланге, далее на юг от Сервии и вплоть до города Киссура/Kissoura, но теперь постоянная линия должна была пройти дальше к югу – от Сервии вдоль реки Венетикос/Venetikos и далее через хребет Пиндус/Pindus к Адриатическому побережью. Это означало, что грекам придется отдать не только завоеванное в Албании, но и всю Македонию, так как греческие войска отводились с Албанского фронта к хребту Пиндус в истоки реки Венетикос.

Тем временем отход на промежуточные позиции, находившиеся на полпути к новым, начался. Эдхессу предстояло оставить. Позиции союзников теперь пролегали по линии перевал *Веви* - северный берег озера Вегорритис/Vegorritis - высоты к югу от Эдхессы – этот сектор обороняла греческая 20-я Дивизия. Сектор, протягивающийся от доминирующих над Эдхессой высот до Верии, должна была занять греческая 12-я Дивизия, смыкая позиции с австралийцами (16-я Бригада) и новозеландцами, которые должны были оборонять прибрежный сектор линии. Греческая Западно-Македонская Армия должна была получила приказ отступить к линии Саранде/Sarandë – река Венетикос от Папагоса, но, фактически, отход начнется только 12 апреля.

Ранним утром 10 апреля немецкий 40-й Моторизованный Корпус продвинулся через проход *Монастир*. Одна из его колонн повернула вправо в направлении озера Преспос/Prespos, чтобы сомкнуть позиции с итальянскими войсками, дислоцированными в Албании, тогда как вторая колонна пошла дальше на юг в направлении Веви. Незадолго до 7 часов утра два патруля новозеландских бронемашин (прикомандированных к 1-й Бронетанковой Бригаде) в 6 милях к северу от Веви вступили в перестрелку с авангардом немцев, и для первых эта стычка обошлась без потерь.

Через перевал *Веви* потоком шли греческие и югославские беженцы вместе с группами югославских солдат и греческих полицейских, и около 10 утра передовые отряды немцев вышли к городу Веви. Когда беженцы прошли через позиции союзников, участок дороги перед минными полями был взорван по приказу генерала Маккэя.

Сразу после 13.00 колонна машин Дивизии *LAN* оказалась в зоне досягаемости пушек 64-го Полка Артиллерии Среднего Калибра. Один из снарядов первого залпа разнес немецкий грузовик, но немецкая артиллерия не ответила огнем: пехота и танки противника далеко оторвались от нее. Пока разворачивалась атака немцев, в *Группу W* пришли новости о том, что из-за достигнутых Роммелем успехов в ходе его [1-го наступления](#) в северной Африке Уэйвелл не сможет перебросить какие-либо подкрепления на Балканы.

Поражение

Уже через несколько дней стало очевидно, что оборона союзников рассыпается под ударами немцев, и шансов на удержание *Алиакмонской Линии* нет. В этой связи генерал Уилсон выбрал новую, более короткую оборонительную линию, проходившую от побережья Эгейского моря через горные проходы в окрестностях горы Олимп и далее загибавшуюся на северо-запад через почти непроходимые, сильно залесенные горы к проходу *Монастир*.

Проход из Югославии в Грецию сужается до минимума в районе перевала *Веву*, здесь предполагалось остановить немецкую механизированную колонну артиллерийским и пулеметным огнем. Тем временем остальные англо-греческие силы и греческие войска, находившиеся на Албанском фронте, могли бы отойти на новую линию обороны.

8 апреля передовые танковые патрули союзников обстреляли немецких мотоциклистов и пехоту на полугусеничных бронетранспортерах, идущих в авангарде наступающего противника. Саперы взорвали дорожное полотно, после чего союзники отошли. Продвижение немцев замедлилось, они стали действовать более осторожно, что дало Уилсону время на то, чтобы продолжить подготовку новой линии обороны. К этому времени в районе прохода *Монастир* уже находились некоторые танковые части британцев, и в ночь с 8 на 9 апреля он перебросил туда роту новозеландских пулеметчиков и все оставшиеся у него под рукой танки и противотанковые пушки. Он также отправил SOS в только что прибывшую австралийскую бригаду, которая с трудом продвигалась на север, от Афин к линии фронта, с просьбой как можно быстрее прислать ему пехоту.

Австралийцы к этому времени уже провели в пути несколько трудных дней под снегом и без горячей пищи. Рано утром 10 апреля один пехотный батальон начал форсированный марш через горы и к ночи добрался до перевала *Веву*. Его люди были немедленно размещены на наиболее опасных позициях на обращенных к противнику склонах и получили приказ окапываться. Грунт был скальным и мерзлым, и зарыться в него можно было лишь на небольшую глубину, но люди работали с исключительным упорством, так как атака немцев ожидалась уже на рассвете. Температура воздуха продолжала снижаться, и со временем некоторые австралийцы стали падать в обмороки от переутомления и обморожений...

Танковые полки британцев и Нортумберлендские Гусары/*Northumberland Hussars* (102-й Противотанковый Полк), а также артиллеристы противотанковых расчетов из состава 1-й Бригады, сформировали резерв, к линии обороны подошли также расчеты 2-го Полка Королевской Конной Артиллерии со своими 25-фунтовками. Три пехотных батальона при поддержке трех артдивизионов, таким образом, заняли позиции на 12-мильном отрезке фронта. Они получили простой приказ: продержаться на перевале, по меньшей мере, два, а лучше всего три дня.

Выпал снег. Около полуночи австралийцы, находившиеся на обращенных на север склонах, услышали шум движущейся техники впереди и на флангах. Они схватились за оружие, но тут услышали, как кто-то кричит им: «All right – friendly patrol here! Put that gun down, Steve, it's only me / Все в порядке – это свой патруль! Опусти оружие, Стив, это всего лишь я.» Это были специально подготовленные эсэсовские патрули, просочившиеся между пикетами союзников. Используя этот трюк, немцы захватили довольно много пленных... Снег, ледяной дождь и пронизывающий ветер делали жизнь невыносимой для людей, непривычных к низким температурам и еще недавно воевавших в пустыне. У них не было ничего, кроме шинелей и по одеялу на брата, и холод подрывал их боевой дух.

Утро 11 апреля было мрачным, и снежная метель вперемешку с туманом сократила видимость до 50-100 ярдов. Немецкие танки пошли в атаку, но были остановлены, когда два из них подорвались на минах. Позднее подтянулись немецкие 105-мм пушки и обстреляли обращенные на север склоны, где пытались найти для себя укрытие австралийские пехотинцы и противотанковые расчеты. Незадолго до наступления темноты пошли в атаку в стороне от дороги два батальона немецкой пехоты, но были остановлены артогнем. Они снова пошли вперед уже в темноте и окопались не далее, чем в 300 ярдах от передовой линии австралийцев. Ночью одна немецкая рота атаковала уже с этого рубежа. Они снова попытались ввести австралийцев в заблуждение английскими фразами, но теперь последние были начеку. Они убили двоих немцев и двоих взяли плен – это были молодые заносчивые парни из Дивизии LAH.

На следующий день союзники решили, что немецкие танки пошли в обход, и эскадрон танков 3-го Королевского Танкового Полка был отправлен на перехват. Одним из офицеров был южноафриканец – известный крикетист по имени Боб Крисп (Bob Crisp, на фото слева, впоследствии неоднократно раненый и награжденный *Военным Крестом/Military Cross* и *Орденом за Отличие в Службе/Distinguished Service Order*). Вот что он вспоминал: «Ледяной дождь лупил мне по векам, пока танк пробивался вперед по распаханной, превратившейся в грязь земле, и я приказал командиру экипажей не пытаться поворачивать, пока они не выберутся на твердый

грунт. Тем не менее, эскадрон оставил позади несколько потерявших ход машин, и, когда после морозной ночи пришло сообщение о том, что сведения о продвижении вражеских танков были ложной тревогой, и мы вернулись назад, нам пришлось подсчитывать ущерб от этого бесполезного похода. Пять танков были брошены с безнадежно порванными гусеницами, у двух полетели поршни. Запасных частей у нас не было, поэтому танки пришлось взорвать.»

Немцы осматривают брошенный британский танк...

Проблемы британской бронетехники

3-й Танковый Полк был новой частью: существовавший в прошлом полк исчез как боевая единица после [Дюнкерка](#). Воссозданная часть была оснащена новыми танками A13 (модель 1937 года) и отправлена в Египет, но до вступления в бой оказалась в Греции. При этом ей пришлось пересесть на машины другой модели – A10, появившейся в 1935 году. Это были танки, уже основательно износившие свои гусеницы в каменистой африканской пустыне. Впоследствии в Греции придется оставить все 52 машины, из них 51 будет брошена из-за поломок (!) и лишь одна подбита в бою...

12 апреля немцы предприняли хорошо подготовленную массированную пехотную атаку на широком фронте, поддержанную интенсивным пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. Передовой взвод австралийцев был смят, все его люди, кроме шестерых человек, погибли или попали в плен. После шести часов проходившего в условиях сильной неразберихи боя, в ходе которого *Рейнджеры* – батальон Корпуса Королевских Стрелков/King's Royal Rifle Corps – по ошибке отступили и оставили позиции противотанковой артиллерии без прикрытия. В результате немцы захватили пять пушек и стали брать австралийцев в клещи. Вскоре на последних обрушился с трех сторон пулеметный огонь, в то время как немецкая пехота, поддержанная танками, продолжила атаковать их с фронта. Австралийцы обнаружили, что противотанковое ружье *Бойз/Boys* 1939 года выпуска является абсолютно бесполезным в бою.

Были предприняты усилия для организованного отступления, но события последних 60 часов измотали людей физически и психологически, в результате чего батальон начал разваливаться. Многие солдаты бросали оружие, в некоторых случаях решение сделать это принадлежало офицерам, которые понимали, что у их людей есть единственный шанс оторваться от противника – уходить налегке и как можно быстрее. В итоге, австралийцы были побеждены из-за того, что были просто физически истощены.

Дело было плохо, но все могло быть намного хуже. На самом деле, весь сектор обороны союзников мог оказаться смятым, если бы не Королевская Конная Артиллерия, которая продолжала вести огонь прямой наводкой и несмотря на то, что ее бросило пехотное прикрытие, остановила противника. Расчеты оставались у своих 25-фунтовок, пока немцы не подошли на 400 ярдов и не накрыли артиллеристов ружейно-пулеметным огнем. После этого артиллеристы хладнокровно отступили, увозя с собой свои пушки – это была единственная артиллерийская часть, которая сделала это.

Союзники удерживали перевал до вечера 12 апреля – они простояли здесь почти три дня. Это дорого обошлось им: все три пехотных батальона понесли тяжелейшие потери, австралийские артиллеристы потеряли 20 пушек, половина из них – целая батарея, была изолирована и захвачена немцами. Танковый полк теперь располагал всего 10 боеготовыми машинами из 52. Многие попали в плен, и всего 50 человек из бросившего оружие австралийского батальона сумели уйти...

Тем временем немцы добились больших успехов в районе Салоник несмотря на то, что безнадежно уступавшие им в численности и вооружении греки оказывали им упорное сопротивление. Сами немцы позднее признавались Папагосу в том, что здесь они столкнулись с наиболее ожесточенным сопротивлением. Теперь над союзниками нависла угроза обхода их на правом фланге, вдоль восточного побережья Греции. На тот момент правый фланг союзников удерживала 16-я Австралийская Бригада, оказавшаяся в снегах в районе перевала *Верия*, и две новозеландские бригады – 4-я и 6-я, которые уже целый месяц копали глубокий противотанковый ров на равнине у подножия горы Олимп. Поддерживающая их греческая пехота была переброшена в горы, и сектор, занимаемый новозеландцами, теперь достигал в длину 15 миль. Передовая часть новозеландцев – полк, оснащенный бронемашинами и пулеметными бронетранспортерами, должен был завязать бои с немцами, задержать их продвижение и отступить.

Однако теперь, после падения Югославии и оставления Салоник, генерал Уилсон пришел к выводу, что протяженную линию фронта удержать будет невозможно и что единственным шансом на продолжительную оборонительную операцию будет отход на *Фермопильскую Линию/Thermopylae Line*, расположенную в 100 милях к югу. Для организованного отступления был необходим сильный и готовый сражаться арьергард, способный держать оборону столько времени, сколько будет необходимо другому арьергарду создать позади него новый заслон.

8 апреля новозеландцы получили приказ оставить свой противотанковый ров и отступить к горным проходам в окрестностях горы Олимп. Это означало то, что с собой придется взять лишь около 1 000 тонн самых необходимых припасов и бросить огромное количество колючей проволоки и противотанковых мин. Австралийцы, занимавшие позиции в районе

перевала *Верия*, должны были отступить на 30 миль к перевалу *Сервия*. Это означало подъем на хребет Иматия/*Imathia* высотой около 3 000 футов (900 м), потом спуск в долину реки Алиакмон и затем новый подъем на хребет Пиерия Ори/*Pieria Ori*, снова на высоты до 900 метров. Они прошли около 50 миль, добравшись до своих новых позиций полностью обессиленными.

Существует три пути обхода горы Олимп на ее северных склонах: на западе - через перевал *Сервия*, который должны были удерживать австралийцы, усиленные новозеландцами; в центре – через основной проход, который обороняли новозеландцы; на востоке – между горами и морем, где проходила железная дорога. Здесь, в районе города Платамон/*Platamon*, находился длинный тоннель, который саперы союзников спешно готовили к подрыву. Оборонял вход в тоннель один батальон, который должен был задержать немцев, взорвать вход в тоннель, заблокировать железную дорогу и после этого отступить.

Однако приоритет был отдан отводу сражавшейся в районе перевала *Веви* пехоты до того, как численное превосходство немцев станет подавляющим. Резерв – танки и противотанковая артиллерия – получили приказ образовать арьергардный заслон непосредственно к югу от небольшого городка Птолемаис/*Ptolemais*, расположенного в 20 милях к югу. Здесь главная дорога, ведущая на юг, пересекалась с дамбой и далее проходила вдоль реки между двумя грядами, представлявшим из себя природное препятствие. Как писал историк 4-го Полка Гусар, мост через реку мог быть взорван в последний момент, а противника можно было задержать настолько, насколько это было возможным, но и после пересечения дамбы его можно было держать под огнем соответствующим образом размещенных танков и артиллерии.

За действия арьергарда отвечал 4-й Полк Гусар, усиленный эскадрой боевых машин 3-го Королевского Танкового Полка, двумя батареями противотанковых пушек Полка Нортумберлендских Гусар, двумя ротами Рейнджеров и Королевской Конной Артиллерией с ее бесценными 25-фунтовками. 4-й Полк Гусар был полком Уинстона Черчилля, который числился его *полковником-командиром/Colonel Commandant (формальное/почетное звание полкового патрона – ВК)*. Полк не успел вступить в бой до падения Франции в 1940 году и был по-прежнему оснащен легкими разведывательными машинами довоенной эпохи. Это были танки *Mark VIВ*, весившие 5 тонн и вооруженные всего двумя пулеметами. Они не шли ни в какое сравнение с современными немецкими машинами, но *Гусары* всегда отличались храбростью и агрессивностью и прибыли в Грецию, полные решимости добавить новую яркую страницу к славной истории своего полка.

Еще один (временный) арьергардный заслон был размещен вдоль горной гряды примерно в 8 милях к югу от Веви – на этом рубеже танки и артиллерия удерживали немцев до середины дня 18 апреля, пока позади него не оказался последний пехотинец. Во второй половине дня пехота отступила за рубеж, на котором находился основной арьергард, и, когда первый передовой отряд немцев появился в поле зрения, артиллеристы обстреляли его и отошли. За ними последовали танки. Эти силы отступили за рубеж, на котором находились танкисты 4-го Полка Гусар. Преследующие британцев немцы, вышедшие к нему, были представлены уже танками, поддержанными артиллерией. Легкие танки британцев оказались под огнем, и полк понес свои первые потери, начиная с 1918 года. Отступив за дамбу, британцы взорвали мост через реку. Один из офицеров 4-го Полка так описал этот эпизод: «Проходит полчаса, мы съели легкий ланч и впервые увидели противника. Он не сильно отличается от нас внешне – та же скорость, те же интервалы [между машинами], но их боевые машины все в броне и гораздо больше наших. Я насчитал более двух сотен, прежде чем они исчезли в понижении, где, по-видимому, сконцентрировались. Затем два танка и мотоциклист стали спускаться по дороге к взорванному мосту. Когда они приблизились к нему, все наши стволы справа открыли по ним огонь: пулеметы и противотанковая артиллерия. Противотанковые снаряды просто отскакивают от немецких танков. Мотоциклист слезает с машины и делает какие-то записи. Еще больше трасс летит туда – расстояние до них около 1 500 ярдов. Мотоциклист снова садится на свою машину и спокойно уезжает, танки укатывают вслед за ним. Впечатляющее шоу.»

Полковник Литтингтон (Litlington), командир арьергарда, приказал тяжелым орудиям придержать огонь, чтобы подбить немцев на то, чтобы подойти поближе. Ловушка сработала, и только тогда, когда танки заполнили дорогу, утыкаясь носом в корму идущего впереди, был отдан приказ открыть огонь. Немцы понесли тяжелые потери, и они еще более возросли, когда девятка *Бленхеймов* на пути к проходу *Монастир* пронеслась над колонной на малой высоте и обстреляла ее из пулеметов под восторженные крики наблюдавших это британцев. Правда, позднее, в тот же день, все они будут сбиты немцами...

Теперь командир немецкой колонны знал, что ему противостоит решительно настроенная боевая группа, и отдал приказ начать полномасштабный минометный и артиллерийский обстрел противника, в то время как его танки и пехота начали обходить заслон слева. Два эскадрона легких британских танков без промедления бросились им навстречу – 5-тонные машины против 22-тонных, пулеметы против пушек. Полные энтузиазма *панцеры* стали безрассудно подниматься на гряды, где их поджидали противотанковые расчеты Нортумберлендских Гусар. На немцев обрушился огонь двухфунтовок, и их танки были вынуждены отступить.

К 19.00 отступающая пехота прошла через город Козани, расположенный в 16 милях к югу, и арьергард начал выходить из боя, но к этому времени немецкие танки сумели обойти заслон справа. В районе городка Птолемаис занимал позиции эскадрон крейсерских танков 3-го Королевского Полка, усиленный противотанковыми расчетами Нортумберлендских Гусар и Королевской Конной Артиллерии, здесь британцы сумели вывести из строя 15 немецких танков, ведя огонь прямой наводкой. В рапорте немцев по итогам боя отмечалось, что в бою в районе Птолемаиса их встретила целая бронетанковая дивизия (!).

Но войны не выигрывают в арьергардных боях, и как бы храбро не сражались обороняющиеся, к 15 апреля из-за потерь и поломок в составе 1-й Бронетанковой Бригады британцев осталось не более половины машин. От 3-го Полка остался один эскадрон из 13 танков, Нортумберлендцы потеряли половину своих противотанковых пушек, Рейнджеры потеряли половину личного состава. Лишь Королевская Конная Артиллерия полностью сохранила свою боевую мощь, потеряв двоих человек ранеными, выпустив по врагу 3 100 снарядов и сохранив все свои орудия боеготовыми.

Под давлением 9-й Танковой Дивизии немцев и в условиях господства немецкой авиации в небе британцам осталось только отступать, чтобы избежать разгрома. Стоит ли говорить о том, что британцы были сильно измотаны, они недоедали и по-прежнему страдали от холода – все это отрицательно сказывалось на морально-психологическом состоянии людей. Следующие 11 дней, с 14 по 25 апреля шло отступление – ночью британцы двигались, днем пытались укрыться от бомб. Они бросали свои выходившие из строя танки: все крейсерские машины 3-го Полка и 38 легких танков 4-го Полка Гусар были оставлены у дороги во время отступления. К этому времени *самолетобоязнь* у солдат союзников достигла значительных масштабов, и она будет преследовать их еще долгое время. Своих летчиков они стали называть *Редкие Как Феи/Rare As Fairies* (*ироническая расшифровка аббревиатуры RAF – ВК*).

Наступая со стороны Салоник, победоносные немецкие войска продвигались через нижнее течение реки Алиакмон к горе Олимп. Отступавший под их напором новозеландский Кавалерийский Полк (механизированная часть, оснащенная бронемашинами *Мармон-Херрингтон/Marmon-Herrington*) встречал огнем немецкие авангарды, задерживал их на речных переправах, а потом снова отходил, выйдя на новый оборонительный рубеж 10 апреля. Миновав основной горный проход, новозеландцы взрывом обрушили склон, заблокировав за собой тоннами обломков дорогу, и в центре продвижение немцев остановилось.

На обращенных к Эгейскому морю склонах горы Олимп новозеландский пехотный батальон занялся минированием железнодорожного тоннеля в районе города Платамон, но люди обнаружили, что скальные породы здесь слишком тверды для кирки и кувалды, а

других инструментов у них не было. Однако они сумели заложить взрывчатку на какую-то глубину и стали ждать противника. Ранним вечером 11 апреля их передовые патрули сообщили о приближении почти 300 немецких машин, в том числе, 80 танков. Основные силы обороняющихся вышли из тоннеля и заняли позиции в стрелковых ячейках и пулеметных гнездах, доминирующих над южным выходом из тоннеля. К этому времени на помощь новозеландцам прибыли артиллеристы с 25-фунтовыми орудиями. Когда последние саперы вышли из тоннеля, прогремел взрыв. И из него вырвались клубы дыма и пыли. Когда все это осело, саперы снова вошли в тоннель, чтобы оценить результаты. Он вернулись разочарованными: обвалилась только одна стена, и тоннель оказался заблокированным лишь частично.

Новозеландцы отступили еще дальше и стали ждать. Уже через несколько часов первый немецкий танк появился из южного окончания тоннеля. Он быстро откатился назад под шквалом огня, и тут наступили сумерки. Ночью пехотинцы окопались более капитально, а артиллеристы переместили на более выгодные позиции свои 25-фунтовки – была создана новая оборонительная линия. На рассвете начался артиллерийский обстрел со стороны противника, а за ночь через тоннель прошло большое количество пехоты и около 150 танков, которые пошли в атаку на позиции союзников. Они были встречены ружейно-пулеметным и минометным огнем, а когда подошли ближе – огнем 25-фунтовок. Многие немецкие танки потеряли гусеницы на каменистой местности и на какое-то время заблокировали продвижение вперед другим машинам. Благодаря этому союзникам удалось продержаться на своих позициях 15 апреля и весь следующий день, хотя атаки противника усилились. Наступил момент, когда численный и технический перевес немцев оказался решающим, и новозеландцы были вынуждены отступить еще на несколько миль. Они потеряли 36 человек, но сохранили всю свою артиллерию.

Немцы не смогли пробиться через два других прохода через горную местность в окрестностях горы Олимп – ни в центре, ни в районе Сервии. В основном, обороняемом новозеландцами центральном проходе их 2-я Танковая Дивизия остановилась, натолкнувшись 14 апреля на огонь артиллерии, и больше не предпринимала серьезных попыток прорыва еще 36 часов. Затем на рассвете 16 апреля немцы атаковали большими силами смешанной боевой группы, в которую входили пехота, танки, полевая и зенитная артиллерия, но снова были остановлены, понеся тяжелые потери. Позднее они попытались окружить заслон союзников, используя горные дороги, но снова и снова наталкивались на сопротивление союзников. К ним прибыли подкрепления, но 17 апреля, на третью ночь, обороняющиеся отступили.

Из-за получения ложной информации немцы полагали, что третий проход, в районе Сервии, удерживался лишь небольшими силами. Когда они обнаружили, что течение реки Алиакмон является слишком быстрым для того, чтобы через ее русло могли переправиться танки или бронетранспортеры, на занятие перевала были отправлены лишь две австрийские роты. Они попали в засаду новозеландцев и потеряли 21 человека убитыми, 37 ранеными и 168 попавшими в плен – почти весь личный состав. «Наши офицеры на очень сильны в тактике,» - сказал бригадиру новозеландцев один из пленных.

С позиций на перевале *Сервия* долина реки Алиакмон хорошо просматривалась, и каждая попытка немцев форсировать ее пресекалась австралийскими артиллеристами. Получив приказ переправиться через реку *любой ценой*, немецкий полковник повел своих людей вперед и попытался переплыть русло вместе с ними в самом глубоком месте, но и эта попытка была пресечена. Немцы были прижаты к земле точным артогнем весь день 15 апреля.

Немцы, взятые в плен в боях в районе перевала Сервия

Именно в эти дни австралийцы и новозеландцы сражались бок о бок на перевале *Сервия*, и здесь Корпус ANZAC пережил второе рождение через 26 лет после [Галлиполи](#). Их упорное сопротивление вынудило немцев оставить идею прорыва через перевал – вместо этого они бросили танки и пехоту в обход на ощутимом расстоянии к западу от него, но в ночь с 17 на 18 апреля, когда основные экспедиционные силы уже были далеко на юге, обороняющиеся организованно отступили в условиях вовремя опустившегося тумана. Утром 18 апреля немецкие патрули обнаружили, что перевал больше никто не обороняет.

На пути на юг австралийцы и новозеландцы, ранее удерживающие все три горных прохода в окрестностях горы Олимп, сформировали новые арьергарды. Они отбивали становившиеся все более интенсивные атаки немцев, но теряли все больше и больше людей...

Все наличествующие экспедиционные силы отступали в направлении *Фермопильской Линии* по одной главной дороге, которая нигде не отличалась хорошим качеством покрытия и не становилась лучше под воздействием тяжелых машин и пикирующих бомбардировщиков. Теперь она была разбита настолько сильно, что транспорт мог передвигаться по ней только со скоростью пешехода. Грузовики, забитые изможденными солдатами, бронетранспортеры, танки двигались по ней вперемешку с телегами и фургонами с фермерскими семьями, старенькими греческими машинами и автобусами. По обочинам дороги брели обессиленные греческие солдаты, неся свое снаряжение на себе. Водители грузовиков, чьи нервы были на пределе из-за постоянных атак *Люфтваффе*, при первых признаках появления вражеских самолетов били по тормозам и бежали в поисках укрытия. Все это привело к тому, что колонна в иные моменты растягивалась на 10 миль. Малочисленные зенитчики делали, что могли. В официальной истории австралийской армии можно прочесть следующие строки: «Трое английских пареньков из одного расчета были убиты, и каждый погибал после того, как вставал к орудию, чтобы заменить погибшего товарища.» Но зениток было мало – гораздо больше было бомбардировщиков из *Люфтваффе* IV и 8-го Воздушного Корпуса/Fliegerkorps немцев.

Немцы неотрывно преследовали союзников, надеясь настигнуть отступающих и навязать им сражение, в котором те будут окончательно разгромлены. Но небольшие арьергарды в узких долинах и на переправах замедляли продвижение противника. Иногда они оказывались отрезанными от хвоста колонны взорванными участками дороги, после чего им приходилось сражаться до последнего патрона...

Положение союзников было катастрофическим: после падения Югославии немцы вбили клин между Албанским фронтом греков и англо-греческими силами. Восточно-Македонская Армия капитулировала, оборонительная линия в центральном секторе фронта рассыпалась. Самоубийство греческого премьер-министра Коризиса 18 апреля 1941 года усугубило ситуацию. Группировка Королевских ВВС в Греции, фактически, прекратила свое существование, и успехи Роммеля в северной Африке не поднимали настроение британскому командованию. Однако 19 апреля генерал Уэйвелл пообещал королю Георгу II, что Британия будет сражаться и дальше, пока сами греки оказывают агрессору сопротивление, но два дня спустя генерал Папагос сказал своему монарху, что продолжение сопротивления приведет лишь к опустошению страны, и порекомендовал немедленную эвакуацию британских экспедиционных сил.

Было очевидно, что эвакуация будет трудной и сложной задачей, и первоначально на нее отвели девять дней, но ухудшающая ситуация на фронте вынудила сократить этот срок до пяти дней. Британский Средиземноморский флот должен был прибыть в Александрию после бомбардировки Триполи за день до намеченного начала эвакуации, а Александрия была в 600 милях от Греции. Затем было решено не использовать линкоры, потому что им были необходимы эсминцы сопровождения, а их лучше было использовать для перевозки людей. В этой связи для эвакуации было собрано соединение из 7 крейсеров, 20 эсминцев, 19 войсковых транспортов и двух десантных кораблей (с десантными катерами на борту).

22 апреля Объединенный Штаб Планирования/Joint Planning Staff отправился на Крит, где обсудил насущные вопросы с военно-морскими штабистами. Из моряков предстояло сформировать береговые отряды и обучить действиям, отработанным на пляжах Дюнкерка, - посадке людей на шлюпки и катера с дальнейшей переброской на борт кораблей и судов большего размера. Была одна существенная разница – небо над Дюнкерком контролировали Королевские ВВС, теперь же в нем господствовало *Люфтваффе*. Немецкие бомбардировщики к тому времени потопили греческий эсминец, два госпитальных судна и 20 транспортных судов в окрестностях Пирея, так что урок уже был выучен. Необходимо было использовать для эвакуации пляжи, расположенные как можно дальше к югу, в районе городов Каламата/Kalamata, Монемвасия/Monemvasia и Навплион/Navplion в южной части Пелопонесского полуострова. Они также были ближе к Криту, куда предполагалось перевозить людей для начала, чтобы корабли и суда могли быстро вернуться на континент и забрать больше людей. Принятый план подразумевал вывод всего персонала баз и тыла из Афин и окрестностей на Пелопоннес, чтобы в этот район вместо них могли прибыть фронтовые части. Раненые, больные и выздоравливающие, а также медсестры, должны были эвакуироваться первыми.

Фронтовые части должны были прибывать в ночное время на участки погрузки и оставаться там в укрытиях, прячась от пикирующих бомбардировщиков. В следующую ночь они должны были вывести из строя свои автомашины и пушки, если таковые имелись. После этого им предстояло выйти на пляжи, имея при себе личное оружие и наиболее ценное снаряжение, например, орудийные прицелы. Корабли и суда должны были подходить к берегу за час до заката и брать на борт как можно больше людей, а уходить в море должны были не позднее 03.00. На все это нужно было время, и это означало, что последний арьергард должен будет держать оборону на *Фермопильской Линии*.

На Фермопильском рубеже

На [Фермопильский рубеж](#), хорошо известный читателю из книг по истории Древней Греции, отступили измотанные непрерывными арьергардными боями люди. Вместе с ними сюда пришли 10 последних танков 4-го Полка Гусар и 7 бронемашин. В ходе долгого отступления они прикрывали отход 1-й Бронетанковой Бригады, подбирали отставших и взрывали за собой мосты. В одном случае молодой офицер, отправленный с группой инженеров на такое задание, передал по радиации, что какой-то греческий генерал угрожает застрелить его, если он взорвет мост. Командир танкового эскадрона ответил ему так: «До свидания, Джон», что было правильно понято и после чего мост был взорван...

Эвакуация должна была начаться ночью 24 апреля, и это означало, что тыловые части и персонал баз должны будут заблаговременно переправиться через [Коринфский канал](#), чтобы освободить место для прибывающих фронтовых частей. Это означало, что обороняющие *Фермопильскую Линию* смогут удерживать позиции в полном составе только до 23 апреля, поскольку часть их должна будет покинуть окопы, так как ей будет нужно грузиться на корабли на следующую ночь. Первая атака немцев на этот рубеж ожидалась уже 20 апреля. К удивлению и облегчению обороняющихся, передовые отряды немцев сильно оторвались от частей снабжения, и у них ушло четыре дня на то, чтобы подтянуть тылы и перебросить на место различные припасы. Эта задержка, вероятно, оказалась решающей для всей кампании: она дала союзникам возможность подготовиться к эвакуации, а их арьергарду отдохнуть перед предстоящими боями.

22 апреля австралийские артиллеристы, занимавшие позиции на перевале *Браллос/Brallos* в районе Фермопил открыли огонь с расстояния около 6 миль по продвигающимся к рубежу их обороны немцам и поразили вражеский грузовик. Артиллерия среднего калибра открыла ответный огонь, потом подтянулись тяжелые орудия, и уже вскоре началась полномасштабная перестрелка. Атака немецкой пехоты была отбита, но при этом был подожжен и взлетел на воздух склад боеприпасов австралийцев, и несколько человек погибло.

Немецкие артиллеристы ведут огонь по позициям союзников на Фермопильской Линии

Тем временем экспедиционные силы продвигались к пляжам, и 23 апреля часть людей, обороняющих *Фермопильскую Линию*, покинула позиции. Одна из трех новозеландских бригад уничтожила свое снаряжение и вооружение и, как только стемнело, тронулась в сторону пляжей. 4-я Бригада была переброшена в район города Тебес/Thebes, расположенный в 60 милях к юго-востоку от Фермопил – на этом рубеже новозеландцы должны были удерживать немцев до последней возможности. Теперь только 6-я Бригада новозеландцев осталась в районе Фермопильского прохода вместе с частью Нортумберлендских Гусар и Королевской Конной Артиллерией. Австралийцы, обороняющие перевал *Браллос*, также отправили в сторону Афин половину своего личного состава.

В 07.30 24 апреля, в день начала эвакуации, немцы начали штурм *Фермопильской Линии* с интенсивного артобстрела и бомбежек с воздуха. Их самолеты-разведчики настойчиво пытались найти на местности артиллерийские позиции союзников, но без особого успеха, поскольку пушки были хорошо замаскированы и прекращали огонь, когда разведчики зависали над головой. Перевал *Браллос* первоначально был атакован смешанной боевой группой из танков, САУ, мотоциклистов, пехоты и зенитной артиллерии. Немцы были встречены пулеметным и артиллерийским огнем австралийцев, что привело противника к

неверному выводу о том, что эта позиция удерживается большими силами, а Фермопильский проход – малыми. Генерал Штумме изменил свой план атаки и бросил все свои силы на позиции новозеландцев. Атаки возобновились в 2-3 часа дня, после чего ожесточенный бой продолжался до наступления темноты, и немцы так и не сумели прорвать оборону своего противника. После этого немцы бросили в атаку сильную группу танков. В рапорте по результатам боевых действий 1-го Батальона 31-го Полка *панцеров* можно прочесть следующее:

Шеренга из девятнадцати танков атаковала вдоль дороги ... на нашем правом фланге, в направлении холмов, слева от Фермопильского болота, которое вызывало сильные опасения. Мы должны были пробиваться вперед, продолжать движение и делать все, что угодно, но не останавливаться ... Неожиданно мы попали под огонь шести или восьми пушек, ... снаряды рвались со всех сторон, несколько Томми (Тотту – принятое у немцев прозвище британцев – ВК) побежали через дорогу, и застучали пулеметы. Тяжелый танк получил прямое попадание ... посреди дороги еще три были в огне, ... не прошло много времени, и в строю не осталось ни одного танка, и только два все еще могли вести огонь.

Новозеландские артиллеристы, Королевская Конная Артиллерия и Нортумберлендские Гусары провели весь день 24 апреля, расставляя своих пушек и складирова боеприпасы, воздерживаясь от открытия огня и ожидая для этого наилучшего момента, и этот момент наступил: они нанесли врагу тяжелые потери, немецкая атака была остановлена. Поздним вечером этого дня артиллеристы сняли с пушек замки, уничтожили их и организованно отступили через позиции последнего арьергарда, чтобы весь следующий день прятаться от немецких самолетов и добраться следующей ночью до пляжей.

Последний арьергард занимал позиции в 7 милях к югу от Тебеса и примерно в 35 милях к северо-западу от Афин на гряде, с которой хорошо просматривался горный проход – узкая долина. Боевая группа была представлена австралийцами, новозеландцами и британцами. Обойти позиции союзников было почти невозможно. Они хорошо замаскировались, ведение огня по самолетам было запрещено, соблюдалось полное радиомолчание. Защитники *Фермопильской Линии* прошли через этот рубеж на пути к пляжам в ночь с 24 на 25 апреля, но колонна немецких машин появилась перед ним только около 11 утра 26-го. Попад под огонь обороняющихся, они понесли тяжелые потери и были остановлены.

В ночь с 26 на 27 апреля последний арьергард отступил за Афины к небольшому порту Рафти/Rafti, откуда к тому времени уже эвакуировали около 5 000 человек. Весь следующий день арьергард ждал появления немцев, но их были заняты тем, что соперничали друг с другом за честь вступления в Афины, водружения флага со свастикой над Акрополем и отправки приветственной телеграммы Гитлеру... В поздние послеполуденные часы в поле зрения появилась колонна немецкой бронетехники, которая была встречена артиллерийским и пулеметным огнем. Колонна отступила, уступив место пикирующим бомбардировщикам. По счастью, наступали сумерки, и *Люфтваффе* было вынуждено перенести атаки на утро. Около 20.00 полевые пушки британцев были выведены из строя, моторы машин испорчены после того, как их моторы подержали включенными со слитым маслом или разбили кулаками. После этого арьергард в полном составе отбыл на Крит.

Эвакуация и эпилог

События развивались все быстрее. В тот день, когда защитники *Фермопильской Линии* отбивали немецкие атаки, генерал Папагос подал в отставку со своего поста, греческая армия капитулировала, король Георг II покинул свою страну, а австралийцы с новозеландцами получили приказ эвакуироваться. Генерал Фрейберг отметил, что последний арьергардный бой лег на плечи его 4-й Бригады, и спросил, кто будет дальше командовать людьми. Ему ответили, что этим займутся те, кто руководит эвакуацией – *Movement Control*. Фрейберг отправил в эвакуацию свой штаб, а сам остался со своими солдатами и офицерами.

Генерал Уилсон оставался в Афинах до последней минуты, прибыв к мосту через Коринфский канал перед рассветом 26 апреля. Эвакуация проходила организованно: 5-я Новозеландская Бригада, снятая с *Фермопильского рубежа* раньше остальных, целиком погрузилась на корабли в ночь с 24 на 25 апреля, как и почти 7 000 тылового персонала. В следующую ночь отбыла примерно половина австралийцев: всего за первые две ночи эвакуировались более 18 000 человек. На берегу оставались около 40 000 солдат и офицеров союзников.

Коринфский мост был наиболее уязвимым местом на пути союзников, и теперь его охраняли всего три танка, несколько австралийцев и большая группа греческих солдат, но для последних война уже закончилась. Через несколько часов после того, как генерал Уилсон и его штаб пересекли этот мост высотой 150 футов, интенсивная атака с воздуха вывела из строя все зенитки, охраняющие его, и сразу вслед за этим в воздухе появилась группа низколетящих *Ju-52*. Небо заполнило множество разноцветных парашютов. После приземления примерно тысячи десантников недалеко от моста стали садиться планеры. Десантники сняли охрану моста и бросились обезвреживать заложенные под мост подрывные заряды. Через несколько мгновений он взлетел на воздух, убив большое число немцев... История подрыва моста остается полной противоречий. Двое британских офицеров вели огонь из винтовок по зарядам, что могло вызвать взрыв, и сами они были уверены в этом, но эксперты утверждают, что выстрелы не могли вызвать детонацию. Немцы считали, что взрыв произошел из-за поспешных действий тех, кто пытался обезвредить заряды, или же детонация была вызвана осколком снаряда, но в этот момент артиллерия не стреляла по мосту. Пока наиболее вероятной считается версия подрыва в результате винтовочной стрельбы по зарядам.

К югу от канала численное превосходство немцев сказалось уже вскоре, и немногие обороняющиеся были ими смяты, хотя они успели убить или ранить 285 солдат и офицеров 2-го парашютного Полка противника. Так или иначе, это был заметный успех немцев, и они 26 апреля с триумфом вступили в Коринф в сопровождении захваченного у британцев танка. Говоривший по-гречески немецкий офицер освободил мэра города от его обязанностей. По всей Греции наблюдалась похожая картина: танки и бронетранспортеры, забитые перепачканными пылью солдатами, с грохотом вкатывались в города, на первый взгляд, покинутые жителями. Через 2-3 часа солдаты уже были чистыми и подтянутыми и начали с помощью листовок, в которых объяснялось, как переводить рейхсмарки в драхмы, покупать в местных лавках еду и сувениры. Греки стали постепенно выходить из своих домов и разглядывать завоевателей. Через несколько дней все уже знали все про рейхсмарки, и бизнес активизировался. Все выглядело не так уж и плохо.

Одна из сцен эвакуации. Солдаты идут через Каламату к пляжам...

С момента захвата немцами Коринфского моста, точнее, его руин, до ухода последнего корабля с эвакуируемыми войсками прошло почти трое суток. За это время еще 30 000 британцев и австралийцев покинули Грецию. Это произошло благодаря дисциплине и организованности британцев и, частично, тому, что немцы не воспользовались в полной мере возможностями помешать эвакуации. Они обнаружили, что *Фермопильская Линия* была оставлена противником в полночь 24 апреля, но прошло почти 2 ½ дня, прежде чем они вышли к Тебесскому рубежу. Все это время эвакуация шла полным ходом. После захвата Коринфского моста на этот участок прибыли свежие части со стороны Фермопил, Дивизия *LAN* также прибыла из западной Греции и переправилась на Пелопоннесский полуостров на малых судах из порта Патрас/Patras. В это время по полуострову все еще было разбросано большое количество британцев, но немцы не предприняли решительных усилий, чтобы не дать им возможности эвакуироваться.

Наибольшую активность проявило *Люфтваффе*. Самолеты немцев бомбили и обстреливали все, что двигалось, и потопили множество кораблей и судов. В ночь с 25 на 26 апреля голландский транспорт *Slamat* начал загружать на борт людей в порту Навплион, но дело шло медленно. К 03.00, когда пришел приказ уходить в море, он был полон только на две трети, и капитан не мог оставить так много людей на берегу в сложившейся ситуации. Он медлил несмотря на повторные приказы и вышел в море только в 04.15. К 07.00 он все еще оставался в пределах досягаемости вражеской авиации и был потоплен.

Эсминцы *Diamond* и *Wryneck* покинули конвой и попытались подобрать из воды уцелевших – первый подобрал около 600 человек, но вскоре оба корабля были потоплены *Штуками*. Погибли почти 1 000 солдат, офицеров и моряков. Из 500 человек, взошедших на борт транспорта, выжили 8 человек. Из 193 членов экипажа и 21 зенитчика (австралийцы и новозеландцы) выжили 11 человек, из них шестеро индийцев из Гоа и четверо голландцев.

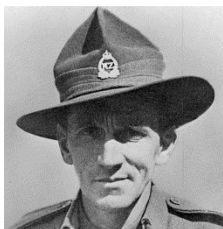

Австралийцы и новозеландцы ведут огонь по пикирующим бомбардировщикам немцев с палубы голландского пассажирского судна Costa Rica. 27 апреля 1941 года две или три бомбы взорвались рядом с его бортом, после чего судно пошло ко дну. Почти вся команда и находившиеся на борту солдаты и офицеры были спасены кораблями Королевского ВМФ...

В ночь с 27 на 28 апреля более 21 000 человек покинула Грецию с пяти различных пляжей. В следующую ночь – еще 5 000 новозеландцев из 6-й Бригады с самого юга Пелопоннеса.

На тот момент на берегу оставалась только одна большая группа – около 7 000 человек в районе Каламаты, к тому времени оттуда эвакуировали около 8 000 солдат и офицеров.

Но это было 28 апреля, и в это время 5-я Танковая Дивизия немцев и Дивизия *LAN* уже продвигались по полуострову. Авангард *панцеров* смял небольшой арьергард из состава 4-го Полка Гусар, ворвался в Каламату и взял в плен офицера, руководившего эвакуацией, и его радиста, прервав тем самым связь с приближающимися к побережью кораблями союзников.

Тысячи солдат союзников не были организационно готовыми к тому, чтобы принять бой: всего 800 из них принадлежали к фронтовым частям, остальные были тыловиками. Царила неразбериха, но союзники оказали сопротивление немцам. Среди тех, кто сражался до последнего, был британский майор-танкист, который два часа отстреливался из *Брена*. Сержант-новозеландец по имени Джон Хинтон (John Hinton, на фото слева) под прикрытием огня, который вел майор, собрал группу людей и с криком «*К черту всё, кто со мной?*» пошел с ними в атаку на немцев.

Он забросал гранатами вражеское пулеметное гнездо, после чего с товарищами отогнал от 6-дюймовой пушки расчет, который укрылся в двух соседних домах. Затем он разбил окно, ворвался в один из домов и штыком перебил засевших в нем немцев, после чего сделал то же самое с теми, кто находился во втором доме. Позднее он был ранен пулей в живот и попал в плен. Несколько месяцев спустя, уже в лагере для военнопленных, он узнал о том, что был награжден *Крестом Виктории*. Ленточку к ордену ему вручил немецкий генерал на общем построении военнопленных, сам Хинтон успел к тому времени совершить несколько попыток бежать из лагеря.

Сцены поражения: слева сверху – те, кого так и не подобрала корабли; справа сверху – брошенная британская техника; слева внизу – на пути из Греции; справа снизу – брошенные эвакуированными солдатами каски и оружие

В ожесточенном бою каждая из сторон потеряла по 300 человек убитыми и ранеными, и, как ни удивительно, на какое-то время британцы взяли вверх. У людей вновь появилась надежда на успешную эвакуацию. Соединение британских кораблей из двух крейсеров и шести эсминцев было на пути к Каламате, когда в городе шел бой. Моряки прочли сообщение, переданное сигнальным фонарем: «В гавани *боши* (*Boche* - одно из прозвищ

немцев – ВК).» 1-й лейтенант идущего впереди эсминца *Hero* отправился на берег, чтобы узнать, что происходит, но командир соединения, увидев в небе трассы пулеметных очередей и услышав грохот взрывов в городе, разумно решил, что число людей, которых, вероятно, удастся спасти, не оправдывает риск, которому будут подвергнуты корабли. Он приказал своему соединению уходить в море, и, хотя 1-й лейтенант *Hero* через 40 минут просигналил, что огонь прекратился и что эвакуация людей возможна, командир не изменил своего решения. Крейсер, на котором он находился, пока не принимал участия в эвакуации людей из Греции, и сцены на берегу могли показаться ему более драматичными, чем они были на самом деле. Так или иначе, 7 000 человек остались на берегу, некоторые из них были крепкими бойцами, сражавшимися в арьергардных боях на всех рубежах обороны от севера Греции до южного побережья.

Среди оставшихся многие смогли с помощью мужественных греков найти себе укрытие, кому-то из них удалось бежать и воссоединиться со своими частями, кто-то найдет себе место в партизанских отрядах, но подавляющее большинство окажется в лагерях для военнопленных на долгие четыре года.

Потери британцев, австралийцев и новозеландцев в Греческой кампании

Контингент	Отправлено в Грецию	Потери убитыми	Потери ранеными	Попало в плен
Австралийцы	17 125	320	494	2 030
Новозеландцы	16 720	291	599	1 614
Британцы	21 880	146	87	6 480

Раненые австралийцы и новозеландцы в госпитале для военнопленных близ Пирея

Королевские ВВС потеряли в Греции 72 самолета сбитыми в бою и 137 уничтоженными на земле. Флот потерял два эсминца, четыре транспорта и 21 судно. Сухопутные силы потеряли 104 танка, 400 орудий, 1 800 пулеметов и 8 000 автомашин.

Греческая армия потеряла 13 408 человек убитыми, 42 485 ранеными и 1 290 пропавшими без вести. В плен сдались 270 000 греков. Италия за время боев на Албанском фронте потеряла 19 755 человек убитыми, 63 142 ранеными и 26 067 пропавшими без вести.

Германские вооруженные силы – 1 160 убитыми, 3 755 ранеными и 365 пропавшими без вести.

ВТОРЖЕНИЕ НА КРИТ – МАЙ 1941 ГОДА

Сражение за Крит (нем. - Luftlandeschlacht um Kreta), получившее кодовое наименование операция Merkur, было крупнейшей за все годы ВМВ воздушно-десантной операцией, предпринятой германским командованием. Она началась 20 мая 1941 года с высадки немецких парашютистов на нескольких участках западной части острова Крит. Остров обороняли части британских и греческих вооруженных сил, в его обороне приняло участие и гражданское население. В первый день операции немцы понесли тяжелые потери, но уже на следующий день из-за проблем со связью у союзников и нерешительности их командования, а также благодаря своим решительным и агрессивным действиям немцы сумели занять аэродром Малеме/Maleme, что дало им возможность перебросить на остров подкрепления и взять вверх. Главные силы союзников отступили на юг, и больше половины из них были эвакуированы Королевским ВМФ. Остальные сдались в плен или присоединились к партизанам. ВМФ британцев понес исключительно тяжелые потери.

Предпосылки вторжения

Британское командование первоначально разместило на острове гарнизон после того, как [итальянские войска вторглись в Грецию](#) 28 октября 1940 года. Это дало греческому правительству возможность использовать 5-ю Критскую Дивизию на континентальном фронте. Крит имел важное значение для британцев: здесь могли базироваться в превосходных гаванях корабли Королевского ВМФ, угрожая коммуникациям [Оси](#) в восточном Средиземноморье, а бомбардировщики Королевских ВВС могли наносить отсюда удары по румынским нефтяным приискам, имевшим для нацистов стратегическое значение...

Итальянцы, атаковавшие Грецию осенью 1940 года, были отброшены, но последовавшее за этим германское вторжение в апреле 1941 года не оставило шансов греческой армии и поддерживавшим ее войскам Британского Содружества. В конце месяца 57 000 солдат и офицеров союзных войск были [эвакуированы из Греции](#) кораблями Королевского ВМФ. Часть этих войск была доставлена на Крит, правда, вооружены эти люди были, в основном, стрелковым оружием: тяжелую технику британцам пришлось бросить. Вскоре после этого британский премьер-министр Уинстон Черчилль отправил своему начальнику генерального штаба, генералу [Джону Диллу](#), телеграмму следующего содержания: «Потеря Крита по причине того, что у нас там нет достаточной массы войск, будет преступлением.»

Германское верховное командование на тот момент было целиком занято подготовкой к вторжению в СССР и, по большей части, возражало против атаки на Крит. Однако Гитлер беспокоился о безопасности своего южного фланга, в особенности, – источников нефти в Румынии, а старшие офицеры *Люфтваффе* с энтузиазмом отнеслись к идее захвата Крита силами внезапно выброшенного воздушного десанта, имея опыт в той или иной степени успешных операций подобного рода в западной и северной Европе. Желание восстановить свой престиж, подорванный поражением в [Битве за Британию](#) менее года назад, могло сыграть свою роль в позитивном восприятии этой идеи командованием германских ВВС. Гитлер, в итоге, дал свое согласие, вдохновленный громогласными обещаниями, и в Директиве №31 отметил, что «Крит ... станет операционной базой, используя которую, будут продолжены боевые действия в воздухе в восточном Средиземноморье в соответствии с ситуацией в северной Африке.» В директиве также говорилось о том, что

операция будет проводиться в мае и она не должна будет стать помехой для запланированной кампании против Советского Союза. Перед вторжением на Крит немцы осуществили серию бомбардировок острова с воздуха, чтобы добиться превосходства в небе и вынудить Королевские ВВС перебросить остававшиеся на нем самолеты в Александрию.

Прелюдия

Силы союзников

До апреля на Крите не было постоянно базирующихся эскадрилий Королевских ВВС, но строительство аэродромов к тому времени началось, станции радиолокационного слежения были размещены, и необходимые материалы доставлены. Техники на Средиземноморье британцам не хватало, тем более для такого захолустья, как Крит. Всего за семь месяцев на острове сменилось семеро командующих...

В начале апреля аэродромы в Малеме и Ираклионе/Heraklion и взлетно-посадочная полоса (ВПП) в Ретимно/Rethymno на северном побережье были готовы к использованию, строительство еще одной ВПП в Педиада-Кастелли/Pediada-Kastelli было близко к завершению. После немецкого вторжения в Грецию роль местного гарнизона сменилась от охранной по отношению к военно-морской базе к подготовке к отражению вторжения противника. Капитан Группы/ Group Captain Джордж Бимиш (George Beamish, до войны – известный игрок в регби, много раз выступавший за сборную Ирландии), был назначен Старшим Офицером ВВС/Senior Air Officer на Крите. Он получил приказ подготовиться к приему бомбардировщиков *Бристоль Бленхейм/Bristol Blenheim* 30-й и 203-й эскадрилий, перебрасываемых из Египта, и остававшихся в строю истребителей из Греции, которые должны были прикрыть с воздуха эвакуацию сил союзников из Греции. Это дало возможность перебросить 25 000 военнослужащих войск Британского Содружества на остров. В дальнейшем их должны были сменить свежие части из Египта.

ВМФ предпринял попытку доставить на Крит 27 000 тонн грузов в период с 1 по 20 мая 1941 года, но атаки *Люфтваффе* вынудили большую часть судов повернуть назад – доставлены были всего 2 700 тонн. Базирувавшиеся на острове к моменту вторжения авиационные части были представлены остававшимися в строю истребителями 33-й, 80-й и 112-й эскадрилий и одной эскадрильей флотской авиации, тогда как *Бленхеймы* получили приказ перебазироваться в Египет. К середине мая четыре эскадрильи располагали двумя десятками самолетов, из которых лишь двенадцать находились в боеготовом состоянии из-за нехватки запчастей и инструментов.

Недостроенная ВПП в Педиада-Кастелли была заблокирована траншеями и грудами грунта, в Ираклионе и Ретимно все полосы, кроме самых узких, были перегорожены заполненными землей бочками. В Малеме для самолетов были построены капониры, а наземный персонал был в любую минуту готов поджечь штабеля бочек с горючим пулеметным огнем. Вокруг каждого аэродрома были размещены по несколько полевых пушек, зениток, по два пехотных танка и по два или легких танка. Всего в распоряжении британцев имелись 8 3-хдюймовых зениток и 20 40-мм зениток *Бофорс/Bofors*.

30 апреля 1941 года генерал-майор [Бернард Фрейберг](#) был назначен командующим союзными силами на Крите (Creforce). К маю численность греческих войск на острове достигла 9 000 человек: три батальона из состава 5-й Дивизии, оставленные в тылу после того, как основные силы дивизии были отправлены в континентальную Грецию, критская жандармерия – 2 500 человек, гарнизонный батальон Ираклиона – транспортники и персонал снабжения, и остатки 12-й и 20-й греческих дивизий, успевшие эвакуироваться из Греции и реорганизованные под руководством британцев. На остров также были переброшены кадеты полицейской академии и новобранцы из учебных центров, расположенных на Пелопонесских островах.

Части войск Содружества состояли из 14 000 солдат и офицеров британского гарнизона острова и 25 000 британцев, новозеландцев и австралийцев, эвакуированных из континентальной Греции. Последние представляли собой набор необстрелянных частей, собранных наскоро из совершенно разных людей частей смешанного состава и дезертиров. В большинстве своем эти части не имели тяжелого вооружения. Они относились ко 2-й Новозеландской Дивизии (без 6-й Бригады и дивизионного штаба), 19-й Австралийской Бригадной Группы и 14-й Пехотной Бригады, а также британской 6-й Дивизии. Всего в них входили около 15 000 пехотинцев - обстрелянных солдат и офицеров, и около 5 000 человек из прочих частей, вооруженных по пехотному образцу, а также сборная австралийская артбатарея.

4 мая Фрейберг отправил сообщение командующему силами союзников на Ближнем Востоке генералу [Арчибальду Уэйвеллу](#), в котором просил эвакуировать около 10 000 ненужного персонала, не имевшего оружия и «мало чем занятого помимо конфликтов с местным населением.» В связи с этим 3 200 британцев, 2 500 австралийцев и 1 300 новозеландцев были эвакуированы в Египет, но стало очевидным, что удалить всех ненужных людей будет невозможно. Между вечером 15-го и утром 16 мая союзные войска на острове были усилены 2-м Батальоном Лестерского (Leicester) Полка, переброшенным из Александрии в Ираклион крейсерами *Gloucester* и *Fiji*. На 17 мая гарнизон острова состоял из 15 000 британцев, 7 750 новозеландцев, 6 500 австралийцев и 10 200 греков. Утром 19 мая на Крит прибыли 700 солдат и офицеров полка *Арджиллцев и Сазерлендских Горцев/Argyll and Sutherland Highlanders*, доставленных в Тимбаки/Tymbaki на военном транспорте *Glengyle*.

Силы Оси

25 апреля Гитлер подписал Директиву №28 с приказом о вторжении на Крит. Королевский ВМФ на тот момент сохранял контроль над водами, омывающими остров, поэтому о высадке морского десанта речь не шла. Поскольку *Люфтваффе* доминировало в небе, был избран вариант с высадкой воздушного десанта. Вторжение должно было стать первой крупной операцией подобного рода: в ходе боевых действий в Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции и Греции немцы прибегали к сбросу парашютистов и высадке боевых групп с планеров в меньших масштабах. В Греции воздушный десант был использован для захвата моста через Коринфский канал, который уже был подготовлен к взрыву британскими саперами.

В мае немецкий 11-й Авиационный Корпус/Fliegerkorps XI был переброшен из Германии в район Афин, но разрушения, связанные с недавними боевыми действиями на территории Греции, вынудили командование отложить атаку на Крит. Были построены новые аэродромы, на которых были собраны 280 дальних бомбардировщиков, 150 пикирующих бомбардировщиков, 90 истребителей *Me-109* и 40 самолетов-разведчиков 8-го Воздушного Корпуса/Fliegerkorps VIII вместе с 530 транспортными самолетами *Ju-52* и 100 планерами. *Me-109* и *Штуки* расположились на передовых аэродромах в Молаои/Molaoi, Мелосе/Melos и Карпатосе/Karpathos (в то время – Скарпанта/Scarpanto) с базовыми аэродромами в Коринфе и Аргосе/Argos. Истребители *Me-110* базировались близ Афин, в Аргосе и в Коринфе – все в пределах 200 (сухопутных) миль (320 км) от Крита, в то время как бомбардировщики и самолеты разведчики разместились в Афинах и Салониках, а один их отряд – на острове Родос. Также использовались базы в Болгарии – в Софии и в Пловдиве. 10 аэродромов были всепогодными и располагались на расстоянии 200-250 (сухопутных) миль от Крита. Транспортные самолеты должны были взлететь с баз, находившихся близ Афин и в южной Греции, в том числе, в Элефсисе/Eleusis, Татои/Tatoi, Мегаре/Megara и Коринфе/Korinth. В последние несколько ночей перед операцией британские ночные бомбардировщики атаковали вражеские аэродромы, тогда как немецкие самолеты уничтожили британские самолеты, базировавшиеся на Крите.

Немцы запланировали захват силами десантников важнейших пунктов острова, включая аэродромы, которые затем могли бы быть использованы для переброски грузов и

подкреплений. Воздушный десант планировали осуществить двумя волнами. 11-му Воздушному Корпусу предстояло координировать высадку 7-й Авиадивизии/7th Flieger Division (позднее – 1-я Воздушно-десантная), которая производилась парашютистами и планерным десантом. За ней, после захвата аэродромов, должна была следовать 22-я Аэромобильная Дивизия/22nd Air Landing Division. Операция была назначена на 16 мая 1941 года, но была отложена до 20-го: 22-ю Дивизию заменили на 5-ю Горную Дивизию/5. Gebirgs-Division. Перед началом вторжения 11 итальянских подводных лодок заняли позиции близ британских баз Соллум/Sollum и Александрия в Египте.

Разведка в действии

Британцы

Генерал-майор [Курт Штудент](#) (Kurt Student), командующий 11-м Авиационным Корпусом, не стал добавлять вторжение на Крит к операции *Marita* (вторжение в Грецию) до марта 1941 года, так как проблемы со снабжением замедлили сбор на аэродромах самолетов 11-го Корпуса и его 500 транспортников *Ju-52*, после чего другие задержки вынудили отложить операцию до 20 мая. Британское Военное Министерство ожидало, что немцы будут использовать воздушные десанты на Балканах, и 25 марта в результате радиоперехвата стало ясно, что 11-й Корпус собирает *Ju-52* для буксировки планеров. При этом британская разведка сообщила о том, что 250 самолетов этого класса уже находятся на Балканах. 30 марта отряд *Süssmann*, часть 7-й Воздушной Дивизии, был замечен в Пловдиве. Информации о целях сбора и размещения на аэродромах этих самолетов получено не было, но 18 апреля выяснилось, что 250 *Ju-52* были сняты с других участков, где осуществляли повседневные операции, а 24-го стало известно, что Геринг зарезервировал их для спецоперации. Этой операцией оказался десант в районе Коринфского моста, состоявшийся 26 апреля, но потом выяснилось, что за ним должна последовать другая операция и что необходимые материалы для нее должны прибыть в распоряжение 11-го Корпуса к 5 мая. Первое упоминание Крита в радиосообщениях *Люфтваффе* было раскодировано 26 апреля. Британские генштабисты побаивались того, что вместо Крита целью вторжения станет Кипр или [Сирия](#), если немцы решат проложить путь в Ирак, где прогермански настроенные силы подняли [антибританский мятеж](#), который растянется почти на месяц (2-31 мая 1941 года), и подозревали, что использование слова *Крит* в радиосообщениях было попыткой сбить их с толку, хотя оснований для этого не было. Сам Черчилль 3 мая было подумал, что атака на Крит может быть лишь отвлекающим маневром...

Командование Критского гарнизона 18 апреля было проинформировано о том, что несмотря на сомнения остров подключили к линии связи с Каиром. 16 и 21 апреля были получены разведданные о том, что воздушно-десантная операция должна стартовать из Болгарии. 22 апреля штаб британцев на Крите получил приказ сжечь все материалы, полученные по линии, связанной с раскодированием радиоперехватов ([Ultra](#)), но Черчилль настоял на том, чтобы данные подобного рода продолжали передавать на Крит. Когда Фрейберг принял на себя командование гарнизоном 30 апреля, эти данные стали пересылать как полученные агентом в Афинах. Последние сомнения в том, что атака на остров состоится, отпали 1 мая, когда *Люфтваффе* получило приказ приостановить бомбардировки аэродромов на Крите и минирование залива Суда и приступить к аэрофотосъемке всего острова. К 5 мая стало очевидно, что вторжение не произойдет в ближайшие дни и что его ожидаемая дата – 17 мая. Стало известно, что высадку десанта следует ожидать близ Малеме, Ханьи/Chania/Χανιά, Ираклиона и Ретимно.

Немцы

[Адмирал Канарис](#) (Wilhelm Canaris), шеф [Абвера](#), первоначально сообщил о присутствии на Крите 5 000 британцев и не упомянул о наличии на нем греческих войск. Остается неясным то, был ли сам Канарис, имевший обширную разведывательную сеть,

дезинформирован, или же он попытался дезинформировать Гитлера, играя в свою игру. *Абвер* также предсказал, что местные жители будут приветствовать прибывших на остров немцев как освободителей по причине преобладания среди них республиканских и антимонархических настроений и «... захотят получить благоприятные [для них] условия [мира], подобные достигнутым в самой Греции...» Хотя покойный премьер-министр Греции [Элефтериос Венизелос](#) был уроженцем Крита и его либеральные и республиканские идеи пользовались сильной поддержкой на острове, немцы сильно недооценили верность местного населения стране и королю. [Король Георг II](#) и его приближенные бежали из Греции через Крит с помощью греческих солдат и солдат Британского Содружества, гражданских лиц и даже группы заключенных, ранее освобожденных немцами из тюрьмы. Разведотдел немецкой 12-й Армии был менее оптимистичен относительно численности войск противника на острове, но также недооценил ее. Генерал [Александр Лёр](#) (Alexander Löhr), командующий 4-м Воздушным Флотом немцев, был уверен в том, что остров можно будет занять силами двух дивизий, но решил придержать 6-ю Горную Дивизию в Афинах в качестве резерва.

Оружие и снаряжение

Греки

Греческие солдаты были вооружены 6.5 мм горными карабинами *Mannlicher-Schönauer* или винтовками *8x56R Mannlicher-Schönauer M1895*, доставшимися грекам в качестве репараций от побежденной в ходе ПМВ Австро-Венгрии. Около 1 000 греков располагали лишь антикварными французскими винтовками *Fusil Gras mle 1874*. Греки лишились лучших видов тяжелого оружия: все это было переправлено на континентальные фронты. Они располагали двенадцатью устаревшими легкими пулеметами французского производства *St. Étienne Mle 1907* и еще сорока легкими пулеметами. У многих из греческих солдат весь боезапас составлял менее 30 патронов: больше для их устаревших винтовок взять было просто неоткуда. Те из них, кому не хватало боеприпасов, были размещены на востоке острова, где не ожидалось высадки больших сил немцев. 8-й Греческий Полк был недоукомплектован людьми, многие его солдаты были плохо обучены и вооружены. Эта часть была подчинена 10-й Новозеландской Пехотной Бригаде (командир – [Ховард Киппенбергер](#) (Howard Kippenberger)), который разместил полк на оборонительных позициях близ деревни Аликианос/Alikianos, где он вместе с добровольцами из местных примет бой против немецкого 7-го Инженерного Батальона.

Хотя Киппенбергер отзывался о них как о «не более чем потрепанных малярией низкорослых парнях, ... прослуживших всего четыре недели», греки будут отражать атаки противника до тех пор, пока у них не кончатся боеприпасы, после чего пойдут в атаку с примкнутыми штыками, сомнут немцев и захватят винтовки и патроны. Инженеры получают подкрепление в виде двух батальонов парашютистов, однако 8-й Полк продержится до 27 мая, пока немцы не предпримут комбинированную атаку силами *Люфтваффе* и горных стрелков. Стойкость греков поможет осуществить эвакуацию части британских войск через Сфакию/Sphakia.

Войска Британского Содружества

Британцы, австралийцы и новозеландцы были вооружены стандартными винтовками *Lee-Enfield*, ручными пулеметами *Брен/Bren* и пулеметами *Викерс/Vickers*. На вооружении у союзников было 85 орудий различных калибров, в том числе, 9 полевых пушек и 8 гаубиц калибра 3.7 дюйма, многие орудия были отбиты в качестве трофеев у итальянцев и не имели прицелов. Зенитная артиллерия была представлена одной легкой батареей, вооруженной 20-мм автоматическими пушками, которые поделили между двумя аэродромами. Пушки были замаскированы, часто в прилегающих к ним оливковых рощах, при этом некоторые расчеты получили приказ придерживать огонь во время первоначальной атаки немцев, чтобы остаться незамеченными пилотами вражеских

истребителей и пикирующих бомбардировщиков... Британцы располагали девятью пехотными танками *Матильда/Matilda* Эскадрона В 7-го Королевского Танкового Полка и шестнадцатью легкими танками *Mark VIВ* Эскадрона С 3-го Полка Собственных Гусар Короля/King's Own Hussars.

Матильды были вооружены 40-мм пушками, стрелявшими только бронебойными снарядами – не самым эффективным противопехотным средством (в то время использование фугасных снарядов малых калибров считалось непрактичным.) Танки были в плохом техническом состоянии, их двигатели были изношены, и на месте их капитальный ремонт был невозможен. Большая часть танков будет использована в качестве ДОТов, будучи вкопанными в землю на огневых позициях. У одной из *Матильд* поворотный механизм башни был неисправен, и она могла вращаться только по часовой стрелке. Многие британские танки выходили из строя не в бою, а при прохождении по сильно пересеченной местности. В частях Содружества не хватало легких бронетранспортеров и грузовиков, которые могли бы придать им мобильность и огневую мощь, необходимые для быстрых контратак в тот период времени, когда десантники еще не закрепились на позициях после высадки.

Немцы

У немецких десантников на вооружении была безоткатная [75-мм пушка *Leichtgeschütz 40*](#). Ее вес - 150 кг – составлял 10% веса стандартной немецкой 75-мм полевой пушки, однако дальность ее стрельбы была равна 2/3 от дальности последней. Она стреляла снарядами весом 5.9 кг на расстояние не более 3-х миль (4.2 км). Четверть немецких парашютистов покидала самолеты с автоматом *MP-40* и, часто, с карабином *98k*. Большая часть отделений немцев имела на вооружении пулемет *MG 34*. Немцы использовали раскраску для идентификации парашютов, на которых сбрасывались контейнеры с винтовками, боеприпасами, оружием, для применения которого были необходимы расчёты, и другие грузы. Тяжелое вооружение, такое как *Leichtgeschütz*, сбрасывалось на специальном тройном парашюте, 37-мм противотанковые пушки крепились в подбрюшье самолетов-транспортников.

Парашютисты также располагали полосами цветной материи, которые должны были выкладываться на местности в качестве опознавательных знаков для координации действий с самолетами поддержки и сбрасывающими грузы транспортниками. Согласно существующему у немцев порядку индивидуальное оружие десантников сбрасывалось в контейнерах. Это оказалось просчетом, так в результате парашютисты в первые минуты после приземления имели при себе только ножи, пистолеты и ручные гранаты. Неважный дизайн немецких парашютов еще больше осложнял им жизнь: в подвесную систему входил только один вытяжной конец, и парашютом было невозможно управлять. Даже имевшие автоматы 25% парашютистов были в невыгодном положении из-за небольшой дальности действия их оружия. Впрочем, очень многие парашютисты будут убиты, так и не успев пустить оружие в ход или добраться до контейнеров с оружием...

Стратегия и тактика

Операция *Merkur*

Гитлер утвердил операцию *Merkur* своей Директивой №28. В ней предстояло принять участие воздушно-десантным и авиационным частям, уже находившимся в этой части ТВД, и частям, которые германское командование намеревалось использовать в ходе операции *Barbarossa*. Операция должна была завершиться до конца мая, и отвлечение ряда частей не должно было задержать вторжение в СССР. Планирование атаки на Крит проходило в спешке и сопровождалось импровизациями: в ней должны были принять участие войска, не прошедшие подготовку к воздушно-десантным операциям.

Немцы запланировали захват Малеме, но среди них были дебаты по вопросу о необходимости концентрации сил на этом направлении и их численности на других участках, таких как менее значительные аэродромы в Иракалионе и Ретимно. Генерал-полковник Лёр и командующий военно-морскими силами в этом секторе ТВД, адмирал [Карл Георг Шустер](#) (Karlgeorg Schuster) хотели максимальной концентрации усилий на Малеме с достижением здесь подавляющего превосходства над противником. Штудент хотел большего рассредоточения парашютистов, чтобы добиться максимального эффекта от внезапности вторжения. Как первостепенная цель Малеме представлял атакующим несколько преимуществ: это был крупнейший аэродром, вполне пригодный для приема тяжелых транспортных самолетов. Он был достаточно близок к континентальной Греции для того, чтобы обеспечить здесь воздушное прикрытие силами базирующихся там *Me-109*, и находился на северном побережье острова, что позволяло быстро перебрасывать сюда подкрепления и грузы морем. Компромиссный план был согласован с Герингом: Малеме предстояло захватить в первую очередь, другие цели при этом не должны были быть проигнорированы.

Схематическая карта боевых действий на Крите

Силы вторжения были разделены на боевые группы *Центральную*, *Западную* и *Восточную*. Каждая из них получила название в соответствии с римско-классической темой, намеченной общим названием операции – *Mercur*. В общей сложности для нее выделили 750 планерных десантников, 10 000 парашютистов, 5 000 горных стрелков, которые должны были высадиться с самолетов, и 7 000 солдат и офицеров, которые должны были прибыть на остров по морю. Крупнейшей по численности являлась *Западная* группа. Немецкая концепция воздушно-десантных операций подразумевала высадку небольших групп парашютистов на вражеские аэродромы. Такая группа должна была занять аэродром и захватить зенитные средства, расположенные по его периметру, после чего значительно большие силы могли бы высадиться с планеров. Фрейберг знал об этом, изучив историю предыдущих немецких операций подобного рода, и принял решение сделать аэродромы непригодными для посадки на них летательных аппаратов, но этому решению воспротивилось командование силами союзников на Ближнем Востоке, находившееся в Александрии. Штабисты считали, что вторжение с воздуха обречено на провал и что лучше будет оставить аэродромы в порядке для использования их Королевскими ВВС. В принципе, немцы умели сажать самолеты, и не имея под рукой полностью пригодных к использованию аэродромов. Один из пилотов сумеет совершить аварийную посадку своего транспортного средства на пляж, другие – на полях, они дадут возможность разгрузить свои машины и потом смогут поднять их в воздух. Учитывая это,

остается неясным, как приведение аэродромов в негодность могло бы повлиять на исход сражения за Крит.

Немецкие боевые группы, принимавшие участие в боях за Крит

Название	Кодовое наименование	Командир	Цель
<i>Gruppe Mitte</i> (Group Centre)	Mars	Генерал-майор Вильгельм Зюссман (Wilhelm Süssmann, 1891-20.05.1941)	Тюремная Долина, Ханья, Суда, Ретимно
<i>Gruppe West</i> (Group West)	Comet	Генерал-майор Ойген Майндль (Eugen Meindl)	Малеме
<i>Gruppe Ost</i> (Group East)	Орион	Полковник Бруно Бройер (Bruno Bräuer)	Ираклион

Сражение

20 мая

Сектор Малеме-Ханья

В 08.00 20 мая 1941 года немецкие парашютисты, покинувшие десятки самлтеов *Ju-52*, начали высадку в районе аэродрома Малеме и города Ханья. Малеме и его окрестности обороняли 21-й, 22-й и 23-й батальоны новозеландцев. Немцы понесли тяжелые потери в первые часы вторжения: рота 3-го Батальона 1-го Штурмового Полка потеряла 112 человек убитыми из 126, около 400 из 600 человек первоначального состава 3-го Батальона были убиты были убиты в первый день. Большая часть парашютистов вступила в бой против новозеландцев в районе Малеме и греков в окрестностях Ханьи. Многие планеры, следовавшие за парашютистами, попали под минометный огонь сразу же после приземления, а находившиеся в них десантники были почти полностью уничтожены защитниками острова. В этот день на разбившемся планере погиб генерал Вильгельм Зюссман.

Убитые немцы рядом с разбившимся планером

Некоторые парашютисты и планеры приземлились в стороне от намеченных участков и закрепились к западу от аэродрома Малеме и в так называемой *Тюремной Долине/Prison Valley* близ Ханьи. Обе группы десантников были остановлены и не сумели захватить аэродромы. К вечеру 20 мая немцы постепенно оттеснили новозеландцев с их позиций на *Высоте 107/Hill 107*, господствовавшей над аэродромом Малеме. Греческие полицейские и кадеты вместе с 1-м Греческим (Временным) Полком и вооруженными местными жителями сумели обратить в бегство группу парашютистов, высадившихся в районе пункта Кастелли. 8-й Греческий Полк и группы местных жителей существенно помешали продвижению 95-го Разведывательного Батальона немцев в направлении Колибмари/Kolimbari и Палеохоры/Paleochora, где могли бы высадиться подкрепления союзников из северной Африки.

Немецкие парашютисты направляются к месту сбора после приземления. Многие их товарищи еще находятся в воздухе...

Сектор Ретимно-Ираклион

Вторая волна немецких транспортников, поддержанная немецкими и итальянскими самолетами, появилась в небе Крита после полудня, сбросив дополнительные силы парашютистов и доставив планеры с подкреплениями. Часть их атаковала Ретимно в 16.15,

другая часть – Ираклион в 17.30, где их ждали обороняющиеся, которые сумели нанести им тяжелые потери.

Сектор Ретимно-Ираклион обороняла британская 14-я Бригада вместе с австралийским пехотным Батальоном 2/4 и греческими 3-м, 7-м и *Гарнизонным* (ранее входившим в 5-ю Критскую Дивизию) батальонами. Грекам не хватало оружия и боеприпасов, особенно *Гарнизонному* Батальону. Немцы прорвали оборону союзников под Ираклионом в первый день боев, захватив греческие казармы на западной окраине города и причалы. Греки контратаковали и отбили у противника оба этих объекта. Немцы сбросили листовки, угрожая союзникам смертельными последствиями, если они немедленно не капитулируют. На следующий день Ираклион подвергся интенсивной бомбардировке с воздуха, и понесшие тяжелые потери греческие части отошли и заняли оборонительные позиции на дороге к Кноссосу/Knossos.

К ночи первого дня немцы не сумели достичь ни одной из поставленных целей. Из 493 немецких транспортных самолетов, использованных в операции к тому времени, 7 были сбиты огнем с земли. План, ориентированный на атаки в четырех пунктах с целью заставить противника врасплох вместо концентрации усилий на одном участке, казалось, провалился. Потери первого дня, которые, как выяснится позднее, составили более 1 800 человек, стали шоком для германского командования, и сведения о них быстро достигли Берлина. Среди парашютистов, высадившихся на Крите в тот день, был бывший чемпион мира по боксу в тяжелом весе [Макс Шмеллинг](#) (Max Schmelling), получивший тяжелое ранение в колено осколком мины. Он переживет войну и умрет в возрасте 99 лет...

Макс Шмеллинг на борту самолета в экипировке парашютиста...

21 мая

В ночь с 20 на 21 мая новозеландский пехотный батальон оставил *Высоту 107*, и теперь аэродром Малеме остался без прикрытия. В первый день боев немцы перерезали телефонный провод, соединяющий две занимающие наиболее выдвинутые на запад позиции роты и командира батальона, подполковника Лесли Эндрю (Leslie Andrew, 1897-1969, кавалер *Креста Виктории*), чей КП находился на восточном краю аэродрома. Потеря связи с этими ротами была воспринята комбатом как признак того, что они были смяты и разгромлены, и он отправил командиру бригады запрос на присылку в качестве подкрепления 23-го Батальона. Бригадир Джеймс Харгест (James Hargest, погиб в Нормандии) отклонил просьбу, ошибочно считая, что 23-й Батальон связан оборонительным боем в своем секторе. После неудачной контратаки в поздние часы 20 мая находившимися восточнее частями своего батальона, Эндрю, с согласия Харгеста, под покровом темноты отвел свои силы, чтобы произвести перегруппировку. Капитан Кэмпбелл

(Campbell), командир находившейся западнее остальных роты 22-го Батальона, не имел понятия о том, что батальон отступил, до раннего утра 21-го, после чего также отвел свою роту с западного края аэродрома. Эта неразбериха, отразившая отсутствие должной связи и взаимодействия между частями, оборонявшими Крит, стоила союзникам важнейшего аэродрома и дала немцам возможность перебросить подкрепления сражающимся десанникам безо всякого противодействия.

Находившийся в Афинах Штудент принял решение сфокусироваться на Малеме 21 мая, поскольку на этом участке уже был достигнут максимальный прогресс и потому что на совершенный рано утром этого дня разведывательный полет над Малеме противник никак не отреагировал. Немцы оперативно воспользовались оставлением противником *Высоты 107* и взяли аэродром под контроль, пока неподалеку проходила высадка подкреплений с моря. Союзники тем временем продолжали обстреливать участок...

Союзники контратакуют аэродром Малеме

Германское верховное командование, опасаясь катастрофы, пыталось склонить Штудента к уходу с Крита, но он приложил все усилия к тому, чтобы добиться поставленной цели. Рассчитывая на то, что на второй день у него будет возможность принимать транспортные самолеты на аэродроме он перенацелил 600 парашютистов, которые должны были высаживаться в районе Ираклиона, на Малеме и приказал Рингелю подготовить первую волну горных стрелков к высадке здесь же после полудня. Транспортники начали прибывать в Малеме в 8 утра 21-го с грузами и боеприпасами, горные стрелки, согласно новому плану, - во второй половине дня. Кроме того, Штудент приказал сбросить к западу от аэродрома еще четыре роты парашютистов. Две роты приземлились здесь без проблем, но две другие, оказавшиеся к востоку от аэродрома, были разгромлены 28-м Батальоном новозеландцев.

После полудня 21 мая Фрейберг приказал отбить аэродром Малеме у противника в ночь с 21 на 22 мая. Батальону 2/7 предстояло совершить 18-мильный марш, чтобы сменить 20-й Батальон, который должен был принять участие в этой атаке. Батальон 2/7 не имел собственных транспортных средств, а автомашины, посланные в его распоряжение, задержались из-за атак немецких самолетов. На часах было уже 23.00, когда батальон прибыл на место, чтобы сменить 20-й Батальон, еще три часа ушло у последнего, чтобы выйти на стартовый рубеж для атаки. Контратака началась в 03.30, но потерпела неудачу из-за того, что на рассвете немцев поддержала авиация.

Позднее австралийцы - бригадир Джордж Вэйси (George Vasey, 1895-1945) и подполковник Уильям Кримор (William Cremo, 1897-1962) - подвергли Фрейберга критике за неумение организовать должным образом оборону Малеме, к ним присоединился и бригадир Харгест, но, так или иначе, важнейший аэродром был потерян.

21/22 мая. Немецко-итальянское командование пытается высадить десант с моря

Конвой из 20 реквизированных рыбацких судов – *каиков* - в сопровождении итальянского миноносца *Lupo* попытался доставить подкрепления в район Малеме. Британская боевая группа *Force D* под командованием контр-адмирала Ирвина Гленни (Irvine Glennie, 1892-1980) в составе трех легких крейсеров и четырех эсминцев перехватила конвой до прихода полуночи, вынудив его повернуть назад. Более половины судов были потеряны, хотя *Lupo* пытался оказать сопротивление. Крейсер *Orion* в ходе боестолкновения получил повреждения от *дружественного* огня. Около 2/3 из более 2 000 немцев, находившихся на борту судов конвоя, уцелели благодаря умелым действиям командира *Lupo* Франческо Мимбелли (Francesco Mimbelli, на фото слева). В бою погибли 297 немецких солдат и два британских моряка с крейсера *Orion*. 8 судов конвоя были

потоплены, по меньшей мере, 6 сумели уйти в сопровождении трех итальянских моторно-парусных катеров. Большое количество грузов, однако, ушло на дно. Один *каик* и один катер сумели добраться до Крита. С судна на берег в районе мыса Спафа/Spatha высадились 3 офицера и 110 немецких солдат, тогда как катер прибыл в Актотири/Aktotiri, где его экипаж вступил в столкновение с британским армейским патрулем и понес тяжелые потери. Из числа немецких солдат, прибывших на этом катере в Актотири, только одному удалось в дальнейшем добраться до своих и вступить в бой. По сведениям других авторов, на судне этого конвоя, добравшемся до Крита, были всего 1 офицер и 35 солдат 100-го Полка...

22 мая

Малеме

Силы, сконцентрированные для ночной контратаки на Малеме, были представлены двумя новозеландскими батальонами – 20-м Батальоном 4-й Бригады и 28-м Батальоном Маори 5-й Бригады. Новозеландский офицер, принимавший участие в операции, рассказал о том, что продолжительная задержка с приказом об атаке превратила ночную атаку в дневную. Это и привело к ее провалу. Опасения, вызванные возможной высадкой противника с моря, обусловили то, что ряд частей, которые могли бы принять участие в контрударе, были оставлены на месте, хотя сама вероятность атаки с моря была сведена к нулю прибытием отряда кораблей Королевского ВМФ. Однако и моряки прибыли слишком поздно для того, чтобы поменять планы сухопутного командования. Задержавшаяся контратака началась уже при свете дня 22 мая, в результате чего союзники были атакованы *Штуками* и встречены плотно закрепившимися парашютистами и горными стрелками. Атака постепенно превратилась в уличный бой и сошла на нет. Окончательная потеря аэродрома вынудила защитников острова начать отход на восток, чтобы не оказаться в окружении. Теперь немецкие транспортники прибывали в Малеме с частотой до 20 в час.

22/23 мая. Новая попытка немцев и итальянцев высадить десант с моря

Адмирал [Эндрю Каннингэм](#) направил Боевую Группу С (три крейсера и четыре эсминца под командованием контр-адмирала Эдварда Кинга (Edward Leigh Stuart King) в Эгейское море через пролив Касос/Kasos, чтобы он атаковал флотилию транспортных судов противника, идущих к Криту в сопровождении итальянского миноносца *Sagittario*. Британцы потопили находившийся в одиночестве *каик* в 08.30 и тем самым спасли себя на какое-то время от воздушной атаки, так как немецкие летчики постарались избежать попаданий в своих соотечественников, оказавшихся в воде... Тем не менее, воздушные атаки возобновились, и боевая группа, испытывавшая нехватку боеприпасов для средств ПВО, взяла курс на Милос/Milos, заметив в 10.00 *Sagittario*. Кинг принял решение не атаковать миноносец из-за нехватки боеприпасов и интенсивности продолжавшихся атак с воздуха. Миноносец сам атаковал противника торпедами и выставил дымовую завесу, вступив в перестрелку с британцами, стараясь отвести их в сторону от конвоя. Кинг и в самом деле до 11.00 оставался в неведении о том, что впереди по курсу от него находится крупный вражеский конвой. В итоге, конвой и сопровождающий его корабль сумели ускользнуть, не понеся никаких потерь. Корабли Кинга, несмотря на то, что им не удалось уничтожить перевозящие войска суда, вынудили командование противника оставить попытку высадить десант из 5 000 человек просто фактом своего присутствия в море. Однако в ходе поиска и ухода из этой акватории Боевая Группа С пострадала от воздушных атак: крейсер *Naïad* получил повреждения от близких разрывов авиабомб, а крейсер *Carlisle* – от прямого попадания (при этом погиб командир корабля.) Кинг был раскритикован за пассивность Каннингэмом, который сказал, что «во время воздушной атаки самое безопасное место – посреди флотилии *каиков*.»

Пока Боевая Группа С искала вражеский конвой и отбивалась от самолетов противника, Боевые Группы А1 (командир – контр-адмирал Хенри Ролингс (Henry Bernard Hughes

Rawlings), *B* (командир Хенри Роли (Henry A Rowley, погиб 22.05.1941)) и *D* сблизились к западу от Антикитиры/Antikythera. Озабоченное нехваткой боеприпасов для средств ПВО командование приказало командирам кораблей доложить об их наличии. Выяснилось, что на крейсере *Ajax* их осталось не более 40%, *Orion* – 38%, *Fiji* – 30%, *Dido* – 25% и *Gloucester* – 18%. *Ajax*, *Orion* и *Dido* получили приказ возвращаться в Александрию вместе с Боевой Группой *D* для загрузки боеприпасов, но *Gloucester* и *Fiji* остались с Боевой Группой *A1*.

В 12.25 Боевая Группа *A1*, находившаяся в 20-30 милях от Антикитиры, получила сообщение с просьбой от адмирала Кинга прикрыть поврежденный крейсер *Naiad*. Группа взяла курс на восток и вошла в пролив Китира/Kythera, где встретила с Боевой Группой *C* между 13.30 и 14.00. Будучи старшим по званию, Кинг взял на себя командование образовавшимся соединением, корабли которого находились под атаками *Люфтваффе* и получали в их ходе повреждения. Одна из вражеских бомб попала в линкор *Warspite*, в результате другого прямого попадания был потоплен эсминец *Greyhound*. Кинг приказал эсминцам *Kandahar* и *Kingston* заняться спасением уцелевших членов экипажа эсминца *Greyhound*, тогда как крейсера *Fiji* и *Gloucester* получили соответственно в 14.02 и 14.07 поддержать их силами своими средствами ПВО. В своих рапортах, написанных вскоре после боя, Каннингэм отметил, что Кинг не знал о нехватке боеприпасов для зенитной артиллерии на обоих крейсерах. В 14.13 Кинг и Ролингс обменялись сообщениями, в которых говорилось о нехватке боеприпасов на кораблях боевых групп *C* и *A1*, причем Ролингс выразил беспокойство по поводу приказов, отданных командирам *Gloucester* and *Fiji*. После этого радиообмена Кинг в 14.57 приказал отозвать оба крейсера.

Между 15.30 и 15.50, во время попытки снова присоединиться к Боевой Группе *A1*, *Gloucester* был поражен несколькими авиабомбами. Корабль ушел на дно, 22 офицера и около 700 моряков при этом погибли. Воздушные атаки на боевые группы *A1* и *C* продолжились – две бомбы угодили в линкор *Valiant*, еще одна – в *Fiji*, который потерял ход в 18.45. *Ju-88*, пилотируемый лейтенантом [Герхардом Бреннером](#) (Gerhard Brenner, погиб в 1942 г., на фото слева), сбросил на *Fiji* три бомбы в 20.15, потопив корабль. Зенитчики Королевского ВМФ сбили пять *Ju-87* и пять *Ju-88*, повредив еще 16, некоторые из которых разбились при посадке при возвращении на базу.

23-27 мая

Утром 23 мая 5-я Бригада новозеландцев начала отступление от Малеме на восток. Вскоре на аэродроме приземлились немецкие истребители, подключившиеся к поддержке наземных войск с воздуха. Уже на следующий день немцы оттеснили союзников на высоты Галатас/Galatas.

25 мая на рассвете получившие подкрепления, тяжелое оружие и боеприпасы немцы натолкнулись на сопротивление двух новозеландских батальонов, испытывавших нехватку боеприпасов. Все утро немцы держали противника под интенсивным обстрелом тяжелой артиллерии и минометов, а после полудня смяли и оттеснили новозеландцев. В 16.30 *Штуки* обрушили свои атаки на высоты Галатас, вынудив союзников оставить их. С их потерей исчезли их последние надежды на то, что немцев удастся остановить. Отбиваясь от свежих немецких частей, высадившихся на остров, союзники отступали на юг.

5-я Флотилия Эсминцев, включавшая в себя корабли *Kelly*, *Kipling*, *Kelvin*, *Jackal* и *Kashmir* и находившаяся под командованием [Луиса Маунтбеттена](#), 21 мая получила приказ покинуть Мальту и присоединиться к кораблям, находившимся в водах, прилегающих к Криту. Они прибыли на место уже после того, как были потоплены *Gloucester* и *Fiji*. Их отправили спасать уцелевших британских моряков, после чего они получили приказ атаковать немецкий конвой из примерно 50 судов и *каиков* в районе мыса Спафа (полуостров Родопос/Rodopos на западе Крита) в ночь с 22 на 23 мая, после чего

обстрелять немцев в районе аэродрома Малеме. В итоге, эсминцы *Kelvin* и *Jackal* были направлены на поиск противника, а *Kelly*, *Kashmir* и *Kipling* должны были отправляться в Александрию. Обходя Крит с запада, эти три эсминцы были атакованы 24 *Штуками*. *Kashmir* получил прямое попадание и затонул в течение двух минут, вскоре после этого бомба попала в *Kelly*, который потерял ход и после этого также ушел на дно. Он успел сбить одну *Штуку* и повредить другую, которая разбилась при возвращении на базу. На *Kipling* было сброшено 83 бомбы, но он уцелел и подобрал из воды 279 моряков – 210 человек спасти не удалось... По мотивам этих событий в 1942 году был снят известный фильм [Там, Где Мы Служим](#) (также *Повесть Об Одном Корабле*)/*In Which We Serve*.

Королевский ВМФ понес такие тяжелые потери от атак с воздуха, что 23 мая адмирал Каннингэм сообщил вышестоящему командованию о том, в дневное время операции не могут быть продолжены, однако генштабисты отвергли это предложение. Тем временем британским кораблям удалось рассеять неподалеку от мыса Скафа вражеский конвой, следовавший с подкреплениями на Крит, и нанести противнику ощутимые потери. Немецкие самолеты и итальянские миноносцы и торпедные катера подобрали из воды 262 человека.

Кадры из фильма *In Which We Serve*

После атаки с воздуха на позиции союзников в районе Кастелли 24 мая 95-й Инженерный Батальон немцев из числа горных стрелков атаковал город. Из-за неразберихи, вызванной воздушными атаками, немецкие парашютисты, попавшие в плен 20 мая, сумели бежать, убив и захватив нескольких новозеландских офицеров, поставленных командовать 1-м Греческим Полком. Греки оказали упорное сопротивление, но располагая всего 600 винтовок и несколькими тысячами патронов на 1 000 плохо обученных солдат и офицеров, они не смогли остановить продвижение немцев. Однако люди из 1-го Греческого Полка продолжали оказывать противнику сопротивление до 26 мая, не давая немцам возможности высадить здесь подкрепления.

Утром 25 мая Фрейберг сообщил Уэйвеллу о том, что союзники терпят поражение по причине непрерывного прибытия свежих немецких частей на остров и постоянных атак с воздуха истребителей и бомбардировщиков противника: «Независимо от того, какое решение примет командование, с военной точки зрения наше положение безнадежно».

Несмотря на угрозу со стороны британских кораблей *Кригсмарине* предприняло еще одну попытку доставить грузы десантникам по морю. 24 мая обер-лейтенант цур зее Альберт Остерлин (Albert Österlin), командир так называемой флотилии *Maleme*, реквизирует в Пирее небольшую деревянную баржу и организовал погрузку на нее двух легких танков. На

следующий день, в сумерках, небольшой портовый буксир *Kentauros* вывел баржу из гавани и направился с ней к Криту. Сообщения о присутствии британских кораблей на пути к острову убедили адмирала Шустера в необходимости отложить операцию, и он приказал Остерлину взять курс на небольшую гавань оккупированного немцами острова Китира. На совещании в Афинах 27 мая генералы *Люфтваффе* [Вольфрам фон Рихтгофен](#) (Wolfram von Richthoven), [Ханс Ешоннек](#) (Hans Jeschonnek) и Лёр оказали на Шустера давление и потребовали доставить танки на место, «пока англичане снова не выпустят когти.» Один из офицеров связи Рихтхофена вернулся с острова 26 мая, доложив о том, что парашютисты находятся в плохом состоянии, дисциплина среди них отсутствует, и они не знают, что делать дальше. Он подчеркнул «полную и немедленную необходимость ... в переброске по морю тяжелого вооружения, если мы вообще хотим, чтобы операция продолжилась.»

Альберт Остерлин после доставки на Крит двух легких танков

Шустер отдал Остерлину новый приказ – взять курс на залив Киссамос/Kissamos, где уже был выбран пляж и размечен для выгрузки материалов. Приблизившись к берегу 28 мая, баржа была выставлена впереди буксира и плотно посажена на грунт. Группа инженеров затем взорвала носовую часть баржи, и два танка выкатились на берег. Вскоре танки были переданы в подчинение к *Передовому Отряду Витманна* (назван по имени Аугуста Виттманна (August Wittmann, 1895-1977), командира дивизиона горной артиллерии), развернутого близ водохранилища в *Тюремной Долине*, за день до этого. Это собранный на месте отряд состоял из мотоциклетного батальона, разведбатальона, противотанковой части, моторизованной артиллерийской части и некоторого числа инженеров. Генерал [Юлиус Рингель](#) (Julius Ringel), командир 5-й Горной Дивизии, приказал Виттманну «атаковать из Платаноса/Platanos в 03.00 28 мая с целью преследования основных сил британцев вдоль приморского шоссе, ведущего к Ретимно» и далее к Ираклиону. Хотя танки не сыграли решающей роли в последующих боях, они помогли окружить британские части в районе Кассамоса, после чего на скорости ушли на восток, чтобы поддержать передовую колонну немцев.

В ночь с 26 на 27 мая отряд численностью 800 человек из батальонов коммандо №7 и №50/52 в качестве составной части Боевой Групп *Layforce* высадились на берег залива Суда, находясь под командованием полковника Роберта Лэйкока (Robert Lauscock, 1907-1968). Лэйкок пытался высадить десант 25 мая, но британцам пришлось повернуть назад из-за плохой погоды. Вооруженные лишь винтовками и небольшим количеством пулеметов коммандо должны были создать арьергардный заслон, чтобы дать возможность гарнизону эвакуироваться с острова.

Части немецкого 141-го Горного Полка заблокировали часть дороги между Судой и Ханьей. Утром 27 мая новозеландский 28-й Батальон (Маори) вместе с австралийскими батальонами 2/7 и 2/8 сбили немцев с дороги штыковой атакой. К этому времени в Лондоне

пришли к выводу, что положение союзников на Крите безнадежно и отдали приказ оставить остров. Фрейберг одновременно с этим приказал своим войскам отходить на юг, к побережью, для последующей эвакуации.

Итальянцы высаживаются в районе Ситии/Sitia

26 мая, когда немецкое наступление затормозилось, верховное германское командование обратилось к Муссолини с просьбой отправить на Крит итальянские части для оказания помощи союзнику. После полудня 27 мая итальянский морской конвой покинул Родос с целью высадки бригады из состава 50-й Пехотной Дивизии *Regina* при поддержке 13 легких танков *L3/35*. Участие итальянцев в сражении за Крит окажется незначительным. 28 мая, когда итог кампании был уже очевиден и эвакуация союзников уже началась, итальянский конвой приблизился к восточному побережью острова. Королевский ВМФ к тому времени был полностью занят эвакуацией Критского гарнизона. К 17.00 командир конвоя решил, что самый медленное судно конвоя – *Lince* – нужно будет взять на буксир, чтобы ускорить продвижение всей группы, а эсминец *Francesco Crispi* получил приказ отделиться и обстрелять маяк на мысе Сидерос/Sideros. К 17.20 3 000 итальянцев с техникой и снаряжением были на берегу и начали марш на запад, практически не сталкиваясь с сопротивлением. Они встретились с немцами в Иерапетре/Ierapetra. Позднее итальянцы переместили свой штаб из Ситии в Агиос Николаос/Agios Nikolaos.

Отступление

27 мая Фрейберг передал Уэйвеллу радиосообщение о том, что гарнизон Крита необходимо эвакуировать, пока не наступил полный разгром. Уэйвелл проинформировал о сложившемся положении Черчилля, и тот с неохотой, уже в который раз, дал разрешение Королевскому флоту на эвакуацию наземных войск.

Немцы постепенно оттесняли союзников к южному побережью, применяя авиацию и артиллерию. За авиа- и артналетами следовали атаки мотоциклистов и горных стрелков. Гарнизоны Суды и Беритании/Beritania постепенно откатывались через горы на юг. На полпути к Сфакии, в районе деревни Аскифу/Askifou, находился крупный кратер, получивший у британцев имя *Блюдце/The Saucer*, - единственный достаточно обширный и плоский участок местности, пригодный для сброса воздушного десанта. По периферии кратера союзники разместили оборонительные позиции, чтобы предотвратить высадку здесь парашютистов, которые могли бы заблокировать путь к отступлению. Вечером 27 мая небольшой отряд немцев просочился через оборонительные позиции союзников в районе каньона Имброс/Imbros, создав угрозу отступающей колонне невооруженных союзников. Атака немцев была остановлена четырьмя людьми – единственной группой располагавших оружием военнослужащих. Трое солдат вместе со своим командиром, капралом Дугласом Бигнэлом (Douglas Bignel), пожертвовали собой, дав отступить другим...

Вспоминает врач, лейтенант Британской армии [Теодор Стефанидес](#) (Theodore Stephanides, на фото справа):

Я знал, что участвую в отступлении: на самом деле, я думал о том, не будет ли более правильным назвать это драпом, поскольку всюду и везде люди шли в спешке и беспорядке. Большая часть из них бросила свои винтовки, многие даже избавились от своих рубашек, поскольку день был жарким... Обочины дороги, кюветы почти повсеместно были усеяны брошенным оружием и всячески снаряжением: одеялами, противогазами, ранцами, солнцезащитными шлемами, ящиками и контейнерами всех форм и размеров, консервными банками, коробками с патронами и гранатами; здесь и там можно было наткнуться на открытые нараспашку офицерские саквояжи и чемоданы.

Близ Суды 5-я Новозеландская Бригада и австралийский Батальон 2/7 удерживали немецкий 141-й Горный Полк, который начал обход противника с фланга, и 28 мая в деревне Стилос/Stilos новозеландцы вступили в арьергардный бой. Основные силы немецкой авиации в тот момент находились в небе над Ретимно и Ираклионом, и эти части союзников сумели отступить на юг. Отступление новозеландской бригады прикрывали две роты Батальона Маори, которыми командовал капитан Рэнги Роял (Rangi Atahua Royal, 1892-1965, на фото слева). Им удалось смять позиции 1-го Батальона 141-го Горного Полка немцев и остановить продвижение противника. Когда основные силы новозеландцев отступили далеко на юг, маори

прошли маршем 24 мили, потеряв лишь двух человек убитыми и восьмерых ранеными. В этом районе Боевая Группа *Layforce* была единственной крупной частью союзников, отрезанной и изолированной немцами. Эта группа была разделена командирами на части: отряд из 200 человек, которым командовал сам Лэйкок, осталась в Суде, чтобы прикрывать отход остальных. К *Layforce* присоединились три танка и 20-я Батарея Тяжелой Зенитной Артиллерии. Танкисты и артиллеристы ранее были размещены здесь для охраны портовых причалов Суды и отказались верить в приказ об эвакуации. После однодневного боя Лэйкок отдал приказ о ночном отступлении к Беритании, где к его людям присоединился капитан Роял и его маори, однако в районе деревни Бабали Хани/Babali Khani (также Агиои Пандес/Agioi Pandes) группа *Layforce* снова оказалась отрезанной. Лэйкок и его офицер разведки, [Ивлин Во](#) (Evelyn Waugh, на фото справа, уже тогда довольно известный писатель), сумели вырваться из окружения на танке. Большая часть их отряда и персонала 20-й Батареи погибла или попала в плен. К концу сражения за остров около 600 из 800 людей Лэйкока, высадившихся на Крите, числились убитыми, ранеными или пропавшими без вести: с острова удалось эвакуироваться всего 179 солдатам и офицерам.

Ивлин Во оставил яркое описание сцен отступления и эвакуации из Крита в своем романе *Офицеры и Джентльмены/Officers and Gentlemen* (1955) от лица главного героя:

Выехав из порта, они повернули на шоссе, идущее из Кании (Ханьи – ВК). Ехали с выключенными фарами. Безоблачное небо было усыпано звездами, видимость была удовлетворительной. Вся дорога, насколько можно было рассмотреть, была забита идущими по ней людьми, среди которых то в одном, то в другом месте попадались продвигавшиеся со скоростью пешехода автомашины самых разнообразных видов тоже с выключенными фарами. Некоторые солдаты передвигались в небольших колоннах, в шеренгах по три, с полным снаряжением и с оружием; некоторые были ранены и плелись, поддерживая друг друга; немало брело и одиночных солдат без какого бы то ни было оружия. Грузовик двигался медленно, прокладывая себе путь сквозь этот встречный людской поток. Иногда солдаты со злостью кричали на них. Один солдат сказал: «Эй, приятель, не в ту сторону едешь!» Большинство же шли, не поднимая глаз, и некоторые натыкались на капот и крылья идущего навстречу автомобиля. На протяжении нескольких миль плотность потока людей оставалась неизменной. Наконец грузовик свернул на узкую проселочную дорогу, и вскоре их остановил часовой. Водитель открыл капот и начал что-то откручивать в двигателе, подсвечивая себе ручным фонариком.

– Выключить свет, – потребовал часовой.

– Чем вы там занялись? – спросил водителя майор Хаунд. – Снимаю распределитель зажигания, иначе машину сопрут...

Эвакуация, 28 мая – 1 июня

28 мая-1 июня войска союзников грузились на корабли и суда, уходившие в Египет. В основном эвакуация проходила через Сфакию, которую в ночь с 29 на 30 мая покинули около 6 000 человек. Однако корабли и суда оказались под атаками *Штук*, и эвакуируемый персонал понес ощутимые потери. Около 4 000 человек покинули Крит через Ираклион в ночь с 28 на 29 мая, следующей ночью – 1 500 человек на четырех эсминцах, а в ночь с 31 мая на 1 июня – еще 4 000 человек. Всего с острова было эвакуировано около 18 600 человек из 32 000. 1 июня, на момент полного перехода Крита под контроль *Оси*, на нем оставались 12 000 солдат и офицеров из Великобритании, Новой Зеландии и Австралии.

29 мая боевая группа Виттманна вошла в город Ретимно. Немцы превосходили оставшиеся здесь силы союзников в численности и огневой мощи: они располагали артиллерией, минометами и двумя танками. Немцы стали призывать оборонявших город австралийцев сдаться, выкрикивая по-английски: «Игра окончена, оззу! / Game's up, Aussies!» Полковник Кэмпбелл, командир гарнизона Ретимно, был вынужден отдать приказ о капитуляции. Около 700 австралийцев сдались в плен, вырваться из окружения удалось лишь 51, которые отступили в горы и были подобраны британской подводной лодкой спустя несколько месяцев.

Капитуляция

Вечером 30 мая немецкие мотоциклисты соединились с итальянцами, высадившимися в районе Ситии. 1 июня 5 000 последних защитников Сфакии сложили оружие. К концу декабря еще около 500 солдат и офицеров союзных войск оставались на свободе. Многие из них приняли участие в партизанском движении и еще долгое время после капитуляции не давали оккупантам покоя.

Сопrotивление гражданского населения

Жители Крита приняли участие в попытке отразить немецкое вторжение, пользуясь при этом любым оружием, которое было под рукой. Несколько немецких парашютистов были убиты после приземления ножами и дубинками. В одном из известных случаев пожилой житель Крита забил парашютиста до смерти своей тростью, пока немец пытался выпутаться из парашютных строп. Был случай, когда местный священник и его сын-подросток взломали деревенский музей, взяли в нем два ружья времен Балканских войн и вели из них огонь по немецким парашютистам на участках высадки десанта. Местами гражданское население использовало трофейное оружие. Большие группы жителей Крита присоединялись к греческим воинским частям и принимали участие в контратаках в районе Кастелии и Палеохоры. Впрочем, партизанская борьба и воля к сопротивлению иноземным захватчикам была национальной греческой традицией...

Расправы немцев над гражданским населением

Сражение за Крит было не первым случаем в ходе ВМВ, когда немцы сталкивались с сопротивлением со стороны гражданского населения. Подобное имело место, например, в

Польше. Поскольку критские партизаны не носили военную форму или какие-то отличительные знаки в виде нарукавных повязок или лент на головных уборах, немцы не считали себя ограниченными какими-либо из положений [Гаагской конвенции](#) и убивали как вооруженных, так и невооруженных местных жителей без особого разбора. Сразу же после падения Крита по нему прокатилась волна *коллективных наказаний* гражданских лиц. Между 2 июня и 1 августа 195 жителей деревни Аликианос и ее окрестностей были убиты в ходе массовых расстрелов. 2 июня были расстреляны несколько мужчин из Кондомари/Kondomari, при этом немецкий военный корреспондент запечатлел это на кинолентку. 3 июня

деревня Канданос/Kandanos была стерта с лица земли, 180 ее жителей были уничтожены. После войны генерал Штудент, отдавший приказ об экзекуциях, избежал суда за военные

преступления несмотря на усилия греков по его экстрадиции из Германии. Среди участников расправ над жителями Крита в Кондомари и Канданосе отличился обер-лейтенант Хорст Требез (Horst Trebes, на фото слева), награжденный 9 июля 1941 года *Рыцарским Крестом*. Возмездие настигнет его в Нормандии 29 июля 1944 года...

Движение сопротивления начало формироваться на острове через две недели после его занятия немцами и итальянцами, благо природные его условия – горный рельеф с множеством пещер - благоприятствовали этому. Все годы оккупации продолжались немецкие акции возмездия за партизанские действия. В ряде случаев имели место массовые расстрелы. В наиболее трагическом происшествии около 20 деревень к востоку от Вианноса/Viannos и к западу от провинции Иерапетра были разграблены и сожжены, более 500 гражданских лиц было убито. В августе 1944 более 940 домов в Аногеии/Anogeia были разграблены и взорваны. В том же месяце девять деревень в долине Амари/Amari были разрушены и 165 местных жителей были казнены. Было и множество менее масштабных акций оккупантов... Поскольку приказы о расправах отдавал генерал-лейтенант [Фридрих-Вильгельм Мюллер](#) (Friedrich-Wilhelm Müller), он получил прозвище *Критский Мясник*. В 1947 году он был осужден греческим военным судом и казнен. Так же окончил свой жизненный путь Бруно Бройер...

Потери сторон

Официальные немецкие цифры остаются противоречивыми из-за небольших вариаций в документах, выпущенных немецкими командирами в разное время. Новозеландский автор Дэн Дэвин (Dan Davin, 1913-1990), во время ВМВ служивший в разведке на Ближнем Востоке, получил цифру в 6 698 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, основываясь на изучении различных источников. Он отмечал, что его цифры могут не включать в себя легкораненых. Вот что он писал: «Рапорта британцев почти во всех случаях завышают цифры немецких потерь и не воспринимаются как достоверные на фоне приводимых в наши дни и не являющихся пропагандой немецких цифр.» В 1956 году британский автор Иэн Плэйфэр (Ian Playfair), служивший во время ВМВ на командных должностях в Военном Министерстве и в союзных силах на Тихом океане, привел следующие цифры: 1 990 человек убитыми, 2 131 ранеными, 1 995 пропавшими без вести – то есть, всего 6 116 человек, охарактеризовав их как «полученные из максимально надежных немецких источников.»

Памятник погибшим немецким парашютистам на Крите

Сразу после завершения боев на Крите британская пропаганда существенно завышала немецкие потери. Газета *The Press* 12 июня 1941 года писала, что немцы потеряли, по меньшей мере, 12 000 человек убитыми и ранеными и около 5 000 утонувшими. Черчилль заявил, что немцы потеряли более 15 000 человек.

Современный британский историк Джон Бакли (John Buckley), основываясь на предположениях британской разведки о том, что на одного убитого приходится двое раненых, привел цифру 16 800. *Центр Военной Истории Армии США/United States Army Center of Military History*, цитируя доклад *Исторической Секции Британского Правительственного Офиса/Historical Branch of the British Cabinet Office*, пришел к выводу, что военные историки считают приемлемыми расчетные цифры от 6 000 до 7 000 человек. Ну а *Австралийская Комиссия по Учету Военных Захоронений/Australian Graves Commission* насчитала около 4 000 немецких могил в районе Малеме - залив Суда и около 1 000 в районах Ретимно и Ираклиона. Эти более значительные цифры могли включать в себя умерших от болезней и погибших от несчастных случаев и в боях с партизанами в период оккупации.

Официальные историки зарегистрировали 147 уничтоженных самолетов *Люфтваффе* и 64 поврежденных и не подлежащих восстановлению. С 73 аэропланами, разбившимися в небоевых условиях, общая цифра потерь немцев в самолетах составила 384 машины. В 1987 Кристофер Шорс (Christopher Shores), Брайан Калл (Brian Cull) и Никола Мализия (Nicola Malizia) привели следующие цифры: 220 уничтоженных и 64 списанных из-за повреждений – всего 284 между 13 мая и 1 июня, при этом далее следуют следующие цифры: 147 уничтоженных в бою, 73 разбившихся в небоевых ситуациях, 64 списанных и 125 поврежденных, но подлежащих восстановлению. 311 немецких летчиков оказались в числе погибших и пропавших без вести, 127 – получили ранения. В 1948 году штаб Королевских ВВС оценил потери *Люфтваффе* в 4 500 парашютистов и планерных десантников и примерно 170 *Ju-52* потерянных и серьезно поврежденных. Потери истребителей и бомбардировщиков были незначительными из-за отсутствия противодействия в воздухе.

Британцы потеряли 1 742 человека убитыми, 1 737 ранеными и 11 835 попавшими в плен из гарнизона в 32 000 человек. Королевский ВМФ потерял 1 828 человек погибшими и 183 ранеными. Из более 10 000 греков 5 255 попали в плен. После войны могилы погибших военнослужащих союзных сил были перемещены с четырех захоронений, первоначально заложенных немцами, на единое кладбище на берегу залива Суда.

Памятник погибшим солдатам и офицерам союзных армий на Крите

Большое количество гражданских лиц погибло под бомбами и перекрестным огнем, в рядах партизанских отрядов или от рук оккупантов. Один из критских источников приводит следующие цифры погибших в результате немецкого террора: мужчины – 6 593, женщины – 1 113, дети – 869. Немецкие списки уничтоженных гражданских лиц включают в себя 3 474 человека и, по меньшей мере, 1 000 человек, убитых в ходе *акций* конца 1944 года.

Немецкие летчики потопили крейсера *Gloucester*, *Fiji* и *Calcutta*, а также эсминцы *Kelly*, *Greyhound*, *Kashmir* и *Hereward* в период с 22 мая по 1 июня. Итальянские бомбардировщики потопили эсминец *Juno* 21 мая, а 28 мая повредили эсминец *Imperial*, который после этого уже не подлежал восстановлению. Повреждения, полученные авианосцем *Formidable*, линкорами *Warspite* и *Barham*, крейсерами *Ajax*, *Dido*, *Orion* и *Perth*, подводной лодкой *Rover*, эсминцами *Kelvin* и *Nubian*, вывели их из строя на многие месяцы. Стоявший на якоре в заливе Суда тяжелый крейсер *York* был обездвижен итальянскими подрывными катерами и выброшен на грунт 26 марта. Позднее, в дни эвакуации с Крита, он был взорван британцами. К 1 июня число боеспособных британских кораблей в восточном Средиземноморье уменьшилось до двух линкоров и трех крейсеров против четырех линкоров и одиннадцати крейсеров итальянского ВМФ. Британскому флоту сражение за Крит стоило наибольших потерь за всю войну...

Зенитчики Королевского ВМФ заявили о 24 определенно сбитых самолетах противника и 11 вероятно сбитых 15-27 мая. По меньшей мере, 15 самолетов было повреждено. Еще два самолета было заявлено в числе сбитых и шесть в числе поврежденных 28 мая-1 июня.

Послесловие

Германское командование было ошеломлено количеством потерянных в ход вторжения транспортных самолетов, и Штудент, приняв во внимание тяжелые потери, понесенные парашютистами, после войны пришел к выводу о том, что вторжение на Крит стало гибелью воздушно-десантных войск. Гитлер счел, что время воздушных десантов подошло к концу, и распорядился в будущем использовать парашютистов в наземных операциях.

Сражение за Крит повлияло на события, связанные с операцией *Барбаросса*. Дата начала вторжения в СССР была намечена за несколько недель до того, как германское командование приступило к планированию высадки на Крит, и директива Гитлера об осуществлении операции *Merkur* ясно давала понять, что подготовка к ней не должна помешать операции *Барбаросса*. Однако части, использованные для вторжения на Крит, ранее предназначались для участия во вторжении в СССР, и им пришлось пройти переформирование в Польше и Румынии в конце мая. Тяжелые потери, понесенные транспортной авиацией *Люфтваффе*, оказали воздействие на интенсивность воздушных операций на ранней стадии вторжения в СССР.

Потопление линкора *Bismarck* ([1](#), [2](#)) 27 мая 1941 года отвлекло общественное мнение Великобритании от неудач наземных войск на Крите, не сумевших отстоять стратегически важные аэродромы. После этих событий Черчилль возложил ответственность за оборону военно-воздушных баз на Королевские ВВС, и 1 февраля 1942 года будут сформированы их наземные части – *RAF Regiment*.

Какое-то время британское командование опасалось, что немцы попытаются использовать Крит в качестве трамплина для дальнейших операций в восточном Средиземноморье, возможно, для воздушного-десанта на Кипр или морского десанта на побережье Египта, однако после начала операции *Барбаросса* стало ясно, что оккупация Крита была предназначена только для обеспечения безопасности южного фланга *Оси*.

Ultra

Благодаря расшифровке радиосообщений немцев британцы знали о готовящемся вторжении были в курсе того, что оно откладывается и 15, и 19 мая. 14 мая Лондон предупредил о том, что атака может начаться в любой день после 17 мая, и эта информация была передана Фрейбергом старшим офицерам гарнизона острова. 16 мая британцы ожидали вторжения силами воздушного десанта численностью 25 000 – 30 000 человек с использованием 520 самолетов и 7 000 человек с моря, более поздние радиоперехваты сняли неопределенность, касавшуюся морского десанта. Ошибки британцев в плане ожидаемой численности сил вторжения были не столь значительными, как ошибки немцев относительно численности гарнизона острова, которые рассчитали ее на уровне одной трети от реальной цифры! В докладе командования немецкого 11-го Корпуса можно увидеть следующее заключение: участок боевых действий был столь хорошо подготовлен британцами к обороне, что складывалось впечатление об их осведомленности о времени вторжения.

Немцы перехватили радиосообщение из Лондона, помеченное *как персональное для генерала Фрейберга*. Оно датировалось 24 мая, включало в себя фразу «по данным самого надежного источника» и информацию о том, где находились немецкие войска за день до этого. Теоретически это могли быть разведданные, но не исключало и того, что коды Энигмы были взломаны противником. Хотя Фрейберг вовремя приступил к подготовке оборонительных позиций рядом с аэродромами и на северном побережье, его возможности были ограничены отсутствием тяжелого вооружения. В реальности легковооруженные парашютисты обладали такой же огневой мощью, что и обороняющиеся, если вообще не превосходили их в этом. В определенной степени, разведданные системы *Ultra* были неверно интерпретированы британцами. Фрейберг, ожидавший также вторжение с моря, разместил часть своих сил вдоль побережья, что уменьшило численность войск, доступных для обороны аэродрома Малеме – главной цели немцев.

Захват Крита стал очередной крупной победой немцев. Заняв стратегически важный остров с важнейшими аэродромами и портами, они сумели нанести тяжелые потери наземным войскам противника и его военно-морским силам. Некоторые историки считают, что у союзников был шанс отразить вторжение в первые два дня боев, но отсутствие необходимой связи и должной агрессивности со стороны генерала Фрейберга помешало этому.

ОПЕРАЦИИ *BREVITY* И *BATTLEAXE* МАЙ- ИЮНЬ 1941-ГО

27 апреля генерал Паулюс, представитель Верховного Командования германской армии, прибыл в штаб генерала Роммеля. Генерал Гальдер отметил в своем дневнике, что Паулюс был выбран для этой миссии, «будучи, вероятно, единственным человеком, который имел достаточное влияние для того, чтобы предотвратить переход этого солдата в состояние безрассудства.» Перед Паулюсом была поставлена задача получить четкое представление о происходящем, оценить шансы на успех в оборонительных операциях, если Соллум/Sollum (на современных картах – Sallum – ВК) будет потерян, попытаться выяснить, каковы намерения Роммеля, и заставить его понять, что Генеральный Штаб располагает лишь очень незначительными ресурсами для того, чтобы предоставить ему какую-либо помощь.»

Прелюдия – 2-е сражение за Тобрук

Паулюс прибыл на место и был ознакомлен с планом намеченной на 30 апреля атаки на Тобрук, но отказался санкционировать ее до того, как им будут изучены все аспекты операции. Два дня спустя он утвердил план атаки, и генерал Гарибольди (Italo Gariboldi), генерал-губернатор Ливии и командующий итальянской 10-й Армией, который нанес визит в штаб Роммеля 28 апреля, также согласился с планом действий. О том, что целью *Оси* становится Суэцкий канал, в тот момент еще не шло речи. В самом деле, Паулюс отметил, что, если Тобрук падет, он отдаст приказ *Африканскому Корпусу* перейти к удержанию Киренаики (Восточной Ливии) по рубежу Сива/Siwa-Соллум. Представляя Верховное Командование, он, по всей видимости, намеревался проявить заботу о том, чтобы Североафриканский ТВД больше не становился для *Оси* ареной унижительных поражений...

Сразу же после прибытия Паулюса на фронт Роммель вновь попытался прорвать полукольцо обороны Тобрука, разгромить его гарнизон и захватить город с его гаванью, но все снова пошло не так, как ему хотелось бы. Второе сражение за Тобрук окончилось для немцев неудачей и обошлось им в 650 человек убитыми и раненым, их итальянские союзники потеряли около 500 человек.

Планы немцев и развитие ситуации на Североафриканском фронте

Паулюс суммировал свои впечатления о попытке взять Тобрук в письменном докладе, датированном 12-м мая. Он отметил, что *Африканский Корпус* испытывал трудности тактического плана, а наиболее неудовлетворительной оказалась ситуация со снабжением. Он полагал, что необходимы значительные усилия, чтобы избежать общего кризиса. Наиболее важно, с его точки зрения, было обезопасить морские пути к Триполи и к Бенгази и собственно гавани этих пунктов назначения: все дополнительные авиационные формирования и части ПВО, которые предстоит задействовать для этого, должны быть немецкими. По мнению Паулюса, корпусу Роммеля срочно требовались боеприпасы, горючее и провиант, после этого – автотранспорт. Из техники первостепенная потребность ощущалась в артиллерии средних калибров и противотанковых орудиях. Только после накопления достаточного количества материалов можно будет посылать новые войска на этот ТВД.

Отсутствие защиты от атак с воздуха на порт Бенгази было самой серьезной проблемой. С учетом уже нанесенного ущерба ситуация была такова, что для разгрузки и погрузки в гавани могли использоваться только небольшие суда, и основной поток грузов стало необходимым доставлять в Триполи. Размышляя о потребностях войск *Оси* в поставках в Северную Африку, генерал Гальдер в своем дневнике отмечал, что им необходимо получение 50 000 тонн грузов в месяц. Документы того периода времени показывают, что 30 000 тонн материалов в месяц были необходимы для поддержания людей и техники в боеспособном состоянии, тогда как доставляемые сверх этой цифры материалы было необходимо накапливать, без чего какое-либо дальнейшее наступление было невозможным. Среднемесячная доставка грузов не превышала 29 000 тонн, так что даже если бы портовые сооружения Бенгази не оказывались время от времени в нерабочем состоянии, оставалось необходимой дальнейшая переброска большой массы грузов из Триполи. Небольшие порты Буерат/Buerat и Сирт/Sirte не представляли большой ценности, а в Дерну можно было доставлять только боеприпасы на подводных лодках. Наземные пути переброски грузов были относительно безопасными, но очень протяженными: 1 000 миль до Тобрука и еще 100 миль до ливийско-египетской границы. Группировка *Оси* не имела специальной административной службы для контроля за транспортировкой грузов, а грузовиков для нее отчаянно не хватало. Стоит ли удивляться тому, что Гальдер в своем дневнике охарактеризовал эту ситуацию как *неприятную*. «Выйдя за рамки отданных ему приказов, - писал в дневнике Гальдер, - Роммель довел положение до того, что наши возможности по снабжению [войск] не являются достаточными.»

Планы британцев

Хотя первоначальные атаки на Тобрук были отбиты, у генерала Уэйвелла, командующего силами британцев на Ближнем Востоке, тоже были серьезные основания для беспокойства, в основном, из-за нехватки танков, особенно средних. Эта тревога усилилась, когда к 18 апреля вторая немецкая дивизия, которая, как британцы подозревали, прибыла в Триполи ранее в том же месяце, была идентифицирована как танковая – и в самом деле это была 15-я Танковая Дивизия. При условии достаточного снабжения, а недавний опыт показал, что немцы на этом направлении достигли большего, чем ожидали от них британцы, эта дивизия могла доставить своим оппонентам много неприятностей... Оценка сложившейся ситуации вынудила лондонский *Комитет Обороны/Defence Committee* принять 21 апреля решение об отправке конвоя *Tiger* с грузом танков и *Харрикейнов* на Средиземноморский ТВД. Это стало хорошей новостью для Уэйвелла, который мог рассчитывать на усиление своей танковой группировки в задуманной им наступательной операции, получившей название *Battleaxe/Боевой Топор*. После провала второй попытки Роммеля взять Тобрук стало очевидным, что противник выдохся, и Уэйвелл теперь хотел воспользоваться этим до того, как Ось восстановит свои силы. Ожидалось скорое прибытия конвоя *Tiger*, но Уэйвелл решил не дожидаться его и нанести удар по позициям *Оси* в районе Соллума, для чего сконцентрировал на этом направлении всю имеющуюся у британцев бронетехнику. Операцией, получившей название *Brevity*, должен был руководить бригадир Готт (William Gott), получивший приказ отогнать противника от Соллума и Капуццо, нанести ему максимально возможные потери и продвинуться к Тобруку настолько близко, насколько позволит положение со снабжением, не подвергая опасности свои силы.

Тем временем Королевский ВМФ проводил и другие операции помимо снабжения Тобрука. 8 и 11 мая британские корабли обстреляли Бенгази, правда, значимого ущерба им нанести не удалось. 2 мая канонерка *Ladybird* обстреляла позиции противника в районе Дерны, а на следующий день под огонь эсминцев *Decoy* и *Defender* попали немецко-итальянские части, принимавшие участие в заключительных боях 2-го сражения за Тобрук. Аэродром *Оси* в районе Газалы дважды попадал под обстрел корабельной артиллерии: в ночь с 10 на 11 мая (канонерка *Ladybird*), результатом которого было несколько пожаров, и еще через неделю - канонеркой *Gnat*.

После того, как горный проход Халфайя/Halfaya Pass был в конце апреля занят боевой группой немцев *Herff* (по имени командира – полковника *Херффа*), приграничная полоса стала ареной постоянный стычек противоборствующих сторон. Британцам удалось получить достаточно точную информацию о составе боевой группы противника, например, они знали о том, что противник здесь располагает 30-50 танками. Однако, определенно зная о том, что силы *Оси* удерживают Соллум, Халфайя и Капуццо, британцы не были уверены в том, где им придется в следующий раз столкнуться с противником. Они готовились к встречному сражению, в котором рассчитывали на концентрированные удары своей авиации по колоннам снабжения противника за линией фронта. Незначительный ущерб, который нанесла итальянская авиация британским танковым частям во время их первого наступления в ливийской пустыне ([операция Compass](#)), привел командира поддерживавшей британские силы в пустыне 202-й Авиационной Группы/202nd Group RAF Коллишо (Air Commodore Raymond Callishaw) к выводу о том, что атаки с воздуха собственно на танки малопродуктивны. Он рассчитывал на то, что эффективные удары по линиям снабжения танковых частей противника оставят их без горючего и боеприпасов.

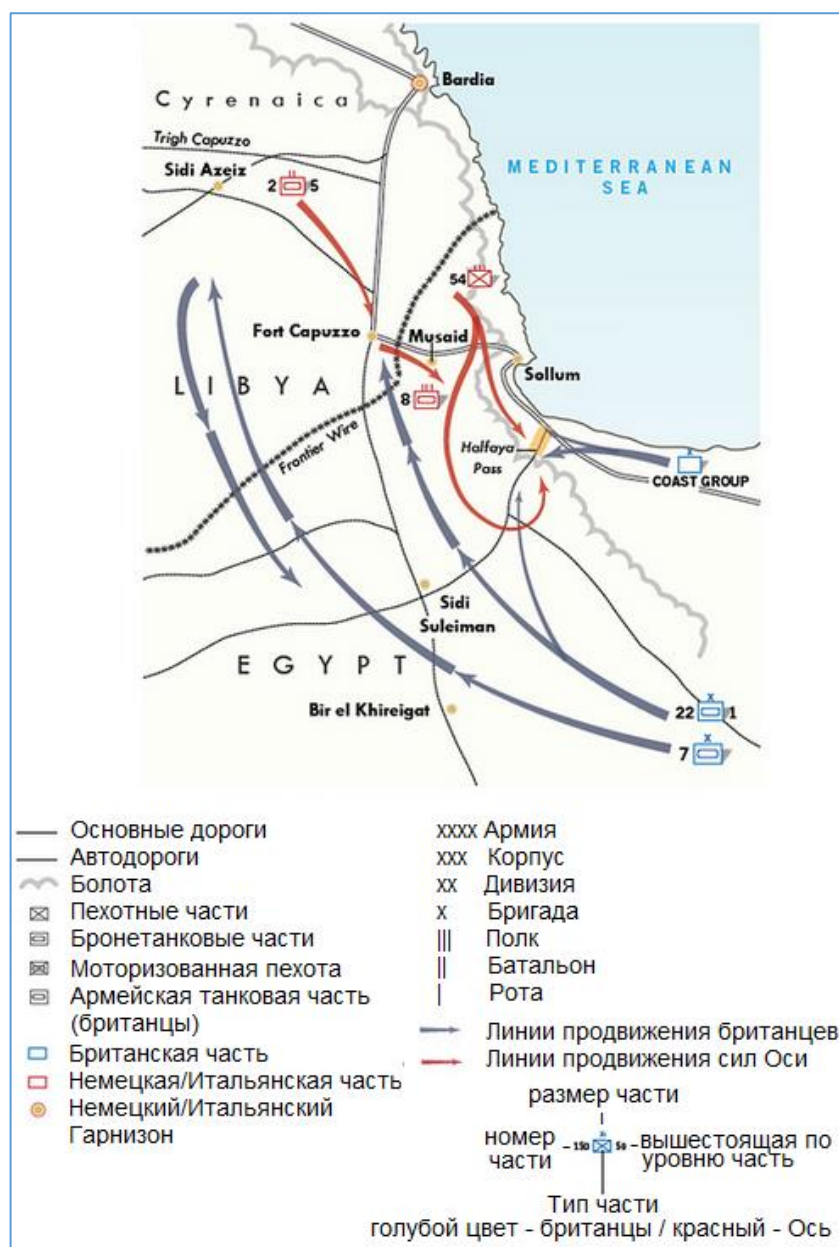
Разработанный бригадиром Готтом план операции *Brevity/Краткость* подразумевал наступление тремя параллельными колоннами. На «пустынном» левом фланге так называемая 7-я Танковая Бригадная Группа/7th Armoured Brigade Group, состоявшая из 2-го Королевского Танкового Полка (2 эскадрона – всего 29 крейсерских танков – и три колонны Группы Поддержки/Support Group, по численности не превышавшей пехотную бригаду), должна была продвинуться примерно на 30 миль от пункта Бир эль Кирейгат/Bir el Khireigat до пункта Сиди Азеиз/Sidi Azeiz и разгромить все встреченные на пути силы противника. В центре, выше обращенного к морю уступа в рельефе, 22-я Гвардейская Бригадная Группа/22nd Guards Brigade [бригадир Эрскин (I. D. Erskine), 3-й Батальон

Коулдстримских Гвардейцев, 2-й Батальон Шотландских гвардейцев и 1-й Батальон Королевского Восточно-Кентского Полка (The Buffs)] вместе с 4-м Королевским Танковым Полком (2 эскадрона, всего 24 танка поддержки пехоты *Mk II*), должна была выбить противника из прохода Халфайя, захватить Форт Капуццо и продолжить марш дальше на север. Для достижения необходимой мобильности 22-й Бригаде пришлось одалживать большое количество автотранспорта у 4-й Индийской Дивизии. Третья, так называемая *Прибрежная Группа/Coast Group*, состояла, в основном, из 2-й Стрелковой Бригады/2nd Rifle Brigade и 8-го Полка Полевой Артиллерии. Ее задача состояла в предотвращении ухода противника из Соллума, занятии нижней части прохода Халфайя и захвате деревни Соллума и находившихся в нем казарм.

Операция *Brevity*

Операция началась рано утром 15 мая. Над продвигающимися вперед колоннами патрулировали *Харрикейны* 274-й Эскадрильи. 2-й Батальон Полка Шотландских Гвардейцев/2nd Scots Guards и эскадрон 4-го Королевского Танкового Полка вскоре смяли позиции противника над проходом Халфайя, хотя при этом 7 машин было потеряно или повреждено. Были быстро заняты пункты Бир Ваир/Bir Wair и Мусаид/Musaid, и 1-й Батальон Дерхемского Полка Легкой Пехоты/1st Durham Light Infantry начали продвижение в сторону Капуццо. Контакт между пехотой и танками был потерян, но после ожесточенной схватки форт был взят. Было потеряно 9 танков, и дальнейшее продвижение на север стало невозможным. Тем временем *Прибрежная Группа* несмотря на наличие поддержки с воздуха восемью *Бленхеймами/Blenheim* 14-й Эскадрильи не смогла сбить противника с сильно расчлененного участка местности, расположенного ниже прохода Халфайя. На «пустынном» левом фланге 7-я Танковая Бригадная Группа выдвинулась вперед и вместе с наступавшими вслед за нею легкими силами прикрытия начала марш в направлении Сиди Азеиз.

Немцы перехватили радиосообщение британцев, благодаря которому были предупреждены о предстоящем наступлении противника. Первоначально немцы решили, что наступление будет направлено на снятие осады с Тобрука, тогда как транспортных средств для переброски резервов с целью отражения атаки просто нет. Роммель укрепил восточный фланг группировки, осаждающей Тобрук, и принял меры к отражению возможной вылазки сил его гарнизона. Полковник Херфф был готов к тому, чтобы отступить в полосу ливийско-египетской границы, но отдал приказ о контратаке силами 2-го Батальона 5-го Танкового Полка, который успешно отбросил Дерхемскую Легкую Пехоту от Капуццо назад к Мусаиду, нанеся британцам тяжелые потери...

Схематическая карта боевых действий в ходе операции *Brevity*

В течение дня Королевские ВВС постоянно и эффективно атаковали транспортные коммуникации и другие цели к западу от поля боя разворачивающегося сражения. На «пустынном» фланге часть 7-й Танковой Бригады вышла к окраине пункта Сиди Азеиз и попыталась ослабить давление противника на силы британцев, занявшие Капуццо, но потерпели неудачу. Ближе к вечеру *Прибрежная Группа* захватила позиции, расположенные ниже прохода Халфайя и 124 человека пленными.

Несмотря на локальный успех полковник Херфф весь день ощущал растущую обеспокоенность, будучи уверенным в том, что силы британцев представлены двумя дивизиями. По этой причине он изготoвился к ведению сдерживающего оборонительного боя к западу от пункта Сиди Азеиз, однако Роммель быстро рассчитал численность наступающих британцев и приказал Херффу перейти в контратаку рано утром – передаваемый ему на усиление батальон танков должен был подойти к его позициям к рассвету.

Бригадир Готт также ощущал обеспокоенность, поскольку понимал, что Гвардейская Бригадная Группа окажется в уязвимом положении на открытой местности выше уступа,

если ее атакуют танки противника. В 9 часов вечера он передал в штаб британских сил в Западной Пустыне радиосообщение о том, что, вероятно, ему придется отдать приказ об отходе к проходу Халфайя. Сообщение достигло вышестоящих командиров с сильным опозданием, и уже в 02.45 16 мая генерал Бересфорд-Пирс (Noel Beresford-Peirse), командующий силами британцев в Западной Пустыне, ответил, рекомендуя Готту удерживать достигнутые рубежи. Он сообщил, что сам рассмотрит сложившуюся ситуацию после получения данных авиаразведки. Тем не менее бригадир Готт, когда стрелки часов еще не достигли 02.00, приказал Гвардейской Бригадной Группе отступить, а 7-й танковой Бригаде – оставаться на линии прикрытия близ Сиди Азеиза.

Первая немецкая танковая часть, прибывшая в сектор боев в качестве подкрепления, - 1-й Батальон 8-го Танкового Полка, - вышла к пункту Сиди Азеиз около 3 утра 16-го. Затем у нее иссяк запас горючего, и батальон смог возобновить движение только в 5 утра. Полковник Херфф начал атаку со стороны Капуццо вскоре после полудня. 7-я Танковая Бригада британцев, хотя ее действия были сильно осложнены постоянными поломками крейсерских танков, задержала продвижение немецкого танкового батальона до темноты, после чего отступила к участку Бир эль Кирейгат. Немцы остановились на линии Сиди Омар – Сиди Сулейман – Соллум, где Херфф приказал перейти к обороне.

Таким образом, операция *Brevity* окончилась для британцев неудачей: единственным важным пунктом, который им удалось отбить, оказался проход Халфайя. Дерхемская Легкая Пехота потеряла более 160 человек убитыми и ранеными, было потеряно 5 танков поддержки пехоты, еще 13 машин получили повреждения. Немцы потеряли 12 человек убитыми, 61 ранеными и 185 пропавшими без вести, ими были потеряны 3 танка. Авиационная группировка британцев потеряла 6 боевых машин, немецкая авиация – ни одной. Прибытие конвоя *Tiger* 12 мая к месту назначения с грузом из 82 крейсерских танков (включая 50 новейших машин *Крусейдер/Crusader*), 135 средних пехотных танков *Матильда II* и 21 легкого танка *Mk VI* позволило британцам приступить к переоснащению и реформированию своей 7-й Танковой Дивизии.

Подготовка к новому наступлению

После операции *Brevity* противник все еще переживал административные трудности и на какое-то время едва ли был способен на что-то большее, чем разведку боем. Бригадир Готт получил от своего командования приказ удерживать проход Халфайя и осуществлять вылазки в западном направлении на максимально большее расстояние. Планы на наступление в рамках операции *Battleaxe* оставались в силе, и британцы хотели начать его на рубеже, расположенном как можно западнее, что должно было позволить им использовать прибрежное шоссе, ведущее к Соллуму, уже на ранней стадии наступления. В соответствии с этим 3-й Батальон Полка Коулдстримских Гвардейцев, усиленный танками поддержки пехоты, полевой, противотанковой и зенитной артиллерией удерживал проход Халфайя, пока части *Группы Поддержки* действовали на южном фланге фронта.

К этому времени немцы на ливийско-египетской границе располагали тремя танковыми батальонами – всего 160 машинами – но были не в состоянии использовать их на сколь-нибудь значимом расстоянии из-за нехватки горючего. 26 мая полковник Херфф начал собственную операцию, нацеленную на то, чтобы сбить британцев с толку демонстрацией силы и вынудить оставить плато – местность, расположенную гипсометрически выше обращенного к морю уступа. Демонстрация вылилась, однако, в масштабную атаку существенно превосходящими противника по численности силами в районе прохода Халфайя. 3-й Батальон Полка Коулдстримских Гвардейцев и поддерживающие его танкисты и артиллеристы сражались упорно, но не сумели предотвратить захват противником господствующих позиций и оказались под угрозой полного окружения. Рано утром 27 мая бригадир Готт отдал приказ об отходе, и подполковник Маубрей (Moubray) мастерски отвел свои части, которые, однако, потеряли 173 человека убитыми и ранеными, 4 полевых пушки, 8 зениток и 5 танков поддержки.

Проход Халфайя: слева вид со стороны моря, справа – снимок, сделанный с самолета

28 мая британский Генеральный Штаб/Chiefs of Staff радировал свое видение сложившегося положения на Ближнем Востоке. В нем отмечалось, что, как кажется, опасности осуществления противником в скором времени атаки через территорию Турции нет, хотя требуются политические и военные усилия для того, чтобы обезопасить этот фланг (речь шла о [ситуации в подконтрольной Вишистскому правительству Франции Сирии](#) – ВК.) Однако оккупация немцами Крита требовала принятия срочных мер. Противник теперь мог проложить морской путь в Киренаику от западного побережья Греции, и, чтобы помешать этому и удерживать и в дальнейшем Мальту, продолжая атаки на морской путь к Триполи, было жизненно необходимо заново создать базы британских ВВС в Киренаике между Соллумом и Дерной. Для этого был нужен решающий успех наземных сил в Западной Пустыне и разгром противника всеми имеющимися силами.

28 мая генерал Уэйвелл отдал приказ о начале операции *Battleaxe*. Первой его задачей был разгром противника в приграничной полосе и занятие территории с пунктами Бардия, Соллум, Капуццо и Сиди Азеиз. Следующей задачей был разгром противника на участке Тобрук-Эль Адем/El Adem и дальнейшее наступление в направлении Дерны и Мехилии/Mechili. Генерал Бересфорд-Пирс должен был ставить новые задачи перед гарнизоном Тобрука на каждой стадии операции...

Дата начала операции *Battleaxe* определялась потребностями во времени для переоснащения 7-й Танковой Дивизии. После прихода конвоя *Tiger* в Александрию британцы испытывали значительные трудности при разгрузке танков, а с их переоборудование для войны в пустыне требовало времени. В связи с этим наиболее ранней датой начала операции могло стать 10 июня, но перед тем, как бросить в бой против уже приобретших боевой опыт немецких танкистов практически новую дивизию, нужно было провести переподготовку экипажей, многие из которых были мало знакомы с новейшими крейсерскими танками. Кроме того, 7-я Танковая Дивизия, практически, не существовала как боевая единица с февраля, и многие ее солдаты и офицеры были переведены в другие части для выполнения других задач. Теперь 7-я Дивизия состояла из 7-й Танковой Бригады с ее двумя полками крейсерских танков, 4-й Танковой Бригады с ее двумя полками танков поддержки пехоты и *Группы Поддержки*. На переподготовку экипажей было выделено 5 дополнительных дней, и на 15 июня 1941 года было назначено начало операции. Эти задержки вызвали гнев Черчилля, который чувствовал, что каждый потерянный день будет на пользу противнику, и бомбардировал Уэйвелла запросами и вопросами.

Вернув себе проход Халфайя, противник закрепился на этом участке, сильно улучшив свои позиции на ливийско-египетской границе. 5-я Легкая Дивизия немцев была отведена в тыл после двухмесячных боев, и позиции на приграничной линии фронта были заняты 15-й Танковой Дивизией. Ее новый командир, генерал Нойманн-Зилков (Neumann-Silkow), сменил полковника Херффа 8 июня. Войска *Оси* на линии фронта были представлены почти исключительно немцами: только на участке Соллум-Мусаид-Капуццо находились три

итальянских батальона и артиллерийский полк. Остальные части малобоеспособной дивизии *Trento* были дислоцированы в Бардии. На участках Калала/*Qalala*, *Point 206* и *Point 208* (на гряде Хафид/*Hafid*, состоявшей из нескольких грив) были построены хорошо замаскированные укрепления для круговой обороны, но из-за трудностей со снабжением на них не было доставлено соответствующее количество боеприпасов, горючего и воды.

Имевшиеся у британцев данные о противнике были довольно достоверными, когда дело касалось численности, но они не были полными. Ими было рассмотрено два плана операции *Battleaxe*, но, в итоге, был принят третий вариант. Первый план подразумевал атаку пехоты и танков поддержки в районе Бардии-Соллума, в то время как крейсерские танки совершат быстрый марш и атакуют силы *Оси*, осадившие Тобрук, - этот план был отвергнут из-за недостатка сил и транспортных средств. Было решено, что атака в направлении Тобрука будет предпринята на более поздней стадии операции, а первым ее шагом станет атака к западу от Капуццо и разгром танковых сил противника, которые попытаются ее остановить. Уэйвеллу этот план не понравился, поскольку в него не входило сражение с противником с применением всех имеющихся у британцев сил. Окончательный план был нацелен на создание крупнейшей ударной группировки, в которую должны были войти 7-я Танковая Дивизия, штабные части и артиллерия 4-й Индийской Дивизии и 11-й Индийской Пехотной Бригады, [прибывших из Эфиопии](#), и 22-й Гвардейской Бригады.

План первой стадии операции заключался в следующем: 4-я Индийская Дивизия [командир - генерал-майор Мессерви (*Messervy*)] вместе с подчиненными ей обеими пехотными бригадами и 4-й Танковой Бригадой вступит в бой с силами противника в районе Бардия-Соллум-Халфайя-Капуццо и разгромит их. 7-я Танковая Дивизия [командир генерал-майор Криг (*Michael O'Moore Creagh*)] прикроют левый фланг 4-й Индийской Дивизии и примет участие в разгроме противника в приграничной полосе. Командование 4-й Индийской Дивизии поручило захват прохода Халфайя индийской 11-й Пехотной Бригадной Группе, которая была усилена эскадрой танков. В центре остальные силы дивизии - 4-я танковая Бригада (менее полутора эскадронов) и 22-я Гвардейская Бригада - должны были атаковать высоту *Point 206* и Капуццо с юго-запада - это направление было избрано после получения данных авиаразведки, которая сообщила, что близкая по направлению к фронтальной атака натолкнется на недавно построенные противотанковые укрепления. На левом фланге 7-я Танковая Бригада и колонна [моторизованной] пехоты *Јахо* (из состава *Группы Поддержки*) будет наступать в направлении гряды Хафид и дальше на север, в то время как остальные части Группы Поддержки прикроют британцев со стороны Сиди Омара. Предполагалось, что, если эта атака отвлечет на себя основную часть немецкой бронетехники, и генеральное танковое сражение станет вероятным, 4-я Танковая Бригада воссоединится с 7-й Танковой Дивизией. Таким образом, точного времени на начало атаки в центре в плане не было. Не были даны точные указания гарнизону Тобрука для первой стадии операции, поскольку командование считало, что масштабная атака из укрепленного района на этой стадии будет преждевременной...

Генерал Бересфорд-Пирс принял решение разместить свой штаб для руководства предстоящим сражением в Сиди Баррани. Расстояние по прямой от штаба до полей приближающихся боев было великовато - около 60 миль по прямой, - но это обеспечивало надежную связь с 204-й Авиационной Группой Королевских ВВС, базировавшейся в районе города Маатен Багуш/*Maaten Bagush* в 100 милях восточнее. В районе Сиди Баррани находился наиболее приближенный к линии фронта аэродром, который могли использовать самолеты-разведчики. Командующий группировкой британских ВВС на Ближнем Востоке Теддер (*Arthur Tedder*, Air Marshal/генерал-лейтенант) получил приказ оказать максимальную поддержку наземным силам в ходе этой операции даже за счет оголения других секторов боевых действий. Он согласился на использование четырех эскадрилий *Харрикейнов* и одной - *Томагавков/Tomahawk*, двух эскадрилий бомбардировщиков *Бленхейм* и одной - бомбардировщиков *Мэриленд/Maryland*, трех с половиной эскадрилий бомбардировщиков *Веллингтон/Wellington* и еще одной эскадрильи *Харрикейнов* для воздушной разведки. Четыре эскадрильи из вышеперечисленных только что прибыли из Восточной Африки, ранее не летали над

пустыней и не сталкивали в воздухе с летчиками *Люфтваффе*. Другие эскадрильи, прибывшие из Греции и с Крита, были сильно недоукомплектованы из-за понесенных недавно потерь, многие из летчиков только что прибыли из Великобритании. Примерная численность противостоящих воздушных группировок была следующей (число пригодных для боя машин показано в скобках): британцы – 128 (105) тяжелых и средних бомбардировщиков и 116 (98) одно- и двухмоторных истребителей; немцы – 79 (59) бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков и 76 (60) одно- и двухмоторных истребителей; итальянцы – 49 (25) бомбардировщиков, 156 (70) истребителей. В дополнение к этому определенное число немецких и итальянских бомбардировщиков могли быть задействованы с баз за пределами Ливии...

Со времени начала осады Тобрука задачей воздушной группировки Королевских ВВС в Африке стало воспрепятствование концентрации сил противника и его снабжению в Восточной Киренаике. *Веллингтоны* бомбили порт Бенгази каждую ночь, в то время как *Бленхеймы* и *Веллингтоны* держали под ударами аэродромы противника. В дневное время *Бленхеймы* атаковали транспортные колонны *Оси*. Британцы планировали продолжать эти атаки до 12 июня, после чего на протяжении трех дней сконцентрировать усилия своей авиации на транспортных коммуникациях противника между Тобруком и ливийско-египетской границей и на всех аэродромах, находившихся в пределах досягаемости. При этом *Веллингтоны* должны были стараться нанести максимальный ущерб порту в Бенгази. В ходе наземного сражения, согласно специальному запросу генерала Бересфорда-Пирса, истребительная авиация должна была постоянно прикрывать войска с воздуха. Средние бомбардировщики должны были оставаться наготове и, после поступления соответствующего запроса, атаковать вражеские колонны и транспортные средства на в непосредственной близости от участков боев. Было решено не использовать корабли для обстрелов наземных целей в ходе операции *Battleaxe* из-за отсутствия истребителей для прикрытия их с воздуха.

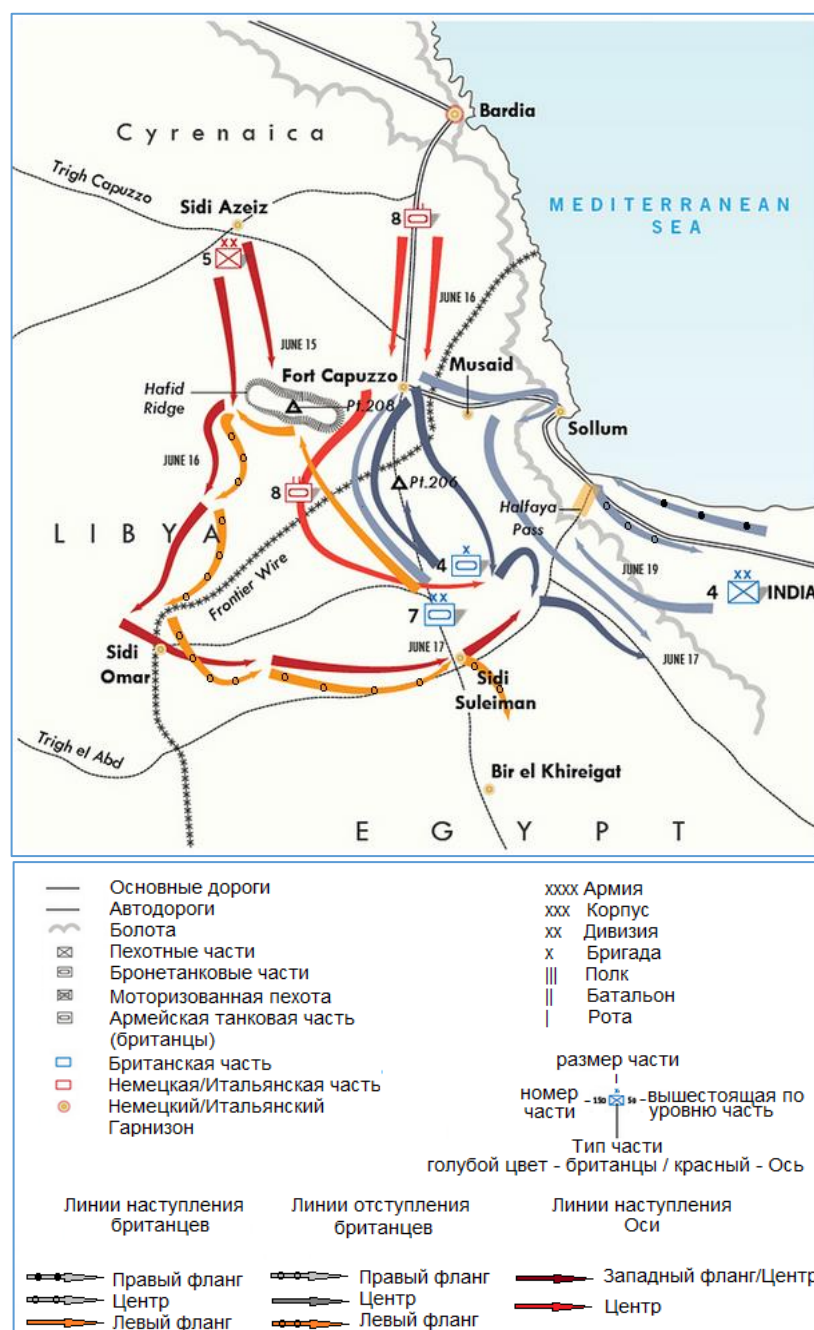
Когда работа по планированию операции была завершена, у Уэйвелла выработалась уверенность в том, что на начало операции британцы будут сильнее противника. Однако были и беспокоящие моменты, высветившиеся в период планирования, начиная первых дней мая. Британские бронемашины оказались уязвимыми для атак с воздуха и уступали в огневой мощи и скорости тяжелым бронемашинам немцев. Танки поддержки пехоты были слишком медленными для боев в пустыне и уязвимы для противотанковой артиллерии противника. Крейсерские танки были немного быстрее немецких средних танков, но страдали от постоянных поломок. Уэйвелл сообщил об этом в Генеральный Штаб генералу Диллу (John Dill) в телеграмме от 28 мая и добавил, что в этой связи сомневается в масштабах успеха, ожидаемого от операции *Battleaxe*. Он не считал, что операцию постигнет неудача на первой стадии, но думал, что после ее завершения сил на реализацию второй стадии может и не хватить. Он был уверен в своих войсках и внушил генералу Бересфорд-Пирсу, что эта важнейшая операция должна быть осуществлена с максимумом смелости и решительности.

Противник заблаговременно начинал готовиться к наступлению британцев. Командование *Африканского Корпуса* внимательно изучало содержание раскодированных радиокоммуникаций противника, которые указывали на перегруппировку и пространственное перераспределение сил британцев. Вместе с другими признаками, такими как усиление активности вражеской авиации и активизацию перемещений по железной дороге, это убедило Роммеля в скором начале атак противника, возможно, именно 15 июня, хотя общее впечатление у немцев было таким, что у британцев нет для этого достаточных ресурсов, - они были недалеки от истины. Большое внимание было уделено подготовке оборонительных укреплений на важнейших участках. Вот что писал об этом Роммель: «При строительстве укреплений на наших позициях в районе Халфайя и *Высоты 208* был продемонстрирован высочайший уровень мастерства при установке батарей 88-миллиметровок с орудийными дулами, приведенными в горизонтальное положение, так что над землей, практически, ничего не было видно. Я возлагал большие надежды на этот трюк.» Стоит отметить, что до сражения и позднее он сильно

преувеличивал численность танков у британцев, считая, что их изначально было около 300...

Немцы также предприняли меры по предотвращению прорыва противника из Тобрукского полукольца, в связи с чем части 5-й Легкой Дивизии и дивизии *Ariete* были приведены в полную боевую готовность.

Операция *Battleaxe* - День 1

Схематическая карта боевых действий в ходе операции *Battleaxe*

Атаки с воздуха начались так, как было запланировано. Бенгази был атакован в ночное время, и по мере приближения к 15 июня вражеские аэродромы и транспортные колонны были под ударами с воздуха днем и ночью. Истребители прикрывали выдвигающиеся к линии фронта части, и концентрация британских войск у границы прошла без потерь. 15

июня Королевские ВВС быстро добились превосходства в воздухе, тогда как противник сумел осуществить только шесть воздушных атак только в дневное время.

На земле первый день операции прошел с переменным успехом. Атаки британцев на позиции противника в районе прохода Халфайя не достигли результата преимущественно из-за сильного и точного огня артиллерии немцев и итальянцев: пяти 88-мм зениток, четырех 3.9" (10 см) итальянских гаубиц и батареи 155-мм французских пушек *Grande Puissance Filloux (GPF)* времен ПМВ. По воспоминаниям очевидцев событий немцы заманили атакующих без артиллерийской поддержки британцев (батареи не вышли на позиции, увязнув в песке) под огонь хорошо замаскированных пушек большого калибра. Выше верхней части прохода ею было подбито 11 из 12 атаковавших британских танков. Ниже прохода на минных полях подорвались 4 из 6 британских танков. Атаку батальона Камеронских Горцев/Cameron Highlanders на проход с запада (сверху) отбил отряд немецких бронемашин и мотопехоты. На востоке (внизу) индийская пехота несколько раз поднималась в атаку и каждый раз была вынуждена отступить.

Действиями защитников прохода – 400 итальянцев и 500 немцев - руководил майор Вильгельм Бах (*Wilhelm Bach*, до войны – лютеранский пастор, умер в плену), за проявленный героизм и лидерские качества награжденный *Рыцарским Крестом*. Эту же награду получил командовавший на этом участке итальянскими частями дивизии *Savona* генерал Феделе де Джорджис (Fedele de Giorgis). Шквал снарядов крупного калибра был столь убийственным, что командир эскадрона С майор Майлз (C. G. Miles) едва успел передать по радио, что «эти долбанные пушки рвут мои танки на части.» Через час он был убит...

Слева – Матильда после прямого попадания в нее 155-мм снаряда; справа – 155-мм пушка GPF

На «пустынном» левом фланге наступление британцев было остановлено напротив позиций немцев на гряде Хафид. Передовые части 7-й Танковой Бригады, ранее сталкивавшиеся только с разведывательными патрулями немцев, обнаружили к 9 утра, что перед ними расположены какие-то оборонительные позиции. В утренней дымке было трудно разглядеть что-либо в деталях, и на самом деле реальная ситуация так и осталась неясной: немцы разместили эшелонированные укрепления на нескольких гривах, хорошо их замаскировав...

Вот как описал майор Робертс (G. P. V. Roberts) атаку своего батальона в ЖБД 2-го Королевского Танкового Полка:

09.40. Батальон получил приказ наступать на гряду ХАФИД. Эскадрон В приблизился к ней и сообщил, что на ней нет позиций противника. Вслед за этим они немного продвинулись вперед и попали под сильный огонь и обнаружили, что позиции, которые они не заметили, находятся на следующей гриве. Если противник [и в самом деле] учел наличие первой низкой гривы и решил не оборонять ее, а решил занять позиции на следующей, то в этом случае выбор высоты Point 208 был выше похвалы из-за того, насколько обманчиво она выглядит. Должно быть, 15 июня защитники [гряды] были

удовлетворены тем, в какой погром они нас ввергли ... , если им удалось дожить до того момента, когда они могли это увидеть.

За день британские танкисты, поддержанные 25-фунтовыми орудиями группы Жахо, предприняли три атаки, слабо представляя себе, что находится перед ними. Одна из атак смяла часть оборонительных позиций, но защитники остальных позиций не дрогнули. На этом участке немцы располагали четырьмя 88-миллиметровками и артиллерией меньшего калибра, но очень небольшим количеством танков, - в начале это был лишь один эскадрон 8-го Танкового Полка, который после полудня сменил батальон 5-го Танкового Полка, подошедший из Гамбута/Gambut. Однако британские танкисты понесли тяжелые потери, и к наступлению темноты 7-я Бригада располагала только 48 боеспособными машинами. Боезапас британских танков состоял из бронебойных снарядов, и без фугасных боеприпасов борьба против артиллерии противника была сильно затруднена...

Немецкая артиллерийская позиция на гряде Хафид

ЖБД 2-го Королевского Танкового Полка. 17.35:

3 противотанковых пушки и 1 полевая уничтожены. Большие потери нанесены расчетам ... 14 танков Эскадрона В двинулись тремя колоннами на ССВ в направлении автомашин, [замеченных] на гребне. Эскадрон А, как уже было отмечено, наступал ... впереди и левее. Эскадрон В открыл огонь по машинам, ответного огня не был, но, после пересечения «мертвой» полосы и взобравшись на склон, попал под сильный противотанковый огонь с расстояния от 500 до 300 ярдов. 6 танков потеряно сразу же. Еще два были побиты ранее на правом фланге эскадрона огнем с СВ. Маловероятно, что противнику был нанесен какой-либо ущерб, так как единственными целями были машины в нерабочем состоянии, маскирующие огневую позицию. Шесть уцелевших машин подобрали тех, кто сумел выбраться [из подбитых танков] и ретировались к месту расположения Эскадрона С. На следующий день из этих шести танков только два были боепригодны...

Об оборонительных боях на позициях в районе гряды Хафид рассказывает немецкий артиллерист расчета противотанковой пушки [Хельмут Оршидт \(Helmut Orschidt\)](#):

На рассвете 15 июня, после холодной ночи, я проснулся от воя и грохота артиллерийских снарядов, падающих напротив нашей позиции. Я был напуган. Первый раз в жизни я был под артобстрелом. Батарея была приведена в боевую готовность. Командиры выкрикивали приказы. Спокойная жизнь закончилась: Томми атаковали наши позиции, хотя мы их не видели. Наш расчет получил приказ переменить позицию и присоединиться к боевой группе, состоявшей из еще одной батареи, роты танков,

батареи 88-мм зениток и отряда пехоты. Подъехал наш тягач, мы прицепили к нему нашу пушку и быстро тронулись в путь на запад, затем на юг, и в тот день несколько раз вступили в бой против британских танков, в основном, машин Crusader Mk. IV. Их попытки прорвать нашу оборону оказались безуспешными. Наши танки и 88-миллиметровки подбили большое количество вражеской техники, и к полудню пустыню затянул дым от горящих танков и других машин. Впервые я увидел мертвых солдат, немцев и британцев. Всю ночь мы отдыхали, на следующий день бои продолжались – мы постоянно перемещались, как будто в морском сражении. Во время очередной атаки, после выстрела из нашей пушки, меня отшвырнуло назад, и я ударился ногой о левую станину. Нога отекала, мне стало трудно ходить, но я не хотел оставлять расчет. Через несколько часов боль ослабла. В следующей атаке снаряд британского танка угодил в колесную ось нашей гаубицы, и осколки ранили 1-го номера – капрала Людвиг Зелига (Ludwig Selig). Его перевязали, и он тоже остался в строю. Пушка была повреждена не очень сильно, и мы еще могли перемещать ее. Нас сильно мучали жажда, жара и пыль, которая покрывала нас с ног до головы. Возможности умыться не было... На третий день бои утихли, и Томми отступили на исходные позиции. Мы назвали эту операцию Sollum, британцы - Operation Battleaxe. Они стремились снять осаду с Тобрука, но их усилия не увенчались успехом – это обошлось им почти в сотню потерянных танков. Но и частям Африканского Корпуса пришлось зализывать раны...

Из воспоминаний британского офицера-танкиста Сайрила Джоли (Cyril Joly, 1918-2000, кавалер ордена Военный Крест с планкой), 2-й Танковый Полк, об атаке на гряде Хафид:

... Я внимательно следил в бинокль за полетом снаряда... Сверкнула тусклая вспышка от удара стали о сталь. «Попадание, Бассет! Отличная стрельба! Давай огонь!» - крикнул я. Еще один выстрел, и снова попадание, и я крикнул: «Отличный выстрел, но ублюдок не хочет гореть.» В этот момент я увидел вспышку и дым, вырвавшийся из немецкой пушки – наконец и она ответила. В следующее мгновение наступил хаос. Сталь лязгнула о лобовую броню, оттуда вырвался язык пламени и дыма, после чего донесся еще один глухой взрыв. Взрывная волна пронеслась мимо меня – я все еще стоял на башне. Мои руки и лицо онемели, я был оглушен. Заглянул в башню – там все было вверх дном. Снаряд пробил лобовую броню напротив Кинга, заряжающего. Он снес пулемет с опоры. Снаряд или осколок брони попал в снаряд, который Кинг держал наготове, и поджег его. Снаряд разорвался, разнес вдребезги рацию, оторвал Кингу голову и плечи от остальной части тела, при этом начался пожар там, где лежали коробки с пулеметными лентами. Дым и кислый запах кордита заполнили башню...

Я был слишком сильно оглушен, чтобы двигаться. Мои конечности были словно привязаны к чему-то, ... просто чудо, что меня не ранило взрывом, а просто оглушило... Я решил узнать, как там Бассет, и нагнулся, чтобы лучше рассмотреть, что там в башне. Бассет, которого заслонил от взрыва защитный щиток пушки, остался, в общем, невредим. Его черное лицо, повернутое ко мне, было обожжено, глаза, уставившиеся на меня, казались ненатурально большими, в них застыл ужас: «Сэр, давайте валить отсюда. Бедолаге Кингу мы мало чем можем помочь. С ним все. Если мы застрянем здесь, мы тоже свое получим. Ради Бога, давайте у...ывать отсюда побыстрее!» Я, наконец, пришел в себя: «ОК, Бассет, скажи Ньюмэну (Newman), выбираться отсюда и, черт возьми, побыстрее.» Бассет нагнулся, чтобы сказать это механику-водителю, и еще один снаряд угодил в танк. Когда дым и пыль рассеялись, он снова нагнулся, чтобы проорать это Ньюмэну, но через мгновение повернулся и сказал: «С ним тоже все. Всю грудь разорвало...»

Внутри танка бушевало пламя, и я сам не помню, как оказался в неглубокой ложбине ярдах в двадцати от него, глядя на то, как первые языки пламени начали вырываться из верхнего люка...

В центре атака частей генерала Мессерви началась около 10.30 утра, когда 4-й Королевский Танковый Полк начал продвижение в направлении высоты Point 206.

Британцев встретил батальон 8-го Танкового Полка немцев, после чего начался ожесточенный бой. Пока он продолжался, Мессерви принял решение атаковать Форт Капуццо, и около 13.30 7-й Королевский Танковый Полк начал продвижение в его направлении. В результате этой двойной атаки 4-й Танковой Бригады британцев немецкие танки были оттеснены на северо-восток, и через какое-то время высота *Point 206* была взята. Тем временем 7-й Королевский Танковый Полк осуществил прорыв в районе Капуццо и оставил этот пункт позади, но британская пехота, по-видимому, из-за провала в связи, опоздала с выходом на новый рубеж и не сумела вовремя на нем закрепиться. В результате танкисты приостановили продвижение, вместо того чтобы перегруппироваться, заправиться и загрузить боеприпасы. Противник был серьезно обеспокоен прорывом британцев и возможностью его дальнейшего продвижения к Бардии и осуществил несколько контратак, которые, однако, были отбиты. На часах было около 18.00.

Об атаке на Капуццо вспоминает танкист [Джеймс Палмер \(James Palmer\)](#), на фото слева)

Приближаясь к Капуццо с юго-востока, мы натолкнулись на интенсивный противотанковый огонь артиллерии, который прижал нас до того момента, пока наша мобильная артиллерия не подавила их огневые позиции. Атака развивалась медленно. Многие наши танки были подбиты, и какое-то время мы дрались вслепую в условиях песчаной бури. Было страшно наткнуться на легкий немецкий танк прямо броне к броне, когда он выплывал из пыли и дыма. Удача сопутствовала тому, кто успевал выстрелить первым...

Целый день мы крутились, стреляя, продвигаясь вперед и вновь отходя, но так и не пробилась к Капуццо. Дым был повсюду, все грохотало, лязгало, ревели моторов, визжали пули и снаряды. Внутри машин люди обивались потом, матерились и орали. Мы пока не вступали в бой с тяжелыми немецкими панцерами, но понимали, что их придерживают в резерве до той поры, когда мы сточимся в бою против легких машин и противотанковой артиллерии...

Первый день наступления принес успех в центре, но на правом фланге в районе прохода Халфайя окончился безрезультатно, как и на левом фланге, где на гряде Хафид продвижение британцев наткнулось на сильные оборонительные позиции врага. Воздушная разведка сообщила о большом количестве транспортных средств,двигающихся на восток по дороге *Trigh Capuzzo*, что свидетельствовало о переброске противником подкреплений к линии фронта.

В следующие несколько дней 4-я индийская Дивизия должна была продолжить атаки на проход Халфайя, закрепиться в районе Капуццо и попытаться продолжить продвижение в направлении Бардии. 4-я Танковая Бригада должна была присоединиться к 7-й Бригаде, перед которой по-прежнему стояла задача разгромить танковые части противника в районе гряды Хафид и прикрыть левый фланг наступающих британцев.

После первого дня боев ситуация на фронте для немцев, казалось, складывалась не лучшим образом. Они потеряли значительное количество артиллерийских орудий, высота *Point 206* была потеряна, 8-й Танковый Полк понес серьезные потери. Пехота и противотанковая артиллерия, оборонявшие Капуццо, были смяты и рассеяны наступающими британцами, а силы немцев, оборонявшие проход Халфайя, оказались изолированными. Опасность прорыва британцев к Бардии не была устранена. Прибытие на оборонительные позиции немцев в районе гряды Хафид передовых частей 5-й Легкой Дивизии подняло боевой дух защитников гряды, которые с нетерпением ожидали прибытия остальных сил дивизии. Они получили приказ Роммеля продолжать продвигаться к Сиди Азеизу (8-9 миль севернее гряды Хафид), куда прибыли около полуночи.

К этому моменту Роммель уже ясно представлял намерения британцев, и к ночи 15 июня он решил, что 8-й Танковый Полк будет атаковать Капуццо на рассвете следующего дня, а 5-й Танковый Полк осуществит обходной маневр на западе и нанесет удар по британской группировке с фланга и с тыла.

Немцы разглядывают подбитые британские танки...

Операция *Battleaxe* - День 2

16 июня 8-й Танковый Полк немцев атаковал в соответствии с этими намерениями, но 4-я Танковая Бригада (около 90 танков на этом участке) и 31-й Полк Полевой Артиллерии отразили этот удар. Вот что рассказал об этом Роммель в своих записках:

В 05.00, 16-го, на второй день боев, 15-я Танковая Дивизия атаковала Капуццо, за чем последовал ожесточенный танковый бой. Несмотря на все приложенные усилия дивизия оказалась неспособной добиться какого-либо значимого успеха. Вскоре и Мусаид оказался в руках британцев. Примерно в 10.30 Танковая Дивизия рапортовала, что ей пришлось остановить атаку на Капуццо. Противник так и не дрогнул. Из 80 танков, которые 15-я Дивизия бросила в бой, осталось только 30, остальные либо сгорели на поле боя, либо ждали эвакуации и ремонта...

Шотландские Гвардейцы, которые рано утром этого дня взяли Мусаид, позднее захватили Соллумские казармы. Тем не менее Мессерви счел ситуацию слишком напряженной, чтобы разрешить передачу 4-й Танковой Бригады в подчинение танковой дивизии. Ниже уступла 11-я Индийская Пехотная Бригадная Группа атаковала противника дважды, но снова безрезультатно. На левом фланге 7-я Танковая Бригада и две колонны *Группы Поддержки* весь день вели бой против 5-й Легкой Дивизии немцев. Этот бой вскоре отодвинулся от района гряды Хафид, и его фокус стал зигзагообразно смещаться в направлении пункта Сиди Омар, где находились еще не вступившие в бой части *Группы Поддержки*, артиллерия которой открыла огонь по противнику. Немцы несколько раз попытались обойти британцев с запада - эти атаки были отражены, но дорогой ценой: к вечеру оба танковых полка британцев - 2-й и 6-й в этом секторе боев располагали всего 21 боеспособной машиной...

О боях 16 июня рассказывает гауптфельдфебель Вендт (Wilhelm Wendt), командир взвода в 5-й Роте 5-го Танкового Полка:

В ранние утренние часы 16 июня 5-й Полк впервые атаковал британцев на направлении к Сиди Омару. После короткой стычки с противником был получен приказ отступить. Мне пришлось передать командование 1-й Взводом лейтенанту Кастнеру (Kastner), который оправился от ран и вернулся. Я стал командиром отделения в этом взводе.

Около 11 утра был отдан новый приказ наступать, но и эта атака была остановлена после столкновения с противником. Мы снова отошли, чтобы занять позицию в засаде. Жара была страшная, ни одного деревца, ни кустика, но солнца в изобилии!

Очертания вражеских машин расплылись в этом пекле до такой степени, что уже было не разобрать, что за машина находится напротив тебя. После полудня, должно быть, около 16.00 полк снова получил приказ атаковать. Наша 5-я Рота шла в вершине обращенного вовнутрь клина с 1-м Взводом в ее центре. Моему взводному, лейтенанту Кастнеру пришлось уйти в тыл, поскольку его танк был в небоеспособном состоянии. Командир роты передал командование взводом опять мне и ругался так, как никогда раньше при мне, по поводу того, как нерешительно продвигалась вперед рота. После этого я пошел в атаку со своим взводом и смог подбить несколько вражеских танков, приостановившись для стрельбы с места. Затем я стремительно пошел вперед, в лобовую атаку, воспользовавшись лихостью, присущей моему хорошо сколоченному экипажу. Англичане, словно шеренга пловцов, растянулись, практически, поперек пути. Я снова останавливался для того, чтобы сделать несколько выстрелов. Во время этих остановок мой наводчик Томми (Tommi) поразил несколько танков, каждый раз помогая остановить вражескую атаку. Последний раз мы приостановились для ведения огня на расстоянии около 400 метров от противника. Я смог разглядеть то, что противник начал ретироваться... Я немедленно устремил мой танк вслед за ним, чтобы сесть ему на пятки. Прикрывающий отход огонь сконцентрировался на мое. Я приказал наводчику продолжать вести огонь на ходу, но тут разглядел на моем главном стволе (50 мм) перегиб где-то посередине. Я потряс наводчика, схватив его за шиворот, и сказал ему, чтобы он прекратил стрельбу, чтобы не разнесло пушку. И тут в нас попал английский противотанковый снаряд, - это было прямое попадание, которое пробило броню. Будучи сильно возбужденным, я не сообразил, что у меня в машине раненые. Пока танк не замедлил ход и не остановился, я не понимал, что что-то случилось. Я немедленно спросил у экипажа: «Что-то произошло?» Поскольку ответа не было, я стал спрашивать их по очереди: «Томми, что-то случилось?» Он пожаловался: «Ох... мои ноги, мои руки, мне очень больно...» С нашим радистом и заряжающим ничего не случилось, но наш механик-водитель Опи (Ori) молчал. Я немедленно выбрался через свой командирский люк, чтобы вытащить из машины нашего наводчика, унтер-офицера Томма (Thommt, видимо, «Томми» было прозвищем – ВК), и перевязать его раны. Радист и заряжающий помогли мне. Пока его перевязывали, я спросил радиста, Хагедорна (Hagedorn): «Что с Опи?» Он доложил: «Опи не говорит ничего ... он мертв.» Я разозлился и ответил: «Чепуха, Опи не могли убить. Ты ему пульс пощупал?» - «Нет, я еще раз гляну.» Выяснилось, что Опи был еще жив... Я приказал наводчику держать ремень наготове, чтобы мы могли вытащить Опи. После того, как это было сделано, появился майор Кон (Konh) и спросил: «Парень, Вендт, что происходит?» Я ругнулся и сказал командиру: «У меня в машине двое раненых.» - «Да, но ты свое дело сделал. Мы прорвались! Я вызову врача по радио сейчас же.»

... Обработывая рану Томми, на врач небрежно сказал: «Выпрями ему ногу хорошенько, чтобы я мог наложить шину как следует. Так и больно не будет.» В этот момент Томми ответил: «Да, господин врач (Herr Oberarzt), если бы я был Винету, я бы не чувствовал боли, но я не Винету...» ... Мой наводчик, унтер-офицер Томм, как-то сказал мне: «Господин хауптфельдфебель, я боюсь. Но когда я вижу вас, мой страх покидает меня.» Но я думал о другом: «Дорогой Томми, если бы ты знал, как страшно бывает мне и как часто, ты бы не стал мне доверять.» Но все было именно так. Ты должен держать себя в узде, контролировать себя, когда речь идет о жизни и смерти, да так, чтобы иногда казалось, что твои нервы разрывают тебя на части...

Генерал Бересфорд-Пирс посетил командные пункты командиров обеих дивизий в первые послеполуденные часы и не внес изменений в свои приказы. Позднее Уэйвелл, известный тем, что хорошо чувствовал, где в нем была необходимость, прибыл в Сиди Баррани. На передовой генералы Криг и Мессерви вечером пришли к согласию в том, что, поскольку 22-я Гвардейская Бригада хорошо закрепились в районе Капуццо, 4-я Танковая Бригада на

следующей день, 17 июня, должна будет воссоединиться с 7-й Танковой Дивизией для концентрированного, нацеленного на разгром удара по танковым силам противника.

Несмотря на быстрое реагирование Роммеля на наступательные действия британцев, у него были основания для беспокойства после первого дня боев: большое число машин 8-го Танкового Полка получило повреждения, правда, немцам удалось быстро отремонтировать многие из них; 15-я Танковая Дивизия в течение нескольких часов находилась под сильным давлением, стараясь не дать британцам возможности наступать со стороны Капуццо; обороняющий проход Халфайя гарнизон испытывал все большую нехватку боеприпасов и других материалов. На протяжении долгого времени не было определенности с действиями 5-й Легкой Дивизии и в расположении ее позиций. Кроме того, атаки британской авиации внесли дезорганизацию в передвижение транспорта *Оси* по дороге *Trigh Capuzzo* и сильно замедлили его продвижение. В 4-5 часов после полудня Роммель, однако, попытался убедить генерала Нойманна-Зилкова в том, что события развиваются в благоприятном для немцев направлении, настаивая на том, что нужно держаться в проходе Халфайя, а запланированную на следующее утро атаку на восток в направлении на Сиди Сулейман/Sidi Suleiman придется отложить. Позднее, суммировав свое видение намерений британцев на следующий день, Роммель отдал приказ опередить противника. Обеим дивизиям предстояло на рассвете перейти в атаку: 5-й – в направлении на Сиди Сулейман и далее к проходу Халфайя, 15-й – делая дугу севернее, в направлении пункта Алам Абу Дихак/Alam Abu Dihak и далее также в сторону прохода Халфайя.

Операция *Battleaxe* - День 3

На рассвете немцы пошли в атаку. 4-я Танковая Бригада британцев, которая начала движение для воссоединения с 7-й Дивизией, вступила во встречный бой с наступающим противником и остановила танки 15-й Дивизии немцев, но дальше к югу 5-й Танковый Полк немцев отбросил 7-ю Танковую Бригаду британцев на юго-восток и к 8 утра вышел к пункту Сиди Сулейман.

Теперь положение стало тревожным для британцев, так противник угрожал выходом в тыл 22-й Гвардейской Бригаде. Радиосвязь у британцев работала ненадежно, и было уже 09.30, когда генерал Криг получил возможность охарактеризовать сложившееся положение штабу британских сил в Западной Пустыне и сообщить, что у него осталось всего 22 крейсерских танка и 17 танков поддержки пехоты. Уэйвелл понял, что нужно принять кардинальное решение, и это придется делать ему самому. Он вылетел вместе с генералом Бересфордом-Пирсом в штаб 7-й Танковой Дивизии в пункт, получивший название *Halfway House*, и прибыл туда в 11.45, где обнаружил, что генерал Мессерви уже отдал необходимые распоряжения. Решив, что только немедленный отход спасет 22-ю Бригаду, он приказал начать отступление в 11.00. Уэйвелл увидел, что отменять этот приказ слишком поздно, даже если бы такое желание у него было. Однако, оценив вероятную численность противника, он отменил свой собственный приказ о контратаке на Сиди Сулейман, отданный генералу Кригу. Вместо этого он принял решение остановить наступление в целом и приказал всем войскам отступить и перегруппироваться, уведя с собой как можно больше поврежденных танков. Затем он улетел в Каир, чтобы заняться делами, связанными с [Сирийской кампанией](#), и другими вопросами...

Вспоминает Джеймс Палмер:

... Мы получили приказ отвернуть от Капуццо и двинуться на юго-восток, чтобы остановить панцеры, устремившиеся к Сиди Омару. Но они оказались быстрее нас: появившись к югу от Сиди Омара, они повернули прямо на восток в направлении Сиди Сулеймана/Sidi Suleiman, отрезая нас [от нашего тыла]. Если мы не доберемся до Сиди Сулеймана первыми, мы потеряем контакт с нашими силами, пытающимися наступать на запад в направлении Тобрука и Саллума. Мы, как сумасшедшие, рванулись к Сиди Сулейману. Когда мы смяли проволочное заграждение, по нам отстрелялась наша

авиация, которая приняла нас за танкеры... К этому времени сражение уже было нами проиграно. Роммель продолжал удерживать перевал Халфайя. Саллум и Тобрук остались в осаде.

Вот как описал Роммель события 17 июня:

... Утром 17 июня 5-я Легкая Дивизия начала продвижение вперед в назначенное время и после стремительного марша вышла к окраине Сиди Сулеймана в 06.00. 15-я Танковая Дивизия завязала ожесточенный бой против бронетехники, которую британцы бросили в бой, чтобы отразить угрозу, нависшую над ними. Но вскоре [наступление] достигло цели. Огромное количество уничтоженных британских танков усеяло местность, через которую прошли две [наши] дивизии.

Эта операция, очевидно, застала британцев врасплох. В радиোগраммах, которые мы перехватывали, они описывали свое положение как весьма серьезное. Командир 7-й Танковой Дивизии послал в штаб сил в пустыне просьбу о разрешении прибыть туда. Это прозвучало странно, как будто британский командир уже не чувствовал в себе способности разругать ситуацию. Теперь стало ясно, что в текущем разобранном состоянии британцы не начнут ничего серьезного еще долго. Я принял решение стянуть сеть потуже, атаковав в направлении Халфайя. В соответствии с этим примерно в 09.00 были отданы приказы 5-й и 15-й дивизиям пробиваться к проходу и не дать британским танкам вырваться [из окружения], прорываясь с севера на юг. У них были большие проблемы с боеприпасами и горючим, и я надеялся втянуть их в статичный бой и окончательно разгромить. Радиোগраммы противника раз за разом сообщали о нехватке боеприпасов. Вскоре они начали жечь свои склады в районе Капуццо и стали отступать, бросая машины из-за отсутствия горючего. Они постоянно жаловались на большие потери в танках...

Утром 17 июня все имеющиеся в распоряжении британцев истребители поднялись в воздух, чтобы прикрыть отступающие войска, а после 10.00 Королевские ВВС сконцентрировали свои усилия на колоннах вражеских войск и техники. Немецким пикирующим бомбардировщикам удалась только одна атака, но в ее результате британцы потеряли почти 100 человек убитыми и ранеными. Отступление британцев на плато выше уступа прикрывали остатки обеих танковых бригад, и Роммелю не удалось перекрыть британцам путь к отступлению. Ниже уступа 11-я Индийская Пехотная Бригада, которая понесла тяжелые потери, успешно отошла, избавившись от угрозы окружения. К ночи передовые части британских сил в Западной Пустыне вновь были на линии Сиди Баррани-Софафи/Sofafi, а противник вернулся на свои позиции вдоль ливийско-египетской границы: он почти исчерпал свои запасы горючего. Наступление британцев провалилось.

Из писем Роммеля жене:

18 июня 1941. Дражайшая Лю,

Трехдневное сражение окончилось полной победой. Я собираюсь объехать сегодня войска, чтобы поблагодарить их и отдать приказы. Уезжаю в шесть, так что примиришься с этой короткой запиской на какое-то время.

23 июня 1941. Дражайшая Лю,

Три дня я был в дороге, объезжая поле боя. Восторг, который испытывают войска Африканского Корпуса по поводу последней победы грандиозен. Британцы думали, что сумеют опрокинуть нас своими 400 танков. Мы не могли выставить против них такое же количество бронетехники. Однако наша тактика и упорное сопротивление немецких и итальянских солдат ... дали нам возможность осуществить эту решающую операцию

с доступными нам силами. Теперь противник может [снова] атаковать – он потерпит еще более жестокое поражение.

Потери сторон

Британцы потеряли 122 человека убитыми, 588 и ранеными и 259 пропавшими без вести. Было потеряно четыре артиллерийских орудия, а из 90 крейсерских танков и примерно 100 танков поддержки было потеряно из-за действий противника и поломок 27 и 64 машины соответственно. ВВС потеряли 33 истребителя и 3 бомбардировщика. Согласно немецким архивам, *Африканский Корпус* потерял 93 человека убитыми, 350 ранеными и 235 пропавшими без вести. 8-й Танковый Полк немцев вступил в бой с примерно 100 танками, из которых около половины были пушечными машинами; 5-й Танковый Полк – с 96 танками, из которых 57 были пушечными машинами. 8-й Полк потерял 8 танков, 5-й – 4. Число поврежденных или вышедших из строя из-за поломок немецких танков остается неизвестным, но, вероятно, всего их было около 50, не считая тех, которые были отремонтированы и возвращены в строй в ходе трехдневных боев. Немцы потеряли 10 самолетов. Потери итальянцев неизвестны: британцы захватили около 350 пленных, которые были отпущены перед началом общего отступления. Масштаб и соотношение потерь в живой силе и технике указывал на то, что война в Северной Африке стала *войной танков*.

Уэйвелл высоко оценил усилия Королевских ВВС по защите наземных войск от атак с воздуха. Тяжелые потери, понесенные истребительными эскадрильями, Теддер связал с частично недостаточным уровнем подготовки летчиков и частично с тем, что из-за необходимости постоянно находиться в воздухе поднимающиеся в воздух патрули были слишком малочисленными. Взаимодействие между наземными войсками и ВВС было признано неудовлетворительным во многих аспектах – здесь британцам предстояло еще многому учиться, но, во всяком, случае одним из результатов операции *Battleaxe* было признание необходимости решительных шагов в этом направлении.

Выученные уроки

Операция *Battleaxe* осуществлялась в считанные недели после подавления антибританского восстания в Ираке (2-31 мая 1941 года), завершения боев на Крите (2 мая – 4 июня 1941 года) и одновременно с Сирийской кампанией (8 июня – 14 июля 1941 года), где были задействованы значительные силы британцев. Эти операции сильно подорвали наступательные возможности Уэйвелла в Африке, и он был прав, считая, что у него просто недостаточно сил для достижения поставленных перед ним Генеральным Штабом целей. Кроме того, в атмосфере спешки в ходе подготовки к операции у британцев просто не осталось времени на должное освоение танкистами новой техники и подготовку их к боевым действиям в крупных ударных боевых группах. Одна из британских танковых бригад была оснащена крейсерскими танками, другая – более медленными машинами с коротким радиусом действия. Скоординированные действия двух бригад были более чем проблематичны. В немецких танковых частях также были танки различных типов, но их скорости были близки, а командиры и личный состав успели пройти практическое обучение совместным действиям, как, впрочем, и взаимодействию с артиллерией и пехотой. Это взаимодействие стало фирменным знаком Вермахта еще в 1939-1940 годах в Европе, и оно еще долго будет давать *Африканскому Корпусу* перевес над противником...

В ходе операции *Battleaxe* британцы приобрели свой первый опыт серьезных боестолкновений с бронетехникой Роммеля. Здесь же они столкнулись с тем, насколько уязвимы даже их хорошо бронированные танки перед снарядами 88-мм орудий. Немцы хорошо знали, насколько эффективно действуют против танков орудия этого класса, так как протестировали их в августе 1940-го на трофейных *Матильдах*, захваченных во Франции. Успешный опыт их применения против британских танков в районе прохода Халфайя и на гряде Хафид, где 88-миллиметровки поражали боевые машины с расстояния

до 2 000 ярдов, подтвердил правильность концепции их широкого применения в борьбе против бронетехники противника. Их у немцев на тот момент было не так много: вероятно, 5 на участке Халфайя и 4 на гряде Хафид. Более многочисленные и простые в применении 37-мм и 50-мм противотанковые пушки немцев также нанесли британцам большой урон, в особенности длинноствольные 50-миллиметровки с их 4.5-фунтовыми бронебойными снарядами. У британцев в ходе операции *Battleaxe* сложилось такое впечатление, что их 2-хфунтовые (40 мм) танковые пушки были малоэффективны на больших расстояниях и что немецкие 50-мм пушки танков *Pz III* и 75-мм пушки танков *Pz IV* поражают их машины первыми. Действительно, на расстоянии 1 000-1 500 ярдов снаряды 2-хфунтовок наносили немецким танкам только небольшой ущерб, да и попасть с такого расстояния в пыли и в расплывающиеся в горячем воздухе цели было практически невозможно.

Позднее также стало понятно, что немцы успешно применяли тактику заманивания британских танков в секторы огня противотанковой артиллерии и что, вероятно, именно ее пушки выводили из строя большую часть британских танков. Еще одним уроком, вынесенным из операции *Battleaxe* стало то, что немцы располагают хорошо испытанной мобильной техникой для эвакуации с поля боя и ремонта поврежденных танков, в связи с чем отступающим британцам пришлось бросить много поврежденных машин, которые вполне могли быть восстановлены...

Британские командиры понимали, что им есть чему учиться у противника. Бригадир Джон Кэмпбелл (John Campbell, 1894-1942, кавалер *Креста Виктории*) из Группы Поддержки в своем рапорте по результатам боев писал:

Удержание позиций. Я думаю, мы должны заучить полученный от немцев четкий урок о том, как держать оборону. Когда у нас будет больше противотанковой артиллерии, я полагаю, даже в пустыне, где столь мало удобных [для ее размещения] элементов [рельефа], все еще есть возможность занять оборонительные позиции ... и вынудить или выманить противника атаковать их. ХАФИД – пример этого. [Гряда] ХАФИД не является заметным элементом [рельефа], но она стала тем же, что и HELLFAYA (близко к HELLFIRE - так британцы после этих боев стали называть проход Халфайя - созвучным английским словосочетанием, означающим «Адский Огонь» - ВК). Бои занимали на ней сильные позиции, почти круговую оборону. ... Казалось, они хитроумно вынудили нас атаковать их здесь. Гряда ХАФИД удалена от каких-либо подобных высот, с которых ее можно было бы поддержать, на 4-5 миль. Думаю, мы можем многому научиться из опыта атаки на гряду ХАФИД...

По результатам неудавшегося наступления остался открытым вопрос о рациональности производства легких танков. Их большая доля в танковых частях британцев была обусловлена тем, что британская промышленность просто не успела перестроиться после поражения Британского Экспедиционного Корпуса, потерявшего всю свою технику во Франции всего год назад. Необходимость скорейшего оснащения сухопутных вооруженных сил бронетехникой обусловила производство большого числа легких танков, эффективность которых в войне в пустыне оказалась весьма сомнительной. Британцам удалось произвести меньше чем за год большое количество крейсерских танков, сопоставимых по тактико-техническим характеристикам с немецкими. В частности, немцы высоко отзывались о британских *Матильдах*, несмотря на их явно недостаточную огневую мощь. Однако механическая надежность этих машин в условиях пустыни создала британцам много проблем и привела к большим потерям в 1941 году.

Заслуживает внимание оценка Роммелем действий Уэйвелла:

Стратегическое планирование наступления было превосходным. Его отличала от других британских армейских командиров высочайшая и стратегически сбалансированная смелость, которая позволяла ему концентрировать свои силы независимо от перемещений противника. Он хорошо знал о необходимости избегать

операций, которые дали бы противнику возможность вести бои на своих глубоко расположенных позициях и громить его части по одной. Однако он оказался в затруднительном положении из-за малой скорости его тяжелых танков поддержки пехоты, которая не давала ему достаточно быстро реагировать на действия наших более скоростных боевых машин. Как следствие, малая скорость большей части его бронетехники оказалась его слабым местом, что мы смогли использовать в тактическом плане.

Неудача операции *Battleaxe* привела к снятию с должности генерала Уэйвелла. Черчилль произвел рокировку, отправив его командовать британскими силами в Индии вместо генерала Клода Окинлека (Claude Auchinleck), занявшего пост Уэйвелла на Ближнем Востоке.

ИРАКСКИЙ ПУТЧ - АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1941 ГОДА

Весной 1941 года ситуация на Ближнем Востоке и в восточном Средиземноморье стала приобретать критический характер для Великобритании. 24 марта генерал-лейтенант [Эрвин Роммель](#) начал свое [первое наступление в северной Африке](#) и нанес британцам поражение под Эль-Агейлой/El Agheila. К 12 апреля его [Африканский Корпус](#) вытеснил противника из Ливии, отогнал его почти до египетской границы и теперь угрожал стратегически важному Суэцкому каналу. Также в апреле германская 12-я Армия в течение трех недель [выбила объединенные силы Британского Содружества из Греции](#), вынудив значительную их часть эвакуироваться на Крит. Вскоре после этого в результате [масштабной воздушно-десантной операции](#) эти силы были разгромлены.

Одновременно с этим прогерманские силы в Ираке подняли мятеж, угрожавший потерей находившихся в этой стране нефтяных промыслов, которые могли попасть в руки нацистов и тем самым коренным образом изменить стратегическую ситуацию для всей ВМВ в целом. Британцам удалось быстро подавить мятеж и в дальнейшем консолидировать позиции союзников на южном фланге антигитлеровского фронта...

Путч и его возможные последствия

Получив независимость в 1930 году, Ирак остался важным мостом между британскими владениями в Средиземноморском регионе и Индией. Он также остался крупнейшим поставщиком нефти для бывшей метрополии со своими промыслами и нефтепроводами. По договору с Великобританией иракское правительство предоставляло ее вооруженным силам свободный доступ на территорию Ирака, право на и размещение на ней военных баз и, в случае войны, помощь в их обороне. В 1941 году Королевские ВВС (RAF) располагали двумя базами в Ираке: одной к северу от Басры и второй в районе города Хаббания/Habbaniya, к западу от Фаллуджи/Fallujah.

С приближением ВМВ в иракской политической верхушке стали преобладать прогерманские и проитальянские настроения. Начиная с 1937 года, тайное общество офицеров, известное под названием *Золотая Четверка*, стало плести интриги против иракской монархии, во главе которой стоял слабовольный регент будущего четырехлетнего короля. Хуже того, правительство этой страны возглавлял премьер-министр [Рашид Али аль-Гайлани](#) (Rashid Ali el Gailani), симпатизировавший *Оси* и участвовавший в создании в Ираке антизападного и антисемитского *Мусульманского Братства*. Он был в тесном контакте с *Золотой Четверкой*. Третья проблема была

создана в результате присутствия в Багдаде Великого Муфтия Иерусалима [Хаджа Амина аль-Хусейни](#). Большую активность проявляло итальянское консульство, распространявшее пропаганду в пользу *Оси*.

С ростом политической напряженности и угрозы гражданской войны между сторонниками *Золотой Четверки* и регента монархии премьер-министр Рашид Али в январе 1941 года подал в отставку со своего поста. Покинув правительственный офис, он продолжил интриговать против регента и британцев. В марте 1941 года Рашид Али и *Золотая*

Четверка изгнали пробританского премьер-министра [Нури аль-Саида](#), а 1 апреля, опираясь на иракских военных, группировавшихся в 1930-х вокруг германского посла [Фрица Гробба](#) (Fritz Grobba), сместили [Абд аль-Илаха](#) (Abd al-Ilah) с поста регента при малолетнем короле [Фейсале II](#), сделав вместо него регентом Шерифа Шарафа (Sharif Sharaf bin Rajeh). Нури аль Саид был вынужден бежать, а посол Великобритании Кинахан Корнуоллис (Kinahan Cornwallis) оказался заложником, удерживаемым в здании британского посольства. Рашид Али незамедлительно проинформировал правительство Великобритании о том, что не потерпит какого-либо вмешательства иракские дела и к середине месяца обратился к Германии за военной помощью. При этом он, по воспоминаниям британского офицера по имени Сомерсет Де Чейр (Somerset de Chair, на послевоенном фото слева), который примет активное участие в дальнейших событиях, угрожал «перерезать британцам глотки, если хоть одна бомба упадет на Багдад.»

Багдад в дни прогерманского путча. Грузовики с мятежниками едут по одной из центральных улиц...

Этот путч был тяжелым ударом для британцев в и без того непростой ситуации. Через Ирак проходил нефтепровод из Ирана в иракский порт Басра в Персидском заливе, откуда наполненные ею танкеры шли в порты Британского Содружества. Роммель прекрасно понимал стратегическую значимость этой богатой нефтью страны. В своих записках он отмечал: «В 1939 году Персия и Иран вместе добыли 15 миллионов тонн нефти, в то время как Румыния – 6.5 миллионов тонн.» Румыния была важнейшим источником снабжения нефтью Третьего Рейха, но при этом ее промыслы вскоре окажутся в поле досягаемости

советских бомбардировщиков на раннем этапе Советско-Германской войны, а позднее станут целью для авиации союзников.

Со времени окончания ПМВ, в результате которой Ирак вышел из состава Османской Империи в результате ее распада, в Багдаде находилось дружелюбно расположенное по отношению к Великобритании правительство, и [Лига Наций](#) предоставила ей мандат на управление этой страной. Чтобы гарантировать стабильность в ее пределах и защищать свои интересы, Королевские ВВС патрулировали воздушное пространство Ирака, а наземные войска – его пустынные территории с помощью броневых автомобилей.

Планы нацистов

Итак, в марте 1941 года Али аль-Гайлани, опираясь на тайное общество *Золотая Четверка*, сверг пробританское правительство. Для Роммеля это было отличной новостью. Он уже предполагал, что при достаточной поддержке со стороны Гитлера (на самом деле, она так и не стала реальностью из-за того, что тот был полностью занят подготовкой к вторжению в СССР) его *Африканский Корпус*, нанося удар через Ближний Восток, сможет захватить ближневосточные нефтяные промыслы, после чего, обеспечив свои *панцеры* горючим, будет готов ударить, если понадобится, в подбрюшье России.

Роммель изложил свои планы в записках, которые рассчитывал использовать в послевоенных мемуарах: «Мы могли бы одолеть и разгромить британскую Полевую Армию, и это открыло бы нам дорогу к Суэцкому каналу... Взяв под контроль все Средиземноморское побережье, мы смогли бы снабжать наши силы в северной Африке, не неся при этом потери. Появилась бы возможность нанести удар в направлении Персии и Ирака, чтобы отрезать русских от Басры, захватить нефтяные промыслы и создать базу для атаки на южную Россию.»

Немцы не просто мечтали о захвате Ближнего Востока: они готовили переворот в Ираке. В этой стране, под носом у британцев, работали их секретные агенты, сеявшие смуту и агитировавшие за своего собственного кандидата в политические лидеры страны, Рашида Али. Подобная работа велась и в соседнем Иране, где проживала значительная по размеру колония пронацистски настроенных немцев. Сомерсет Де Чеар позднее писал о том, какая сложная обстановка складывалась в Персии «Вскоре мы заметили, что в последние месяцы в Персию через Турцию потоком идет немецкое оружие... Мы тщательно изучили положение, складывавшееся вокруг германской *Пятой Колонны* в Персии, где занимавшиеся коммерцией немцы действовали под началом *гауляйтеров* [партийных нацистских лидеров] и могли быть по телефону мобилизованы для дальнейших действий. На самых недавних маневрах Персидская армия продемонстрировала девять танков, и мы не могли игнорировать возможность того, что немцы собираются *одолжить* их для того, чтобы усилить иракцев.»

К этому времени немцы сформировали и обучили две группы специального назначения, готовые оказать помощь антибритански настроенным иракцам: 287-ю и 288-ю роты [бранденбургцев](#) (288-й командовал полковник Отто Ментон (Otto Menton, старый друг Роммеля). Угроза британским интересам в этой части света была очевидной...

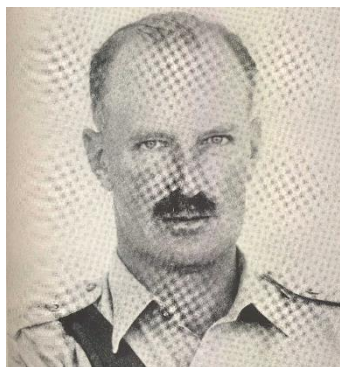
Силы путчистов

Иракская армия, в прошлом обученная британцами, состояла из четырех дивизий: 1-й и 3-й со штабами в Багдаде, которыми командовали члены *Золотой Четверки*, полковники Камил Шабиб (Kamil Shabib, повешен за измену 16.10.1944) и Салах аль-Дин ас-Саббах (Salah al-Din al-Sabbagh, повешен за измену 16.10.1944) соответственно; 2-й, дислоцированной в Киркуке с гарнизоном в Мосуле, и 4-й в Дивании/Al Diwaniyah, на юге, с гарнизонами в нескольких важных центрах. Близ Багдада размещались механизированные части, которыми командовал также член *Золотой Четверки*, полковник Фахми Саид

(Fahmi Said, повешен за измену 05.05.1942). BBC Ирака состояли из семи эскадрилий и учебных самолетов - всего 118 машин. Ими командовал полковник Махмуд Салман (Mahmud Salman, повешен за измену 05.05.1942), также член *Золотой Четверки*.

Формирование тактического соединения *Kingcol*

Британское правительство не сидело сложа руки и начало собирать силы для защиты своих интересов и объектов в Ираке: авиабаз, нефтепроводов и порта Басра.

В условиях противостояния с силами *Оси* в Африке британское командование быстро сформировало армейскую группировку для наступления на Багдад и подавления мятежа. Ее возглавил бригадир Джеймс Кингстоун (James Joseph Kingstone, на фото слева). Группировка получила название *King Column* или *Kingcol* по имени командующего, ей предстояло пройти 750 миль по пустыне. В нее вошли солдаты и офицеры ряда старейших британских полков. Де Чеар так описал это пестрое по составу соединение: «Охрана Его Величества/His Majesty's Life Guards и Королевские Конные

Гвардейцы/Royal Horse Guards, рассеянные по армейским грузовикам, рядом с ними, в легких грузовиках с

установленными на них пулеметами *Льюис/Lewis* – бедуины *Арабского Легиона* в своих балахонах (на фото слева) – так называемый *Пустынный Патруль [генерала] Джона Глабба* (John Bagot Glubb, на фото справа)».

Общая численность солдат и офицеров ТС *Kingcol* составила, по некоторым оценкам, около 2 000 человек. В нее вошли моторизованные части 4-й Кавалерийской Бригады, 237-я Батарея 60-го Полка Полевой Артиллерии (North Midland), 1-й Батальон *Эссексского/Essex* Полка, взвод противотанковой артиллерии, 2-я Рота Бронеавтомобилей *RAF* и две роты снабжения. Вошедшая в ТС 4-я Кавалерийская Бригада была представлена 1-м Кавалерийским Моторизованным Батальоном/1st Household Cavalry Motor Battalion (именно он был сформирован из *Охраны Его Величества* и *Конных*

Гвардейцев), части полков *Уорикширских* и *Королевских Уилтширских Йоменов* /*Warwickshire Yeomanry* и *Royal Wiltshire Yeomanry*).

Британские бомбардировщики пролетают над Иерусалимом – британцы надеялись припугнуть этим местных арабов и остановить распространение среди них прогерманских настроений

Генерал Глабб, также известный как *Глабб-паша*, командовал *Арабским Легионом*, созданным для поддержания порядка в Трансиордании и Ираке, умиротворения бедуинских племен и защиты внешних границ подмандатной территории, с 1939 года. Служба в *Легионе* со временем приобрела престижный характер – в него стали вливаться многочисленные добровольцы со всего региона. [Лэрри Коллинз](#) (Larry Collins) и [Доминик Лапьер](#) (Dominique Lapierre) в своей книге *O, Jerusalem* писали о Глаббе следующее: «... Из большого числа британских арабистов ... он был, вне всякого сомнения, величайшим. Ни один представитель Запада не освоил все тонкости бедуинского диалекта с такой же полнотой, как Глабб... Он знал бедуинский фольклор, их обычаи, структуру их племен и сложную систему неписанных законов, властвующих над их жизнями.»

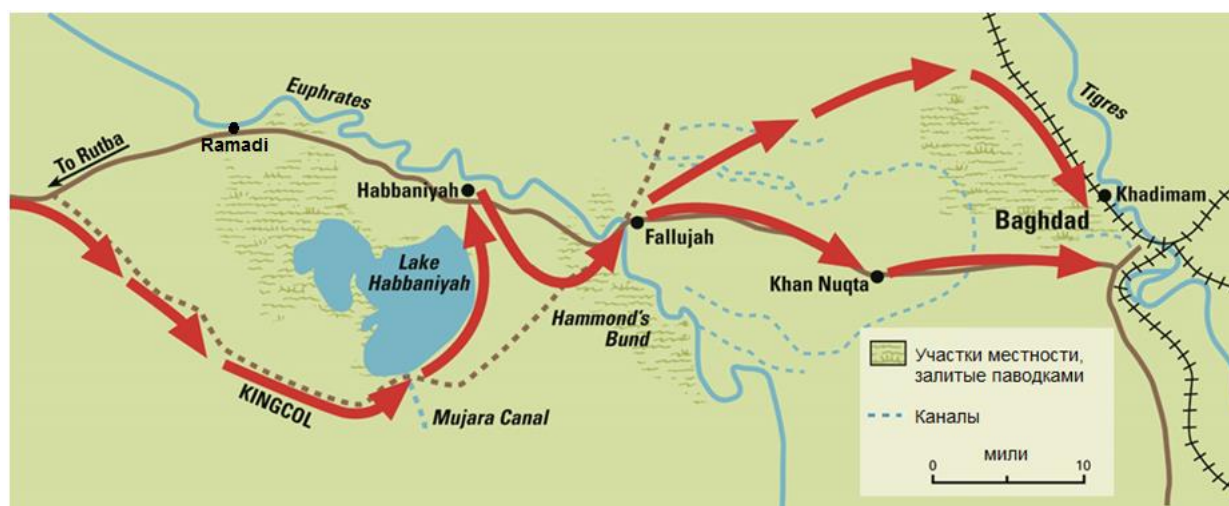
Один батальон *Собственного Полка Короля* был переброшен по воздуху в Хаббанию для усиления местного гарнизона, состоявшего из шести рот иракских милиционеров (levies) и 1-й Роты Бронеавтомобилей (RAF). На местном аэродроме базировались десятки самолетов устаревших типов, пригодных лишь для тренировочных целей, поэтому британцы перебросили в Шайбу/Shaibah из Египта две эскадрильи бомбардировщиков *Веллингтон/Wellington*.

Дополнительные силы были найдены в Индии – 10-я Индийская Пехотная Дивизия (командир - генерал [Уильям Слим](#) (William Slim) была переброшена в Басру. Будучи проинформированным британским послом о скором прибытии британских войск, Рашид Али отказался пустить их на территорию Ирака. Однако британцы начали их переброску, и 30 апреля 20-я Пехотная Бригада 10-й Дивизии высадилась в Басре. После этого начальник штаба дивизии, полковник Уври Робертс (Ouvry Roberts, 1898-1986, на фото слева), был откомандирован в Хаббанию.

ТС Kingcol начинает свой марш на Багдад

2 мая 1941 года ТС *Kingcol*, солдаты и офицеры которой были в курсе неудач Британской Армии на Средиземноморье, начала свой марш на Багдад. В ее авангарде находились бедуины Глабб-паши. Уже вскоре Де Чеар, на тот момент офицер разведки 4-й Кавалерийской Бригады, и ТС *Kingcol* догнали части *Арабского Легиона* близ оазиса Рутба/Rutbah, где находилась цистерна с водой емкостью 10 000 галлонов. Это был жизненно важный пункт водоснабжения в пустыне.

Схематическая карта завершающего отрезка марша британцев на Багдад

Занятие этого пункта стало первой важной победой для британцев в этой кампании. 9 мая [Фавзи аль-Кавукджи](#) (Fawzi Qawukji), предводитель мятежников, преградил путь противнику с группой пулеметчиков и сотней полицейских, в прошлом вооруженных и обученных британцами. На следующий день, 10 мая, как сообщил Глабб в своем рапорте бригадир Кингстоуну, Кавукджи «вступил в бой против броневых автомобилей RAF, в результате которого вечером отступил на восток, после чего контакт с ним не был восстановлен.» Местные бедуины не поддержали мятежников.

Бригадир Кингстоун и его люди остановились на двухдневный отдых в районе Рутбы/Ruthba. Здесь Де Чеар получил тревожные новости. «Семь аэропланов не установленной принадлежности пролетели на Алеем/Aley близ Бейрута, держа курс на Ирак, - вспоминал он. - Еще 17, как сообщалось, заправлялись в Меззе/Mezze. Мы знали, что это были немцы. Не был ли это авангард 22-й Воздушно-десантной Дивизии (ВДД), которая, как я знал, находилась в боевой готовности? Не собирались ли немцы перебросить ее через [контролируемую [вишистами](#)] Сирию на помощь иракцам, которым пропаганда *Оси* ежечасно давала щедрые обещания? Более того, один из наших летчиков, осуществлявших разведывательный полет над Мосулом (нефтедобывающая территория северного Ирака) был обстрелян *Me-110*.» Может, немцы уже присоединились к боевым действиям на стороне 40 000 иракцев?

Ситуация для группы британцев, находившихся в аэропорту Хаббания, расположенном на правом берегу Евфрата к западу от Багдада, могла сложиться хуже, чем для ТС *Kingcol*. Помимо авиаотряда, оснащенного самолетами и броневыми автомобилями, там находились 1 500 ассирийских милиционеров и батальон *Собственного Полка Короля*. К тому времени летчики уже отразили одну атаку мятежников, сбросив на них бомбы с бреющего полета, но дислоцированным на этой базе британцам могла грозить смертельная опасность в случае вступления в боевые действия 22-й ВДД немцев. Можно было не сомневаться в том, что аэродром будет ее первоочередной целью. В опасности мог оказаться и индийский гарнизон, на тот момент изолированный в порту Басры.

Необходимость в быстром продвижении к Багдаду обостряется

Ситуация складывалась так, что ТС *Kingcol* было необходимо наступать на Багдад как можно быстрее, чтобы достичь его раньше немцев. Де Чеар в своей книге *The Golden Carpet* (1945) писал: «Впереди нас ждал реальный марш. Перед нами лежала безводная пустыня, простиравшаяся примерно на 200 миль до озера Хаббания, питающегося водами Евфрата. Рамади/Ramadi, расположенный в северо-западном углу озера, удерживался одной или двумя бригадами Иракской армии [двумя, как выяснилось позднее], и также был окружен залитыми паводком участками местности.» Дренажная труба, проходившая под дорогой между Рамади/Ramadi и Хаббанией уже была взорвана иракскими саперами, чтобы заблокировать британцам подходы к осажденному аэродрому, и военнослужащие гарнизона спешно строили «альтернативную эстакаду» через затопленный участок пустыни, чтобы дать людям бригадира Кингстоуна пробиться к ним на помощь... При этом Де Чеар мрачно заметил: «Если бы эта эстакада попала под немецкую бомбежку до того, как мы пробились к нашим, мы вообще бы не смогли снять осаду с авиаотряда.»

Британские солдаты прикрывают огнем саперов, строящих мост близ Рамади

Бригадир Кингстоун не стал медлить. Его боевая группа тронулась в путь, пользуясь старыми картами и следуя за авангардом, впереди которого ехал грузовик с *Девочками Глабба/Glubb's Girls* – так британцы называли солдат *Арабского Легиона* из-за их напоминающих платья балахонов, длинных волос и пестрых шарфов. Де Чеар наносил на карту пройденные отрезки пути, хотя и не был уверен в том, что продвигается в правильном направлении. «Я ехал в Багдад, но молился сразу нескольким богам через определенные интервалы времени, чтобы они направили меня по верному пути,» - вспоминал он. Вскоре, произошло то, что заставило его забыть на время об опасности заблудиться. Поднимаясь на холм, он оглянулся на колонну ТС *Kingcole*, которая продвигалась по извилистой дороге в 20-30 миль позади авангарда. «Неожиданно я увидел, как два черных столба выросли вдали от меня, и, пока клубился дым, я разглядел ярко-белые вспышки огня зениток, уходившие вверх на их фоне. Ну вот, наконец нас обнаружили.»

Бомбы были сброшены самолетами неизвестных ВВС – они могли быть немецкими или иракскими, и они попали в цель. Грузовик с солдатами *Эссексского полка* был поврежден,

несколько человек были убиты. Если это была только прелюдия, то *ТС Kingcol* была крайне уязвимой в случае массированной атаки с воздуха. Теперь при каждой остановке солдаты были вынуждены на скорую руку копать укрытия, и все это «в погодных условиях, при которых было невозможно дотронуться до металла, когда термометры показывали 118 градусов (по Фаренгейту – около 48°C). Казалось, на солнце металл был раскален добела. Люди брались за него, используя тряпки, платки и все, что могло помочь.»

Миссия *ТС Kingcol* в опасности

Еще большие неприятности лежали впереди. Кингстоун отдал приказ начать продвижение по азимуту, ведущему к *сади* Абу Фарук/Abu Farouk, откуда нужно было повернуть на запад, пока *ТС* не выйдет к водоотводному каналу к югу от озера Хаббания в районе пункта Муджара/Mujara. Но, когда колонна вышла к точке, расположенной в 14 милях к западу от Рамади (60 миль к западу от Багдада), все пошло не так, как нужно. Здесь Де Чеар и другие старшие офицеры соединения, в частности, майор Мэй (May) из Эссексского Полка, потеряли уверенность в том, что следуют правильному азимуту. Затем, после принятия решение о выборе направления к *вади* Абу Фарук по компасу, колонна свернула в пустыню, где обнаружилось, что грузовики не могут продвигаться по зыбучей поверхности дюн. Рассредоточившись по местности из-за боязни попасть под удар с воздуха, грузовики, по воспоминаниям Де Чеара, стали вязнуть в песке. Те из них, которым удалось въехать на гребни дюн, погрузились в грунт по оси колес, и теперь люди отчаянно пытались выкопать их оттуда. Одновременно с этим жажда впервые стала для людей серьезной проблемой.

Сложившаяся ситуация, особенно из-за нехватки воды, стала настолько тревожной, что Кингстоун был вынужден задуматься о возможном прекращении миссии в целом. На военном совете бригадир сказал Де Чеару и другим офицерам, что запасов воды хватит еще лишь на один день. После этого он обратился к Глаббу: «Я хочу, чтобы ваши смуглые девочки помогли нам найти альтернативный путь.» На следующее утро три разведывательных патруля, состоявших из арабов, отправились на поиски более подходящей дороги, а Сомерсет Де Чеар был послан на поиски воды, нужда в которой с каждым часом становилась все более острой. Де Чеар отдавал себе отчет в том, что он и его отряд могут наткнуться на бедуинов, которые будут искать воду для своих стад. Его переводчик, которого звали Рединг (Reading), предложил позиционировать себя как иракских солдат в случае встречи с пастухами. Он оказался прав: встретив группу арабов и спросив, не видели ли они в округе британских солдат, они услышали от старой женщины, что такого не было. «Но, - сказала она со злобой в голосе, - я знаю, что делать, если встречу их,» и показала здоровенный нож. После этого, - вспоминал Де Чеар, - мы подумали, что настало время возвращаться в наш лагерь.» По счастью, они все-таки нашли воду в пункте под названием Абу Джир/Abu Jir. Одновременно с этим Кингстоун в сопровождении знатока пустыни Глабба обнаружил другую дорогу, и колонна добралась до Хаббании, не понеся потерь в стычках с мятежниками.

Удача поворачивается лицом к британцам

Противник снова атаковал *ТС Kingcol* воздуха. «Именно тогда, когда хвост колонны покидал лагерь, четыре черных истребителя пронеслись над пустыней, ведя пушечно-пулеметный огонь по грузовикам,» - писал Де Чеар. Если бы самолеты, которые, в чем был уверен Де Чеар, были немецкими, обнаружили британцев на день раньше, «они бы поймали нас неподвижными, увязшими в песке и вызвали бы по радио бомбардировщики, которые устроили бы попавшим в ловушку людям побоище.»

Так художник изобразил атаку немецких истребителей с опознавательными знаками ВВС Ирака на колонну TC Kingcol

На этот раз удача сопутствовала британцам: все ограничилось кратковременной атакой, и они продолжили свой марш. Колонна вышла к Муджаре, и оттуда двинулась к Хаббании, чтобы снять осаду с гарнизона авиабазы. Как писал Де Чеар, «обстоятельства, казалось, складывались совсем не в нашу пользу. Но пока нам везло, и, как напомнил нам указательный столб на краю аэродрома, Багдад теперь от нас был всего лишь в 55 милях.»

Иракские мятежники ведут артиллерийский огонь по британским позициям близ Рамади

Бои в окрестностях Хаббании

Не решившись атаковать дислоцированных в Басре индийцев, Рашил Али выбрал в качестве первоочередной цели авиабазу в Хаббании. Взятие ее под контроль лишило бы британцев возможности создать препятствия немцам и/или итальянцам, если те попытаются перебросить какие-либо силы в район контролируемой путчистами иракской столицы.

Бронеавтомобиль Роллс-Ройс занимает позицию близ осажденной иракцами авиабазы в Хаббании. Май 1941 года

Войска иракских мятежников прибыли в окрестности Хаббании ранним утром 30 апреля и постепенно сконцентрировались на высотах к югу от нее. Большая часть солдат и офицеров полагала, что они находятся на учениях. К утру 1 мая эти силы включали в себя одну пехотную бригаду, одну артиллерийскую бригаду, эскадрон бронеавтомобилей и моторизованную пулеметную роту. Кроме того, иракцы заняли деревню Дхиббан/Dhibban к востоку от Евфрата, еще одна рота вошла в Фаллуджу, и одна бригада заняла позиции в районе города Рамади.

Одновременно с этим иракцы взяли под контроль северные нефтяные промыслы принадлежавшей британцам *Iraqi Petroleum Company* в Киркуке, интернировав британский персонал. Перекачка нефти в порт Хайфа была остановлена и перенаправлена в Сирию по нефтепроводу, идущему в Триполи, который был до этого закрыт в связи с выходом Франции из войны. Таким образом ближневосточная нефть стала доступной странам Оси...

Старший офицер авиабазы, вице-маршал авиации/Air Vice Marshal Хэрри Сمارт (H. G. Smart), действовал в соответствии с приказом Черчилля: «Если придется нанести удар, нанесите мощный удар. Используйте все необходимые для этого силы.» Он решил атаковать первым, и утром 2 мая 18 бомбардировщиков — 6 *Одэксов/Audax*, 9 *Оксфордов/Oxford* и 6 *Гордонов/Gordon* совершили рейд на позиции иракцев. Противник ответил артобстрелом аэродрома и этим раскрыл местоположение своих огневых позиций, которые были атакованы с воздуха. *Веллингтоны*, базировавшиеся в Шаибе, присоединились к авианалету, при этом иракская авиация также атаковала Хаббанию, не нанеся заметного ущерба британцам. В тот день британцы совершили более 200 вылетов, потеряв 7 машин: 5 были сбиты иракскими летчиками, 2 — огнем с земли.

Два боестолкновения имели место на земле. Первое из них произошло, когда отряд милиционеров из 8-й Курдской Роты переправился через Евфрат и атаковал огневую позицию иракцев, размещенную к северу от авиабазы. Курды попали под сильный пулеметный огонь и были вынуждены отступить, позднее эта позиция была уничтожена с

воздуха. Во второй стычке 4-я Ассирийская Рота (как и курды, из числа иракских милиционеров) отбила атаку нескольких броневых автомобилей и легких танков *Phiat CV3/35*.

В течение следующих нескольких дней британская авиация активно атаковала иракские силы, занимавшие позиции к югу от авиабазы, конвои, доставлявшие грузы и подкрепления мятежникам по дороге, идущей от Фаллуджи, и иракские аэродромы в районе Мосула и Багдада. 4 мая *Веллингтоны*, сопровождаемые только что прибывшими *Харрикейнами/Hurricane*, уничтожили на земле по меньшей мере 50 иракских самолетов. Наземные войска мятежников в окрестностях Хаббании также несли тяжелые потери, их боевой настрой заметно упал. Они были вынуждены начать отход в ночь с 6 на 7 мая, что было обнаружено британскими разведчиками. Их патрули продвигались на восток, пока не натолкнулись на упорное сопротивление противника в Дхиббани. Полковник Робертс усилил патруль ротами *C* и *D* батальона Собственного Полка Короля и приказал продолжать атаки. В бою участвовали курдские и ассирийские милиционеры, у которых были старые счеты с арабами... К 3-4 часам дня деревня была взята вместе с более чем 500 пленных. Командир иракцев, дислоцированных в Фалудже, бросил в бой дополнительные силы и попытался отбить Дхиббан, но, по воспоминаниям Смарт, они были «практически уничтожены» атаками с воздуха.

Британцы продолжают наступление

В ходе совещания, проведенного в Хаббании, был разработан план завершающего броска на Багдад. К этому моменту стало ясно, что британцам придется сражаться не с одним врагом, а с двумя, поскольку в бой на стороне мятежников Рашида Али вступила германская авиация. Смарт и Робертс решили, что следующим логическим шагом будет атака на Фаллуджу. Для поддержки намеченной атаки из Басры по воздуху в сектор боев перебросили роту гуркхов, некоторое число артиллеристов и саперов. Перед этим британцы столкнулись с непростой ситуацией: жители Басры вышли на демонстрацию, протестуя против высадки 20-й Индийской Бригады в этом порту. Толпы были рассеяны выстрелами из 25-фунтовых пушек поверх голов протестующих. Иракскую полицию пришлось разоружить, при этом имели место грабежи и стрельба по британским солдатам. Самолеты Королевских ВВС, базирующиеся в Шайбе, были вынуждены атаковать иракские позиции в районе города и его окрестностях. 6 мая в Басре высадилась 21-я Индийская Бригада.

Hab Force - усиленная пехотной ротой механизированная бригада, находилась в пути из Палестины в Хаббанию. Это соединение, находившееся под началом генерал-майора Джорджа Кларка (George Clark, 1892-1948), командира 1-й Кавалерийской Дивизии, продвигалось вдоль нефтепровода и по дороге оставляло посты в стратегически важных пунктах. Заняв город Рутба, Кларк передал несколько частей в подчинение генералу Кингстоуну и отправил их на усиление группировки полковника Робертса. Тем временем мятежники взорвали прирусловые дамбы на Евфрате, что привело к паводкам, залившим обширные участки местности.

18 мая, перед выходом ТС *Kingcol* из Хаббании, «в небе появились три светло-зеленых бомбардировщика *Хейнкель/Heinkel* – на их крыльях в бинокль были хорошо видны черные кресты.» Не успели они сбросить свои бомбы на ангары *RAF*, как лагерь обстреляла четверка *Мессершмиттов/Messerschmitt*. Эти самолеты перебазировались в Мосул, используя в качестве промежуточных аэродромы вишистов в подконтрольной им Сирии, где они также получили возможность дозаправки. Вопрос заключался в следующем: насколько быстро за ними последуют парашютисты из 22-й ВДД? А пока в Мосул, расположенный в 500 милях к северу от Басры, прибывали немецкие и итальянские самолеты и конвои с оружием и боеприпасами...

Британские бомбардировщики нанесли удары по иракским позициям в самой Фаллудже. Три колонны подошли к западным окраинам города в ранние послеполуденные часы –

стратегически важный мост через Евфрат уже находился в их поле зрения. Поскольку иракские войска игнорировали призывы к капитуляции, распространяемые с помощью сбрасываемых с воздуха листовок, в 02.45 началась атака на мост. После артподготовки, в 17.00, иракские милиционеры взяли его, не потеряв ни одного человека.

Уже вскоре ТС *Kingcol* вступила в Фаллуджу. Три дня спустя, 22 мая, консолидируя свои позиции в городе, британцы были застигнуты врасплох атакой 6-й Иракской Пехотной Бригады при поддержке нескольких небольших танков. Рано утром британский патруль, посланный на разведку для того, чтобы подтвердить или опровергнуть сообщения об активных перемещениях противника, наткнулся на колонну иракцев на дороге, ведущей к Багдаду. Патруль обстрелял колонну, после чего быстро отступил. Мятежники продвинулись вперед и обрушили огонь своих минометов на британские оборонительные позиции к северу от города, удерживаемые Ротой С Собственного Полка Короля. Под сильным огнем рота отступила в город.

Мятежники начали преследование, но были остановлены двумя ротами иракских милиционеров, не дойдя до моста через Евфрат. После этого 6-я Иракская Бригада попыталась атаковать оборонительные позиции британцев к юго-востоку от города, но не сумела потеснить роты А и D Собственного Полка Короля. К этому времени в сектор боев прибыл генерал Кингстоун с ротами А и D Эссексского Полка и Ротой С 1-го Моторизованного Батальона. Завязался ожесточенный городской бой, в котором приняли участие солдаты Собственного Полка Короля и христиане-ассирийцы – смертельные враги иракцев-мусульман. Казалось, иракцы одерживают верх при поддержке местных жителей, обстреливавших британцев из ружей и винтовок, но, в итоге, «ассирийцы уничтожили танки голыми руками», в город вошли британские подкрепления, и оставшиеся в городской черте мятежники были выбиты из Фаллуджи. 25 мая в основные силы боевой группы *Hab Force* достигла Хаббании и позднее присоединились к ТС *Kingcol*, в дальнейшем принимая участие в боевых действиях совместно с ним.

Британские войска оставались в Фаллудже еще неделю, пока Королевские ВВС наносили удары по противнику там, где он оказывался в поле видимости. В частности, они осуществили рейд силами звена *Одэкс* на склады горючего иракцев и уничтожили более миллиона галлонов топлива. Летчики также продолжали сбрасывать листовки с призывами капитулировать мятежникам, находившимся в Рамади. Наиболее важным было то, что британская авиация нанесла удары по аэродромам близ Мосула, Киркука и к югу от Багдада (аэродром *Rashid*), на которых базировались немецкие самолеты. Были серьезно повреждены различные инсталляции и постройки и 14 самолетов на земле.

Фаллуджа стала базой для итогового броска. Кингстоун реорганизовал свои силы в две колонны:

- Северную, в которую вошли большая часть 1-го Кавалерийского Батальона, 4 25-фунтовых пушки, арабы генерала Глабба и другие броневые автомобили *RAF*;
- Южную, в которую вошли один эскадрон 1-го Кавалерийского Батальона, две роты Эссексского Полка, отдельная противотанковая группа, три броневые автомобиля *RAF* и Полевая Амбулатория/*Field Ambulance Section*.

Северная колонна численностью около 500 человек, которой командовал подполковник Эндрю Фергюсон (*Andrew Ferguson*), должна была переправиться через Евфрат и выйти к Багдаду с севера, обойдя по широкой дуге залитую паводком местность вокруг города Акка Куф/*Aqqa Quf*. Южная колонна численностью около 750 человек под командованием самого бригадира Кингстоуна должна была наступать прямо на Багдад по дороге, ведущей к нему со стороны Фаллуджи.

28 мая наступление британцев возобновилось. Колонны наступали под сильным воздушным прикрытием: авиация атаковала укрепленные пункты мятежников и участки их концентрации в самом Багдаде и его окрестностях. В воздушных рейдах приняли участие самолеты с авианосца *Hermes*. Самым большим препятствием для британцев стала болотистый участок местности. Британцы немедленно приступили к отсыпке грунта, чтобы проложить себе дальнейший путь, но, проработав над этим долгие часы, ничего не добились. В итоге, *Мадрасские Саперы и Минёры/Madras Sappers and Miners*, используя металлическую баржу-понтон и узкие стальные настилы, под покровом ночной темноты переправили машины. К рассвету дело было сделано, и уже вскоре, пройдя 25 миль, Северная колонна атаковала укрепленную деревню Хан Нукта/Khan Nuqta. Под огнем 25-фунтовок иракцы быстро утратили боевой дух и капитулировали.

Де Чеар дезинформирует противника

Здесь Де Чеару удалось использовать свои навыки офицера разведки. Сдаваясь британцам, иракский офицер-связист в суматохе забыл перерезать телефонный провод, идущий в Багдад, и теперь Де Чеар получил возможность прослушивать телефонные переговоры противника, проясняя для себя его планы по обороне Багдада. Более того, он мог провести телефонную игру, в результате которой мятежников охватила паника. Используя переводчика Рединга, он сумел убедить их в том, что британцы располагают большим числом танков, хотя в TC *Kingcol* их просто не было. Де Чеар доложил своим командирам, что защитники города проглотили наживку. Разведывательный патруль, посланный для оценки ситуации командованием 3-й Иракской Дивизии, сообщил в Багдад о том, что «у британцев под рукой, по меньшей мере, пятьдесят танков, из которых пятнадцать уже переправились через залитую паводком местность.»

В конечном итоге, иракский связист обнаружил, что британцы прослушивают их телефонные разговоры, и перерезал провод, идущий в Хан Нукту, но было уже поздно. Вспоминает Де Чеар: «Захваченный телефон дал мне возможность сделать полный рентгеновский снимок всех [вражеских] сил, противостоявших нам. Кроме того, он дал мне возможность осуществить полностью вымышленную мною мощную танковую атаку.» Первая фаза сражения за Багдад была выиграна британцами...

Иракские солдаты в Багдаде в ожидании развития событий

Соппротивление иракцев усиливается

Пока колонна, в составе которой находился Де Чеар, продвигалась к Багдаду, Северная колонна наткнулись на упорное сопротивление противника, окопавшегося в окрестностях священного города Хадимии/Khadimiya, уже на берегу Тигра. Моторизованная пехота не сумела с ходу прорвать оборону противника: она не имела возможности использовать артиллерию из боязни настроить против британцев мусульманское население Ирака. Это могло вызвать враждебные чувства и у арабов генерала Глабба. В сложившейся ситуации бойцы *Арабского Легиона* проявили верность своему командиру и дрались за священный город с исключительным ожесточением. Позднее генерал писал, что «они определенно считали, что, если даже мы побьем иракцев, сами они окажутся в проигрыше, потому что скоро сюда придут немцы. Но несмотря на это они не только сражались бок о бок с нами (единственная группа арабов, вставшая на нашу сторону), но и сами постоянно ратовали за более активные действия, предлагая свои пути атаки на позиции противника.»

После взятия Хадимии опасно обнажился левый фланг британцев: он мог попасть под удар 3-й Иракской Пехотной Бригады, дислоцированной севернее, в районе Мосула. Арабский Легион был переброшен в северном направлении, чтобы прикрыть наступающую колонну.

Южная колонна также столкнулась с усилившимся сопротивлением. Неожиданно стало ясно, что занятие Багдада не будет легким делом, на что рассчитывали солдаты и офицеры *TC Kingcol*. Не случилось ли так, что до иракцев дошли сведения о скором прибытии к месту боев немцев?

В окрестностях Багдада основные бои развернулись близ *Дворца Роз* (вероятно, речь идет о *Дворце Цветов/Palace of Flowers – ВК*). Эскадрон *С* 1-го Кавалерийского Моторизованного Батальона покинул свои и пошел в атаку в пешем строю под огнем противника. Вспоминает Де Чеар: «На нас обрушился пулеметный огонь, накрывший полосу деревьев, окружавших *Дворец Роз*. *Голубые* (прозвище *Королевских Конных Гвардейцев*, полученное ими в прошлом из-за цвета мундиров - *ВК*) и *Охранники Короля* припадали к земле», чтобы укрыться от [вражеского] огня. В бой вступила тяжелая артиллерия британцев, и еще большая угроза возникла из-за дружественного огня: бойцы Южной колонны оказались в пределах досягаемости 25-фунтовок Северной колонны. Но Северная колонна все еще была связана боем на подступах к Хадимии, а индийцы, находившиеся в Басре, только-только сдвинулись с места, так что главная тяжесть атаки на Багдад легла на плечи людей из Южной колонны. «То есть, мы остались сами по себе, чтобы добиться победы, если были на это способны, - вспоминал Де Чеар, - а Багдад был совсем рядом.»

Неожиданное перемирие

По воспоминаниям Де Чеара, в какой-то момент британцам уже казалось, что взятие Багдада не обойдется без тяжелых потерь, «потому что артиллерия иракцев, расположившаяся на берегу Тигра, открыла интенсивный огонь.» Это могло быть прелюдией к массовой контратаке с наступлением темноты.

Когда передовая колонна *TC Kingcol* приблизилась к мосту на три мили, ее броневые автомобили выдвинулись вперед для рекогносцировки. Они немедленно попали под сильный пулеметный огонь. Иракские 18-фунтовки обстреляли грузовики 1-го Моторизованного Батальона, и пехотинцы были вынуждены укрыться от огня. После этого британские 25-фунтовки вступили в контрбатареиную борьбу, и пехота *Эссекского Полка* 1-го Батальона стала продвигаться вперед от дамбы до дамбы через залитую паводком местность. К вечеру она продвинулась на 2 мили и была уже в одной миле от противотанкового рва. К этому моменту примерно 1 250 британцев противостояли 13 батальонам и 5 артиллерийским дивизионам иракцев, занимавшим позиции в Багдаде и

его окрестностях. Линии снабжения ТС *Kingcol* оставались крайне уязвимыми: в этот день колонна британских грузовиков была разгромлена на пути к насосной станции *H-4*.

По счастью, боевой дух мятежников к этому моменту испарился. В 00.15, 31 мая, Де Чеар услышал, как один из офицеров передает сообщение Кингстоуну: «Двое парламентариев подойдут к *Железному Мосту* [через канал *Washash*] в два часа ночи. Отправим ли мы двух офицеров для встречи с ними, чтобы обсудить условия перемирия?» Де Чеар вызвался предоставить для переговоров своего офицера по имени Иэн Спенс (Ian Spence) и офицера из 1-го Моторизованного Батальона по имени Руперт Харди (Rupert Hardy), а также британского дипломата Джералда Де Гори (Gerald de Gaury, на фото слева, неоднократно раненый в боях участник многих сражений ПМВ, арабист).

Не будучи уверенными в том, что на пути их не ждет засада, Де Чеар и другие члены переговорной группы поехали на машине к противотанковому рву, преграждавшему подходы к *Железному Мосту*, ведущему в Багдад. «Там мы должны были поднять белый флаг, - вспоминал Де Чеар. – Иракские парламентарии должны были включить фары своей машины на мосту, и мы, если увидим их, должны были в ответ включить наши.» Описывая дальнейшие события, Де Чеар, вспоминал: «Теперь мы ехали вперед безо всякого сопровождения, вступая на ничейную землю, туда, где всю вторую половину дня шел бой... Луна не светила, по обе стороны от наших машины в окнах была непроглядная тьма.» Подъехав к противотанковому рву, британцы не увидели иракцев. Спенс и Де Гори пошли вдоль рва, чтобы встретить иракцев, но уткнулись в колючую проволоку. Опасаясь осложнений, Де Чеар вернулся к Кингстоуну за инструкциями. Бригадир сообщил ему, что теперь прибытие иракских парламентариев ожидается в четыре часа. В назначенное время, появились две машины с зажженными фарами. Было ровно 04.00 31 мая.

На месте событий появился генерал Кларк и возглавил британскую сторону на предстоящих переговорах. Сюда также для переговоров прибыли генерал Глабб и вице-маршал авиации [Джон Д'Албиак](#). Де Чеар, Спенс и Де Гори отправились в Багдад в сопровождении иракского офицера по имени Дагестани (Daghestani), чтобы вступить в контакт с правительством Ирака и британским послом Корнуоллисом. Очевидно, мятежники поняли, что проиграли. Более того, в этот момент 10-я Индийская Дивизия уже находилась на марше со стороны Басры. Выяснилось, что Рашид Али бежал из страны, а глава мятежников Фавзи Кавукджи нашел убежище у вишистов в контролируемой ими Сирии. Пробританский регент Абд аль-Илах был уже на пути в столицу, чтобы взять власть в свои руки.

Договаривающиеся стороны быстро пришли к соглашению об условиях перемирия. Все военнопленные должны были быть освобождены обеими сторонами, все немцы и итальянцы, находившиеся в Ираке, подлежали интернированию. Наиболее важным было то, что иракцы обязывались «поддерживать всеми средствами британские вооруженные силы в войне против Германии и Италии.» Багдад был объявлен открытым городом. Заключительным актом мятежа стал жестокий еврейский погром в Багдаде 1-2 июня 1941 года - погибло 175 человек.

После подписания соглашения Де Чеар разрезал белый флаг перемирия на три части. «Вытащив из моего планшета карандаш, я написал жирными буквами в углу каждого куска [следующие] слова: *Часть флага перемирия, с которым были приняты багдадские эмиссары в 04.00 31 мая 1941 года, прибывшие, чтобы объявить о сдаче города и принять условия прекращения огня,*» - написал он в своей книге. Один кусок был отдан Кингстоуну, другой Спенсу, третий он оставил для себя.

Эпилог

2 июня в Мосул прибыл представленный Батальоном 2/4 Гуркхских Стрелков и отрядом солдат и офицеров ТС *Kingcol* британский контингент и взял его под контроль. Здесь были захвачены несколько лишенных возможности улететь из-за отсутствия горючего немецких пилотов и самолетов с закрасенными опознавательными знаками.

Британцы разглядывают Багдад через реку Тигр. Июнь 1941 года

Последнее боестолкновение с мятежниками имело место в ночь с 8 на 9 июня, когда Эскадрон А 1-го Моторизованного Батальона, продвигавшийся вверх по долине Евфрата к сирийской границе, вступил в бой с отрядом мятежников, которым командовал сам Фавзи Кавукджи. Противник был отброшен на территорию Сирии.

К концу месяца части 10-й Индийской Дивизии заняли ключевые позиции по всему Ираку. Так иракские ворота к ближневосточной нефти были закрыты для Роммеля. Как писал Черчилль, «Гитлер определенно упустил возможность завоевать на Ближнем Востоке грандиозный приз малой ценой. Мы в Британии хоть и находились под сильнейшим давлением, сумели, располагая лишь незначительными ресурсами, найти спасение от далеко идущих или долговременных последствий.»

Поддержка, оказанная *Оси* вишистами в ходе иракского мятежа, вынудила британское командование искать пути нейтрализации дислоцированной в Сирии враждебной группировки французских вооруженных сил. Вторгшись в эту страну, группировка, состоявшая из британцев, индийцев, австралийцев и [Свободных Французов](#) с 8 июня по 14 июля 1941 [в упорных боях вынудила вишистов капитулировать](#). В этих боях Де Чеар был ранен, после чего продолжил военную службу в британском генштабе. Следующим шагом стало вторжение в Иран, осуществленное [Советской Армией и британскими вооруженными силами](#) (1) в период с 25 августа по 17 сентября 1941 года. Так в течение трех месяцев был консолидирован южный флаг антинацистского фронта, протянувшегося от Северного Ледовитого до Индийского океана.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СИРИИ ЛЕТОМ 1941ГОДА

Предыстория конфликта

После поражения Турции в Первой Мировой войне часть ее бывших владений в арабском мире - преимущественно современные Сирия и Ливан - с населением около 3 650 000 человек попала под контроль Франции. Жители подмандатных территорий в период между мировыми войнами постоянно демонстрировали стремление к независимости, а в 1925-26 и 1930 годах поднимали восстания, которые были жестоко подавлены колониальными властями. К началу Второй Мировой войны французы сконцентрировали в своих ближневосточных владениях значительные силы – около 120 000 солдат и офицеров, в основном, в качестве орудия подавления новых выступлений арабского населения.

Военное поражение Франции летом 1940 года усилило брожение среди арабов, которые после выхода Франции из Лиги Наций не видели легальных оснований для сохранения французского мандата на свои земли. В конце августа 1940 года после переговоров французских властей с итало-германской комиссией численность французских войск в Сирии по условиям перемирия была сокращена до 35 000 человек – количества, необходимого для поддержания порядка в колониях. Националистические элементы в Сирии вновь подняли голову, так как сочли, что настало время освобождения от французского господства. Великобритания благосклонно смотрела на этот процесс, рассчитывая, что освободительное движение сирийцев станет препятствием для распространения влияния держав *Оси* на регион.

В октябре 1940 года на Ближний Восток прибыл сподвижник де Голля генерал Жорж Катру (Georges Albert Julien Catroux), который начал пропагандистскую кампанию, имевшую целью склонить базировавшиеся в Сирии и Ливане французские войска к переходу на сторону Свободной Франции (СФ). Был достигнут эффект, противоположный ожидаемому: прибывший в Сирию новый глава французской администрации генерал Анри Дентц (Henry Dentz) был настроен явно прогермански, все больше и больше немцев стало появляться в Сирии, да и сами сирийцы, скорее, были раздражены пропагандистской кампанией голлистов. Следует отметить, что мало чем обоснованные большие надежды на движение голлистов возлагал лично Черчилль, в то время как британское военное командование на Ближнем Востоке трезво оценивало его боевой потенциал как незначительный. Однако, Де Голль и многие британские старшие офицеры предвкушали легкую прогулку и не понимали того, что французы, вовсе не пылая любовью к немцам, не испытывали особых симпатий и к британцам, считая, что те бросили их на произвол судьбы в 1940-м.

По мнению известного австралийского военного корреспондента Алана Мурхеда, британское командование не отдавало себе отчет в том, насколько далеко зашло сотрудничество между немцами и вишистами, и насколько прогермански был настроен генерал Дентц. Собственно говоря, для многих французов голлисты были лишь кучкой мятежников и предателей, вышедших из подчинения французскому правительству и ставивших под угрозу перспективы достижения более-менее приемлемых условий мирного соглашения со странами *Оси*.

Весной 1941 года активность нацистов в Сирии заметно возросла. Глава Восточного Отдела германского МИДа Хентиг начал работу по созданию нацистских организаций в рядах арабской молодежи в тесном контакте с местными националистами. В страну стало прибывать все больше «технических специалистов» и «туристов», и, в конечном итоге, когда в мае в Ираке произошли первые столкновения между британцами и мятежниками Рашида Али, его поддержала немецкая авиация, использовав для промежуточного базирования и дозаправки французские аэродромы в Сирии.

Генерал Дентц

Акции адмирала [Жана Дарлана](#) (Jean Louis Xavier François Darlan), министра иностранных дел Франции и второго человека после Петэна, не оставили сомнений в том, что вишисты полностью поддерживают деятельность нацистов на Ближнем Востоке. Он подписал декларацию о поддержке нацистов в Сирии и Северной Африке, согласился продать иракским мятежникам три четверти военных материалов, складированных в Сирии, предоставить самолетам немецких и итальянских ВВС топливо для дозаправки и аэродром Алеппо в Сирии, а немецкому командованию - разведданные о дислокации и планах британских сил на Ближнем Востоке. В ответ на это 14 мая 1941 года самолеты британских и австралийских ВВС начали систематическую бомбардировку французских аэродромов в Сирии.

В конце мая, когда антибританское восстание в Ираке было, в основном, подавлено, Дентц обратился к Дарлану с просьбой вывести немецкую военную миссию из Сирии, чтобы лишить британцев повода для вторжения. К 6 июня все немецкие самолеты и военнослужащие покинули Сирию.

Расстановка сил

Союзники

Между тем, в распоряжении главнокомандующего британскими войсками на Ближнем Востоке Уэйвелла не было сил и средств, достаточных для успешного осуществления вторжения: в конце мая еще продолжались боевые действия на Крите, в первой половине июня – в Ираке. Он был одним из немногих британских генералов, который признавал, что вишисты не собираются сдаваться без боя, но, тем не менее, под давлением Черчилля отдал приказ о начале операции, которую возглавил генерал Уилсон. 8 июня австралийские, индийские войска и подразделения СФ перешли границу Сирии. Поддавшись уговорам Де Голля, Уэйвел придал каждому британскому подразделению франкоговорящего офицера для ведения переговоров о сдаче с вишистами. Этим надеждам на отсутствие сопротивления не довелось сбыться...

Гористый, сильно расчлененный рельеф граничащей на юге с подконтрольными британцам территориями Палестины и Трансирордании юго-западной части Сирии – ключевого в военном отношении района страны – обещал наступающим дополнительные трудности. Британцы намеревались захватить связанные железной дорогой Дамаск/Damascus, Бейрут/Beirut и Райак/Rayak, продвигаясь на север несколькими колоннами по доступным дорогам. Наступление предполагалось осуществлять в три стадии:

- Основное направление – из Палестины и Трансиордании на Дамаск с параллельным продвижением вдоль побережья к Бейруту;
- Наступление через пустыню силами группы Хабфорс из Ирака в направлении Пальмиры;
- Наступление из северного Ирака силами 10-й Индийской Дивизии вдоль долины Евфрата в направлении Алеппо/Aleppo и, одновременно с наступлением на Мосул/Mosul, достижение контроля над северной Сирией.

Важнейшим элементом первой стадии наступления был захват города Мерджун – плацдарма для захвата Райака. Безопасность правого фланга наступающих должна была быть обеспечена захватом города Кунейтра (Quneitra). Для осуществления своего стратегического плана Уилсон разделил имеющиеся в его распоряжении силы на три колонны:

1 – 7-я Австралийская Дивизия под командованием генерал-майора Лаварака (совершенно необстрелянное подразделение) вместе батальоном британских коммандос, эскадром легких танков и кавалерийским эскадром.

2 – 5-я Индийская Пехотная Бригада под командованием бригадира Ллойда (имевшая опыт боевых действий в Абиссинии) вместе с подразделениями трансйорданской пограничной охраны;

3 – Дивизия СФ под командованием генерала Лежентильома вместе с батальоном Иностранного Легиона, четырьмя батальонами сенегальцев, батальоном морской пехоты, двумя черкесскими эскадронами и небольшим отрядом африканцев. В ее распоряжении было 8 легких танков и бронемашин и всего два орудия.

Силы союзников насчитывали 34 000 солдат и офицеров. Всего в боевых действиях примут участие 18 000 австралийцев, 9 000 британцев, 2 000 индийцев и 5 000 бойцов СФ. С воздуха силы вторжения первоначально поддерживали две с половиной эскадрильи истребителей (одна из них – австралийская), две эскадрильи бомбардировщиков, эскадрилья армейской поддержки (всего около 70 машин) и авиация Королевского ВМФ: две эскадрильи *Сордфишей* и одна эскадрилья *Албакоров* (всего 33 машины). С моря силы вторжения поддерживали два крейсера, восемь эсминцев, крейсер ПВО и вспомогательное судно.

Солдаты Свободной Франции готовятся к атаке

Вишисты

Силы вишистов в Сирии насчитывали около 35 000 солдат и офицеров. Они были сведены в 18 батальонов колониальной пехоты – тунисцев, алжирцев, сенегальцев, марроканцев, части Иностранного Легиона и 20 эскадронов кавалерии. Колониальные солдаты составляли большинство этой группировки – около 27 000 человек. В распоряжении вишистов было 90 танков и 120 орудий. Солдаты были равнодушны к политике, но офицеры были вполне лояльны маршалу Петэну.

Эта армия была кадровой, отличалась профессиональной гордостью и была полна желания восстановить подмоченную в 1940 году репутацию французского солдата. Численное превосходство над силами вторжения на первом этапе боев, казалось, давало им такой шанс. Войска вишистов были сконцентрированы в основном вдоль границы с Палестиной и Трансиорданией в районе расселения племени Джебель Друз, в Дамаске, в Бейруте, где располагался штаб генерала Дентца, с крупными контингентами в городах Дераа/Deraa, Эзраа/Ezraa, Шейх Мескин/Sheikh Meskin, Кунейтра/Quneitra, Деир эз Зор/Deir Ez Zor и Алеппо/Aleppo. В распоряжении вишистов было 92 самолета (из них 60 – истребители), и, кроме того, в ходе кампании через немецкие и итальянские базы на Средиземноморье в их распоряжение прибыло еще несколько десятков самолетов из Северной Африки, так что к середине июня ВВС вишистов насчитывали 159 машин различных классов.

Боевые действия

Австралийцы пересекли границу ночью 8 июня и начали продвижение на север по основной приморской дороге. Другая колонна двинулась через горы вдоль долин рек Иордан/Jordan и Литани/Litani по направлению к городу Мерджун/Merjuun. Смешанная группа, состоящая из австралийцев и британских пехотинцев Чеширского полка стала продвигаться к городу Тир/Tyre. 9 июня британские коммандос с опозданием на сутки осуществили высадку десанта на северный берег реки Литани с целью захвата моста через реку и удержания его до прибытия австралийцев. Вишисты подвергли десант ожесточенной контратаке силами колониальной пехоты, и в результате боя командующий десантом подполковник Педдер и многие его офицеры были убиты, а сами десантники потеряли четверть состава убитыми и ранеными. Вишисты взорвали мост, когда австралийцы были на расстоянии всего 45 метров от него. Следующей ночью австралийцы силами двух батальонов прорвали оборону вишистов, и колонна наступающих начала переправляться через реку Литани по понтонному мосту.

Австралийцы продвигаются вперед по горной тропе

Через два дня 5-я индийская бригада вышла к железной дороге к востоку от долины реки Иордан, и, захватив город Дераа, создала оборонительный рубеж на линии Дераа - Шейх

Мескин - Эзраа, обезопасив правый фланг наступающих от атак вишистов со стороны из района Джебель эд Друз. Части СФ одновременно с этим начали наступление на Дамаск. Слева их фланг прикрывали французы под командованием полковника Колле и, далее на запад, - 1-й полк Королевских Фузильеров, который поддерживала 9-я австралийская полевая батарея. Франко-британская группа форсировала долину реки Иордан и захватила город Кунейтра.

Материальное превосходство вишистов и наличие в их распоряжении большого количества бронетехники привело к задержкам на пути союзников к Дамаску. Город Кунейтра, захваченный 9 июня, через неделю пришлось оставить после контратаки вишистской пехоты, поддержанной бронетехникой. Один из батальонов Королевских Фузильеров был вынужден капитулировать, израсходовав все боеприпасы.

Части СФ подошли к деревне Киссу/Kissoue на подступах к Дамаску 9 июня, но их первая атака 11 июня была отбита, и только ночная атака индийцев Пенджабского и Раджпутанского батальонов восстановила ситуацию. Это был ожесточенный бой, в ходе которого индийцы использовали наскоро сделанные лестницы для того, чтобы пересечь противотанковый ров размером более 4-х метров в ширину и глубину. Деревня была захвачена в ближнем бою, причем вишисты предприняли кавалерийскую контратаку, само собой, отбитую огнем из автоматического оружия.

В бою под городом Эзраа подразделение трансйорданской пограничной охраны, используя противотанковые ружья, сумело отбить атаку французских бронемашин, но было вынуждено временно отступить.

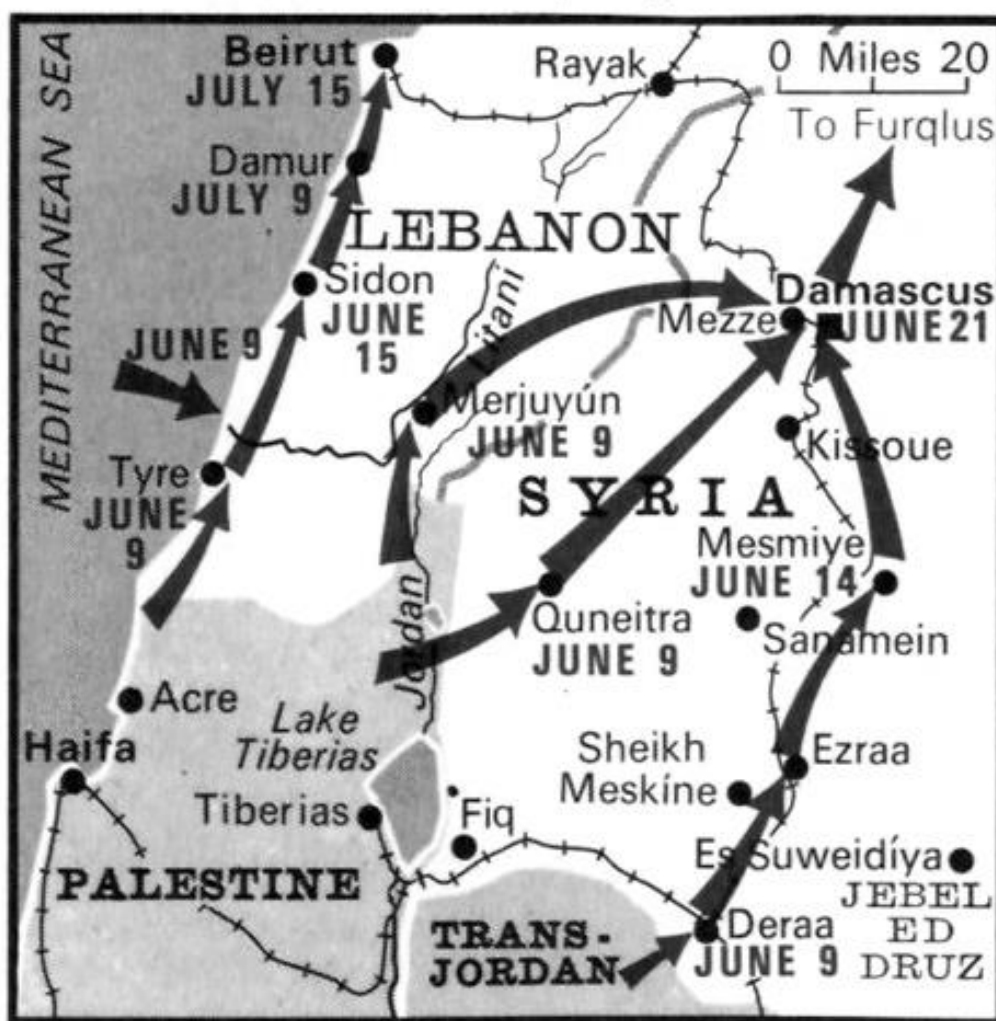
Австралийцы взяли важный в стратегическом отношении город Мерджун 9 июня, но противник после интенсивного артобстрела 15 июня вновь занял окраину города, откуда был выбит только 22 июня. Далее к западу австралийцам удалось просочиться в город Сидон/Sidon и взять его, не нанеся ему существенных разрушений. Вишисты пытались перебросить в прибрежный район боевых действий подкрепления по морю, но их транспортное судно было потоплено. Успеху австралийцев на этом направлении способствовало прибытие из Северной Африки двух эскадрилий истребителей и трех эскадрилий бомбардировщиков британских ВВС, которые оказали наземным войскам существенную поддержку.

19 июня индийцы бригадира Ллойда вышли к Дамаску, и, когда победа казалась совсем близкой, попали под тяжелый контрудар. Захватив пригородный поселок Мецци (Mezze) с важной авиабазой, Раджпутанский и Пинджабский батальоны оказались в изоляции: боеприпасы, медикаменты и продовольствие были на исходе, а транспортный конвой со всем необходимым отстал всего на пару миль (3.2 км). В этот момент вишисты нанесли контрудар. В течение двух дней танки и колониальная пехота вишистов атаковали окруженную деревню, изредка отходя, чтобы подвергнуть ее артобстрелу. Постепенно части индийцев, удерживающие внешнее кольцо обороны, начали сдаваться в плен, израсходовав последние боеприпасы. В итоге вишисты взяли в кольцо большое здание в центре поселка, где располагался штаб окруженных, но осажденные продолжали отбивать атаку за атакой. В конце концов, у оборонявшихся кончились боеприпасы, и старший офицер полковник Джоунс отправил вишистам послание с просьбой о перемирии для того, чтобы собрать раненых и убитых и оказать первым медицинскую помощь. Вишисты не приняли предложение и ворвались в здание. Когда прибывшие подкрепления британцев отбили деревню, то увидели лишь руины – крыша разбитого снарядами здания провалилась и похоронила под собой убитых и раненых...

Героическая оборона Мецци была не напрасной. Вишисты понесли тяжелые потери, и их сопротивление ослабло. К наступлению присоединился австралийский батальон 2/3, прибывший из Кунейтры. Части генерала Ллойда прорвали оборону вишистов и перерезали железную и автомобильные дороги Дамаск-Бейрут. С юго-востока к Дамаску

приблизилась части СФ полковника Колле, и утром 21 июня могло показаться, что вишисты готовы к капитуляции. Генерал Уилсон, желая избежать уличных боев в этом древнейшем историческом городе, послал генералу Дентцу предложение об объявлении Дамаска открытым городом. Тот тянул с ответом, а гарнизон вишистов тем временем покинул город. Такая удача не всегда сопутствовала союзникам. Городок Дамур/Damur на подступах к Бейруту, например, приходилось брать с тяжелыми боями, но, в целом, союзники действовали осторожно, и древние города и деревни Ливана и Сирии пострадали очень незначительно.

Падение Дамаска всего через две недели боев имело важное моральное и политическое значение и было предзнаменованием скорой победы союзников. Более того, начавшееся 22 июня вторжение немецких войск на территорию СССР означало вступление мировой войны в новый этап и отодвинуло угрозу вмешательства стран *Оси* в конфликт.

Карта боевых действий в Юго-Западной Сирии

Тем временем, восточнее развивалась вторая стадия вторжения. Здесь предстояло вступить в бой группировке под названием *Хабфорс* (по имени иракского городка Хаббанна/Habbanyah, где была расположена база британцев), включавшей в себя 4-ю кавалерийскую бригаду (командующий бригадир Кингстоун) и ряд других подразделений: Эссекский полк, Королевский Уилтширский и Уорикширский полки и 350 человек из Арабского Легиона Трансиордании. Эта группировка сыграла важнейшую роль в подавлении антибританского мятежа в Ираке всего за несколько недель до описываемых событий. 17 июня командующий группировкой генерал-майор Кларк получил приказ

захватить Пальмиру и в дальнейшем перерезать дорогу от Хомса/Homs до Дамаска. *Хабфорс* была сконцентрирована близ насосной станции *H-3* одного из нефтепроводов примерно в 140 км к юго-востоку от Пальмиры/*Palmyra*, в то время как один из полков прибыл на участок насосной станции *T-1*, расположенный на отводной ветке нефтепровода на пути в Триполи/*Tripoli*, для того, чтобы ввести в заблуждение противника и заставить его поверить в то, что британцы будут наступать вверх по долине Евфрата.

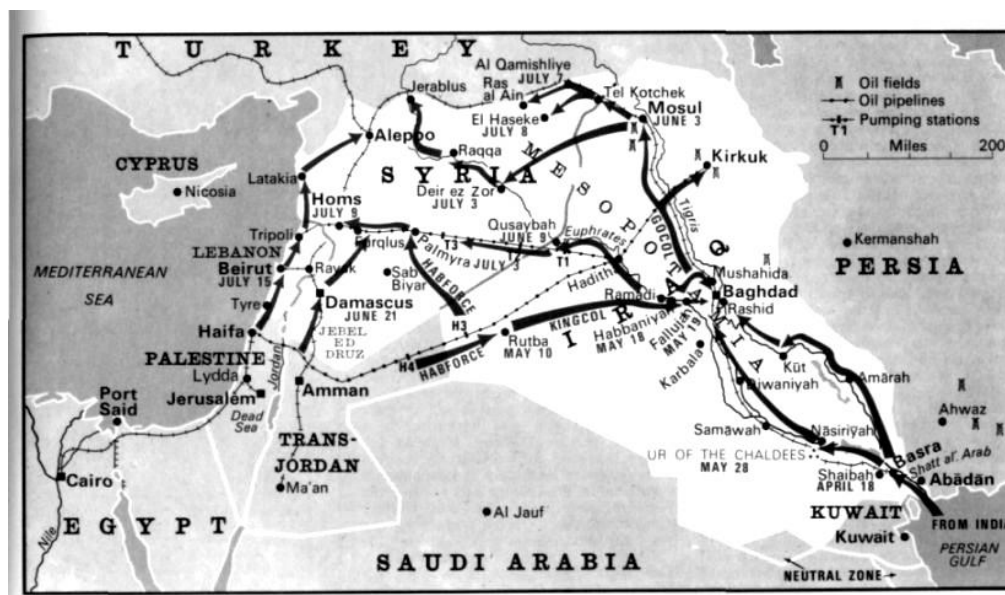
К этому моменту британское командование завершило разработку плана проведения третьей фазы операции. Было решено, что две бригады, выделенные из состава 10-й индийской дивизии, должны будут захватить Деир эз Зор и далее двинуться на Алеппо, тогда как другая группа должна будет выбить вишистов из фортов, расположенных вдоль сирийско-турецкой границы.

21 июня *Хабфорс* начала наступление на Пальмиру. Основная часть солдат и офицеров 4-й кавалерийской бригады вместе с Уилтширским и Уорикширским полками начала продвижение из пункта Эйч-3. В 23 милях от Пальмиры автомобильная колонна этой группировки подверглась атаке с воздуха. Несмотря на то, что генерал Кларк запрашивал воздушное прикрытие, британская авиация так и не пришла на помощь, что привело к существенным потерям. Вдобавок к этому полевой командир антибританских арабских партизан Фавзи аль Кавукджи (*Fawzi al Qawukji*) при поддержке вишистских бронемашин, организовал близ насосной станции *T-3* засаду для атаки на снабжающие *Хабфорс* автоколонны. 26 июня к станции, которую охраняло подразделение Уорикширцев, приблизились 6 бронемашин, причем над одной из них развевался белый флаг. Когда солдаты вышли из укрытий, по ним был открыт огонь, и 12 британцев были убиты или захвачены в плен. В тот же день близ станции *T-3* попал в засаду и был захвачен британский конвой...

К этому моменту бригадир Кингстоун выбыл из строя из-за нервного напряжения, вызванного постоянными атаками с воздуха, и командование группой *Хабфорс* взял на себя майор Гуч. 25 июня, когда *Хабфорс* продолжала продвижение к Пальмире, прибывшая для ее воздушного прикрытия 3-я Эскадрилья австралийских ВВС (9 Томагавков) к восторгу британских пехотинцев сбила 6 французских бомбардировщиков.

Тем временем Арабский Легион под командованием Глабб Паши, не встретив сопротивления, захватил город Саб Бийар/*Sab Biyar*, расположенный примерно в 100 км к востоку от Пальмиры. Это обеспечило группировке *Хабфорс* более короткий и безопасный путь для снабжения войск напрямую из Трансиордании. 1 июля Арабский Легион одержал вверх над вишистами в бою к востоку от города Эс Сукхне/*Es Sukhhne*, где арабам удалось захватить горный проход, ведущий к городу Деир эз Зор – промежуточной цели операции. Атака на находившуюся на марше колонну вишистов была стремительной и на редкость удачной: противник был разгромлен, было захвачено около 70 пленных, 6 бронемашин, два грузовика и 12 пулеметов. Арабы потеряли всего одного человека убитым и одного раненым!

Бой за древнеримский город Пальмиру отличался ожесточенностью. На рассвете 3 июля обороняющие древние развалины вишисты сложили оружие: в плен сдались 6 французских офицеров, 87 солдат Иностранного Легиона (в основном, русские и немцы), 48 человек из состава наземных служб авиабазы и 24 пехотинца. Эти люди сражались с исключительным упорством, так же, как и солдаты Иностранного Легиона, оборонявшие насосную станцию *T-3* и сдавшиеся на другой день...

Общая карта боевых действий в Сирии летом 1941 года

6 июля силы союзников, взявшие Пальмиру и силы, продвигавшиеся со стороны Дамаска, сомкнулись. Город Фурклус/Furqlus, расположенный на пути к Хомсу, был взят на другой день.

Между тем, в Северном Ираке 10-я Индийская Дивизия генерала Слима, наступавшая со стороны Мосула на Деир эз Зор, оторвалась от тылов и стала испытывать трудности со снабжением из-за острой нехватки автотранспорта. Очень многие машины выходили из строя, так как перед погрузкой на транспортные суда в Бомбейском порту их оставили без присмотра, что привело не только к кражам запчастей, но и просто к «раскулачиванию» грузовиков. Несмотря на эти неожиданные трудности, 1 июля 21-я индийская бригада начала наступление на Деир эз Зор. 20-я бригада должна была наступать на город с северо-востока, а 17-я бригада – очистить сирийский участок Иракско-Турецкой железной дороги. 21-я бригада наступала двумя колоннами – одна из них продвигалась вдоль долины Евфрата, другая – первоначально на запад вдоль линии нефтепровода, а затем поворачивая на север через пустыню.

Основная атака 21-й бригады на Деир эз Зор имела место утром 3 июля. Колонна, продвигавшаяся вдоль долины Евфрата, осуществляла фронтальную атаку, другая, моторизованная колонна перерезала дорогу на Алеппо, застав гарнизон вишистов врасплох. Во избежание повторения неприятного опыта наступления на Пальмиру, генерал Уилсон организовал воздушное прикрытие – 4 Харрикейна и 4 Гладиатора. Тем не менее, первая колонна в течение дня несколько раз подвергалась атакам с воздуха. Моторизованная колонна, выйдя в тыл обороняющимся вишистам, не оставила им шансов. Британцы захватили богатые трофеи: 5 самолетов, 50 очень нужных грузовиков, множество пулеметов и большое количество боеприпасов. Продолжая быстро продвигаться вверх по долине Евфрата, войска генерала Слима захватили город Ракка. Отсюда войсковая колонна была направлена на перехват отступающих с северо-запада Сирии вишистских частей, успешно осуществленный в районе города Джераблус (Jerablus) близ турецкой границы. 9 июля небольшой гарнизон индийцев, оставленный в Ракке, подвергся нападению арабских партизан Фавзи аль Кавукджи. Индийцы в течении целого дня отбивали атаки партизан, в конце концов, вынудив их уйти.

Одновременно с этими событиями две роты 17-й Индийской Бригады (8-я Дивизия) при поддержке артиллерии и бронемашин захватили город Тель Котчек/Tel Kotchek близ границы с Турцией, Тель Аоло/Tel Aolo пал 7 июля, Эль Хасеке/El Haseke – 8-го. За ними последовало взятие города Рас эль Аин/Ras el Ain, и, таким образом, север Сирии оказался

в руках союзников. На западе страны получившие подкрепления части союзников стали продвигаться на север – через Бейрут в направлении Алеппо. 9 июля австралийцы взяли городок Дамур на южных подступах к Бейруту. Бои здесь отличались исключительной жесточенностью (здесь особенное упорство в обороне проявили части Иностранного Легиона). Австралийцам пришлось штурмовать хорошо укрепленную линию обороны вишистов на правом обрывистом берегу реки Аль Атика, и успех штурма был во многом обеспечен интенсивной артиллерийской подготовкой из примерно 60 орудий, огневой поддержкой корабельной артиллерии и атаками с воздуха. На этом участке в единственном случае союзникам удалось в полной мере использовать всю свою огневую мощь.

С падением Дамура судьба столицы Ливана была решена. Когда в изоляции оказался гарнизон города Хомс к северо-западу от Бейрута, генерал Дентц понял, что кампания проиграна, и запросил перемирия.

Во время боев союзники потеряли убитыми и ранеными около 1600 австралийцев, 1200 британцев и индийцев и 1100 французов. Последние понесли наиболее тяжелые потери, так как против них вишисты сражались с особенной жесточенностью. Вишисты потеряли, по разным оценкам, от 3 500 до 5 000 человек убитыми и ранеными.

Во время переговоров о перемирии, которые упрямый генерал всячески затягивал, все уцелевшие французские самолеты и военные корабли были уведены из Сирии, а захваченные британские суда затоплены. Оставшихся в его подчинении солдат и офицеров тем временем стали принуждать вернуться во Францию, не оставляя им права выбора...

11 июля боевые действия были официально прекращены, хотя партизаны Фавзи аль Кавукджи продолжили антибританскую борьбу. Акрская конвенция о прекращении боевых действий была подписана обеими сторонами 14 июля. Условия перемирия отличались великодушием по отношению к побежденным вишистам. Всем сложившим оружие (заметим, что офицерам разрешили оставить при себе личное оружие!) был предложен выбор между репатриацией во Францию или вступлением в ряды частей СФ. Все военные материалы, транспорт и средства связи переходили под контроль союзников. Предполагался немедленный обмен военнопленными, причем специально оговаривалось, что должны быть возвращены и те захваченные вишистами солдаты и офицеры союзных войск, которых успели отправить во Францию. До их возвращения британцы сохранили за собой право удерживать равное по численности и званиям число военнопленных вишистов.

Генерал Уилсон подписывают Акрскую конвенцию. Рядом с ним – сподвижник Де Голля генерал Катру

Сенегальцы, убитые в упорном оборонительном бою против наступающих британцев

К концу июля 841 британский и индийский военнослужащий был возвращен союзникам, но вишисты продолжали удерживать значительное количество военнопленных, скрывая это от британцев. Позднее стало известно, что группа военнопленных была вывезена из Сирии воздушным путем уже после подписания Акрской конвенции! Некоторых из них отправили в Грецию, где они были переданы немцам и вывезены в глубь оккупированной Европы. Небольшое количество было отправлено в распоряжение итальянцев на остров Скарпанто. Постепенно это стало известно союзникам, и генерал Уилсон, возмущенный вероломным поведением вишистов, интернировал генерала Дентца и 35 его старших офицеров. Условием освобождения вишистов был объявлен полный возврат военнопленных. Их вернули только к концу августа, и генерал Уилсон был вынужден даже заявить официальный протест по поводу обращения с военнопленными британцами: в то время, как Дентц и его офицеры содержались в довольно комфортных условиях в одном из монастырей Иерусалима, с пленными британцами обращались, как со скотом, и заставляли есть из яслей для кормления лошадей...

Заслуживает внимания позиция Берлина в этом конфликте. Несмотря на заявление о нейтралитете, нацисты оказали вишистам не только моральную поддержку. Как уже говорилось, они дали вишистам возможность перебросить в Сирию несколько десятков самолетов, которые успели принять участие в боевых действиях. Авиация немцев нанесла урон британским кораблям, повредив эсминец. Поддержка нацистов едва не приняла совсем непредсказуемый оборот: они освободили две находившиеся в плену с лета 1940 года французские дивизии и переправили их в оккупированный греческий порт Салоника для последующей отправки в Сирию. Французские дипломаты запросили у Турции

разрешения на переброску этих войск через ее территорию, но получили категорический отказ. Не случись этого, кто знает, в каком направлении стали бы развиваться события на Ближнем Востоке...

Австралийский взгляд

Австралийцам было трудно представить себе французов врагами. Во время Первой Мировой войны они воевали бок о бок друг с другом, и земля Франции во многом была местом, где рождались австралийские военные традиции. По сей день в небольших французских городках, расположенных в зоне боев печально известного Западного Фронта, там, где когда-то сражались АНЗАКи (солдаты Австралийско-Новозеландского Армейского Корпуса), многие улицы носят австралийские названия, а дети в школах поют «Вальсирующую Матильду» - фронтовую песню австралийцев, ставшую неофициальным гимном страны...

Готовясь к вторжению в Сирию, австралийцы скептически отнеслись к вероятности легкой сдачи в плен противника, который состоял из хорошо обученных солдат, отлично знавших местность. Тем не менее, в первые бои австралийцы пошли без касок в своих традиционных шляпах. Уже первый день боев 7-го июня показал правомерность этого скептицизма. Офицер-голлист, приданный австралийскому Батальону 2/31 попытался вести переговоры о сдаче с командующим гарнизоном города Кирби, но наткнулся на категорический отказ и, более того, по дороге к своим позициям был обстрелян и ранен. Вслед за этим на батальон обрушился шквал артиллерийского и минометного огня, повлекший первые потери. После того, как под огнем оказались другие австралийские части, шляпы были заменены на каски.

То, что французы не собираются просто так сдаваться, австралийцы поняли очень быстро. В письме домой солдат из Батальона 2/16 так описал первый бой за город Сидон: «Они стали осыпать нас снарядами и минами... Я сказал себе: Боже, мерзавцы сражаются по-настоящему». Большинство австралийцев, однако, не было удивлено упорным сопротивлением вишистов. Кое-кто считал их «обманутыми», но большинство относилось к ним с неприязнью, если не с презрением, считая их «коллаборантами». Известны случаи, когда на сдавшихся в плен вишистов сыпались обвинения в сотрудничестве с «гуннами».

В немалой степени, критическое отношение к вишистам, сопровождаемое расистскими комментариями (не будем забывать, что около 70% вишистов было представлено колониальными солдатами) было обусловлено и их поведением на поле боя. Австралийцы называли это поведение «вероломным», и у них были для этого основания. Например, 23 июня близ Ибелес Саки, когда солдат батальона 2/33 вел группу пленных алжирцев к своим траншеям, один из них подхватил винтовку (вероятно, брошенную кем-то ранее на поле боя – ВК) и застрелил австралийца. Озверевший офицер-австралиец забил алжирца до смерти рукояткой своего пистолета... До этого случая другой офицер батальона пришел к выводу, что в австралийцев с тыла стреляли вишисты, переодетые в крестьянскую одежду. Но и этим не ограничилось. 6 июля близ Эль Боума в бою к западу от города Дамур солдаты Батальона 2/27 обстреляли из минометов укрепленный пункт вишистов, обороняемый сенегальцами и солдатами Иностранного Легиона. Те выбросили белый флаг, но, когда австралийцы двинулись вперед, вишисты открыли по ним пулеметный огонь, нанеся им тяжелые потери. В ночь с 7 на 8 июля после боя у *Высоты 650*, французский офицер вышел на переговоры с австралийцами, дав своим солдатам подобраться поближе и забросать ничего не подозревающего противника гранатами. Сам офицер умудрился бежать...

Таких историй было немало. 10 июня офицер-вишист был убит австралийцами, когда, уже сдавшись в плен, пытался выхватить пистолет. Вообще, высокомерное поведение сдающихся в плен вишистов удивляло австралийцев – по воспоминаниям одного из участников кампании, они даже хотели «отметелить» нарывавшегося на это немца из

Иностранного Легиона. Однако, вишисты по-рыцарски относились к санитарам противника, не стреляли в них, давали возможность вынести раненых и убитых с поля боя, а случалось, и сами выносили с поля боя раненых австралийцев... В то же время, отношение вишистов к пленным австралийцам называть рыцарским не приходится – оно было жестоким, часто издевательским - ничуть не лучше, чем отношение к пленным британцам или индийцам.

Касаясь боевых качеств вишистов, австралийские военные историки обычно пишут, что они показали себя «решительными и умелыми солдатами... храбрым и упрямым противником, отлично знавшим каждый дюйм своей территории, прекрасно владевшим оружием и переходящим в контратаку при любой подходящей возможности». Иногда подчеркивалось, что это относится к «белому человеку».

Листовка голлистов периода боевых действий в Сирии. Верхний заголовок: «Нам не нужны приобретения в Сирии». Нижний заголовок: «Создан англо-российский фронт». На фото – генерал Катру

Очень часто в своих воспоминаниях австралийцы пишут, что вишисты отлично использовали гористый рельеф местности. Вообще, воспоминания австралийцев нередко противоречивы, так как накал боев и упорство противника варьировали от места к месту. Почти всегда отмечается как профессиональное ведение французами артиллерийского и минометного огня, так и нежелание противника вести ближний или штыковой бой. Если австралийцам удавалось сблизиться с вишистами на расстояние рукопашного боя, противник чаще всего либо отступал, либо капитулировал, хотя случалось, что вишисты сражались до последнего человека. Особенное упорство проявили солдаты Иностранного Легиона – немцы и русские, – в большинстве умиравшие, как им было положено традицией, с оружием в руках...

Алан Мурхед, находившийся в рядах наступающих союзных сил, писал, что попавшие в плен в первые дни боев вишисты просто не могли понять, почему британское командование не ожидало от них упорного сопротивления. Они открыто говорили, что сражаются за свое человеческое достоинство, за право считаться солдатом, за то, чтобы доказать, что они могут и умеют воевать. Мурхед заметил, что с наибольшей ненавистью офицеры-вишисты относились к солдатам из частей СФ, которых считали бунтовщиками и предателями, мешавшими поддержанию сколь-нибудь приемлемого мирного сосуществования с Германией. Их присутствие в рядах наступающих союзников в немалой степени подлило масла в огонь. Исключительному упорству вишистов в боях за город Сидон способствовал также визит генерала Дентца, который в обращении к своим солдатам заявил, что если они не будут сражаться в полную силу, то немцы рассчитаются за это с их пленными и арестованными родственниками. Судя по высказываниям пленных вишистов, эти слова возымели действие... Само собой, по мере развития событий, другие факторы стали играть свою роль: главным из них стало простое человеческое желание солдата отомстить за погибшего товарища.

Для 7-й Австралийской Дивизии сражения в Сирии стали началом боевого пути и первой победой, но эта победа, судя по всему, имела горький привкус...

Австралийцы угощают сигаретами пленных сенегальцев...

Эпилог

Военные действия в Сирии летом 1941 могут, на первый взгляд, показаться малозначительным эпизодом ВМВ на фоне сражений на советско-германском фронте, в Североафриканской пустыне и на Тихом океане. Вместе с тем, в контексте только что закончившегося к тому моменту успешного подавления антибританского восстания в Ираке и последовавшего вскоре после этого ввода советских и британских войск в Иран, эта кампания не выглядит просто несущественным колониальным столкновением. Она помогла обезопасить и сохранить под контролем антигитлеровской коалиции богатый нефтью южный фланг антинацистского фронта, протянувшегося от берегов Северного Ледовитого океана до Персидского залива. Стабильность этого фланга позднее обеспечила поступление через Иран и Кавказ основной массы военных грузов и материалов, передаваемых СССР по ленд-лизу его англо-американскими союзниками.

Для Франции и французов эта кампания, безусловно, стала еще одной трагедией. Это была война вчерашних союзников, друг в друга стреляли сыновья и младшие братья тех, кто бок о бок сражался при Галлиполи и на земле Франции во время Первой Мировой войны. Здесь был и элемент гражданской войны – французы воевали против французов, и их ненависть друг к другу была совсем нешуточной – достаточно взглянуть на процент потерь в частях СФ. Об этом свидетельствует и тот факт, что только 6 000 французских и колониальных солдат и офицеров из более чем 30 000 капитулировавших вишистов приняли решение присоединиться к войскам Де Голля.

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ РОММЕЛЯ МАРТ-АПРЕЛЬ 1941 ГОДА

Изгнание итальянцев из Киренаики и стремительное продвижение на запад утомили войска главнокомандующего британскими силами на Ближнем Востоке Уэйвелла и привели к износу их техники. После остановки наступления часть британских войск была перенаправлена на другие фронты. На смену уставшим и переброшенным на другие участки боев войскам пришли необстрелянные солдаты и офицеры, которые попали под удар превосходящих их в тактическом отношении и располагающих лучшей техникой войск Эрвина Роммеля.

Роммель прибывает в Африку – его силы и планы

12 февраля 1941 года Роммель прибыл в Триполи. Незадолго до этого он принял участие в совещаниях с Гитлером и главнокомандующим сухопутными силами Рейха [Браухичем](#) (Walther von Brauchitsch) в Берлине, начальником итальянского генерального штаба в Риме маршалом [Кавальеро](#) (Ugo Cavallero) и, на Сицилии, с генералом Гайслером (Hans-Ferdinand Geisler), командующим 10-м Корпусом *Люфтваффе*.

За Роммелем следовали морские конвои с передовыми частями *Африканского Корпуса*. Роммелю предстояли непростые беседы с генералом Гарибольди (Italo Gariboldi) – командующим итальянскими силами в Северной Африке, которому Роммель формально подчинялся.

Африканский Корпус на этот момент времени имел ограниченную численность и располагал поддержкой лишь незначительной по размерам воздушной группировки. 15-я Танковая Дивизия немцев должна была прибыть только в конце мая, и передовые части корпуса – 5-я Легкая Дивизия/5. Leichte Division (более известная под названием 21-я Танковая Дивизия), которая начала прибывать 14 февраля 1941 года, должна была полностью добраться до Африки только в середине апреля, хотя ее 5-й Танковый Полк (105 средних и 51 легкий танк) высадился к 11 марта. Воздушную поддержку корпусу на тот момент могли оказать 20 средних и 50 пикирующих бомбардировщиков, дополнительные силы могли прибыть, в случае необходимости, с Сицилии. Однако по той причине, что авиация не подчинялась непосредственно Роммелю, ее действия были увязаны с действиями наземных войск далеко не так плотно, как того хотелось бы генералу. Тем не менее базирующиеся на Сицилии силы *Люфтваффе* сумели нейтрализовать [атаки Королевских ВВС, находившихся на Мальте](#), так что прохождение конвоев с войсками и техникой *Африканского Корпуса* на борту проходило в относительной безопасности...

Силы итальянцев состояли из пяти дивизий, в большинстве своем испытывавших нехватку транспортных средств. Одна из них – *Ariete* – была неплохо моторизована и располагала 60 легкими танками, боевая ценность которых была довольно сомнительной. По воспоминаниям итальянских танкистов, немецкие коллеги открыто посмеивались над качеством бронетехники своих союзников, да и сам Роммель как-то сказал, что «у него волосы встают дыбом от того, с какой техникой *Дуче* посылает своих людей воевать.» Моторизованные части итальянцев попадали под его непосредственное начало, но сам он подчинялся Гарибольди. Итальянский генерал был скептически настроен по отношению к

планам Роммеля удержать Триполи на удаленных оборонительных рубежах, в частности, под городом Сирт/Sirte (285 миль от Триполи).

Сомнения, которые одолевали итальянское командование, не остановили Роммеля. Уже через день он провел воздушную рекогносцировку окрестностей Сирта и пришел к выводу о том, что немецкая доктрина механизированной, мобильной войны вполне применима в условиях Северо-Африканской пустыни. 14 февраля броневые автомобили 3-го Разведывательного Батальона немцев выгрузились в Триполи, 16 февраля они уже были в Сирте, а 24-го в 75 милях к востоку от него вступили в свой первый бой с британцами близ города Нофилия/Nofilia.

Реакция британцев на действия Роммеля была вялой: немцы не увидели признаков того, что британцы намереваются возобновить свое продвижение в направлении Триполи, так как последующие рейды 3-го Батальона не натолкнулись на сильное противодействие и не спровоцировали британцев на контрудары. К 18 марта Роммель пришел к заключению о том, что у британцев не только нет какого-либо плана агрессивных действий и что они, на самом деле, даже снимают с фронта части своих войск, занимающих просвет между морским побережьем и солончаками в районе городов Эль Агейла/El Agheila (*на современных картах - Al Uqaylah – ВК*) и Мерса Брега/Mersa Brega. Сделав эти выводы, Роммель 19 марта отбыл в Берлин, чтобы получить разрешение Гитлера на наступательную операцию, нацеленную на возвращение под контроль Оси Киренаики. Гитлер встретил эти предложения прохладно. Браухич сказал, что у верховного командования нет намерения наносить решающий удар по врагу в Африке в ближайшее время, что никаких новых ресурсов в дополнение к уже запланированным в Ливию отправлено не будет, но нет возражений против проведения наступательной операции в районе Эль Агейлы в конце мая после прибытия на место 15-й Танковой Дивизии.

Во время этого визита Роммель встретился и с главой генерального штаба ВС Рейха генералом Гальдером, с которым поделился своими стратегическими планами по завоеванию Египта и Суэцкого канала. Вот что вспоминал об этом Гальдер: «Я не мог удержаться от в чем-то невежливой улыбки и спросил его, что ему понадобится для достижения этой цели. Он думал, что ему будут нужны два танковых корпуса. Я спросил: «Даже если они там окажутся, как вы будете снабжать их и кормить их?» На это я получил классический ответ: «Это совершенно не имеет для меня значения. Это находится в сфере вашей ответственности.»

Роммелю не сообщили о причинах скупости командования – на самом деле, были приняты решения о применении военной силы против Югославии и Греции для обеспечения безопасности фланга намечаемой уже в недалеком будущем операции *Барбаросса*. Роммель был разочарован, так как ему остро не хватало людей и техники. Он вернулся в Африку, сконцентрировавшись на своем плане ограниченной по масштабам атаки в районе Эль Агейлы. Приказ о ней был отдан еще до его поездки в Берлин, и от успеха этой операции зависели будущие действия генерала, который рассчитывал, захватив одну из ключевых британских позиций, раскрыть для себя намерения противника. Роммелю прибавилось бы оптимизма, если бы он знал состояние дел в лагере британцев в конце марта. План генерала О'Коннора (O'Connor), командующего силами британцев в Ливии (Western Desert Force), намеревавшегося наступать на Триполи сразу после недавнего разгрома итальянцев в районе города Беда Фомм/Beda Fomm, был отвергнут Уэйвеллом. Уэйвелл был целиком занят завершением [разгрома итальянцев в Восточной Африке](#) и подготовкой экспедиционных сил для участия в обороне Греции. Так или иначе, Военный Кабинет в Лондоне решил, что фланг британских сил в Киренаике необходимо просто удерживать для обеспечения безопасности Египта – базы для всех последующих операций, и Уэйвелл согласился с этим, как и с необходимостью участия в обороне Греции...

Британцы – проблемы и промахи

Ко времени прибытия *Африканского Корпуса* в Африку британское командование разгромило основные силы итальянцев в ходе [операции *Compass*](#) (декабрь 1940 – февраль 1941 гг.) Победа была достигнута в условиях значительного численного превосходства противника за счет тактического мастерства британцев и высокой подвижности их моторизованных частей, так что их нельзя было назвать новичками в мобильных боевых операциях. Однако к концу марта 1941 года все британские части, которые могли быть выведены из пустыни и, предположительно, не были нужны на линии фронта, были возвращены в дельту Нила. Среди отведенных в тыл оказался и сам генерал О'Коннор с остатками своих победоносных *Тридцати Тысяч* (*прозвище британско-австралийского контингента, разгромившего итальянцев в Северной Африке в декабре 1940 – феврале 1941 гг. – ВК*), которые сильно нуждались в отдыхе и которым остро не хватало новой техники. На их место прибыли необстрелянные части с неопытными командирами, которые не знали местность и плохо представляли себе уровень боеспособности противника, с которым им предстояло вступить в бой. Уэйвелл, которого отвлекали многочисленные проблемы, постоянно возникавшие на различных фронтах, входивших в сферу его ответственности, не мог уделить новичкам должного внимания. Ему приходилось полагаться на информацию, поступающую от подчиненных, и он далеко не всегда имел возможность обсудить все необходимые вопросы со своими командирами непосредственно на линии фронта. Из докладов разведотдела генерала Уилсона (Henry Wilson), *военного губернатора/military governor* и командующего британскими вооруженными силами в Киренаике, Уэйвелл получал только отрывочные предупреждения о текущих подготовительных мероприятиях немцев, но, если бы он даже знал больше, маловероятно, что он поверил бы в дерзкие намерения Роммеля отбить Киренаику. В реальности он не согласился с оценкой, которую дал шеф его разведки, заметивший, что такую вероятность можно допустить. Его ортодоксальные представления совпали с ортодоксальными представлениями Браухича, который считал, что ничего нельзя будет сделать до мая. Уилсон также ввел Уэйвелла в заблуждение, убедив его в том, что наличие крутого уступа в рельефе, ограничивающего плато Джебель Ахдар/Jebel Akhdar к югу от Бенгази, даст британцам возможность остановить продвижение противника к городу.

*Арчибальд Уэйвелл. Об этом человеке с большим уважением отзывался Роммель, который всю войну возил с собой книгу Уэйвелла *Generals and Generalship*, изданную в 1941 году*

Третий промах был допущен Уэйвеллом, когда он выбрал на смену Уилсону, срочно отбывшему в Грецию, генерал-лейтенанта Филипа Нима (Philip Neame). Он не знал Нима достаточно хорошо, но считал репутацию этого человека соответствующей обстоятельствам. Вот что он вспоминал: «Я не знал его близко, когда-то он командовал 4-й Индийской Дивизией... Он был сапером, в прошлом служил инструктором в Штабном Колледже, был

автором книги по стратегии, так что я воспринимал его как умелого и образованного солдата, его *Крест Виктории* [получен Нимом за героизм во время ПМВ] был гарантией его бойцовских качеств...» Однако, как это бывало не раз, проявленный британскими командирами в годы ВМВ героизм и высокие боевые награды прошедшей войны вовсе не означали, что они способны вести солдат в бой в принципиально других условиях... При близком знакомстве Уэйвелл нашел Нима человеком пессимистичным, с понятиями о тактике, которые были «просто дурацкими.» Уэйвелл не был полностью удовлетворен и административной ситуацией: общая нехватка транспортных средств в Киренаике и немецкие бомбардировки порта Бенгази делали невозможным переброску необходимого количества грузов для двух дивизий, которые предполагалось использовать для наступления. Итальянская техника, брошенная противником, все еще лежала там, где ее оставили, поскольку у британцев не было людских ресурсов и средств, чтобы привести ее в рабочее состояние и воспользоваться ею.

Положение было неудовлетворительным и с точки зрения наличия у британцев живой силы. 6-я Австралийская Дивизия, которая превосходно сражалась в начале года, была на пути в Грецию. Ей на смену прибыла 9-я Австралийская Дивизия генерал-майора [Лесли Моршеда](#) (Leslie Morshead). Дивизия пострадала от перегруппировки британских сил: две бригады из ее первоначального состава также отбыли в Грецию и были заменены менее хорошо подготовленными бригадами из 7-й Австралийской Дивизии. Две бригады были развернуты к востоку от Бенгази между городами Эр Реджима/Er Regima (*на современных картах – Ar Rajmah – ВК*) и Токра/Тосра, третья была отправлена в Тобрук, где она приступила к приведению в порядок старых итальянских укреплений...

Наименее мобильным элементом войск генерала Нима был его штаб. Он был практически статичным и не располагал связью, необходимой для поддержания контакта с войсками в современной мобильной войне. 2-я Танковая Дивизия британцев не шла ни в какое сравнение по своей боеспособности с 7-й Танковой, которой она пришла на смену. Она прибыла в Египет в начале января, но еще до этого на место были доставлены два ее танковых полка, которые уже принимали участие в боях и теперь были отведены с передовой. Одна из ее бригад была переброшена в Грецию, оставив в Африке полк средних танков и полк легких танков в составе 3-й Танковой Бригады. Оба этих полка были оснащены сильно изношенными машинами. Еще один полк средних танков был в спешке введен в строй после оснащения его трофейными итальянскими танками *M-13*, вооруженными вполне сносными 47-мм пушками, однако технические характеристики работы их двигателей оставляли желать лучшего. Полк, получивший трофейные машины, состоял из опытных танкистов, сражавшихся в пустыне с самого начала Северо-Африканской кампании. Однако его бойцы были утомлены, и у них было очень мало времени для освоения трофейной техники. Они едва успели получить британские радиостанции для установки на трофейные танки, но у них все еще не было уверенности в своих боевых машинах. В лучшем случае, полк имел около 80 боеспособных танков, но ни один из них не был бы признан германским противником достаточно боеспособным ...

Вспоминает капрал 2-го Танкового Полка Питер Уотсон (Peter Watson): «Мы продолжали получать наши старые, выжившие в боях танки, отремонтированные, но все еще малоэффективные, с низкой огневой мощностью, тонкой броней и полностью изношенные.» Ему вторил сержант Кен Чэдвик (Ken Chadwick), вспоминавший о том, что 2-й Полк был оснащен машинами *Cruiser Mk I*, *Cruiser Mk II* и *Cruiser Mk IV*, и «все они ... прошли лишь весьма неважный ремонт.» Если тактико-технические характеристики британских танков были удовлетворительными для борьбы с итальянскими оппонентами, то по сравнению с немецкими машинами их наиболее слабым местом были пушки небольшого калибра, уступавшие немцам в дальности эффективной стрельбы. Обефельдфебель Херман Эккардт (Hermann Eckardt), один из участвовавших в этой кампании танкистов, заслуживший многие боевые награды, в том числе, *Рыцарский Крест*, охарактеризовал пушки британских танков простым немецким словом *Scheisse*...

Примечательно, что у немцев были завышенные представления о противостоявших им силах. Вот что можно прочесть в дневнике лейтенанта-танкиста Йохима Шорма (*Joachim Schorm, 1911-1944, пропал без вести на Восточном фронте в июле во время летнего наступления Советской Армии*):

18 марта. После полудня мы узнали, какова общая ситуация. Против нас: одна английская танковая дивизия, одна французская моторизованная бригада, один австралийский корпус из трех дивизий и одна индийская дивизия. У противника 400 танков и 4 артполка с примерно сотней 80-120-мм пушек. Последнее – самое неприятное.

Состояние воздушной группировки Королевских ВВС, поддерживающей британцев в Африке, также оставляло желать лучшего. Ее численность также сократилась из-за потребностей других фронтов, и к марту она включала в себя пару эскадрилий истребителей *Харрикейн/Hurricane*, эскадрилью средних бомбардировщиков *Бленхейм/Blenheim* и эскадрилью самолетов *Лайсендер/Lysander* – все эти самолеты принадлежали к устаревшим типам...

Уэйвелл дал Ниму инструкцию оборонять Киренаику и отступать только под сильным давлением. Он приказал держать мобильные силы на пустынном фланге подконтрольной британцам территории в районе города Антелат/Antelat (*на современных картах – Antlat – ВК*) примерно в 110 км к югу от Бенгази, чтобы иметь возможность реагировать с центральной позиции на любые действия противника, в том числе, на попытки прорыва по прибрежному шоссе или на юге в районе Мехилии/Mechili. Уэйвелл был готов скорее сдать Бенгази при необходимости, чем рисковать разгромом своих основных сил, поскольку, как он сказал Ниму, у него не было возможности предоставить ему подкрепления в течение двух месяцев при любом развитии событий, хотя он и не ожидал атаки немцев на протяжении еще одного месяца. Уэйвелл пошел на расчетный риск, при этом шансы у противника были выше. Чтобы приободрить Нима, 29 марта Уэйвелл сумел предоставить ему еще одну боевую часть. Это была 3-я Индийская Моторизованная Бригада, состоявшая из трех батальонов, обеспеченных грузовиками. Бригада не располагала артиллерией, в том числе, противотанковой, у нее было всего несколько радиостанций и совсем немного пулеметов. Она была направлена в Эль Адем/El Adem (*на современных картах – Adam – ВК*) – городок к югу от Тобрука, откуда она могла быть переброшена в нужное место, так как кроме мобильности у нее мало что было.

Роммель переходит в наступление - британский фронт рушится

Наступательная операция немцев получила название *Sonnenblume/Подсолнечник*. 24 марта, на первой стадии разворачивающегося сражения, немцами был практически без потерь захвачен город Эль Агейла.

Легкий немецкий танк, подорвавшийся на mine. Апрель 1941 года

Дневниковая запись немецкого танкиста-лейтенанта Йоахима Шорма:

24 марта. В 7.30 утра мы в полной боевой готовности. Однако утро прошло без боевых действий. Остальные части окружили Эль Агейлу с четырех сторон. Ни одного англичанина внутри. Довольно странно, что они дали возможность трем грузовикам трижды въехать и выехать. Ни одного выстрела. С другой стороны, головной танк 5-й Роты налетел на мину. Механик-водитель и стрелок-радист убиты, наводчик и командир – лейтенант Кестнер (Kestner) - тяжело ранены. Места на дорогах, где уложены мины, можно было легко распознать по желтым лентам, растянутым по диагонали. Саперы прошли везде. Флаг со свастики реет над фортом. Остальные части продвигаются вперед, чтобы занять город. Отправил 624-й танк назад в мастерскую – карданный вал свернуло. Теперь у меня [во взводе] всего две машины! Броневомобиль из Разведбатальона налетел еще на одну мину к югу от Эль Агейлы – все погибли. Эти мины – немецкие, итальянские и британские попортят нам еще много крови на пути в Каир.

За взятием Эль Агейлы последовала атака немцев на позиции 2-й Танковой Дивизии британцев в районе Мерса Бреги силами 5-й Легкой Дивизии 31 марта. 8-мильный просвет между побережьем и солончаками удерживала *Группа Поддержки/Support Group* 2-й Танковой Дивизии – батальон пехоты, полк полевой артиллерии, оснащенный 25-фунтовыми пушками, и полк противотанковой артиллерии. В 5 милях дальше на восток стояли устаревшие танки 3-й Танковой Бригады, которая должна была контратаковать в случае прорыва немцев через позиции *Группы Поддержки*. Бой в этом просвете продолжался целый день, и ближе к вечеру Роммель был остановлен на линии обороны *Группы Поддержки*. Силы обороняющихся были на исходе, и они вызвали танкистов 3-й Бригады для нанесения контрудара по наступающим немцам. Однако командир 2-й Дивизии генерал-майор Гамбьер-Пэрри (Michael Gambier-Parry) решил, что световой день истекает и для атаки осталось слишком мало времени. Тем временем после интенсивных атак с воздуха пикирующих бомбардировщиков немцы снова пошли в атаку и, наконец, сбили *Группу Поддержки* с ее позиций, прорвавшись в открытую пустынную местность за ними.

Апрель 1941 г. Немецкая колонна на марше...

Как это потом случится не раз, немцы немедленно набросились на наиболее ценные трофеи. Дневниковая запись лейтенанта Шорма:

1 апреля. Наши передовые машины теперь в 6 км за Мерса Бергой. Я посетил командира роты, и мы поделили добычу. Впервые нам удалось поесть говяжью тушенку на завтрак и покурить сигареты, которыми снабжают Королевские ВВС.

2-4 апреля наступление сопровождалось столкновениями с британскими танками:

2 апреля. 18.00. На возвышенности, примерно в 1 000 м от, нас я вижу машины. Остановились, чтобы присмотреться. Никакого сомнения, это – танки. Британские или итальянские? Командир роты передает по радио: «Предположительно вражеские танки.»

Командиры танков стоят или сидят за башнями. Свист [снаряда]! Этот упал метрах в десяти от левой гусеницы. Все ныряют внутрь танков. Грохочут люки.

Идем вперед. Курс 11 часов! Выстреливаем фугасный снаряд, дистанция – 1 000 м. Огонь – грохот – промах. Рядом свистят [вражеские] снаряды. Водитель – гони! Поворачивай влево, тормози! Напротив нас, за нами, справа и слева рвутся снаряды. Фугасные снаряды.

Расстояние 800 м! Тот же танк! Грохот – недолет! Но остальные мои танки засекли направление, и уже вскоре вражеская машина горит. Теперь идем на другую цель... Броневой снаряд, дистанция – 800 м! [Вражеский] правее. На нем видели командирский вымпел. Огонь – грохот! Попадание? Уже горят три вражеских танка...

Водитель, курс – 1 час, в направлении возвышенности. 625-й танк вышел из боя – тормоза перегрелись. Я выбираюсь на высоты с тремя другими машинами, продвигаюсь мимо горящих британских танков и ищу другие. Удар! Снаряд прилетел слева. Господи! Британцы, покинувшие свои машины, идут на нас с поднятыми руками. Шесть британских танков горят. Господи, благодарю тебя за это...

Приказ по радио: «Рота, стой!» Несмотря на это я продвигаюсь вперед еще на 500 метров на вершину гряды, чтобы найти точку обзора и еще пострелять. Темнеет, нужно двигаться быстро. За исключением меня остальные трое командиров взводов пропали без вести (действительно, британские танкисты доложили о трех подбитых вражеских танках – ВК). Я удовлетворен своим крещением огнем в танковом бою: я не потерял ни одной машины и ни одного человека. Засыпаю.

4 апреля. После еще 30 км мы занимаем скрытую позицию, обращенную на восток. Всюду раскиданы шатры арабов. Эти бедуины – мошенники. Они обобрали раненых британских солдат, содрали с них все до белья и бросили на холоде. Уверен, с нами они бы сделали то же самое. На обочинах множество грузовиков, брошенных итальянцами во время их драпа [в начале года]...

Роммель за считанные дни достиг того, что его командование не намеревалось даже пытаться достичь до конца мая. Более важным было то, что ему удалось оценить боеспособность своих оппонентов и их умение руководить боевыми операциями. Британцы выбрали отступление, и, следовательно, он мог приступить к их преследованию с использованием своей более высокой мобильности и вынуждать их действовать так, как это нужно было ему. 2 апреля Роммель уже был на подступах к Аждедабии/Agedabia (на современных картах - Ajdabiya) - первая стадия его наступления завершилась, и теперь у него было две альтернативы вступления во вторую стадию. На север уходила дорога на Бенгази – центр поступления грузов для британских сил, с юго-востока защищенный уступом в рельефе. Идущие на северо-восток дороги вели к Мсусу/Msus (на современных

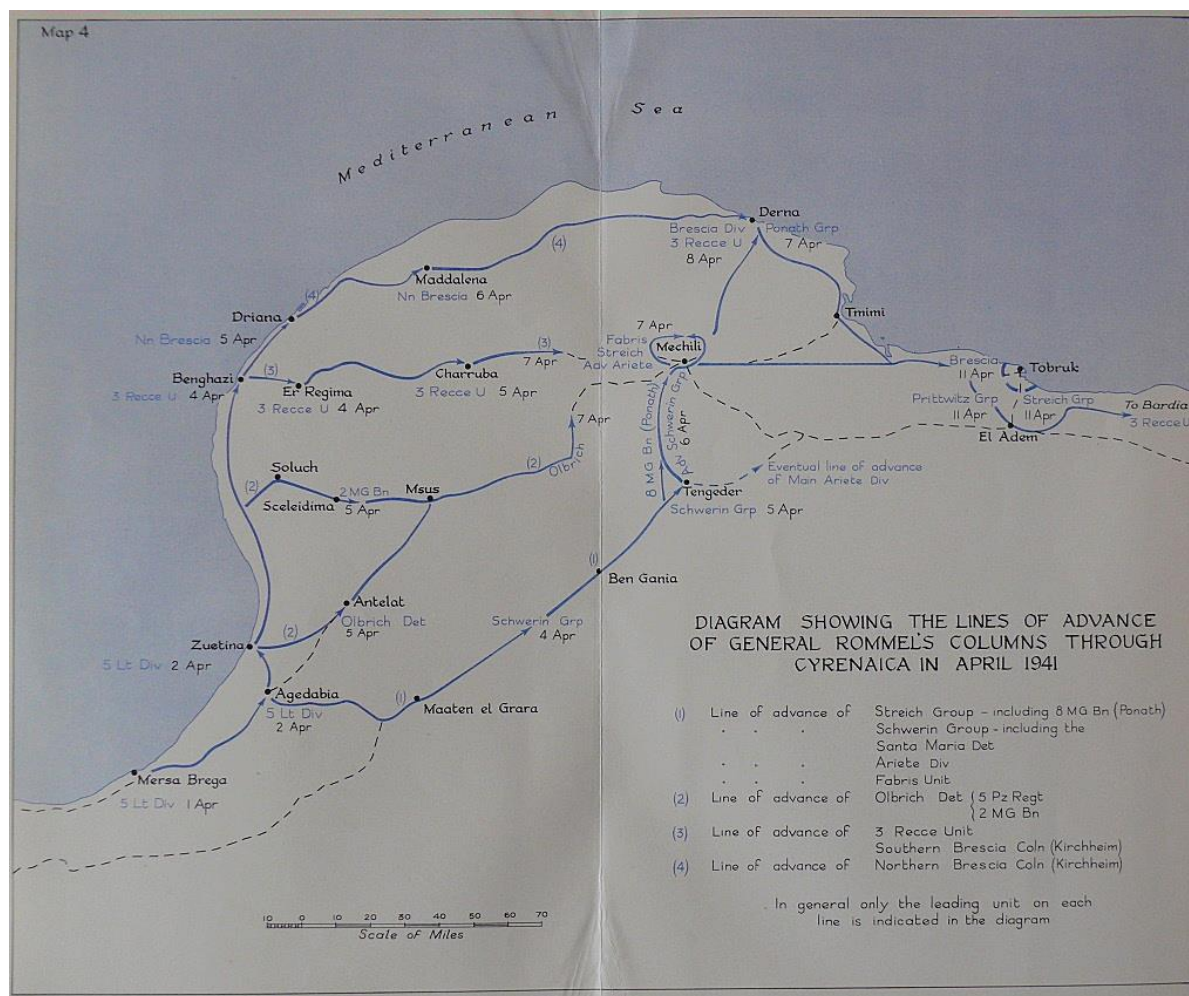
картах – Masus - ВК) – по ним обращенный на юг и юго-восток уступ на подступах к Бенгази мог быть обойден с выходом в тыл оборонительным позициям британцев, или к Мехилии через городок Тенгедер/Tengeder – прорыв в этом направлении угрожал всей подконтрольной британцам территории в Западной Киренаике и Тобруку, открывая путь в Египет. Роммель выбрал все три направления, но основной удар был намечен на северо-восток. Британские генералы облегчили ему задачу: Уэйвелл разделил ответственность за руководство операциями, что всегда ведет к отсутствию решительности в действиях командиров...

Апрель 1941 года. Немецкий танк продвигается вперед, вдали – горящий британский танк

Гамбиер-Пэрри, осознав, что ему, возможно, придется оставить Аджедабию, хотел сохранить за своей дивизией центральную позицию, чтобы иметь возможность нанести удар по флангу немцев независимо от того, пойдут они на север на Бенгази или на северо-восток на Мехилию. Однако по причине того, что Уэйвелл теперь хотел, чтобы *Группа Поддержки* заблокировала путь немцам к Бенгази, он разделил 2-ю Танковую Дивизию и, одновременно с этим, перебросил одну ее танковую бригаду на центральную позицию в район пункта Шелейдима/Sceleidima. Тучи пыли, поднимаемой машинами, и песчаная буря сбивали с толку обе противоборствующие стороны, но неразбериха в действиях британцев была сильнее вдвойне, так как один приказ сменялся противоположным, и все это в условиях медленно действующей и ненадежной связи. Изменения в планах привели к дополнительным перемещениям, и лишние мили приводили к потере все большего числа танков из-за механических проблем. 2 апреля у Гамбиер-Пэрри осталось только 25 средних и 25 легких танков – британцы подсчитали, что они теряли одну машину каждые 10 миль пути. О своем восприятии событий 2 апреля Уэйвелл вспоминал так: «Вскоре я понял, что Ним потерял контроль и не предпринимает попыток восстановить его единственным способом: отправиться на передовую самому. Я уже сам хотел отправиться туда, но не было подходящего самолета, и никто не имел понятия о том, где находятся его войска и где противник. Я послал Дикю О'Коннору приказ сменить Нима.»

На самом деле, эту стадию сражения британцы уже проиграли, что О'Коннор прекрасно понимал уже тогда, когда получил приказ Уэйвелла сменить Нима. Более того, О'Коннор чувствовал, что лучше в ходе сражения не менять командующих. Он предпочел исполнять роль советника для Нима, и Уэйвелл согласился на это.

Схематическая карта продвижения механизированных колонн Роммеля в ходе операции Sonnenblume

Тем временем Роммель продолжал энергично продвигаться вперед, сводя на нет все попытки оказать ему сопротивление. Когда Гарибольди попытался остановить его стремительный марш, Роммель жестко ответил, что «не намерен упускать предоставленные ему благоприятные возможности», и отверг предложение итальянца вынести этот вопрос на обсуждение с Римом. Эти противоречия были утрясены сигналом от германского верховного командования, которое гарантировало Роммелю полную свободу действий, но оставались проблемы между ним и подчиненными ему командирами. [Генерал Штрайх](#) (Johannes Streich), командир 5-й Дивизии, 3 апреля доложил, что ему необходимы 4 дня на доставку к передовой достаточного количества горючего для того, чтобы продолжить наступление, но Роммель в резкой форме приказал генералу разгрузить все свои транспортные средства, использовать машины для переброски дополнительного количества горючего и через 24 часа возобновить продвижение вперед. Многим из тех, кто застрял в песках или не продвигался вперед достаточно быстро с точки зрения командующего, Роммель теперь мог нанести визит лично, приземлившись на своем самолете связи посреди пустыни для того, чтобы устроить солдатам и офицерам выволочку и потребовать шевелиться более интенсивно. В ходе наступления он понял: многие проблемы связаны с тем, что он лично не принял участие в боевой подготовке 5-й Дивизии, но теперь его энергия и мотивация стали передаваться личному составу и этой части.

Среди своих подчиненных Роммель пользовался исключительно высоким авторитетом. Фридрих Хаубер (Friedrich Hauber), офицер его штаба, вспоминал: «Роммель был настоящим сорвиголовой. Он был не из тех генералов, которые сидят за столом, напротив,

он хотел быть среди своих людей и говорил: «Парни, я здесь, следуйте за мной...»». Офицер-танкист Винрих Бер (Winrich Behr), служивший в 3-м Разведбатальоне говорил: «Мы знали, что Роммель сыграл важную роль во Французской кампании, что он там пробил себе путь вперед настолько успешно, что его дивизию стали называть *Дивизия Призраков/Gespensterdivision*,» а служивший в том же батальоне Отто Хеннинг вспоминал, что они, «молодые солдаты, относились к Роммелю с колоссальным уважением.» Стоит отметить и веру немецких танкистов в превосходство своей техники. Бер вспоминал: «Мы были оснащены намного лучше британцев, когда прибыли в Африку. Английские танки не шли в сравнение с нашими *панцерами*, и, кроме того, они никуда не годились против всей мощи наших 88-миллиметровок.»

Сам Роммель в своем письме жене от 3 апреля не мог сдержать эмоций:

Дражайшая Лю,

Мы атакуем, начиная с 31-го, с ошеломляющим успехом. У наших хозяев в Триполи и Риме, а, может, и в Берлине тоже будут поводы для беспокойства. Я взял на себя риск действовать, противореча всем приказам и инструкциям, потому что представившие возможности казались мне благоприятными. Не сомневаюсь в том, что позднее все будет объявлено успехом и они будут говорить, что поступили бы точно так же на моем месте. Мы достигли нашей первой цели – на этот рубеж мы не собирались выходить до конца мая. Британцы наступают друг другу на пятки, убегая. Наши потери невелики. Трофеи еще надо будет пересчитать. Ты поймешь, что я просто не могу заснуть от счастья...

4 апреля развивающееся по трем направлениям немецкое наступление проходило без какого-либо противодействия противника, поскольку отступление 2-й Танковой Дивизии привело к появлению широкого разрыва между британцами и передовыми отрядами *Африканского Корпуса*. 3-й Разведбатальон немцев вступил в Бенгази, не встретив сопротивления, и обнаружил в городе преимущественно горящие склады британцев. Повернув на восток, однако, этот батальон наткнулся в районе городка Эр Реджима на батальон австралийцев, поддержанных 25-фунтовыми пушками, и был отброшен. Основная часть сил Роммеля растекалась по пустыне из Аджедабии, наступая несколькими колоннами в направлении Мехилии на северо-восток. Главная колонна, которую возглавлял полковник Ольбрих (Herbert Olbrich), с большей частью машин 5-го Танкового Полка наступала через Мсус, где немцы рассчитывали расправиться с остатками британской 3-й Танковой Дивизии. Другая колонна, которую вел подполковник Шверин (Gerhard von Schwerin) и в которую входили части итальянской дивизии *Ariete*, направился по широкой дуге вглубь пустыни в сторону города Тенгедер. Каждая колонна включала в себя самостоятельную боевую группу из танков, артиллерии и пехоты, способную продвигаться на большой скорости, пока в баках оставалось горючее. Вслед за этими колоннами продвигались более медленные и менее боеспособные части итальянской дивизии *Brescia*, которым предстояло занимать расчищенные механизированными группами территории и обеспечивать им прочный тыл для последующих операций. Наибольшую угрозу для британцев представляла себя колонна подполковника Шверина. Она продвигалась значительно быстрее боевой группы Ольбриха, и к 5 апреля ее авангард подошел к Тенгедеру, хотя силы этой группы оказались растянутыми по всей дороге вплоть до Аджедабии. 6 апреля Шверин подошел к Мехилии, но к этому моменту колонна отстала на труднопроходимой местности и осталась без горючего.

Для британцев присутствие немцев на подступах к Мехилии, находившейся на важнейшем перекрестке дорог, было чревато полной катастрофой. У них не было возможности определить для себя, что к городу приблизились совершенно незначительные по численности силы врага и что на самом деле разбросанные на многие десятки миль немцы находятся в крайне уязвимом положении. Тем не менее, если бы Ним и О'Коннор знали об этом, они едва ли смогли бы что-то предпринять.

Ним и О'Коннор попадают в плен

Единственной полностью укомплектованной частью британцев к западу от Мехилии была 7-я Австралийская Дивизия. Не имевшие танковой поддержки австралийцы отступали в полном порядке к линии Дерна/Derna – Мехилия, успешно отражая попытки 3-го Разведбатальона немцев и дивизии *Brescia* помешать им. 2-я Дивизия британцев осталась *танковой* только на бумаге: боевые машины британского производства почти все вышли из строя, а для тех, которые добрались до Мсуса, не было горючего, так как склады ГСМ в этом городе были уничтожены британцами с чрезмерной поспешностью. Итальянские танки, введенные ранее в строй, сожгли все запасы дизельного топлива, и перспектив на его доставку просто не было: остановившийся из-за отсутствия горючего итальянский танк немедленно уничтожался британцами прямо на месте. Остатки *Группы Поддержки* 4 апреля находились при дивизионном штабе близ пункта Эль Абиар/El Abiar (*на современных картах – Al Abyar – ВК*) и вот-вот должны были быть переброшены вместе с австралийцами в направлении Мехилии. В Мехилии уже находилась 3-я Индийская Моторизованная Бригада, переброшенная из Эль Адема. Австралийская бригада тем временем спешно укрепляла оборонительные позиции на подступах к Тобруку.

Пока 6 апреля немцы занимали позиции для атаки в окрестностях Мехилии и перебрасывали 7 апреля дальше на север небольшой отряд полковника Поната (Ponath), который должен был перерезать прибрежное шоссе близ Дерны, отступление британцев ускорилося. Австралийцы успешно пробивались через заслон полковника Поната на пути к Дерне, после чего добрались до Тмими/Tmimi. Тем не менее британцы, застрявшие дальше к западу, были обречены...

Командир 3-й Танковой Бригады бригадир Римингтон (R. G. W. Rimington) оказался первым из старших офицеров британской армии, оказавшимся в плену, а последние боеспособные машины его бригады были уничтожены в бою против отряда полковника Поната на дороге близ Дерны. Ним, О'Коннор и (временный) бригадир Кум (John Combe), ехавшие в ночное время на машине из Маравы/Marawa в сторону Тмими, оторвались от основной колонны сбились с пути в пыли и темноте и оказались на дороге к Дерне. Офицеры задремали и были разбужены уже окружившими их немцами. Из старших офицеров, уводивших войска из Бенгази 4 апреля, в строю оставался только Гамбьер-Пэрри, который с остатками своей дивизии присоединился к 3-й Индийской Бригаде в Мехилии 6 апреля. Он принял на себя командование объединенными силами 7 апреля и вскоре оказался в окружении: разбросанные по пустыне и ощущавшие сильную нехватку горючего немецкие колонны стягивались к этому важному дорожному узлу. Пока сил у Роммеля в окрестностях города было недостаточно для решающей атаки: в частности, колонна Ольбриха и большая часть его танков все еще пробивались со стороны Мсуса, не раз теряя направление в пустыне. Роммель, поднявшись в воздух на своем самолете, чтобы найти их и придать им ускорение, увидел под собой колонну машин, решил, что это Ольбрих и только за минуту до приземления разглядел, что это были британцы...

Гамбьер-Пэрри отдал своим частям приказ пробиваться к Эль Адему в ночь с 7 на 8 апреля. 7 апреля он дважды отверг предложение Роммеля капитулировать. На рассвете 8 апреля британцы предприняли попытку прорыва, и несколько небольших подразделений сумели выбраться из кольца, но в сгущающихся сумерках, под усиливающимся огнем противника и атаками бронетехники *Оси*, дальнейшие попытки выйти из окружения захлебнулись. В итоге, 2 700 – 3 000 британцев, индийцев и австралийцев, израсходовав боеприпасы, сдались командующему итальянской дивизии *Pavia*.

Вторая стадия наступления Роммеля завершилась. Третья стадия началась в первой половине дня 8 апреля. Роммель дал военным корреспондентам возможность сфотографировать себя во время беседы с Гамбьером-Пэрри, примерно в это же время он встретился с генералом фон Приттвитцем (von Pritzwitz), 15-й Танковой Дивизии которого еще предстояло добраться до линии фронта. Роммель доверил Приттвитцу командование смешанной боевой группой, ядром которой являлся 3-й Разведбатальон, и отправил на

восток с заданием захватить Тобрук. Он не был полностью удовлетворен частичным уничтожением сил британцев с Киренаике, и теперь его взор устремился вперед, в направлении Египта и дельты Нила. Однако до перехода в новое стратегическое наступление Роммелю был нужен Тобрук, и Уэйвелл понимал это не хуже своего оппонента...

Роль авиации в боевых действиях

Успех был достигнут войсками *Оси* без какого-либо превосходства в воздухе. В двух случаях малочисленные британские истребители сумели прикрыть крупные транспортные пробки, созданные отступающими колоннами на высотах близ Бенгази, и отогнать несколько вражеских самолетов. В одном случае немецкой авиации удалось уничтожить две колонны машин с грузом горючего силами 13 бомбардировщиков под прикрытием истребителей, но и *Харрикейны* несколько раз успешно штурмовали наступающие колонны немцев, нанеся им ощутимые потери, в частности, в районе Мехилии. Всего Королевские ВВС внесли в журналы боевых действий четыре воздушных боя с потерей двух истребителей. Немцы признали потерю за время наступления девяти *Ju-87* и одного *Me-110*. В итоге обе противоборствующие стороны, как ни удивительно, отметили, что в воздухе доминировала вражеская авиация.

Новая линия обороны британцев

Энтони Иден (Anthony Eden), министр иностранных дел Великобритании, и генерал Джон Дилл, начальник Имперского Генерального Штаба/Chief of the Imperial General Staff – *CIGS*, все еще находились на Ближнем Востоке в качестве представителей британского правительства. Когда Роммель начал свое наступление, они оба были в Греции, их внимание было полностью поглощено событиями на Балканах, и они слабо представляли себе, что происходит в Северной Африке. 6 апреля, на следующий день после возвращения из Греции (также день вторжения немцев в Грецию и Югославию), они встретились с тремя британскими командующими в Каире – Каннингхэмом (Alan Cunningham, командующий силами британцев в Восточной Африке), Уэйвеллом и Лонгмором (Arthur Longmore, командующий воздушной группировкой на Ближнем Востоке). Перед генералами лежал телеграмма от начальников штабов в Лондоне, в которой нашли отражения призывы Черчилля «дать гуннам бой в пустыне/to fight the Huns in the Desert.» Эта телеграмма стала основанием для придания статуса первоочередных мероприятиям по воссозданию фронта в пустыне и для отвлечения ресурсов, предназначавшихся для Греции и задействованных в боях в Восточной Африке, для подключения к боевым действиям в Киренаике.

Два вопроса требовали незамедлительного решения: (1) концентрация достаточно мощных мобильных сил на границе Египта и Ливии для отражения вылазок рекогносцировочных отрядов противника и (2) размещение на укрепленных позициях у Тобрука сильного гарнизона, который будет удерживать порт до перехода британцев в контрнаступление и изгнания Роммеля из Киренаики. Британское командование резонно предположило, что немецкое продвижение в Египет будет невозможным, пока Тобрук остается под контролем британцев, поскольку захват порта и его использование для Роммеля являются важнейшими факторами в решении проблем со снабжением войск *Оси* в пустыне. Было очевидно, что использование Бенгази для разгрузки материалов и подкреплений с дальнейшей переброской к линии фронта автотранспортом не отвечает динамике боевых операций Роммеля. Более того, наличие сильного вражеского гарнизона в Тобруке создаст постоянные угрозы тылам и линиям снабжения Роммеля...

7 апреля британское командование приступило к отправке на передовую свежих частей, получивших задачу заполнить просвет, образовавшийся в результате прорыва Роммеля. Австралийская пехотная бригада и некоторое количество танков спешно перебрасывались по морю в Тобрук. По прибрежному шоссе, со стороны Бардии, бронеавтомобили 11-го

Гусарского (Hussar) Полка и пехотинцы из состава 22-й Бригады Гвардейцев/Guards также спешно перемещались к линии фронта. За ними следовали все машины, танки и артиллерийские орудия, которые едва успевали ремонтировать в тыловых мастерских. Постепенно британцы начинали консолидировать новую линию фронта. Убедившись в том, что делается все возможное для восполнения потерь, понесенных в недавних боях, Уэйвелл вылетел в Тобрук вместе с командиром 7-й Австралийской Дивизии генерал-майором Лаврэком (J. D. Lavarack). Здесь они встретили генерал-майора Морсхеда, который прибыл в город после долгого, но успешного отступления из Бенгази. Сопровождение главнокомандующего с этим измотанным и потерявшим присутствие духа человеком, который только что завершил самое трудное на войне, – отступление под ударами преследующего противника, стало критически важным для будущего Тобрука. В Морсхеде Уэйвелл разглядел такую важную солдатскую черту, как невозмутимость, а сам австралийский генерал после встречи с главнокомандующим почувствовал уверенность в себе. Весь день генералы занимались планированием обороны города, и только под вечер Уэйвелл предпринял попытку отбыть обратно в Каир. Его самолет дважды пытался взлететь и дважды терпел неудачу из-за технических неполадок. Он взлетел с третьей попытки, но через 20 минут мотор заглох и вынудил летчика совершить аварийную посадку в пустыне. В этой местности действовали рекогносцировочные отряды обеих противоборствующих сторон, но, по счастью, первыми нашли генерала свои...

Тем временем в Тобруке, снабжение которого, как считал адмирал Каннингхэм, можно будет осуществлять по морю и по воздуху, генерал Морсхед принял на себя командование гарнизоном и удвоил усилия по приведению в порядок старых итальянских укреплений. Некоторые работы в этом направлении уже были осуществлены австралийской бригадой по указанию генерала Нима, было заскладировано большое количество боеприпасов, воды и продовольствия. Четыре австралийские бригады, усиленные оставшимися в строю 23 средними и легкими машинами 3-й Танковой Бригады, имели в своем распоряжении четыре полка 25-фунтовых пушек. Гарнизон имел на вооружении большое число легких и средних зениток, сфокусированных на защите портовых сооружений, которые находились под все более ощутимыми ударами вражеской авиации.

Австралийцы явно не имели возможности занять позиции по всему 30-мильному внешнему полукольцу своих укреплений. Мобильная оборона и сопротивление противнику с опорой на укрепленные пункты было ключом к успеху. Важную роль должны были сыграть высокий боевой дух защитников и агрессивный характер оборонительных операций. Зная, что отступать некуда, защитники Тобрука приобрели соответствующий настрой до того, как части Роммеля оказались на подступах к городу. Мобильные силы гарнизона возглавил бригадир Готт (William Gott), который когда-то командовал *Группой Поддержки* 7-й Танковой Дивизии. Он был проинструктирован наносить удары противнику при любой возможности. Первоначально он планировал занять оборону в горном проходе Халфайя/Halfaya силами 22-й Бригады Гвардейцев и превратить его в базу для рейдов небольших отрядов, состоявших из легких бронемашин, пехоты и нескольких полевых орудий. Тактика рейдов на тылы и коммуникации противника была выработана в июне-июле 1940 года в боях против итальянцев, но теперь британцам предстояло столкнуться с другим уровнем противодействия врага...

Британцы усилили свою воздушную группировку за счет авиации, ранее выделенной для ведения операций в Греции. Истребительные и бомбардировочные эскадрильи были сильно утомлены в ходе своих попыток остановить продвижение Роммеля к Мехилии, но к 19 апреля в их распоряжении было в два раза больше боевых машин по сравнению с ситуацией на 1 апреля, а *Харрикейны* 73-й Эскадрильи могли взлетать с аэродрома, расположенного внутри Тобрукского полукольца в первые 8 дней осады. Благодаря этому интенсивность воздушных атак немцев снизилась во время критического периода приведения укреплений города в должное состояние. В будущем действия Королевских ВВС сыграют важнейшую роль в обеспечении проводки судов и кораблей и их разгрузки в порту Тобрука.

Роммель рвется к Тобруку

После того, как изолированные в Дерне и Мехилии силы британцев капитулировали, и его колонны начали продвигаться в сторону Бардии уже к востоку от Тобрука, 10 апреля Роммель пришел к выводу о том, что британский фронт разваливается и что после взятия Тобрука путь к дельте Нила для его сил будет открыт. Он знал, что британцы концентрируют свои силы в осажденном городе, и чувствовал, что им нельзя давать передышки. Его собственные войска также были лишены необходимого им отдыха, но Роммель уже не мог позволить им остановиться.

3-й Разведбатальон, за которым следовали 5-я Легкая Дивизия немцев и итальянские *Brescia* и *Ariete*, подошли к Тобруку в ночь с 10 на 11 апреля в сильно дезорганизованном состоянии. Они начали нескоординированное и нерешительное прощупывание подступов к укреплениям, натываясь там и здесь на разведывательные отряды и засады защитников города. В одной из ранних стычек был убит генерал Приттвитц. Колонна, которую он возглавлял, наткнулась на хорошо замаскированные позиции австралийских артиллеристов, и генерал был убит одним из первых снарядов. За этим последовал трехчасовой бой, в результате которого немцы отступили, оставив две сгоревших бронемашины и шесть грузовиков...

Даже Роммель 10 апреля признал, что «ситуация выглядит довольно сумбурной», и принял решение провести 11 апреля на передовой, готовя на этот же день импровизированную атаку. Он не прибег к сколь-нибудь значимому отвлекающему маневру, перед тем как бросить в атаку все, что у него было под рукой, на, казалось бы, слабое место в обороне противника. Позднее он признавал, что на тот момент не имел понятия о том, насколько хорошо были укреплены позиции британцев. Эта атака была полнейшей импровизацией. Роммель нашел часть 5-й Дивизии южнее Тобрука и перебросил ее на восток, чтобы заблокировать британцам путь к отступлению. Затем он выяснил, что его 5-й Танковый Полк уже на подходе, и, прямо с марша, спешно бросил его в атаку вдоль дороги, ведущей от Тобрука к Эль Адему. Командование 5-й Дивизии даже пыталось протестовать против такого решения, но Роммель отменил все возражения и сам проследовал за танками на север, пока они не уткнулись в противотанковый ров и не попали под сильный огонь артиллерии и пехоты.

Больше немцы в тот день не смогли ничего. На западном фланге дивизия *Brescia* без энтузиазма атаковала позиции обороняющихся и была отброшена, но на всем протяжении оборонительных линий войска *Оси* запечатали полукольцо осады. Новые и новые части войск *Оси* подходили с запада, и 3-й Разведбатальон вступил в Бардию, а 13 апреля немцы заняли Соллум (на современных картах - *Sallum* – *ВК*), уже на территории Египта.

Слева: немецкий танк преодолевает противотанковый ров на подступах к Тобруку по насыпи, созданной саперами; справа: австралийцы рядом с подбитым немецким танком на подступах к Тобруку. Апрель 1941 года

Наступление Роммеля останавливается

Первые попытки немцев и итальянцев взять Тобрук были отбиты, что подняло боевой дух солдат и офицеров гарнизона... Следующая атака войск Оси, намеченная на 14 апреля, была подготовлена лучше, однако ей предшествовала проведенная британцами интенсивная рекогносцировка позиций противника. Защитники города правильно выявили сектор наступления врага. Начавшаяся атака была типичной для Роммеля в тот период времени – фаланга из боевых машин и пехоты, продвигающаяся вперед в узком секторе фронта при огневой поддержке всех танковых и артиллерийских стволов и нацеленная на прорыв за счет высокой концентрации быстро наступающих сил и средств. Однако 5-й Дивизии явно не хватало боевого духа, а дивизия *Ariete*, которая должна была расширить основание клина, вбиваемого в оборону противника, не подключилась к атаке в нужный момент. Немцы пробили брешь в обороне британцев, но тут же угодили в котел и оказались под интенсивным артогнем британцев и их танковыми атаками. Эта локальная победа британцев в англоязычной литературе получила название *Пасхальной*.

О катастрофической неудаче немцев в первых атаках на осажденный Тобрук рассказывает на страницах дневника лейтенант Эрик Праль (Eric Prah), 8-й Пулеметный Батальон 5-й Легкой Дивизии:

11.04.1941. После двухкилометрового марша мы неожиданно оказались под жесточайшим артобстрелом со стороны Тобрука. Через несколько секунд мы повыскакивали из наших машин, похватали оружие и последовали за командиром. Нам неплохо удалось избежать обстрела: вал огня, пыли и взлетающих в небо камней остался прямо за нами. Танки отошли и сделали разворот, отвлекая на себя огонь артиллерии. Все мы, спотыкаясь, бежали вперед, настолько быстро, насколько могли. Вал огня снова добрался до нас, и продвижение вперед стало невозможным. Теперь мы были под огнем противотанковых пушек и пулеметов. Стали окапываться с помощью рук и ног и всего, что было под рукой. Однако многих моих товарищей зацепило до того, как они успели вырыть для себя ячейки...

Несколькими рывками мы продвинулись вперед еще на несколько метров, пока огонь противотанковой артиллерии и пулеметов снова не прижал нас к земле. Мы стали рыть в каменистой земле неглубокие ямки лопатами, прикладами, руками и ногами, выкладывая перед собой небольшие низенькие стенки из камней, чтобы защитить свои головы. Мы оставались под огнем, и малейшее движение могло означать смерть или тяжелое ранение. Мы не могли понять, где находится противник: его позиции, должно быть, были хорошо замаскированы. Я был чуть ли не в слезах, видя, как мои товарищи гибнут или, будучи ранеными, спотыкаясь, бредут в тыл. В этом адском чистилище мы видели, как наши санитары перевязывают раненых или оттаскивают их назад. Помогут ли им нарукавные повязки с еле различимыми красными крестами? Многие из нас в глубине души покалялись за то, что в мирное время поглядывали на санитаров сверху вниз.

Снова пришел приказ атаковать. Тобрук было необходимо взять. У нас не было поддержки от артиллеристов, поскольку у них кончились боеприпасы. Таким образом, нам только и оставалось что идти на прорыв при поддержке танкового полка. К сожалению, дивизионные командиры так и не смогли сообщить нам, где находились позиции противника.

В 11 часов наши танки покатались вперед на полной скорости. Они немедленно оказались под огнем [вражеской] артиллерии. Танки пошли вперед прямо через наши

позиции, и теперь нам нужно было укрываться не только от вражеского артогня, но и от наших же машин... Мы поднялись и пошли вперед непосредственно за последними танками и огневым валом. Потом они неожиданно повернули назад и на скорости промчались через нашу линию, все еще под яростным огнем врага. Все начали лихорадочно окапываться. Здесь грунт был помягче, слава Богу, так что дело пошло побыстрее.

Когда улеглась пыль, мы разглядели впереди себя широкую полосу проволочных заграждений с небольшими кучами камней там и здесь, из-за которых время от времени появлялись головы защитников [города]. Где-то далеко мы увидели высокие столбы с пунктами наблюдения на макушках – головы наблюдателей были видно довольно четко. Однако нам пришлось снова уткнуться носы в землю: мы незамедлительно оказались под точно наведенным пулеметным и ружейным огнем. Пришлось даже мочиться лежа...

13.04.1941. Пасхальное Воскресенье. Про нас совершенно забыли. Оказалось, ночью противник получил подкрепления. Наступил рассвет, и мы уже не могли высунуть носа из наших ячеек, так как немедленно оказывались под ружейно-пулеметным огнем. Артиллерия продолжала молотить по нам без остановки, с точной наводкой огня, - по-видимому, их наблюдательный пункт находился примерно в 1 000 метров от нас. В мгновение ока 2-я и 3-я роты набросили на брустверы свои пулеметы, и корректировщик артогня был выбит из своего «гнезда». Однако это не остановило продолжающийся без перерывов артогонь, который был так же силен, как и раньше. В 11 утра пришел очередной приказ атаковать Тобрук.

Лейтенант Праль говорил правду: полковник Ольбрих, командующий танковыми силами, приказал отступать после потери 17 машин из 38 и оставил пехоту на произвол судьбы. Чуть позднее, к полудню, Роммель признал провал своей атаки, когда увидел, что части дивизии *Ariete* в беспорядке откатываются от линии обороны британцев. Настроение в немецко-итальянских войсках заметно ухудшилось.

Йоахим Шорм так описал хаос ситуации, в которой оказался: «Мы находимся прямо посреди этого [котла], и у нас нет шансов выбраться отсюда. С обеих сторон в нас летят бронейные снаряды со скоростью 1 000 метров в секунду... Над нами вступили в бой итальянские истребители. Двое из них плюхаются на землю прямо среди нас... мы подбираем раненого и еще двоих [летчиков]... Нам надо уходить на юг – это единственный путь отсюда. Что, если мы не его не найдем?»

Потери немцев в Пасхальных боях составили 50% пошедших в атаку: около 150 человек убитыми и 250 попавшими в плен. Всего было потеряно 29 танков. Защитники Тобрука потеряли 26 человек убитыми, 24 ранеными, 4 танка и одно орудие.

16 апреля итальянцы из дивизии *Ariete* вместе с 62-м Полком дивизии *Trento*, атаковав оборонительные позиции на западе полукольца, были быстро остановлены и после контратаки австралийского батальона побежали, по признанию Роммеля «в направлении британских позиций». 26 офицеров и 777 прочих чинов сдались в плен. На следующее утро *Ariete* вновь атаковала, несколько ее танков дошли до передовых огневых точек обороняющихся, но пехота за ними не последовала. Танки отступили, оставив на поле боя пять горящих машин...

Эта, в общем, локальная неудача, отразила как проявившиеся в полной мере логистические проблемы *Оси*, так и слабые стороны Роммеля как военачальника, а именно: неумение принимать во внимание дисбаланс между снабжением и тактическими устремлениями, нетерпеливость, авантюризм. Заслуживает внимания рассказ итальянского солдата Больцано, относящийся к заключительной стадии операции *Sonnenblume*: «Как-то я стоял на дороге рядом с сержантом из немецких *панцеров* и спросил его: «Скажи мне правду – сколько боеспособных танков у вас осталось?» Он

ответил: «Утром мы доложили о семи, но, по правде говоря, - прошептал он мне на ухо, - у нас их шестнадцать. Если Роммель узнает об этом, он сразу перейдет в наступление.»»

Роммель инструктирует офицера разведки перед рекогносцировкой. Подступы к Тобруку, апрель 1941 года

В своем дневнике 11 апреля генерал Гальдер отметил комментарии генерал-квартирмейстера германской армии [Эдуарда Вагнера](#) (Eduard Wagner) о том, что Роммель предъявляет *нелепые* требования, которые могут быть удовлетворены только в том случае, если они не окажут [негативного] воздействия на подготовку к операции *Barbarossa*. 13 апреля Гальдер записал, что Гитлер рассматривает возможность отправки полка моторизованной пехоты в Северную Африку, то есть, наступательный порыв Роммеля не иссяк. Проявил ли Роммель дальновидность, стремясь изо всех сил захватить Тобрук как можно быстрее, чтобы облегчить снабжение своих войск по морю, чего так опасалось британское командование? При ближайшем рассмотрении видно, что взятие Тобрука помогло бы в очень ограниченной степени. Этот порт мог пропустить через себя не более 1 500 тонн грузов в день при потребности около 2 700 – 3 000 (80 000 – 90 000 т/мес.), но на практике эта цифра редко превосходила 600. Командование Кригсмарине отвергло этот порт в качестве пункта разгрузки крупных судов, сообщив командованию вооруженных сил Рейха о том, что полагается исключительно на Триполи и Бенгази в деле снабжения сил *Оси*, так что надежды Роммеля были довольно призрачными...

Заключение

На этом первое стратегическое наступление Роммеля подошло к концу. Британская газета *The Times* писала, откликнувшись на апрельское наступление *Оси*: «Сохраняется чувство спокойной уверенности ... Передовые отряды противника, похоже, редуют ... тогда как сокращение протяженности наших транспортных линий обеспечило существенное укрепление сил британцев.»

Австралийский расчет 3.7-дюймового зенитного орудия готовится вести огонь по наземным целям. Тобрук

Следующие атаки *Оси* на Тобрук начнутся только через две недели. О продвижении *Африканского Корпуса* к Суэцкому каналу пока можно было забыть. Интенсивное патрулирование прилегающей к оборонительным линиям местности силами генерала Морсхеда постоянно держало войска *Оси* в напряжении. Роммель пытался упорядочить свои позиции, закрепив на передовой более статичную итальянскую пехоту и отведя свои мобильные силы для подготовки их к новому наступлению и противодействию рейдам мобильных отрядов Готта, наносящих удары из района горного прохода Халфайя в направлении Капуццо/Carizzo и Соллума. Британцы были столь активны, что со временем убедили немецкого полковника фон Херффа (Maximilian von Herff), части которого пытались стабилизировать и обезопасить положение, в том, что его позиции могут быть просто смяты противником. Он поделился своими опасениями с Роммелем, который, в итоге, приказал принять самые решительные меры по противодействию рейдам британцев, поскольку «осада Тобрука останется консолидированной или развалится в зависимости от того, будут удержаны позиции в районе Соллума или нет.» 25 апреля фон Херфф нанес сильный удар в горном проходе Халфайя, на следующий день сбил людей Готта с их позиций и отбросил их к линии Бук Бук/Buq Buq – Софафи/Sofafi. Базой британцев для последующих рейдов стал пункт Мерса Матрух/Mersa Matruh.

Если оставить в стороне сохранение контроля над Тобруком, [осада которого продлится следующие 8 месяцев](#), можно заключить, что вся территория, занятая Уэйвеллом и О'Коннором за 4 месяца, предшествующие первому наступлению Роммеля, была отбита немцами и итальянцами всего за один месяц. Британцы оказались неготовыми к отражению контрнаступления противника, их силы были разбросаны по большой площади и ослаблены переброской наиболее боеспособных и обстрелянных частей на другие фронты, изношенностью техники, нехваткой горючего. На тот момент им просто нечего было противопоставить тактике Роммеля, значительно превосходившего британское командование в умении вести мобильные боевые действия. Впрочем, эта короткая и

победоносная кампания обошлась немцам и итальянцам недешево. Из 155 танков, пошедших в бой, 83 вышли из строя, большей частью, из-за механических поломок. Рапорта о состоянии немецкой техники свидетельствуют о том, что танковые двигатели перегревались, глохли от пыли и песка, амортизаторы и рессоры ломались, гусеницы рвались, резиновые подушки на них быстро истирались - ускоренный износ гусеничной техники в пустыне стал проблемой и для немцев. Есть свидетельства и тому, что не все люди Роммеля были готовы, очертя голову, идти в атаку и жертвовать собой в неблагоприятных ситуациях. С изрядной долей скептицизма отзывался о молодых, полных энтузиазма и рвущихся в бой офицерах и Херманн Эккардт.

Так или иначе, теперь в Северной Африке британцам противостоял новый враг, которому было очень трудно противостоять и который обладал способностью навязывать противнику свою волю.

ОБОРОНА ТОБРУКА В ФОТОГРАФИЯХ

Оборона морского порта Тобрук на средиземноморском побережье Северной Африки и последующий прорыв блокады города продемонстрировали всему миру способность войск Британского Содружества и их союзников не только успешно противостоять войскам стран Оси, но и принуждать их к отступлению...

Оборона Тобрука длилась 240 дней с апреля 1941 г. по ноябрь 1941 г. Захват этого порта на побережье Средиземного моря мог существенно приблизить порт снабжения немецко-итальянских войск к линии фронта и высвободить силы для дальнейшего наступления на восток в направлении Александрии.

В конце апреля – начале мая командующий Африканским Корпусом Эрвин Роммель предпринял ряд концентрированных атак на оборонительные позиции австралийцев, но успеха не достиг. После этого вплоть до конца августа обе стороны предпринимали локальные попытки порвать оборону противника. Ни одна из сторон не добилась какого-либо успеха, при этом столкновения и рейды на вражеские позиции часто заканчивались рукопашными схватками...

В середине июня британцы предприняли безуспешную попытку прорваться к осажденному Тобруку (операция *Battleaxe*). После этого британского командующего Уэйвелла сменил генерал Окинлек. 18 ноября британцы перешли в наступление на основном фронте соприкосновения с войсками *Оси* (Операция *Crusader* – 18 ноября – 30 декабря 1941). Успешное наступление британцев привело к снятию осады Тобрука.

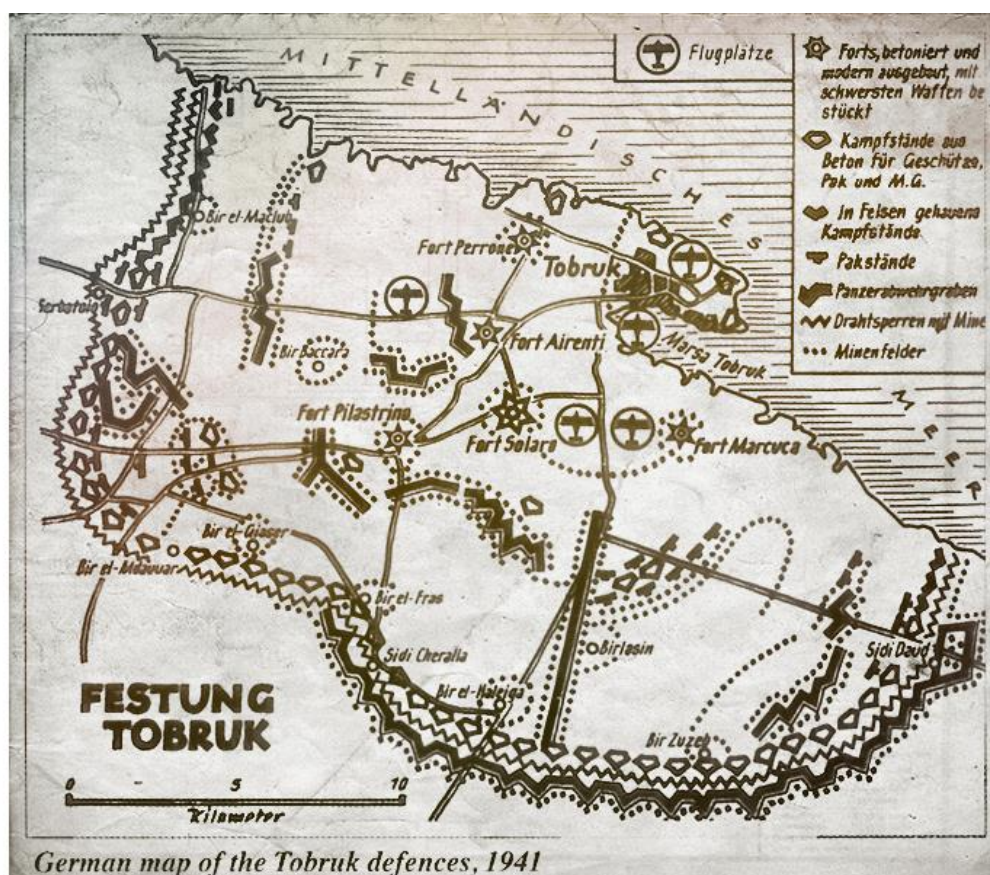
Завершающая стадия обороны Тобрука сопровождалась мобильными операциями обеих сторон и столкновениями относительно крупных танковых соединений (21 ноября – до 150–200 танков с каждой стороны). 22 ноября итальянцам удалось еще раз продемонстрировать стойкость в бою, когда они отразили попытку обороняющихся британцев прорваться навстречу своим наступающим войскам. Тем не менее, после очередного столкновения с наступающими танковыми частями британцев 7 декабря 1941 г., в котором немцы понесли тяжелые потери, Роммель принял окончательное решение оставить позиции у Тобрука.

В обороне Тобрука приняло участие около 27 000 австралийцев, британцев, поляков и чехословаков. Им противостояло около 33 000 солдат и офицеров стран *Оси*. Осажденные войска потеряли около 4000 человек убитыми и ранеными, вероятно, потери атакующих были большими.

В начале апреля на западных подступах к Тобруку, в районе городка Mecheli, итальянские войска окружили и захватили в плен около 2700 британцев, индийцев и австралийцев.

На снимке: итальянцы допрашивают пленных британцев. Казалось, колесо фортуны повернулось в их сторону...

German map of the Tobruk defences, 1941

Немецкая карта оборонительных линий Тобрука

На протяжении большей части блокады Тобрука его защищали 9-я австралийская дивизия и 18-я пехотная бригада. Австралийцы находили укрытие от атак с воздуха в береговых пещерах специально вырытых бомбоубежищах. Британский ренегат и нацистский пропагандист [Лорд Хэй-Хэй](#) (William Joyce) назвал их «крысами, попавшими в мышеловку». Австралийцам понравилось это прозвище, и защитники города остались в истории как Крысы Тобрука/Rats of Tobruk

Австралийцы на оборонительной позиции

В сентябре 1941 г. австралийские войска были выведены из Тобрука. Их сменили британцы, польская бригада и чехословацкий батальон: на снимке – польские пулеметчики на оборонительной линии

Солдаты чехословацкого батальона с пулеметом Брен

Итальянские артиллеристы обстреливают оборонительные позиции защитников Тобрука

*Ju-87 штурмует оборонительные позиции защитников Тобрука (октябрь 1941 г.).
По воспоминаниям защитников города воздушные атаки немцев были тяжелым
испытанием для обороняющихся*

Африканский Корпус на марше. Лето 1941

Захваченные в плен в одной из атак Африканского Корпуса австралийцы по дороге в тыл противника

Убитый итальянский солдат на оборонительной позиции, захваченной австралийцами в контратаке. Итальянские войска неоднократно демонстрировали высокий боевой дух и бесстрашие, опровергая миф о своей низкой боеспособности...

Роммель любил позировать перед фото- и кинорепортерами. Вокруг этого действительно незаурядного полководца сложилось много мифов, однако во время осады Тобрука находящиеся под его командованием войска понесли тяжелые потери в лобовых атаках...

Немецкие солдаты роют могилу для погибшего товарища. Неподалеку от Тобрука, июнь 1941)

Британский танк продвигается мимо горящего немецкого танка

ОПЕРАЦИЯ CRUSADER

В ноябре-декабре 1941 года после нескольких недель ожесточенных боев британцы выбили силы Оси из Киренаики. Африканский Корпус Роммеля потерял почти всю свою технику и был вынужден отступить...

После завершения в середине июня операции *Battleaxe* – провалившегося наступления британцев в районе египетско-ливийской границы – командующего силами британцев в Западной Пустыне Уэйвелла сменил переведенный из Индии генерал Окинлек. В недавнем прошлом он командовал англо-французскими войсками в Норвегии на поздней стадии боев и, вернувшись в Великобританию, короткое время был во главе 5-го Корпуса, затем, после того, как его сменил [генерал Монтгомери](#) (Bernard Montgomery), Южного Оборонительного Района страны/*Southern Command*. В январе 1941 года Ок (*Auk* – прозвище генерала) он получил назначение в Индию на пост командующего дислоцированных там британских войск. В апреле-мае 1941-го его решительность в отправке британских частей в Ирак сыграла решающую роль в быстром подавлении мятежа в Ираке.

С момента его прибытия в Каир Окинлек оказался под политическим давлением: от него требовали скорейшего перехода в наступление. Это давление постоянно росло, и генералу понадобились большие усилия для того, чтобы оставить себе достаточно времени для подготовки к атаке со значительными шансами на успех. Первая же телеграмма, полученная им от Черчилля 1 июля, однозначно отразила настрой премьер-министра:

Вы приняли на себя командование в период кризиса. После того, как все [имеющиеся] факты были вам предоставлены, вам предстоит решить, переходить ли в наступление ... и, если да, то когда. Вы должны принять внимание [ситуацию в Тобруке](#) и процесс усиления противника в Ливии, а также временное переключение внимания немцев на Россию. Вам также придется учитывать вызывающие беспокойство угрозы,

связанные с операциями в Сирии, и необходимость принятия решений для [только] одного или обоих фронтов. Вы будете решать, будут ли и, если да, то как будут соотнесены эти операции. Срочность в принятии решений по этим вопросам сама по себе станет вам понятной. Мы будем рады получить от вас известия в кратчайшие сроки...

Генерал Окинлек, вместе с двумя другими командующими родами войск в его группировке, не стал терять времени, приступая к оценке стоявших перед ним колоссальных задач, и пришел к заключению, что наиболее ранняя дата перехода в наступления может быть назначена на первую половину ноября. По многим причинам, в том числе, в немалой мере и потому, что прокладка железной дороги и водопровода к пункту Мис Хейфа/Mis Heifa, расположенному в приграничной полосе, могла быть завершена не ранее 13 и 15 ноября соответственно, день начала наступления был назначен на 18 ноября. Но, чтобы начать планирование наступления, было необходимо запустить работу штаба только что сформированной 8-й Армии, и генерал Каннингэм (Cunningham), недавно успешно завершивший кампанию в Восточной Африке, получил должность ее командующего. Планируемая операция получила название *Crusader*.

Общее положение на фронте накануне наступления британцев

В сентябре 1941 года силы *Оси* оказались дислоцированными на пространстве между плато Джебель Ахдар/Jebel Akhdar и ливийско-египетской границей. В приграничной полосе оборонительные позиции занимала одна итальянская дивизия, усиленная небольшими немецкими частями. В пространстве между границей и Тобруком находились две немецкие танковые дивизии и три итальянские дивизии, в прибрежной полосе между горами Джебель Ахдар и Средиземным морем были дислоцированы одна танковая и две моторизованные итальянские дивизии. Общая численность танков в войсках *Оси* составляла около 400 машин, и именно они несли наибольшую угрозу британцам...

8-я Армия генерала Каннингэма должна была включить в себя два корпуса (13-й и 30-й), Отдельную Бригадную Группу/Independent Brigade Group (основа – 29-й Индийская Бригада) и гарнизон Тобрука. В резерве была одна дивизия. 13-м Корпусом, в который входили Новозеландская Дивизия, 4-я Индийская Дивизия и 1-я Армейская Танковая Бригада (130 танков), командовал генерал-лейтенант Годвин-Остен (W. H. T. Godwin-Austen). В 30-й Корпус, которым командовал генерал-лейтенант Норри (C. W. M. Norrie), входили 7-я Танковая Дивизия (в составе 4-й, 7-й танковых бригад и приданной 22-й танковой бригады), 1-я Южноафриканская Дивизия (две бригады) и 22-й Гвардейский Полк. Общее число танков у британцев составляло около 500 машин. Гарнизон Тобрука, которым командовал генерал-лейтенант Скоби (R. Scobie), состоял из 70-й Дивизии, Польской Карпатской Бригады/Samodzielna Brygada Strzelców Karpackich – SBSK и 32-й Армейской Танковой Бригады (130 танков). В резерве находилась 2-я Южноафриканская Дивизия.

Авиационная группировка британцев в Западной Пустыне располагала численным преимуществом над противником, однако Ось могла быстро перебросить в Африку дополнительные эскадрильи из Греции, с Крита и с Сицилии.

Перед 8-й Армией была поставлена задача выбить противника из Киренаики. Первоочередным шагом к этому должен был стать разгром вражеских бронетанковых сил. К этому моменту генералу Каннингэму было поручено рассмотреть два возможных плана действий: (1) наступление на запад, через оазис Джало/Jalo в направлении Бенгази, что должно было вызвать падение всей Киренаики; (2) наступление всеми имеющимися силами прямо на Тобрук с отвлекающими атаками на юге. Каннингэм быстро отбросил 1-й план по многим причинам. Прежде всего, он понимал, что Роммель, скорее всего, не станет бросать в бой свою бронетехнику: используя имеющиеся под рукой запасы различных материалов, он мог действовать независимо от Бенгази какое-то время, тогда как линии снабжения 8-й Армии растянутся и станут уязвимыми. 2-й план выглядел более приемлемым, так как, если основной удар будет направлен на Тобрук, Роммель не сможет проигнорировать его и угрозу снятия осады с укрепленного района, который столь долго

был у него занозой в глазу. В сентябре Каннингэм передал на рассмотрение вышестоящего командования план, включавший следующие пункты:

- 30-й Корпус генерала Норри пересечет незащищенный участок границы к югу от Сиди Омара/Sidi Omar где-то между ним и фортом Маддалена/Fort Maddalena. После этого, в тот же день, он повернет на северо-запад в сторону Габр Салеха/Gabr Saleh и вступит в бой с вражескими танками. В дальнейшем корпус, опираясь на удобные стартовые позиции, будет продвигаться, в зависимости от реакции Роммеля, на север или на северо-восток.

- Одновременно с этим 13-й Корпус генерала Годвина-Остена будет удерживать позиции на линии соприкосновения с силами противника на границе между Сиди Омаром и побережьем, после чего начнет окружать их с юга. Затем ему предстояло наступать в направлении Тобрука, зачищая территорию от каких-либо остающихся на пути вражеских частей между Бардией и самим укрепленным районом.

- Чтобы защитить внутренние фланги и тыл двух корпусов, между ними предстояло наступать бронетанковым силам, однако позднее эта часть плана была изменена, и на 30-й Корпус были возложены обязанности по защите левого фланга 13-го Корпуса от полномасштабной атаки танков противника.

Что касается гарнизона Тобрука, то было решено, что генерал Скоби не должен будет пытаться вырваться из полукольца, пока не будут разгромлены или ослаблены так, что не смогут вмешаться, танковые силы врага, и решение по этом вопросу предстояло принять генералу Норри. Далее было согласовано, что, когда начнется операция, гарнизон перейдет под командование Норри. Задачи по захвату к юго-востоку от Тобрука двух гряд в районе Эль Дуды/El Duda и Сиди Резег/Сиди Резегх, между которыми проходил важнейший транспортный путь *Оси*, были возложены на гарнизон укрепрайона для первой гряды и на 30-й Корпус для второй.

- Так называемой боевой группе Oasis, в которую входили 29-я Индийская Пехотная Бригада и 6-й Южноафриканский Бронеавтомобильный Полк/6th South African Armored Car Regiment, предстояло захватить оазис Джало, занять оборону у Взлетно-Посадочной Полосы 125/Landing Ground 125 к северу от него и начать отвлекающий марш на запад, создавая у противника впечатление о наступлении в этом направлении.

Чтобы снабжать всем необходимым столь крупную войсковую группировку в наступлении, было подсчитано, что только в первую неделю понадобится около 30 000 тонн различных материалов. В этой связи было решено создать три передовые базы снабжения: одну близ Сиди Баррани, одну близ окончания железнодорожной ветки рядом с пунктом Мис Хейфа и одну в Джарабубе/Jarabub для боевой группы Oasis. К западу от этих баз по обе стороны границы и к югу от пункта Триг эль Абд/Trigh El Abd предстояло построить шесть Передовых Пунктов Техобслуживания и Снабжения/Forward Maintenance Centers – FMC - на каждом складе должны были находиться провиант, боеприпасы, горючее, вода и мастерские, плюс к тому – запасные части к машинам, медикаменты, резервное вооружение, почта и пр.

Однако, хотя водопровод собирались протянуть еще на 150 миль и качать воду прямо из Александрии, излишков воды не ожидалось, в результате чего вода рационировалась, и на человека полагалось $\frac{3}{4}$ галлона (2.84 л) в день. Многие зависело от как можно более быстрого снятия осады с Тобрука, что должно было ослабить нагрузку на железную дорогу и мототранспорт, дав возможность использовать для снабжения гавань города... 3 октября Окинлек утвердил план Каннингэма, и подготовка к наступлению вступила в решающую фазу.

У Роммеля также была масса проблем, в чем-то, похожих на проблемы британцев, поскольку обеим противоборствующим сторонам многого не хватало для ведения военных действий. Роммелю были нужны дополнительные войска и танки, техника и материалы для достижения того, что он считал жизненно важным. Тобрук оставался для него камнем преткновения. Без занятия этого города продвижение в Египет было невозможным, и в течение нескольких месяцев все его мысли и усилия были сконцентрированы на решении этой проблемы. С занятием Тобрука линии коммуникации *Оси* становились гораздо

безопаснее, кроме того, порт снабжения становился на 300 миль ближе, чем Бенгази, ну а Триполи был еще дальше. Была еще одна причина, по которой скорейший захват Тобрука имел первостепенное значение для Роммеля: в случае одновременного наступления британцев из Египта и из укрепрайона силы *Оси* могли оказаться в критическом положении с линиями снабжения под серьезной угрозой. Он не сомневался в том, что британцы попытаются воспользоваться такой возможностью, и стремился предотвратить это. Он надеялся взять Тобрук в сентябре, но у него не было для этого ресурсов, и он был вынужден отложить решающее наступление до второй половины ноября.

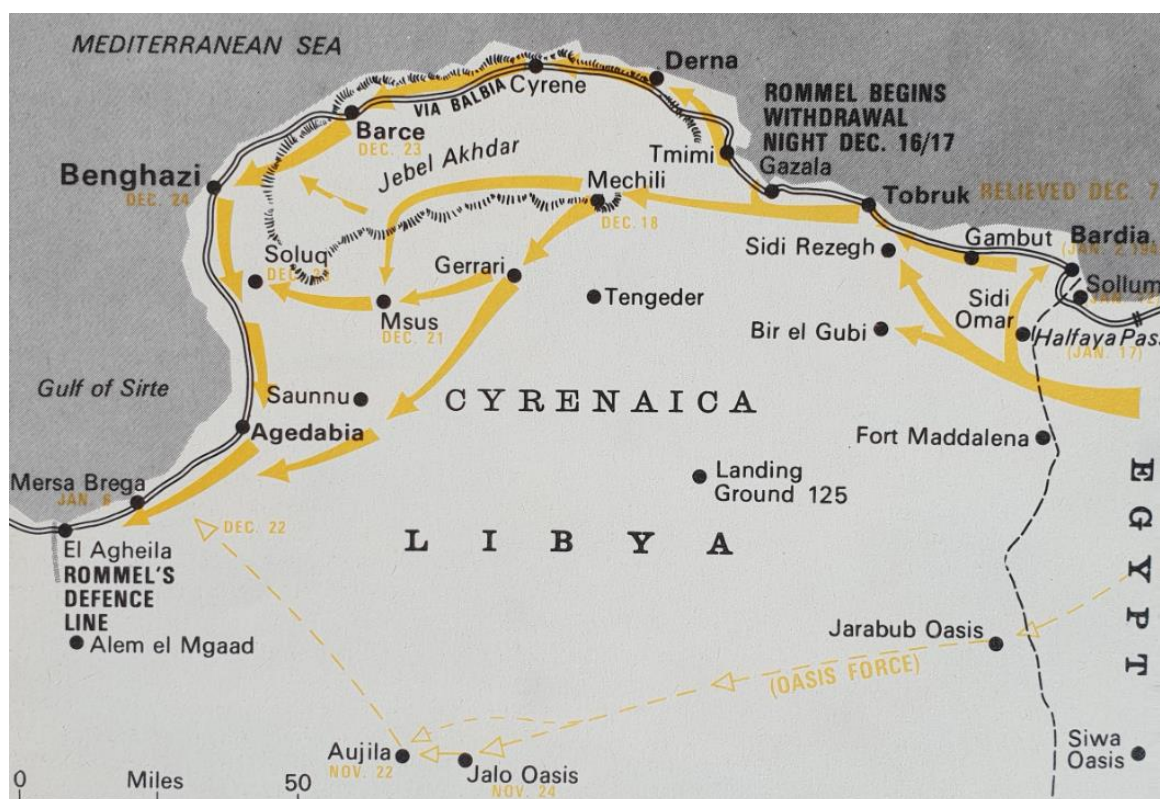
Чтобы удостовериться в том, что британцы готовят наступление, в сентябре Роммель отправил сильный разведотряд в район Сиди Баррани, но немцы не увидели признаков подготовки к атаке, которая может вот-вот состояться. Тем не менее, он запланировал создание оборонительного заслона к югу от Тобрука, способного остановить попытки британцев снять осаду с укрепрайона.

14 ноября Роммель вылетел в Рим для участия в конференции, и в ночь с 17 на 18 ноября оказался в Афинах на пути назад. В эту ночь британцы осуществили дерзкий рейд на ливийское побережье. Высадившись с подводных лодок в 200 милях от линии фронта, небольшая группа из состава 11-го (Шотландского) Отряда Коммандос под началом подполковника Киза (G. C. T. Keyes) атаковала здание в пункте Беда Литтория/Beda Littoria, в котором, как предполагалось, находился Роммель. Попытка похищения немецкого генерала окончилась провалом, гибелью Киза и пленением его подчиненных...

Наступление начинается

К середине ноября обе стороны были готовы к новым боям: британцы собирались предпринять крупнейшее к тому моменту наступление в Западной Пустыне, немцы – новый генеральный штурм Тобрука. Вопрос был в том, кто нанесет первый удар. В ночь с 15 на 16 ноября Черчилль отправил написанное в присущем ему стиле сообщение Окинлеку:

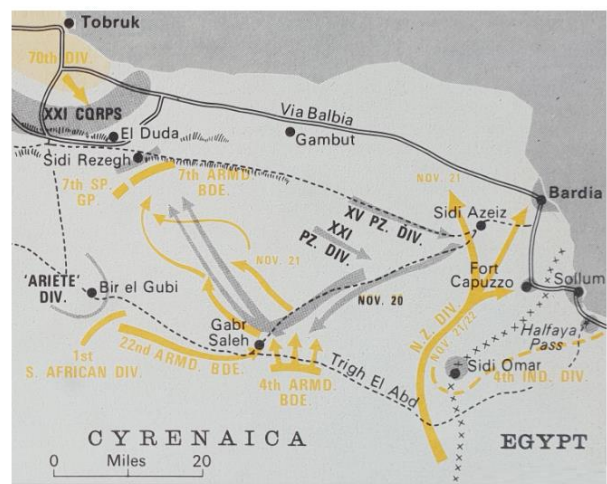
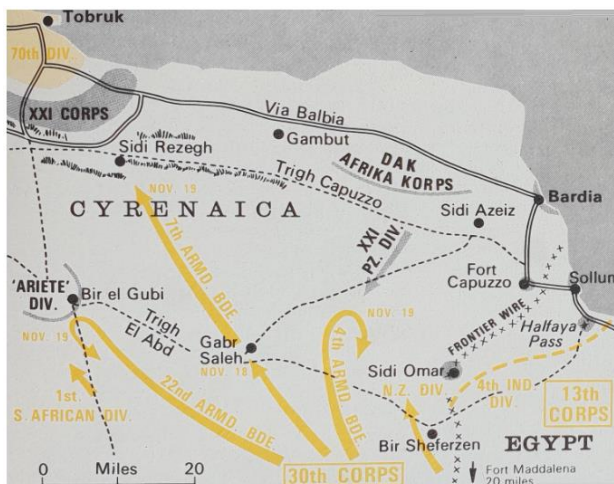
Мне было поручено Королем выразить по адресу всего личного состава Армии и ВВС в Западной Пустыне и [моряков] Королевского флота уверенность Его Величества в том, что они выполнят свой долг с примерной преданностью в исключительно важном сражении, в которое им предстоит вступить. Впервые британские и имперские силы встретят немцев с достаточным количеством оружия всех видов. Это сражение окажет влияние на ход войны в целом. Пришло время нанести мощнейший к настоящему моменту удар, удар, который принесет окончательную победу, возвращение домой и свободу. Армия, развернутая в Пустыне (The Desert Army) может написать новую страницу в истории, которая встанет в один ряд с Бленхеймом и Ватерлоо. Взор всех наций обращен к вам. Наши сердца бьются вместе с вашими! Да поможет Бог тем, кто бьется за правое дело!

Общая схема боевых действий в ходе операции Crusader

Сразу после 06.00 18 ноября 1941 года около 450 танков 7-й Танковой Дивизии вместе со своей Группой Поддержки, состоящей из мотопехоты и артиллерии, были на марше в направлении Габр Салеха, расположенного немногим более 30 миль к западу от Сиди Омара. Заправившись на одном из ближайших передовых складов в полдень, к 17.30 две бригады вышли к намеченному на тот день рубежу, еще одна бригада осталась в нескольких милях позади. Во время марша в первый день британцы не увидели ничего, кроме нескольких вражеских броневых автомобилей, которые немедленно исчезали из поля зрения. Присутствия самолетов противника в небе замечено не было: аэродромы были приведены в нерабочее состояние ливневым дождем...

Ночь прошла быстро, и с рассветом (никакой реакции противника так и не последовало) генерал Готт, командир 7-й Дивизии, приказал 22-й Танковой Бригаде продвинуться западнее от перекрестка Бир эль Губи/Bir el Gubi, где, как он имел все основания полагать, британцев поджидали части итальянской дивизии *Ariete*. Тем временем 7-я Танковая Бригада должна будет продвигаться на север в направлении пункта Сиди Резег/Sidi Rezegh. На 4-й Танковой Бригаде по-прежнему лежала ответственность за прикрытие правого фланга дивизии и левого фланга 13-го Корпуса, когда он подойдет к достигнутому другими рубежу.

Боевые действия в ходе операции Crusader 18-19 ноября 1941 года

Около полудня 22-я Бригада вступила в бой. Она была укомплектована необстрелянными и плохо подготовленными экипажами, слабо представляющими себе тактику танкового боя в пустыне. Дивизия Ariete сражалась стойко и тактически грамотно, ее артиллерия и танки превосходно взаимодействовали и метко стреляли: в итоге, она удержала свои позиции, нанеся ощутимые потери британцам, правда, и сама была основательно потрепана.

Бой у перекрестка Бир эль Губи 19 ноября 1941 года

Марш на Бир эль Губи

Рано утром 19 ноября 22-я Бригада приблизилась к Бир эль Губи. Из данных разведки британцам было известно, что на этом участке находится вся дивизия *Ariete*: в районе пункта Таиеб эль Эсем/Taieb el Esem между Набр Салехом и Биар эль Губи рекогносцировочные патрули 22-й Бригады столкнулись в бою с бронемашинами из итальянского 20-го Корпуса (Corpo d'Armata di Manovra), в который входили все танковые и механизированные части итальянцев в Ливии. После этого боя итальянские бронемшины отступили на север.

Британские танкисты, продвигавшиеся к Бир эль Губи, не были обстрелянными бойцами и не имели адекватной боевой подготовки. 22-я Бригада, сформированная в 1939 году, прибыла в Египет 4 октября 1941 года, и на ее акклиматизацию к условиям пустыни ушло несколько недель. Часть была оснащена новыми танками *Крусейдер/Crusader A15*, которые при своей высокой маневренности отличались невысокой технической надежностью. 7-я Бригада была оснащена более старыми танками *Cruiser MKIV (A13)*, тогда как 4-я Бригада – легкими американскими танками *M5 Stuart*, получившими у британских танкистов прозвище *Honey/Милашка*. На боевую подготовку у танкистов было очень мало времени, что не остановило командование 7-й Дивизии, бросивших их в бой против итальянских танкистов...

Ошибка генерала Готта

Утром 19-го Готт приказал командиру 22-й Бригады Кокбёрна (J. Scott Cockburn) атаковать итальянцев в Бир эль Губи. Командир дивизии понимал, что оставлять у себя на левом фланге находившуюся в полном боевом порядке дивизию *Ariete* будет неразумно. Выбив эту дивизию с оборонительных позиций, британцы получали возможность разместить на этом участке 1-ю Южно-Африканскую Дивизию и обезопасить *пустынный* фланг всей наступающей группировки. Кроме того, необстрелянные британские танкисты получали возможность приобрести опыт в бою против не самого сильного противника, готовясь к куда более ожесточенным сражениям против немцев... При необходимости в этой атаке южноафриканская пехота была готова поддержать атакующих танкистов. Возможно, Готт

предполагал, принимая во внимание свой прошлый боевой опыт, что, как это случилось раньше, обособленные от немцев итальянцы просто побегут и не станут сражаться. Так или иначе, левый фланг 7-й Дивизии было необходимо обезопасить и вынудить немцев перебросить на этот участок часть своих танков для поддержки своих союзников на большом удалении от Тобрука.

Предположения Готта не были лишены оснований, но он упустил из виду то, что итальянцы, независимо от того, как проявят себя их танкисты, будут вести бой на оборонительных позициях при поддержке артиллерии, – того рода своих войск, который на протяжении последнего года боев неоднократно демонстрировал боевое мастерство и решительность. Он также не сумел предвидеть то, что бой между британцами и итальянцами, располагавшими примерно равным числом танков, станет значительно более равным, чем можно было себе представить. Танки *Крусейдер* (*Cruiser Mark VI*), которыми была вооружена 22-я Бригада, имели экипаж из четырех человек, весили 19 тонн, имели хорошую скорость (27 миль/час) и максимальную толщину брони 49 мм. Однако их слабая двухфунтовая пушка (40 мм) имела небольшую дальность стрельбы, и, за исключением небольшой части машин, танки бригады могли вести огонь только бронебойными снарядами. Положение усугублялось еще и технической ненадежностью этих машин. Их серийное производство было запущено до проведения соответствующего тестирования, и, в итоге, в ходе боевых действий в пустыне больше машин этого типа было потеряно из-за поломок, чем из-за действий противника.

*Крусейдер, пушка которого была способна стрелять только бронебойными снарядами.
Мемориал RAAC, Army Tank Museum, Puckapunyal, Victoria, Australia*

Итальянский танк М 13/40

Итальянские танкисты готовились к бою против британцев, располагая основным танком собственного производства – машиной *М 13/40*. Роммель даже как-то высказался в том смысле, что его подташнивает, стоит только подумать об этой машине, настолько она была, по его мнению, устаревшей. К началу операции *Crusader* Роммель располагал 414 танками, из которых 260 были немецкими, включая 15 *Pz. I*, 40 *Pz. II*, 150 *Pz. III*, 55 *Pz. IV* и 154 итальянскими *М13/40*. Если отбросить устаревшие *Pz. I* и *Pz. II* и половину танков *Pz. III*, которые все еще были вооружены слабыми 37-мм пушками, Роммелю оставалось полагаться на столь презираемые им *М13*, поскольку они представляли собой хребет его танковой армии.

Март 1941. Итальянские танкисты рядом со своими танками M13/40

Эти танки имели экипаж из четырех человек, защищенный стальными листами толщиной не более 40 мм. Маломощные двигатели итальянских танков отличались ненадежностью в работе и в пустыне давали возможность развивать скорость не более 8 миль/час. Они были вооружены 47-мм пушкой, способной вести огонь бронебойными и фугасными снарядами, и не располагали радиосвязью.

22-я Бригада – силы и намерения

Готт не предполагал, что неадекватность британской системы связи поставит его планы под удар. Хотя большинство командиров знало о том, что атака на Бир эль Губи назначена на этот день, южноафриканцы под командованием генерал Бринка (Brink) получили соответствующий приказ только утром 19-го и поняли его так, что они будут должны двинуться вперед и занять этот пункт только после того, как он будет взят британскими танкистами. В результате танкисты лишились жизненно необходимой поддержки пехоты и артиллерии...

Бригада заняла позиции в нескольких милях к юго-востоку от Бир эль Губи в 9 утра: основные силы оставались на месте до полудня. Затем танкисты начали продвижение вперед вслед за заслоном бронемашин 11-го Гусарского Полка силами танков 2-го Королевского Глостерширского Гусарского Полка/2nd Royal Gloucestershire Hussars на правом фланге; 4-го Полка Снайперов Лондонского Графства/4th County of London Yeomanry (CLY) Sharpshooters на левом фланге и образующими вторую линию за 4-м Полком танками 3-го Полка Снайперов Лондонского Графства.

Каждый полк, включавший в себя четыре эскадрона с четырьмя отделениями по три танка в каждом, продвигался строем в форме стрелы со штабным эскадроном каждого полка в основании. Бригадный штаб, состоявший из восьми танков, занял позицию в центре тыловой линии, откуда он мог наводить артиллерийский огонь восьми 25-фунтовок Батареи С 4-го Полка Королевской Конной Артиллерии/4th Royal Horse Artillery и взвода противотанковых 2-хфунтовок 102-го Полка Нортумберлендских Гусар (Northumberland Hussars) Королевской Конной Артиллерии.

Генерал Гамбара готовится встретить противника

В бой с британцами готовилась вступить в бой 132-я Дивизия, носившая название *Ariete*. Она была сформирована в 1939 году и в январе 1941 года переброшена в Северную Африку, где несколько ее подразделений принимали участие в боях с апреля по октябрь

1941-го. В районе Бир эль Губи дивизии, которой командовал генерал Балотта (Mario Balotta), предстояло впервые вступить в бой в полном составе.

Хотя Роммель передал генералу Гамбаре (Gastone Gambara), командиру 20-го Корпуса итальянцев, радиogramму с призывом не беспокоиться о возможной атаке противника в ближайшем будущем, Гамбара предпочел прислушаться к своим собственным источникам разведывательной информации и предупредил Балотту о том, что атака британцев на его позиции предположительно начнется 19-го. В результате дивизия *Ariete* была приведена в полную боевую готовность. Она была оснащена 146 танками *M13/40*, 16 105-мм и 32 75-мм полевыми пушками, 18 47-мм противотанковыми пушками и 8 20-мм зенитками. Личный состав дивизии всю осень готовился к применению в боевых условиях этого оружия, взаимодействию танков, артиллерии и пехоты вместе с немецкими союзниками и приобрел уверенность в своих силах и своей способности сражаться, в особенности, находясь на подготовленных позициях. В состав дивизии входили 132-й Полк Средних Танков (три батальона), 8-й Берсальерский Полк Легкой Пехоты (три батальона), три роты 47-мм противотанковых пушек и 132-й Полк Моторизованной Артиллерии (три дивизиона). Одновременно с интенсивной боевой подготовкой личный состав *Ariete* в первой половине ноября 1941 года усиленно строил укрепления на подходах к Бир эль Губи. Генерал Балотта построил три оборонительных пункта, получивших название *lozange/ромбы* из-за своей формы. Они состояли из системы окопов, стрелковых ячеек и соединительных ходов. Каждый из *ромбов* занимал один батальон *берсальеров* и поддерживался дивизионной артиллерией и одной батареей 105-мм пушек из числа приданных дивизии 20-м Корпусом. Кроме того, 7 102-мм морских орудий, способных вести огонь бронебойными снарядами и установленных на грузовики, представляли из себя мощное противотанковое средство. Когда началось сражение, танки 132-го Танкового Полка заняли позиции за передовой линией обороны.

Итальянские грузовики с установленными на них орудиями

Первые стычки и первые неудачи британцев

В 7 утра рота из 16 итальянских танков и батарея 75-мм пушек были выдвинуты на юг от Бир эль Губи в качестве наблюдательного заслона. В 8 утра снаряды 25-фунтовок, поддерживающих 22-ю Бригаду, начали падать в расположении итальянцев, но попаданий в танки при этом отмечено не было. Приблизившись к позициям итальянцев, танки 2-го Полка *глостерширцев* пошли в атаку. Несколько атак британцев было отбито, несколько раз итальянцы переходили в контратаки, после чего на поле боя наступило затишье, окончившееся около 11 утра...

После получения сообщений о том, что с северо-востока к Бир эль Губи приближаются дополнительные танковые силы, отдельный отряд итальянских танков быстро переместился на это направление и вступил в ожесточенную перестрелку с 40 *Крусейдерами*, в которой было уничтожено 8 британских машин. Итальянцы потеряли 3 танка, еще 8 машин были повреждены. Уступая противнику в численности, итальянцы отступили за линию обороны Бир эль Губи.

Британские экипажи, впервые вступившие в бой, испытали сильный подъем боевого духа и были полны желания покончить с противником, который, как им показалось, был побит и деморализован. Около полудня бой возобновился, когда к танкистам 2-го Полка *глостерширцев* на их левом фланге присоединились танки 4-го Полка *лондонцев*. Несмотря на поступившие от офицера 11-го Гусарского Полка предупреждения о том, что противник, силы которого точно неизвестны, занимает хорошо укрепленные позиции и что танкистам для их захвата нужна поддержка пехоты, командир бригады приказал идти в атаку на расположенный в пяти милях к востоку от Бир эль Губи пункт обороны итальянцев, который он определил, как мобильный.

Далее последовало то, что один из наблюдателей охарактеризовал как «атаку, в наибольшей степени близкую к кавалерийской в ходе всей войны.» Танки *глостерширцев* и *лондонцев* натолкнулись на хорошо укрепленные ромбы с большим количеством обороняющихся. После сражения командование бригады обвиняли в повторении бесшабашных лобовых атак вместо того, чтобы продвигаться вперед рывками, ведя огонь с понижений в рельефе, скрывающих корпуса танков. Едва ли эти обвинения можно считать справедливыми, поскольку отсутствие должной артиллерийской поддержки и решимость итальянцев, помноженная на отвагу, не ставили британцам другого выбора как продвигаться вперед на максимально возможной скорости...

Подбитый и брошенный Крусейдер в окрестностях Бир эль Губи

Атака на правый фланг итальянцев

Основной удар британцев пришелся на правый фланг итальянцев, что вызвало грандиозный встречный шквал артиллерийского огня, вызвавший замешательство в рядах малоопытных танкистов. Британцы сместили фокус атаки в направлении центра обороны итальянцев, но здесь их ждал губительный пушечный огонь хорошо окопавшейся пехоты. Расстояние между атакующими и обороняющимися было настолько близким – 200 ярдов и меньше того, что даже устаревшие 47-мм противотанковые и 75-мм пушки нанесли большие потери британским танкистам. За этим последовала контратака 9-го Батальона 132-го Танкового Полка итальянцев, и британцы были вынуждены отступить на несколько сотен ярдов, чтобы обдумать свои дальнейшие действия...

После короткого радиосоветования между штабом бригады и командирами потрепанных *глостерширцев* и *лондонцев* танкисты приступили к перемещению фокуса атаки на правый фланг, в передней части строя танков начали продвижение *глостерширцы*. И снова бригада продемонстрировала отсутствие боевого опыта: танки покатались к стартовому рубежу для атаки параллельно позициям противника, снова попали под обстрел и снова понесли потери, не имея возможности вести ответный огонь.

Успех, не получивший развития

Несмотря на неважное маневрирование перед началом новой атаки, британцы добились в ее ходе небольшого успеха примерно в 13.30. Танкисты нанесли удар по позициям итальянской пехоты 7-го Батальона Берсальеров непосредственно перед тем, как у итальянцев появилась возможность перебросить в этот сектор необходимое количество пехоты и корректировщиков артиллерийского огня. В результате, как вспоминал позднее *висконт* Крэнли (*Viscount Cranley*), командир эскадрона *глостерширцев*, удар британцев по укреплениям итальянцев настолько ошеломил обороняющихся, что около 300 из них сдались танкистам, однако их пребывание в плену продолжалось недолго. Увидев, что рядом нет пехоты, чтобы охранять их или отвести в направлении британских позиций, итальянские солдаты снова взялись за оружие, чтобы вступить в бой. Одновременно с этим упорство *берсальеров* в обороне дал итальянским танкистам возможность выдвинуться к участку прорыва ...

Солдаты дивизии Ariete. Снимок сделан в разгар боев ноября 1941 года. Солдаты выглядят уверенными в себе, пока их командир обсуждает по телефону ситуацию со старшим офицером...

Вслед за этим кратковременным успехом британские танки были остановлены огнем 47-мм и 75-мм пушек с хорошо укрепленных позиций. В последовавшей за этим атаке эскадронов 4-го Полка *лондонцев* и 3-го Полка *лондонцев* подполковника Яго (R.K. Jago) британцы попытались обойти противника с флангов, но немедленно наткнулись на минные поля и сильный огонь артиллерии противника. Отсутствие боевого опыта завело часть танкистов в ловушку около 15.00, когда они атаковали то, что показалось им участком парковки итальянских грузовиков. На самом деле, это была хорошо замаскированная противотанковая позиция – среди грузовиков находились машины, на которых находились морские 102-мм орудия (по некоторым сведениям, также 75-мм гаубицы). Уже через несколько минут 6 *Крусейдеров* были объаты пламенем после прямых попаданий крупнокалиберных снарядов...

Последние попытки прорвать оборону итальянцев

Весь день британские танкисты направляли своему командованию просьбы об артиллерийской поддержке, необходимой для подавления противотанковых батарей

противника. Эти призывы оставались без ответа, поскольку к полудню большая часть полковых и бригадных линий радиосвязи вышли из строя. Когда же время от времени британская артиллерия открывала огонь, его результаты были мизерными, поскольку бригаду поддерживало слишком небольшое число 25-фунтовых.

В 15.30 командование отдало приказ танкистам 3-го Полка *лондонцев* атаковать противника северо-западнее Бир эль Губи, чтобы облегчить ситуацию для *глостерширцев* и 4-го Полка *лондонцев*, сражавшихся в центре оборонительной линии противника и в ее северо-восточном секторе. Когда британцы готовились начать атаку, на них обрушилась атака 7-го, 8-го и 9-го батальонов 132-го Танкового Полка итальянцев, намеревавшихся предотвратить новый удар британцев. Каждая из сторон бросила в бой на этом участке около 100 танков. Пока британцы продвигались к северу от Бир эль Губи на большой скорости, итальянцы предприняли попытку обойти их с фланга. Батареи итальянцев повернули свои пушки, чтобы вести огонь по двигающимся мимо них танкам противника. Через час бой прекратился: британцы потерпели поражение и отступали на юго-восток. Обходной маневр 3-го Полка *лондонцев* провалился, и *глостерширцы* вместе с 4-м Полком *лондонцев* получили приказ оставить поле боя...

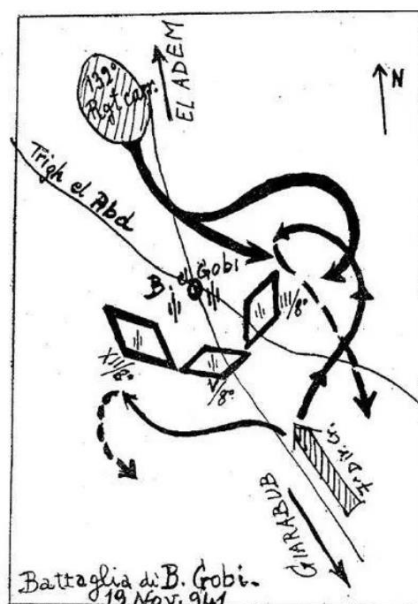

Схема расположения оборонительных ромбов итальянцев и боя 19 ноября 1941 года

Журнал Боевых Действий 3-го Полка *лондонцев*

ЖБД лондонцев от 19 ноября свидетельствует о том, что их атаки не были чисто лобовыми. Они сохраняли маневренность и искали новые возможности для достижения поставленной цели:

В 08.30 лейтенант Пил (S.W. PEEL) прибыл из [штаба] бригады с приказом продвигаться вперед к стартовой боевой позиции, и в 09.08 полк получил приказ выдвигаться к пункту BIR DUEDAR 432362, где занял боевые позиции и оставался там до 13.40. Затем полк получил приказ вступить в контакт со 2-м Полком *глостерширцев* [2 R.G.H.] и наступать справа от этого полка, который завязал ожесточенный бой в районе пункта Pt. 181 423369. Полк двинулся вперед с Эскадронам А впереди, С на правом фланге и В на левом, но, не обнаружив признаков нахождения 2 R.G.H. в пункте Pt. 181, продолжил движение в направлении BIR EL GUBI.

В 15.00 передовой отряд Эскадрона А ([командир] 2-й лейтенант Линдзи - A.R. LINDSAY) доложил о присутствии пяти танков М.13 в пункте 421372, и подполковник Яго (R.K.

JAGO) отдал приказ майору Виллису (G.G.L. WILLIS), командиру Эскадрона А, атаковать. Два танка под командованием вторых лейтенантов Хендерсона (A.W. Henderson) и Харгривса (P. Hargreaves) были отправлены на левый фланг, чтобы отвлечь на себя огонь [противника], а м-р Линдзи получил от майора Виллиса приказ атаковать с правого фланга. Майор Виллис поддержал [атакующих] огнем силами своего штабного Эскадрона с расстояния около 1 000 ярдов. Бой оказался полностью успешным: все пять танков были подбиты огнем м-ра Линдзи и подожжены. Было взято 25 пленных танкистов, которые были отправлены в тыл в сопровождении разведывательной машины вместе с еще 22 пленными пехотинцами.

В этом бою Эскадрон С получил приказ занять позиции справа от эскадронов А и В, в котором было пять танков под командованием майора Годсона (GODSON), капитана Вона (VAUGHAN), лейтенанта Холкрофта (J.C. HOLCROFT), сержанта Грегори (GREGORY) и сержанта Медлара (MEDLAR), и оставаться на них [с корпусами в понижении рельефа] в 1 500 ярдах позади Эскадрона А, чтобы следить за левым флангом полка и стараться выявить местонахождение 2 R.G.H.

С 15.00 радиосвязь с Эскадронам В была потеряна. Этот эскадрон выдвинулся со своей позиции [в понижении рельефа] для рекогносцировки и попал под сильный огонь противотанковой артиллерии с форта BIR EL GUBI. Немедленно вслед за этим танк майора Годсона был подбит и потерял гусеницу. Танк какое-то время продолжал вести огонь и затем получил попадание в башню, после чего замолчал: майор Годсон и его наводчик (?-ВК) получили ранения. Сразу после этого танк м-ра Холкрофта, который продвинулся вперед дальше других, получил попадание в башню с близкого расстояния. Все члены экипажа [Холкрофт, Мэммен (MAMMEN) и Диксон (DIXON)] были убиты, за исключением водителя, который вывел танк из боя. Сержант Хэнсфорд (HANSFORD) и капрал Реддиш (REDDISH) под огнем обработали раны майора Годсона и вытащили его из его машины. Его эвакуировал с поля боя танк из 2 R.G.H. Тем временем танки капитана Вона и сержанта Медлара были подбиты огнем противотанковой артиллерии.

В 16.50 Полк получил приказ обойти GUBI с фланга и, в соответствии с этим, двинулся в направлении пункта Pt. 181 423369. Эскадрон В не выходил на связь и не вышел к месту встречи. Полк продвинулся к пункту 42037 и развернулся фронтом к на запад. Видимость стала ухудшаться, и в 17.50 был получен приказ выйти из боя со сбором в пункте 424375.

Страницы книги *Before I Forget - Some Recollections of a Sharpshooter 1939 – 46*

Автор - танкист одного из экипажей 2-го Отделения Эскадрона С 4-го Полка лондонцев Рой Костон (Roy Cawston). В нее он включил страницы дневника графа Джона Де Бендерна (Count John de Bendor), лейтенанта, командир отделения:

13.00. 2-е Отделение (до этого в резерве) получило приказ выдвинуться на правый фланг. Продвинулись примерно на 300 ярдов впереди эскадрона и атаковали укрепления, стреляя по грузовикам и противотанковым позициям. Последними знаменитыми словами лорда Крэнли, переданными по радио, стали следующие: «Дайте им как следует, это всего лишь долбанные италяшки/eyeties (eyetie – произносится как айтай – ВК)!» Теперь впереди нас рвутся снаряды.

13.10. Лагерь впереди нас теперь смотрится как вражеский оборонительный пункт, оцетинившийся противотанковыми пушками и другими орудиями на хорошо вкопанных позициях с грузовиками в качестве маскировки. Зловещий треск слева – это снарядом сбита наша гусеница. Мы начали описывать большую дугу влево. Тяжелый удар по нам справа, и что-то упало мне на колени. Подумал было, что это снаряд, но это был

огнетушитель. Теперь мы всего в 50 ярдах от [вражеских] артиллерийских и пулеметных позиций – пулеметные очереди колотят по танку всюду и везде.

Зацепило пулемет Брен/Bren, установленный на башне. Магазин свалился внутрь башни, едва не угодив в Графа (Count) и Роя (Roy Cooper). К этому моменту мы сделали еще один полукруг, уходя от противника. Снаряды ударяют нам в корму, но, по-видимому, без особого эффекта. Командирский перископ разбит, и осколки стекла осыпают Графа, которого, кроме того, сильно ударило по голове основанием перископа.

Два попадания, одно за другим слева от левого уха Билла. Сделав еще один полукруг, вижу, что два других танка подбиты. Разглядел противотанковую пушку в окопе прямо напротив нас, они целятся в нас в упор – заорал на Билла, и он вывели из боя 2-хфунтовым снарядом. Besa/Besa стреляет непрерывно – наводит его Билл, огонь ведет Рой. Не самый лучший вариант!

Сделали еще два-три круга, стреляя по противнику из 2-хфунтовки. Они все еще стреляют по нам, снаряду глухо бьют по танку, но без видимого эффекта. Я сообразил, что мы мало чего добьемся, если останемся здесь, так как остатки эскадрона ушли – остались мы и подбитые. Мы попытались начать отход, останавливаясь и потом давая задний ход, старались укрыться, выстреливая дымовые снаряды, но обнаружили, что оказались даже ближе к противнику, чем раньше.

Правая гусеница оказалась над окопом, мотор взревел, я подумал, что эта гусеница тоже порвана, и снял ее с передачи. Граф к этому времени стал ощущать последствия удара по голове основанием перископа. Он вел себя так, словно сознание его затуманено, и постоянно высовывал голову из башни. Каждый раз, когда он делал это, очередной залп ударял по нашей корме, которая теперь, слава богу, была между нами и противником. Один из снарядов угодил в люк башни, осколок металла попал Графу в кисть руки и рассек вену. Хлынула кровь, и Рой наложил на рану повязку из незамаранной тряпки для чистки пушки.

Мы понимали, что наш единственный шанс выбраться отсюда живыми, - это затаиться до темноты и потом убраться к своим. Мы выключили мотор и стали дожидаться темноты. Рой старался уговорить Графа с помощью журнала с кроссвордами и других отвлекающих мероприятий. По кругу пошла бутылка с ромом, и Граф сказал, что мы можем покурить (я сам к тому времени уже выкурил с десяток!).

Неожиданно я заметил на горизонте разведывательную бронемашину, двигающуюся в нашем направлении. В ней находился новый штабной офицер, который под градом пулеметных очередей подъехал к танку, чтобы вызволить нас. Однако дело было безнадежным. Граф сказал ему убираться как можно быстрее. Чудом было то, что он уехал в целостности и сохранности...

Здесь следует объяснить, что корма танка была повернута в сторону врага, и башня со ее наиболее толстой броней в лобовой части, была повернута в его сторону. Лесли (Leslie Erhgrave) мог поглядывать в сторону наших тылов, так он увидел ту самую разведывательную машину. Этот эпизод навлек на себя новый шквал вражеского огня, и еще несколько снарядов попало в моторный отсек, что окончательно вывело машину из строя.

Рой связался по радио с капитаном Кэмероном (Cameron) и охарактеризовал ситуацию. Он сказал нам выбираться оттуда, если есть возможность, но, если не сразу, то не шуметь! Мы и так собирались сделать это! Случайные выстрелы время от времени целкали по машине. Мы занялись тем, что стали набивать наши вещевые мешки пайками и флягами с водой, и собирались сваливать оттуда, как только стемнеет, что

ожидалось в 18.00. Сидели, ждали и молили бога о том, чтобы ничто не пробило нашу броню...

17.00. Шум боя, в значительной степени, утих, и мы начали обдумывать то, как начать выбираться оттуда, когда к нам приблизились четверо итальянцев, подавая сигналы о том, что мы должны выйти наружу. Мы быстро посоветовались, и Граф сказал нам, что пора сдаваться, - это было единственное, что мы могли сделать. Сам он помахал планшетом, высунув руку из башни. Мы выбрались, и у нас сразу же отобрали наши револьверы.

Когда мы выбрались из машины, первый, заданный нам вопрос, был таким: «Вы не австралийцы?» В интонации задавшего вопрос прозвучало что-то, заставившее нас ответить: Нет.» Мы прекрасно знали, что итальянцам досталось от парней-Оззи десять месяцев назад во время наступления Уэйвелла и что, по все видимости, имеются кое-какие счета, которые [итальянцы] хотели бы свести! Нас отвели в лагерь к итальянцам и затолкали в какой-то домик, где уже сидели несколько глостерширцев.

Вскоре после этого привели Люка Дэвиса (Luke Davis) и Джеффа Равенера (Geoff Ravenor), потом, с перевязочного пункта, Томми Орма (Tommy Orme) и 2-го лейтенанта «Слима» Сомервелла – оба были ранены. Затем прибыли Тед Эванс (Ted Evans) и Дикки Гулливер (Dickie Gulliver), поддерживая Джеффа Кларка (Geoff Clarke), раненого в ногу. От них мы узнали, что Дон Карди (Don Cardy) убит. Мы провели там около получаса (только начало темнеть), после чего нас затолкали в грузовик, который поехал в пустыню. Начиналось наше путешествие в лагерь военнопленных в Италии...

Де Бендерн в декабре 1943-го бежал в Швейцарию, вернулся в Англию и оставшуюся часть войны служил инструктором в Сандхерстском военном училище.

Поражение и его последствия для операции *Crusader*

После окончания боестолкновений в районе Бир эль Губи пространство перед оборонительными позициями итальянцев осталось усеянным сгоревшими и подбитыми машинами. Первое танковое сражение операции *Crusader* завершилось победой итальянцев. Хотя в своих первоначальных рапортах британцы пытались объяснить свою неудачу тем, что в некоторых машинах *M13* находились немецкие экипажи и что в боях участвовали танки *Pz. IV* и немецкая пехота, эти утверждения не имели под собой никакой основы.

Британцы признали безвозвратную потерю 25 *Крусейдеров* и наличие повреждений еще у 10 машин, в сообщениях итальянцев приводятся другие цифры – около 50 уничтоженных британских танков. В частности, в своих воспоминаниях итальянский лейтенант Энрико Серра (Enrico Serra) писал, что насчитал на поле боя 55 обездвиженных вражеских танков. Иногда эта цифра фигурирует и в работах британских авторов, однако она включает в себя и вышедшие из строя из-за неисправностей машины еще на марше к Бир эль Губи. Определенно и то, что британцам удалось эвакуировать с поля боя некоторое количество поврежденных или потерявших ход из-за поломок машин, отремонтировать и вернуть в строй... Около 100 британцев были убиты и ранены, в плен к итальянцам попало 37 британцев.

22-я Бригада отрапортовала об уничтожении 45 итальянских танков и захвате 205 пленных. Рапорта дивизии *Ariete* включают в себя несколько другую картину: итальянцы списали всего 34 танка, еще 15 поврежденных машин были отремонтированы и возвращены в строй, так что британские рапорта о нанесенных противнику потерях не так далеки от действительности. Итальянцы также признали потерю 4 75-мм и 12 47-мм пушек, 15

человек убитыми и 80 ранеными. 82 человека пропали без вести, хотя встречаются и такие цифры: 12 офицеров и 193 прочих чинов убито, ранено и пропало без вести.

Попавшие в плен британцы сразу после завершения боя в районе Бир эль Губи ...

Бой у Бир эль Губи оказал значительное влияние на ход всей операции *Crusader*. Дивизия *Ariete* еще несколько дней оставалась на своих позициях, по-прежнему прикрывая фланг всей линии войск *Оси* и отвлекая на себя внимание британских танковых и пехотных частей. Британцы так и не получили возможность обрушить все силы 7-й Танковой Дивизии на немцев, закрывавших путь к Тобруку в пункте Сиди Резег. Оттянув на себя бронетехнику британцев, вынудив противника разбросать свои силы, *Ariete* создала условия для побед немецких *панцеров* над изолированными британскими танковыми частями: 4-й Бригадой 20 ноября, 7-й Бригадой и 7-й Группой Поддержки 22 ноября, для разгрома 5-й Южно-Африканской Пехотной Бригады к югу от пункта Белхамед/Bellhamed 23-24 ноября. В последнем *Ariete* примет участие...

Окончившийся потерей почти всех танков бросок Роммеля к египетской границе 24-25 ноября нанес британцам ощутимые потери, но они сумели перегруппироваться и нанести поражение войскам *Оси*, которые были вынуждены оставить Киренаику в последние дни декабря 1941 года. Дивизия *Ariete* станет одной из последних частей *Оси*, оставляющих Ливию. 22-я Бригада примет участие в последнем танковом бою этой операции...

Бой у Бир эль Губи был охарактеризован генералом Норри как «сражение, в котором с чрезмерным энтузиазмом были атакованы [хорошо] подготовленные позиции, ... которые не сумели разглядеть и разведать до того, как началась сама атака.» Судя по всему, ощутимое поражение британцев было связано со слабой тактической подготовкой танкистов, разрозненностью их действий, повторявшимся раз за разом практически полным отсутствием взаимодействия с пехотой и артиллерией. Эти пробелы в боевой выучке и тактике еще не раз станут причиной успешных действий танкистов *Африканского Корпуса* против британцев. Напротив, дивизия *Ariete*, пройдя боевую подготовку совместно с немецкими товарищами по оружию, 19 ноября 1941 года продемонстрировала превосходный уровень взаимодействия танков, артиллерии и пехоты. Эта дивизия еще не раз проявит незаурядные боевой дух и мастерство.

Сектор наступления 7-й Бригады британцев

Тем временем 7-я Бригада, наступавшая в центре, добилась 19 ноября заметных успехов. Ее смесь танков различных типов начала продвижение вперед около полудня и устремилась к Сиди Резегу, рассеяв по пути слабый вражеский заслон. Она продвигалась

столь быстро, что 6-й Королевский Танковый Полк занял целый аэродром противника, захватив 19 итальянских самолетов, 80 пленных и большое количество автотранспорта. Теперь 7-я Бригада была всего в 10 милях от границы Тобрукского укрепрайона, и перспективы наступления выглядели многообещающими...

Угроза правому флангу британцев

Однако на правом фланге начинали сгущаться тучи: здесь 4-я Танковая Бригада задержалась у Габр Салеха. В 2-3 часа дня небо над позициями бригады неожиданно заполнили Штуки, и, когда ближе к 16.00 бомбардировка и пулеметные обстрелы закончились, из ниоткуда появились 80-90 танков 21-й Танковой Дивизии немцев под командованием полковника Штефана (Stephan). Это был первый явный признак того, что Роммель среагировал на начало операции Crusader. Основной удар немецких танков пришелся на 8-й Гусарский Полк/8th Hussars, и к моменту окончания боя полк, танки которого уступали в огневой мощи более тяжелым машинам противника, потерял 20 танков. В строю у 4-й Бригады осталось 98 машин из 164, с которыми часть начинала операцию. Дивизия Штефана, потери которой были незначительными, отошла...

Тем не менее, боестолкновения на флангах не оказали решающего влияния на развития событий, и центр британцев добился значительного успеха. Он был усилен двумя батальонами Группы Поддержки и двумя полками артиллерии - противотанковой и полевой. Эти части получили приказ перейти в подчинение 7-й Танковой Бригаде в районе пункта Сиди Резег. 1-я Южноафриканская Дивизия была также переброшена на север в направлении Бир эль Губи, чтобы взять на себя нейтрализацию дивизии Ariete, высвободив 22-ю Танковую Бригаду. Однако одновременно с этим ей было приказано отдать одну из своих бригад также в Сиди Резег. Высвободившаяся 22-я Бригада получила приказ начать операции севернее Бир эль Губи, тогда как 4-я Бригада оставалась в районе Габр Салеха.

В период времени, когда происходили первые боестолкновения между частями 30-го Корпуса и появившимися на передовой частями *Оси*, 13-й Корпус предпринял первые шаги по реализации обхода с юга приграничных оборонительных линий противника путем наступления силами 7-й Индийской Бригады. Этот маневр удался, и боевые действия 19 ноября завершились на позитивной ноте для британцев, которые, казалось, достигли легкого успеха малой ценой. Однако проявили себя и признаки неопределенности в сообщении, которое Окинлек посла премьер-министру в этот день: «Кажется, противник был застигнут врасплох и в неведении о времени нашего наступления и тяжести наносимого удара. Есть нуждающиеся, однако, в подтверждении признаки того, что он теперь пытается оставить район Бардии/Соллума. Пока мы не будем точно знать, на какой рубеж вышли наши танковые части сегодня, у нас не будет возможности определиться с развитием ситуации в настоящий момент. Сам я вполне доволен сложившимся положением...» Генералу Окинлеку оставалось пребывать в состоянии удовлетворения развитием событий совсем недолго...

Некоторая пассивность противника в первые два дня боев была объяснима. Роммель только что, 18 ноября, всего за несколько часов до начала британского наступления, вернулся в свой штаб и из рапортов своих офицеров заключил, что происходит просто разведка боем. В этой связи он отказался от отступления от своих планов генеральной атаки на Тобрук.

Однако генерал [Людвиг Крювель](#) (Ludwig Crüwell), командующий *Африканским Корпусом*, в который входили 15-я и 21-я танковые дивизии, был уверен в том, что крупные силы противника наступают в направлении пункта Сиди Азеиз/Sidi Azeiz. Крювель не был в курсе того, что эти силы представлены лишь 3-м Королевским Танковым Полком, который сначала преследовал немецкие бронеавтомобили на пути к Сиди Азеизу, а потом, в тот же вечер, отошел к Габр Салеху. Чтобы уничтожить эту боевую группу и получить разрешение Роммеля на это, он бросил 15-ю Танковую дивизию прямо на восток, а 21-ю Дивизию отправил в форсированный марш в направлении Сиди Омара, чтобы отрезать противнику пути к отступлению на юг, в то время как занимающие позиции в приграничной полосе части должны были предотвратить прорыв окруженных британцев на восток. Таким образом,

Крювель организовал погоню за мифической крупной боевой группой британцев, и прошло несколько часов, прежде чем он осознал свою ошибку. Но, сделав это, он быстро отреагировал на реальное развитие событий и, хотя Роммель проинструктировал его перейти к атакующим действиям на следующий день силами обеих танковых дивизий, он направил 15-ю Дивизию прямо на Габр Салех, чтобы вступить в контакт с противником.

Генерал Каннингэм провел ночь с 19 на 20 ноября в штабе 30-го Корпуса и утром вернулся в штаб 8-й Армии. Из имеющейся информации могло показаться, что силы *Оси* наступают в западном направлении, словно пытаются отступить. Генерал Готт, который своими глазами видел ситуацию в районе Сиди Резега, счел, что, если 70-я Дивизия генерал Скоби попытается вырваться из Тобрука именно сейчас, она и Группа Поддержки смогут вступить в контакт, и рекомендовал осуществить эту операцию утром 21 ноября. Очевидно, это было фундаментальным изменением в первоначальном плане, который не подразумевал попытку прорыва из укрепрайона до победы в генеральном танковом сражении.

Поскольку некоторые радиосообщения противника, касающиеся перемещения его бронетехники, были перехвачены, столь долго ожидаемое танковое сражение, казалось, произойдет вот-вот. Генерал Норри получил предупреждение о скорой полномасштабной атаке на позиции 4-й Танковой Бригады около полудня 20-го, и уверенность британцев в успехе была такова, что генерал Каннингэм во второй половине этого же дня утвердил атаку на прорыв из Тобрука на рассвете 21-го. Чтобы отвести угрозу от правого фланга 7-й Танковой Дивизии, 22-я Бригада получила приказ объединить свои позиции с 4-й Бригадой. Однако из-за трудностей с загрузкой боеприпасов и дозаправкой она не успела выйти до наступления темноты к месту назначения, где танкистам стало ясно, что бой уже идет и что 26 британских танков уже были потеряны с нанесением противнику лишь незначительного ущерба. В ту ночь Роммель написал своей жене: «Наступление противника началось сразу же после моего прибытия. Сражение к настоящему моменту достигло своей кульминации. Вероятно, его судьба решится ко времени прибытия этого письма. Наше положение легким не назовешь. Со мной все настолько хорошо, насколько этого можно ожидать.»

Сражение у Сиди Резега

Теперь Роммель убедился в том, что столкнулся с крупнейшим наступлением британцев и что наибольшей угрозой для него является успех противника в районе Сиди Резега. Чтобы отвести угрозу, он приказал генералу Крювелю в ночь с 20 на 21 ноября направить свои дивизии на северо-запад и ударить всеми имеющимися силами по Сиди Резегу утром 21-го. Еще не наступил рассвет, когда немецкие танкисты начали свой марш. Это продвижение противника было замечено британцами из 4-й и 22-й бригад, которые стали готовиться к атаке. Но, как обычно, немцы умело воспользовались 88- и 50-миллиметровками своего арьергардного заслона, и эти пушки оказались особенно опасными для легких танков Стюарт/Stuart. Огонь немецкой артиллерии и задержки, связанные с долгой дозаправкой и плохой проходимостью территории, снизили мощь танковой атаки британцев, и немцы успешно устранили угрозу, нависшую над хвостовой частью их колонн...

Атака на прорыв из Тобрука началась утром 21-го, и к полудню 70-я Дивизия вбила в позиции *Оси* клин размером около 4 000 квадратных ярдов, захватив ощутимое количество пленных немцев и итальянцев и преодолев упорное сопротивление противника.

В районе Сиди Резега, в соответствии первоначальным планом скоординированных действий 30-го Корпуса и Тобрукского гарнизона, 7-я Танковая Бригада и Группа Поддержки получили приказ захватить часть уступа в рельефе, обращенного на север, к дороге Trigh Capuzzo, и тем самым перерезать путь снабжения сил *Оси*, находившихся далее к востоку. Атаку планировали начать в 08.30 21 ноября, но за полчаса до этого были получены новости о приближении больших танковых колонн противника с юго-востока – это были 15-я и 21-я танковые дивизии немцев...

Увидев угрозу своему тылу, бригадир Дэйви (Davy), командир 7-й Танковой Бригады, также возглавлявший все операции британцев в районе Сиди Резега, не имел иного выбора как

вступить в бой с приближающимися немецкими танками силами двух своих полков и оставить бригадира Кэмпбелла (Campbell) драться силами Группы Поддержки за обращенный на север уступ. Так сложилось положение, которое ранее никто не мог себе даже представить. На севере гарнизон Тобрука прорывался из полукольца, сражаясь против немцев и итальянцев, которые, в свою очередь, вступили в бой против 7-й Танковой Бригады, расположенной южнее осаждающих укрепрайон частей *Оси*. В центре этого «слоеного пирога» находилась собственно 7-я Бригада, атакующая в северном направлении и одновременно отбивающаяся от атакующих с юго-востока танковых дивизий генерала Крювеля, которых, в свою очередь, преследовали 4-я и 22-я танковые бригады британцев. Противоборствующие стороны быстро перемешались друг с другом и в пыли и сумятице завязались ожесточенные бои, которые продолжались несколько дней.

К вечеру 21 ноября 1-й Батальон Корпуса Королевских Стрелков/1st Battalion, The King's Royal Rifle Corps и рота 2-го Батальона Стрелковой Бригады/The Rifle Brigade захватили намеченные рубежи на уступе. Но, когда 6-й Королевский Танковый Полк продвинулся вперед, чтобы соединиться наступающими из Тобрукского укрепрайона частями в районе пункта Эль Дуда/El Duda, он был остановлен немцами, нанешими ему тяжелые потери. Южнее танковая атака немцев была остановлена, но ценой значительных потерь в людях и танках: из 141 машины, с которыми 7-я Бригада начала наступление, осталось только 28, пригодных к бою на следующее утро...

Что касается вылазки из Тобрука, то генерал Скоби, поняв, что на помощь ему из Сиди Резега в этот момент никто не придет, остановил свои части, чтобы дать им возможности закрепиться на достигнутом рубеже. Положение в целом все еще рассматривалось штабом 8-й Армии как благоприятное, поскольку была надежда, что 4-я и 22-я бригады смогут нанести частям Крювеля удар с фланга и в тыл. В этой связи генерал Каннингэм приказал 13-му Корпусу перейти в наступление. В соответствии с приказом Новозеландская Дивизия под командованием генерал-майора Фрейберга начала марш на север в полдень 21-го из района к западу от Сиди Омара. Ко времени наступления темноты 6-я Новозеландская Бригада была уже непосредственно к западу от Сиди Азеиза, 5-я Бригада – близ Капуццо, 4-я – на уступе к западу от Бардии. Одновременно с этим 4-я Индийская Дивизия генерала Мессерви готовилась к атаке на Сиди Омар и захвату этого важного пункта.

В Сиди Резеге утро 22 ноября было относительно спокойным по сравнению с предыдущим днем, но к полудню боестолкновения возобновились с нарастающей ожесточенностью. 5-я Южноафриканская Бригада, которая прибыла на место днем раньше, но не принимала участие в танковом сражении, получила приказ захватить южную часть уступа в районе Пункта 178/Point 178. Атака, которая была осуществлена в 15.00, провалилась с большими потерями для южноафриканцев, и бригада отступила примерно на 2 мили.

Схема боевых действий в ходе операции *Crusader* 22 (слева) и 23 (справа) ноября

Наступление немцев началось с атаки их 21-й Танковой Дивизии с северного и северо-западного направлений. Путь им преградили 22-я Танковая Бригада с остатками 7-й Бригады и с Группой Поддержки. Летящий песок, пыль и дым от разрывов снарядов, горящих танков и машин накрыли поле боя в такой степени, что, когда 22-я Бригада подошла к пункту в 5 милях восточнее, танкисты не могли разобрать, где свои и где чужие,

и уже не имели возможности оказать помощь сражающимся товарищам. Хотя обе стороны несли тяжелые потери, британцы пострадали в большей степени и к сумеркам откатились на позиции, которые удерживала 5-я Южноафриканская Бригада.

В воспоминаниях британских танкистов часто отражен хаос, который был типичен для танковых боев в районе Сиди Резега. Вспоминает Сэм Брэдшо (Sam Bradshaw), механик-водитель танка Стюарт: «В танковом бою, знаете, очень трудно определить, где свои, а где чужие танки. И у них [немцев] все было так, как и у нас. Все крутятся, стреляют, иногда ты оказываешься на одной линии с немецким танком, видишь, как он взрывается, как горят люди – полный хаос! Вверх поднимается дым, рвутся боеприпасы – и так продолжается снова и снова.» Ему вторит Пауэлл Джоунс (Powell Jones): «Танки вертятся ... палят, как сумасшедшие, попадают в своих же...» Джеймс Палмер (James Palmer): «Продвигаясь в направлении пункта Сиди Резег/Sidi Rezegh, мы попали под сильный обстрел немецких 88-миллиметровок и противотанковых пушек калибром поменьше. Всюду и везде рвались дымовые снаряды, вынуждая нас терять ориентировку. Навстречу нам двинулись легкие танки противника, и вражеский огонь еще более усилился. Далеко справа от нас мы видели артиллерийские позиции немцев. Сначала там появлялось облачко дыма, затем до нас доносился вой, потом взрыв, за которым вздрагивала земля и следовал стук осколков о броню. Из танков слева и справа от нас валил дым, треск пулеметов был непрерывным. Каждый стрелял по всему, что двигалось перед ним. Мы останавливались, снова трогались вперед, бросали машину то вправо, то влево. Мы налетали на подбитые машины, а затем лезли дальше, туда, где горели танки. Отовсюду доносились вопли умирающих и отвратительный запах горящей человеческой плоти...»

Похожую картину описывает итальянский артиллерист, полковник Одеризио Писциселли-Таегги (Piscicelli-Taeggi):

Два танка столкнулись, их носовые части сцепились, они наполовину зависли в воздухе, словно дерущиеся львы. Оба они горели. Горит один танк, второй, третий, пулеметные очереди трещат, словно дрова в печке. В нескольких футах, рядом, стоит танк, у которого сорвало башню, и она лежит на боку, словно отрезанная верхушка апельсина. Из корпуса танка валит дым. С наступлением сумерек огни стали видны повсюду. Время от времени гремели взрывы, и вверх поднимались языки пламени...

В боях 21-22 ноября бригадир Кэмпбелл, командир Группы Поддержки, был в самой гуще событий: он вел танки в контратаки в открытой автомашине, размахивая своим голубым шарфом, поднимался в воздух на сильно устаревшем самолете, выполняя роль воздушного корректировщика для артиллеристов. За два часа до затишья 22-го он был ранен и привезен в штаб на броне танка. За проявленный в этих боях героизм Кэмпбелл был награжден Крестом Виктории. Через несколько месяцев, уже командуя 7-й Дивизией, этот храбрый человек погибнет в автокатастрофе...

Ночная победа немецких танкистов

Хотя ситуация складывалась для британцев неблагоприятно, худшее было впереди. 15-я Танковая Дивизия немцев, находившаяся в ожидании восточнее поля боя, получила приказ осуществить обходной маневр, чтобы включиться в сражение с юго-запада, но, в ходе его осуществления, услышав призыв из 21-й Дивизии о помощи, 15-я резко повернула в направлении поля боя. На марше она столкнулась с танками 4-й Танковой Бригады британцев, готовившихся расположиться лагерем для ночного отдыха. Для обеих сторон происшедшее было неожиданностью, но немцы быстро пришли в себя, и их танки и пехота при свете выпущенных в небо ракет пошли в атаку. Они захватили много танков, бронемашин, артиллерийских орудий противника и большое число военнопленных. Таким образом, 4-я Бригада прекратила свое существование как боевая часть...

На других участках сектора боев 13-го Корпуса дела шли для британцев неплохо. 7-я Индийская Пехотная Бригада заняла большую часть Сиди Омара в результате превосходно проведенной атаки, в которой, однако, британские танкисты еще раз понесли тяжелые потери. Новозеландская Дивизия захватила Форт Капуццо, отрезала Бардию от источников водоснабжения и заблокировала дорогу на Тобрук. Даже ближе к полуночи

штабы 8-й Армии, 30-го Корпуса и 7-й Танковой Дивизии еще не знали о тяжелейших потерях, понесенных танковыми частями. Рапорта об этом не поступали, и генерал Каннингэм продолжал действовать в соответствии со своим планом по снятию осады с Тобрука. Он приказал 13-му Корпусу наступать в сторону Тобрука, одновременно с этим удерживая оборонительные позиции на египетско-ливийской границе. Роль 30-го Корпуса оставалась прежней – возобновление усилий по уничтожению бронетехники противника и поддержка новозеландцев, если их атакуют вражеские танки.

Некоторое представление об оптимистическом характере сообщений, поступающих к Окинлеку, можно составить из его телеграмм, направляемых Черчиллю: «Перспективы достижения наших немедленных целей, а именно, разгрома германских танковых сил, выглядят хорошо.» Однако Роммель, напротив, считал, что достижимым является уничтожение танковых сил британцев. Он приказал генералу Крювелю на следующее утро атаковать британцев в направлении перекрестка Бир эль Губи, пока итальянская дивизия Ariete будет наступать на север. Крювель, который к тому времени проявил себя умелым командующим, внес изменения в свой план действий, послав все свои танки в юго-восточном направлении, чтобы далее нанести удар на северо-запад и оттеснить противника к позициям *Африканского Корпуса*, расположенным севернее, таким образом, стиснув его «между молотом и наковальней.»

Утром 23 ноября в передовом штабе 8-й Армии, наконец, поняли, что все идет далеко не так хорошо для британских танкистов. О 7-й Бригаде ничего не было известно, тогда как выяснилось, что 4-я и 22-я могут вместе выставить не более 50 боеготовых машин (из них 43 – последняя). В это утро, находясь с визитом в штабе 13-го Корпуса Каннингэм, принял решение назначить генерала Годвина-Остена командующим пехотными частями, готовящимися к прорыву в Тобрук 24 ноября, включая 70-ю Дивизию, прорывающуюся из укрепрайона.

Тем временем Крювель энергично продолжал организацию дальнейших действий *Африканского Корпуса* несмотря на то, что утром его оперативный штаб был неожиданно захвачен новозеландцами из их 4-й Бригады. Для немцев 23 ноября было Днем Поминовения Павших в ПМВ – Totensonntag. В 7 утра, сквозь густую дымку, 15-я Танковая Дивизия немцев была уже на марше, намереваясь соединиться с дивизией Ariete. Неожиданно она натолкнулась на части британской Группы Поддержки и транспортную колонну 5-й Южноафриканской Бригады, и начался бой в обстановке сумятицы и путаницы. Около полудня 5-й Танковый Полк 21-й Дивизии немцев прибыл к месту столкновения, и около 15.00 на южноафриканцев обрушилась танковая атака.

Рассказывает Хайнц Шмидт (Heinz Schmidt, уроженец Южной Африки), адъютант Роммеля, принявший участие в атаке в составе 115-го Пехотного Полка:

Мы ринулись вперед ... Я оглянулся: за мной веером развернулись машины: удивительный набор самых разных типов – они были раскиданы повсюду, куда только доставал взор. Там были бронетранспортеры, автомашины, тягачи, которые тащили за собой пушки, тяжелые грузовики с пехотой и моторизованные зенитные батареи. Мы с ревом двигались в направлении вражеской «баррикады»... Мы рвались вперед в этой самоубийственной атаке...

Мы почти дошли до заслона из противотанковых пушек и танков. По спине у меня стекал холодный пот. Я увидел небольшие круглые отверстия на лобовом стекле моей машины... Пулеметы! Мой водитель сгнулся все ниже и ниже к рулю. Машина майора вильнула и встала на бок. Я остался один в этом огненном аду. Впереди я видел только стреляющие дула пушек.

... И тут огонь прекратился. Какое-то время я лежал без движения, не скажу, как долго. Затем я осторожно двинул одну ногу, потом другую. Позвоночник, копчик, бедренные кости были целы. Пострадал я только из-за унижающей достоинство раны в мягкое место... Что теперь? Будет противник наступать и найдет ли меня? Я не мог отделаться от мысли об австралийских штыках. Но были ли эти люди впереди нас австралийцами? Англичанами? Южноафриканцами? Новозеландцами? Почему наши части не продолжают атаковать? Где

наши танкеры? Они ответили на мой вопрос: снаряды начали свистеть над головами, прилетая из тыла. Наш огонь сильно перевешивал ответный. Лязг и рев танкеров становился все громче и приближался. Когда этот рев стал совсем близок, я поднялся на ноги...

Британские танки загорались и умолкали. Другие останавливались и торопливо катились назад, наши танкеры преследовали их. В некоторые из них попадали снаряды южноафриканских пушек, но не наносили серьезных повреждений: они царапали броню или отскакивали в сторону. Казалось, многие из южноафриканских пушек все еще не были готовы к бою. Они не были вкопаны в землю, некоторые еще не были отцеплены от буксировавших их машин... они выглядели бы более грозно, если стояли бы на позиции, готовые встретить нашу атаку... Позиции южноафриканцев были в полном беспорядке. Наши танки и пехота уже смяли их, вскоре штаб бригады был захвачен и бригадир взят в плен... Среди обломков, горящих танков и грузовиков, умолкших пушек стали выходить солдаты противника с поднятыми руками. Другие осыпали проклятиями кучи снарядных гильз, израсходовав боеприпасы. Санитары взялись за раненых...

Южноафриканцы отчаянно сражались, было много проявлений храбрости и стойкости. Оставшиеся в строю танки 22-й Бригады сделали все, что могли, но это мало помогло. Ко времени наступления темноты 5-я Южноафриканская Бригада перестала существовать, потеряв 2/3 из своих 5 800 солдат и офицеров убитыми, ранеными и попавшими в плен и всю технику. Немногие уцелевшие британские танки отступили на юг. Это был черный день для 30-го Корпуса. В результате двухдневных боев 7-я Дивизия располагала теперь не более чем 70 танками. Правда, хотя успех был за немцами, они также понесли очень тяжелые потери: кроме большого количества обстрелянных и опытных солдат и офицеров (двух командиров батальонов и пятерых из шести командиров рот), они потеряли около 60-70 танков, большое количество прочих машин и сопровождающей танки пехоты. При этом эвакуировать и отремонтировать поврежденные машины у наступающих немцев просто не было возможности. Не было у немцев и резервов бронетехники, тогда как британцы могли восполнить понесенные потери достаточно оперативно. Так после боев 22-23 ноября 21-я Дивизия потеряла полностью уничтоженными и/или оставленными на контролируемой противником территории 42 танка, в ремонте на срок до 48 часов было 50 танков, боеготовых – 32 танка (всего 124 машины.) Более того, из 32 боеготовых танков 5-й Танковый Полк мог бросить в бой только 18, так остальные 11 машин были легкобронированными Pz II, а еще три были командирскими с фальшивыми деревянными пушками. Во многом эта локальная победа *Оси* стала пирровой...

Американец Хэролд Дэнни (Harold Danny, 1889-1945), корреспондент газеты Times, также попал в плен вместе со многими южноафриканцами. В одном из писем, отправленных из концлагеря в США, он писал: «Южноафриканская Бригада (забыл ее номер, но бригадира звали Армстронг) сражалась с высочайшей храбростью и готовностью пожертвовать собой, но ее просто смяли. Пехота, само собой, беспомощна против танков в пустыне так же, как и отряд бойскаутов...»

Тем временем 13-й Корпус успешно наступал на восточном фланге довольно хаотичного фронта: Новозеландская Дивизия, захватив Соллумские казармы и часть уступа в районе Сиди Резега, была всего в 6 милях от важного аэродрома *Оси*.

В своем письме жене, написанном в этот день, Роммель отметил: «Сражение, кажется прошло через кульминационную точку. Со мной все прекрасно, я в шутилом настроении и полон уверенности. К настоящему моменту подбито две сотни вражеских танков. Наши фронты держатся.» У генерала Каннингэма, напротив, были основания для беспокойства из-за потерь в танках 22-го, а на следующий день его тревога усилилась. Казалось, он уже утратил свое преимущество в танках, с которым начинал наступление, и, если бы Роммелю удалось отрезать его силы к западу от границы, британцам было уже нечем остановить вторжение *Оси* в Египет... Каннингэму нужно было принимать кардинальное решение. Наступать дальше или выходить из боев? Такое решение мог принять только главнокомандующий британскими силами в Западной Пустыне, и он обратился к Окинлеку с просьбой прибыть в штаб 8-й Армии как можно быстрее.

События второй половины дня 23-го обозначили один из поворотных моментов в сражении. Когда Окинлек прибыл на место и услышал последние сведения о положении на фронте, он взял всю ответственность за происходящее на себя и принял немедленное решение продолжить наступление, не ослабляя усилий. Основываясь на этом, Каннингэм выпустил новые приказы, которые, в кратком изложении, звучали так:

30-й Корпус должен пройти реорганизацию и получить подкрепления, при этом прикрывая Новозеландскую Дивизию от танковых атак врага; начиная с полуночи, генерал Годвин-Остен принимает на себя ответственность за все операции против сил *Оси* в окрестностях Тобрука, и все войска к северу от линии, проходящей к востоку и западу от Сиди Азеиза, переходят под его командование вместе с 4-й Индийской Дивизией...

В тот же вечер Роммель также принимал решение, которое должно было определить еще один поворотный момент в сражении.

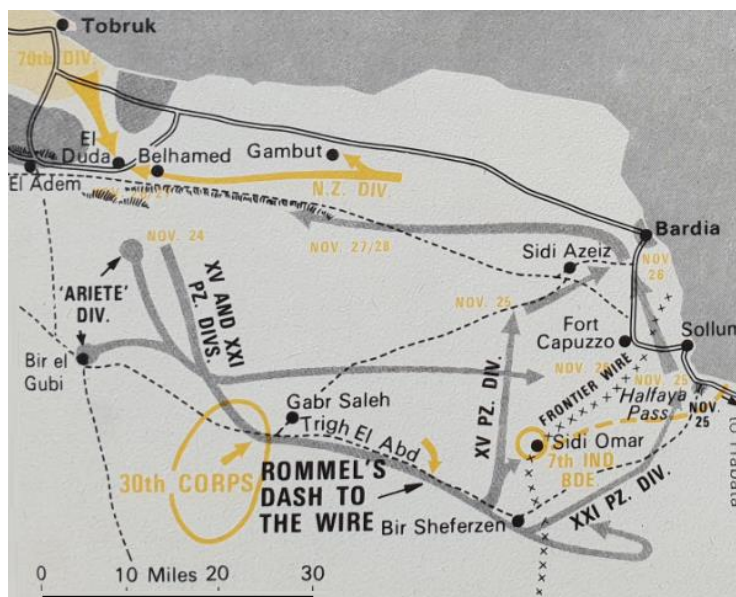
Бросок Роммеля к границе

Как писал после войны генерал [Фриц Байерляйн](#) (Fritz Bayerlein, начальник штаба *Африканского Корпуса*), Роммель и Крювель встретились на [полу]кольцевой дороге в районе Тобрука рано утром 24 ноября. Крювель доложил о сражении, произошедшем в районе Сиди Резега. С его точки зрения, хотя часть британских сил и сумела ускользнуть, большая их часть была разгромлена, в связи с чем он рекомендовал дать ему возможность продолжить операции до полного уничтожения бронетехники британцев. Достижение этой цели могло дать возможность навсегда устранить угрозу силам, осаждающим Тобрук и выиграть кампанию в целом. Роммель, однако, вынашивал свой дерзкий и совершенно новый план, и все то, что Крювель сказал ему, лишь усилило его убежденность в том, что он мыслит в верном направлении. С его точки зрения, 30-й Корпус был уничтожен, или, в любом случае, его можно было сбросить со счетов. Он полагал, что из-за срыва своих планов 8-я Армия оказалась в состоянии шока, неразберихи и неопределенности в решениях. Его собственные приграничные гарнизоны были в смертельной опасности и нуждались в помощи. Он разъяснил свои планы с нажимом, в своей решительной манере: «Основная часть сил [противника], нацеливавшихся на Тобрук, уничтожена; теперь мы поворачиваем на восток и идем разбираться с новозеландцами и индийцами, пока они не смогли объединиться с основными силами для комбинированной атаки на Тобрук. Одновременно с этим мы возьмем Хабату/Habata и Маддалену/Maddalena иотрежем их от источников снабжения. Скорость имеет жизненно важное значение: мы должны извлечь максимальную выгоду из шока, который вызовет у противника его поражение, и устремиться вперед сразу же и как можно быстрее к Сиди Омару.»

В полдень 24-го, кипяťясь от всевозможных задержек, Роммель оставил позади небольшие силы в качестве заслона, мешающего Новозеландской Дивизии соединиться с силами Тобрукского гарнизона, и лично повел 21-ю Дивизию в прорыв к ливийско-египетской границе. Марш проходил по дороге Trigh el Abd. Танкисты были утомлены к этому времени, техника потрепана, но марш к пункту Бир Шеферзен/Bir Sheferzen (также *Bir Shafarzan* – ВК), расположенному на границе, набирал темп. Ось наступления проходила неподалеку от различных штабных пунктов британцев, начиная с 30-го Корпуса, что вызвало нервозность у британцев: отовсюду понеслись тревожные рапорты о продвигающихся на восток колоннах противника. Роммель вышел к пограничному проволочному заграждению в нескольких милях к югу от Сиди Омара в 17.00. Здесь он отдал приказы на следующий день: 21-я Дивизия, после пересечения границы повернув на северо-запад в направлении Соллума, должна будет атаковать в западном направлении, тогда как 15-я Дивизия будет наступать в северном направлении параллельно границе. Итальянским дивизиям Ariete и Trieste предстояло наступать на восток в направлении Капуццо. Однако в эти инструкции пришлось вносить изменения из-за опозданий в продвижении дивизии Ariete: так теперь 15-я Дивизия должна была атаковать противника между Сиди Омаром и Сиди Азеизом.

Неразбериха была характерной чертой действий 8-й Армии британцев, но она расцвела пышным цветом и в действиях войск *Оси* из-за неуѐмности Роммеля и его отсутствия в штабе в критические моменты. В самом деле, ему просто повезло, что наступление не

сорвалось в самом начале, так как наиболее высокие чины *Африканского Корпуса* едва не попали в плен в ночь с 23 на 24 ноября. Сразу после отдачи приказов Роммель и его начальник штаба выехали на машине без сопровождения в расположение колонн 21-й Дивизии, чтобы направить ее в сторону прохода Халфайя/Halfaya. На пути назад машина сломалась. Только по счастливому стечению обстоятельств неподалеку проезжал генерал Крювель, который заметил своего командующего и нашел его стоявшим рядом с машиной, дрожащим от холода и подававшим сигнал проходящим машинам, чтобы его подхватили... В машину Крювеля (трофейный вездеход, прозванный Роммелем Мамонт/Mammoth), направлявшуюся в сторону границы, набились 10 офицеров, после чего заблудились в темноте. Выбрались они только с рассветом, проведя в пустыне очень беспокойную ночь посреди занятой врагом территории, по которой совсем близко от них разъезжали британские посыльные, танки и грузовики.

Боевые действия в ходе операции Crusader 24-28 ноября

Если психологический эффект от броска к границе был значительным, то в материальном плане он дал немцам немного. То заезжая за линии британцев, то выбираясь на свою территорию, Роммель сталкивался то с одной кризисной ситуацией, то с другой, так как все шло не по его плану. Например, потерпел неудачу 5-й Танковый Полк, который Роммель обособил от 21-й Дивизии для попытки отбить у врага Сиди Омар, частично занятый 22-го ноября индийцами. По иронии судьбы, Индийская Бригада в тот момент занимала превосходные оборонительные позиции за проволочными заграждениями и минными полями, в прошлом установленные и уложенные немцами и итальянцами. Первоначально атака 5-го Танкового Полка немцев была отбита проявившими исключительную стойкость людьми 1-го Полка Королевской Полевой Артиллерии/1st Field Regiment Royal Artillery и 4-го Батальона 11-го Сикхского Полка, занимавшими позиции на открытой местности к югу от Сиди Омара. Когда же немецкие танкисты снова попытались приблизиться к позициям британцев, их снова встретили залпы пушек среднего калибра. По воспоминаниям очевидцев, сцена боя немного напоминала спортивный матч, так как когда в один из танков попадал очередной снаряд, пехотинцы подбрасывали вверх свои каски с радостными криками. К вечеру 5-й Танковый Полк отступил, оставил на поле боя 18 подбитых машин, которые были после этого взорваны британскими саперами...

Всюду и везде войска *Оси* действовали с задержками и терпели неудачи. 15-я Дивизия задержалась из-за проблем со снабжением между Сиди Омаром и Сиди Азеизом. 21-я Дивизия, без своих танков, зависла в районе прохода Халфайя, тогда как Ariete задержалась, столкнувшись с 1-й Южноафриканской Бригадой вскоре после оставления пункта Бир эль Губи. Рейд на железнодорожный тупик в пункте Мис Хейфа немцами так и не был осуществлен из-за сильных атак Королевских ВВС, сыгравших большую роль в остановке продвижения противника к востоку от границы.

Хорошие новости для британского командования пришли от новозеландцев: они заняли важный городок Гамбут/Gambut, чем лишили немцев аэродрома для их истребителей. Теперь под атакой новозеландцев был пункт Бельхамед/Belhamed, расположенный на восточной окраине Тобрукского полукольца. Далеко на юге, боевая группа Oasis заняла пункты Ауджила/Aujila и Джало 22 и 24 ноября соответственно, но отсутствие горючего и атаки немецкой авиации остановили дальнейшее продвижение на восток. Но самым важным было то, что 30-й Корпус сумел вывезти с полей недавних боев подбитые танки и быстро отремонтировать их – всего в строй снова были введены не менее 70 машин, для которых нашлись экипажи...

Генерал Ритчи вступает в должность

Решение о продолжении наступления было не единственным из тех трудных и важных вердиктов, которые пришлось выносить Окинлеку. Было еще одно решение, принятие которого было ему наиболее неприятным, – снятие генерала Каннингэма с должности командующего 8-й Армией. Окинлек пришел к заключению, что Каннингэм больше думает об обороне, чем о наступлении, в связи с чем больше не был уверен в своем подчиненном. Окинлеку теперь был нужен кто-то, кто рассуждал так же, как и он, и кто был знаком с положением дел на фронте. Оба корпусных командира, особенно Годвин-Остен, были плотно заняты руководством своими войсками, и отвлечение одного из них с перемещением на новую должность могло негативно сказаться на ходе операции. Так Окинлек выбрал заместителя начальника своего штаба генерала Ритчи (Neil Ritchie), который занял новую позицию 26 ноября. Это был храбрый офицер, награжденный за заслуги на фронтах ПМВ Орденом за Отличие в Службе и Военным Крестом, хороший штабной работник, не имевший, однако, опыта командования крупными войсковыми соединениями.

К вечеру 26-го новозеландцы заняли пункты Бельхамед и Сиди Резег, а части 70-й Дивизии заняли после ожесточенного боя, в котором понесли очень тяжелые потери, пункт Эль Дуда. В этом пункте наступающие части Тобрукского гарнизона и 8-й Армии, наконец, соединились. Новозеландцы, у которых оставалось совсем мало боеприпасов, провианта, воды и горючего, были, тем не менее, в опасности: Роммель, который понял, что его вылазки к границе не поколебали решимости британцев снять осаду с Тобрука, к утру 28-го развернул обе свои танковые дивизии и Ariete, начавшие марш на запад вдоль дороги Trigh Capuzzo и параллельно ей к югу. Во время марша командир 21-й Дивизии генерал фон Равенштайн (Johann von Ravenstein) заехал прямо в расположение штаба 21-го Полка новозеландцев, где и был взят в плен. 7-я Танковая Бригада британцев без своей 7-й Бригады, которая была на пути в Египет, попыталась сбить немцев с правильного направления и предприняла беспокоящие атаки на их левый флаг. Королевские ВВС не сумели нанести ущерба колоннам немцев из-за нелетной погоды.

В ночь с 28 на 29 ноября штаб 13-го Корпуса британцев переместился внутрь Тобрукского укрепрайона, и генерал Годвин-Остен несколько преждевременно передал в штаб 8-й армии следующее сообщение: «Тобрук так же свободен, как и я!» Однако ожесточенные бои в районе Эль Дуды, Сиди Резега и Бельхамеда не утихали вплоть до 1 декабря. Новозеландская Дивизия теперь была представлена двумя сильно потрепанными бригадами: третья вернулась в район Соллума, где стойко отражала попытки генерала Крювеля выбить британцев с важного плацдарма к югу от Тобрука. К 1 декабря потери, понесенные 4-й и 6-й бригадами новозеландцев были уже столь тяжелыми, что генерал Фрейберг пришел к выводу о целесообразности отвода своих частей для перегруппировки. Этот маневр был успешно осуществлен, при этом некоторые подразделения отступили непосредственно в Тобрук. Тобрукский укрепрайон снова огорождался полукольцом и оказался в изоляции с суши, что, однако, стоило немцам больших потерь. Несмотря на этот шаг назад, Ритчи был полон решимости продолжать оказывать давление на явно уставших немцев. После необходимой перегруппировки он планировал атаковать пункт Эль Адем/El Adem – еще один важный пункт на перекрестке транспортных путей немцев южнее Тобрукского полукольца.

Приказ об атаке получил 30-й Корпус, осуществить ее должны были 7-я Танковая Дивизия, 1-я Южноафриканская Бригада, 22-я Гвардейская Бригада и 4-я Индийская Дивизия (после того, как ее сменил резервная 2-я Южноафриканская Дивизия). Положение в самом Тобруке настраивало на позитивный лад, и генерал Годвин-Остен сообщил, что его войска могут не только держать оборону, но и в состоянии атаковать. В Египет прибывали все новые подкрепления, в числе которых была 1-я Танковая Дивизия, которая приступила к боевой подготовке неподалеку от границы.

Перед наступлением на Эль Адем было важно захватить сильные немецкие позиции в 6 милях к северу от Бир эль Губи, в связи с чем 11-я Индийская Бригада атаковала их 3 декабря при поддержке небольшого количества танков и артиллерии. Операция не достигла успеха, индийцы понесли тяжелые потери...

На рассвете 29 ноября 2-й батальон 13-го Полка австралийцев начала продвижение в направлении высот Эль Дуда, при этом выяснилось, что британский 1-й Батальон Эссекского Полка были сбит с высот немецкими танками. В ночь с 29-го на 30-е австралийцы при поддержке танков и артиллерии атаковали немецкие позиции на гряде Эль Дуда и захватили их, взяв 167 пленных. Рядовой Макфейден (McFayeden) вспоминал: «[Пулеметные] очереди, посланные Джерри, хлестали по бокам наших танков, отлетая во все стороны, и в наших делах началась некоторая сумятица. Я помню, как пули свистели и летели мимо, слышал, как ребята смеются на ними после того, как нас обстреляла артиллерия в тот день. Автоматы и Брены были пущены в ход справа от меня. Мы запрыгнули в траншею, забитую людьми.» Здесь австралийцы встретили новозеландцев ко всеобщей радости, после чего атака продолжилась (новозеландцы, вероятно, застряли там в ходе предшествующих боестолкновений – ВК). Вскоре сквозь грохот выстрелов и разрывов донеслись голоса сдающихся немцев: «Kamerad! Mercy!» Немцы контратаковали еще два дня и две ночи, пытаясь вернуть Эль Дуду, но австралийцы не отступили.

Роммель, как всегда полный энергии, все еще обдумывал возможность наступать. Его сильно беспокоило тяжелое положение немецких частей, занимавших оборонительные позиции в районе границы, он также был в курсе концентрации сил британцев в районе Бир эль Губи. Однако на основе полученной им информации он расценивал как небольшую вероятность атаки британцев с этого направления до 3 декабря. Таким образом, оставив основную часть своей бронетехники и мобильных войск к юго-востоку от Тобрука, где они занимали удобные позиции для отражения атаки со стороны Бир эль Губи или для марша на восток, он выделил две войсковые колонны для зачистки транспортных путей, ведущих к изолированным приграничным гарнизонам. Обе колонны были замечены британской воздушной разведкой: северная колонна попала в засаду и была разгромлена 5-й Бригадой новозеландцев, южную колонну рассеяла 4-я Индийская Дивизия.

4 декабря еще одна попытка немцев отбить Эль Дуду провалилась, и Роммель, теперь опасавшийся, что его фланги окажутся под угрозой ударов 30-го Корпуса, решил, что его следующим шагом станет разгром сил британцев в окрестностях Бир эль Губи. Он наметил эту операцию на 5 декабря, запланировав атаку силами своих обеих танковых дивизий и итальянских Ariete и Trieste, хотя это означало ослабление группировки, занимающей позицию на Тобрукском «фронте». К этому моменту он отдал приказ остановить атаки на восточный фланг полукольца, и занимавшие здесь позиции части начали отход в ночь с 4-го на 5-е. Вечером следующего дня, 5-го, гряда, расположенная севернее аэродрома в районе Бир эль Губи, стал ареной перемещений войск *Оси*, хорошо просматривающейся с британских позиций, расположенных южнее аэродрома: большая масса машин всех типов заняла позиции на высотах, по-видимому, готовясь к атаке. Но снова, частично из-за того, что Ariete так и не подошла к этому рубежу и того, что командир 15-й Танковой Дивизии, генерал Нойманн-Зилков, был смертельно ранен (9 декабря он умер в госпитале), атака так и не состоялась. Итальянцы не в первый и в последний раз так и не сумели прибыть со своей бронетехникой на стартовый рубеж для атаки, и операцию пришлось отменить...

Утром 6-го, на основе результатов наблюдений генерала Крювеля за сложившейся ситуацией и, понимая, что запасы горючего быстро иссякают, Роммель без промедлений принял решение отступать, так это было его единственным шансом уйти без огромных

потерь. 7 декабря, после трех недель ожесточенных боев, немцы и итальянцы были вынуждены снять осаду с Тобрука, длившуюся 8 месяцев. По стечению обстоятельств, практически одновременно с этим перешла в наступление под Москвой Советская Армия, а на Тихом океане открылся новый театр боевых действий – японцы атаковали Пёрл-Харбор и высадились на Малайском полуострове.

Роммель намеревался отступить к Линии Газала, где находились позиции, подготовленные им заблаговременно. Отход войск *Оси* был осуществлен столь мастерски, что преследующий их 30-й Корпус не смог помешать им. Немецкие войска все еще сохраняли высокий уровень боеспособности, но у Роммеля были проблемы с командованием итальянцев, которое не хотело снимать осаду с Тобрука и отступать к Газале, а в перспективе – терять Киренаику. Однако несмотря на протесты итальянцев и, будучи уверенным в своей правоте, Роммель предпринимал все возможные меры к тому, что уберечь свою армию от катастрофы...

Отступление войск *Оси*

9 декабря генерал Ритчи провел реорганизацию своих войск, поручив генералу Годвину-Остену руководство всеми последующими операциями по освобождению Киренаики, в то время как 30-му Корпусу предстояло заняться зачисткой приграничной полосы от гарнизонов *Оси*.

Генералу Годвин-Остену казалось, что на Линии Газала у него есть хорошая возможность осуществить решающие атаки до того, как Роммель отступит дальше на запад. Занимая позиции на побережье напротив Газалы, Годвин-Остен запланировал атаку силами находившейся в центре Польской Бригады в северо-западном направлении, а южнее – атаку силами 4-й Индийской Дивизии в западном направлении, в то время как Группа Поддержки будет сдерживать противника на левом фланге. Он рассчитал, что количество танков у *Оси* равно примерно 50, и, если они будут уничтожены, сопротивление врага будет сломлено. Для этой цели 4-я Танковая Бригада, имеющаяся под рукой 90 машин, должна будет осуществить широкий обходной маневр на южном фланге Роммеля и выйти ему в тыл.

15 декабря атака началась. На правом фланге и в центре был достигнут некоторый успех, но 4-я Индийская Дивизия была остановлена решительной контратакой вражеской бронетехники. 4-я Танковая Бригада, которая должна была пройти 70 миль, вышла на труднопроходимую местность: расход топлива увеличился настолько сильно, что его запасы упали до опасно низкого уровня к моменту достижения заданного рубежа. Даже на следующий день, после дозаправки, бригада не имела возможности внести ощутимый вклад в ход боев, хотя и демонстрировала угрозу позициям *Оси*.

Теоретически Королевские ВВС могли существенно осложнить жизнь силам *Оси*, но, по ряду причин, в том числе из-за нелетной погоды и трудностей в идентификации целей из-за постоянного перемещения британских войск, авиацию наступающие вызывали очень редко.

Докладывая положение дел в этот день Верховному Командованию, Роммель писал: «После четырех недель непрерывных и сопряженных с большими потерями боев, боеспособность войск – несмотря на отдельные выдающиеся достижения – показывает признаки падения, тем более что подвоз оружия и боеприпасов полностью прекратился.» Он продолжил, отметив, что отступление в ночь с 16 на 17 декабря будет иметь важнейшее значение, если его армия хочет избежать обходов с флангов и разгрома. В ту ночь несмотря на ожесточенные протесты итальянцев началось отступление в направлении Аджедабии/Agedabia и Эль Агейлы/El Agheila: все мобильные части по местности южнее возвышенности Джебель Акдар/Jebel Akhdar, пешие – по дорогам, проходящим по ней.

До 6 января 1942 года продолжались попытки 13-го Корпуса отрезать Роммелю пути к отступлению и ответные выпады немцев. Контратаки немцев были довольно успешными, и в этот день Роммель сумел сконцентрировать свои силы на сильных позициях между

Мерса Брегой/Mersa Brega и Алам эль Мгаадом/Alam el Mgaad. Активная фаза операции Crusader завершилась.

Последние аккорды

Роммель отступал все дальше на запад и все больше приближался к источникам снабжения своих войск. 19 декабря в Бенгази с транспортного судна были выгружены 22 танка для 15-й Дивизии немцев – первая партия бронетехники с момента начала операции Crusader. Одновременно с эти еще 23 танка были выгружены в Триполи. Накануне Рождества, когда британцы приблизились к Бенгази, портовые сооружения, взорванные немецкими саперами, уже лежали в руинах, что откладывало использование этого пункта для снабжения войск на неопределенный срок. Один из военнослужащих 5-го Танкового Полка немцев так вспоминал события 20 декабря, предшествовавшие уничтожению портовых сооружений, и бегство из Бенгази:

До нас дошло радиосообщение о том, что склады в Бенгази открыты для всех. Машины из всех частей, столько, сколько отпустили командиры, тронулись в путь. Их загружали чем придется до краев: мясные, рыбные, фруктовые и овощные консервы, масло, шоколад и сигареты, мешки с сахаром и вермишелью. Множество итальянцев и арабов тоже устремилось к складам... Разграбление началось. Многие тащили столько, что почти падали под тяжестью груза, часть которого выбрасывали уже через несколько сотен метров...

На шоссе царил неразбериха. Итальянские грузовики и бронемашины, с которых свисали солдаты, проталкивали себе путь между машинами с гражданскими итальянцами, загруженными кучами домашнего скарба. Почему поселенцы бежали, было непонятно. Британские гарнизоны уже побывали здесь и не причинили им никакого вреда... особенной опасности они подвергались во время атак с воздуха. Солдаты быстро научились находить себе укрытия, но что было делать матерям с маленькими детьми? Летчик, атаковавший колонну, вероятно, не имел возможности найти различия между военными машинами и гражданскими...

Тем временем боевая группа Oasis, наступая на север от Джало в направлении Аджедабии, приближалась к городу Беда Фомм, где в недавнем прошлом [британцам удалось перехватить и разгромить отступающие из Восточной Ливии итальянские войска](#). Немцы не дали истории разгрома повториться. Здесь 23 декабря британцев атаковали получившие подкрепления части 15-й Дивизии, успешно отбросившие противника. 27 декабря 22-я Танковая Бригада британцев попыталась обойти с юга скопление бронетанковых сил генерала Крювеля в районе Аджедабии, но немцы и здесь ответили сильным контрударом 60 танков, окружили британцев и уничтожили 37 машин противника, потеряв всего 7. Через три дня история повторилась: еще один танковый бой окончился со счетом 37:7 в пользу немцев, и 22-я Танковая Бригада полностью утратила значимость как боевая часть. Эта серия, на первый взгляд, локальных столкновений, дала британцам понять, что им есть, о чем беспокоиться...

С окончанием активной фазы боев Роммель мог приступить к восстановлению боеспособности своих войск. Ему так и не удалось прийти на выручку своим изолированным немецко-итальянским гарнизонам в проходе Халфайя (4 200 итальянцев и 2 100 немцев) и в городе Бардия (6 600 итальянцев и 2 200 немцев). 31 декабря, при поддержке группы средних бомбардировщиков и корабельной артиллерии (крейсер Ajax и канонерка Aphis, 2-я и 3-я южноафриканские бригады и бригада танков атаковали Бардию с северо-запада. Атака началась ночью, так как британские танкисты 1-й Бригады из своего опыта знали, что прорыв в темное время суток более практичен. Им удалось пробить брешь в обороне Оси, но сильная контратака противника почти полностью устранила клин, вбитый в его позиции. Бригадир Уоткинс (H. R. B. Watkins) снова решил подождать до темноты и не ошибся: атака танков и пехоты при свете ракет и осветительных бомб принесла успех. 2 января 1942 года на британские позиции прибыли парламентарии, после чего была принята капитуляция солдат и офицеров гарнизона. Атакующие потеряли около

450 человек убитыми и ранеными. 12 января южноафриканцы заняли Соллум, а 17-го обессиленные, лишенные воды и провианта остатки сил, оборонявших проход Халфайя, запросили условия капитуляции.

Потери и итоги

Это было необычное сражение: бои шли на множестве – до пяти – участков, где противоборствующие стороны перемешались друг с другом при полном отсутствии четкой линии фронта. Адъютант Роммеля Шмидт записал следующие слова своего командующего, сказанные его офицерам: «Господа, борьбу в пустыне лучше всего сравнивать с войной на море. Тот, у кого оружие имеет большую дальность действия, выигрывает так же, как и на море. Тот, у кого более высокий уровень мобильности благодаря моторизации и эффективно работающим линиям снабжения, может за счет стремительных маневров подчинить противника своей воле.» Сходство с войной на море наблюдалось и в том, что при нехватке горючего, питьевой воды и боеприпасов их было просто негде взять, и отделившиеся от своих баз снабжения войска *Оси* страдали от этого в максимальной степени. В августе 1941 года Королевские ВМФ и ВВС не пропустили в Африку 37% отправленных Роммелю грузов, в октябре – 63%. Эти потери сыграли важнейшую роль в хронической недостаточности снабжения ведущих ожесточенные бои войск *Оси*.

Однако эта кампания вместо ожидаемого быстрого и решительного разгрома войск *Оси* превратилась для британцев в затяжную и тяжелую серию боев, которые обошлись обеим сторонам настолько дорого, что они оказались на грани истощения с точки зрения боеспособности войск и возможности управлять ими. Обеим сторонам был нужен отдых перед следующим раундом... Потери сторон были таковы: в живой силе – убитыми, ранеными и пропавшими без вести – Ось потеряла 38 000 человек по сравнению с 18 000 у британцев. Наиболее тяжелые потери пришлось на Новозеландскую Дивизию: 879 убитыми, 1 699 ранеными, 2 042 – пропавшими без вести (в основном, попавшими в плен.)

	Убитые	Раненые	Пропавшие без вести	ВСЕГО
Британцы	2,900	7,300	7,500	17,700
Немцы	1,200	3,300	10,100	14,600
Итальянцы	1,100	2,800	19,800	23,700
Всего по Оси	2,300	6,100	29,900	38,300

Наиболее распространенная детальная таблица потерь сторон в ходе операции *Crusader*

Что касается танков, то их потери было трудно оценить с какой-либо точностью, поскольку подбитые в боях машины часто эвакуировались с поля боя, проходили ремонт и возвращались в строй. Вероятно, Ось безвозвратно потеряла около 300 машин, британцы – 278. До операции *Crusader* британцы ни разу не получали поддержку с воздуха в таком количестве, и она могла быть еще более существенной, если бы не частая нелетная погода и слишком тесное соприкосновение противоборствующих сторон на местности. Совершая в период кампании в среднем 190 вылетов в день, британская авиация потеряла около 300 машин, тогда как авиация *Оси* потеряла, вероятно, несколько больше.

Определенно, в ходе кампании стали очевидными недостатки британкой техники. Оставались проблемами техническая ненадежность танков и слабость их 2-хфунтовых пушек. 2-хфунтовые пушки противотанковой артиллерии также не дотягивали до требований, которые выдвигал бой, и против танков противника часто приходилось использовать полевую артиллерию. Однако несмотря на эти проблемы солдаты и офицеры 8-й Армии сражались столь превосходно, что заслужили самую высокую похвалу своего главного врага – Эрвина Роммеля. Накал боев и проявленный британцами героизм были так высоки, что один раз всего за три дня, в ходе боев под Тобруком и у Сиди Резега, не менее четверых британцев были представлены к Кресту Виктории... Окинлек,

безусловно, проявил выдающиеся лидерские качества, но достигнутая победа не была решающей: силы *Оси* не были разгромлены.

1941-й год, в целом, оказался успешным для британцев: в [Восточной Африке](#) и [Ливии](#) были разгромлены большие силы итальянцев, после своего 1-го наступления Роммель был выбит из Восточной Ливии, однако его [2-е наступление](#) было не за горами. Решающие сражения были впереди.

МАЛЬТА В БЛОКАДЕ - 1941

10 января весь Средиземноморский флот британцев был в море, чтобы взять на себя прикрытие конвоя, идущего из Гибралтара (операция *Excess*). *Боевая Группа Н* приняла на себя обязанности по эскорту конвоя вплоть до Сицилийского пролива, где итальянские самолеты отбомбились по нему, не добившись попаданий и потеряв 2 машины от огня истребителей *Фулмар/Fulmar* с авианосца *Ark Royal*.

Когда конвой приближался к Мальте, корабли адмирала Каннингэма – линкоры *Warspite* и *Valiant*, авианосец *Illustrious* и другие корабли - сменили корабли эскорта. Около 13.00 в небе появились немецкие самолеты. Это были пикирующие бомбардировщики *Ju-87* (*Штука/Stuka*), за которыми последовали бомбардировщики *Ju-88*. С палубы авианосца *Illustrious* поднялись дополнительные истребители, чтобы усилить воздушное прикрытие, но им было необходимо время, чтобы набрать высоту. *Штуки* атаковали первыми, сконцентрировавшись на авианосце. Им удалось добиться пяти попаданий в *Illustrious* и одного близкого разрыва, который вывел из строя его рули.

Механик Элберт Джоунс (Albert Jones) вспоминал: «Когда немцы начали попадать в нас, события стали происходить с невероятной скоростью и перешли почти в хаос. Воздух наполнила ужасающая какофония грохота следовавших один за другим взрывов и пушечной стрельбы... Неожиданно прогремел страшный взрыв, и корабль содрогнулся от носа до кормы, словно какая-то неизвестная сила ударила по нам колоссальным молотом.»

К 13.30 *Illustrious* получил тяжелейшие повреждения. Бомбы разрушили взлетную палубу, уничтожили 9 самолетов, вывели из строя половину его орудий и подожгли корабль на всю длину корпуса. Три часа экипаж боролся за восстановление контроля над кораблем, так как механизмы управления были выведены из строя, и корабль начал делать круги. В итоге, морякам это удалось, используя для маневрирования машины. С большим трудом британцам удалось довести авианосец до гавани Мальты и поставить на прикол в док Парлаторио/Parlatorio. 12 истребителям *Фулмар* с этого авианосца пришлось лететь на Мальту для дозаправки и получения боеприпасов, после чего они снова были в воздухе, прикрывая корабль...

10-11 января были тяжело повреждены крейсер *Gloucester*, подорвавшийся на mine, и, в результате ударов с воздуха, - эсминец *Gallant* и крейсер *Southampton*, который британцы были вынуждены затопить. 12 января базирующаяся на Мальте авиация нанесла ответный удар: *Веллингтоны* бомбили аэродромы в районе города Катания/Catania на Сицилии, уничтожив на земле около 30 самолетов противника...

16 января 10-й Авиационный Корпус немцев начал свои атаки на гавани Мальты и на *Illustrious*, в то время как экипаж и портовые рабочие боролись за возвращение авианосцу мореходности. Были новые попадания, но повреждения были минимальны. Этого нельзя было сказать об окрестностях дока, в котором он находился. Житель мальты Джозеф Каруана (Joseph Caruana) наблюдал с берега за воздушными атаками на авианосец:

Авианосец находился на противоположном от фортгов Сенглеа/Senglea берегу [узкого] залива (такие заливы на Мальте называют сгеек – ручей – ВК), и мой пригород был совсем рядом с участком, который атаковали [бомбардировщики]. Шум и хаос были за пределами воображения, и в моей памяти сохранился только калейдоскоп ужасов. Вой сирен пикирующих Штук, громкая, непрерывная стрельба зениток, наводящее страх содрогание земли под ногами и домов после каждого взрыва... Я помню, что после налета люди были ослеплены и ошеломлены степенью разрушений, в то время как другие в невероятной спешке старались спасти тех, кто оказался погребенным под развалинами. Часть города, примыкающая к доку, в котором находился Illustrious, была превращена в ковер из щебня. Авианосец был все еще на плаву и, по всей видимости, избежал повреждений.

Кэтлин Норман (Kathleen Norman), жена военного моряка, так вспоминала то, что происходило на борту авианосца и рядом с ним:

Каждый день, когда мы проходили через ворота, мы видели новые сцены разрушений. Мастерские превращались в кучи щебня и стекла. Металлические конструкции были скручены и разорваны... Моряки потеряли большую часть своих личных вещей. Они были одеты в старые комбинезоны [корабельных] механиков, в серые фланелевые брюки и свитера – всякие ношенные вещи, которые им удавалось найти в руинах кают. Корабельный доктор сделал все, что от него зависело. Он был бледен, на его лице было самое печальное выражение...

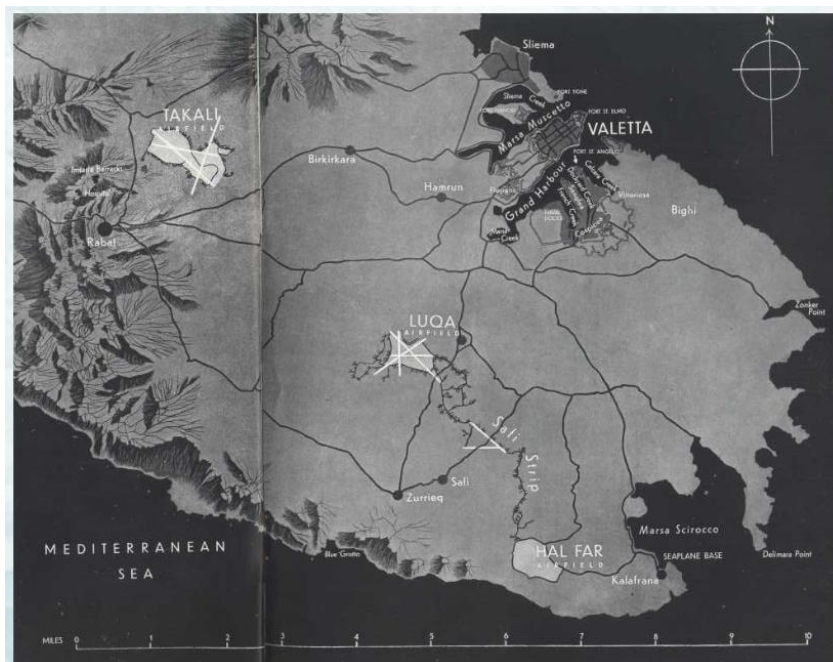
Кэтлин Норман побывала на борту поврежденного авианосца:

Это было впервые со мной, когда я побывала на борту пострадавшего корабля. Когда я увидела разбитые палубы авианосца, этот жестокий разрыв, который врезался вглубь его корпуса, это маленький лазарет, стены которого увидели столько ужасов, я почувствовала, что вот-вот заплачу, заговорив с уставшими моряками...

Но и немцы несли потери в атаках на авианосец. Не менее 5 самолетов врага было сбито зенитчиками, еще столько же – немногочисленными истребителями. Вспоминает офицер-зенитчик:

Я был с расчетом легкой зенитной пушки в районе гавани и хорошо видел немецкий бомбардировщик, пикирующий сквозь стену стали и огня. За ним следовал Фулмар. Противник сбросил бомбу и попытался уйти через вход в бухту в нескольких дюймах над водой. Он летел так низко, что ему пришлось слегка набрать высоту, чтобы пролететь над волноломом, который имел в высоту всего 15 футов. Очевидно было, что он еле ковыляет, и, когда он немного поднялся, летчик Фулмара сбил его. Он упал в воду по ту сторону волнолома. Летчик Фулмара приземлился на своем аэродроме, и позднее я получил сообщение от него о том, что он и не думал об огне с земли! Так или иначе, на том самолете он уже больше не летал, настолько сильно он был поврежден...

Через три дня воздушные атаки возобновились – остров атаковали большие группы Штук и истребителей противника. Они сконцентрировали свои усилия на аэродромах в районах Hal Far/Хал Фар и Лука, 6 британских самолетов были уничтожены на земле, многие были повреждены.

Расположение аэродромов Королевских ВВС на Мальте

Британцы рассчитывали, что *Illustrious* выйдет в море 20 января, но в результате интенсивных атак с воздуха и близких взрывов 19 числа авианосцу вновь был нанесен ущерб: отмечались вмятины бортов, повреждения котельной установки, фундаментов турбин и скулового киля, что потребовало дополнительных ремонтных работ. Вице-адмирал Уилбрахам Форд (Wilbraham Ford), командующий военно-морской базой Мальты, счел возможным объявить авианосец готовым к выходу в море вечером 23 января. В вечерних сумерках этого дня *Illustrious* вышел из гавани незаметно для противника. Отряд крейсеров и эсминцев был сформирован в заливе Суда (Suda Bay, Остров Крит) для эскортирования авианосца, однако он шел со скоростью 24 узла, и корабли эскорта разминулись с ним, не ожидая такой скорости от только что отремонтированного авианосца. Их атаковала вражеская авиация, но корабли сумели избежать повреждений. *Illustrious* также не пострадал благодаря плохой видимости. В полдень 25-го авианосец вошел в гавань Александрии... Адмирал Каннингхэм писал: «Я отправил послание вице-адмиралу на Мальту, выразив свою самую горячую признательность за работу, проделанную в труднейших условиях для того, что отправить корабль в море. Люди, работающие в доках Мальты, заслужили всяческой похвалы...»

После того, как *Illustrious* покинул Мальту, 10-й Авиационный Корпус немцев прекратил налеты на Мальту. В своей директиве No. 22 Гитлер отдал корпусу распоряжение сконцентрировать атаки на военно-морских силах британцев в восточном и западном Средиземноморье, чтобы защитить транспортные суда *Оси*, перевозящие грузы в Африку, и на сухопутных силах британцев в Киренаике (северо-восток современной Ливии - ВК). К февралю 1941 года *Африканский Корпус* Эрвина Роммеля высадился в Северной Африке и нуждался в воздушной поддержке... Однако для начала немцам было крайне необходимо нейтрализовать Мальту. Численность боевых машин 10-го Корпуса увеличилась от 243 в феврале до 443 в конце марта, однако, корпус нес тяжелые потери и не был в состоянии решить все поставленные перед ним боевые задачи.

В январе 1941 авиация *Оси* осуществила 58 рейдов на Мальту, при этом бомбардировщики сконцентрировали свои усилия на военных кораблях и доках. Сухой док No. 2 был сильно поврежден, сухой док No. 3 тоже получил повреждения, как и эсминец *Imperial*, находившийся в нем во время авианалета. После налетов повсеместно обнаруживались неразорвавшиеся бомбы, и саперам приходилось обезвреживать их. Кроме всего прочего, от бомбежек сильно пострадали многочисленные складские помещения.

В феврале немцы изменили тактику. Вместо дневных налетов они перешли к ночным рейдам, атакуя остров каждую ночь силами до 45 бомбардировщиков. В лунные ночи в фокусе атак противника оказались аэродромы Хал Фар и Лука. 12 февраля истребители *Me-109* приступили к дневным налетам, сопровождавшимся обстрелами аэродромов с небольшой высоты, намереваясь уничтожить базирующиеся на них истребители, в то время как бомбардировщики приступили к сбросу морских мин в гавани острова. *Мессершмитты* модификации *Me-109E* входили в прибывшую на Сицилию 7-ю Эскадрилью/*Staffel* 26-го Истребительного Крыла/*Jagdgeschwader* *Люфтваффе*. Командовал эскадрилей обер-лейтенант Йоахим Мюнхенберг (Joachim Müncheberg), кавалер Рыцарского Креста с 23 победами. Быстрые *Me-109E*, вооруженные пушками, заметно превосходили уже устаревшие *Харрикейны* по тактико-техническим данным, да и тактически немцы оказались намного сильнее британцев. За следующие 4 месяца 7-я Эскадрилья записала на свой счет не менее 42 воздушных побед, (включая 2 во время короткой командировки в Югославию), из них 20 – на счет Мюнхенберга. Поразительно, но в небе Мальты не был потерян ни один *Мессершмитт*. Майор/*Squadron Leader* Чарлз Уиттингхэм (Charles Whittingham) в своем дневнике 14 мая выразил, вероятно, общее настроение британских летчиков: «Еще один летчик сбит. Ситуация становится весьма серьезной. Боевой дух в эскадрилье, само собой, очень низок. Людей сбивают 109-е, а сами они не могут ничего добиться. Эти самолеты намного превосходят наши и способны атаковать со стороны солнца. Сами мальтийцы жалуются, что это просто убийство, - отправлять людей в воздух. Но Штаб не уступает.» По счастью, в июне 7-я Эскадрилья будет переброшена в Ливию, и на несколько месяцев британским истребителям в воздухе будут противостоять только итальянцы.

К концу марта немецкие бомбардировщики вернулись к дневным рейдам, разрушив на земле 6 *Веллингтонов*. После массированных налетов 5 и 7 марта вице-маршал авиации (генерал-майор) Форстер Мэйнард (Forster Maynard) рекомендовал вывести с острова летающие лодки *Сандерленд/Sunderland* и *Веллингтоны*, и обе эскадрильи перелетели в Египет в этом же месяце.

Развалины Валетты. Весна 1941 года

Однако к тому времени конвои *Оси*, идущие в Африку, уже начали нести потери от действий подводных лодок, базирующихся на острове. В среднем одновременно на боевом патрулировании находились три лодки. В январе-апреле 1941 года они осуществили 16 успешных атак, еще два транспорта потопили *Сордфиши* 830-й Эскадрильи. Подводникам было нелегко: не хватало торпед, продовольствие было строго rationировано – паек военного моряка состоял из одного куска хлеба к основному блюду, как и для гражданского

населения. Даже выдача пива – неотъемлемая часть жизни британского моряка – упала до минимума или вообще прекратилась. Вместо пива британские моряки стали пить *Ambeet* – дрянное местное вино, также известное под названием *Stuka Juice*.

Военно-морская *Боевая Группа К*, состоявшая из 14-й Миноносной Флотилии (14th Destroyer Flotilla) и поддерживающего ее крейсера *Gloucester* прибыла на Мальту в апреле. По прибытии корабли дозаправились и вышли в море на перехват конвоя противника, однако упустили его. На следующий день ими был замечен направляющийся на юг конвой, но флотилия снова не сумела нанести по нему удар и попала под бомбежку на обратном пути в проливе Комино между островами Мальта и Гоцо. Удача пришла к британцам 15 апреля: они перехватили вражеский конвой и потопили 5 загруженных транспортов и весь эскорт из трех итальянских эсминцев, потеряв один свой – *Mohawk*.

Одновременно с этим на остров прибывали новые истребительные эскадрильи. 13 апреля на остров прибыли 12 *Харрикейнов*, взлетевшие с авианосца *Argus*, который поддерживал авианосец *Ark Royal*. С последнего на остров перелетят 327 истребителей, пока этот корабль не будет потоплен немецкой подводной лодкой в ноябре 1941 года близ Гибралтара. Всего за период, меньший, чем два года, на Мальту перелетят с авианосцев около 600 истребителей.

В марте 1941 года Средиземноморский флот британцев нанес итальянцам ощутимое поражение в [бою у мыса Матапан](#)/Matapan. Своевременная расшифровка радиокommunikаций между итальянскими кораблями и *Люфтваффе* дала адмиралу Каннингхэму ощутимое преимущество перед противником, которое было использовано на 100%, - это было первое применение в боевых условиях системы дешифровки посланий, закодированных с помощью [машины Enigma](#). При том было принципиально важно сохранить в тайне от врага сам факт наличия у британцев возможности раскодировать посылаемые им радиогаммы. Для этого летающая лодка *Сандерленд* получила приказ всюду следовать за итальянским флотом и оставаться в пределах видимости для противника. Тем временем флот Каннингхэма был в море и шел на перехват противника еще до того, как эта летающая лодка поднялась в воздух.

Юэн Монтегу (*принятое в России правописание имени Ewen Montagu, правильное – Монтагу - ВК*), офицер разведки Королевского флота, позднее писал об успехе атак с мальтийских баз на транспортные коммуникации Оси на основе расшифровки радиосообщений противника:

Мы использовали огромное количество радиогамм, касающихся конвоев, везущих через Средиземное море Роммелю бензин, боеприпасы и пр., в чем он остро нуждался. Эти данные включались в Оранжевые Сводки/Orange Summaries в порядке их значимости и влияния на то, сможет или не сможет Роммель выполнить свои планы, и использовались в режиме реального времени Оперативным Разведывательным Центром (Operational Intelligence Center - OIC). Это дало нам возможность пустить на дно значительную часть этих грузов, намного больше, чем мы смогли бы добиться без этого, и этим подорвали усилия Роммеля.

Заслуживают похвалы те [командиры], кто так управлял нашими операциями, что они лишили Роммеля военных материалов, не раскрывая противнику наш источник информации: ни один рейд надводных кораблей, ни одна подводная лодка, ни одно звено бомбардировщиков не получили приказ оказаться в нужном месте и в нужное время для перехвата противника с абсолютной точностью. Самолеты воздушной разведки направлялись на разные участки [акватории], в том числе, само собой, и в однозначно необходимые, - они замечали германско-итальянские конвои первыми, или же надводные корабли получали приказ перемещаться так, что, казалось, это «просто так случилось», что они оказались в нужном месте в нужное время благодаря соответствующей прокладке курса...

В *Оранжевых Сводках* суммировались расшифрованные радиogramмы с комментариями, подготовленными для Начальника Главного Штаба ВМФ/First Sea Lord и руководителей операций дважды в день Отделом 17M (*Section 17M - M от имени Montague*). Никто из командиров надводных кораблей, подводных лодок или экипажей самолетов воздушной разведки не знал о том, что их операции планируются на основе расшифрованных радиоперехватов.

В одном случае конвой из 5 итальянских судов шел из Неаполя с жизненно важными грузами для *Африканского Корпуса*. На этот раз у британцев не было времени на разведку – решение об атаке, основываясь исключительно на данных расшифровки радиоперехватов, было послано лично Уинстону Черчиллю. Все суда конвоя были потоплены, что вызвало у командования противника подозрения. Чтобы сбить врага с толку, была послана радиogramма якобы находившемуся в Неаполе фиктивному шпиону с поздравлениями в связи с успехом. Было известно, что враг сможет раскодировать это сообщение...

В мае 1941 года британцы потерпели поражение в сражении за Крит. Королевский флот, не имея без воздушного прикрытия, понес тяжелые потери, оказывая поддержку сухопутным силам: самолеты противника потопили 3 крейсера и 6 эсминцев, 2 линкора и авианосец были повреждены настолько сильно, что их ремонт и восстановление в местных условиях были невозможными. Получили повреждения еще 3 крейсера и 6 эсминцев. Однако потери, которые понесли воздушно-десантные силы немцев в этом сражении, убедили Гитлера в том, что в будущем подобные операции больше не состоятся, - это относилось и к предлагаемым немецкими командирами высадкам с воздуха на Мальту и/или на Кипр... Кроме того, вот-вот должна была начаться операция *Барбаросса*. 8-й Авиационный Корпус немцев был переброшен на намечающееся направление боевых действий против СССР вместе с частями 10-го Авиационного Корпуса. Остальные части этого корпуса остались на Средиземноморье для операций в его центральном и восточном секторах. Имея в своем распоряжении 351 самолет, немцы с трудом поддерживали в боеготовом состоянии около 200 машин. Их самолеты базировались в южной Греции и на Крите, покинув свои авиабазы на юге Сицилии, и это оказалось дорогостоящей ошибкой. Частота налетов на Мальту упала на треть, и бомбардировки теперь осуществлялись в основном силами итальянцев. Тем временем истребительный заслон британцев пополнялся машинами с авианосцев *Ark Royal*, *Furious* и *Victorious*.

Снабжение Мальты осуществлялось с помощью грузовых подводных лодок. Однако в июле 1941-го в гавани Гибралтара был сформирован конвой из шести быстроходных транспортных судов для прорыва к осажденному острову (операция *Substance*.) Британцы знали, что итальянцы держат наготове 5 линкоров и 10 крейсеров, в связи с чем *Боевая Группа Н* была усилена кораблями, ранее базировавшимися в портах Великобритании: линкором *Nelson* и тремя крейсерами. Планировалось, что истребители *Бофайтер/Beaufighter*, базирующиеся на Мальте, поднимутся в воздух для прикрытия конвоя, когда *Ark Royal* и тяжелые корабли повернут назад, не доходя до пролива между Сицилией и Африкой. 8 подводных лодок вышли в море с баз на Мальте, чтобы быть в курсе перемещений итальянских надводных кораблей, а бомбардировщики *Веллингтон* нанесли удары по аэродромам на Сицилии. Конвой прорвался к острову с небольшими потерями: итальянский торпедный катер добился попадания в транспорт *Sydney Star*, который, однако, дошел своим ходом до Мальты, погрузившись в воду почти до кромки бортов. Конвой доставил на остров 65 000 тонн различных грузов, включая торпеды, двигатели для *Харрикейнов*, зенитные пушки и большое количество продовольствия. Он сыграл значительную роль в том, что Мальта устояла...

Сразу же после прибытия на остров этого конвоя, в ночь на 26 июля, моряки из состава 10-й Флотилии итальянцев (*Decima Flottiglia MAS*) под командованием *Capitano di Fregata* (капитана 2-го ранга) Витторио Моккагатты (*Vittorio Moccagatta*) осуществила рейд на Гранд Харбор. Посыльное судно *Diana*, на котором были размещены 9 загруженных взрывчаткой катеров с экипажем из одного человека, вышло в море из порта

Аугуста/Augusta на Сицилии 25 июля. Его сопровождали 2 торпедных катера, буксировавшие управляемые торпеды с экипажами по 2 человека в каждой, и 2 больших спасательных катера. На одном из катеров находился сам Моккагатта. Целью запланированного рейда была прокладка пути в гавань путем подрыва волнолома на входе в гавань. Планировались подрыв моста-виадука, расположенного близ места сочленения волнолома с берегом рядом с фортом Сант-Эльмо (St. Elmo) и самого волнолома с прорывом катеров в гавань и последующей атакой атака на недавно прибывшие в гавань суда и корабли, кроме того закрепление подрывных зарядов на подводных лодках и их уничтожение.

Операция не заладилась. Итальянских моряков подвели летчики, от которых ожидали, что они осуществят авианалет на Валетту в 1.45 дня и проведут еще два рейда, нацеленных на отвлечение внимания сил обороны. Первый авианалет так и не состоялся, два других опоздали. Барражировавший над гаванью самолет-разведчик был сбит британцами...

Артиллеристы на береговых укреплениях заняли свои боевые посты еще до полуночи после того, как на радаре в 10.30 вечера были замечены перемещения вражеских надводных сил к северу от острова (по другим сведениям, информация о намечаемом рейде была получена из радиоперехватов). В ожидания обстрела силами корабельной артиллерии, все боевые посты на берегу были приведены в состоянии повышенной боевой готовности, и один самолет *Сордфиш* был поднят в воздух, чтобы атаковать вражеские корабли, если возникнет необходимость. Однако поступили сведения, что вражеские корабли ушли. Артиллеристы остались на боевых постах.

Непосредственно перед рассветом прозвучал сигнал воздушной тревоги, когда была замечена небольшая группа вражеских истребителей, приближающихся к острову. Воздушной атаки не последовало, но после того, как был дан сигнал *Отбой*, защитники острова слышали гул лодочных моторов. Через минуту прогрехотал взрыв под виадуком Сант-Эльмо. Был отдан приказ включить все прожектора, и они ярко осветили прилегающую к Гранд Харбор акваторию и флотилию вражеских катеров. Артиллеристы и пулеметчики, расположенные на фортах Сант-Эльмо и Рикасоли открыли огонь, и уже через 10 секунд первый вражеский катер взлетел на воздух, за ним последовали еще несколько. Многие жители города, разбуженные сигналом воздушной тревоги, с интересом наблюдали за происходящим: в этот ранний утренний час на удивление большие толпы собрались рядом с бастиями северного берега острова. Становилось светлее, и в море были замечены другие катера противника. По ним открыли точный огонь спаренные 6-тифунтовые пушки и зенитки *Бофорс/Bofors* с оборонительных укреплений и фортов.

Вспоминает капрал Феррис (L. G. Ferris) из 1-го Батальона Чеширского Полка/Cheshire Regiment:

Я услышал громкие разрывы у входа в гавань. Вышел и увидел два торпедных катера. Наблюдал за ними примерно минут десять и решил, что это вражеские корабли, после чего открыл по ним огонь из пулемета Виккерс/Vickers... Мы вели огонь до тех пор, пока катера не ушли под воду и не прекратилась примерно в 5.30 какая-либо стрельба. При свете дня мы разглядели обломки двух катеров с цеплявшимися за них выжившими – их подобрал военно-морской катер... В 5.50 мы увидели три остальных катера на горизонте и сообщили об этом на командный пункт роты.

Тем временем к острову приблизились вражеские самолеты. На перехват были подняты Харрикейны, которые вступили с ними в бой. Большая их часть атаковала и вражеские истребители Макки/Macchi, два британца начали пикировать на вражеские катера и обстреливать их, нанеся, по меньшей мере, двум повреждения. Лейтенант (Pilot Officer) Уинтон (Winton) был атакован итальянцами, его самолет был сильно поврежден, и мотор остановился. Ему удалось выброситься с парашютом, он упал на воду и на надувном плотике, а потом вплавь добрался до дрейфующего на месте катера. Забравшись на катер,

британец обнаружил на нем 8 убитых итальянцев. Через 6 часов его подобрал армейский катер, который вовсе не спешил приближаться к вражескому катеру, видя на нем человека и пулемет...

По-видимому, корабль-матка спустил на воду малые катера, торпедные катера отцепили управляемые торпеды в паре миль от берега и ушли в открытое море. Большинство катеров было уничтожено береговой артиллерией, пулеметчиками и британскими летчиками. Кроме того, было сбито 3 вражеских самолета. Одна управляемая торпеда взорвалась во время атаки на виадук Сант-Эльмо, второй, которой, вероятно, собирались атаковать корабли в бухте Марзамсетт/Marsamxett (бухта к западу от входа в Гранд Харбор - ВК) выскочила на мель и была брошена экипажем. Обрушившийся в результате взрыва виадук перегородил итальянским катерам путь в гавань (основной вход между волноломами был перегороджен противолодочной сетью). Спасательные катера и самолеты весь следующий день искали выживших моряков. Самолеты противника также пытались вести поиски, и итальянское госпитальное судно оставалось в 12 милях от берега большую часть дня. Всего было найдено 15 погибших, включая командера Моккагатту, 18 итальянцев было спасено и взято в плен. Один катер был отбуксирован в Гранд Харбор...

Итальянские газеты и радио всячески превозносили своих героев, которые пошли в этот рейд, зная, что «их ждет или смерть, или плен.» Коммандер Брагадин так писал об этом рейде: «Так закончился мальтийский провал, ... самая кровопролитная из всех операций, когда-либо предпринятых экипажами штурмовых катеров, но и сопровождавшаяся таким экстраординарным стечением обстоятельств, что стала, вне всякого сомнения, неудачей, покрытой славой, такой славой, что любой флот мог бы ею гордиться.»

В конце июля на остров прибыли дополнительные подкрепления. Подводные лодки и самолеты, базирующиеся на острове, продолжали наносить тяжелые потери конвоям Оси. С июня по октябрь 1941 года они потопили 38 вражеских судов общим водоизмещением 176 588 тонн.

Оливеру Ормонду (Oliver Ormond), лейтенанту Королевских ВВС, было 19 лет, когда он 12 ноября 1941 года, взлетев с палубы авианосца *Argus*, посадил свой *Харрикейн* на аэродром Хал Фар. Вот что он записывал в своем дневнике:

Это странный остров. Он поднимается над морем, обрываясь к нему крутыми склонами, при этом ни одна из его вершин не достигает сколь-нибудь значительной высоты. Он – словно ровный скальный выступ, находящийся на расстоянии от неба... Четверо из нас живут в большой, комфортной гостиной... Это здание называется Hal Far House. Мальтийская архитектура приятно радует глаз... Каменные здания хорошо выдерживают атаки с воздуха, которые обивают от них куски щебня, но не разрушают их.

В октябре британские летчики и подводники, базирующиеся на Мальте, интенсифицировали свои атаки на морские конвои. Новая эскадрилья торпедоносцев-бомбардировщиков военно-морской авиации *Албакор/Albacore* прибыла на аэродром Хал Фар. После 18 октября морские перевозки противника между Сицилией и Триполи перестали попадать в поле зрения британцев, и *Боевая Группа К* с крейсерами *Aurora* и *Pepeleore* и двумя крупными эсминцами в своем составе вернулась на Мальту после пятимесячного отсутствия. На остров также прибыли 3 крупные подводные лодки с грузами. Один рейс такой грузовой подводной лодки обеспечивал авиационным горючим все самолеты острова на 3 дня. В этот период времени авианалеты противника были довольно редкими, на уровне 56 в месяц. Мальта оставалась и промежуточной базой для переброски самолетов в Северную Африку: с ноября 1941-го по июль 1942-го через ее аэродромы прошло не менее 750 самолетов...

Немецко-итальянское командование приостановило доставку грузов в Африку из-за потерь, которые несли конвои. Однако *Африканский Корпус* Роммеля отчаянно нуждался в подкреплениях и военных материалах, потому что доставка их по воздуху была совершенно незначительной в количественном отношении. Так, 8 ноября 1941 года, конвой из 7 транспортов отправился из Сицилии в Триполи, при этом для защиты конвоя были отряжены большие силы. Вражеские подводные лодки патрулировали акватории, окружающие Мальту, чтобы засечь появление в море *Боевой Группы К*, сам конвой эскортировали 6 эсминцев, поддержанные силами прикрытия в составе двух крейсеров и четырех эсминцев.

Конвой был замечен британцами ближе к вечеру, и *Боевая Группа К* вышла в море в сумерках. Italianские подводники не заметили выхода этой группы кораблей в море... Под ярким светом луны британцы атаковали конвой и пустили на дно все транспорты и 2 эсминца, повредив остальные два... Британцы использовали свое преимущество в радиолокации в максимальной степени. *Группа К* вернулась в Гранд-Харбор без потерь и повреждений. Перед рассветом подводная лодка *Upholder*, которую вел в бой лейтенант-коммандер Малколм Уэнклин (Malcolm David Wanklyn), пустила на дно еще один итальянский эсминец – *Lebeccio*.

В ноябре потери *Оси* на море достигли 63% от всех судов, везущих грузы в Африку. Ситуация стала нетерпимой для немцев и итальянцев: итальянский торговый флот просто таял на глазах, корпус Роммеля задыхался без военных материалов, что привело к его поражению от британцев в ходе операции *Crusader*.

Окончание 1941 года ознаменовалось интенсификацией воздушных налетов авиации *Оси* на остров, в особенности это касалось дневных атак на аэродромы, в которых противник добился определенного успеха. Гитлеру стало ясно, что для победы на Средиземноморье необходимо нейтрализовать Мальту. 2 декабря он приказал перебросить 2-й Авиационный Корпус с Советско-Германского фронта на Сицилию. Вместе с 10-м Корпусом эти соединения образовали 2-й Воздушный Флот/Luftflotte под командованием фельдмаршала [Альберта Кессельринга](#) (Albert Kesselring). В воздухе снова появились *Мессершмитты* новейшей модификации.

Рассказывает британский морской пехотинец Роберт Портер (Robert Porter), находившийся в конце 1941 года на борту крейсера *Aurora*:

Aurora прибыла на Мальту в конце октября 1941 года, в ноябре начались массированные авианалеты (*blitz*/молния – немецкое слово, используемое в то время британцами для немецких самолетов и воздушных рейдов со времен налетов на Лондон в 1940 году – операции *Blitz*). Там было всего два крейсера – наш и *Penelope*, наш был старшим в группе. Помню, что *Penelope* получила прозвище *Перечница/Pepperpot*, потому что была вся в пробоинах от осколков.

Мы с двумя эсминцами были единственной ударной группой, базирующейся на Мальте в период этих авианалетов. К нам приходило сообщение о том, что из Италии в море вышел конвой, который идет в Северную Африку, и мы должны были перехватить его. Поход, который я помню лучше всего, случился тогда, когда Адмиралтейство решило прислать нам тяжелый крейсер из Александрии, называвшийся *Neptune*. Его командир принял на себя командование нашей группой. Пришло сообщение о том, что еще один немецкий или итальянский конвой покинул Италию, так что нам предстоит выйти в море на перехват. Помню, что в 2 часа ночи (с 19 на 20 декабря) нам сообщили по громкоговорителю, что мы попали на минное поле. Минут через 10 раздался страшный взрыв. Мы огляделись и пришли к заключению, что с нами все в порядке. Стало очень-очень тихо, мы так и не могли понять, что же случилось. Затем мы услышали, как кто-то прокричал, что *Neptune* наскочил на мину и затонул. Выживших из тысячи человек, находившихся на борту, не будет. (Всего взорвалось 4 мины. При взрывах погибли 737

человек, еще 30 – утонули вместе с кораблем, выжил 1 моряк. Среди погибших было 150 новозеландцев – ВК.)

Наш командир Эгню (Willam Agnew) снова взял на себя командование отрядом. Он переговорил с нами в спокойном тоне и сказал, что мы все еще посреди минного поля. Эгню отправил находившийся с нами эсминец на поиски выживших. Через 5 минут эсминец взлетел на воздух. Я думаю, там кто-то выжил, и их подобрала подводная лодка. За этим последовал еще один взрыв – на этот раз подорвались мы. У корабля оторвало нос, но погибших не было. Теперь корабль мог идти со скоростью не более 9 узлов, нам нужно было убраться с минного поля и вернуться на Мальту до рассвета: при свете дня шансов уцелеть у нас не было – Люфтваффе прикончило бы нас незамедлительно.

Мы вернулись до наступления рассвета, но не могли выйти в море до конца марта: нам пришлось все это время простоять в сухом доке. До того, как мы наскочили на мину, моей обязанностью было действовать вместе с расчетом 6-тидюймового орудия. Теперь, когда корабль был в сухом доке, с него убрали все боеприпасы для 6-тидюймовок и оставили только для 4-дюймовок. Это означало, что, когда прилетали немцы, все расчеты этих орудий должны были стоять на боевых постах, поскольку эти орудия были для стрельбы по самолетам.

Так что толку от нас на корабле не было, поэтому нам приказали во время авианалетов уходить с корабля в бомбоубежища в скалах. Бомбоубежище было в нескольких ярдах от корабля, но я мой друг Джонни ни разу в нем не прятались. Мы считали, что это будет трусливым (sissy) поведением. Мы оставались на палубе, когда прилетали «блицы», - их было 30 или 40, они ныряли, словно птицы. Помню один особенный день, когда я проходил мимо [орудийной] башни и услышал: «Все на боевые посты ПВО/All men to blitz stations.» Люди побежали к орудиям или с корабля. Я решил, что немного вздремну на палубе, бросил свой жилет и прилег рядом с башней. День был приятный и жаркий, я особенно не беспокоился – по молодости, наверное...

Наш главный сержант (Sergeant-Major) был у орудия и стрелял по Штукам. Он заметил меня и крикнул: «Морпех Портер, уходите в убежище, это ваша обязанность!» И все это время он вел огонь. Я никогда не в жизни не видел такого самообладания и чувствовал сильное смущение, когда шел в убежище.

Когда была возможность, я шел на берег. За шесть пенсов можно было найти ночлег и завтрак в небольшой гостинице. Как-то ночью у причалов я ночевал в таком под названием «The First and The Last». Причалы в Валетте тогда еще не были разбомблены. Это был один из дней, когда немцы преследовали какой-то конвой и потопили, практически, все суда. Думаю, три или четыре судна пробились в гавань, но не больше. В ту ночь я был единственным морпехом на берегу. Я заснул и, когда утром проснулся, у причалов целыми остались только моя гостиница и еще пара зданий. Немцы разнесли почти все – все превратилось в щебень...

Потери британцев на море возросли, когда к шести немецким подводным лодкам, которые пришли на этот ТВД в сентябре, присоединились еще четыре. 13 ноября подводная лодка U-81 потопила авианосец *Ark Royal* на расстоянии всего 35 миль от Гибралтара, и на тот момент времени у британцев не было современного авианосца, способного заменить погибший корабль, поэтому способность Боевой Группы Н предоставлять прикрытие конвоям и перебрасывать истребители на Мальту заметно снизилась. Еще через 12 дней U-331 отправила на дно линкор *Barham*, вместе с которым погибли 868 моряков. Это была вторая по численности единовременная потеря людей после гибели линейного крейсера *Hood*, и этот факт пришлось скрывать от британской общественности на протяжении нескольких месяцев...

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ РОММЕЛЯ – ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 1942 ГОДА

К середине января 1942 года наступающие передовые части командующего силами британцев в Африке Клода Окинлека вышли к заливу Сидра/Sidra, и, казалось, вся Восточная Ливия потеряна для понесших тяжелые потери войск Роммеля. Но, на самом деле, формат боевых операций в Северной Африке теперь повторился в неблагоприятную сторону для британцев: силы Роммеля отступили к своим базам в Западной Ливии, а 8-я Армия британцев уходила все дальше и дальше от своих баз в Египте. Меньше чем через две недели после того, как наступление британцев в рамках операции Crusader выдохлось в районе городка Эль-Агейла/El Agheila, Эрвин Роммель контратаковал, застав противника врасплох, и 8-я Армия британцев стала откатываться на восток к египетской границе. О триумфальном наступлении Роммеля к Линии Газала рассказывает начальник штаба Африканского Корпуса генерал-лейтенант Альфред Гаузе (Alfred Gause). Здесь же размещены дополнения и комментарии, основывающиеся на других публикациях, и фрагменты воспоминаний участников событий с обеих сторон...

Альфред Гаузе и Эрвин Роммель

Прелюдия

На рубеже 1941-42 годов ситуация на Североафриканском фронте для стран Оси стала выправляться. На протяжении последних десяти дней декабря противостояние в воздухе приобрело характер паритета за счет прибытия на этот ТВД двух истребительных крыльев и увеличения численности пикирующих и тяжелых бомбардировщиков в составе сил Люфтваффе в Африке. Напротив, воздушная группировка Королевских ВВС в Африке уменьшилась в численности из-за необходимости переброски части сил на Азиатско-Тихоокеанский ТВД после вступления Японии в войну 7 декабря и успешных действий ее ВВС. Кроме того, с наступлением зимы развертывание британской авиации близ линии фронта было затруднено непогодой и раскисанием аэродромов.

Начало боевых действий на Тихоокеанском ТВД вынудило британское командование перебросить на него и значительную часть своих обстрелянных и опытных наземных войск: 17-я Индийская Дивизия была отправлена в Бирму, австралийские 6-я и 7-я дивизии – на

Новую Гвинею. 7-я Танковая Бригада была отведена к Суэцкому каналу, на пути к дельте Нила была и британская 18-я Дивизия.

Тем временем *Люфтваффе* усилило свои атаки на Мальту. К этому времени британцы потеряли авианосец *Ark Royal* и линкор *Barham*, а 19 декабря в порту Александрии итальянские диверсанты вывели из строя линкоры *Queen Elizabeth* и *Valiant*. На следующий день три крейсера и четыре эсминца, базирующиеся на Мальте, наскочили на минное поле, и вскоре еще один британский крейсер был потоплен немецкой подводной лодкой. В результате понесенных потерь у Королевского флота между Гибралтаром и Александрией остались в строю всего три крейсера и несколько эсминцев и подводных лодок...

Ситуация со снабжением войск

Ослабление сил британцев на суше, на море и в воздухе существенно облегчило ситуацию с доставкой грузов для войск *Оси* в Северную Африку, что стало заметно уже во второй половине декабря 1941 года. В сентябре потери *Оси* на пути между Италией и Африкой составили 92 000 брутто-регистрационных тонн, а в январе 1942 года – только 40 000, так что теперь войска *Оси* могли получить подкрепления и пополнить запасы военных материалов в достаточном масштабе. С начала Североафриканской кампании до февраля 1942 года немцы потеряли в боях около 33%, а итальянцы – около 44% солдат и офицеров, причем большую часть этих потерь войска *Оси* понесли до наступления 1942 года. Две из трех немецких дивизий потеряли в боях своих командиров, еще один попал в плен, а другой погиб под Тобруком в апреле 1941 года. Более 80% бронетехники и 40% артиллерийских орудий были также потеряны, но и британцы потеряли к тому времени 17 000 человек и значительную часть военной техники. Повторилась ситуация лета 1941 года: обеим сторонам было необходимо как можно быстрее пополнить войска людьми и снаряжением.

Однако на этот раз немецкие и итальянские бронетанковые силы могли воспользоваться двумя преимуществами: относительной безопасностью морских путей снабжений и наличием короткого плеча доставки грузов на фронт через порт Триполи. Сильно потрепанные войска получили подкрепления, количество танков в немецких частях *Африканского Корпуса* достигло 120. Запасы горючего позволяли теперь планировать долгосрочные операции... Триполи оставался единственным используемым *Осью* портом в Африке, так как Гитлер, по политическим причинам, отклонил предложение Роммеля перебрасывать грузы более коротким и безопасным путем через Тунис.

Существует также и другая точка зрения на причины улучшения в снабжении войск Оси, заключающаяся в том, что оно было мало связано с повышением безопасности морских путей. Улучшению способствовало (1) обнаружение 17 000 тонн горючего на итальянских складах близ Триполи и (2) резкое сокращение расхода горючего на транспортировку грузов к передовой в связи с общим отступлением немецко-итальянских войск.

Месячная потребность войск Оси в горючем составляла до 70 000 тонн в месяц, эта цифра так и не была достигнута, при этом для боевых наземных операций требовалось не менее 23 000 тонн, и только для транспортировки материалов до линии фронта в зависимости от расстояния от порта могло понадобиться до 11 500 тонн!

Британцы на линии максимального продвижения

Выйдя к берегам залива Сидра в районе Эль-Агейлы, британцы пребывали в уверенности в том, что они нанесли бронетанковым силам Роммеля такие потери, что лишили его возможности осуществлять активные операции в обозримом будущем.

*Однако британская оценка понесенных немцами и итальянцами с 18 ноября 1941 года (то есть, за время успешного наступления британцев в ходе операции *Crusader*) была сильно преувеличенной – 59 000 человек убитыми и ранеными, тогда как реальная цифра была ниже и приблизилась к 38 000 только в середине февраля 1942 года.*

Вероятно, оптимистические рапорты, идущие от Окинлека к Черчиллю, вдохновили агентство *Рейтер* на следующее заявление по радио из Каира 26 декабря: «Остатки

Африканского Корпуса и Итальянской армии откатываются вдоль побережья залива Сидра по дороге на Триполи. [Наша] главная цель – разгром сил противника в Западной Пустыне – достигнута. Германская бронетехника уничтожена, а оставшаяся горстка танков в панике пытается бежать в Триполи.» В этом можно найти объяснение и тому, что в начале января британцы, остановив наступление, не стали насыщать войсками и техникой передовую линию, а, посчитав свое положение безопасным, оставили свои силы разбросанными на протяженном пространстве между Бенгази, Дерной, Тобруком и Египетской границей, намереваясь сконцентрировать их для последующих операций позднее.

Как ни удивительно, но даже среди британских военных корреспондентов в январе 1942 года нашелся человек, попытавшийся предупредить британских генералов о том, что до полной победы над Осью в Африке еще далеко. Это был австралиец [Алан Мурхед](#) (Alan Moorhead). Он писал в одной из своих газетных публикаций: «Посмотрите, как немцы отступают. Они чередуют отходы с неожиданными и резкими контратаками на британские авангарды... Говорить о том, что раз немцы бегут от вас, то они побиты, – опасная чепуха.»

В начале января британцы оценивали количество боеспособных танков у Роммеля на уровне в 20 машин. Вскоре рекогносцировочные патрули 8-й Армии заметили появление у немцев значительного количества новых танков, но сообщения об этом были буквально высмеяны находившимся в Каире британским командованием. По воспоминаниям генерала Фрэнка Мессерви, исполняющего обязанности командира 1-й Танковой Дивизии британцев, это «привело в ярость передовые части, которые и в самом деле их видели.» Прибывшие в Африку четыре роты новых танков с запасами горючего и боеприпасов, по словам фон Меллентина (Friedrich von Mellenthin – генерал-майор, служивший в штабе Роммеля – ВК), «значительно увеличили ударную мощь Африканского Корпуса.»

При этом немцы сумели ввести британцев в заблуждение, замаскировав свои танки «солнцезащитными» фанерными щитами. Как позднее вспоминал один из британцев, «эти щиты были собраны в форме грузовиков, и о них именно так часто и сообщали.»

У самих британцев появились проблемы со снабжением горючим, кроме того, значительная часть их танков после долгих маршей испытывала технические неполадки и частые поломки...

Планы Роммеля

Роммель, после получения подкреплений и перегруппировки своих войск, занял позиции в секторе протяженностью 120 миль между Марадой/Marada и Мерса Брегой/Mersa Brega, сконцентрировав их в разобщенных укрепленных пунктах. Итальянский 21-й Корпус (три дивизии) занял позиции на севере, 10-й Корпус (две дивизии) – на южном фланге. Крайние пункты линии – оазис Марาดา и участок приморского шоссе Виа Бальбия/Via Balbia – были укреплены частями немецкой 90-й Дивизии Легкой Пехоты, тогда как Африканский Корпус и итальянский механизированный 20-й Корпус были развернуты за северным флангом всего сектора и его центральной частью, в полной готовности к началу мобильных наступательных операций...

Роммель ожидал, что британцы после получения подкреплений продолжат наступление, чтобы развить успех и вслед за этим попытаться полностью разгромить Африканский Корпус. Предыдущий опыт подсказывал немцам, что новое наступление произойдет довольно скоро. Хотя занимаемые на юге оборонительного сектора Роммеля позиции было крайне трудно обойти с фланга, сил, имеющихся в распоряжении Оси, в целом было явно недостаточно для того, чтобы отразить сильную фронтальную атаку. В этой связи Роммель принял решение не дожидаться, пока противник проявит инициативу, а осуществить внезапную атаку на выдвинутые вперед позиции британцев, в то время как их силы все еще разбросаны вдоль побережья. Он намеревался задержать наступление британцев и выиграть время для поступления дополнительных подкреплений и ресурсов. Применив все усилия для ввода противника в заблуждение и действуя в режиме строжайшей секретности, немецко-итальянское командование подготовило наступление по двум

направлениям: одно непосредственно к северу от Вади Фарег/Wadi Faregh и другое вдоль Приморского шоссе с целью окружения противника или его разгрома в ходе опережающего преследования.

Вот что писал Роммель в письме своей жене 17 января: «Ситуация развивается в благоприятном для нас направлении, и я полон планов, о которых не осмеливаюсь рассказать здесь кому-либо. Меня могут сочти за сумасшедшего.» Будучи уверенным в том, что верховное командование запретит наступление, Роммель скрыл свои намерения как от Уго Кавальеро, командующего силами Оси в Африке, так и от германского верховного командования.

Тем временем Окинлек ответил на тревожную телеграмму Черчилля, до которого дошли сведения о прибытии девяти транспортных судов Оси в Триполи, что дивизии Роммеля являются таковыми «лишь по названию... дезорганизованы, им не хватает старших офицеров, и из-за нахождения под постоянным давлением они утомлены и не настолько сильны, насколько их общая численность в 35 000 человек может заставить предполагать.» На самом деле, Окинлек, был введен в заблуждение перехваченными и расшифрованными радиogramмами Роммеля в Берлин, в которых он преувеличивал свои проблемы и слабые места, стараясь выбить себе как можно больше подкреплений и материалов...

18 января (!) немецкие пленные «языки» сообщили британцам, что их 8-й Танковый Полк концентрируется на участке Вади Фарег, но и это не заставило британское командование забить тревогу.

При этом настроение у немецких военнопленных было весьма оптимистичным, и, как записал в своем дневнике 19 января один южноафриканский солдат, они говорили: «Мы будем освобождены на следующей неделе, а вы будете в загоне... Роммель идет! И они в это верили...»

Роммель наносит удар

Наступление (в немецкой литературе его нередко именуют *Winterschlacht* – ВК) началось в 8.30 утра 21 января силами Африканского Корпуса вдоль Вади Фарег и танковыми силами итальянского 20-го Корпуса при поддержке частей 90-й Дивизии Легкой Пехоты вдоль Приморского шоссе. Местность была довольно труднопроходимой: песчаные дюны на юге, солончаковые болота на севере, что не дало силам Оси возможности развить атаку в нужном темпе, и к вечеру Роммель был вынужден признать, что, хотя противник, занимавший позиции непосредственно в секторе его атак, оказался слабее, чем можно было ожидать, британцы сумели ускользнуть в направлении на север и соединиться с более мощными силами в районе городка Аджедабия/Agedabia.

Вследствие этого 22 января Роммель принял решение продолжить наступление силами двух боевых групп через Аджедабию до участка Антелат-Саунну/Antelat-Saunni и перерезать путь к отступлению сильной боевой группе британцев, включавшей две бронетанковые дивизии и выявленной к востоку от Аджедабии. Затем он планировал окружить противника и уничтожить его в ходе концентрических атак.

Вспоминает британский сержант Грей (Gray), находившийся на передовом наблюдательном пункте своего артиллерийского полка в районе Эль-Агейлы: «Я находился в относительной гармонии с окружающим миром, разглядывая холмы через свой бинокль. Но тут я увидел признаки активности [у немцев]. Приглядевшись, я рассмотрел группу приближающихся танков.» первоначально Грэй решил, что это британские машины, возвращающиеся с патрулирования, но потом заподозрил, что танков слишком много для патруля. «Я заметил вспышку, вырвавшуюся из дула пушки одной из передовых машин ... и понял, что «наши» танки, - это «их» танки.» Грэй и двое его товарищей поспешили в штаб, где обнаружили, что большая часть персонала уже «упаковалась и готова тронуться в дорогу... Роммель и его веселые ребята смяли передовые посты, и нас просто бросили, отнеся к потерям.»

Наступление войск *Оси* явно застало британцев врасплох, и их командование пока не среагировало на эти события сколь-нибудь заметно. В 11.00 22 января боевая группа *Оси* захватила Аджедабию, которую обороняли довольно незначительные силы, и Роммель, который лично руководил атакой, отдал приказал немедленно возобновить преследование противника через Антелат в направлении Саунну. Войска *Оси* вышли к Антелату в 15.30, Саунну был взят в 19.30 после кратковременного боя. Те части *Африканского Корпуса*, которые к вечеру дошли до Аджедабии, также были направлены в сторону Антелата с приказом остановить к югу от него попытки британцев пробиться из окружения в северном направлении.

Горящий Крусейдер. Район Аджедабии

На самом деле, западнее Антелата в распоряжении британцев было всего 24 легких танка Стюарт/Stuart, которые едва ли могли противостоять немецким машинам. Кроме того, их экипажи не имели боевого опыта, еще только учились взаимодействовать с артиллерией, а для интенсивного обучения не было горючего. Вся 2-я Танковая Бригада британцев, оказавшаяся единственной на пути немцев в районе Антелата, располагала 26 танками Крусейдер/Crusader и 18 Стюартами в каждом из трех полков. Но проблема была не в численности танков – проблемой было отсутствие боевого опыта...

В ночь с 22 на 23 января противоборствующие стороны продолжали маневрировать, и к востоку от Аджедабии немецкие танкисты вступили в контакт с превосходящими силами противника, которого наступающие застали врасплох.

Наступающие немцы испытывали больше проблем с топографией местности и болотистыми грунтами, чем с рассыпающимися оборонительными позициями британцев. Вспоминает Хайнц-Вернер Шмидт (Heinz-Werner Schmidt – уроженец Южной Африки, артиллерийский офицер, служивший адъютантом у Роммеля – ВК): «Мы перепрыгивали с одной высоты на другую, в то время как наши танцы, остановившись, прикрывали нас огнем. Потом мы, обосновавшись [на огневой позиции], прикрывали их, пока они продвигались вперед.» Динамичная интеграция бронетехники и артиллерии была в резком контрасте с тактическими приемами британских командиров, которые так и научились комбинировать огневую мощь танков и артиллерии с такой же гибкостью, как немцы. В результате, как вспоминал Шмидт, «несмотря на энергичность огня противника, его танки не смогли сдержать наше продвижение.»

Вспоминает британский танкист Питер Уиллет (Peter Willet), служивший в Полку Драгун-Гвардейцев/2nd Dragoon Guards, также известных как The Queen's Bays из-за вишневой масти их лошадей в кавалерийском прошлом. Полк входил в состав 1-й

Танковой Дивизии: «Не менее 90 немецких танков, в основном, восхитительные Pz.III и Pz.IV приняли участие в атаке и быстро рассеяли противостоявшие им легкие [бронетанковые] силы. Они превосходили Крусейдеры и Хани (Honey/Милый – прозвище танков Стюарт – ВК) 2-й Танковой Бригады (полки Queen's Bays, 9-й Лансеров и 10-й Гусар), составлявшие главную часть британских танков в этом секторе. Крусейдер имел отличную подвеску, которая позволяла ему носиться по пустыне со скоростью до 40 миль в час, но технически он был ненадежным, имел слабое вооружение и броню. Напротив, Хани не ломался, но, во всем остальном был жалким [подобием танка] в сравнении с панцерами. Противоборствующие бронетанковые силы схлестнулись на обширном участке волнистой равнины..., и это были не немцы, а мы, кому в кровь разбили нос. Гусары пронесли тяжелые потери, попытавшись атаковать в лоб..., а Драгуны оказались на открытой местности напротив немецкого авангарда, занимавшего высоты на гряде Антелат-Саунну. Оборонительная позиция Драгун оказалась выбранной неудачно. Несомненно, никто не хотел отступать до того, как [люди] были вынуждены сделать это, но тогда они просто подставили себя [под огонь]. Отход на 2-3 мили в пустыне не повлечет за собой [больших] последствий: просто спрячь корпус в понижении рельефа и вынуди немцев атаковать по открытой местности... Затем, 25 января, немецкие танки показались на гребне гряды, и, в манере описанных Байроном ассирийцев (имеется ввиду штурм ассирийцами Иерусалима в 701 году до н.э. – ВК), обрушились на нас как волки на овец. Сильнейший удар пришелся на Эскадрон А. Танк Питера Глинна (Peter Glynn) был подбит, сам он погиб. Танк командира эскадрона Алекса Баркли (Alex Barclay) тоже зацепило, но он выбрался и обошелся без ранений, после чего, пересидев в кустарнике, вышел в расположение 4-й Индийской Бригады в Бенгази еще с четырьмя безоружными парнями из эскадрона. Сокрушительная атака немцев отбросила рассеянные остатки полка на 40 миль на север, к Мсусу, где находились древний форт и перекресток пустынных дорог...

Мне повезло, и я не попал в плен в том бою. Вечером 22 января Эшелон «В» был окружен: мы сформировали плотный периметр из оставшихся в строю машин в низине близ Саунну. Когда наступила темнота, мы слышали гул танковых моторов, приближавшийся с севера. Они остановились в понижении в нескольких сотнях ярдов от нас. Сержант Диксон (Dixon) и я решили пойти на разведку. Лунного света едва хватало, чтобы держаться нужного расстояния. Мы спокойно дошли до края понижения, затем подползли поближе до места, откуда можно было что-то разглядеть. Все, что мы видели, - это смутные очертания машин, но мы слышали голоса – немецкие голоса. Мы отползли и быстро вернулись к своим. На рассвете мы слышали, как немцы в понижении завели моторы и затем ушли на восток, по счастью, мимо нашего периметра... Потом мы отступали, двигаясь в бесконечной колонне машин, часто останавливаясь, потом снова трогаясь в путь, чтобы опять встать. Я ехал в кабине трехтонного грузовика. Во время одной остановки, более долгой, чем другие, я и водитель заснули, а, когда я проснулся, то увидел впереди нас не зад грузовика, а пустоту. Мы понеслись вперед и, по счастью, вскоре догнали хвост колонны. В ближайшие дни мы нашли то, что осталось от полка, и, постепенно, что-то наподобие порядка было восстановлено...

Однако имевшихся на этом участке немецких частей было недостаточно для того, чтобы окружить противника. После ожесточенного боя, в котором британцы понесли тяжелые потери, им удалось пробиться в северо-восточном направлении, и хотя в результате концентрической атаки 24 января немцам удалось захватить большое количество военных материалов, в котле не оказалось сколь-нибудь значимых сил британцев.

22 января Роммель писал своей жене: «Интересно, что ты скажешь по поводу нашего контрнаступления?.. Наши оппоненты бегут так, словно их покусали. Перспективы на следующие несколько дней превосходны.» Вспоминает Вольфганг Эверт (Wolfgang Everth): «Мы много чего набрали на складах Томми и постепенно сами стали похожи на Томми: наши машины, бензин, пищевые пайки, одежда – все стало английским... На завтрак я опустошил две консервные банки молока, банку консервированных ананасов, наелся бисквитов и выпил цейлонского чаю.» Однако он добавил: «Реалии войны не

заставили себя ждать. Англичане провели воздушную атаку с бреющего полета, и четверо наших были убиты, несколько человек ранено...»

Проведенная в тот же день немцами рекогносцировка позволила установить, что за пределами котла в районе Антелат-Саунну-Мсус/Msus находятся крупные силы противника и многочисленные склады, на которые *Африканский Корпус* нацелился 25-го.

Успешное продвигаясь вперед вслед за отступающим и, местами, бегущим противником, немцы сумели выйти к Мсусу к 11 утра. Британский 13-й Корпус потерпел поражение и к вечеру того же дня едва ли сохранял боеспособность, в то время как его части, стремительно отступающие на север и северо-восток, были вынуждены бросить большую часть своей техники.

Полковник Эрих Гайсслер (Oberst Erich Geißler), командир боевой группы 116-го Полка (115 Schützen-Regiment) так описал преследование отступавших к Мсусу британцев: «23 января Африканский Корпус безостановочно продвигался к перекрестку дорог у Мсуса. Стремительно наступая, наши части шли на север широким фронтом... Это была дикая гонка – захватывающее дух состязание с отступающим противником. Через клубы пыли можно было видеть идущие параллельно нам колонны англичан, несущиеся в том же направлении. Солдаты свисали с грузовиков, словно виноградные кисти - они драпали...»

24 января боевая группа подполковника Вернера Маркса (Oberstleutnant Werner Marcks) получила приказ наступать на Мсус с запада одновременно с атакой немцев и итальянцев с востока. Здесь немцам удалось осуществить свой излюбленный маневр, спровоцировав британских танкистов на контратаку и выманив их на позиции 88-мм орудий, которые немедленно подожгли семь танков противника... Мсус был взят, немцам достались склады военных большие склады военных материалов, более 600 машин, 127 орудий и 50 целых и невредимых танков в ремонтных мастерских.

25 января Гилберт Уилсон, танкист 10-го Полка Королевских Гусар (10th Royal Hussars), подчиненного 7-й Танковой Дивизии британцев, сделал следующую запись в своем дневнике после боя в районе Саунну: «По-видимому, полк отлично поработал в Саунну, но понес тяжелые потери в людях и танках. Весь день артобстрелы, весь день бои в воздухе... Сообщения приходят путанные... Сражение идет в огромном треугольнике, и, вероятно, пройдут дни, прежде чем мы что-то узнаем. Нам пришлось тронуться в путь утром из-за близкого нахождения немцев, и, когда мы начали отход, на нас начали падать снаряды. Вся бригада тронулась в путь, весь день нас преследовали, само собой, это приводило в возбуждение. Наш отход превратился в бегство: сначала мы прошли 20 миль на восток, потом еще 50 миль... По-видимому, почти все наши танки были выведены из строя, некоторые отличные парни пропали без вести... Би-Би-Си сообщает, что большие танковые бои идут близ Антелата, так что нам остается только ждать, чтобы узнать, к чему все клонится.

26-го преследование противника к северу от Мсуса было остановлено из-за нехватки горючего. Более того, какое-либо дальнейшее продвижение в направлении Мехилии/Mechili ставило под угрозу транспортные коммуникации между *Африканским Корпусом* и Бенгази, обстановка в районе которого оставалась неясной: 25-го января 20-й Корпус итальянцев и 90-я Дивизия немцев еще не вступали в бой и пока создавали заслон к северу от Аджедабии. В этой связи Роммель решил прояснить для себя ситуацию вокруг Бенгази.

Он находился в превосходном расположении духа, и для этого были причины. После всего 5 дней боев его войска уничтожили и захватили 299 вражеских танков и бронемашин, 147 орудий и 935 пленных. При этом его потери были ничтожны: 3 офицеров, 11 рядовых и 3 танка. «У нас было четыре дня сплошных успехов, - писал он в письме своей жене. – Наш удар пришелся противнику между глаз! Еще две недели, и я смогу уехать, чтобы сделать доклад и получить Мечи (Крест с Мечами – ВК). Как это восхитительно для генерала – получить признание и иметь возможность послужить Фюреру, нации и идее...»

Действительно, по британским данным, 25 января утром в распоряжении генерала Мессерви было 96 танков, а 26-го - 23, при этом от огня противника было потеряно всего 15 (!) машин: большая часть потерь была связана с поломками и неисправностями.

Верховное командование Вермахта (ОКВ) и Итальянской армии было вынуждено принять как случившееся все изменения в ситуации на Североафриканском ТВД, связанные с наступлением Роммеля, которое развивалось в противоречии, в частности, с идеями и намерениями итальянского командования. К тому времени Рим смирился с потерей Киренаики (Восточной Ливии) и рассчитывал на удержание позиций в районе Мерса Бреги, с которых можно будет осуществлять маломасштабные контратаки и ограниченными целями, за которыми будут следовать отходы на исходные позиции. Итальянцы опасались, что какие-либо крупные операции могут привести к дальнейшим поражениям, за которыми последует потеря всей Триполитании. Это были идеи, которые Кавальеро собирался при поддержке Кессельринга донести до Роммеля. 23 января оба генерала нанесли Роммелю визит в его полевой штаб в Аджедабии. Кавальеро настойчиво возражал против дальнейшего продвижения на север от Аджедабии – предложенное ему перемещение оборонительных позиций *Оси* к восточной границе Киренаики было им отвергнуто по тем же причинам, по которым Роммель в декабре 1941 года решил отступить от *Линии Газала* к Эль-Агейле. В тот момент Роммель считал, что оборона Киренаики на ее восточной границе невозможна уступающими противнику в численности силами, так как британцы всегда будут в состоянии за счет обходного маневра на юге через Мехилию и продвижения к Аджедабии окружить и разгромить немецко-итальянские войска. Тогда, в декабре, 1941-го, у Роммеля просто не было достаточного количества сил и горючего для противостояния британцам...

В конце января 1941 года ситуация изменилась. После нанесения чувствительных ударов по позициям 8-й армии британцев, понесших значительные материальные потери, Роммель считал, что подобна опасность ему больше не грозит. Вследствие этого он не мог согласиться с планами Кавальеро, как с возможной концепцией успешного ведения боевых действий в Северной Африке, и настоял на своем решении извлечь выгоду из открывшихся перспектив достижения победы в той степени, в какой позволяли имеющиеся в его распоряжении силы. При этом он нацеливался на реалистичные цели, чтобы избежать риска снова быть отброшенным противником. Оценивая положение своих сил и принимая во внимание все еще неадекватное снабжение, он не хотел терять возможности использовать те слабые места британцев, которые обозначились в последние дни. Кавальеро, не желая рисковать Триполитанией, стоял на своем, вывел из-под оперативного контроля Роммеля 10-го и 21-го корпуса итальянцев и приказал им оставаться на позициях в районе Мерса Бреги. Вследствие этого Роммель был вынужден продолжить сражение за Киренаику только силами *Африканского Корпуса*, 90-й Дивизии и 20-го Корпуса итальянцев.

Следующей целью Роммеля был Бенгази, который, как выяснилось, продолжали удерживать британцы, выставившие передовые посты в районе городков Эр-Регима/Er-Regima, Сулук/Suluq (*на старых картах – Soluq - ВК*) и Каминис/Qaminis (*на старых картах – Gemines - ВК*). Перемещение частей противника из Бенгази по направлению к Дерне указывало на то, что противник оставляет этот крупный порт или, по меньшей мере, пытается спасти технику. Роммель все еще надеялся на то, что путем нанесения стремительных ударов ему удастся нанести поражение крупным силам британцев и захватить порт, имеющий столь важное значение. Он предложил осуществить фронтальную атаку силами 90-й Дивизии и частями 20-го Корпуса в направлении Сулука и Каминиса, чтобы связать основные силы противника. Тем временем мобильная боевая группа, которую он намеревался сопровождать сам, начнет продвижение через труднопроходимую холмистую местность с полями песков на восток, чтобы перехватить противника, отступающего из Бенгази. Одновременно с этим части *Африканского Корпуса*, атакуя из района Мсус-Бир-эль Меллез/Bir el Mellez в направлении Бир Геррари/Bit Gerrari, будут демонстрировать продолжение преследования в направлении Мехилии.

Фон Меллентин вспоминал, что его привели в изумление неспособность британцев противостоять наступлению Роммеля и скорость, с которой раз за разом рассыпалась

их оборона: «25 января стало очевидно, что британские танковые части не имеют боевого опыта и что они полностью деморализованы... Британские колонны, потеряв голову, бегут через пустыню после самого необыкновенного разгрома за всю войну.»

Вечером 27 января немцы начали продвижение на северо-запад в направлении Бенгази, борясь с песчаными бурями и ливнями, местами утопая в грязи и преодолевая глубоко взрезанные вадии. На следующее утро они вышли к Эр Региме, заняли ее и после полудня продолжили марш на Бенгази. Попытка захватить этот город силами небольшого отряда вечером того же дня была отбита британцами. Одновременно с этим крупные силы отступающего противника приблизились к городу с юга. Роммель создал заслоны на северных и южных подступах к городу и стал дожидаться подхода частей 20-го Корпуса итальянцев и 90-й Дивизии. В тот же вечер он получил от Муссолини директиву, в которой Дуче одобрил операцию по захвату Бенгази в случае, если для этого сложится благоприятная обстановка. Бенгази пал 29 января после того, как значительная часть оборонявшего его гарнизона сумела пробиться на восток через слабые заслоны Роммеля, однако наступавшие захватили около 1 000 военнопленных и 300 машин. Отвлекающая атака немцев в направлении Бир Гертари не привела к контакту с противником...

28 января Черчилль написал Окинлеку, требуя объяснений «поражению нашей бронетехники от противника, уступающего нам в численности. Это ранит [меня] очень глубоко.»

После захвата Бенгази у Роммеля сложилось впечатление, что 8-я Армия намеревается оставить Киренаику и отступить в район, расположенный к западу от Тобрука. Он рассчитал, что арьергард британцев не сможет оказать какое-либо сопротивление вплоть до Газалы, где противник сможет использовать резервы, дислоцированные в районе Мармарики/Marmarica (западная часть Египта). Основываясь на этом, Роммель принял решение продолжить преследование противника вплоть до залива Бомба/Bomba, продвигаясь по двум параллельным побережью дорогам, поскольку положение с горючим вновь приобрело характер хронической нехватки и о продвижении по труднопроходимой местности через Мехилию к побережью до Тмими/Tmimi (ныне At Tamimi – ВК) не могло идти и речи.

Рано утром 31 января две колонны войск Оси, эквивалентные по силам моторизованным бригадам, начали марш: южная от Чаррубы/Charruba к Мараве/Marawa, северная – от Бенгази через Барку/Barca (также Barce - ВК) и далее на восток. Когда северная колонна вышла к Д'Аннунцио/D'Annunzio (18.5 миль к востоку от Барки), ей пришлось продолжить свое продвижение также через Мараву, столкнувшись с завалами на дороге. 1 февраля была взята Мараву после столкновений с сильным арьергардом противника. Вечером этого дня, продвигаясь в направлении Дерны, войска Роммеля смяли заслоны британцев на участке Де Мартино/De Martino, после чего преследование отступающих продолжилось по двум дорогам в направлении Мартубы/Martuba и Дерны. Далекие костры подсказали наступающим, что противник уничтожает склады с военными материалами, продолжая отход. 2 февраля северная колонна взяла приморский городок Берта/Berta, но остановилась, наткнувшись на завалы и воронки от подрывов, сделанных британскими саперами на дороге в 12.5 милях к западу от Дерны. Тем временем южная колонна, продвигаясь на восток, вела непрерывные бои с арьергардами британцев, пока ей не удалось выйти на проселок Мехилия – Дерна, проходивший к западу от Мартубы.

На пути к Дерне, в районе городка Барка, немцы столкнулись с ожесточенным сопротивлением британцев. Британский капитан-артиллерист Барторп (Alec James Barthorpe) вспоминает эти бои и предшествующие им события: «8-я Армия ... отбросила противника к Эль-Агейле – пункту нашего максимального продвижения, где мы остановились, перегруппировались и стали ждать подкреплений. Это дало противнику возможность сделать то же самое, а его транспортные коммуникации к тому времени стали гораздо короче, чем наши, что дало ему преимущество, которое он использовал на полную. И снова немцы под командованием Роммеля были готовы к бою раньше, чем мы, и поймали нас в дреме, вынудив в спешке отступить туда, откуда мы начинали. Генерал Окинлек назначил генерал Ритчи на должность командующего 8-

й Армией, и никто, с кем мне пришлось беседовать, до этого не слышал об этом джентльмене. Уже вскоре нам довелось узнать, что он был наиболее бесполезным генералом во всей Британской армии. Итак, мы не успели начать марш на Бенгази, когда пришел прямо противоположный приказ, так как Бенгази предстояло оставить. Нам приказали немедленно отходить к Барке, находившейся еще на плато, южнее уступа, обрывающегося к побережью, и создать заслон на южной дороге, проходившей через Джебель-Ахдар/Джебель-Ахдар, - возвышенное плато, протянувшееся от Барки до Дерны.

Прибыв в Барку, мы заняли огневые позиции по обе стороны дороги. Мой отряд В находился к северу от дороги вместе с отрядами А, С и D. Где были Е и F, я не помню. Мы окопались и стали дожидаться врага. Пехота, которую мы поддерживали, была ротой из состава Полка Камеронских Горцев (Cameron Highlanders), которые занимали позиции за грядой, расположенной на приличном расстоянии впереди нас. Гряда хорошо просматривалась нами, что оказалось весьма ценным в последовавшем бою. Шум приближающейся колонны дал нам понять, что подошел авангард противника, и мы также услышали треск огня, который открыли из стрелкового оружия передовые посты Горцев. Мы получили от них сообщение о том, что противник спешивается для атаки, и где-то в это время мы открыли огонь, застав немцев врасплох. Затем пришло сообщение о том, что противник немного отступил, чтобы перегруппироваться для [новой] атаки, так что мы увеличили дистанцию стрельбы и накрыли их участок развертывания. Затем случилось невозможное: немцы, по какой-то непонятной причине, начали атаку вверх по склону, чтобы выйти на гребень гряды в штыковой атаке, прямо на линию обороны Горцев. Был отдан приказ стрелять прямой наводкой и целиться ярдов на 20 ниже гребня гряды, что и было сделано, когда противник перевалил через гребень. На них посыпались 25-фунтовые снаряды, которые обеспечивали поражение осколками на 35 ярдов вперед и на 10 ярдов назад, так что немцы понесли большие потери еще до того, как приблизились к линии, где их ждали пулеметы и Горцы с примкнутыми штыками. Стоит ли говорить о том, что все атаки были отбиты с тяжелыми потерями [для противника], пока немцы не отошли на ночь к своей оборонительной линии. Мы ждали их и на следующий день, но пришла информация о том, что они вызвали бронетехнику и что их танки обходят наши позиции с юга в своей обычной манере, так что мы вечером оставили свои позиции. Затем мы были в пути всю ночь и часть следующего дня вместе с пехотой сопровождения, вступали в бой с противником, когда он подходил слишком близко, пока, в итоге, не прибыли в Газалу, где соединились с остальными нашими войсками и попытались остановить врага. Однако эта так называемая линия была просто проведена на бумаге, а на земле это была просто цепочка укрепленных пунктов, разделенных участками пустыни... Тем временем немцы растянули свои линии коммуникаций до такой степени, что были вынуждены остановиться и осуществить перегруппировку, так что наступило затишье...»

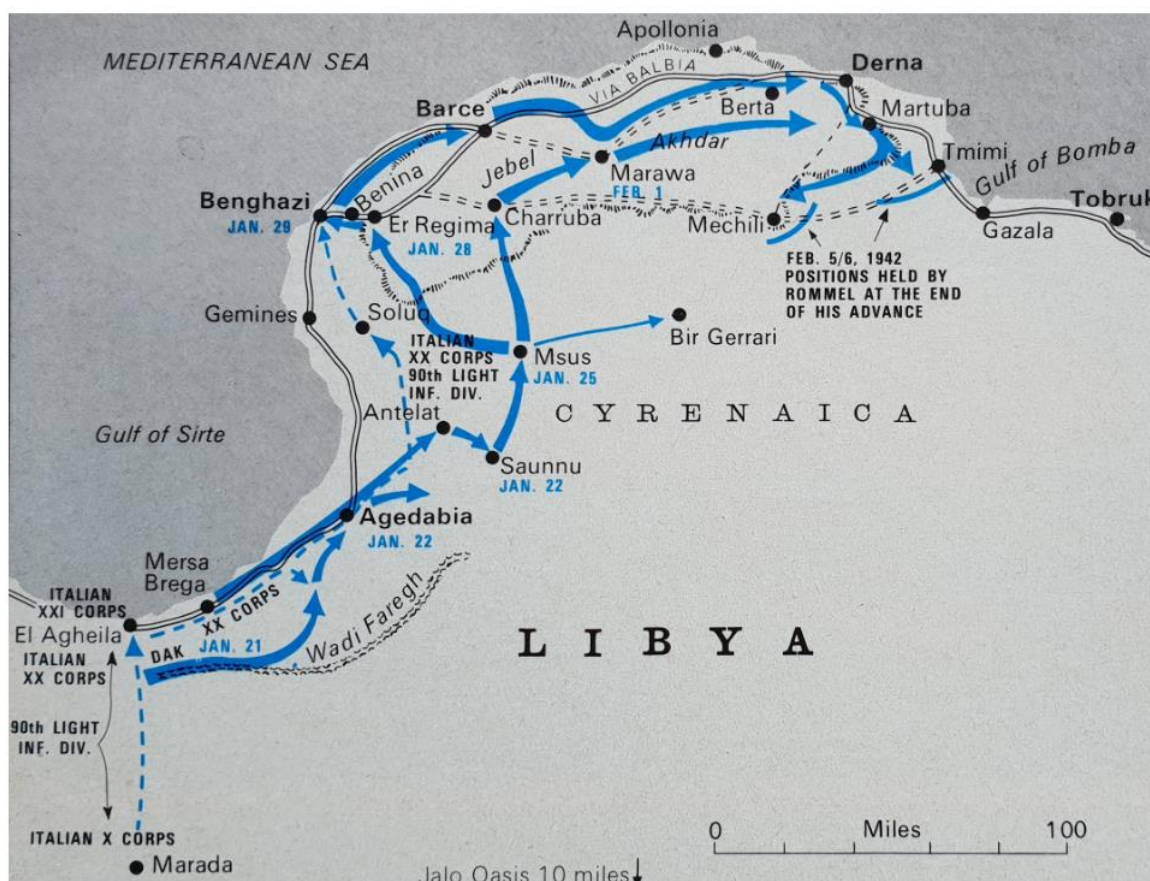
После оставления британцами Дерны 3 февраля, силы Роммеля продолжили преследование противника через Мартубу в направлении Тмими. Здесь британцы дали наступающим бой, но в ночь в 3 на 4 февраля отступили на юго-восток. Тем временем разведочные патрули Оси сообщили Роммелю о том, что британцы начали закрепляться на старой немецко-итальянской полосе обороны в районе Газалы. Британцы также интенсифицировали рекогносцировочное патрулирование и воздушную разведку, и наступающие остановились и начали закрепляться на линии, расположенной в 12.5 милях к северо-западу от Газалы, к которой уже вскоре приблизились значительные силы британцев, располагающие превосходящей в численности артиллерией...

Немецкие войска продвигаются через Дерну. Февраль 1942 года

Роммель выходит к *Линии Газала*

Роммель, который лично возглавлял преследующие британцев силы, 5 февраля понял, что наступление нужно прекратить. Не желая подставлять свои силы под контрудары, он отвел обе колонны на участок к югу от Тмими, установил заслоны на флангах и 6 февраля переместил *Африканский Корпус*, 90-ю Дивизию и 20-й Корпус итальянцев к Мехилии. Он принял решение использовать восточную границу Киренаики в качестве стартовой линии для будущих наступательных операций, сочтя, что британцы уже не в состоянии ввязываться в крупные боестолкновения. Свой южный фланг Роммель обезопасил, используя свои мобильные силы. Его отряд занял даже оазис Джало/Jalo, расположенный в 280 милях к юго-западу от Газалы. Его просьба о привлечении к боевым действиям 10-го и 21-го корпусов итальянцев была утверждена итальянским командованием только через несколько недель.

Схематическая карта продвижения ударной группировки Роммеля в конце января – начале февраля 1942 года

Эпилог

На повторный захват Киренаики силы Оси израсходовали почти полностью имеющиеся у них запасы горючего. Таким образом, зимняя кампания 1941/42 годов в Северной Африке закончилась. Между 21 января и 5 февраля Роммель достиг значительного успеха, нанеся еще недавно победоносному противнику серию чувствительных ударов, отбросив его более чем на 300 миль на восток и захватив важные аэродромы и порты. Боеспособность британцев в результате понесенных людских и материальных потерь значительно уменьшилась. Хотя британцам удалось отвести к Газале большую часть своих войск, нередко бросая снаряжение и технику, эта кампания обошлась им в 10 000 человек убитыми и ранеными, 12 000 попали в плен (по британским данным – 1 390 человек - ВК). Они потеряли более 1 600 танков и бронемашин, 2 500 грузовиков и более 300 самолетов. В этих боях обе стороны были измотаны, и ни одна из них не была в состоянии предпринимать масштабные операции еще долгое время. И британское командование, и командование Оси использовало наступившее затишье в боях для перегруппировки и получения подкреплений и военных материалов.

Приводимые Гаузе цифры британских потерь, скорее всего, преувеличены. Например, рапорт Panzerarmee (танковой составляющей Африканский Корпус) включает следующие цифры на 4 февраля 1942 года:

За январь 1942 года было уничтожено или захвачено:

377 танков и бронемашин

192 орудия

1 220 автомобилей (большинство уничтожено)

50 самолетов (сбито или уничтожено на земле сухопутными силами)

3 300 военнопленных.

Перевернутый британский броневедомитель на немецком фотоснимке. 13 февраля 1942

Судя по всему, войска Оси также понесли ощутимые потери и были утомлены. Когда Роммель отбыл в Берлин, в журнале боевых действий 90-й Дивизии Легкой Пехоты появилась следующая запись: «Главнокомандующий отбыл в отпуск на 3-4 недели. Все вздохнули с облегчением и с нетерпением ждут предстоящие спокойные дни.»

Для Оси основной проблемой по-прежнему оставалось снабжение войск по морю и безопасность транспортных коммуникаций. Гавань Бенгази была приведена в рабочее состояние, что сильно сократило расстояние перевозки грузов по суше к передовой. Трофеи, захваченные в ходе наступления, оказалось достаточно для того, чтобы обеспечить грузовиками несколько моторизованных частей. Склады боеприпасов, брошенные в 1941 году немецко-итальянскими войсками при отступлении, были приведены в должное состояние и готовы к использованию.

Итак, в течение двух недель британцы потеряли всю территорию, захваченную в упорных боях в 1941 году. Роммель нанес им концентрированный удар в тот момент, когда они медлили с консолидацией сил на достигнутом рубеже максимального продвижения, когда их коммуникации были растянуты на огромное расстояние, что затруднило снабжение войск, и когда их группировка войск лишилась нескольких опытных, обстрелянных в боях бронетанковых и пехотных частей. Бронетехника британцев оказалась заметно слабее немецкой по многим показателям. Наступательная тактика Роммеля, заключающаяся в максимальной концентрации сил на нескольких узких направлениях, обходных маневрах и мастерском взаимодействии танков и артиллерии, уничтожении рассредоточенного противника по частям, снова принесла ему оглушительный успех.

Февраль 1942 года. Немецкие солдаты в отличном расположении духа...

Вот что писал генерал-лейтенант Байерляйн, служивший в штабе у Роммеля, о причинах поражения британцев: «В пустыне низкая мобильность, жесткая приверженность шаблонам приводят к катастрофе... Командир должен приспосабливаться и менять ориентировки каждый день и даже каждый час и сохранять свободу действий. Здесь нет места консерватизму в мыслях или делах, здесь нельзя полагаться на традиции или почивать на лаврах прошлых побед. Скорость суждения и действия, меняющего положение дел и застающего противника врасплох ... - это основа тактики войны в пустыне.

Достоинства и ценность солдата измеряются его физической подготовкой, интеллектом, мобильностью, крепкими нервами, агрессивностью, смелостью и стоицизмом. От его командующего все это требуется еще в большей степени, и в дополнение к этому он должен быть выше среднего в жесткости, преданности своим людям, умении инстинктивно оценивать характер местности и противника скорости реакции и уровне боевого духа. Роммелю все эти качества были присущи в наибольшей степени...

Британский солдат сражался в пустыне очень хорошо, хотя в атаке ему не хватало лихости, которую проявляли немцы. Офицеры дрались с исключительной храбростью и самоотверженностью. Сам Роммель часто говорил с восхищением о своем противнике и однажды, глядя на военнопленных, сказал, что был бы счастлив повести таких солдат в бой.

Сражения зимы 1941-42 годов в Африке не оставили сомнений в том, что решающую роль в войне в пустыне играет танк... Значимость победы или поражения [здесь] определяется количеством уничтоженных танков. Но не только количество танков имеет значение: более важным являются их технические показатели, маневренность, дальность стрельбы и калибр пушек... В конце 1941-го Pz.III и Pz.IV все еще превосходили вражеские танки в дальности стрельбы, калибре пушек и, в какой-то степени, в маневренности...»

Британские и немецко-итальянские войска теперь стояли у [Линии Газала](#). Надвигались сражения, в которых определится победитель войны на Североафриканском ТВД.

ROMMEL is back in Derna—within 100 miles of Tobruk. Our right wing has gone back fifty miles in two days. Our left flank of mobile columns is still operating east and north-east of Msus.

The R.A.F. has bombed enemy motorised units near Derna.

Before we left Benghazi we destroyed everything except the water supply, which we left for the sake of the civilians.

CRIPPS

Those Supplies

While this news of a further success at Roumer's lightning-Germans-by-the-sea campaign from the Atlantic front, a significant year ago, is significant about the German Germany's supplies.

It is admitted that the Axis forces are getting more reinforcements, possibly through Tripoli.

However, Axis airbase ships and aircraft going there consistently. German ships have been used and German submarines are known to have been operating in the Mediterranean.

S. America break

... ..

S. America break

S. America break **JOB**
worrys Rome **SIR STAFFORD CRIPPS**

The decision of the majority of South American countries to break off relations with the Axis caused great uneasiness in Italy, says the Rome correspondent of the Zurich newspaper, Neue Zürcher Zeitung.

"Their decision is a heavy blow to Italy," said an Italian

HUMAN CAMOUFLAGE

TRICKED BOMBERS

A consignment of newly-arrived crates lay in an area at Singapore when Japanese

A party of R.I.A.F. officers and men accompanied themselves across the cases, forming an effective camouflage, while the bombers, flying low, dropped their bombs directly ahead of the cruisers - British United Press.

MUZZLED BBC, HE SAYS

has resulted in a condition where this, the largest single means for Government sales promotion, is dwindling in importance daily.

"The public soon find out

★ **Russia tells us how**

★ Mr. Shvachkin.

BRITISH industry possesses all that is necessary to increase the output of all forms of armament, but there are still very considerable unutilised reserves.

That is the Russian trade delegation's finding after visiting more than ten British cities and about sixty factories, works, mines and shipyards.

Industry is "working well," and tribute is paid

Smokers' 'Fur'

If factories want to discover the unused reserves and how to increase output, the remedy is simple—a talk with the working men and women. They know where and why machinery is not being used to the full; where gaps in production lead to men and women being "stood off"; where skilled workmen are wasted.

They put this very gently—in the opinion of the delegation the difference in the political systems of Russia and Britain cannot be an obstacle to the working classes of both countries to combine all their forces in the struggle against Hitlerism.

Try this now. Hold your tongue around your mouth—do you believe it?—a rough woolly feeling. Smokers' fur has got a hold, and is eating your teeth. But don't worry, you can stop this fur from running the show of your teeth.

Dentists know smokers' fur is caused by excess acid in the mouth. Kill the acid and you destroy the fur. What is the best way to kill your enamel acids? 13,000 dentists use "Milk of Magnesia" brand "Sensadine" as the most effective antacid known. They recommend smokers to use the toothpaste containing "Milk

**Your reply is
WORK
The Government's
reply is**

Commence fighting mouth
and tonight! Get a tube of
Phillips' Dental Mergest and
clean your teeth with it each
night and morning. Then you'll
have a sparkling, no more
morning mouth; no more stale
breath. Instead you'll have teeth
which look clean, feel clean, are
clean; a sweet mouth to give new
 zest to smoking. A mouth that
will say "Good morning!" and
mean it.

Price 50¢ and 10¢/4. (Including
Purchase Tax). Sold everywhere

IN R.A.F. COMMISSIONS

At the request of the Commonwealth Government, the British Air Ministry has been specially instructed to speed up the issue of commissions to the following:

Heath, instead you'll have teeth which look clean, firm, clean, are clean; a sweet impish to give new zest to smoking. A mouth that will say: "Good morning!" and mean it!

File No. 10054. (Including Purchase Tax). Sold everywhere

PHILLIPS'
DENTAL MAGNESIA

* "Mark of Magnesia" is the trade mark of Phillips' preparation of Magnesia.

[illegible]

СРАЖЕНИЕ НА ЛИНИИ ГАЗАЛА – МАЙ-ИЮНЬ 1942 ГОДА - КРУПНЕЙШЕЕ ПОРАЖЕНИЕ СОЮЗНИКОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

К лету 1942 года силы стран Оси и Британского Содружества в Северной Африке готовились к решающим сражениям, которые должны были окончательно склонить чашу весов в пользу одной или другой стороны. После успешного захвата Западной Киренаики и взятия Бенгази в январе 1942 года Эрвин Роммель прилагал все усилия к тому, чтобы заставить работать в полную силу свои сильно растянутые линии снабжения и добиться от командования вооруженными силами Рейха отправки в Северную Африку большего количества техники и горючего. Его оппоненты – генерал Клод Окинлек (Claud Auchinleck), главнокомандующий силами союзников СССР на Ближнем Востоке, и генерал-

лейтенант Н. Ритчи, командующий 8-й Армией с 26 ноября 1941 года, также стремились воспользоваться затишьем в боях для подготовки к предстоящим сражениям и достижения победы, которую все более настойчиво требовал от них Черчилль. Им было необходимо время для интеграции прибывающих на этот театр боевых действий значительных подкреплений, включающих живую силу и технику...

Прелюдия

Затишье на линии соприкосновения противоборствующих сторон в Северной Африке продолжалось с первых дней февраля. Эта стратегическая пауза не нашла одобрения у верховного командования британскими вооруженными силами, и Черчилль постоянно и жестко требовал от Окинлека возобновления наступательных действий. После серии крупных неудач, в том числе, катастрофических провалов на Азиатско-Тихоокеанском ТВД, британскому руководству был нужен успех. Кроме того, многое указывало на предстоящую попытку вторжения сил стран *Оси* на Мальту, и для того, чтобы защитники острова могли получить поддержку с воздуха, британцам были необходимы аэродромы в Западной Киренаике. Потеря Мальты могла оказаться непоправимой потерей для британцев как с точки зрения престижа, так и с той точки зрения, что в этом случае снабжение сил Роммеля значительно упрощалось. Таким образом, с точки зрения британского руководства, позиции у Газалы к маю 1942 года стали рассматриваться как плацдарм для наступления. Кроме того, Черчилль беспокоился о безопасности Тобрука, так как войска стран *Оси* находились в опасной близости от этого укрепленного района и важнейшего порта, где располагался опреснительный завод и где были складированы значительные запасы военных материалов. Роммель придавал Тобруку не меньшее значение, чем премьер-министр Великобритании.

Генерал Окинлек считал, что подготовка к победному наступлению потребует значительного периода времени. Известно также, что он не считал удержание Тобрука в руках союзников важнейшей задачей при любых обстоятельствах. В его понимании безопасность Персии, Сирии и Ирака была более критичной для успешного ведения войны на Ближнем Востоке в целом. По большей части, его точку зрения разделяло командование военно-морскими и военно-воздушными силами в регионе. Моряки не особенно рассчитывали на успех в снабжении Тобрука, если он вновь окажется в осаде, в условиях доминирования авиации стран *Оси* в центральной части Средиземноморья. ВВС британцев только начинали восстанавливать силы, понеся тяжелые потери в ходе операции *Crusader* (ноябрь-декабрь 1941 года), и общее превосходство противника в воздухе признавалось британским командованием. Командование частями всех трех родов войск в британских вооруженных силах в Африке было также обеспокоено катастрофической ситуацией на Азиатско-Тихоокеанском ТВД, который поглощал людей и технику, ранее предназначавшихся для войск, сражавшихся в пустыне.

С учетом этих факторов Окинлек чувствовал, что сможет отстоять свою точку зрения в дебатах с премьер-министром. Оба этих человека обладали немалой силой воли, и, в итоге, потребовалась телеграмма от Черчилля со словами «подчиняйтесь или подавайте в отставку», чтобы вынудить Окинлека делать так, как того требовал Лондон. Он пообещал начать наступление в июне, и это успокоило Черчилля. При этом Окинлек выражал озабоченность в связи с относительно невысоким боевым духом британских солдат на тот момент в записке генерал-лейтенанту Артуру Смиту, отмечая его невысокий уровень по сравнению с немцами, русскими и японцами.

Роммель в общении с верховным командованием испытывал противоположные трудности. Берлин и Рим постоянно призывали его проявлять осторожность и пользоваться теми преимуществами, которые дает ему затишье в боях. Маршал Этторе Бастико (Ettore Bastico), верховный главнокомандующий силами *Оси* на этом ТВД (Comando Supremo), редко встречался с глазу на глаз со своим полным энергией подчиненным, который без стеснения называл своего старшего офицера *Marshal Bombastico* (*bombastico* – шумный, но бесполезный – ВК), а отношения Роммеля с Уго Кавальеро – начальником штаба итальянских вооруженных сил – были еще более натянутыми. Что касается верховного

командования германскими вооруженными силами, то оно было куда больше озабочено потребностями Восточного фронта в живой силе и технике и, в меньшей степени, необходимостью проведения операции *Herkules* – высадки на Мальту с целью ее захвата, чем в удовлетворении пожеланий Роммеля. Тем не менее верховное германское командование понимало необходимость очистки Восточной Киренаики от британцев до начала операции *Herkules* для предотвращения вмешательства поддерживавших 8-ю Армию эскадрилий Королевских ВВС в ход событий. 1 мая Роммель получил разрешение на проведение операции по захвату Тобрука. Командование одобрило его планы и на случай достижения быстрого успеха: он мог продолжать наступать до границы Египта, но дальнейшее продвижение исключалось, так как вся имеющаяся на этом ТВД в распоряжении *Оси* авиация должна будет принять участие в захвате Мальты. Операция по изгнанию британцев из Восточной Киренаики приобретет известность под названием *Theseus* (*Тесей* - персонаж греческой мифологии, центральная фигура аттического мифологического цикла - ВК). В отдаленные планы *Оси* входило дальнейшее продвижение к дельте Нила (операция *Aida*), разрешение на которое должно было поступить, если сложившаяся ситуация сделает это достижимым...

Силы британцев

К середине мая обе стороны активно планировали наступательные действия. Британцы располагали следующими силами:

8-я Армия генерала Ритчи была разделена на два корпуса. 30-й Корпус, которым командовал генерал-лейтенант Чарлз Норри (C. W. M. Norrie), включал в себя основную часть бронетехники британцев, входившую в состав 1-й и 7-й танковых дивизий. Они располагали 167 недавно прибывшими танками *Грант/Grant*, 149 танками *Стюарт/Stuart* и 257 танками *Крусейдер/Crusader*. Танки были распределены между тремя бригадами, проходившими в тот момент реорганизацию в самостоятельные бронетанковые части, которые, наподобие бронетанковых формирований Роммеля, должны были включать в себя артиллерию и мотопехоту. 30-й Корпус также имел в своем составе собственную мотопехоту и две пехотные бригады.

13-й Корпус состоял, в основном, из пехотных дивизий. Им командовал генерал-лейтенант Уильям Готт (W. H. E. Gott), имевший в подчинении 50-ю (Нортумбрийскую/Northumbrian) Дивизию (командир – генерал-майор Уильям Рэмсден (W. H. C. Ramsden)), 1-ю и 2-ю южноафриканские дивизии (командиры – генерал-майоры Дэниэл Пинаар (D. H. Pienaar) и Хендрик Клоппер (H. B. Kloppe) соответственно) и две армейские танковые бригады – 1-ю и 32-ю, имевшие в своем составе 166 танков *Валентайн/Valentine* и 110 танков *Матильда/Matilda*. К этому времени пехотные дивизии были преобразованы в бригадные группы – по три в каждой дивизии. Каждая такая группа включала имела в своем составе три батальона пехоты, один смешанный полк полевой и противотанковой артиллерии (24 25-тифунтовки и 16 противотанковых 6-тифунтовок) и транспортную роту RASC (*Royal Army Service Corps* - *Служебный корпус* - представлял собой корпус британской армии, отвечающий за транспорт, администрирование казарм, пожарную службу армии, штабные подразделения штаба, снабжение продовольствием, водой, топливом и бытовыми материалами - ВК). В армейском резерве Ритчи располагал штабной 5-й Индийской Дивизией и 10-й Индийской Бригадной Группой. Ряд частей 5-й Дивизии вместе с частями 10-й Дивизии и еще одной танковой бригадой получили приказ прибыть на линию фронта из Ирака и Египта соответственно. В целом, группировка британских войск к 26 мая 1942 года насчитывала 849 танков и почти 100 000 человек. Численность Королевских ВВС на этом участке антинацистского фронта составляла 320 самолетов всех типов, при этом в боеспособном состоянии находилось менее 200 машин.

Генерал Ритчи расположил эти силы вдоль так называемой *Линии Газала*, проходившей через каменистую пустыню, перемежающуюся с участками распространения песков, роль которых увеличивалась в направлении к побережью. При продвижении вглубь суши от побережья поверхность приподнимается с образованием серии уступов в рельефе, крупнейший из которых - Соларо/Solaro - располагается примерно в миле от Тобрука. К Тобруку с юга подходит шоссе, которое далее поворачивает на запад в направлении

Газалы и Бенгази вдоль подножия уступа Соларо. Гряда, северным склоном которой является уступ Соларо, прослеживается далее на запад от Тобрука примерно на 38 миль, выклиниваясь примерно в 8 милях от городка Газала. Вглубь суши наблюдается целая серия субпараллельных гряд, вытягивающихся с запада на восток. Наиболее заметной из них является гряда, протягивающаяся от населенного пункта Сиди Муфта/Sidi Muftah до городка Эль Адем/El Adem и далее на восток до деревни Эль Дуда/El Duda и железнодорожной станции Бельхамед/Belhamed. К югу от вышеупомянутых гряд рельеф становится все более расчлененным, с множеством *вади*, впадин и изолированных холмов. Кроме приморского шоссе на этой территории не было улучшенных дорог, но имелись «проселки»: Trigh Kapuzzo и Trigh el Adeb.

В начале 1942 года командование 8-й Армией приняло решение построить укрепления, которые будут господствовать на участке общей площадью 1 860 кв. миль. Западный фланг этой полосы обороны был занят обширным минным полем, вытянувшимся на юг от побережья почти на 43 мили с переменным углублением на восток. В пределах полосы обороны были созданы сильно укрепленные *периметры* или *боксы*, каждый из которых обороняла бригадная боевая группа, располагающая запасами воды, продовольствия и значительным объемом боеприпасов. Круговая оборона этих периметров была тщательно спланирована, и британское командование надеялось, что эти периметры остановят любые атаки противника через минные поля и также послужат узлами обороны, опираясь на которые будут осуществлять операции танковые части 30-го Корпуса. Еще одна линия с цепочкой подобного рода периметров протягивалась примерно на 30 миль с востока на запад от Эль Адема до Сиди Муфта. В середине мая большая часть укреплений второй линии все еще строилась. Важнейшие периметры обороняли части *Свободной Франции* (узел Бир-Хакейм) и 150-я Бригадная Группа 50-й Дивизии, кроме того, существенную роль играли оборонительные позиции Найтсбридж (Knightsbridge) и Эль Адем. Еще один кластер похожих *периметров* находился в районе прибрежного сектора *Линии Газала*, так как британцы предполагали, что ось наступления противника может пройти вдоль прибрежного шоссе. В глубине обороны британцев находился периметр оборонительных линий собственно Тобрука. К сожалению, в пределах значительной части 30-мильного периметра стены противотанкового рва со времени оборонительных боев 1941 года осыпались, минные поля частично разобраны и провололочные заграждения частично сняты с целью использования этих материалов на *Линии Газала*.

Как уже говорилось, значительная укреплений в северном, прибрежном секторе обороны осталась недостроенной. Непрерывность минных полей зачастую была нарушена артиллерийским огнем. Кроме того, предположение о наибольшей вероятности атаки Роммеля на севере *Линии Газала* привело к непропорциональной концентрации сил британцев в этом секторе обороны и недостаточной концентрации сил, в особенности, пехоты на юге. Британское командование рассчитывало, что танковые бригады 30-го Корпуса смогут отразить наступление *Panzerarmee* Роммеля в случае применения им обходного маневра вокруг периметра Бир-Хакейм. Танковые части 8-й Армии были разбросаны по южному сектору обороны, хотя, очевидно, что было бы лучше сконцентрировать их для использования в качестве ударной и мобильной боевой группы. Еще одной ошибкой британцев перед наступлением противника было размещение недостаточного количества боеприпасов для 25-тифунтовых гаубиц, занимавших позиции внутри периметров. Хотя казалось, что провианта и воды запасено достаточно, многие офицеры понимали, что нехватка боеприпасов может оказаться проблемой. Три роты *RASC* попытались осуществить подвоз дополнительного объема боеприпасов к оборонительным периметрам, но, как потом вспоминал майор Норфолк (R. W. S. Norfolk), об этой попытке, не утвержденной сверху, узнали в штабе 8-й Армии, после чего в *RASC* получили приказ вернуть эти грузы в Тобрук без промедления...

Таким образом, кажущаяся неприступной *Линия Газала* имела много слабых мест, и от нее ждали слишком многого: ожидалось, что она послужит стартовой полосой для намечающегося наступления, что она заслонит собой Тобрук от любых попыток прорыва к нему и что она преградит путь попыткам Роммеля выйти к египетской границе.

Роммель планирует нокаут

Наступательный план Роммеля во многом повторял схему его предыдущих операций подобного рода: фронтальная атака сковывает и отвлекает силы противника, тогда как основной удар наносит *Африканский Корпус*, осуществляя широкий обходной маневр вокруг южного фланга. Теперь ему предстояло обойти южный фланг *Линии Газала*. Немецкой легкой пехоте и небольшому количеству танков под командованием опытного генерала Людвиг Крювеля (Ludwig Crüwell), поддержанным пехотинцами итальянских 10-го и 21-го корпусов, предстояло осуществить шумные демонстрации силы на самом севере *Линии Газала* между населенным пунктом Триг эль Абд/Trigh el Abd и морем. Сам же Роммель намеревался повести три бронетанковые группы *Африканского Корпуса* вместе с 20-м Корпусом итальянцев в направлении Бир-Хакейма. Этот маневр – операция *Venezia* – должен будет начаться через несколько часов после атаки Крювеля и будет осуществлен ночью, при лунном свете.

Первоначально Роммель планировал расположить итальянскую бронетехнику на крайне правом фланге осуществляющей обходной маневр группировки войск, но в последний момент, 26 мая, он передумал, услышав, что мобильные колонны британцев были замечены к югу от Бир-Хакейма (это была 3-я Механизированная Бригада индийцев), и приказал дивизиям *Ariete* и *Trieste* переместиться во внутреннюю часть его «колеса», чтобы нанести удар непосредственно по периметру Бир-Хакейм. После того, как основная масса его бронетехники обойдет *Линию Газала*, Роммель намеревался наступать на север в направлении пункта Акрома/Акрота, уничтожая по пути британские танки. Тем временем 90-я Легкопехотная Дивизия сместится вправо от оси наступления, двинется на Эль Адем и перережет прибрежное шоссе к востоку от Тобрука, таким образом лишив британцев возможности перебрасывать подкрепления в Тобрук из Египта. Затем Роммель планировал молниеносным штурмом прорвать оборонительные позиции собственно Тобрука...

Однако оптимизм Роммеля был явно чрезмерным. Он предполагал, что добьется решающего успеха уже на четвертый день наступления, но немецко-итальянская разведка недооценила мощь оборонительных позиций британцев, полностью проглядев, например, наличие мощного периметра, обороняемого 150-й Бригадой между дорогами Trigh Capuzzo и Trigh el Abd, по которым Роммель намеревался осуществлять снабжение наступающих колонн. Роммель был настолько уверен в своем быстром успехе, что снабдил ударные части горючим только для 300 км пути, водой, провиантом боеприпасами – только на 96 часов. Уже вскоре эти ошибки в расчетах поставят Роммеля на грань катастрофы.

Начиная с февраля, Роммель энергично укреплял свою войсковую группировку. Успешная переброска через море в Триполи двух конвоев (благодаря возобновлению бомбардировок Мальты, которые обезопасили морские коммуникации *Оси* от атак с воздуха и с моря) прибавило *Африканскому Корпусу* техники. Падение Бенгази в конце января и захват значительного количества горючего и различных материалов существенно облегчили ему снабжение войск. Занятие порта Бенгази также существенно сократило силам *Оси* пути доставки грузов к линии фронта. Несмотря на более чем 740 воздушных налетов авиации британцев на порт Бенгази, большая часть грузов была им принята. К середине мая у Роммеля было 332 немецких танка, из которых 19 были модернизированными машинами *Pz.III* (оснащенные 50-мм длинноствольной пушкой), 40 – машинами *Pz.IV*, еще 50 – машинами *Pz.II* – эти машины считались более совершенными, чем британские *Стюарты*, *Крусейдеры* и *Матильды*, превосходящими их в скорости и огневой мощи. *Pz.IV* и модернизированные *Pz.III* ни в чем не уступали *Грантам* и превосходили их в приспособленности к ведению боевых действий. Остальные немецкие машины были представлены танками *Pz.II* и небольшим числом уступающих британским машинам танков *Pz.I*. Итальянские машины были представлены 228 средними танками *M-13/40* и *M-14/41*, уступавшими по своим боевым характеристикам британской технике. Три немецкие дивизии насчитывали в своих рядах 22 400 человек, тогда как в трех итальянских корпусах служило значительно большее количество солдат и офицеров. Авиация *Оси* могла бросить в бой около 700 немецких и итальянских самолетов, включая большое количество современных машин *Me-109F*. Не менее 500 самолетов были в боеготовом состоянии... По численности танков Роммель, располагая 560 машинами, включающими 109 единиц

новейших конструкций, значительно уступал Ритчи, но в воздухе ощущалось заметное доминирование авиации Оси. Однако Роммель, в целом, больше полагался на внезапность своих действий, стремительность, собственную интуицию и просто на удачу.

Поздним вечером 26 мая колонны немецкой и итальянской бронетехники начали продвижение на юг. К этому моменту боевые действия в прибрежном секторе *Линии Газала* уже продолжались несколько часов. В первые часы после полудня боевая группа Крювеля двинулась в направлении Газалы и Сиди Муфта. Оправившись от некоторого замешательства, поскольку это время суток было необычным для начала наступательных действий, солдаты и офицеры 8-й Армии заняли оборонительные позиции. В штабе 8-й Армии, расположенном близ пункта Гамбут/Gambut (*ныне Kambut - BK*), не были удивлены выбором противника секторов атаки. Разведывательные патрули и воздушная разведка заблаговременно сообщили о концентрации сил *Оси* к югу и востоку от города Тмими/Tmimi. В условиях пустыни практически невозможно скрыть продвижение техники из-за поднимаемых ею клубов пыли. Несмотря на попытки Роммеля сбить британцев с толку с помощью установленных на грузовики и поднимающих колоссальное количество пыли авиамоторов, Ритчи также получил рапорта о концентрации конвоев противника близ деревни Ротонда Сеньяли/Rotonda Segnali – на стартовом участке для обходного маневра на юге *Линии Газала*.

Однако были и противоречащие друг другу сообщения. Во второй половине дня 26 мая это привело к тому, что командование 8-й Армии сочло северное направление наступления *Оси* главным в разворачивающемся сражении.

В ночь с 26 на 27 мая, в свете луны, разведывательные патрули британцев засекли продвижение колонн противника в южном направлении. Несмотря на неплохое природное освещение, дивизия *Trieste* сбилась с пути и, вместо того, чтобы выйти к Бир-Хакейму, итальянцы направились к оборонительному периметру 150-й Бригады, о существовании которого Роммель не имел понятия.

Появление бронетехники *Оси* к югу от Бир-Хакейма после полуночи 27 мая не стало полной неожиданностью для британцев. Это, однако, не спасло 3-ю Моторизованную Бригаду индийцев, оказавшуюся на пути главных сил противника в 6.30 утра. 21-я Дивизия немцев и *Ariete* смяли и рассеяли индийцев, потерявших 440 человек. 90-я Легкопехотная Дивизия немцев, продвигаясь в восточно-северо-восточном направлении, вышла к оборонительным позициям, занимаемым 7-й Моторизованной Бригадой британцев в районе пункта Ретма/Retma. Британцы едва успели отступить дальше на восток в район пункта Бир эль Губи/Bir el Gubi. Таким образом, эти первые столкновения оказались в пользу Роммеля...

Можно было ожидать, что такое развитие событий подтолкнет командование 8-й Армии к принятию энергичных и эффективных мер по отражению наступления противника, но сделано было мало. 4-я Танковая Бригада британцев попыталась оказать помощь Индийской Моторизованной Бригады, но тем самым подставила свой правый фланг под удар 15-й Танковой Дивизии немцев. В последовавшем за этим столкновении обе стороны понесли тяжелые потери, однако отступили именно британцы – они отошли к Эль Адему, преследуемые противником.

27 мая британцев постигла еще одна неудача: наступающая колонна немцев наткнулась на штаб 7-й Танковой Дивизии, в результате чего большая часть его офицеров попала в плен, включая командира – генерал-майора Мессерви (F. W. Messervy). За некоторое время до этого, однако, генерал Ламсден (Lumsden) приказал 1-й Танковой Дивизии выдвинуться вперед для оказания помощи 7-й Дивизии. Входящая в состав 1-й Дивизии 22-я Танковая Бригада столкнулась с 15-й и 21-й танковыми дивизиями немцев и, потеряв около 30 машин, откатилась к пункту Найтсбридж. Могло показаться, что все шло в соответствии с планами Роммеля, но преследующие британцев немцы неожиданно оказались под ударом с обоих флангов, атакованные 2-й Танковой Бригадой 1-й Армейской Танковой Бригадой. Немцы понесли ощутимые потери, и к сумеркам, хотя Роммель и продвинулся далеко на север, вплоть до пункта Бир Лефа/Bir Lefa, одна треть его танков

была выведена из строя. Более того, первоначальная атака дивизии *Ariete* на периметр Бир-Хакейм была отбита с немалыми для итальянцев потерями. Наибольшей проблемой для наступающих на юге немецко-итальянских сил был то, что конвои снабжения пока так и не прибыли к передовой, тогда как 15-я Танковая Дивизия немцев уже испытывала нехватку горючего.

Казалось, интуиция подвела Роммеля. Разгромить танковые части 8-й Армии ему не удалось, сам он понес тяжелые потери и выбивался из намеченного графика. В течение двух последующих дней положение *Африканского Корпуса* продолжало ухудшаться. Роммель дерзнул продолжить наступление на север, и к вечеру 28 мая ему удалось захватить после ожесточенного боя небольшой оборонительный периметр *Commonwealth Keer* (другое название – *Wycoma 209/Hill 209*). На всех остальных участках боев 8-я Армия удерживала свои позиции. *Ariete* уступила 2-й Танковой Бригаде в ожесточенном бою близ пункта Бир Эль Хармат/Bir El Harmat, в то время как 90-ю Легкопехотную Дивизию немцев 4-я Танковая Бригада британцев оттеснила на юг от Эль Адема. Как и в предыдущие дни, плохая видимость затрудняла масштабное применение авиации обеими сторонами. Генерал Ритчи уже предвкушал победу, так как 8-я Армия все еще имела в строю 330 танков, тогда как разведка доложила ему о наличии менее 250 танков у Роммеля. Несмотря на это британский командующий занял традиционную для него выжидательную позицию и не решился на нанесение контрудара...

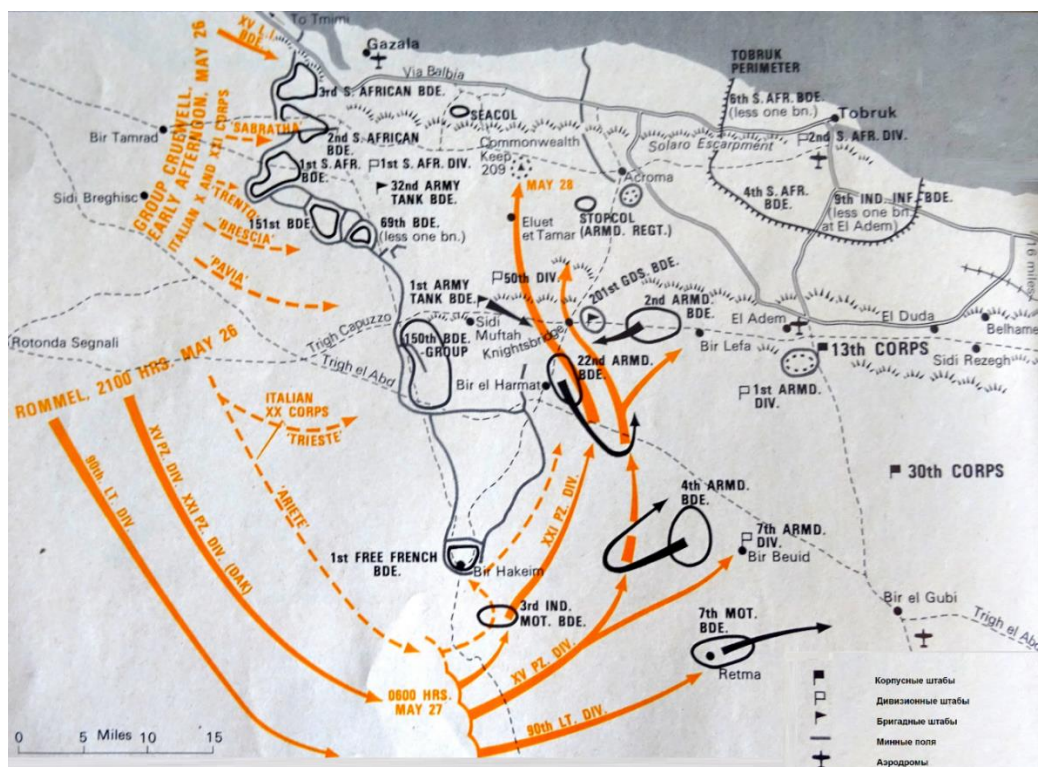
Разумеется, Роммель не был доволен сложившейся ситуацией. Казалось, его ждет полная катастрофа. Атакуемые патрулями британцев и находящиеся под артогнем из удерживаемого 150-й Бригадой британцев периметра Сиди Муфта, итальянские саперы из дивизий *Pavia* и *Trieste* медленно пробивали проходы в минных полях, продвигаясь в западном направлении для создания короткого коридора, ведущего из тыла к передовым танковым частям. Нехватка горючего и, даже в большей степени, воды была настолько сильной проблемой для танковых частей *Африканского Корпуса*, что дальнейшее промедление с их доставкой могло вынудить немецкое командование остановить наступление и даже привести к массовой сдаче его солдат и офицеров в плен. В этой обстановке проявили себя лидерские качества Роммеля. Приказав осуществить перегруппировку 29 мая, он лично выехал на поиски заблудившихся где-то конвоев с грузами и посреди ночи нашел их, забрался на подножку кабины первого же грузовика и сам вывел конвой в расположение танкистов *Африканского Корпуса*. Люди получили воду, машины были заправлены и пополнили свои боекомплекты, и к 6 утра 30 мая *Африканский Корпус* снова стал боеготовым. Однако проблемы со снабжением наступающих войск никуда не делись...

29 мая стало днем многочисленных и беспорядочных стычек между противоборствующими сторонами. Пока Роммель заправлял свои танки, Дивизия *Sabatha* предприняла сильную атаку на позиции 1-й Южноафриканской Дивизии. Атака была отбита с тяжелыми потерями для итальянцев, потерявшим, в том числе, несколько сот человек пленными. Оставшаяся часть дня была отмечена попытками Роммеля перегруппировать свои танковые части юго-западу от пункта Найтсбридж. Когда 2-я Танковая Бригада британцев попыталась помешать этому, она была атакована с трех сторон одновременно. 22-я Танковая Бригада пришла к ней на помощь, и к сумеркам обе стороны приостановили боевые действия.

Положение Роммеля в чем-то улучшилось по сравнению с предыдущим днем, но оставалось критическим: он по-прежнему испытывал нехватку буквально всего. Генерал Крювель пропал без вести во время рекогносцировочного полета, и это тоже не добавляло немцам положительных эмоций. (Крювель попал в плен, к неприятностям Роммеля добавилось и ранение его начальника штаба генерала Гаузе/Gause.)

Произведя переоценку ситуации, Роммель принял решение отказаться от своего первоначального плана. Шел четвертый день наступления, и пока никаких надежд на взятие Тобрука – его ранее намеченной для этого дня цели – не было. Роммель решил перейти к обороне. Все основные части его танкового клина получили приказ отступить к западу, к восточной границе полосы британских минных полей. Ему было необходимо как можно быстрее завершить расчистку коридоров через минные поля для конвоев

снабжения, после чего Роммель ожидал перейти к обороне и отразить неизбежное контрнаступление противника. Предполагалось, что линия артиллерийских позиций 88-миллиметровок и противотанковых батарей, поддержанных артиллерией больших калибров, создадут непробиваемый заслон, за которым мобильные части отдохнут и перегруппируются.

Ход сражения к концу 28 мая 1942 года

Когда генерал Ритчи узнал о том, что *Африканский Корпус* смещает свои позиции к западу, это привело его в восторг. Для него это означало, что Роммель уже признает поражение. Бир-Хакейм стойко удерживал свои позиции, периметр Сиди Муфта оставался в неприкосновенности. По-видимому, Ритчи полагал, что Роммель находится в ловушке, прижат спиной к минным полям, и теперь его можно уничтожить силами артиллерии 8-й Армии.

стараясь помешать немецким саперам расчистить от мин подходы для утренней атаки. Утром немцы не заставили себя ждать, и защитникам периметра не раз приходилось понемногу отступать под нажимом атак, в которых немцы имели значительное численное превосходство. В первый день немцы атаковали шесть раз, но к ночи британцы продолжали держаться. Они понесли тяжелые потери, боеприпасов для 25-тифунтовок почти не осталось. За несколько дней боев защитники периметра израсходуют комплект боеприпасов, которого, по расчетам, должно было хватить на 21 день...

Ночь прошла спокойно. Защитники перегруппировались для удержания двух небольших секторов обороны. Примечательным событием стало пленение двух немецких штабных офицеров, которые в темноте заехали на позиции британцев. На рассвете 1-го июня атаки возобновились с еще большим ожесточением. Позиции защитников оказались под атаками пикирующих бомбардировщиков, и уже вскоре их окутали клубы дыма и пыли. Под прикрытием воздушных атак немецкие танки добились продвижения вперед, вглубь периметра. Стало ясно, что падение Сиди Муфта и разгром 150-й Бригады является вопросом ближайшего времени. Немцы уничтожали одну оборонительную позицию за другой, и британским артиллеристам пришлось вывести из строя свои 25-тифунтовки. Последние выстрелы прозвучали вскоре после 14.00, когда сложили оружие солдаты Роты В 5-го Батальона Полка Зеленых Ховардцев. Большинство выживших в боях британцев попали в плен, но небольшим группам удалось вырваться из окружения и пробиться к своим. Генерал-полковник Роммель был полон желания выразить свое уважение защитникам периметра и вскоре прибыл на место, но бригадир Хэйдон оказался в числе погибших. 150-я Бригада и периметр Сиди Муфта прекратили свое существование. Немцы взяли в плен около 3 000 британцев, захватили или уничтожили около 100 танков и бронемашин и 24 орудия различных типов...

Дивизия Ariete на марше. 10 июня 1942 года

Первые попытки 8-й Армии прорвать оборонительные линии *Африканского Корпуса* вокруг *Котла*, имевшие место 1 и 2 июня, были отбиты артиллерийским огнем. Одновременно с этим сильные песчаные бури не дали британцам нанести удар по *Котлу* с воздуха. Роммель чувствовал себя настолько уверенно, что приказал 90-й Легкопехотной Дивизии сместиться на юг, чтобы оказать содействие уже сильно потрепанной дивизии *Ariete* в попытках уничтожить периметр Бир-Хакейм. Но не все шло гладко для Роммеля: агрессивное патрулирование британцев и южноафриканцев близ путей снабжения *Африканского Корпуса* нанесло ощутимый ущерб конвоям *Оси*. Выбыл из строя начальник штаба *Panzerarmee* генерал Вестфаль (Westphal), получивший ранение во время налета Королевских ВВС в перерыве между песчаными бурями 2 июня. Авиация британцев оказала ощутимую поддержку защитникам Бир-Хакейма, после чего командующий

французской боевой группой генерал Кёниг (Marie Joseph Pierre François Kœnig) отправил им радиосообщение со словами: «Bravo! Merci pour la RAF!»

Периметр Бир-Хакейм на юге продолжал держаться, и генерал Ритчи не рассматривал свое положение как угрожающее, однако Окинлек, находившийся в Каире, был полон недобрых предчувствий. «Я рассматриваю уничтожение периметра 150-й Бригады и консолидацию сил противника в пределах обширного и глубокого клина, вбитого в центр ваших позиций, с тревогой,» - писал Окинлек Ритчи. Он подчеркнул необходимость скорейшего нанесения удара по врагу и выведения Роммеля из равновесия до того, как положение французов, обороняющих Бир-Хакейм, станет безнадежным.

Командование 8-й Армии так и не пришло на помощь и не воспользовалось для нанесения контрудара тем, что немцы бросили основные свои силы на уничтожение периметра. После войны Байерляйн признал в беседе с бригадиром Дезмондом Янгом (Desmond Young), что «все силы были брошены на периметр 150-й Бригады... Если бы мы не взяли его 1-го июня, он отвлек бы на себя весь Африканский Корпус.» Положение Роммеля стало более безопасным, открылись короткие пути снабжения, периметр Сиди Муфта больше не беспокоил его. Теперь он мог выбрать момент для возобновления наступления.

5 июня 8-я Армия наконец-то предприняла довольно масштабную атаку на *Комел* (операция *Aberdeen*), которая окончилась провалом. Провал был обусловлен неадекватным планированием и слабой координацией действий танков и пехоты. Если бы в бой были брошены сразу две танковые дивизии с соответствующей поддержкой моторизованных бригад, исход наступления британцев мог бы быть совсем другим, но ни 201-я Бригада Гвардейцев, ни моторизованные бригады не приняли участие в операции. Отсутствие централизованного контроля в 8-й Армии обрекло операцию на неудачу уже в самом начале. При этом серьезные ошибки разведки в определении размещения основных сил Роммеля привели к неразберихе в действиях британцев и тяжелым потерям. Первоначально могло показаться, что все идет неплохо для британцев: передовые батальоны вышли к намеченным рубежам, сталкиваясь с довольно умеренным сопротивлением, но вскоре выяснилось, что британцы всего лишь *поскребли по поверхности* оборонительного заслона Роммеля, который находился дальше к западу. Когда 22-я Танковая Бригада британцев продвинулась дальше, она оказалась под ураганным огнем немецкой артиллерии – 88-миллиметровок и противотанковых пушек. Уже вскоре британские танки горели здесь и там, и уцелевшие машины откатились на север, оставив без поддержки пехоту. Одновременно с этим был остановлен 13-й Корпус британцев, поддерживающий атаку на расположенные на гряде Сидра/Sidra позиции немцев.

Немцы у захваченного танка Грант. Линия Газала

Сразу после полудня Роммель почувствовал, что пришло его время. Атаковав в восточном направлении, его танки уже вскоре смяли пункты размещения двух тактических штабов британцев, а его 21-я Танковая Дивизия устремилась к пункту Найтсбридж – важному перекрестку проселочных дорог. С этого момента британцы полностью потеряли контроль за ходом событий. Столь долго ожидаемое контрнаступление генерала Ритчи полностью провалилось. Ближе к сумеркам позиции всех британских частей, ранее прорвавшихся в пределы *Котла*, были смяты, включая позиции четырех полков полевой артиллерии. 8-я Армия потеряла 6 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Роммель заявил о взятии в плен около 4 000 человек и вероятном захвате 150 танков. Он вышел из этого боя победителем, но масштабы поражения в Каире оценили не сразу ...

21-Дивизия немцев на марше. Июнь 1942 года

Бир-Хакейм

Следующей целью Роммеля стал Бир-Хакейм. 8 июня 15-я Танковая Дивизия немцев была переброшена на юг, чтобы помочь итальянцам из *Trieste* и 90-й Легкопехотной Дивизии, которые никак не могли одолеть упорно сопротивляющихся французов. Периметр бомбили пикирующие бомбардировщики, но *RAF* сумели поддержать обороняющихся: только 8-го июня британцы осуществили около 500 боевых вылетов в этот район. Однако после длительной осады французы стали испытывать все более серьезную нехватку боеприпасов, воды и провианта, поэтому 10 июня командование 8-й Армией передало Кёнигу разрешение на прорыв из окружения. Это было сделано ночью и вполне успешно: из первоначального состава гарнизона Бир-Хакейма к своим пробилось не менее 2 700 человек, оставив на милость победителей около 500 раненых и десятерых санитаров и врачей. Героическая оборона этого периметра продолжалась две недели, французы нанесли итальянцам и немцам тяжелые потери и на несколько дней задержали развитие наступления Роммеля.

Бир-Хакейм. Французские зенитчики.

Танковый погром

Со сдачей Бир-Хакейма половина *Линии Газала* прекратила свое существование. Однако Ритчи не смирился с необходимостью оставления оставшихся от *Линии Газала* позиций и перегруппировки сил 8-й Армии вдоль линии Акрома - Эль Адем - Бир эль Губи. Северный сектор *Линии Газала* по-прежнему прочно удерживался британцами, и между Акромой и побережьем было уложено новое минное поле. Британцы по-прежнему располагали 250 боеспособными танками, но недавняя потеря семи полков полевой артиллерии серьезно ослабила огневую мощь 8-й Армии.

Роммель располагал всего 120 немецкими и 60 итальянскими танками, но был полон решимости разгромить 30-й Корпус британцев. Он отдал приказ на прорыв из *Котла* 11 июня: 21-я Танковая Дивизия должна была наступать в направлении гряды Сидра, в то время как 15-я Танковая и 90-я Легкопехотная дивизии наносить удар в направлении Эль Адема.

Когда британцы получили первые данные о продвижении немцев по этим направлениям, генерал Норри поверил в то, что теперь у него наконец-то есть шанс нанести противнику сокрушительный удар, но Роммель опередил его. Последовала серия решительных атак на позиции 2-й и 4-й танковых бригад британцев, и, хотя авиация британцев осуществила около 600 вылетов, атакуя колонны техники Роммеля, к сумеркам 11 июня 90-я Легкопехотная Дивизия была уже в нескольких милях от Эль Адема, в то время как две остальные наступающие части подтягивались параллельно и левее.

В следующие два дня танковые бои достигли максимального накала. Роммель повторно применил в районе оборонительного узла Найтсбридж свою хорошо отработанную тактическую схему, заключающуюся в заманивании атакующих небольшими группами британских танков под огонь противотанковых артиллерийских заслонов, чтобы затем обрушить свои танки на уцелевшие машины противника. Британцы сражались отчаянно, но к ночи 12-го июня 30-й Корпус уже был на грани полного уничтожения. Когда генерал Готт понял, что пришло время отступить, в его распоряжении оставалось не более 70 боеспособных машин, и, поскольку противник полностью доминировал на поле боя, шансов на эвакуацию поврежденных, но подлежащих восстановлению танков уже не было. Теперь ничего, кроме чуда, не могло остановить Роммеля на пути к приморскому шоссе: после этого 13-й Корпус британцев становился полностью отрезанным от Тобрука...

В трудах по *Официальной Истории ВМВ*, изданных в Великобритании, написано, что Роммель приказал 15-й Танковой Дивизии атаковать 2-ю и 4-ю танковые бригады британцев с юга, а 21-й Танковой Дивизии – нанести им удар с тыла, и «эти приказы имели катастрофические последствия для британцев. Это был типичный охват противника в клещи в тот момент, когда он производит перегруппировку сил..., и к концу дня (11 июня) ... баланс бронетанковых сил (другими словами, количество танков, остававшихся в строю – ВК), окончательно склонился в пользу Роммеля.» Сам он охарактеризовал разгром британских танковых сил в своих дневниках:

... Избиение британских танков продолжалось... убийственный огонь обрушивался со всех сторон на плотно построенные танковые части...

Вспоминают участники боев

Танкист Элф Дэвис (Alf Davis) -

Я никогда не видел столько танков, подбитых за столь короткий срок... В наше время вы могли бы подумать, что случился ядерный взрыв... А у офицеров были такие же понятия, как у офицеров времен атаки Легкой Бригады (окончившаяся катастрофой лобовая атака на артиллерийские позиции русских британской кавалерии во время Крымской войны – ВК). Немцы одурачивали нас – они выдвигали десяток танков вперед. Потом отступали, мы устремлялись в погоню, и тут их танки расступались и пуф – напротив нас уже были три 88-миллиметровки. Мы попадали в эту ловушку снова и снова.

Танкист Питер Роуч (Peter Roach) -

Нам всем довелось увидеть сожженные танки и узнать, как они пахнут, увидеть обугленные трупы танкистов...

Капитан Сайрил Джоули (Cyril Joley) -

Что-то со звоном ударило о башенную броню, вспышка пламени с дымом оттуда ворвалась вовнутрь башни, за чем последовал еще один глухой взрыв. Ударная волна прошла мимо меня, но все еще гуляя по башне, прошла по моим рукам и лицу и оставила меня бездыханным и ослепленным...

Снаряд пробил лобовую броню башню напротив Кинга, заряжающего. Он сбил пулемет с установки, и фрагмент башни с его острыми краями ударил по снаряду, который Кинг держал наготове, от чего тот загорелся. Последовавший за этим взрыв разнес рацию, оторвал голову и плечи Кинга от остальной части его тела и поджег ящики с пулеметными патронами, сложенные на полу. Башня заполнилась дымом...

Джоули и его наводчику удалось выбраться из горящей машины.

Берт Ренделл (Bert Rendell), командир танка, вспоминал, как они бежали, оставив позади перекресток дорог Найтсбридж: «У нас осталось всего шесть [танков] из пятидесяти с чем-то машин. Все остальные сгорели.» По дороге Ренделл наткнулся на десятерых танкистов, сидевших на своих вещевых мешках. Он искал замену своему погибшему наводчику, но никто из этих людей не подходил для этого:

«Поехали,» - сказал я водителю. Мне они без пользы. Может, их подберут немецкие танкисты, но я знал, что за мной отступают другие британские танки, которым нужны люди и которым они могу понадобиться. Ты можешь потерять кого-то из своих людей, но танк все еще на ходу. Если погибли двое из экипажа, а трое еще живы, ты просто хоронишь их [погибших] в безопасном месте и помечаешь это место на карте... ты должен двигаться дальше, потому что танк не должен попасть в руки врага, и ты можешь найти других танкистов для себя...

Каждый новый день собирал свою жатву убитыми и ранеными. Новые танки и новые экипажи прибывали [на передовую], и мы теряли их, не запомнив их имена. С растущей тревогой я думал о том, сколько еще протянут старые бойцы моего эскадрона...

Стресс и усталость опустошали британцев морально и психологически.

Думаю, мы дошли до такого состояния, что уже не могли двигаться дальше... Было довольно много тех, кто совершал самоубийства. Они дошли до того, что уже не могли ничего делать, и им уже было все равно...

Уцелевшим британцам, выбравшимся из подбитых машин, приходилось по несколько раз пересаживаться на новые или отремонтированные. Танкист Бак (кличка – ВК) Кайт (Buck Kite) вспоминал, как его душа ушла в пятки, когда офицер сказал ему: «Для вас, капрал Кайт, там есть боеготовый танк, примете его?» Капрал Уотсон так рассказывал о том, что произошло после того, как он потерял свой танк:

Нам больше не нужно было воевать. Прекрасно. Нас подвез грузовик, и мы выпили чаю. И тут за нами пришли. Нам сказали принять танки, и я со своим экипажем снова пошел в бой...

Слова *восемьдесят восемь* (калибр тяжелых немецких зениток – ВК) вошли в словарь британских танкистов, как символ полного разрушения...

Капитан Рей Лики (Rea Leaky) -

В первую же секунду [атаки] мы получили, по меньшей мере, четыре прямых попадания бронебойными снарядами. Двигатель заглох, гусеницу разорвало, а один снаряд угодил в башню и влетел в нее. Затем довольно тяжелый фугасный снаряд попал в маску моей 37-мм пушки и вдавил ее вовнутрь... У меня всего лишь зазвенело в ушах, но осколок угодил одному из парней в голову, и он упал на пол башни замертво... Почти каждый из танков, пошедших в этот бой, встретил такую же судьбу.

Связист-артиллерист Роберт Ли (Robert Lee) -

На нас сыпались снаряды, в нас летели пулеметные очереди. Немецкие танки и машины катились прямо на нас. Их было отлично видно... Вокруг нас горели машины и Валентайны, в воздух поднимались клубы едкого дыма, он был наполнен смрадом поджаривающейся, горячей человеческой плоти. Это был первый вкус ада. Но не последний... Противник смял наши позиции, словно фермер, прошедшийся с плугом по своему полю. Его пехота со скорострельными пушками на транспортерах накатила на нас. У нас не было другой альтернативы, кроме самоубийства. Мы сложили оружие и рассредоточились. Затем пошли навстречу идущим поодиночке в нашу сторону немцам с поднятыми руками. Молодой немец, к которому я подошел, сказал: «Nicht boom-boom.» – «Nein,» - ответил я...

Танкист Джордж Хейг (George Haig, 2nd Earl Haig, сын фельдмаршала ПМВ Дугласа Хейга)
–

Отступление было неорганизованным и полным неприятностей. Печально было на это смотреть... Он было похоже, скорее всего, на Дюнкерк. Мы, должно быть, потеряли большую часть нашего снаряжения, наших складов горючего и боеприпасов и т. п.

Лейтенант Курт Хёне (Kurt Hoehne), командир расчета 88-мм орудия -

Как только танк попадал в поле зрения, мы выбивали его одним или двумя выстрелами. Трассы наших снарядов точно показывали нам, как корректировать огонь... Взрыватели снарядов имели небольшое замедление, для того чтобы он мог сначала пробить броню, а потом взорваться. Один выстрел мог снести всю башню.

Немецкий офицер-танкист Йоахим Шорм в своем дневнике сделал запись о том, как во время одного из боев сражения на *Линии Газала* почувствовал удар в заднюю часть своего Pz. III: «Я подумал, что танк, должно быть, горит... повернул башню, поглядел в смотровую щель. Он не горит! Удача с нами.» Шорм пережил этот бой и позднее обнаружил бронебойный снаряд в запасном топливном баке. Бензин вытек и так и не загорелся.

Позднее его *Pz. III* трижды (!) в одном бою подрывался на минах, после чего ему пришлось пересест на другую машину и продолжить продвижение вперед...

Фридрих фон Меллентин, офицер штаба *Африканского Корпуса* -

- Об атаке 22-й Танковой Бригады британцев, в которой они 5 июня в районе периметра Сиди Муфта потеряли 50 машин из 70

Тяжелые британские танки с грохотом пошли вперед при дневном свете, представляя собой превосходные мишени для нашей противотанковой артиллерии и закончив атаку на минном поле, где их просто разнесли на части. С тактической точки зрения это была самая смехотворная атака за всю кампанию...

- О танковом погроме

Новая атака началась после полудня 11 июня. К ночи 15-я Дивизия панцеров достигла Надурет эль Кишвош/Naduret el Ghesceuasc; 90-я Легкопехотная и две части бронеразведки были уже к югу от периметра Эль Адем. Наша служба радиоперехвата – весьма важный фактор в успехах Роммеля – сообщила, что «4-я Танковая Бригада [британцев] отказалась атаковать на юго-востоке.»

Роммель был в восторге от того, что британцы рассматривают такой вариант. Он приказал 15-й Дивизии перейти к обороне 12 июня, пока 21-я Дивизия продолжит наступление на юг от периметра Найтсбридж, чтобы ударить британцам в тыл. 12 июня сражение разворачивалось медленно. 15-я Дивизия ожидала британской атаки, в то время как 2-я и 4-я бригады [британцев] ждали четкого приказа.

В итоге, генерал Неринг приказал 15-й Дивизии атаковать и, воспользовавшись песчаной дымкой [для выдвигения], наша противотанковая артиллерия открыла эффективный огонь по британским танкам. К полудню Роммель почувствовал, что сражение достигло максимального накала, и приказал 21-й Дивизии атаковать открытый фланг 7-й Танковой Дивизии [британцев]. Этот шаг привел к немедленному успеху, и вскоре наша служба радиоперехвата сообщила, что британские танкисты «просят о помощи.» 22-я Танковая Бригада атаковала с севера, чтобы вызволить своих товарищей, и понесла тяжелые потери от огня 21-й Дивизии и дивизии Trieste. Под давлением двух сжимающих клещи дивизий панцеров 2-я и 4-я бригады дрогнули: отступление 4-й Бригады превратилось в бегство, и, когда солнце уже заходило, она уже сломя голову спускалась с уступа Рами. 2-я и 22-я Бригады отошли к периметру Найтсбридж под постоянным нажимом со стороны наших танкистов. На этом участке ожесточенный бой продолжался до темноты. В боях 12 июня британцы потеряли 120 танков, и судьба сражения на Линии Газала была решена.

13 июня две дивизии панцеров выдвинулись к гряде Ригель, которую удерживали шотландские гвардейцы, поддерживаемые полевой и противотанковой артиллерией южноафриканцев. После исключительно упорного оборонительного боя гряда была взята, а слабые контратаки британской бронетехники были отбиты. Теперь Найтсбридж был изолирован, и [201-й] Гвардейской Бригаде [шотландцев] пришлось прорываться [из окружения] ...

После погрома. Немецкий солдат осматривает подбитый Валентайн...

Катастрофа надвигается

Генерал Ритчи понял, что окончательное поражение не за горами. После полудня 12 июня генерал Ритчи передал в Каир следующее послание:

У нас нет боеспособных бронетанковых сил, чтобы противостоять продвижению Роммеля к побережью. Если немцы выйдут к морю, две наши наиболее сильные дивизии – 1-я Южноафриканская и 50-я Британская будут отрезаны и потеряны.

Он склонялся к тому, чтобы отступить к египетской границе, но теперь, практически, уже было поздно. В Лондоне внимательно и с беспокойством следили за ходом сражения на *Линии Газала*, и в этот момент Ритчи получил от Черчилля послание, включавшее следующую фразу: «Мы самым сердечным образом поддерживаем ваше решение сражаться до конца.» Тем не менее в ранние часы 14 июня Ритчи отдал приказ об оставлении всех позиций на *Линии Газала*. 1-й Южноафриканской Дивизии предстояло отступить на восток весь день 14-го июня, за ней с десятичасовым интервалом должна была последовать 50-я Дивизия. Вопрос с Тобруком оставался открытым. Ритчи склонялся, по меньшей мере, во временном усилении гарнизона, укрепив его действующей в районе Эль Адема мобильной боевой группой, чтобы дать 8-й Армии время на перегруппировку близ египетской границы. Окинлек направил Ритчи следующее послание: «Тобрук необходимо удержать, и противнику нельзя дать прорваться к нему.» В Каире считали необходимым закрепиться на линии Акрома -Эль Адем - Бир эль Губи, чтобы иметь гарантированный доступ к Тобруку по приморскому шоссе. После обмена мнениями и существенной неразберихи Ритчи согласился на это, но не сумел заставить своего вышестоящего командира реалистично оценить состояние, в котором находилась его армия. Было потеряно еще немало драгоценного времени, и снова отсутствие системности у британского командования поставило под угрозу само выживание 8-й Армии. По мнению Байерляйна «генерал Ритчи должен был отходить прямо к [египетской] границе сразу же после захвата нами Бир-Хакейма.»

Тем временем 13-й Корпус британцев искал пути к спасению. В ночь с 13 на 14 июня уставшие люди Роммеля сделали все возможное, чтобы перерезать прибрежное шоссе, но были отброшены огнем стреляющих в упор британских артиллеристов. Хотя приказ на отступление уже был отдан, командирам полевых частей теперь уже нужно было самим принимать решения. 1-я Южноафриканская Дивизия начала отступление утром 14 июня в относительном порядке, уничтожив максимально возможное количество оставляемых материалов. Песчаная буря помогла южноафриканцам сохранить свое продвижение

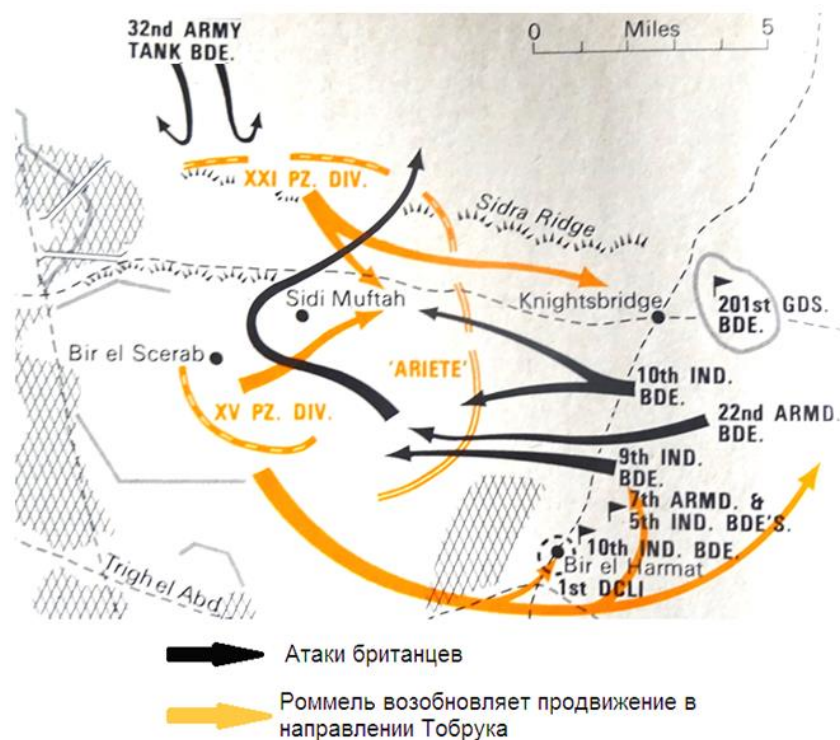
незамеченным для бдительных немцев, и на следующее утро эта дивизия была уже близ Тобрука, потеряв всего 27 человек убитыми и 366 ранеными и пропавшими без вести во время марша.

50-я Дивизия британцев, дислоцированная южнее, была в более трудном положении, чем ее южноафриканский сосед. Дивизия уже потеряла в недавних боях около трети личного состава (практически целиком 150-ю Бригаду), и теперь, зажата между итальянцами с запада и немцами с востока, оказалась в трудном положении, которое осложнила и запланированная десятичасовая задержка. С другой стороны, две оставшиеся в строю бригадные группы располагали большими запасами горючего и значительными транспортными средствами, у них не было проблем с боеприпасами. Эти бригады до этого успешно сражались с итальянцами, и их боевой дух был довольно высок.

Оказавшись в непростой ситуации, командир дивизии генерал Рэмсден и его штаб выработали неординарное решение: вместо общего отступления на восток дивизия должна была разделиться на две группы (которые, в свою очередь, делились на множество небольших колонн) и прорываться на запад через позиции итальянцев. После того, как будут пробиты бреши в линиях итальянцев, колонны устремятся на запад, затем повернут на юг, обойдут с юга Бир-Хакейм и уйдут к египетской границе, расположенной примерно в 120 милях. Дивизия располагала 90 трехтонными грузовиками, и каждая имеющаяся машина имела запас горючего на 300 миль пути. Это была чрезвычайно рискованная, но хорошо спланированная операция...

В реальности операция прошла более гладко, чем мог себе представить самый безудержный оптимист. После уничтожения оставляемых материалов и тяжелой техники во время песчаной бури, британцы успешно прорвались через позиции итальянцев к 4 часам утра 15 июня. Их колонны успешно обогнули с юга Бир-Хакейм, при этом им помогло сориентироваться освещение работающих на этом участке немецких тыловых мастерских. По дороге произошел довольно комичный инцидент: штабная колонна 50-й Дивизии наткнулась на группу из 30 итальянских офицеров, которые с несколько постыдной настойчивостью стали просить британцев взять их в плен. Британцам это было совсем не с руки, поэтому они отобрали у итальянцев их башмаки и оставили босыми посреди пустыни... В итоге примерно 96% людей от первоначальной численности дивизии добрались до своих.

Роммель уже чувствовал себя триумфатором и 15 июня сообщил в Берлин, что «победа за ним и противник разваливается...» Теперь ему оставалось только взять Тобрук, после чего можно было приступить к преследованию остатков разгромленной 8-й Армии на восток, за египетскую границу. Немцы не располагали лишним временем: наступил момент для осуществления операции *Herkules*, однако до Роммеля дошли слухи о том, что на пути к фронту находится прибывающая из Сирии новозеландская дивизия, а со стороны дельты Нила к фронту движется свежая (10-я) Танковая Дивизия. В соответствии с ситуацией Роммель двинул свои танки в направлении Эль Дуды и Эль Адема и обратился к своим утомленным, но повеселевшим войскам с призывом собрать силы для еще одного полномасштабного наступления.

Тем временем генерал Ритчи отчаянно пытался сколотить что-то из остатков своей разбитой армии. Было уже 16 июня, когда он получил из Каира разрешение на оставление Тобрука в изоляции и под осадой. Ритчи все еще надеялся на то, что 13-й Корпус сможет удержать так называемую *Крепость Тобрук/Fortress Tobruk* и ее периферию, тогда как корпус выжидал за пределами оборонительного периметра Тобрука, одновременно с этим предоставив свои части для занятия оборонительных позиций на [египетской] границе. С этой целью уцелевшие в боях войска генерал Норри были реорганизованы в 9 наспех сколоченных так называемых *Jock columns*, каждая из которых была усилена батареей 25-фунтовок. Эти мобильные, хорошо вооруженные отряды получили название по имени бригадного генерала *Джоки Кэмпбелла/Jocki Campbell*, внедрившего практику использования подвижных патрулей в пустыне. Пехотные дивизии были разделены на две группы каждая: на мобильную и на статичную, находящуюся в тылу. Боеспособные танки и артиллерия были доступны в незначительном количестве, при этом нелетная погода и растущие угрозы безопасности аэродромов в связи с наступлением войск *Оси* ограничили возможности использования британцами авиации...

В 8-й Армии стала складываться атмосфера поражения. Ритчи продолжал с оптимизмом говорить о сохранении контроля на Эль Адемом и об использовании выигранного таким образом времени для подтягивания резервов с востока, но командиры частей, находившихся на передовой, думали по-другому. В ночь с 16 на 17 июня генерал Норри, реалистично оценив ситуацию, приказал оставить Эль Адем после целого дня, прошедшего в непрерывных атаках противника. Это решение выбило один из краеугольных камней в обороне Тобрука. Тем временем 4-я Танковая Бригада британцев упорно сражалась в районе Сиди Резега/Sidi Rezegh (около 25 миль к юго-востоку от Тобрука), но к концу дня 17 июня она располагала не более чем 48 поврежденными танками, многие из которых держались на честном слове. В этой связи Норри ничего другого не оставалось, как оставить Гамбут, расположенный неподалеку населенный пункт Бельхамед с железнодорожной веткой и находившиеся рядом склады с различными материалами. Говорить об удержании линии Тобрук - Эль Адем - Бир эль Губи уже не имело смысла – Тобрук остался в изоляции и был окружен противником с суши.

Падение Тобрука

Войска, занимавшие оборонительные позиции по периферии Тобрукского оборонительного узла, готовились к штурму. Надежды на прибытие подкреплений были

мизерными... Командование гарнизоном *крепости* Тобрук было поручено южноафриканскому генералу Клопперу. Этот офицер не имел большого опыта руководства боевыми действиями в пустыне и не имел в своем подчинении опытных штабных офицеров. Кроме южноафриканской дивизии Тобрук защищали 32-я Танковая Бригада (около 60 машин), 201-я Бригада Гвардейцев и 11-я Индийская Пехотная Бригада. Их поддерживали три полка полевой артиллерии и два полка артиллерии среднего калибра. Эти силы насчитывали более 35 000 солдат и офицеров и более 2 000 машин различного типа. Группировка располагала различными припасами более чем в избыточном количестве: в прошлом для предполагаемого «большого прорыва в Западную Киренаику» здесь было складировано 1.5 миллиона галлонов (5.68 миллиона тонн) горючего, 130 000 снарядов для 25-тифунтовых пушек и несколько миллионов продовольственных солдатских рационов. Всего этого должно было оказаться достаточно для, по меньшей мере, трехмесячной осады. Однако оборона периметра имела слабые стороны. Как уже говорилось, идущий вдоль него противотанковый ров во многих местах осыпался, в минных полях после частичного снятия мин образовались большие просветы. Кроме того, перспективы получения поддержки со стороны Королевских ВВС были призрачными, так как ее самолеты поспешно эвакуировались на аэродромы близ Гамбута и Сиди Баррани, находившиеся от Тобрука на расстоянии, превышающем радиус действия истребительной авиации британцев. Королевский флот также едва ли мог предоставить осажденному Тобруку существенную поддержку. В дополнение ко всем этим проблемам генералу Клопперу не хватало противотанковой артиллерии, что перевешивало все остальное. Гарнизон мог ввести в бой для того, чтобы отразить наступление противника, только 15 6-тифунтовых пушек и 40 устаревших 2-хфунтовок.

К 18 июня Роммель был готов атаковать Тобрук. Части *Африканского Корпуса* приблизились к оборонительному периметру при поддержке дивизии *Ariete*, пока немецкие саперы расчищали проходы через уже и без того сильно поредевшие минные поля. По безотлагательной просьбе Ритчи Окинлек прилетел из Каира на египетско-ливийскую границу. Старшие офицеры скорректировали план действий, исходя из возможностей 8-й Армии. Перед 13-м Корпусом была поставлена задача оборонять границу, пока мобильные отряды (*Jock columns*) будут прощупывать подходы к Тобруку. Было очевидно, что 30-й Корпус уже нельзя было рассматривать как боеспособную группировку войск, и он был отведен в район Марса Матрух/*Marsa Matruh* в резерв. 20 июня британское командование выпустило довольно оптимистичное коммюнике со следующими словами: «Мы надеемся, что Тобрук сможет продержаться до того момента, пока не завершатся операции по снятию осады после возобновления нашего наступления.»

Ожидаемая атака Роммеля началась на рассвете 20 июня. Выбрав для прорыва тот же юго-восточный сектор периметра, который выбрал британский генерал О'Коннор (О'Коннор) в 1941-м, Роммель начала с ожесточенных воздушных атак силами 150 самолетов всех типов, за которыми, в 8.00, последовала скоординированная атака трех танковых дивизий. Гарнизон отчаянно сопротивлялся, но все карты были на руках у Роммеля. В середине первой половины дня немцы создали брешь в обороне британцев, прорвавшись в периметр на глубину в полторы мили. 90-я Легкопехотная Дивизия без проблем отбила довольно нерешительную атаку частей 13-го Корпуса в направлении Сиди Резега. К 16.00 немцы взяли под контроль аэродром Тобрука, и уже через три часа танки 21-й Танковой Дивизии немцев катились по улицам города в направлении гавани, где британцы отчаянно пытались уничтожить находившиеся там склады с различными материалами. Ближе к вечеру остатки сил Клоппера начали концентрироваться в западной части периметра, и можно было говорить о том, что крепость, в недавнем прошлом выдержавшая 8-месячную осаду, теперь пала... после одного дня боев.

Генерал Клоппер предпринял попытки организовать эффективное сопротивление прорвавшему оборону периметра противнику, но оказалось, что его усилиям препятствует его же ранее принятое решение уничтожить все штабное оборудование для связи. Через какое-то время радиокontakt с 8-й Армией был восстановлен, но вышестоящее командование ничем не могло помочь южноафриканскому генералу. Рано утром 21-го июня Клоппер передал следующее сообщение: «Отсылаю мобильные части сегодня ночью.

Мобильных войск почти не осталось. Противник захватил транспортные средства. Будем сопротивляться до последнего человека и патрона.»

Несколько небольших групп британцев пробились через неплотное кольцо окружения к своим. Майор Сэйнхилл (Sainthill) из Полка *Coldstream Guards*, в частности, вывел к своим группу из 387 человек, но генерал Клоппер и почти 33 000 его солдат и офицеров проведут остаток войны в концентрационных лагерях. Среди них были 19 000 британцев, 9 000 белых южноафриканцев, остальные 5 000 были представлены черными южноафриканцами и индийцами. Роммель захватил 2 000 тонн бензина, 5 000 тонн продовольствия, большое количество боеприпасов, включая ранее захваченные британцами немецкие и итальянские материалы, почти 2 000 вполне годных к использованию автомобилей. В его руках теперь были порт и опреснительный завод.

Прорыв последнего рубежа обороны британцев и взятие Тобрука

Войска *Оси* потерял около 400 танков уничтоженными или поврежденными, британцы – 1 188 машин. Людские потери британцев, в дополнение к 33 000 попавшим в плен, составили не менее 17 000 убитыми и ранеными...

Bundesarchiv, Bild 101-785-0294-32A
Foto: Tannenberg | Juni 1942 ca.

Британские военнопленные покидают капитулировавший Тобрук

Причины катастрофы

Что же стало причиной столь катастрофического поражения генералов Окинлека и Ритчи? Прежде всего, это было тактическое мастерство Роммеля. После едва не окончившегося для него катастрофой крайне рискованного первоначального обходного маневра, он доверился своей интуиции, действовал с исключительным мастерством и не прогадал. Он не стал подчиняться воле своих оппонентов и удержал свою бронетехнику сконцентрированной для нанесения решающего удара. Вторая причина – ярко проявленный непрофессионализм британского командования на самом высоком уровне. Ритчи совершенно не соответствовал уровню Роммеля, кроме того, ему не хватало власти для контроля над своими корпусными командирами: оба его подчиненных были старше его по званию, и, как теперь кажется, он так и не научился полноценно командовать ими. Возможно, главным недостатками этого генерала были медлительность и отсутствие решительности, просто губительные в условиях войны, отличавшейся повышенной мобильностью.

Ответственным за назначение Ритчи и удержание его на этой позиции был Окинлек. На нем лежала ответственность и за существенные просчеты при создании *Линии Газала*, он же был виновен в том, что диспозиция 8-й Армии осталась неизменной и после того, как в апреле 1942 года пришел приказ о придании ей наступательного характера.

Следует признать, что Роммель имел более профессиональную армию, чем британцы. Едва ли можно было считать итальянцев первоклассными солдатами, хотя их дивизия *Ariete* в ряде случаев проявила себя с наилучшей стороны, но *Африканский Корпус* продемонстрировал на редкость высокий уровень опыта и мастерства. Профессионализм, который немецкие командиры проявили в управлении своими танковыми войсками и их использовании, их лидерские качества заслуживают уважения. За редкими исключениями они держали свои танковые силы сконцентрированными для удара и умело прикрывали их эффективным огнем артиллерии, пока не наступал момент для решительной атаки. «Что толку от того, что у вас два танка против моего одного, когда вы раскидываете их и даете мне возможность уничтожить их по отдельности?», – такой вопрос Роммель задал пленному британскому офицеру, кратко суммировав различия в тактике немцев и британцев... Британские танкисты еще в 1940-м, во Франции, спрашивали друг друга, почему раз за разом на небольшом участке немецких танков оказывается больше, чем у них, почему немцы так умело координируют усилия танков, артиллерии и пехоты, но, казалось, британское командование за два года так и не нашло способов улучшить свою тактику танкового боя. Британцы храбро сражались, как обычно проявляли исключительное мужество и упорство в обороне, но, в целом, ими слишком плохо командовали. Нельзя не вспомнить и известное, приписываемое самым разным авторам и

звучащее по-разному, но имеющее один и тот же смысл высказывание о том, что «англичане сражаются, как львы, но командуют ими ослы.»

8-я Армия на тот момент представляла из себя смесь уставших от войны ветеранов, уже имевших негативный опыт столкновений с танкистами Роммеля, и новичков, не прошедших достаточно продолжительную боевую подготовку. Британцы, как казалось, все еще полагались в своей тактике танкового боя на традиции кавалерийских атак, и их танковые бригады по-прежнему готовились к боям независимо друг от друга, а потом и сражались в том же ключе. По воспоминаниям Байерляйна, это было характерно для британцев и в 1941 году в ходе операции *Crusader*.

Есть свидетельства и тому, что по своим тактико-техническим характеристикам немецкие танки превосходили британские и американские, которые находились на вооружении 8-й Армии. Последним заслуживающим упоминания фактором победы Роммеля стало превосходство *Люфтваффе* в воздухе. В существенной мере это было связано с тем, что союзники СССР на тот момент не могли обеспечить сражающуюся в Африке группировку Королевских ВВС достаточным количеством машин: тяжелейшая ситуация на громадном Азиатско-Тихоокеанском ТВД в первой половине-середине 1942 года потребовала значительной концентрации усилий за многие тысячи километров от Ливии.

Заключение

Черчилль наносил визит в Вашингтон, когда до него дошли известия о падении Тобрука – [символа британской стойкости в Северной Африке](#). Об этом ему сообщил Рузвельт, так как первыми в США получили об этом известия разведывательные службы, через которые печальные новости дошли до президента. Рузвельт был настолько удручен тем, как сильно был расстроен этим британский лидер, что тут же распорядился отправить в Северную Африку 250 новых танков *Шерман/Sherman*...

По мнению Черчилля, только [падение Сингапура](#) в начале 1942 года стало бóльшим позором для британских вооруженных сил и генералов, чем падение Тобрука. В своем труде *History of the Second World War* он написал об этом так: «... Это стало одним из тяжелейших ударов, которые я получил во время войны. Мрачными были не только [дальнейшие] перспективы, это нанесло ущерб репутации британского оружия... Поражение – это одно дело, позор – это другое.»

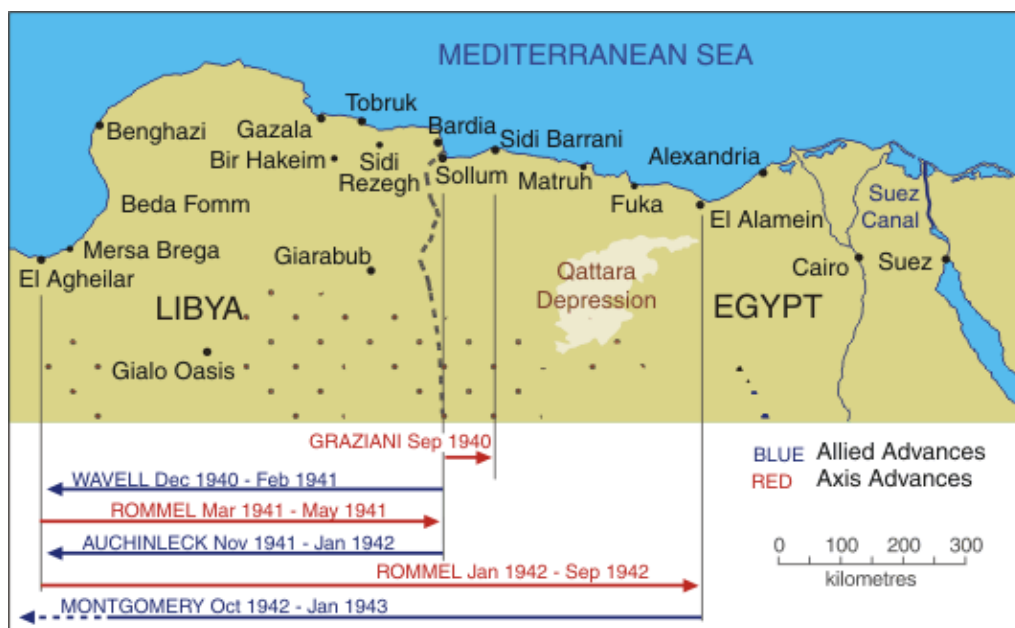
Само собой, крупная победа Роммеля над британцами и падение Тобрука вызвали волну энтузиазма в Германии и Италии. Он немедленно получил из рук Гитлера звание фельдмаршала. Вероятно, нацистам казалось, что после двух лет сражений, когда успех переходил от одной стороны к другой, война в Северной Африке наконец стала близка к успешному для них завершению. Их войска повсеместно наступали, и середина 1942 года станет периодом их максимальных успехов на всех фронтах Второй Мировой войны.

Тем временем к востоку от египетской границы деморализованные и уставшие британцы начали перегруппировку своих войск. Тогда мало кто мог себе представить, что Газала была последним успехом Роммеля, и уже через несколько месяцев британцы возьмут [масштабный реванш](#). Горькие уроки сражения на *Линии Газала*, как показал дальнейший ход боевых действий в Североафриканской пустыне, пошли им на пользу...

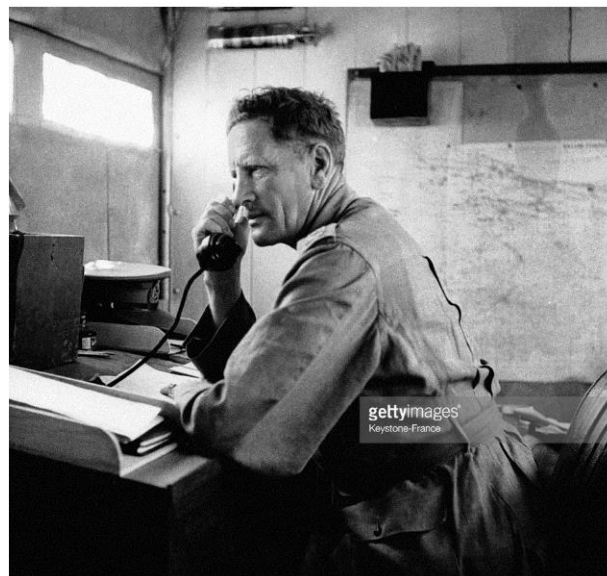
ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ

25 июня 1942 г. генерал Окинлек принял командование над отступающей под напором Роммеля 8-й Армией британцев. Через четыре недели он остановил продвижение войск стран Оси на восток и нанес поражение танковым частям Африканского Корпуса. Не располагая достаточным количеством войск для статичной обороны, Окинлек сумел заманить наступающие клиньями немецко-итальянские части в подготовленные ловушки и нанес им тяжелые потери. Как позднее признавал Роммель, «Окинлек перехватил инициативу и осуществил

свои операции продуманно и с заслуживающей похвалы храбростью.» После 1-го сражения под Эль-Аламейном поражение немцев в Африке стало только вопросом времени...

Основные рубежи продвижения войск стран Оси и 8-й Армии британцев в декабре 1940 г. – сентябре 1942 г.

Эрвин Роммель (слева) и Клод Окинлек (справа) в июне 1942 г.

Прелюдия

Генерал Окинлек принял командование над [откатывавшейся на восток 8-й Армией](#) 25 июня, накануне атаки Роммеля на позиции британцев у городка Мерса Матрух (Marsa Matruh). Вечером 28 июня передовые части немцев были уже близ городка Фука (Fuka). Воодушевленные недавними победами, немцы продвигались к только частично подготовленным к обороне британским позициям, расположенным вдоль периметра Эль-Аламейн.

Вечером 28 июня Окинлек отправил в Лондон обзор сложившейся ситуации и свой план действий, разработанный с учетом существенного перевеса немцев в численности бронетанковых сил и предположения о том, что Роммель нацеливается на дельту Нила. Предполагалось, что 8-я Армия окажет максимальное сопротивление в районе Фуки и затем на позициях под Эль-Аламейном, не давая возможности противнику прижать британцев к морю и обойти их.

Утром 29 июня Роммель бросил свою 90-ю Легкопехотную Дивизию в направлении деревни Даба/Daaba или El Daba, приказав итальянцам следовать за немцами. 1-я Танковая Дивизия британцев к югу от Фуки делала все возможное, чтобы прикрыть отступающие части сильно потрепанного 10-го Корпуса. Южнее, в районе возвышенности Баб Эль Каттара/Bab el Qattara приходила в себя после отступления новозеландская дивизия. Далее к югу, у северного борта впадины Каттара, заняла оборонительные позиции 5-я Индийская Бригада. В районе Эль-Аламейнского периметра к 30-му Корпусу британцев присоединились 1-я Южноафриканская Дивизия и 18-я Индийская Пехотная Бригада, только что прибывшие в Северную Африку из Ирака. Таким образом, в распоряжении Окинлека было только две боеспособные пехотные дивизии и одна танковая, все еще недостаточно вооруженная американскими машинами *Грант*. Этим частям предстояло обеспечить оборону участка фронта протяженностью около 30 миль, при этом противник мог выбирать одно из двух возможных направлений для нанесения удара: одно приходилось на прилегающий к морю северный участок, другое - на южный фланг, примыкавший к впадине Каттара.

Окинлек приказал командующему 30-м Корпусом генералу Норри (Norrie) занять оборону на северном фланге, присоединив к своим частям боеспособные остатки 50-й и 10-й дивизий индийцев. 1-й Танковой Дивизии предстояло занять позиции к югу от Эль-Аламейна, 13-й Корпус генерала Готта получил приказ прикрыть южный фланг фронта и быть готовым прийти на помощь 30-му Корпусу, если немцы атакуют на севере. Предполагалось, что нехватку войск компенсируют их мобильность и способность быстро затыкать бреши в обороне.

В секторе обороны 30-го Корпуса 1-я Южноафриканская Дивизия получила приказ занять оборону вдоль небольшого примыкающего к морю периметра с протяженностью линии фронта в 15 миль, при этом оставался невыполненным большой объем работ по строительству оборонительных укреплений. Уязвимым местом периметра была та легкость, с которой противник мог обойти его с юга и изолировать его, перерезав дорогу, идущую к нему с востока. Чтобы предотвратить такое развитие событий, Норри 28 июня разместил боевую группу из состава 18-й Пехотной Бригады индийцев в 7 милях к югу от высот Деир эль Шейн/Deir el Shein. Группу поддерживала артиллерия 97-го и 121-го полков (Field Regiments) и пехотный противотанковый взвод, только что перевооруженный 6-фунтовыми пушками. Грунт здесь был скальным, не хватало колючей проволоки и мин, и эту позицию противника мог также без проблем обойти.

Окинлек сконцентрировал свои усилия на передислокации частей 1-й Южноафриканской Дивизии, отдавая себе отчет в том, что Роммель, скорее всего, попытается обойти периметр с юга. Боевая группа из 3 000 человек была размещена вдоль западного фланга периметра, внутри периметра Окинлек оставил 3-ю Механизированную Пехотную Бригаду. Две другие усиленные артиллерией механизированные бригады, 1-я и 2-я, заняли позиции к югу от периметра. 1-я Бригада заняла позиции на северном склоне гряды Рувейсат (Ruweisat) в пяти милях к югу от периметра и в 3.5 милях к юго-западу от позиций 2-й Бригады. Таким образом, на пути совершающего обходной маневр противника были размещены глубоко эшелонированные оборонительные позиции. Совершая этот маневр, немцы могли оказаться под огнем с расположенных севернее оборонительных позиций Эль-Аламейнского периметра, попытка прорваться на равном удалении от узлов обороны на севере и на юге могла привести к тому, что войска Роммеля окажутся под концентрическим огнем с севера и с юга.

Такое размещение оборонительных позиций было новинкой в тактическом плане для 8-й Армии британцев. В первой половине 1942 г. превосходство немцев в танках и

противотанковой артиллерии, вызванное низкой эффективностью британских 2-хфунтовых пушек и отсутствием механизированного транспорта у стрелковых рот британских пехотных дивизий и, как следствие, низкой мобильности, в существенной мере ограничивало тактическое разнообразие в действиях британцев. Пехотные части британцев не имели адекватного противотанкового вооружения и другой защиты, кроме минных полей, и всегда находились под серьезной угрозой окружения. В теории британские бронетанковые дивизии должны были способны отразить эту угрозу, отбивая атаки мобильных и танковых групп противника, но это находилось за пределами возможностей британских танков. Более того, хотя британские армейские танковые бригады были созданы специально для взаимодействия с пехотой, тактическая доктрина, под влиянием которой готовили к боям британские бронетанковые дивизии, предусматривала боевые действия против танков противника на удалении от мест боестолкновений пехотных частей, в которых танки обычно не принимали участия. В тактике немцев не было таких различий между бронетанковыми частями, механизированной пехотой и артиллерией – в особенности противотанковой. Все рода войск вступали в оборонительные и наступательные бои, как единое целое, при этом их мощные 88-миллиметровые пушки использовались и в наступлении, поражая британские танки с больших расстояний. Кроме всего прочего, британский танк *Крусейдер/Crusader* был ненадежным в техническом плане и легко загорался. Только с прибытием в больших количествах американских танков *Грант* и 6-тифунтовых противотанковых пушек британцы начали соперничать с противником на равных. Взаимодействие наземных войск и авиации у немцев было налажено значительно лучше, чем у британцев, и у британцев не было самолета, эквивалентного пикирующему бомбардировщику *Ju-87*.

К положительным моментам следует отнести то, что британская полевая артиллерия была весьма эффективной, но ее всегда не хватало, и ее часто приходилось использовать в борьбе с танками, для чего она не была приспособлена.

Что касается итальянских войск противника, то их боевая эффективность была ограниченной, и Роммель обычно с осторожностью бросал их в бой, использовал преимущественно в обороне и подальше от горячих участков.

К концу дня 29 июня 90-я Дивизия немцев достигла города Сиди Абд эль (Абдель) Рахман/Sidi Abd El Rahman и остановилась у населенного пункта Эль Кусейр/El Quseir. 20-й Корпус итальянцев находился дальше на запад, их 21-й и 10-й корпуса продвигались по приморской дороге между Дабой и Матрухом. Утром 30 июня к юго-западу от Дабы 1-я Танковая Дивизия и 7-я Механизированная Бригада британцев вклинились между продвигавшимися вдоль приморского шоссе итальянцами и находившимися юго-восточнее частями Африканского Корпуса Роммеля. 7-я Бригада, известная своей агрессивностью, не только задержала 20-й Корпус итальянцев – и это несмотря на грубые послания Роммеля, требовавшего отбросить «столь презренного противника», но и встретила засадой вражескую колонну в нескольких милях к западу от Дабы. Затем британские танки столкнулись с итальянской дивизией *Littorio* к западу от Дабы и, уже после полудня, атаковали части 21-й Танковой Дивизии немцев, которые были немало удивлены атакой с тыла. Однако, сильнейшая песчаная буря остановила бой... К ночи этого дня 4-я Танковая Бригада британцев остановилась у населенного пункта Телль эль Аккакир/Tell el Aqqaqir посреди позиций противника, а 22-я Танковая Бригада – к югу от оборонительного периметра. На тот момент в танковой дивизии в строю находилось 36 *Грантов*, 60 *Стюартов/Stuart*, 12 *Валентайнов* и 8 *Крусейдеров*.

В британских войсках был распространен приказ Окинлека, в котором были следующие слова: «Противник находится на пределе своих возможностей и считает, что мы – сломленная армия... Он рассчитывает захватить Египет, блефуя. Покажите ему место, где ему предстоит сойти [с дистанции].» Приказ не произвел большого впечатления на британских старших офицеров. Цепь недавних поражений подорвала у многих волю к сопротивлению. Готт был деморализован сообщением от генерала Корбетта (Corbett), в котором, как могло показаться, говорилось о том, что Уэйвелл (в описываемый период времени – командующий вооруженными силами британцев в Индии - ВК) уже действует в рамках наихудшего из возможных сценариев развития событий и что Египет, возможно,

придется оставить. Он передал эту недостоверную информацию командиру новозеландской дивизии, по ошибке добавив, что пускай воюет тот, кто хочет, а южноафриканцам это не нужно.

Командующий южноафриканцев генерал Пиенаар (Pienaar) открыто критиковал решение командования продолжать бои к западу от Нила, эту точку зрения разделял и французский генерал Лармина (*Edgard de Larminat – командующий 1-й Дивизией Свободной Франции - ВК*). Генерал Норри, близкий к Окинлеку, не терял уверенности, но самому командующему 8-й армией предстояло восстановить уверенность в победе у других старших офицеров.

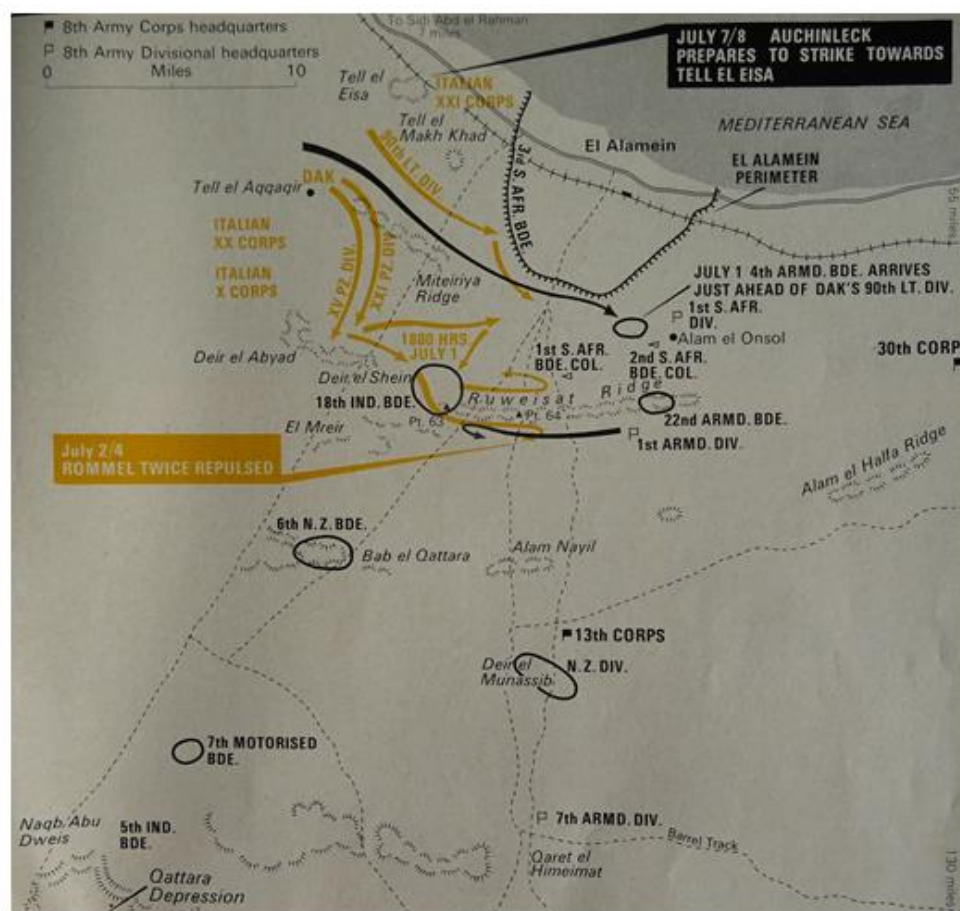
У *Panzerarmee* уверенности в успехе было не занимать, хотя на тот момент в *Африканском Корпусе* оставалось всего 55 танков и 500 человек боевой численности. В немецкой 90-й Дивизии оставалось 1 500 активных штыков. Артиллерия немцев насчитывала, включая трофейные британские 25-фунтовки, 300 единиц, в том числе, только 29 88-миллиметровых пушек. В составе 20-го, 10-го и 21-го корпусов итальянцев насчитывалось всего около 5 500 человек. 30 танков и 200 единиц артиллерии, включая некоторое количество 88-миллиметровок. С этой малочисленной группой войск Роммель рассчитывал смести со своего пути силы британцев, которые, как он ошибочно полагал, были остатками разбитого 10-го Корпуса, удерживающего Эль-Аламейнский периметр и грядущий Деир эль Абьяд в 10 милях к юго-западу. По его оценке, основные силы 8-й Армии – пехота и танки 13-го Корпуса, прикрывали дорогу на Каир в 15 милях к югу от намеченного им направления удара по периметру. Тем временем угроза нанесения удара *Африканским Корпусом* в районе Эль Кусейр задержит британские танки на юге настолько, что он не успеют прийти на помощь своим частям, сражающимся на северном участке фронта. Роммель планировал, что под покровом темноты *Африканский Корпус* выйдет к Телль эль Аккакиру и, рано утром 1 июля, нанесет оттуда удар по тылам 13-го Корпуса через участок Алам Найиль/Alam Nayil.

90-й Дивизии Роммель отводил роль, в которой она проявила себя столь успешно в районе Матруха: дивизии предстояло наступать к югу от периметра и перерезать идущую к нему с востока дорогу. Тем временем 21-й Корпус итальянцев, противостоящий западному флангу периметра, охватит кольцом и атакует укрепленный узел противника, предположительно расположенный в районе высот Деир эль Абьяд. 20-й Мобильный Корпус должен будет прикрывать его с фланга. Начало операции было назначено на 3 часа утра 1 июля, хотя Роммель понимал, что *Африканский Корпус* опоздает с началом выдвижения. План был составлен без разведки и основывался на неверных представлениях о способности противника оказать сопротивление: немецкий командующий считал, что его враг сломлен окончательно...

30 июня части британцев продолжали прибывать со стороны Матруха – всего вернулось в строй около 60% личного состава 10-го Корпуса. Артиллерия была перегруппирована в так называемые «артиллерийские колонны». Однако на рассвете 1 июля британцам все еще не удавалось вступить в контакт со штабом 1-й Танковой Дивизии, от которой зависело столь многое. Из-за этого 1-е Эль-Аламейнское сражение началось без участия в нем британских танков. Оценивая боевой потенциал британцев, Роммель рассчитывал на то, что к вечеру 1 июля ослабленные и дезорганизованные остатки 10-го Корпуса будут обойдены и смяты, и его передовые части будут на пути к Александрии. Он знал, что его войска вот-вот выйдут из сил, но это наступление должно было стать финальным аккордом, и впереди уже маячила дельта Нила...

Наступление Роммеля начинается

90-я Дивизия начала наступление вовремя, но выдвинулась слишком далеко на север, натолкнулась на оборонительные позиции британцев и была прижата к земле огнем. *Африканский Корпус* начал наступление в 6.45 утра – почти на 4 часа позже, после сильной бомбежки силами авиации противника. В районе высот Деир эль Абьяд противник обнаружен не был, но к 9 утра танки 15-й Дивизии натолкнулись на оборонительные позиции 18-й Пехотной Бригады к северо-востоку от высот Деир эль Шейн. Здесь *Африканский Корпус* остановился для рекогносцировки и дозаправки машин.

Первые дни сражения: дислокация войск воюющих сторон, направления ударов и контрударов.

Желтые стрелки – продвижение войск Оси, черные - британцев

Около полудня, в условиях песчаной бури, 90-я Дивизия немцев возобновила продвижение вдоль периметра, намереваясь обойти его, но попала под огонь тяжелой артиллерии, минометов и пулеметов. Вынужденные остановиться под ураганным огнем, передовые части немцев проявили элементы паники. Тем временем, под завесой песчаной бури, *Африканский Корпус* в полдень атаковал позиции противника в районе высот Деир Эль Шейн, к часу дня создал брешь в обороне британцев и продолжил с боем продвигаться вперед, преодолевая сопротивление танков и артиллерии врага. Удовлетворенный достигнутым почти до уровня эйфории, Роммель приказал преследовать отступающего противника и, пока 90-я Дивизия и 21-й Корпус итальянцев расчищали себе дорогу, 20-й Корпус и дивизия *Littorio* получили приказ присоединиться к наступлению.

Ситуация развивалась примерно так, как ожидал Окинлек, и будь в его распоряжении готовая к бою 1-я Танковая Дивизия, ему удалось бы удержать противника. Пока подразделения 1-й Дивизии действовали следующим образом: 1 июля утром 22-я Танковая Бригада с 28 танками (из них 10 на буксире), начала продвижение на юго-запад от Алам эль Онсола, а 4-я Танковая Бригада, покинув на рассвете того же дня Телль Эль Аккакир словно повела за собой атакующую периметр 90-ю Дивизию, попав под огонь немцев. Затем эта бригада забрела в глубокие пески близ Алам эль Онсола и выбралась из них только к концу дня.

Песчаная буря мешала британцам держать оборону. Командование знало, что немцы атакуют район высот Деир эль Шейн, и около 13.30 командование 30-го Корпуса приказало частям 1-й Дивизии выдвинуться на помощь оборонявшимся силами 18 танков 22-й Бригады. Однако дивизионный полк бронемашин, проводивший рекогносцировку в районе высот Деир Эль Шейн в условиях песчаной бури, сообщил, что на этом участке все

спокойно. Вследствие этого 22-я Бригада не вступила в бой и остановилась на восточном фланге гряды Рувейсат.

Постепенно Африканский Корпус преодолел сопротивление защитников оборонительного узла Деир эль Шейн, но произошло это только к 18.00 и ценой потери 18 из 55 танков. Хотя это было уже поздно для спасения ситуации, 22-я Танковая Бригада британцев атаковала 15-ю Танковую Дивизию Роммеля около 17.00 и оттеснила немцев на запад. Несмотря на обошедшийся немцам дорогой успех при захвате высот Деир эль Шейн, их достижения в первый день наступления были более чем незначительными. Это не помешало верховному командованию вооруженными силами Рейха объявить на весь мир о том, что «в Египте германские и итальянские дивизии, поддержанные сильными ... группами пикирующих бомбардировщиков, прорвали оборонительные линии под Эль-Аламейном.» Уже вечером первого дня Окинлек понял, что его оборонительный план использования артиллерии и пехоты достиг успеха.

Потеря участка Деир эль Шейн для британцев была компенсирована выигрышем во времени, которое пришлось кстати для того, чтобы 1-я Танковая Дивизия консолидировала свои позиции на гряде Рувейсат. Теперь в ней было 38 *Грантов*, 61 *Стюарт*, 12 *Валентайнов* и 8 *Крусейдеров*. Доля 6-фунтовок в артиллерии механизированного пехотного подразделения дивизии стала довольно значительной.

Окинлек, недовольный отсутствием активных действий со стороны 13-го Корпуса, вызвал Готта в штаб Армии в тот же вечер. Хотя противник мог остановить свои атаки периметра и вместо этого повернуть на юг, Окинлек рассудил, что 13-й Корпус должен обратить свой взор на север, а подготовиться к мобильным действиям против южного фланга немцев в случае, если возобновит свои атаки на позиции 30-го Корпуса. Поскольку британская разведка продолжала настаивать на том, что наступающие все еще сильны в численности танков и пехоты, такая предосторожность со стороны британцев не была лишней. Но вся обстановка в целом была многообещающей. Вечером первого дня ВВС британцев активизировали удары по позициям войск стран *Оси* и их коммуникациям...

К 10 утра 2 июля Роммель, понимая, что 90-я Дивизия не добьется успеха, если не получит помощи, изменил план действий. Африканскому корпусу было приказано наступать на восток и обойти населенный пункт Алам эль Онсол (Alam el Onsol), чтобы выйти к приморскому шоссе, тогда как 90-я Дивизия последует за ним. Начало реализации этого плана было назначено на полдень 2 июля.

Однако, поскольку Роммель в тот день не продолжил наступление уже утром, Окинлек решил опередить его. 30-му Корпусу было приказано удерживать оборонительные позиции, колонна из состава 10-й Индийской Дивизии (Robcol) получила приказ занять местоположение частей 1-й Танковой Дивизии на гряде Рувейсат и, взаимодействуя с частями 13-го Корпуса, начать продвижение на запад вдоль южного склона гряды, чтобы выйти во фланг противнику.

Послеполуденные стычки на гряде Рувейсат происходили так: 15-я Танковая Дивизия немцев, действующая на южном фланге *Африканского Корпуса*, попала под огонь артиллерии новозеландцев и под фронтальную атаку 30 танков *Грант* 1-й Дивизии и остановила продвижение на запад, тогда как на северном фланге *Африканского Корпуса* поддержанная огнем тяжелой артиллерии 21-я Танковая Дивизия немцев, не встретив на своем пути британские танки, дважды продвигалась вперед вдоль гряды и дважды откатывалась после контратак 1-й Бригады южноафриканцев и индийцев из 10-й Дивизии. Тем не менее, после того, как 1-ю Танковую Дивизию отвели, и она перестала оказывать непосредственную поддержку южноафриканцам, в их штабе не на шутку встревожились ...

Окинлек отдал приказ 13-му Корпусу начать операции на западном склоне возвышенности Эль Мреир (El Mreir) и далее продвигаться на север, но к тому времени основная часть артиллерии новозеландцев была задействована в поддержке 1-й Танковой Дивизии на участке боев между Алам эль Онсолом и грядой Рувейсат, и 13-й Корпус так и остался на прежнем месте...

К концу дня 2 июля Окинлек уже был уверен в том, что Роммель выбился из сил на тот момент времени и, как следствие, принял решение бросить в бой 9-ю Дивизию австралийцев, в то время входившую в группировку войск, дислоцированных близ Каира (Delta Force). Это было важнейшее решение, потому что командующий 1-й Дивизией южноафриканцев, встревоженный уязвимостью позиции своей 1-й Пехотной Бригады, послал в штаб 30-го Корпуса просьбу об ее отводе в район Алам эль Онсол. Когда генерал Норри отказался принять это предложение, Пиенар позвонил Дормэну-Смиту (Dorman-Smith) в штаб 8-й Армии, и, вновь получив отказ, попросил разрешения переговорить непосредственно с Окинлеком. Окинлек добродушно, но твердо разъяснил необходимость удержания существующих позиций бригады, но затем отдал Норри приказ заменить боевую группу *Askcol*, одну из пехотно-артиллерийских колонн 50-й Дивизии (*эта дивизия потеряла половину личного состава в боях у города Мерса Матруха и находилась в стадии доукомплектования – ВК*) на южноафриканцев, чтобы облегчить положение 1-й Бригады. На какое-то время в ту ночь позиции 1-й Бригады остались незанятыми, но вскоре их заняли части 90-й Дивизии. Эти части были выбиты немцами с позиций, понеся ощутимые потери, но были вновь заняты британцами – на этот раз боевой группой *Askcol*. Утром 3 июля британцы попали под сильнейший артиллерийский обстрел, понесли потери и были вынуждены вновь отойти к южной окраине Алам эль Онсола.

Конец наступления Роммеля

Роммель позднее признал, что «генерал Окинлек управлял своими войсками с весьма заметным мастерством и, в тактическом плане, лучше, чем Ритчи», и *полагал, что [в ходе сражения] «на фронт прибывало все больше и больше британских танков и пушек.» В этой связи он решил, что «остановит наступление на какое-то время после атак следующего дня.»* Его план на 3 июля предполагал прорыв на севере силами *Африканского Корпуса*, поддерживаемого 90-й Дивизией, и переброску на южный участок фронта итальянских дивизий *Ariete* и *Trieste*, которым предстояло удерживать линию соприкосновения с 13-м Корпусом.

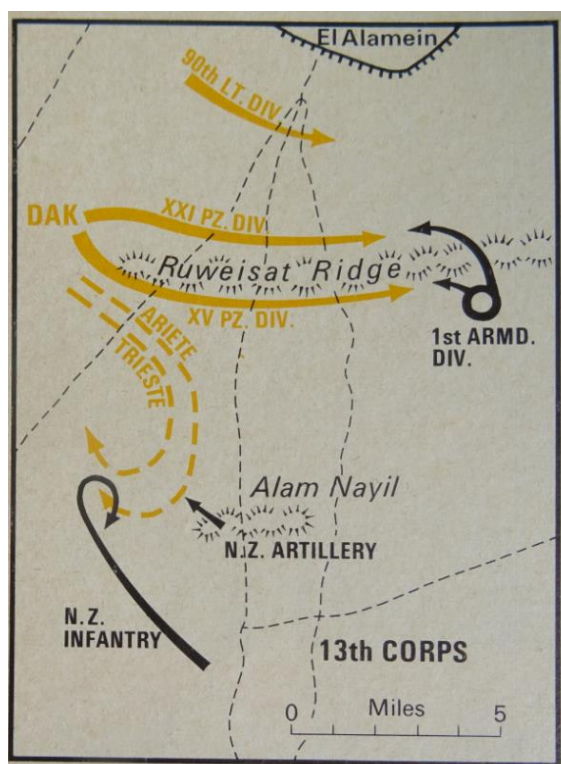
Но все пошло не по плану. Продвижение двух дивизий *Африканского Корпуса* было быстро остановлено 1-й Дивизией британцев. Дивизия *Ariete* начала свой марш на юг, но попала под атаки британских танков на восточном фланге и огонь новозеландской артиллерии с близкого расстояния в районе гряды Аль Найиль и остановилась. Вскоре после этого колонна новозеландцев предприняла штыковую атаку на колонну дивизии *Ariete*, в результате чего ими было захвачено 350 пленных, 44 пушки, включая 11 88-миллиметровок, и большое количество автомобилей. К полудню в этой дивизии оставалось 5 танков и две пушки.

Разгром дивизии *Ariete* шокировал Роммеля, который рассматривал ее как свою наиболее боеспособную итальянскую часть. Залатав бреши на своем южном фланге своими рекогносцировочными подразделениями, Роммель в последний раз двинул свой корпус вперед. Под прикрытием артиллерийского огня *Африканский Корпус* начал продвижение в 16.00 и к 17.15 был уже в 9 милях к востоку от участка Деир эль Шейн. К югу от гряды Рувейсат 1-я Танковая Дивизия удержала свои позиции, потеряв при этом 17 *Грантов*, 19 *Стюартов* и три *Валентайна*.

Измотанные и понесшие тяжелые потери войска Роммеля, не способные к дальнейшему продвижению вперед и растянувшие свои позиции в дугу длиной в 35 миль, стали окапываться. Брешь между 10-м Корпусом итальянцев и *Африканским Корпусом*, образовавшаяся в районе гряды Рувейсат, закрыть было нечем, так как 20-й Корпус итальянцев после катастрофы дивизии *Ariete* вышел из боя. Наступил момент, когда командование войск стран *Оси* в Африке должно было взять события под свой контроль и остановить Роммеля там, где он был, или отвести его части на запад. Правильной альтернативой дальнейшему наступлению была операция *Hercules* – вторжение на Мальту, но Муссолини находился в ожидании в Киренаике, а Роммель по-прежнему был настроен с оптимизмом по отношению к возможности порыва к Каиру. Его престиж был на кону, и мудрые советы не принимались во внимание.

Британское командование все еще находилось под влиянием докладов своей разведки, переоценивающих силы противника, и действовало осторожно. Окинлека не испугало некоторое продвижение Роммеля, поскольку нахождение на южном фланге наступающих его 1-й Дивизии делало маловероятным успешный прорыв немцев на север, к побережью. Окинлек отдал 30-му Корпусу приказ продолжать удерживать 4 июля оборонительные линии и атаковать противника там, где это возможно. 13-му Корпусу было приказано атаковать противника к западу от гряды Эль Мреир.

Штаб 13-го Корпуса, все еще беспокоившийся о стабильности своего правого фланга, отреагировал на приказ без особого энтузиазма, поэтому, за исключением локальных атак 5-й Пехотной Бригады новозеландцев в районе Эль Мреир, которые столкнулись с упорным сопротивлением поддержанных пикирующими бомбардировщиками частей 10-го Корпуса итальянцев, в смысле давления на противника в тот день ничего существенного не происходило. Тем не менее, Роммель не стал рисковать на своем южном фланге. 4 июля его 21-я Танковая Дивизия была переброшена с гряды Рувейсат на участок восточнее гряды Эль Мреир, а 15-я Танковая Дивизия и 90-я Дивизия закрыли образовавшуюся из-за этого брешь. Около 14.00 из 1-й Танковой Дивизии пришло сообщение о том, что 21-я Дивизия немцев начала продвижение на запад, и Окинлек, заподозрив, что это – начало общего отвода войск противника, приказал своим обоим корпусам быть готовыми начать преследование.

3- июля. Первоначальные атаки Роммеля были отбиты, и он был вынужден расстаться с надеждами на обход Эль-Аламейнского периметра в той же манере, в какой ему удалось это сделать в боях за Мерса Матрух.

Желтые стрелки – продвижение войск Оси, черные - британцев

15-я танковая Дивизия Роммеля под давлением британцев начала отступать, и преследующая ее 1-я Дивизия британцев была близка к тому, чтобы смять ее, но была вынуждена остановить свои атаки под огнем немецких 88-миллиметровок. Воспользовавшись ситуацией, 15-я Дивизия Роммеля вернула себе около 4-х миль оставленного пространства, но в ходе своей контратаки израсходовала последние боеприпасы. После этих ожесточенных боев 1-я Танковая Дивизия была окончательно измотана, и ее командир генерал Ламсден (Lumsden) уже буквально умолял командование 30-го Корпуса сменить его часть на передовой. Тем временем к вечеру 4 июля в частях Африканского Корпуса оставалось 36 танков. В 1-й Дивизии оставалось несколько

большее число танков *Грант*, и более агрессивная тактика британцев могла бы поставить танкистов Роммеля на грань разгрома.

Роммель считал, что кризис был преодолен, и теперь намеревался отвести части 90-й и 15-й дивизий, заменить их дивизиями *Trento* и *Sabroth* 21-го Корпуса итальянцев и тем самым укрепить свой сократившийся по протяженности фронт между грядой Рувейсат и побережьем. Он ожидал, что прибывающие подкрепления помогут ему восстановить ударную мощь его мобильных бронетанковых сил. Однако это означало, что в первый раз за все время боевых действий в пустыне его итальянская пехота вступит в соприкосновение с частями 8-й Армии на протяженном секторе фронта.

Что касается Окинлека, то его положение облегчилось тем, что к 8-й Армии присоединилась 24-я Пехотная Бригада австралийцев, занявшая позиции в тылу 1-й Танковой Дивизии на гряде Рувейсат. При этом Окинлек принял условия австралийцев и обещал не посылать их бой отдельными подразделениями под командованием неавстралийских офицеров и использовать только в обороне.

Окинлек переходит в контрнаступление

Окинлек рассчитывал на удержание линии фронта в его восточном (центральном) и южном секторах и атаковать противника с тыла, не дав ему возможности отступить в нормальном порядке. 8-й Армии предстояло атаковать из Эль-Аламейнского периметра в направлении приморского шоссе (30-й Корпус), тогда как 13-му Корпусу – начать операции на юге вдоль дороги, ведущей к пункту Абу Двейс (Abu Dweis). В то же время Окинлек не возлагал больших надежд на 13-й Корпус и рассчитывал на то, что он просто свяжет определенные силы Роммеля.

Утром 5 июля генерал Готт указал новозеландцам направление наступления: от возвышенности Баб эль Каттар к участку Сиди Абд эль Рахман, целью колонны 9-й Пехотной Бригады индийцев стал пункт в 10 милях к востоку от Дабы. Новозеландцы в тот момент еще не пришли в себя после выхода из строя в результате ранения своего командующего генерала Фрейберга и действовали с повышенной осторожностью после недавних воздушных атак пикирующих бомбардировщиков. Индийцы, действовавшие на левом фланге новозеландцев, также не добились заметного прогресса...

Приняв во внимание то, что генерал Норри, возглавлявший 30-й Корпус с ноября 1941, нуждается в отдыхе, Окинлек 5 июля заменил его на генерала Рэмсдена, до этого командовавшего 50-й Дивизией. Эта замена стала причиной слабой активности в действиях 30-го Корпуса 6-7 июля 1942 г. 7 июля 4-я Бригада новозеландцев продвинулась до пункта Мунга Вала/Munga Wahla, но позднее вновь отступила. Тем не менее, колонна 7-й Танковой Дивизии британцев, к тому времени получившей статус *Легкой Броневой Дивизии/Light Armoured Division* после присоединения к ней 4-й (Легкой) Броневой Бригады и состоявшей из трех полков бронеавтомобилей, дошла до города Фука к вечеру 7 июля и обстреляла полевой аэродром противника. В дополнение к этому диверсанты из британских соединений специального назначения *Special Air Service Group* и *Long Range Desert Group* уничтожили на земле семь итальянских истребителей.

Больше заметных событий в тот день не произошло, но командующие противостоящими группировками войск не собирались оставаться в бездействии слишком долго. Роммель, раздосадованный неудачами на флангах Эль-Аламейнского периметра, начал рассматривать возможность нанесения удара 13-му Корпусу с прорывом к гряде Алам Найиль и пункту Деир эль Мунассиб/Deir el Munassib. Удачный прорыв открывал Роммелю путь на Каир... Окинлек намеревался использовать 9-ю Дивизию австралийцев на втором этапе реализации своего плана боевых действий – этапе разгрома итальянцев. Он запланировал атаку 30-го Корпуса вдоль приморского шоссе в направлении городка Телль эль Эйса (Tell el Eisa), которая, в случае успеха, поставила бы под угрозу транспортные коммуникации в тылу Роммеля. Приказ о наступлении в ночь с 9 на 10 июля был отдан генералу Рэмсдену. Кроме того, Окинлек принял решение перебросить 13-й Корпус на север, на гряду Алам Найиль, чтобы сконцентрировать на ее высотах артиллерию 8-й Армии и нанести удар по итальянским войскам Роммеля, как только произойдет прорыв 30-

го Корпуса на северо-западном фланге периметра. Это тактическое перемещение 13-го Корпуса означало, что британцы оставляют оборонительный узел на возвышенности Баб Эль Каттара и открывают южный путь на Каир противнику... Перегруппировка началась в ночь с 7 на 8 июля и, чтобы дезориентировать противника, австралийцы предприняли рейд на позиции 15-й Танковой Дивизии немцев. Немцы приняли рейд австралийцев за масштабное наступление, вызвали на помощь 21-ю Танковую Дивизию, что дало возможность новозеландцам из 13-го Корпуса незаметно занять новые позиции. На следующее утро рассерженный Роммель сместил с должности командующего 15-й Дивизией и потребовал от своих офицеров, чтобы они были настороже.

Окинлек надеялся, что перемещение на восток его 13-го Корпуса и оставление открытым южного фланга подтолкнет Роммеля к концентрации усилий его мобильных немецких частей на юге с ослаблением его северного фланга, который будет удерживать 21-й корпус итальянцев, оказавшийся под угрозой удара со стороны 30-го Корпуса британцев. И Роммель проглотил наживку!

В ту ночь произошло перемещение 13-го Корпуса на восток. К рассвету дивизия новозеландцев находилась где-то в трех милях к востоку-юго-востоку от оставленного оборонительного узла на возвышенности Баб эль Каттара, но не ранее чем в полдень 8 июля из 21-й Дивизии немцев пришло сообщение в штаб *Африканского Корпуса* о том, что новозеландцы покинули район Эль Мреира. Собственно говоря, Роммелю информация об этом была передана по телефону только утром 9 июля, когда он сам позвонил в штаб.

Роммель прибыл в штаб *Африканского Корпуса* в придиричивом расположении духа и приказал боевой группе из состава 90-й Дивизии двинуться на юг, а остальным частям дивизии следовать за авангардом. Он также бросил в массированную атаку на уже оставленный участок Баб эль Каттара дивизию *Littorio*, которую поддержала тяжелая артиллерия Роммеля. Новозеландцы с восторгом смотрели на происходящее с безопасного расстояния...

Роммель, по-видимому, объяснил отступление 13-го Корпуса успешной реализацией своих планов. Не имея представления о том, что 13-й Корпус оставил позиции за сутки до происходящего, он поверил в то, что его танковые части достигли решающего успеха, который осталось только развить, чтобы добиться дезинтеграции всей оборонительной линии противника. Поэтому 9 июля вечером он изготавился к атаке в восточном направлении силами всех своих мобильных частей, которые окончательно опрокинут британцев. Таким образом, Роммель пошел на то, чего хотел от него Окинлек. Он растянул свою армию по всему фронту от побережья до борта Катарской депрессии, тогда как 8-я армия сконцентрировала свои основные силы в северной половине этого фронта.

В 3.30 утра началось наступление 30-го Корпуса, и далекий грохот артиллерии, довольно интенсивный, разбудил Роммеля. К 10 утра, при поддержке 32 танков *Валентайн*, 9-я Дивизия австралийцев захватила высоты к востоку от Телль эль Эйсы, в то время как 1-я Дивизия южноафриканцев, поддержанная восемью танками *Матильда/Matilda*, заняла высоты Телль эль Мах Хад/Tell el Makh Khad. По словам самого Роммеля, «дивизия *Sabratha* была почти полностью уничтожена... Итальянцы бросили свою [оборонительную] линию в панике, не пытаясь даже защитить самих себя.»

Штаб *Panzerarmee* находился в трех милях к северо-западу от Телль эль Эйсы, и, судя по всему, оказался в серьезной опасности. Подполковник фон Меллентин собрал весь штабной персонал и, с участием военнослужащих из 164-й Дивизии (которые начали прибывать с Крита), сформировал оборонительную линию примерно в 3000 ярдов к юго-востоку от местонахождения штаба.

Контрнаступление Роммеля отбито

Роммель, опасаясь того, что в случае выхода противника к расположенному на приморском шоссе пункту Сиди Абд эль Рахман, линия снабжения его *Panzerarmee* будет перерезана, реагировал на происходящее в ускоренном порядке. Он отменил ранее запланированное продвижение на восток и спешно отправился на север вместе со своим боевым штабом

духа.» На следующий день, 14 июля, измотанная непрерывными боями 21-я Танковая Дивизия вновь была брошена в бой против австралийцев и вновь потерпела неудачу после ожесточенного боя.

Таким образом, между 10 и 14 июля операции 30-го Корпуса были наиболее успешными. Основные силы двух итальянских дивизий были разгромлены, а немецкий контингент войск Роммеля, в особенности, 21-я Танковая Дивизия, понес тяжелые потери в безуспешных контратаках. В это же время 90-я Дивизия увязла в безуспешных боях против мобильных частей 13-го Корпуса британцев, тогда как основная часть этого корпуса противостояла растянутым по фронту и не имеющим сильной поддержки дивизиям 10-го Корпуса итальянцев.

Когда 9 июля *Panzerarmee* заняла возвышенность Баб эль Каттара и растянула свой фронт в южном направлении, 10-й Корпус итальянцев занял позиции по обоим склонам гряды Рувейсат: дивизия *Brescia* на северном склоне и *Pavia* - на южном. Передовые посты итальянцев находились немного к востоку от Высоты 64, и отсюда занимаемый итальянцами сектор фронта протянулся до возвышенности Алам эль Дихмания (Alam el Dihmāniya) и далее до возвышенности Баб эль Каттара. Южнее Алам эль Дихмания сектор фронта итальянцев занимали части 20-го Корпуса. Таким образом, 10-й Корпус итальянцев прикрывал важнейшие сектора фронта *Panzerarmee*. На крайнем западном окончании гряды Рувейсат находилась Высота 63, с которой хорошо просматривался участок Деир эль Шейн. Эта высота имела важное тактическое значение, поскольку в районе Деир эль Абьяд – Деир эль Шейн располагались резервная артиллерия *Panzerarmee*, штаб *Африканского Корпуса* и 10-го Корпуса итальянцев, а также важные склады – все это защищали мощные средства ПВО. К югу от гряды Рувейсат, за передовыми постами дивизии *Brescia*, располагались 15-я Танковая Дивизия и 2-й Батальон 382-го Полка 164-й Пехотной Дивизии немцев.

У британцев к 11 июля дивизия новозеландцев (13-й Корпус) была развернута фронтом на север к гряде Алам Найиль. 7-я Легкая Броневая Дивизия располагалась в районе участков Деир эль Мунасиб и Карет эль Химеймат – здесь их позициям противостояла 90-я Дивизия и рекогносцировочные подразделения немцев. 1-я Танковая Дивизия прикрывала левый фланг этого сектора фронта на западном окончании гряды Алам Найиль. Стык между корпусами проходил примерно с юго-востока на северо-запад, и, таким образом, Высота 64 была занята частями 30-го Корпуса. Переформированная 5-я Индийская Дивизия с сильной полевой артиллерией и 6-фунтовыми пушками была обращена фронтом на север, в сторону гряды Рувейсат, на северо-востоке ее позиции соприкасались с позициями южноафриканцев.

Начиная с 11 июля, Окинлек рассматривал вариант с нанесением удара по позициям противника к востоку от дороги Эль-Аламейн – Абу Двейс и к северу от гряды Рувейсат. По этому сценарию 30-й и 13-й корпусов должны были атаковать следующим образом: первый из них с захватом фрагмента гряды к востоку от Высоты 64, второй – с захватом остальной части гряды к западу. Атаковать предполагалось в ночное время и в тишине, предполагалось, что 1-я Танковая Дивизия прикроет левый фланг атакующих новозеландцев с наступлением рассвета, при этом продвигаясь вдоль стыка корпусов. Одновременно с этим 30-й Корпус должен будет захватить гряду Митейрия.

Планировалось, что 8-я Армия полностью захватит гряду Рувейсат к западу от Высоты 63, поэтому 13-й Корпус наметил эту высоту в качестве первой своей цели для ночной атаки, хотя это предполагало шестимильный марш для новозеландской дивизии и, таким образом, оставляло 4-ю Бригаду новозеландцев без артиллерийской поддержки на рассвете – тогда, когда она была максимально необходима. Вероятно, можно было бы наметить и промежуточную цель для новозеландцев – участок, где они могли бы консолидировать свои позиции до того момента, когда им была бы оказана поддержка артиллерией и танками, обеспечивающая дальнейшее продвижение к Высоте 63. Сейчас можно только удивляться, что командующий новозеландской дивизией не стал протестовать по поводу того, насколько трудная задача была перед ним поставлена. Ночные разведгруппы двух ударных бригады [1-й Дивизии новозеландцев](#) уже

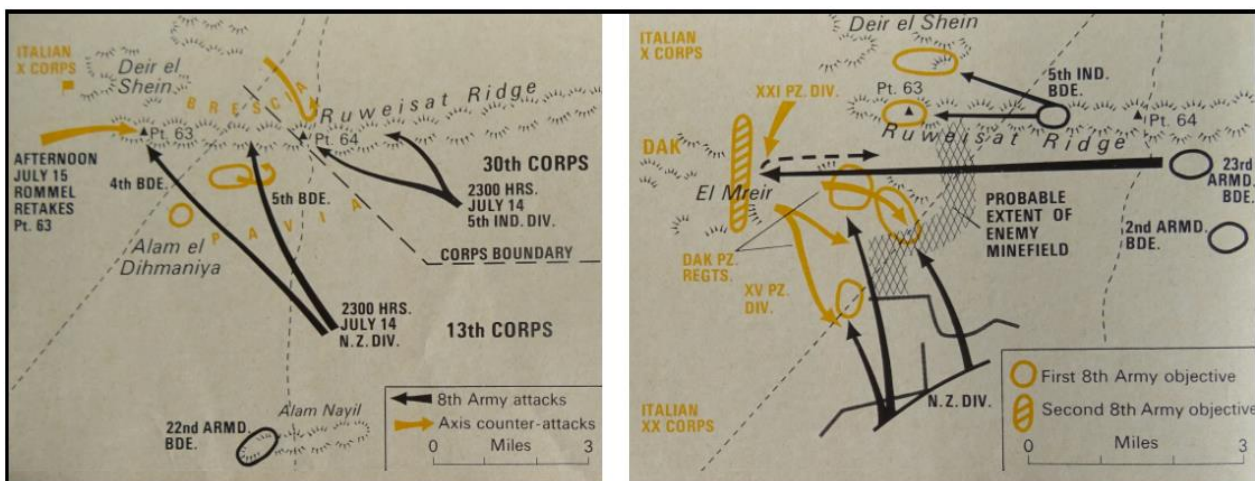
соприкасались с противником, начиная с 11 июля. На подготовку наступления у британских частей оставалось три дня...

Наступление 13-го Корпуса началось в 23.00 14 июля, и к рассвету 15-го атакующие роты новозеландцев захватили все намеченные цели. Тем временем в секторе 30-го Корпуса индийцы 5-й Бригады, несмотря на первоначальное отсутствие успехов, захватили все намеченные цели к полудню и взяли в плен около 1000 солдат и офицеров противника. К сожалению, дальше в секторе 13-го Корпуса несмотря на первоначальный успех пехоты многое пошло не так, как хотелось. Хотя кому-то из новозеландцев удалось ворваться на высоты Деир эль Шейн, где множество итальянцев быстро сложило оружие, оказалось невозможным выдвинуть вперед, на левый фланг, силы поддержки из-за наличия узлов сопротивления противника между стартовой линией наступления и грядой Рувейсат. На пути продвижения 5-й Бригады оказалась группа вражеских танков, которая смяла батальон поддержки. Положение усугубилось тем, что 22-я Танковая Бригада британцев, которую атакующие ожидали увидеть на левом фланге, не начала продвижение вперед с участка Алам Найиль с наступлением рассвета. Со своими 75 танками, включающими 31 *Grant*, эта бригада вполне могла бы справиться с контратакующими танками противника и прикрыть пехоту, которая в любом случае была бы дезорганизована на какой-то период времени. Однако, когда танковая бригада подошла к высотам Алам эль Дихмания, она неожиданно для всех сделала очень мало для того, чтобы защитить 4-ю Бригаду новозеландцев от серии контратак танков и пехоты противника, в ходе которых после полудня противник отбил Высоту 63. В результате новозеландцы потеряли около 1500 солдат и офицеров, хотя и сами захватили около 1600 пленных и нанесли противнику серьезный урон в ночных атаках. Согласно достаточно надежным сведениям, в какой-то момент времени в их руках оказалось около 20 000 пленных, включая четверых итальянских генералов, однако большая их часть была освобождена немцами в ходе ожесточенных контратак.

С точки зрения новозеландцев эта операция была сплошным разочарованием, хотя, в итоге, 30-й и 13-й Корпус консолидировали свои позиции на участках, намеченных в качестве целей наступления. Если бы 13-й Корпус наметил более скромные цели, контрудара, под который попали новозеландцы, можно было бы избежать. То, что произошло, явилось причиной возникновения неприязни между новозеландцами и британскими танкистами...

Тем не менее, ущерб от нового удара, последовавшего за атакой вдоль приморского шоссе, оказался значительным. Генерал Байерлайн позднее признал: «Когда Роммель потерял Телль эль Эйсу и Рувейсат, он и все мы знали, что оказались в проигрыше.» Сам Роммель позднее не вспоминал неудачи *Африканского Корпуса*, которыми закончились 16 июля две попытки отбить у британцев западную часть гряды Рувейсат. Эти атаки захлебнулись под концентрированным огнем британской артиллерии. Роммель был вынужден отойти, оставив на поле боя 24 танка (среди них трофейный *Стюарт*), шесть бронемашин, шесть 88-миллиметровок, десять противотанковых пушек другого типа и десять полевых пушек. Учитывая технику, захваченную во время наступления новозеландцев к югу от гряды Рувейсат, можно заключить, что второе наступление Окинлека привело к почти полному разгрому 10-го Корпуса итальянцев.

На севере, в районе возвышенности Телль эль Эйса, 16 июля австралийцы атаковали и захватили несколько узлов обороны дивизии *Sabratha*, но позднее оставили этот участок, который командование сочло не имеющим большой важности. 17 июля австралийцы атаковали позиции противника на гряде Мийтерия и захватили в плен большое число итальянцев. Роммель охарактеризовал сложившуюся 17 июля ситуацию следующим образом: «В тот день в бой были брошены последние немецкие резервы. Численность наших сил теперь была столь незначительна по сравнению с постоянно растущими силами британцев, что мы уже могли бы считать себя счастливыми, если бы удавалось просто удерживать наши позиции. В результате огромных потерь, которые понесли итальянцы, наши [оборонительные] линии были укомплектованы людьми совершенно недостаточно... Фактически, у нас не оставалось резервов.»

Слева: 14-15 июля. Окинлек атакует в западном секторе гряды Рувейсат. Британцы консолидируются на захваченных позициях, 10-й Корпус итальянцев несет тяжелые потери.

Желтые стрелки – продвижение войск Оси, черные - британцев

Мифы Эль-Аламейнского фронта

Заслуги Окинлека затерялись среди мифов Эль-Аламейнского фронта, так как считается, что в июле 1942 г. 8-я Армия сражалась, обороняя укрепленные позиции, протягивающиеся от Эль-Аламейна до впадины Каттара. На самом деле, боевые действия, имевшие место с 1 по 17 июля, носили «открытый» и мобильный характер. Характер боевых действий не стал таким, каким хотел его видеть Роммель, и он позднее жаловался на то, что «фронт стал статичным, и британские командиры были в своей тарелке, поскольку современная форма пехотного боя и позиционная война были их сильной стороной.» Частично непонимание того, что происходило тогда, проистекает из узости «Эль-Аламейнских ворот» (El Alamein Gap). Однако 40 миль – это довольно широкие «ворота», и Окинлек ни разу не попытался полностью закрыть их и столь крепко связал боем *Panzerarmee*, что Роммель так и не попытался использовать 20 миль открытого южного сектора фронта.

21 июля Роммель доложил о сложившейся ситуации Верховному Командованию. Его германские части понесли тяжелые потери, а итальянцы показали себя настолько ненадежными в бою, что ему пришлось добавлять к их подразделениям немцев. Он верил, что ему удастся удержать фронт, но до того, как ему удалось доукомплектовать 164-ю Дивизию, заново сформировать свои мобильные резервы и заминировать подступы к своим позициям, его положение оставалось критическим. Некомплект личного состава в немецких частях был на уровне 60%, поступающие пополнения были невысокого качества, и, хотя снабжение было достаточным на повседневном уровне, возможности создания запасов всего необходимого для нового наступления пока не было, поскольку британская авиация господствовала в воздухе и ее атаки на базы снабжения Тобрук и Матрух наносили большой ущерб.

Доклад Роммеля, по сути дела, был информацией о провале – провале не только операций *Panzerarmee*, но и планов Верховного Командования на лето 1942 г. Этот доклад подтвердил то, что маршалы Кессельринг и Кавальеро увидели, посетив штаб Роммеля 17 июля 1942 г.

В тот день, на пике кризиса в боевых действиях *Panzerarmee*, они с опозданием пытались взять дело в свои руки. Побитый Роммель, не имевший возможности ни наступать, ни отступить и едва способный удерживать свой широко растянутый фронт, требовал танков, 88-миллиметровок, боеприпасов и горючего, но, прежде всего, надежных подкреплений, которые могли бы заменить четыре итальянские дивизии, потерянные за период времени с 1 июля. Все, что было в распоряжении *Comando Supremo* (Верховное Командование силами стран Оси на Средиземноморско-Североафриканском театре - ВК) – это воздушно-десантные части, которые предполагалось использовать для вторжения на

Мальту: немецкая бригада *Ramcke* и итальянская бригада *Folgore*, которые могли появиться на фронте сразу же, но безо всяких транспортных средств. Переброска этих частей на североафриканский фронт означала бы отмену операции *Hercules*. Эти превосходные части могли добавить войскам Роммеля стабильности, но никак не мобильности. Кессельринг знал, что переброска какой-либо новой части в распоряжение *Panzerarmee* усиливала проблему с доставкой грузов через Средиземное море, и позднее писал, «что для обеспечения безопасности этого транзита *Оси* была нужна Мальта... Изъятие частей, предназначенных для вторжения [на остров], делали его невозможным. Даже я, в итоге, был вынужден принять решение о его отмене, так как условий для этого больше не осталось. Отмена этой операции была смертельным ударом для всей кампании в Северной Африке. Теперь я настаивал на возобновлении наступления так же энергично, как ранее, после Тобрука, вмешивался с требованием остановить его... Несмотря на все преимущества чисто оборонительной операции, которая не решила бы проблему со снабжением, другого выбора, кроме наступления, не было... Ситуация в Северной Африке могла быть стабилизирована только в том случае, если египетские и средиземноморские порты были в наших руках.»

Таким образом, тактические успехи Окинлека в районе Телль эль Эйсы и гряды Рувейсат привели к изменениям в общей стратегии стран *Оси* на Средиземноморье. Позднее, в августе, Роммелю предстояло осуществить новую, сомнительную в плане конечного успеха, наступательную операцию против отдохнувшей, прошедшей реорганизацию и получившей подкрепления 8-й Армии.

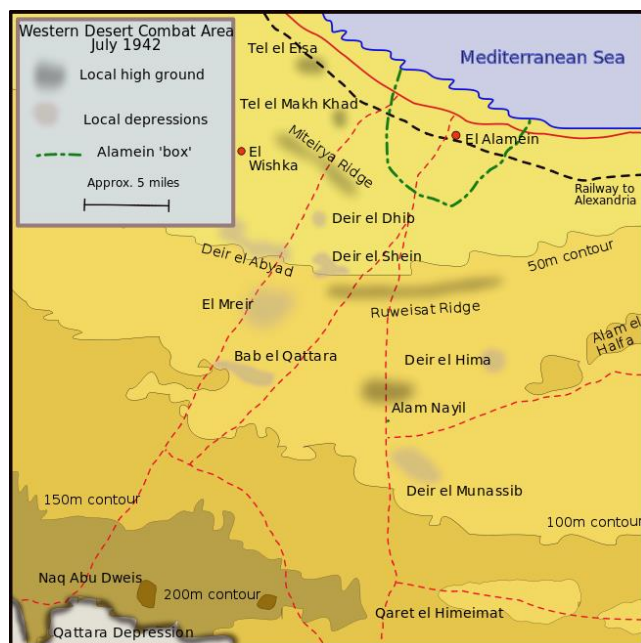
20 июля Муссолини вернулся в Рим. «Он выглядел отчаянно больным и усталым. Было объявлено, что его переутомление, связанное с напряжением в работе, спровоцировало приступ дизентерии.» По Риму пошел слух, что Дуче скоро умрет. «Вероятно, он умирает, - сказал один из его министров, - но не от дизентерии. Это – менее распространенная болезнь. Она называется унижением.»

СРАЖЕНИЕ У ГРЯДЫ АЛАМ ХАЛФА

Сражение у гряды Алам Халфа стало последней попыткой Роммеля прорваться к дельте Нила. Оно также стало первым сражением генерал-лейтенанта Монтгомери в Северной Африке. Схватка двух командующих стала исключительно ожесточенной, поскольку каждый из них знал, что на карту поставлена его репутация. При этом Роммель, понимая, что может потерпеть окончательную неудачу, жаждал быстрого успеха в условиях, когда его ресурсы для победы быстро таяли. Монтгомери, в свою очередь, беспокоила необходимость консолидировать свое влияние на умы и сердца солдат и офицеров своей приходящей в себя после серии поражений армии. Это было условием для того, чтобы немного позднее начать планируемое им сражение, нацеленное на разгром противника. В данной статье ход сражения описывается его непосредственными участниками на самом высоком уровне...

Генерал Байерляйн, начальник штаба Африканского Корпуса:

Каменистая пустыня с небольшими занятыми песками площадями, безжалостно выжженная африканским солнцем – вот что представлял из себя Эль-Аламейнский фронт. Он простирался от скалистых высот Телль эль Эйса (Tell el Eisa), расположенных близ побережья Средиземного моря и 200-метровой пирамидой горы Карет Эль Химеймат (Qaret el Himeimat), расположенной на северной окраине Каттарской впадины...

Географическая схема участка сражения

Объем доставляемых нами по морю грузов упал до 6000 тонн в месяц – всего лишь одной пятой от наших обычных потребностей. Три четверти всех транспортных судов отправляли на дно британский флот и авиация, поэтому было невозможно скопить впрок запасы, необходимые для предстоящего решающего сражения. Британские ВВС к этому моменту достигли беспрецедентной боевой эффективности, и в боях против них воздушная мощь Кессельринга быстро сходилась на нет. Он не получал подкреплений, потому что Гитлеру все было нужнее в России, поэтому численность немецких истребительных эскадрилий упала до минимума, и погиб даже ас неба Африки капитан Марсель.

Мальта доказала свою значимость, как база для атак на конвои, перемещающиеся между Италией и Северной Африкой, поскольку большинство транспортных путей проходило между Южной Италией и Бенгази, и эти пути находились в зоне возможных атак [авиации и военных кораблей] с этого острова. В порту Тобрука не было достаточных возможностей для складирования военных материалов, поэтому от его гавани до позиций под Эль-Аламейном была постоянно вытянута бесконечная колонна машин с грузами, которые непрерывно атаковали британские самолеты. Эта система снабжения [войск] сжигала драгоценное топливо и обуславливала то, что транспортные колонны были перегружены сверх нормы. Расстояние от Тобрука до передовой составляло 370 миль; от основного порта Бенгази – 660 миль, от Триполи, куда прибывало большое количество грузов – 1250 миль. Протяженность британских линий снабжения от Александрии и Суэца составляла всего 55 и 215 миль соответственно.

Роммель был вынужден принять решение об атаке на британские позиции с целью прорыва к Суэцкому каналу, но он сделал это наступление зависимым от доставки на фронт нескольких тысяч тонн топлива по морю или воздуху. *Сейчас или никогда* – вот во что верил Роммель, считая возможной еще одну попытку прорыва в дельту [Нила]. 27 августа, во время беседы с ним, маршалы Кессельринг и Кавальеро и гарантировали ему доставку 6000 тонн горючего, из которых 1000 т будет доставлена самолетами. Роммель заявил: «Сражение будет зависеть от своевременной доставки топлива.» Кавальеро ответил: «Вы можете начинать свою битву сейчас, господин фельдмаршал, горючее уже в пути.»

В ночь на 31 августа Роммель перешел в наступление. Нам не хватало танков и боеприпасов, поэтому вопрос о фронтальной атаке на сильно укрепленные позиции британцев не стоял. Роммель остановился на единственно возможном варианте – обходном маневре. Он провел серию отвлекающих атак на северном участке фронта, рискованную атаку в центре и, затем, нанес основной удар на юге. Он намеревался

осуществить прорыв вдоль [северного] борта Каттарской впадины, где концентрация войск британцев была наименьшей, а затем повернуть на север, продвинуться восточнее гряды Алам Халфа и выйти к побережью в районе Эль Хаммы/El Hamma. Наступая в этом направлении, он надеялся полностью смять позиции противника именно так, как он сделал это тремя месяцами раньше под Газалой. В случае успеха Роммель окружил бы 8-ю Армию и перерезал бы пути ее снабжения...

Генерал-майор де Гуингэн (de Guingand), начальник штаба Монтгомери:

Вскоре после нашего прибытия в тактический штаб Монтгомери приказал мне собрать всех штабных офицеров, с которыми собирался провести беседу.

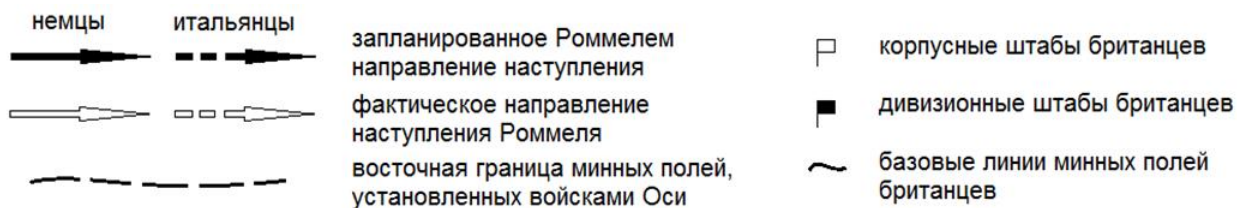
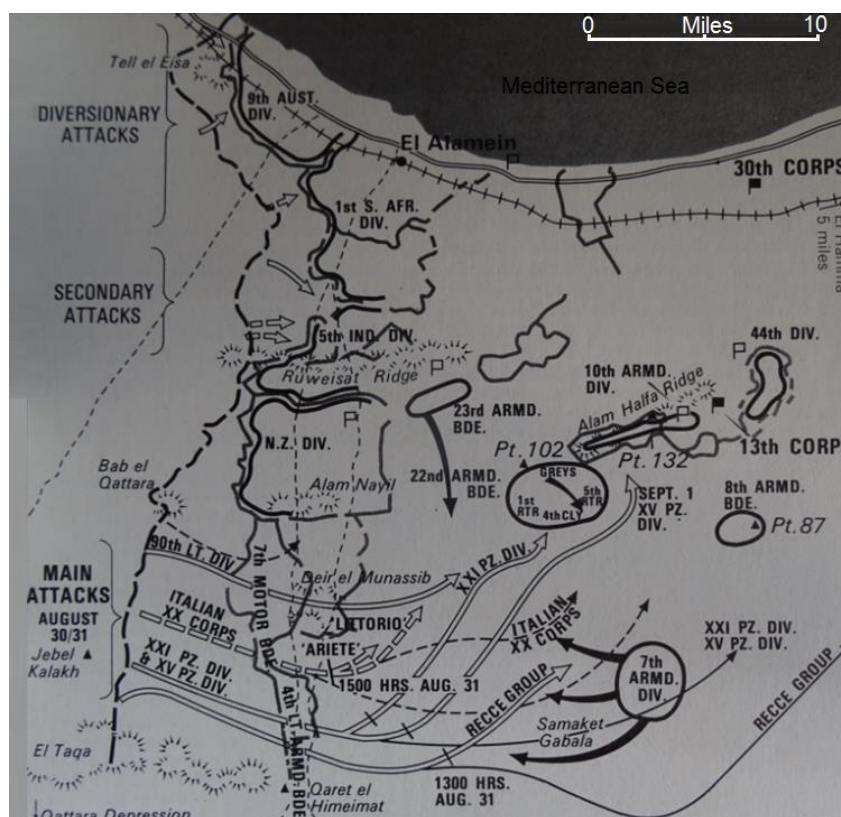
Он намеревался создать новую атмосферу: атмосфера была весьма важным моментом, а он не был доволен той, с которой столкнулся. Тяжелые времена прошли, сказал он нам, но ничего хорошего для нас на полках не лежит. Наступил рассвет новой эры. Он продолжил, рассказав о том мандате, который он и генерал [Хэролд Александер](#) (Harold Alexander) получили от премьер-министра [Черчилля] – мандат на разгром войск стран Оси в Северной Африке.

Речь о каком-либо дальнейшем отступлении больше не шла. Забудьте об этом. Мы должны держаться и сражаться там, где находимся [сейчас]... Он приказал сжечь все планы, касающиеся отступления, и надеялся на то, что сигнал достиг цели. И он достиг ее! Оборона дельты [Нила] его не касалась, и все резервы, предназначавшиеся для нее, будут использованы для усиления 8-й Армии. Он закончил свою речь, сказав, что не потерпит никакого нытья. Это было сильное слово, которое самым должным образом характеризовало тот тип отсутствия дисциплины, который доминировал в то время среди старших офицеров. Он распространился постепенно, начавшись вместе с отрицанием «устаревшей» [армейской системы]. Редко случалось так, что приказы не обсуждались их получателями, за чем следовали бесконечные дебаты. Все это нужно было остановить, и оно было остановлено - атмосфера и штабная работа значительно изменились к лучшему. Один или двое офицеров, которые увязли в старом, были быстро удалены...

Все данные разведки указывали на скорое наступление Роммеля, и Окинлек был настроен на удержание позиций под Эль-Аламейном. При этом он не сомневался в значимой роли позиций на гряде Алам Халфа, и во время первой же рекогносцировочной поездки Монтгомери также уделил вниманию их укреплению. Но ему также стало очевидно, что в его распоряжении *слишком мало масла, чтобы размазать его по всему хлебу*. Было невозможно организовать устойчивую оборону на этом важнейшей гряде и развернуть достаточное количество сил на нужную глубину в южном секторе фронта без получения дополнительных подкреплений*.

В результате был отдан приказ о переброске в этот сектор фронта ряда частей из двух свежих дивизий. Мы знали, что времени остается мало, но к счастью его хватило для того, чтобы должным образом укрепить позиции на гряде Алам Халфа силами нашего левого фланга. Монтгомери решил, что в этом сражении он добьется того, что танки Роммеля будут атаковать [хорошо] подготовленные позиции, и сам Роммель не получит возможность использовать свои высокоэффективные 88-миллиметровые пушки - возможность, которые так часто предоставлялась ему в прошлом в боях с нашими атакующими танковыми частями. Монтгомери приказал врыть большую часть наших танков в землю, создав тем самым проблему *Африканскому Корпусу*.

Мы были правы, ожидая, что Роммель нанесет *хук справа* и попытается совершить обходной маневр на юге – то, что он столь часто делал в прошлом, поэтому наши легкие мобильные силы были размещены к югу от оборонительных позиций для того, чтобы осуществлять беспокоящие атаки тогда, когда его силы будут продвигаться в обход нашего левого фланга.

Карта размещения и продвижения войск противоборствующих сторон в ходе сражения у гряды Алам Халфа

Роммель рассказывает о начальном этапе сражения:

В ночь с 30 на 31 августа пехота с механизированной группой из состава *Panzerarmee* начала продвижение для атаки южных бастионов Эль-Аламейнских позиций британцев. Уже вскоре авиация британцев начала бомбовые атаки наших наступающих сил. Сбрасываемые на парашютах осветительные огни превратили ночь в день, и крупные авиационные группы обрушили свои бомбы на мои войска.

Армейские штабные работники провели всю ночь у телефонов, принимая непрерывный поток докладов. При всем при этом ощущалась немалая неопределенность в оценке ситуации, хотя постепенно становилось ясно, что все сразу не пойдет, как было запланировано. Первое сообщение от *Африканского Корпуса* пришло ко мне около 8 утра [когда я находился] близ пункта Джебель Калах/Jebel Kalakh. Из-за наличия больших по размеру минных полей противника *Африканский Корпус* оказался не в состоянии достичь намеченных целей. К рассвету его передовые части вместе с разведывательной группой вышли в район, расположенный в 8-10 милях к востоку от наших минных полей. Британцы обороняли свои позиции с исключительным упорством и тем самым замедлили наше продвижение. Это дало возможность частям противника, оказавшимся в угрожающей ситуации, послать тревожные сообщения и доклады о ситуации в британский штаб, что дало командованию противника возможность принять контрмеры.

Через несколько минут пришли новости о том, генерал фон Бисмарк, командующий 21-й Танковой Дивизией, погиб в результате взрыва мины, а генерал Неринг (Nehring) – командующий *Африканским Корпусом* – был ранен в ходе воздушной атаки.

С учетом того, что британские танки сконцентрировались для немедленной атаки, стало невозможным дальнейшее продвижение с широким охватом [противника] с востока, поскольку наши фланги тогда оказались бы под постоянной угрозой с юга - со стороны 7-й Танковой Дивизии и с севера - со стороны 10-й Танковой Дивизии. Это вынудило нас принять решение о более раннем, чем намечалось, повороте наступления на север.

Теперь целями нашего наступления стали Высота 132 для *Африканского Корпуса* и [гряды] Алам Халфа для 20-го Корпуса итальянцев. По данным нашей воздушной разведки на этой гряде располагались сильные укрепления, кроме того, как мы позднее установили, ее удерживала 44-я Пехотная Дивизия, только что прибывшая из Великобритании. Из нашего опыта, приобретенного в сходных ситуациях, мы знали, что бой за гряды Алам Халфа – ключевой позиции для всего Эль-Аламейнского фронта - будет весьма ожесточенным. В соответствии с ситуацией фельдмаршалу Кессельрингу была передана просьба об организации массированных воздушных атак на эту гряду в течение нескольких ближайших дней.

После того, как *Африканский Корпус* заправил свои машины и пополнил комплекты боеприпасов, что заняло немало времени, около 13.00 наступление было возобновлено. Атака, которая осуществлялась в условиях сильной песчаной бури, первоначально развивалась успешно, обеспечив продвижение итальянской танковой дивизии *Littorio*. К сожалению, дивизии *Ariete* и *Trieste* все еще задерживались, расчищая себе пути продвижения через минные поля и пробиваясь через оборонительные линии британцев. 20-й Механизированный Корпус, в результате этого, не смог начать продвижение до 15.00 и с самого начал *завис* где-то позади от левого фланга *Африканского Корпуса*.

Солдаты Роммеля продвигаются вперед в условиях песчаной бури. В реальности, пехотных атак в этом сражении было совсем немного...

Тем временем машины и танки *Африканского Корпуса* с трудом пробивались через зыбучие пески, оказавшиеся на пути его продвижения. Песчаные бури накатывали и стихали весь день, превращая жизнь моих людей в кошмар, хотя, с другой стороны, эти бури лишали британскую авиацию возможности наносить какие-либо интенсивные атаки по моим войскам. Из-за тяжелого грунта запасы топлива у *Африканского Корпуса* вскоре начали истощаться, и к 16.00 мы остановили атаку на Высоту 132. 20-й Корпус итальянцев

все еще был далеко позади, но 90-я Легкопехотная Дивизия дошла до намеченной цели. С востока и юго-востока нас прикрывали разведывательные батальоны.

Обещанное нам горючее все еще не было доставлено в Африку, и в дополнение к этому наши пути снабжения, проложенные через минные поля противника, оказались под ощутимыми ударами танков 7-й Дивизии британцев к югу от нашего клина. Вследствие этого утром 1-го сентября я был вынужден прекратить всякие попытки осуществить что-то значимое на тот момент времени. Любое массированное продвижение механизированных частей нужно было прекратить, и, в лучшем случае, мы могли позволить себе несколько локальных атак с ограниченными целями.

Действуя в соответствии с этим решением, *Африканский Корпус* утром 1-го сентября атаковал только силами 15-й Танковой Дивизии: подбив большое количество британских тяжелых танков, основные силы дивизии сумели выйти к участку, расположенному непосредственно к югу от Высоты 132, где, израсходовав остатки горючего, они были вынуждены остановить даже эту локальную атаку. Ко 2-му сентября из 5000 тонн горючего, которое должны были доставить на передовую к 3-му числу, 2600 тонн уже ушли на морское дно, еще 1500 тонн все еще были в Италии. Начиная с 23.00 1-го сентября и вплоть до утра 2-го сентября, мы находились под волнообразными атаками самолетов противника, сбрасывавших бомбы всевозможных калибров. И снова они стали падать близ моего командного пункта. Где-то ярдах в десяти от моего окопчика сгорела машина...

После той ночи я принял решение остановить наступление и постепенно отвести войска к линии Эль Така/*El Taqa* – Баб эль Каттара/*Bab el Kattara*. Основанием для этого были ситуация в воздухе и катастрофическое положение с поступлением [военных] материалов. Наше наступление потеряло всякие шансы на успех – частично потому, что у нас иссякло горючее и не было достаточного прикрытия с воздуха, и частично потому, что наши материальные проблемы сами по себе влекли все это за собой. Если бы мы смогли продолжить атаку на через плато, окружающее Высоту 132, она переросла бы в сражение на истощение материальных ресурсов.

22-я Танковая Бригада британцев, оборонявшая западную оконечность гряды Алам Халфа, приняла на себя основную тяжесть удара Роммеля. О бое 31 августа вспоминает ее командир, бригадир Робертс:

Теперь я мог видеть [танки] противника в бинокль. Они продвигались непосредственно к линии телеграфных столбов, проходившей вдоль наших оборонительных позиций. Передовые машины [врага] постреливали в нашу сторону, предположительно, по нашим легким танкам, поэтому я передал им приказ вернуться на линию обороны, но широким фронтом, чтобы не выдать наши укрепленные позиции.

Вот они подходят, их группа выглядит внушительно. Теперь они идут в обход с востока и, похоже, находятся на расстоянии около 1200 ярдов от наших самых выдвинутых вперед позиций. Я заблаговременно отдал строгий приказ не открывать огня, пока вражеские танки не окажутся от нас не дальше, чем в 1000 ярдов.

Я немедленно отдал приказ танкистам 4-го Полка (*CLY - County of London Yeomanry*) и 5-го Полка (*RTR - Royal Tank Regiment*) подготовиться к выдвижению со своих оборонительных позиций, но одновременно с этим передовые немецкие машины остановились, и я сразу же отменил свой приказ... Теперь немцы дружно повернули влево, фронтом к нам, и начали медленно продвигаться вперед. Через несколько секунд танкисты из *CLY* открыли огонь, и начался бой. Когда человек находится в гуще сражения, трудно ориентироваться во времени, но [мне] показалось, что уже через несколько секунд все танки батальона *Грантов* из *CLY* горели. Вражеские танки остановились, у них тоже были потери, но [для нас] ситуация была серьезной: в нашей оборонительной линии образовался просвет. Я поторопился предупредить танкистов из полка *Royal Scots Greys (RSG - эта часть была придана 22-й Бригаде – ВК)*, что они должны на полной скорости покинуть занимаемые ими позиции и заткнуть дыру [в нашей обороне]. Тем временем вражеские танки продолжили движение вперед и приблизились к позициям, на которых размещались противотанковые пушки *Стрелковой Бригады/Rifle Brigade*. Артиллеристы великолепно стреляли, ведя

огонь с расстояния в несколько сотен ярдов. Они нанесли противнику тяжелые потери, но в ходе массовой атаки врага некоторые пушки были смяты [танками].

Британские артиллеристы в бою

Тем временем часть машин противника начала обходить нас слева, и 5-й Танковый Полк вступил в бой, хотя 1-й Танковый Полк я пока оставил [в резерве]. Я не решился снять его с оборонительных позиций, потому что мне казалось, что у немцев в резерве еще много танков, которые могут наступать по своему собственному направлению.

Теперь противник атаковал в центре. Все, что у меня было в распоряжении, чтобы остановить их, это артиллерия, - она вступает в бой, и противник вновь остановлен. И тут танкисты из полка *RSG* перевалили через гребень гряды с ее северного склона. Это не заняло много времени, но мне показалось, что прошла целая вечность. По радиации я обрисовал им ситуацию, они спустились вниз по склону и пошли в атаку. Они уже совсем близко к просвету, который им было необходимо закрыть, вот они входят в него... Тут начинаются сумерки, и ситуация в центре обороны, кажется, стабилизируется...

Тем временем на центральном участке фронта немцы были сбиты с гряды Рувейсат/*Ruweisat* в результате мощной контратаки и так и не попытались вновь перейти в наступление. На юге 4-я Легкая Броневая Бригада (*4th Light Armoured Brigade*) отошла к участку Габалла/*Gaballa*, а 7-я Бригада (*7th Armoured Brigade*) отошла на восток, пройдя через позиции 22-й Бригады и далее сместившись на юг на расстояние в 5 миль. На следующий день эти две бригады успешно осуществляли беспокоящие атаки по флангам [наступающего клином] противника.

На рассвете 1-го сентября мы старались разглядеть через наши бинокли, какие изменения в расположении сил противника произошли за ночь. Особых изменений не было видно, хотя казалось, что его силы растянулись по более широкому сектору фронта и дальше на восток по сравнению с прошлым вечером. На рассвете ничего особенного не произошло - определенно, не было какой-то решительной атаки. Тем не менее, уже вскоре стало видно, что намечается продвижение [противника] в направлении позиций 5-го Танкового Полка, и на левом фланге полк *CLY* тоже вступил в бой. Стало заметно некоторое продвижение противника в восточном направлении, и вскоре мы слышали о том, что 8-я Танковая Бригада также вступила в бой. Позднее мы узнали, что у танкистов этой бригады было

ощутимое столкновение с врагом, приведшее к потерям с обеих сторон, но у немцев потери были тяжелее.

На следующий день, 2-го сентября, ближайшая к нам машина противника была уже, по меньшей мере, в 3000 ярдов от нас, и мы не могли сделать ничего кроме того, как вести беспокоящий огонь... Наблюдая за противником через бинокль, я понял, что он отступает. Большая часть его машин была повернута на запад, многие тащили другие машины на буксире. Огонь в нашу сторону был совсем незначительным. Как только Монтгомери стало ясно, что танковая атака немцев полностью остановлена на гряде Алам-Халфа, он приказал начать планирование перехвата инициативы путем закрытия просветов в наших минных полях. Развернутому на севере 30-му Корпусу предстояло предоставить резервы для [наступательной] операции, которая намечалась в направлении на юг от места развертывания новозеландской дивизии. В итоге, начало этой операции была запланировано на ночь с 3 на 4 сентября, и срочная необходимость в ее проведении стала очевидной, когда уже был ясно, что противник отошел от линии фронта к югу и к западу от гряды Алам Халфа, оставив за собой обширное поле, усеянное разбитыми и лишенными горючего машинами...

Были отданы строгие директивы, запрещающие главным силам покидать основные оборонительные позиции. Это было связано с тем, что командующий 8-й Армией понимал: его войска, в особенности, танковые части, недостаточно хорошо обучены и недостаточно обеспечены технически для ведения мобильных боевых действий. Более того, отразив наступление противника с тяжелыми для него потерями и со сравнительно небольшим ущербом для себя, он вовсе не хотел терять преимущество, обретенное в результате сражения на выбранной им самой территории.

Преследование противника осуществляли ВВС и 7-я Танковая Дивизия в южном секторе фронта. К полудню 3 сентября поступили сообщения о том, что колонны противника отходят на запад от созданных им проходов в минных полях.

Направленная на юг атака из места расположения новозеландской дивизии началась по плану в ночь с 3 на 4 сентября и натолкнулась на ожесточенное сопротивление противника. 4 сентября немцы неоднократно переходили в массированные контратаки, чтобы не дать британцам перерезать им пути к отступлению. Бои между двумя нашими поясами минных полей продолжались еще два дня, и стало очевидно, что враг готов сражаться в полную силу за этот участок фронта. Рано утром 7 сентября наступление было остановлено, и были созданы новые оборонительные позиции к востоку от участка боев.

Немецкие военнопленные, захваченные новозеландскими солдатами батальона маори 4 сентября 1942 г.

Оглядываясь назад, я хотел бы отметить только один момент. Довольно широко распространилась такая точка зрения, что успех генерала Монтгомери в

Западноафриканской Пустыне был связан, в основном, с его преимуществом над противником в живой силе и технике, - с преимуществом, которого не было ни у одного из его предшественников. Однако это может быть правдивым объяснением только для более поздних стадий всей кампании: на гряде Алам Халфа наша ситуация в смысле численности была даже хуже, чем раньше, летом. Скорость, с которой он [Монтгомери] вник в сущность происходящего после прибытия на фронт, четкий план, который он столь быстро привел в действие, и жесткость в достижении целей, с которой он руководил самым сражением, оказала столь значимое влияние на всю 8-ю Армию, что за несколько недель он превратил «храбрую, но побитую» массу людей в армию-победительницу...

Говорит Роммель:

Наше наступление потерпело неудачу по следующим причинам:

- Вопреки сообщениям нашей разведки, британские позиции на юге были укреплены исключительно сильно.
- Непрерывные и интенсивные атаки британской авиации, которая, в реальности, полностью господствовала в воздухе, прижала мою армию к земле и сделала невозможным сколь-нибудь беспрепятственное развертывание сил или своевременное продвижение в соответствии с намеченным планом.
- Горючее, наличие которого являлось важнейшим условием осуществления нашего плана, не было доставлено. Некоторые суда, прибытие которых было обещано Кавальеро, были потоплены, другие даже не вышли в море. В дополнение ко всему, Кессельринг, к сожалению, оказался неспособным сдержать свое обещание доставлять по воздуху на фронт более 500 тонн горючего в день в порядке срочной необходимости *[генерал Вестфаль (Westphal) в своей книге пишет, что Кессельринг отправил эти 500 тонн горючего, но оно «спалило само себя» по дороге на фронт]*.

Наши потери были очень тяжелыми и вызваны, в основном бомбардировками и атаками RAF с небольших высот. В общей сложности немецкие и итальянские потери составили 570 человек убитыми, 1800 ранеными и 570 попавшими в плен – всего около 3000. С материальной точки зрения, основные потери пришлись на технику: 50 танков, 15 полевых пушек, 35 противотанковых пушек и 40 грузовиков.

Исходя из докладов, присланных боевыми соединениями, мы захватили 350 пленных, вывели из строя 150 британских танков и бронемашин. Мы также уничтожили 10 полевых и 20 тяжелых противотанковых пушек.

[Британские потери, согласно докладу Александера, составили 1640 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести; 68 танков и 18 противотанковых пушек, полевая артиллерия потерь не понесла. По британским подсчетам потери противника составили около 4500 человек убитыми и ранеными – почти вдвое больше, чем приводимая Роммелем цифра, но в плен взяли лишь около 300 человек. Они собрали на поле боя 51 танк (из которых 42 были немецкими, 30 полевых пушек и 40 противотанковых пушек.)]

Мы выучили один важный урок во время этой операции - урок, который оказал влияние на весь последующий период конфликта. Он заключался в том, что возможности наземной операции, оперативные и тактические, становятся крайне ограниченными, если авиация противника господствует в воздухе и может наносить массивные бомбовые удары группами тяжелых бомбардировщиков, которые не обеспокоены вопросами собственной безопасности.

Это сражение получило в войсках название *Шестидневная Гонка*, так как оно продолжалось шесть дней с начала наступления до нашего отхода на новые позиции.

СТРАНИЦЫ ШПИОНСКИХ ИСТОРИЙ ВРЕМЕН ВОЙНЫ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В середине августа 1942 года успехи Африканского корпуса Эрвина Роммеля отодвинули все прочие проблемы руководства Великобритании на второй план. Незадолго до этого, в первой половине июня, Роммель нанес британцам тяжелое поражение, уничтожив всего за один день 130 танков из 325, находящихся в составе британских сил в Африке. Британцы понесли тяжелые потери в живой силе - около 75 000 солдат и офицеров. Отступить дальше было некуда - от их позиций под Эль-Аламейном до Александрии оставалось около 160 километров.

Черчилль побывал в Северной Африке, посетил Каир и устроил своим войскам хорошую встряску. Он был страшно уязвлен тем, что Роммель, имея в своем распоряжении всего около 100 000 немецких и итальянских солдат, сумел нанести поражение группировке войск, превосходящую его по численности более чем в семь раз! В итоге он сместил с постов главнокомандующего группировкой генерала Клода Окинлека, большую часть его штаба и командующего 8-й армией генерала Нила Ричи. Новым главнокомандующим стал Хэролд Александер, 8-ю армию возглавил Бернард Монтгомери.

Военные победы придали Роммелю почти легендарный статус в Германии: он стал самым молодым в истории этой страны фельдмаршалом. Примечательно, что перед возвращением в Лондон Черчилль сказал своим новым генералам следующее: "Я не хочу, чтобы Лиса Пустыни (кличка Роммеля - ВК) просто загнали в нору - я хочу, чтобы он был убит!" В чем, помимо признанного тактического мастерства, храбрости и энергии, заключался секрет побед Эрвина Роммеля? В Каире Черчилль и его генералы не переставали обсуждать этот вопрос. Но никто из участников дискуссий не знал о том, что в распоряжении Роммеля была детальная, включавшая в себя тактические планы противника, информация о ситуации в британской армии в Северной Африке...

Германо-британская радиовойна – 1941-1942

Еще в январе 1941 года, до того, как Роммель возглавил немецко-итальянские войска, некий итальянец по имени Лорис Герарди (*Loris Gherardi*) был нанят на службу в посольство США в Риме. Этого трудолюбивого, энергичного, интеллигентного человека считали просто чудо-работником. На самом деле он был исключительно пронырливым агентом *SIM* (*Servizio Informazioni Militari*) - итальянской секретной службы, которая снабдила его подложными документами для трудоустройства в посольстве. Его миссией было похищение секретных документов. Будучи экспертом по взлому замков (говорили, что он когда-то до войны отсидел срок в тюрьме за использование своих "трудовых" навыков в ограблении банка), агент *SIM* решил, что его час пробил, когда полковник Норман Фиске - военный атташе - в августе 1941 покинул Рим на уик-энд. Итальянец быстро вскрыл сейф и вытащил оттуда *Black Code* - секретный код, который использовался американскими военными атташе по всему миру и рассматривался Вашингтоном, как нераскрываемый. Быстро делая свое дело, одним ухом прислушиваясь, не идет ли кто из сотрудников посольства, итальянец сфотографировал код и положил его обратно в сейф. Затем код попал к шефу *SIM* в Риме Чезаре Аме (*Cesare Aме*), который снабдил немцев копией.

Тем временем в Каире находился с миссией американский полковник Фрэнк Боннер Феллерс (*Frank Bonner Fellers*), задачей которого была передача Военному Ведомству в Вашингтоне информации о военной ситуации и дипломатической деятельности британцев. Британцы ему доверяли, и никаких проблем с получением всего необходимого у него не было. С начала октября 1941 года, когда США еще официально соблюдали нейтралитет, до августа 1942, когда Америка уже вступила в войну, Феллерс ежедневно передавал в

Вашингтон доклад о составе британских сил, наличии резервов, моральном состоянии войск и планах на всем ближневосточном и средиземноморском театрах военных действий. Его доклады включали в себя анализ личных качеств командиров, их репутаций и тактических возможностей, данные о перемещении военных кораблей и конвоев, размещении баз и данные о боеготовности танковых и авиационных частей. Феллерс постоянно заботился о секретности. Каждый день он отправлялся на каирский телеграф, чтобы отправить закодированный доклад в Вашингтон. Он не знал, что немецкие агенты, работавшие на телеграфе, копировали его послания, раскодировали их и передавали Роммелю. Стоит ли говорить о том, что эта информация давала немецкому командующему полную картину состояния сил противника и его возможностей.

На ранней стадии своей серии ошеломляющих побед в североафриканской пустыне Роммель, казалось, предугадывал любой шаг превосходящего его в численности врага. В этой связи британская контрразведка начала расследование, пытаясь узнать, не раскрыл ли противник какой-либо из секретных кодов. Некоторые подозрения в отношении полковника Феллерса возникли после того, как во время одного из рейдов на немецкую радиостанцию в пустыне выяснилось, что немцы и итальянцы в состоянии прочесть *Black Code*. Полковник Феллерс был просто убит, когда узнал, что его доклады попадали к Роммелю. Он незамедлительно получил новый набор кодов для связи с Вашингтоном, а *Black Code* начали использовать британцы - на этот раз для дезинформации противника.

Менее чем через три недели после начала передачи дезинформирующих сообщений, в ночь с 30 на 31 августа 1942 года, Роммель начал наступление. Однако, намечаемый прорыв не удался - немецко-итальянская группировка была остановлена у гряды Алам Халфа. Никакого элемента внезапности, столь часто помогавшего ему в прошлом, Роммелю достичь не удалось. Не последнюю роль в этом сыграла сбившая его с толку дезинформация об оборонительных порядках британцев. Но этому предшествовали и другие, не менее интересные события, в которых также участвовали "рыцари плаща и кинжала" самых разных национальностей... Перенесемся на несколько недель назад.

Итак, в начале августа 1942 года фельдмаршал Роммель, про которого говорили, что у него есть *Fingerspitzengefühl* (интуиция на кончиках пальцев, шестое чувство), приступил к планированию решающего удара по силам британской 8-й Армии на участке пустыни, который вскоре приобрел немалую известность под названием Эль-Аламейн. *Лис Пустыни*, как всегда, рассчитывал на внезапность и непредсказуемость своих действий. Разведка сообщила Роммелю, что британские оборонительные линии на южном участке фронта не отличаются мощностью, поэтому здесь и был намечен удар. В течение нескольких ночей Ромель переместил свои ударные части на южный участок фронта, откуда он предполагал нанести удар в северо-восточном направлении, прорвать слабую оборону, выйти к побережью и окружить 8-ю Армию генерала Монтгомери. Немецко-итальянские войска осторожно передвигались в полной темноте, оставляя за собой сбивающие противника с толку макеты боевой техники и рассчитывая на то, что маневр останется незамеченным. В ходе переброски войск соблюдалось полное радиомолчание.

Тем не менее, Роммель отправил свой план в Берлин и Рим и командующему частями *Люфтваффе*, которые предполагались к участию в наступлении. Британцы перехватили радиogramмы и расшифровали их, так что план попал в руки Монтгомери примерно в то же время, что и в столицы стран *Оси* и в *Люфтваффе*. Монтгомери незамедлительно и незаметно для противника перебросил основную часть своих танков и около 350 орудий на южный участок фронта...

В ожидании немецкого наступления полковник Фрэнсис де Гуингэн (Francis de Guingand), начальник штаба 8-й армии, изучал карты впадины Рагил, расположенной на пути между силами Роммеля и британской линией обороны. Еще раньше, изучая захваченную у немцев карту, де Гуингэн заметил, что противник знает очень мало о проходимости территории. В то же время, на многих участках пески были подвижными, глубокими и зыбкими - это был грунт, в котором немецкая техника могла увязнуть. Более того, де

Гуингэн знал, что воздушная разведка немцев вряд ли могла заметить это, так как с воздуха песчаные равнины выглядят вполне проходимыми. Вот почему начальник штаба доложил Монтгомери, что для того, чтобы нанести поражение Роммелю, его надо спровоцировать на атаку через впадину Рагил.

Фрэнсис де Гуингэн в Ливийской пустыне

Но как принудить *Лиса Пустыни* к атаке через труднопроходимую местность? Де Гуингэну показалось, что он знает ответ: заставить двух переведенных немецких шпионов, захваченных в Каире, передать Роммелю дезинформацию. Так он вместе с британским полковником Дадли Кларком (Dudley Clark) - лидером *A-Force* (занимавшегося дезинформацией противника подразделения британских спецслужб) - разработал операцию по заманиванию Роммеля в ловушку.

Операция *Кондор* и контригра британских спецслужб

Важнейшим компонентом операции было использование членов обезвреженной *Миссии Кондор*. Это имя было дано немцами двум своим агентам и целой сети информаторов, которые действовали в Каире. На протяжении шести недель двое агентов, 28-летний Йоханнес Эпплер (Jon/John/Johannes Eppler, иногда пишут Appler) и 26-летний Петер Монкастер (Peter Monkaster (или Muncaster), настоящее имя - [Hans Gerd или Peter Sandstede](#) (Зандштеде)) снабжали Роммеля детальной высокоточной информацией о военных планах британцев...

Эпплер родился и вырос в немецкой семье в Каире, а Монкастер в свое время занимался поисками нефти и провел большую часть своей жизни в Восточной Африке. Оба немца отлично говорили по-английски. Их фальшивые документы удостоверяли, что Эпплер является англо-египетским бизнесменом, а Монкастер - механиком на нефтяной вышке. Оба агента прибыли в Каир в мае 1942 года.

Заброска двух агентов в Каир заняла несколько недель и была осуществлена под руководством Ласло Алмаши (László Ede Almásy de Zsadány et Törökszentmiklós) – известного в межвоенный период венгерского пионера авиации и исследователя Североафриканских пустынь, географа и археолога. В первые годы ВМВ он служил в Абвере, где его знания и опыт работы в пустыне высоко ценились...

Ласло Алмаши в одной из своих экспедиций в Северной Африке

Кадр из фильма Роммель Вызывает Каур/Rommel Ruft Kairo. Алмаши (в центре, актер - Peter van Еуск) презентует свой план заброски старшим офицерам Африканского Корпуса

В заброске агентов принял участие целый отряд, прошедший под началом Алмаши через пустыню на нескольких трофейных автомобилях *Ford V8* около 1700 миль. До конечной точки маршрута – района города Асьют (Asyut) в среднем течении Нила - дошли две машины. Последний отрезок пути в Каир два агента проделали на поезде. Эпплер привез с собой два радиопередатчика американского производства (один был спрятан в тайнике в конечной точке автопробега) и книгу *Rebecca* (автор - *Daphne du Maurier*). Код для агентурных радиogramм базировался на этой книге. Ни один посторонний человек не смог бы взломать этот код: система кодирования базировалась на использовании определенных страниц книги в соответствующие дни.

Агенты сразу же обнаружили, что большая часть их денег – около 3 000 фунтов стерлингов в банкнотах - относилась к запрещенным в Египте, и их крайне трудно обменять. Однако, что-то им обменять удалось, но, потратив обретенные суммы в ночных клубах и барах,

агенты оказались на мели. Они также заподозрили то, что их радиопередатчик неисправен (по-видимому, он, все-таки, работал на передачу), так как им не удавалось получать сообщения от Абвера. Им пришлось вступить в незапланированные контакты в поисках выхода из ситуации, что было большим риском...

11 июня британский сотрудник службы безопасности (DSO - Division of Security Operations) Джордж Дженкинс (George Jenkins) был проинформирован одним из своих источников – немецким евреем, врачом-акушером по фамилии Радингер (Radinger) - о том, сотрудник шведского консульства Виктор Хауэр (Viktor Hauer) вступил с ним в контакт. Причиной было то, что Хауэру позвонил кто-то в поисках помощи. Хауэр защищал интересы интернированных в германских граждан в Египте, и, после звонка, согласился на встречу с двумя немцами, которые попросили помочь в получении паспортов и радиопередатчика *Hallicrafter*, который хранился в подвале консульства с 1937 года. Хауэр знал, что Радингер работает на британцев, и попросил его стать посредником в инсценировке его собственного похищения. Это было сделано 27 июня. Хауэр был допрошен британцами: выяснилось, что он в прошлом был австрийским дипломатом и служил в Париже. Хауэр проинформировал британцев о своем знакомстве с двумя немецкими агентами и о своем визите в их плавучий дом на реке. После этого Хауэру сменили имя – он стал Францем Миллером и был помещен в лагерь для военнопленных в Палестине, где пробыл до конца войны. Интересно то, что он не сказал всей правды: позднее выяснилось, что он передал Эпплеру шесть египетских карт и пистолет *Mauser* – все это позднее обнаружено британцами. Он также был посредником между Эпплером и египетскими офицерами-заговорщиками, которые планировали воспрепятствовать эвакуации британцев в случае, если Роммель дойдет до Каира. Эти офицеры собирались вывести из строя мосты, но у них не было возможности вступить в контакт немецким командованием... Арест немецких шпионов последовал незамедлительно.

Йоханнес Эпплер и Петер Монкастер

Существует еще одна версия событий, приведших к аресту Эпплера и Монкастера.

Поселившись на окраине Каира, Эпплер приступил к вербовке агентов среди египтян. Ему сопутствовала удача. По случаю он наткнулся на такой источник информации, который встречается только в голливудских шпионских детективах. В центре событий оказалась ослепительная Хекмет Фахми (Hekmeth Fahmy), которую в Египте считали лучшей исполнительницей танца живота и звездой кабаре *Kit Kat*. Эпплер быстро подружился с танцовщицей, которая доверила ему свою тайну - она была агентом *Мусульманского Братства и Движения Свободных Офицеров*, действовавших против англичан. Она также сообщила, что ее источником информации является некто, закодированный под именем *Майор Смит*, - офицер британского штаба в Каире. *Смит* был ее любовником. Когда Эпплер убедил ее в том, что он является германским агентом, работающим для

прославленного фельдмаршала Роммеля, она согласилась принять участие в разработанной им операции. *Майор Смит* всегда посещал дом, в котором жила танцовщица, с толстым портфелем в руках. Так, когда в очередной раз британский офицер и танцовщица оказались в спальне, Эпплер и Монкастер вытряхнули из портфеля содержимое, ознакомились с ним и узнали очень многое о составе, проблемах, планах и дислокации британских войск. Используя свой код, агенты *Миссии Кондор* передали эти данные на немецкий радиопост в Афинах.

Даже шпиону иногда необходимо расслабиться. Как-то в одну из каирских ночей Эпплер, одетый в форму британского капитана, заглянул в популярный ночной клуб отеля *Metropolitan*. Там он познакомился с девицей по имени Иветт и щедро угостил ее шампанским, расплачиваясь британскими купюрами. Она отправилась вместе с ним к нему домой, где парочка и провела ночь...

Иветт была сотрудником Еврейского Агенства, которое работало на *M16* (Британская Контрразведка). Она доложила своему руководству о своих подозрениях по поводу Эпплера, предположив, что тот является немецким шпионом. Она указала на то, что он расплачивался британскими купюрами, видимо, считая, что британские деньги до сих пор в ходу - так же, как это было до войны. Иветт добавила, что Эпплер говорил с саарским акцентом. Британский майор Сэнсом (Sansom), шеф полевой службы безопасности в Каире, был также уведомлен об этом. Он выяснил, что "британский капитан" расплачивался за напитки в *Metropolitan* фунтовыми банкнотами, и конфисковал эти купюры у бармена. Деньги оказались уже известной к тому времени отлично изготовленной немецкой подделкой.

Так или иначе, местонахождение немецких шпионов стало известно британской контрразведке и вечером 10 августа 1942 года отряд солдат под командой Сэнсома окружил расположенный на небольшом судне помещение, в котором жили Эпплер и Монкастер. Солдатам было приказано брать немцев живыми. Шпионы были арестованы, позднее была арестована и танцовщица Хекмет. Ее дом также обыскали, но нашли только что-то из униформы *Майора Смита*. Опасаясь смертного приговора за шпионаж, танцовщица рассказала все о своих отношениях со *Смитом* и о том, как Эпплер и Монкастер ознакомились с содержанием его портфеля.

По счастливой случайности майор Сэнсом обнаружил один из радиопередатчиков. Эпплер выбросил его в воду во время того, как их плавучий дом штурмовали британские солдаты, и открыл заглушки в трюме, пытаясь затопить лодку. Но лодку подняли со дна, а под ней обнаружили выступающий из ила передатчик. Хотя передатчик был раздавлен, он был все еще установлен на частоту последнего сеанса связи с Афинами. Однако, у британцев не было кода. Один из коллег майора Сэнсома заподозрил, что код базируется на книге *Rebecca*, найденной в доме. Эпплер и Монкастер знали о возможном расстреле за шпионаж, но, тем не менее, отказались выдать код. В это момент в Каире находился Черчилль, который попросил разрешения принять участие в допросе захваченных шпионов. Те продолжали хранить молчание, но после того, как Черчилль пообещал сохранить им жизнь, если они выдадут код, немцы передумали и раскрыли секреты системы кодирования...

По другим сведениям, шпионы были вполне готовы к сотрудничеству с контрразведчиками и выдали британцам большое количество пронацистски настроенных египетских военных и гражданских лиц. Так были арестованы два египетских офицера: капитан ВВС Хассан Эззат (Hassan Ezzat) и капитан-связист Анвар эль Садати ([Anwar Sadat](#) - впоследствии президент Египта – ВК).

Последствия провала двух шпионов оказались для немцев довольно серьезными... Теперь, после того как Роммель скрытно (во всяком случае, он так считал) перебросил свои основные силы на южный участок фронта, полковник Дадли Кларк начал планировать

операцию по заманиванию немецкого главнокомандующего в ловушку. Он начал передавать ложную информацию от лица *Миссии Кондор* в Афины. *Миссия Кондор* сообщала, что южный участок линии британской обороны является самым уязвимым и подходящим местом для прорыва, если наступление начнется незамедлительно. Тем временем основная часть британских бронетанковых сил и артиллерии, занявшая оборону на юге, ждала своего часа...

Через трое суток в Афины пришло еще одно сообщение от *Миссии Кондор* с ложной информацией о дислокации британских сил. Теперь для того чтобы заставить Роммеля окончательно попасться на удочку, полковник де Гуингэн разработал еще одну операцию. Он приказал своим картографам вычертить точнейшую карту района впадины Рагил с одной только неправильной надписью - в районе впадины были показаны "твердые грунты".

Но как подкинуть карту Роммелю и не возбудить подозрения в ее аутентичности? *Майор Смит*, который находился под арестом в ожидании суда и самого тяжелого приговора, был привлечен к делу. Ему было приказано подъехать на машине к немецкой линии обороны якобы для рекогносцировки и представить дело так, что он заблудился - частое явление во времена войны в пустыне. *Смит* отправился в путь, при этом немцы не торопились открывать огонь по его машине. Так случилось, что машина *Смита* подорвалась на mine, и в ее обгоревших обломках немцы обнаружили труп *Майора Смита* вместе с подложной картой района боевых действий. И план сработал! Данные радиоперехвата подтвердили, что Роммель спланировал движение своих механизированных частей через участки с "твердым грунтом". 24 августа он сообщил в Берлин, что наступление начнется в ночь с 30 на 31 августа. Монтгомери получил радиоперехват этой радиограммы и привел свои войска в полную боевую готовность.

Накануне атаки Роммель написал своей жене:

На карту поставлено все. Если наш удар удастся, он сможет внести определенный вклад в ход всей войны. Если нет, то я хотя бы надеюсь как следует поколотить противника.

В истории ВМВ эти события стали известны как сражение у гряды Алам Халфа. В два часа ночи немецкие механизированные части двинулись по направлению к британской линии обороны и вскоре начали вязнуть там, где на карте были показаны "твердые грунты". В тот момент, когда экипажи танков и бронемашин стали выскакивать, чтобы откопать свои машины и двигаться дальше, на них обрушились самолеты британских и, впервые за время *Войны в Пустыне*, американских ВВС... Под утро пустыня была усеяна сожженными танками, бронемашинами и грузовиками. В ходе воздушных атак на наступающие войска и линии снабжения Роммель понес тяжелые потери, и его наступление было отбито усилиями британских артиллеристов и танкистов. Его план провалился. Большую роль в поражении ранее непобедимого фельдмаршала сыграла серия отлично задуманных и осуществленных операций британских спецслужб.

Британские солдаты осматривают сожженный немецкий грузовик. Один из дней вскоре после сражения у гряды Алма Халфа

Британцы осматривают захваченный танк МК III Ausf. L (Panzer-Regiment 8, 15. Pz.-Div.), вероятно, вскоре после сражения у гряды Алам Халфа

Заключение

Заслуживает интереса дальнейшая судьба героев этих событий.

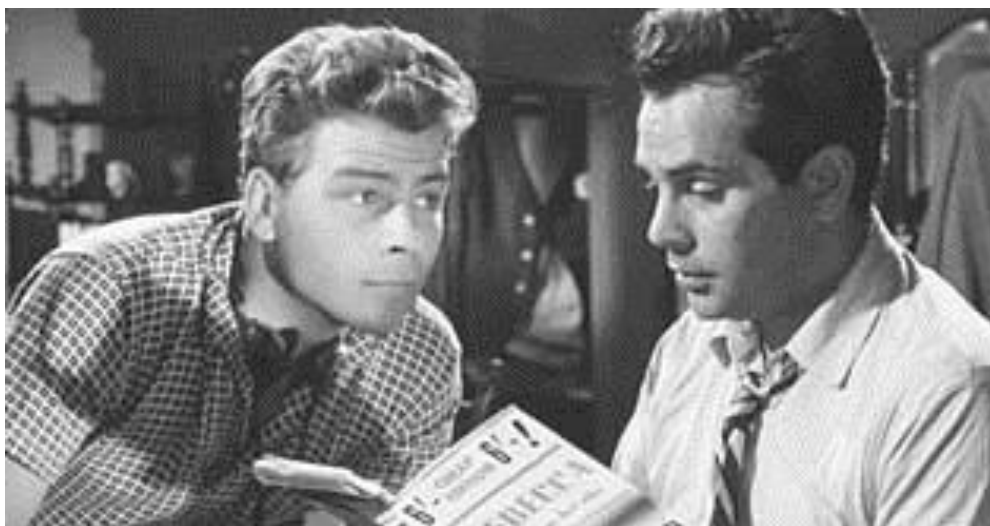
Алмаши получил за организацию заброски агентов в Каир Железный Крест, но немцы более не нуждались в его услугах, тем более что их окончательное поражение в Северной Африке было не за горами. Он вернулся в Венгрию, написал книгу о своих военных приключениях. После окончания ВМВ он бежал в Египет, где зарабатывал на жизнь тем, что руководил охотничьими экспедициями в различные регионы Африки. В декабре 1950 года [король Фарук](#) назначил его директором Египетского Исследовательского Института Пустынь/Egyptian Desert Research Institute. В 1951 году, во время визита в Австрию, Алмаши умер от последствий дизентерии и был похоронен в Зальцбурге. В 1995 году на его надгробный камень соотечественники нанесли следующие слова: «*Pilot, Saharaforscher und Entdecker der Oase Zarzura*»/«*Пилот, Исследователь Сахары, Первооткрыватель Оазиса Зерзура*». Много лет спустя по мотивам его жизненной истории был снят знаменитый голливудский фильм *The English Patient*/[Английский Пациент](#) (1996).

Что касается Йоханнеса Эпплера, то, по некоторым сведениям, с просьбой сохранить ему жизнь к британцам обращался даже египетский король Фарук, знакомый с семьей, в которой вырос будущий шпион. Эпплер пережил войну, отсидев короткий срок в заключении. Уже через два года пребывания в каирской тюрьме он стал получать «увольнительные» за хорошее поведение. В 1946 г. он был освобожден, получил в Германии диплом инженера и начал заниматься строительным бизнесом по всему миру, в чем ему немало помогли незаурядные лингвистические способности: он свободно говорил на немецком, английском, французском и итальянском языках, знал суахили и пять диалектов арабского. Эпплер стал миллионером, был пять раз женат, написал книгу о своей жизни и даже приобрел опыт киноактера, сыграв Роммеля во французском фильме *Le Mur de l'Atlantique*/[Атлантический Вал](#) (1970)...

Эпплер в роли Эрвина Роммеля

... а на основе его книги был снят немецкий фильм *Rommel Ruft Kairo* / [Роммель Вызывает Каир](#) (1959).

Кадр из фильма Rommel Ruft Kairo. В руках одного из шпионов – книга Ребекка. В роли Эпплера (справа) – австрийский актер Adrian Hoven.

ОБ ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОМ СРАЖЕНИИ РАССКАЗЫВАЕТ НАЧАЛЬНИК ШТАБА 8-Й АРМИИ СОЮЗНИКОВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЭР ФРЭНСИС ДЕ ГУИНГЭН

Еще до 1-го сражения под Эль-Аламейном Уинстон Черчилль посетил нас 19 августа на обратном пути из Москвы и остановился в нашем штабе в Бург-эль-Арабе/Burgh-el-Arab. Генерал Монтгомери позаботился о том, чтобы премьер-министр и его свита чувствовали себя комфортно. Он уступил Черчиллю свой автофургон и расположил его в нескольких ярдах от берега моря, для того чтобы наш знаменитый гость могуть искупаться, когда у него будет желание.

Черчилль в самой живой форме рассказал нам о своем визите в Москву и том, как ему пришлось говорить в жестком стиле, пока он не убедил [Сталина] в том, что Великобритания делает что-то, чтобы победить в войне, и как он оказался под огромным впечатлением от лидерских способностей Сталина. Он увлек нас детальным рассказом о наших набирающих обороты военных усилиях и о том, что мы готовим нашему врагу. Я запомнил, как он говорил: «Германия стремилась к бомбовой войне, и она с горечью вспомнит тот день, когда начала ее, поскольку будет лежать в руинах.»

Поскольку Роммель потерпел неудачу в своем последнем отчаянном наступлении, у него оставалось только две альтернативы: просто стоять и ждать неизбежного наступления противника, укрепляя свои оборонительные линии, или отступить на более выгодные позиции до того, как мы сможем начать преследование в полную силу. Вторая опция привела бы к сокращению протяженности линий снабжения Роммеля, что сделало бы его положение менее опасным. Он выбрал первую опцию, без сомнения, главным образом, потому, что у него не было достаточного количества транспортных средств и горючего для отвода войск; кроме того, так или иначе, отступить было не в его характере, и такое решение было бы воспринято крайне негативно Верховным Командованием. Его решение означало, что чем дольше мы будем тянуть с наступлением, тем более прочными будут его оборонительные линии – особенно это касалось минных полей, проволочных заграждений и хорошо подготовленных укреплений. Было очевидно, что чем раньше мы начнем наступать, тем лучше для нас, и на этой позиции твердо стоял Черчилль, который начал оказывать давление на генерала Александра – главнокомандующего нашими

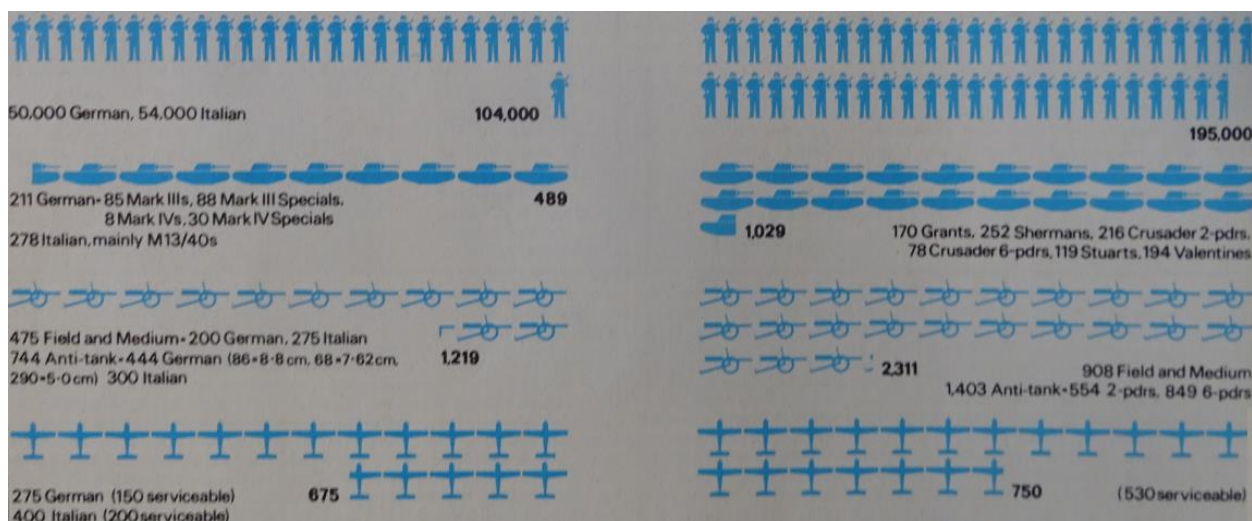
силами на Ближнем Востоке. Он хотел, чтобы наступление началось в сентябре. У него была еще одна, дополнительная причина для этого, и заключалась она в том, что в начале ноября должно было произойти англо-американское вторжение в Северную Африку – операция *Факел/Torch*, и крупное сражение на нашем фронте должно было помочь успеху высадки.

Наступил день, когда Александер прибыл к нам в штаб, привезя с собой послание Черчилля, в котором последний требовал начать наступление в сентябре. Прочитав этот документ, Монтгомери сказал: «Дай мне блокнот, Фредди» и, взяв его, записал в нем следующие три пункта:

- Атака Роммеля замедлила наши подготовительные работы
- Фазы Луны ограничивают возможности [наступления] определенными отрезками времени в сентябре и октябре
- Если начало наступления будет назначено на сентябрь, войска будут недостаточно вооружены и обучены, что, вероятно, окончится неудачей. Но если наступление произойдет в октябре, полный успех гарантирован.

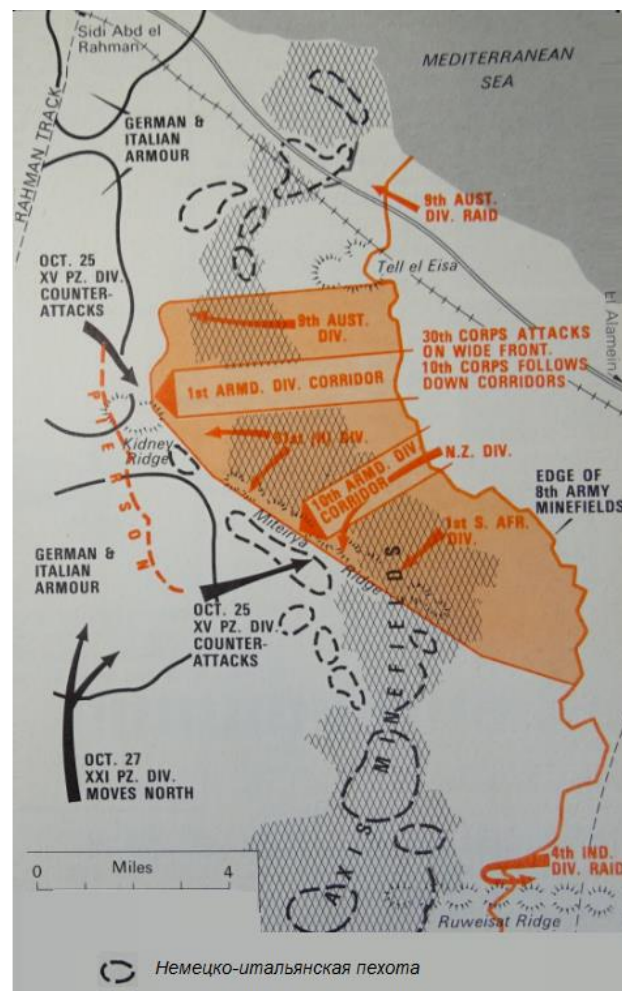
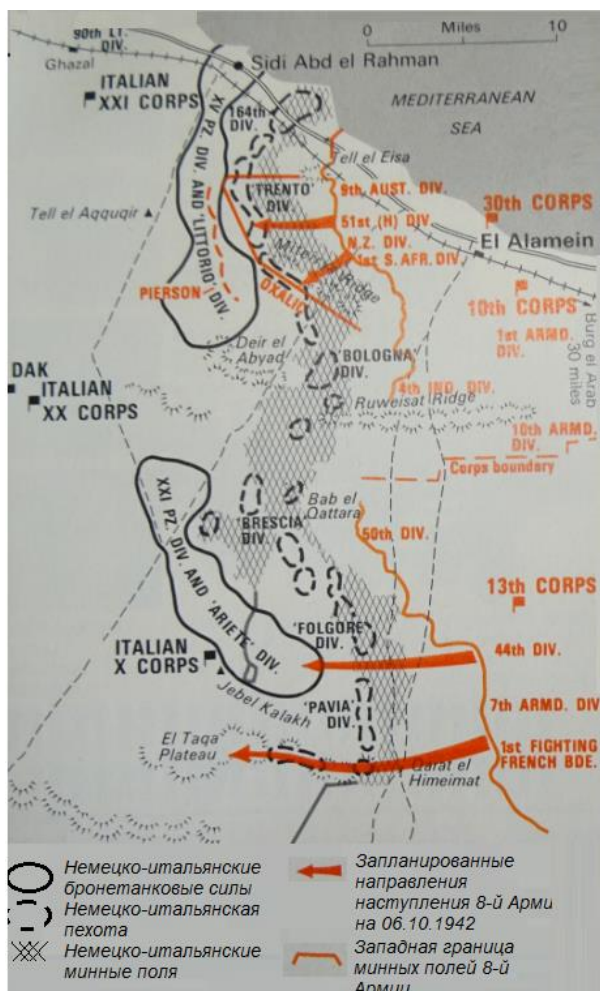
Повернувшись к Александеру, он передал ему блокнот и сказал: «Я должен добавить эти позиции к вашему ответу – они отладят его.» Последовавший за этим ответ [Черчиллю], опиравшийся на эти пункты, дал желаемый результат: что мог сказать любой премьер-министр в ответ на это по-солдатски четкое послание? Монтгомери в своих мемуарах вспоминал сказанные им Александеру в конфиденциальном порядке слова о том, что, если придет приказ атаковать в сентябре, ему придется искать кого-то другого для этого.

Приняв во внимание все обстоятельства, Монтгомери решил, что начнет наступление в Октябре в день полнолуния, точная дата – 23 октября. Важным моментом было то, что мы будем наступать ночью.

Соотношение сил противоборствующих сторон перед сражением

Возможности обойти позиции противника у нас не было: море и впадина Каттара лишали нас ее, поэтому нам предстояло прорывать вражескую оборону. Монтгомери решил предпринять основную атаку на правом фланге силами 30-го Корпуса генерала Лиза (Leese) одновременно с второстепенной атакой на южном фланге силами 13-го Корпуса генерала Хоррока (Horrock). В пробитую 30-м Корпусом брешь в обороне противника планировалось ввести 10-й Корпус генерала Ламсдена (Lumsden), чтобы оседлать линию снабжения противника и, таким образом, вынудить его бросить в бой свои танковые силы, которые будут нами разгромлены. После уничтожения вражеских танков можно будет без проблем разделаться с прочими войсками противника.

Слева: расположение основных сил противоборствующих сторон перед сражением, справа: начальная стадия сражения – 23-27 октября 1942 г.

Командующий Армией назвал три основных *столпа*, на которых будет основываться подготовительный период. Это были *Лидерство – Вооружение – Обучение*. Уже вскоре он добился того, чтобы первый столп был упорядочен, и перевооружение Армии пошло должным образом. Однако в начале октября он понял, что подготовка войск все еще находится ниже необходимого уровня, и в свете этой ситуации принял одно из своих быстрых решений. Он изменил план наступления и вместо разгрома танковых сил противника наметил уничтожение обороняющейся пехоты, обычно лишенную поддержки танков, и использование наших бронетанковых сил для того, чтобы предотвратить вмешательство противника на этой стадии. Без пехотных дивизий, удерживающих являющиеся твердой основой для операций мобильных сил оборонительные линии, танковые части противника окажутся в неблагоприятном для них положении, а их линии снабжения будут находиться под постоянной угрозой. Было маловероятно, что танки противника будут находиться в пассивном ожидании, пока мы будем уничтожать его пехоту, - скорее всего, это вынудит танки противника атаковать нас, когда мы будем в состоянии отразить эти атаки. Окончательный план, представленный командующим Армией 6 октября, выглядел следующим образом:

- Основная атака будет осуществляться на севере силами 30-го Корпуса в секторе фронта четырех дивизий [чтобы захватить плацдарм на линии *Oxalic* за основной полосой обороны противника]. В минных полях нужно будет расчистить два коридора, через которые проследует 10-й Корпус.

- На юге 30-й Корпус осуществит две атаки. Одна будет нацелена на Химеймат/Himeimat и участок Тага/Taga. Вторая – участки Гебель Калах/Gebel Kalakh и Карет-эль-Хадим/Qaret

el Khadim. Первостепенная задача этих атак – сбить противника с толку и, таким образом, связать те его силы, которые могли бы быть использованы против 30-го Корпуса.

- Оба вышеупомянутых корпуса должны будут уничтожить силы противника, удерживающие его передовые линии.

- 10-й Корпус должен будет развернуться [вдоль линии *Pierson* непосредственно к западу от линии *Oxalic*], чтобы предотвратить воспрепятствование силами противника операциям 30-го Корпуса. Конечная цель его действий [путем продвижения к линии *Skinflint*] – разгром танковых сил противника.

- Наступление должно начаться ночью, в полнолуние.

План артиллерийской подготовки был разработан с особой тщательностью. Мы должны были вступить в бой с большим количеством артиллерии и значительным запасом снарядов. Сражение предстояло начать с исключительно интенсивного контрбатареино-го обстрела, после чего основная часть артиллерии сконцентрирует огонь на оборонительных позициях противника.

Хорошим дополнением был план действий авиации. Еще до наступления *Воздушная Группировка Пустыни/Desert Air Force* вице-маршала Конингхема (Coningham) начала сводить к минимуму воздушные операции противника. В одном или двух случаях Конингхем продемонстрировал превосходные лидерские качества, используя ситуации, когда изолированные ливни прижали к земле некоторые подразделения вражеской авиации. Предпринятые им с большой оперативностью атаки с небольших высот привели к тому, что противник понес большие потери в самолетном парке и лишился большого объема [авиационного] горючего.

В первую ночь наступления нашей авиации предстояло нанести удары по артиллерийским позициям противника и тем поддержать нашу контрбатареиную борьбу. Затем авиация должна было переключиться на участки расположения танковых дивизий врага. В нашем распоряжении было 500 истребителей и 200 бомбардировщиков – значительные по тем временам силы.

Скорость продвижения была одним из тех аспектов операции, который доставлял нам наибольшие волнения. Мы предприняли максимум усилий для того, чтобы выяснить, какой будет проходимость участков, через которые будут наноситься удары. Аэрофотосъемка, допросы пленных, расспросы наших собственных военнослужащих, которым ранее доводилось перемещаться по этим участкам – это были только некоторые из подходов, которые мы применили. Мы проложили шесть дорог к стартовой позиции 30-го Корпуса, и это само по себе уже было грандиозной задачей, так все эти дороги были проложены через участки распространения довольно рыхлых песков.

Армия макетов

Мероприятия по вводу противника в заблуждение были особенно интересными. Мы обоснованно решили, что в стратегическом плане мы не застанем противника врасплох, поскольку он знал, что мы готовимся к наступлению. С другой стороны, тактическая внезапность была достижима. Мы сочли, что сможем ввести врага в заблуждение относительно мощи, точной даты и направления главного удара. Все наши планы составлялись с учетом этих моментов, и это имело успех.

Первой проблемой была попытка скрыть от противника концентрацию наших сил насколько это возможно. Штаб разработал окончательную диспозицию на день наступления – количество артиллерии, число танков, машин и войск. У нас была очень большая карта, отражавшая диспозицию частей различных родов войск. Мы организовали достижение запланированной плотности наших войск довольно заблаговременно и держали ее на этом уровне до последнего момента для того, чтобы воздушная разведка противника не увидела особенных изменений в последние две-три недели. Чтобы добиться этого, мы использовали резервные транспортные средства и макеты машин. Потом их постепенно заменяли машинами, принадлежавшими ударным частям, когда они выходили на

отведенные им стартовые позиции. Эти замены осуществлялись ночью, кроме того, мы использовали специальные макеты машин, под которыми прятали пушки. Все перемещения жестко контролировались, окопы для ударных частей рыли ночью и ночью же маскировали.

Следующей задачей была такой – заставить противника поверить в то, что основная атака произойдет на южном фланге. Я должен добавить, что эти шаги не были популярны у командования 13-го Корпуса, но они благородно приняли этот план для общего блага. Кроме того, применялись и другие методы: мы разместили в южном секторе большие ложные склады и ложную водопроводную трубу с различными водно-техническими инсталляциями. Все было организовано таким образом, чтобы противник решил, что эти работы будут завершены через одну или две недели *после* намеченной нами даты наступления. В конечном итоге, в ночь наступления, радио трафик штаба нашей бронетанковой дивизии был доведен до такой интенсивности, чтобы противник мог прийти к выводу о значительных перемещениях наших танков в южном секторе фронта...

Вечером 23 октября мы организовали отвлекающий морской десант в тылу противника. Около 4 часов после полудня из Александрии вышел конвой. После наступления темноты большая часть кораблей, кроме нескольких, повернула назад, оставшиеся осуществили ложный десант. Были произведены артиллерийский и пулеметный обстрел побережья, применялись световые сигналы. По времени это было организовано за три часа до начала наступления, мы надеялись, что это свяжет определенные ресурсы противника. Погрузка на корабли, без сомнения, была замечена вражескими агентами, которые могли видеть размещаемые на [десантных] кораблях танки и поднимающуюся на борт пехоту. Без сомнения, все эти меры помогли в том, чтобы сбить противника с толку и создало фактор тактической внезапности.

Многое нужно было сделать с организационной точки зрения. Вся административная система нуждалась в модернизации. В прошлом, когда мы действовали в обороне, большую часть ресурсов приходилось держать в тылу, теперь, когда мы переходили в наступление, их было необходимо переместить вперед, насколько это было возможно. Переброска материальных ресурсов вперед и маскировка складов были большой задачей, и мы оперативно подготовились к ускоренной прокладке соответствующей железнодорожной ветки. Мы также подготовились к открытию морских портов после того, как они будут захвачены, и усовершенствовали организацию вывоза с поля боя поврежденных танков и машин их последующего ремонта.

Изменения в планах Монтгомери относительно использования наших бронетанковых сил почти спровоцировало кризис в отношениях между ним и генералом Хербертом Ламсденом, который был выбран для того, чтобы вести в бой *Corps d'Elite* – 10-й Армейский Корпус. Ламсден в прошлом храбро сражался, командуя бронетанковой дивизией в *старые тяжелые времена*. Он был кавалеристом до мозга костей, естественно, мыслил в русле мобильной войны и с нетерпением ждал того дня, когда его бронетанковые части, оснащенные современными машинами, будут брошены в брешь [в обороне противника], созданную пехотой, чтобы развернуться вглубь и вширь. То есть, новые инструкции командующего Армией не очень ему импонировали...

Вскоре Ламсден собрал корпусное совещание, на котором разъяснил свой план и свои представления всем офицерам корпуса. Монтгомери временно отсутствовал, поэтому я решил сам посетить это совещание. Мне быстро стало ясно, что новая концепция применения танков не была полностью принята командующим корпусом, и в конце совещания я провел беседу с Ламсденом, обратив его внимание на намерение командующего Армией вести бой своим путем. Можно было видеть, что Ламсден был не рад этому в полной мере, и, по-видимому, наблюдалось возрождение дурной старой привычки подвергать сомнению правильность приказов.

После возвращения командующего Армией, я обстоятельно доложил о случившемся, и Монтгомери без промедления, с полной ясностью, донес свои взгляды до командующего

10-м Корпусом. Ламсден, будучи хорошим солдатом, принял его позицию и внес изменения в свои собственные планы.

Мы провели крупномасштабные учения к началу предстоящей битвы, и командиры различного уровня сделали выводы. К концу третьей недели октября мы поняли, что все крупномасштабные приготовления успешно завершены. Со штабной точки зрения, темпы [подготовительных] работ замедлились, что указывало на завершение подготовки... Монтгомери справедливо решил, что, если мы хотим наибольшей отдачи от наших солдат, необходимо донести до них наш план полностью, чтобы они понимали, как их личный вклад [в успех] встраивается в общую схему.

19-20 октября он обратился ко всем офицерам 30-го, 13-го и 10-го корпусов, вплоть уровня подполковника. Это было настоящим достижением. Эти беседы были лучшими из тех, которые он когда-либо проводил, ясными, четкими, полными уверенности. Он затронул положение противника, подчеркнул его слабые места и с определенностью сказал, что продолжительная схватка (dog fight) и побоище (killing match) займут несколько дней, «может быть, десять дней.» Затем он подробно рассказал о нашей мощи, наших танках, нашей артиллерии и наших колоссальных запасах снарядов. Он вбивал в головы необходимость постоянного удержания инициативы и то, чтобы каждый – *каждый* – проникся горячим желанием «убивать немцев.» «Даже капелланы – по одному в будние дни и по два по воскресеньям!» Это вызвало шум и гам. Объяснив, как будет проходить сражение, он сказал, что полностью уверен в результате.

21-22-го люди были уведомлены о наступлении, увольнительные были отменены, а к 23-му был достигнут исключительный уровень энтузиазма. Солдаты знали, что их ждет удача...

Утром 22 октября Монтгомери провел пресс-конференцию. Он разъяснил свой план, свои намерения, свою твердую уверенность в успехе. Многие из военных корреспондентов были потрясены его уверенностью – напыщенной уверенностью – которую он продемонстрировал. Они чувствовали, что в этом была какая-то уловка: как он мог быть столь уверенным [в успехе]? Некоторые, я полагаю, думали о том, что лабиринт минных полей и простирающихся в глубину оборонительных позиций противника были слишком большой проблемой, чтобы можно было оправдать его оптимизм.

Во второй половине дня, 23 октября, мы выехали в наш центральный штаб, расположенный на побережье в нескольких минутах езды от штабов 30-го и 10-го корпусов. Мы располагали хорошо защищенными [телефонными] кабелями, связывавшими нас с корпусными штабами. Машины были врыты в землю, поскольку мы были близко от передовой и неподалеку от дороги через пустыню, которая, вне всякого сомнения, должна была стать – и стала – целью воздушных атак врага. Я принял решение постоянно находиться в этом тактическом штабе, и это хорошо сработало. Мои люди могли говорить со мной по прямому проводу и прибывать на совещания в течение часа.

Был прекрасный вечер, и после наступления темноты я выехал, чтобы при свете луны посмотреть на перемещение некоторых наших частей. Все шло хорошо, все выглядели настроенными на успех. Это был день, к которому многие из нас готовились и которого ждали. Пока назначенный час приближался, мы уселись в наши машины и направились к хорошему наблюдательному пункту, чтобы увидеть начальные моменты сражения. Мы проехали мимо бесконечного потока танков и машин – все это двигалось в точном соответствии с назначенным временем. Это был 10-й Корпус, выдвигавшийся на стартовые позиции под светом луны, которого было достаточно, чтобы перемещаться, но в достаточной темноте, чтобы не быть замеченным с самолета. Какое-то количество наших самолетов летало над позициями противника, создавая отвлекающий шум, кроме этого, могло показаться, что все тихо и спокойно. Иногда взлетали осветительные ракеты, раздавались одиночные пулеметные очереди и артиллерийские выстрелы, что случалось каждую ночь. Мы посмотрели на часы: 21:30 – оставалось 10 минут. Я уже был не в силах ждать...

Артиллерийская подготовка

Более тысячи пушек открыли огонь. Зрелище было великолепным и поднимающим боевой дух. Я попытался представить себе, что думает противник, знает ли он, что за этим следует? Должен знать. Время от времени мы видели в полосе обороны противника красные сполохи. Каждый раз, когда это происходило, бригадир Деннис (Dennis), командующий артиллерией 30-го Корпуса, рыком выражал свое удовлетворение: еще одна артиллерийская позиция взлетела в воздух. Наступило время идти в атаку пехоте. Периодически мы видели трассы выстрелов пушек *Бофорс/Bofors*, указывавшие направление атаки. Позади нас мощные лучи прожекторов упирались в небо, чтобы помочь наступающим частям выносить на карты их положение, поскольку природных ориентиров в пустыне было мало.

Около 23:00 я выполз из укрытия и выехал в штаб. Я знал, что еще какое-то время не будет интересных новостей, и нашел час-два для того, чтобы отдохнуть, пока не был разбужен для того, чтобы выслушать первые сообщения...

Хотя Битва у Эль-Аламейна была сравнительно небольшой по сравнению со сражениями, случившимися позднее в ходе войны, по разным причинам она стоит высоко в смысле ее важности. Начнем с того, что она обозначила перелом в ходе боевых действий, которые вели британские войска. Фактически, победа в этой битве сверкала, словно бриллиант, после серии приводивших в уныние поражений. Она подняла боевой дух британцев, убедив их в том, что при наличии должного руководства и соответствующих вооружений, немцев можно было побить, и вдохнула в народ Британии уверенность в конечной победе. Так или иначе, на фоне предыдущих боев на Ближнем Востоке, это было грандиозное наступление, и вероятно, одно из наиболее ожесточенных сражений всей войны в этих пустынных краях. Наш новый командующий ни разу не потерял уверенность или инициативу, в то время как его войска всегда были убеждены в том, что успех будет на их стороне...

В ночь с 23-го на 24-е октября 30-й Корпус атаковал силами четырех дивизий по двум коридорам, расчищенным в минных полях. Эта атака осуществлялась в довольно узком секторе фронта протяженностью в 6-7 миль, северный фланг которого упирался в высоты Телль эль Эйса/Tell el Eisa, южный – в гряду Митейрия/Miteiriya.

Диспозиция немецких и британских войск к началу сражения интересна по трем причинам:

- Бóльшая часть статичных оборонительных позиций противника удерживалась итальянцами;
- Немецкие пехотные дивизии: 164-я и 90-я Легкопехотная занимали позиции в глубине, защищая жизненно важный участок прибрежного шоссе;
- Немецкие танковые части (Africa Corps) находились в резерве, равномерно рассеянные по северному и южному секторам.

Помимо основной атаки 30-го Корпуса, бригада из состава 9-й Дивизии австралийцев осуществляла отвлекающую атаку между высотами Телль эль Эйса и морем. Эта атака, вместе с ложным десантом с моря, должна была иметь беспокоящий эффект в то время как южнее 4-я Дивизия индийцев наносила сильный удар из района гряды Рувейсат/Ruweisat. Позднее, в 2 часа ночи 24 октября, передовые элементы 1-й и 10-й бронетанковых дивизий двинулись вперед со своих стартовых позиций.

Немцы приходят в себя

Прогресс был хорошим, с задачей расчистки коридоров в минных полях справлялись, но к утру танки все еще не смогли продвинуться за их полосу. Ночью участок гряды Митейрия был не самым приятным местом, здесь развернулся ожесточенный бой, так как, придя в себя после первоначальной атаки, противник сконцентрировал артиллерийский и минометный огонь на коридорах, а 15-я Танковая Дивизия немцев осуществила контратаку. Командующий Армией проанализировал ситуацию утром 24-го и решил, что, хотя начало было удачным, остается принципиально важным не ослаблять усилия по продвижению

танковых частей через минные поля, и пришло время идти в атаку [на позиции пехоты] дивизии новозеландцев.

На юге атака 13-го Корпуса началась в соответствии с планом. Французы успешно атаковали высоты Химеймат/Himeimat, но вязкий песчаный грунт не дал возможности их подразделениям огневой поддержки вовремя прийти на помощь, в результате чего немцы отбросили их в ходе контратаки. Другая атака 13-го Корпуса после первоначального успеха была остановлена противником между поясами мин. 24-е октября в этом секторе, таким образом, ушло на бои противопехотные бои. Они остались второстепенными по отношению к боям в основном секторе прорыва 30-го Корпуса, где, несмотря на небольшие затруднения, главная цель была достигнута, поскольку 21-я Танковая Дивизия немцев так и осталась в южном секторе фронта.

Наступила неделя ожесточенных боев. К вечеру 24-го 1-я Танковая дивизия сумела немного продвинуться за пределы минных полей, но 10-я Танковая Дивизия не смогла этого добиться и попала в весьма затруднительное положение. Атака, которую она предприняла в 22:00 того дня при поддержке корпусной артиллерии, не принесла ощутимого продвижения вперед.

Командующий Армией хотел поспать в своем фургоне в обычное для себя время – между 21:30 и 22:00. Но, поскольку ситуация оставалась довольно неопределенной, я решил остаться на ногах и быть в контакте с корпусом. Ближе к 2 часам ночи 25 октября стало очевидно, что ситуация в южном коридоре, в районе гряды Митейрия, остается неудовлетворительной. В расчищенном коридоре образовались значительные пробки, потери от артиллерийского и минометного огня противника были ощутимыми. На этом критически важном участке генерал Фрейберг, как обычно находившийся в центре событий, лично руководил действиями своих людей из своего танка.

В целом у меня сложилось впечатление, что кое-где, в штабах, зреет желание приостановить наступление и отойти за гряду. Я, вследствие этого, решил, что это был тот случай, когда должен вмешаться командующий армией, и созвал совещание на 3:30 в нашем тактическом штабе, вызвав на него Лиза из 30-го Корпуса и Ламсдена из 10-го. Затем я пошел и разбудил Монтгомери. Он согласовал мои действия и сказал мне привести обоих командующих корпусами в картографический фургон, когда они появятся...

Монтгомери сидел, внимательно изучая карту, прикрепленную к стене. Он приветствовал нас самым жизнерадостным образом и затем попросил каждого из командующих поведать ему о ситуации в их секторах. Он выслушал их очень внимательно, только изредка прерывая их вопросами. Была заметна определенная *атмосфера*, требовалось осторожное управление ситуацией, и Ламсден был, очевидно, все еще недоволен той ролью, которая была отведена его танкам. Через какое-то время Монтгомери переговорил по телефону с командиром 10-й Танковой Дивизии и услышал его версию происходивших событий. Затем он ясно дал понять, что в его приказах не будет никаких изменений. Танки могут и должны пробиться вперед. Он также приказал штабу этой дивизии переместиться гораздо ближе к передовой...

Решение не менять ничего в планах на тот момент было смелым, поскольку это означало значительный риск и большие потери. Но, если бы оно не было сделано, я твердо уверен, атака могла бы захлебнуться, и достигнутый нами в полной мере успех мог бы остаться вне досягаемости. К 8 утра 25 октября пришло сообщение о том, что передовая танковая бригада 10-й Дивизии продвинулась за тыловую границу полосы минных полей на 2 000 ярдов и вступила в соприкосновение с 1-й Танковой Дивизией, продвигающейся севернее. В дополнение к этому, мы услышали о том, что Новозеландская Дивизия и 8-я Танковая Бригада прошли полосу основных минных полей и наступают в направлении на юго-запад в соответствии с планом. Они привлекли на себя несколько контратак со стороны 15-й Танковой Дивизии немцев, которые были отбиты с тяжелыми потерями для противника.

Ось наступления перемещается на север

К полудню Монтгомери понял, что направленные на уничтожение пехоты противника атаки новозеландцев обходятся слишком дорогой ценой, и решил переместить ось наступления на север, приказав австралийцам уничтожить силы немцев, дислоцированные в образовавшемся выступе. 1-я Танковая Дивизия получила приказ пробивать себе путь на запад с целью поставить под угрозу пути снабжения противника, [носившие название Rahman Track] и тылы противника в приморском выступе. Однако танкисты в ходе этой атаки достигли заметного прогресса только к ночи с 26-го на 27-е октября. Атака австралийцев, которыми командовал генерал Морсхед (Moreshead), развивалась успешно: они продвинулись вперед, нанеся тяжелые потери противнику. На этом участке позиции врага были хорошо укреплены, оборону держали, в основном, немцы, и, я полагаю, что на этом участке имели место наиболее яростные и ожесточенные бои в ходе всего сражения в целом, которые внесли наиболее весомый вклад в окончательную победу.

26-го новозеландцы и Южноафриканская Дивизия медленно продвигались вперед, и командующий Армией принял решение провести перегруппировку. 30-му Корпусу была нужна пауза, и, хотя мы пробивались через основные минные поля, противник по-прежнему удерживал хорошо организованные оборонительные линии напротив нас. Перегруппировка высвободила резервы, необходимые на решающей стадии сражения. Новозеландцы были отведены от передовой, их место заняли перемещенные севернее 1-я Дивизия южноафриканцев и 4-я Дивизия индийцев. Новозеландцы получили приоритет в пополнении их частей танками и провели день, отдыхая и купаясь в море.

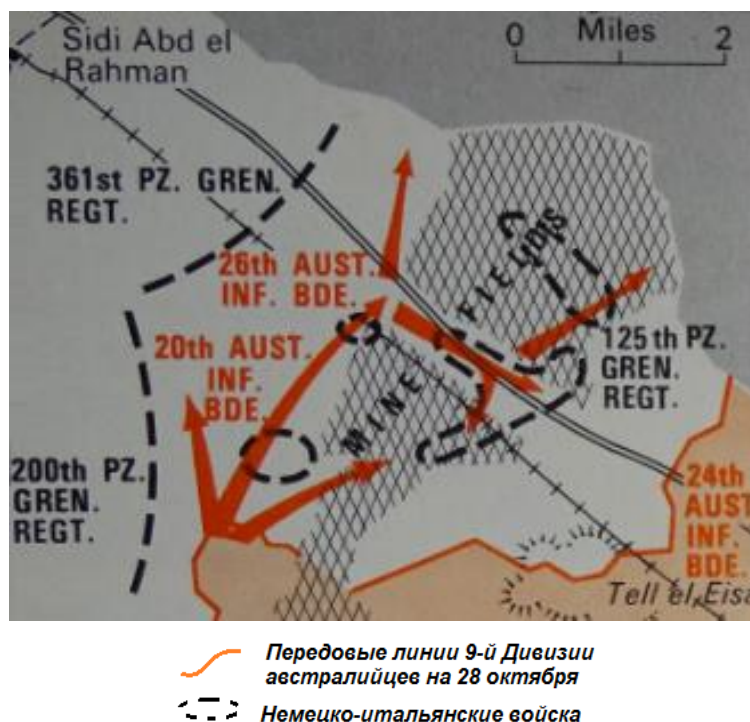

Новозеландцы хоронят погибших товарищей

27 октября пришло известие о том, что два танкера противника и одно транспортное судно были потоплены близ входа в гавань Тобрука и эта потеря может существенно повлиять на ход сражения. В 12:00 командующий Армией созвал совещание, на котором разъяснил свой план перегруппировки войск и свои намерения по продолжению атак силами

австралийцев. 13-й Корпус получил приказ полностью подготовить 7-ю Танковую Дивизию и другие части в северный сектор фронта, поскольку в ночь с 26-го на 27-е октября 21-я Танковая Дивизия немцев переместилась туда. Утром мы сумели с помощью радиопеленгатора определить расположение штаба этой немецкой дивизии.

Большую часть дня две немецкие танковые дивизии атаковали наши позиции. Нас это устраивало, и наша 1-я Танковая Дивизия отличилась, заявив об уничтожении 50 вражеских танков. В дополнении к этому Королевские ВВС хорошо отбомбились по врагу в моменты его подготовки к атакам, то есть, в целом, это был захватывающий и удачный день: из расположения нашего штаба мы видели столбы черного дыма, поднимавшиеся в небо там, где горели танки и машины врага. Далее Монтгомери решил, что 1-я Танковая Дивизия нуждается в отдыхе, и отвел ее в резерв. Ее сектор фронта перешел к обороне силами пехотных бригад, переброшенных сюда из состава 13-го Корпуса.

Атакующие действия австралийцев в северном секторе

В ночь с 28-го на 29-е австралийцы вновь атаковали противника и вклинились в его позиции, почти достигнув дороги между участком Сиди Абд эль Рахман/Sidi Abd El Rahman и высотами Телль эль Эйса. Хотя 29-го противник сделал все возможное, чтобы уничтожить этот клин, его атаки силами танков и пехоты потерпели неудачу. 29-е октября было очень интересным днем, поскольку наши планы и подготовительные мероприятия были уже нацелены на прорыв, который получил кодовое название *Суператака/Supercharge*. Командующий Армией намеревался осуществить эту атаку как можно дальше к северу, но некоторые из нас чувствовали, что лучший результат может быть достигнут, если ось атаки пройдет южнее: чем дальше на север, тем больше было немцев, мин и [хорошо] подготовленных оборонительных позиций.

Австралийцы в бою. Северный сектор Эль-Аламейнского фронта

Утром нам нанесли визит главнокомандующий Александер, государственный министр Кэйси (Minister-of-State Casey) и начальник штаба Александра генерал-лейтенант МакГрири (McGreery). Командующий Армией описал ситуацию и свои планы, он излучал уверенность в себе. Он подчеркнул, что всегда предсказывал *десятидневную схватку*, и был определенно уверен в том, что победа в сражении будет за нами. Тем не менее, я вскоре осознал, что кабинет [министров] в Лондоне и определенные личности в Каире начали интересоваться тем, сдержит ли, в конце концов, Монтгомери свое обещание одержать *Полную Победу*. Исходя из этого, неизбежным стало то, что все сфокусировались на *Суператаке*, и, во время обсуждения предмета с МакГрири, я обнаружил, что он также чувствовал, что эту атаку нужно осуществить южнее.

После отъезда Александра, Кэйси и МакГрири, я, в большей степени, чем когда-либо, ощутил беспокойство по поводу выбора сектора для *Суператаки*. Мне казалось, что Роммель сделает все от себя зависящее, чтобы защитить свои основные склады и линии сообщения, использовавшие прибрежное шоссе. Он не мог позволить себе рисковать в этом важнейшем для себя секторе фронта. В этой связи я продолжил обсуждение этой проблемы с Биллом Уильямсом (офицером разведки) и выяснил, что он разделяет мою точку зрения. По счастью, выяснилось, что немецкая 90-я Легкопехотная Дивизия переместилась в северный сектор фронта, вне всякого сомнения, из-за успешных действий 9-й Дивизии австралийцев. Стало очевидно, что фронт войск *Оси* далее к югу ослаблен. Я решил взять с собой Уильямса, чтобы переговорить с командующим Армией и дать ему возможность оценить меняющуюся ситуацию. Ранее на Монтгомери производили хорошее впечатление разъяснения Уильямса, касающиеся распределения Роммелем своих сил по фронту, нацеленного на укрепление итальянских частей. Он быстро увидел, что текущая ситуация дает отличный шанс атаковать там, где противник слабее всего, - там, где большинство обороняющихся представлены итальянцами, или на стыке частей союзников по *Оси*. Монтгомери никогда не медлил в принятии решений, при условии, конечно, что у него в распоряжении были необходимые факты, и в этом случае он незамедлительно изменил положение оси предстоящей атаки. Помню, что я покидал картографический фургон в хорошем настроении, и в тот же день, позднее, позвонил МакГрири, который был в восторге от этих новостей. Это решение, я уверен, было решающим на пути к победе.

Австралийцы продолжили свои атаки в ночь с 30-го на 31-е, перерезали прибрежное шоссе, и в какой-то момент показалось, что основная часть сил немцев, расположенных в пределах выступа, будет отрезана и уничтожена. Однако они сумели вырваться с помощью танковых подкреплений, но эти атаки на севере очень помогли, потому что связали силы противника в прибрежной полосе и, кроме того, нанесли ему большие потери.

1 ноября мы узнали о том, что 21-я Танковая Дивизия немцев переместилась еще дальше на север, то есть, все было готово к тому, чтобы наступила последняя фаза сражения.

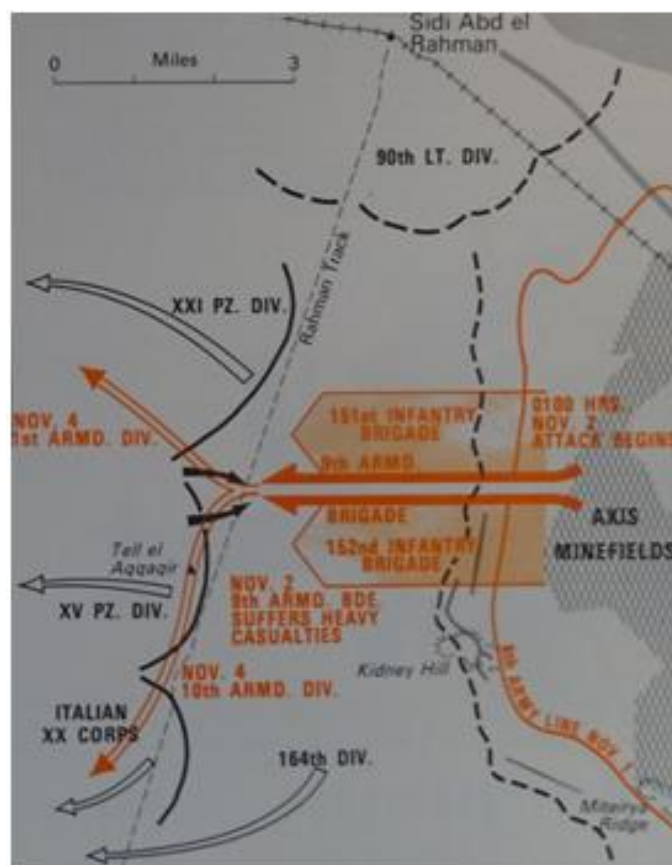
После 24-часовой задержки (отдых и перегруппировка войск) началась *Суператака*, которой утром 2-го ноября, поддержанная продвигавшимся вперед огненным валом. Около 300 25-фунтовок и корпусная артиллерия средних калибров приняли в этом участие.

Протяженность фронта атаки составила около 4 000 ярдов, глубина прорыва – 6 000 ярдов. Пехота (151-я и 152-я пехотные бригады) пошли в атаку, все шло превосходно, и, после достижения пехотой своих целей, в прорыв двинулись танки и образовали плацдарм, через который предполагалось пропустить танковые дивизии 10-го Корпуса. Цели были достигнуты, но 9-я Танковая Бригада понесла тяжелые потери. Затем на помощь ей пришла 1-я Танковая Дивизия, и произошел танковый бой.

Британские танки с противоминными тралами. 5 ноября 1942 г.

3 ноября мы уже знали, что противник разбит, поскольку по сообщениям воздушной разведки началось его отступление, и мы знали, что у Роммеля недостаточно транспортных средств или горючего для того, чтобы отвести больше чем лишь часть своих войск. Однако 3 ноября мы все еще не вырвались на открытое пространство, так как противник продолжал удерживать бреши в своей обороне с помощью противотанковой артиллерии. В ночь с 3-го на 4-е полный прорыв был осуществлен силами 51-й Дивизии и индийской 4-й Дивизии.

	Немецко-итальянские бронетанковые силы		Контратаки Роммеля
	Немецко-итальянская пехота		Роммель начинает отвод войск в ночь с 3 на 4 ноября

Прорыв обороны войск стран Оси – завершающая стадия сражения

Сражение было выиграно за 11 дней, что было почти равно сроку, рассчитанному командующим армией. Противник отступал, и наши танки и бронемашины теперь действовали на открытом пространстве. Мы надеялись, что наша авиация вызовет хаос в отступающих колоннах врага. Мы предвкушали то, что это отступление превратится в полный разгром с учетом того, что у нас было полное господство в воздухе. Но результаты разочаровали нас. Проезжая по дороге между полем Эль-Аламейнского сражения и Дабой, я ожидал увидеть непрерывную полосу разрушения, но в поле зрения были единичные уничтоженные машины на большом расстоянии одна от другой. Проблема была в том, что мы к тому времени еще не научились обстреливать противника с небольших высот, так как наши штурмовики были заняты воздушными боями и бомбовыми атаками. Я полагаю, что воздушные атаки на отступающие колонны были в основном бомбовыми, и самолетам не разрешали снижаться до малых высот. Несомненно, это было связано с тем, что наших летчиков не обучали пушечно-пулеметному обстрелу с малых высот. Я думаю, что мы упустили возможность [разгрома противника...]

Также я был разочарован тем, что мы не смогли полностью отрезать уцелевшие силы Роммеля и избежать продолжительной и трудной серии операций, которые привели нас в Триполи. Монтгомери, тем не менее, знал, что это было только вопросом времени, и, так или иначе, ему просто не повезло, потому что наши части, которым он приказал отрезать противника, застрявшего близ Фуки/Fuka и Матруха/Matruh, были лишены возможности выполнить поставленные задачи необычайно сильными проливными дождями, из-за которых они увязли на дорогах всего лишь *на расстоянии броска камня* от отступавшего противника.

ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОЕ СРАЖЕНИЕ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ И ИТАЛЬЯНЦЕВ

*23 октября – 4 ноября 1942 в Североафриканской пустыне развернулось ожесточенное Эль-Аламейнское сражение между 8-й Армией британцев, которой командовал Бернард Монтгомери, и немецко-итальянскими войсками - *Panzerarmee*, возглавляемыми генералом Георгом Штюмме. Последние потерпели сокрушительное поражение. Об этом сражении написано множество книг и статей, в том числе, на русском языке, сняты фильмы. Посмотрим на это сражение глазами противников антигитлеровской коалиции – немцев и итальянцев.*

Общая картина и хроника сражения

В ночь с 23-го на 24-е октября, после интенсивной артподготовки, 30-й Корпус британцев атаковал противника силами четырех дивизий по двум коридорам, расчищенным в минных полях. Эта атака осуществлялась в довольно узком секторе фронта протяженностью в 6-7 миль, северный фланг которого упирался в высоты Телль эль Эйса/Tell el Eisa, южный – в гряды Митейрия/Miteiriya. Помимо основной атаки 30-го Корпуса, бригада из состава 9-й Дивизии австралийцев осуществляла отвлекающую атаку между высотами Телль эль Эйса и морем. Эта атака, вместе с ложным десантом с моря, должна была иметь беспокоящий эффект в то время, как южнее 4-я Дивизия индийцев наносила сильный удар из района гряды Рувейсат/Ruweisat. Позднее, в 2 часа ночи 24 октября, передовые элементы 1-й и 10-й бронетанковых дивизий двинулись вперед со своих стартовых позиций.

Первоначальный прогресс в наступлении был существенным, но к утру 24-го танки все еще не смогли продвинуться за полосу минных полей противника. Ночью на участке гряды Митейрия развернулся ожесточенный бой, так как, придя в себя после первоначальной атаки, немецко-итальянские части сконцентрировали артиллерийский и минометный огонь на коридорах в минных полях, а 15-я Танковая Дивизия немцев осуществила контратаку. Части *Свободной Франции* атаковали высоты Химеймат/Himeimat, но вязкий песчаный грунт не дал возможности их силам огневой поддержки вовремя прийти на помощь, в результате чего немцы отбросили их в ходе контратаки. Другая атака 13-го Корпуса после первоначального успеха была остановлена противником между поясами мин. День 24 октября в этом секторе, таким образом, ушел у британцев на противопехотные бои. Они остались второстепенными по отношению к боям в основном секторе прорыва 30-го Корпуса, где несмотря на небольшие затруднения главная цель была достигнута, поскольку 21-я Танковая Дивизия немцев так и осталась в южном секторе фронта.

Наступила неделя ожесточенных боев. К вечеру 24-го 1-я Танковая Дивизия британцев сумела немного продвинуться за пределы минных полей, но 10-я Танковая Дивизия не смогла этого добиться и попала в весьма затруднительное положение. Атака, которую она предприняла в 22:00 этого дня при поддержке корпусной артиллерии, не принесла ощутимого продвижения вперед.

Ближе к 2 часам ночи 25 октября стало очевидно, что ситуация в коридоре в районе гряды Митейрия, остается неудовлетворительной. В расчищенном проходе образовались значительные пробки, потери от артиллерийского и минометного огня противника были ощутимыми. На этом критически важном участке командир Новозеландской Дивизии генерал Фрейберг (Bernard Freyberg), как обычно находившийся в центре событий, лично руководил действиями своих людей из своего танка.

К 8 утра 25 октября в штаб Монтгомери пришло сообщение о том, что передовая танковая бригада 10-й Дивизии продвинулась за тыловую границу полосы минных полей на 2 000 ярдов и вступила в соприкосновение с 1-й Танковой Дивизией, продвигающейся севернее. В дополнение к этому Новозеландская Дивизия и 8-я Танковая Бригада прошли полосу основных минных полей и начали продвигаться на юго-запад в соответствии с планом. Они

привлекли на себя несколько контратак со стороны 15-й Танковой Дивизии немцев, которые были отбиты с тяжелыми потерями для противника.

К полудню 25-го Монтгомери понял, что направленные на уничтожение пехоты противника атаки новозеландцев обходятся слишком дорогой ценой, и решил переместить ось наступления на север, приказав австралийцам уничтожить силы немцев, дислоцированные в образовавшемся выступе. 1-я Танковая Дивизия получила приказ пробивать себе путь на запад с целью поставить под угрозу пути снабжения противника и тылы противника в приморском выступе. Однако танкисты в ходе этой атаки достигли заметного прогресса только к ночи с 26-го на 27-е октября. Атака австралийцев развивалась успешно: они продвинулись вперед, нанеся тяжелые потери противнику. На этом участке имели место наиболее яростные и ожесточенные бои в ходе всего сражения в целом, которые внесли весомый вклад в окончательную победу.

26-го новозеландцы и южноафриканская 1-я Дивизия медленно продвигались вперед, и британское командование приняло решение провести перегруппировку. 30-му Корпусу была нужна пауза, и, хотя его части пробивались через основные минные поля, противник по-прежнему удерживал свои оборонительные линии. Перегруппировка высвободила резервы, необходимые на решающей стадии сражения. Новозеландцы были отведены от передовой на отдых, их место заняли перемещенные севернее 1-я Дивизия южноафриканцев и 4-я Дивизия индийцев.

27 октября в 12:00 Монтгомери созвал совещание, на котором разъяснил свой план перегруппировки войск и свои намерения по продолжению атак силами австралийцев. 13-й Корпус получил приказ полностью подготовить 7-ю Танковую Дивизию и другие части к переброске в северный сектор фронта, поскольку туда в ночь с 26 на 27 октября переместилась 21-я Танковая Дивизия немцев. Утром британцы сумели с помощью радиопеленгатора определить расположение штаба этой немецкой дивизии.

Большую часть дня две немецкие танковые дивизии атаковали позиции британцев, 1-я Танковая Дивизия, отбивая эти атаки, заявила об уничтожении 50 вражеских машин. В дополнении к этому Королевские ВВС отбомбились по врагу в моменты его подготовки к атакам, нанеся ему ощутимые потери. Далее Монтгомери решил, что 1-я Танковая Дивизия нуждается в отдыхе, и отвел ее в резерв. Ее сектор фронта перешел к обороне силами пехотных бригад, переброшенных сюда из состава 13-го Корпуса.

В ночь с 28-го на 29-е австралийцы вновь атаковали противника и вклинились в его позиции, почти достигнув дороги между участком Сиди Абд эль Рахман/Sidi Abd El Rahman и высотами Телль эль Эйса. Хотя 29-го противник сделал все возможное, чтобы уничтожить этот клин, его атаки силами танков и пехоты потерпели неудачу.

29 октября британцы осуществляли подготовительные мероприятия к прорыву, который получил кодовое название *Суператака/Supercharge*. Командующий 8-й Армией намеревался осуществить эту атаку как можно дальше к северу, но некоторые из штабных офицеров чувствовали, что лучший результат может быть достигнут, если ось атаки пройдет южнее: чем дальше на север, тем больше было немцев, мин и [хорошо] подготовленных оборонительных позиций.

Выяснилось, что немецкая 90-я Легкопехотная Дивизия переместилась в северный сектор фронта, вне всякого сомнения, из-за успешных действий 9-й Дивизии австралийцев. Стало очевидно, что фронт войск *Оси* далее к югу ослаблен. Монтгомери быстро увидел, что текущая ситуация дает отличный шанс атаковать там, где противник слабее всего, - там, где большинство обороняющихся представлены итальянцами, или на стыке частей союзников по *Оси*, и незамедлительно изменил направление предстоящей атаки.

Австралийцы продолжили свои атаки в ночь с 30-го на 31-е, перерезали прибрежное шоссе, и в какой-то момент показалось, что основная часть сил немцев, расположенных в пределах выступа, будет отрезана и уничтожена. Однако последние сумели вырваться с помощью танковых подкреплений, но атаки австралийцев на севере очень помогли общему

делу, потому что связали силы противника в прибрежной полосе и, кроме того, нанесли ему большие потери.

1 ноября британцам стало известно о том, что 21-я Танковая Дивизия немцев переместилась еще дальше на север, то есть, все было готово к тому, чтобы наступила последняя фаза сражения. После 24-часовой задержки (отдых и перегруппировка войск) утром 2-го ноября началась *Суператака*, поддержанная продвигавшимся вперед огнем валом. Около 300 25-фунтовых и корпусная артиллерия средних калибров приняли в этом участие. Цели этой атаки были достигнуты, но 9-я Танковая Бригада понесла тяжелые потери. Затем на помощь ей пришла 1-я Танковая Дивизия, и произошел танковый бой.

3 ноября стало очевидно, что войска *Оси* потерпели поражение, поскольку по сообщениям воздушной разведки началось их отступление. Однако 3 ноября британцы все еще не вырвались на открытое пространство, так как противник продолжал удерживать бреши в своей обороне с помощью противотанковой артиллерии. В ночь с 3-го на 4-е полный прорыв был осуществлен силами 51-й Дивизии и индийской 4-й Дивизии.

Вспоминают и рассказывают солдаты и офицеры войск *Оси*

23 октября

Начавшаяся в 21.40 23 октября артподготовка британцев продолжалась 30 минут. Немецкий генерал [Георг Штюмме](#) (Georg Stumme), обратился к своим коллегам: «Противник никоим образом не уверен полностью в своей победе. Нам нужно, чтобы это чувство неопределенности усиливалось у него каждый день... Мы должны разбудить в душе каждого солдата, от главнокомандующего до самого молодого парня ..., чувство полного морального превосходства над противником. Чувство морального превосходства рождает хладнокровие, уверенность в своих силах, расчет на самого себя и несокрушимую волю к триумфу. В этом секрет любой победы.» По-видимому, сердце генерала не выдержало

связанного с артобстрелом стресса, и он скончался от инфаркта 24 октября, успев передать командование генералу [Риттеру фон Тома](#) (Ritter von Thoma).

[Хельмут Оршидт](#) (Helmut Orschidt), артиллерист, 33-й Артиллерийский Полк, 15-я Танковая Дивизия

Хельмут Оршидт. Слева – на передовом наблюдательном пункте с сеткой от мух на лице непосредственно перед началом Эль-Аламейнского сражения

Не забуду этот день. На фронте было относительно спокойно, если не считать кое-каких действий авиации противника. Я сидел с несколькими приятелями в кузове крытого брезентом грузовика и, при свете свечи, играл в карты. Где-то без четверти

10 вечера мы остановились и начали перебираться в свои окопчики и палатки. На полпути к палатке, в которой я жил с моим водителем, рядовым Хайманном (Heimann), я увидел, как горизонт на востоке озарился множеством вспышек, и через несколько секунд до нас донесся грохот артиллерийской стрельбы. Я сразу понял, что это – начало британского наступления и что в бой вступили те самые массы танков и артиллерии, которые я видел с наблюдательного пункта. Через какое-то время, может, через полчаса, грохот артобстрела стих, и мы услышали доносившуюся издали стрельбу. К юго-востоку от нас все повторилось.

Грандиозная по интенсивности артподготовка вывела из равновесия многих немецких и итальянских солдат и офицеров. Танкист Херман Эккардт (Herman Eckardt, на фото слева): «Она вызвала детонацию минного поля и деморализовала людей.» Ральф Ринглер (Ralf Ringler) из 104-го Механизированного (Panzergrenadier) Полка: «Это *инферно* было нечеловечески безжалостной серией взрывов. Вся пустыня, казалось, гудела и тряслась. Когда я проснулся, шок пробежал по всему моему телу до кончиков пальцев... Снаряды с воем пронеслись над головой и взрывались, земля вздрагивала, и это приводило меня в полное замешательство.» Итальянского сержанта Риккардо Полетто (Riccardo Poletto) также потрясла интенсивность внезапного артобстрела, когда «снаряды неожиданно стали падать всюду и везде. Дым просто душил меня. Казалось, на нас обрушилась лавина огня.» Унтер-офицер Хельмут Хаймберг (Helmut Heimberg): «Это было ужасно – прижиматься к земле в течение шести часов и не иметь возможности сделать что-либо.» Рядовой Рольф Фёлькер (Rolf Völker) вспоминал, что после пережитого в те часы «был близок к тому, чтобы признать, - война проиграна. У нас не было ничего, чтобы противостоять этой массе взрывчатки и металла. Воняло кордитом. Земля была усыпана осколками. Каждый снаряд поднимал облако пыли, которое висело в воздухе не одну минуту. Земля была полностью перепахана – на ней не осталось ничего.»

Майор Паоло Каччия-Доминиони (Paolo Cassia-Dominioni, 1896-1992, на фото слева), командир 31-го Саперного Батальона

Дневниковая запись от 23 октября: В 20.45, внезапно и без предварительного пристрелочного залпа, вся линия противника ожила. Вскоре ее осветили вспышки от края до края. Красные сполохи от взрывающихся снарядов осветили и наши позиции. Сначала их можно было разглядеть, позднее они утонули в клубах дыма и пыли... Одновременно с этим посыпались бомбы на укрепленные пункты и оборонительные позиции, на дороги и перекрестки, на людей, застигнутых в палатках и домиках даже на многие мили позади передовой...

Эффект от артподготовки был разрушительным не только с психологической точки зрения. Вспоминает Мартин Ранфт (Martin Ranft) из 220-го Артиллерийского Полка: «Я слышал, как над моей головой воют снаряды. Мы подумали, что нам пришел конец.» Когда немец осмелился высунуть голову из окопа, он увидел, что вся местность вокруг выглядела как перепаханное поле. «Там мало что осталось, и мы говорили друг другу: «Как кто-то умудрился здесь выжить?» Но мы уцелели, хотя были некоторые потери... Одному из моих друзей оторвало снарядом ступню. Он умер на следующий день. Один был в блиндаже, когда туда угодил снаряд. Ему снесло голову.»

Хайнц Эрдманн (Heinz Erdmann), санитар

Эрдманн на фото слева рядом с трофейным санитарным фургонем, захваченным в Тобруке

Мы обустроили между побережьем и шоссе перевязочный пункт, помеченный огромным красным крестом и расположенный на [существенном] расстоянии от передовой. Это было сделано во время так называемой Шестидневной Гонки ([1-е сражение под Эль-Аламейном](#)) в августе-сентябре 1942-го. Мы стали ждать, что случится дальше. Поскольку мы были медицинской частью, у нас было сравнительно мало забот. Потом, в ночь с 23 на 24 октября, мы были разбужены. Внезапно со стороны линии фронта до нас донесся ужасающий рев и грохот, и над широкой полосой горизонта мы увидели мерцающие отблески света – от моря и дальше вглубь пустыни. Это продолжалось долго, иногда ослабевало, потом усиливалось. Этот грохот доносился до нас днями и ночами, иногда удалялся, иногда приближался к нам.

23-24 октября

В первые дни сражения войска Оси умело оборонялись и не давали британцам прорвать свою оборону.

Лейтенант Хайнц-Дитрих Абергер (Heinz-Dietrich Aberger), 21-я Танковая Дивизия

Предыдущим вечером (23 октября) мы играли в карты и трепались. Незадолго до 22.00 поднялся грохот и вой, мы увидели вспышки к северу от нас. Горизонт приобрел более бледный цвет... Собираются ли Томми (прозвище британцев, принятое у немцев – ВК) атаковать? Ближе к полуночи все успокоилось, и мы улеглись спать. На следующее утро до нас стал доноситься шум боя. Там, где находились мы, все было тихо, так что мы решили, что беспокоиться не о чем. 3-я Рота отдыхала после полудня, раздавали медали, жарили мясо газелей – атмосфера была веселой. И тут прозвучал сигнал тревоги: «Готовьтесь выступить!»

На гряде Митейрия

Капитан Больнер (Bolner), офицер-артиллерист одного из итальянских полков

Дневниковая запись от 26 декабря

Чтобы добиться максимальной дальности стрельбы в несколько тысяч ярдов, станины пушек приходилось вкапывать в грунт на глубину до шести футов или около того; для горизонтальной стрельбы их [пушки] пришлось бы вытаскивать из ровиков, - и это было невозможно из-за того, что британские пулеметы были всего в четырех сотнях ярдов от нас по прямой... Вечером 10-я и 12-я батареи получили приказ на отход. В последней

уже не оставалось офицеров... Приказ принес вестовой. Одному богу известно, как он умудрился проскочить между вражескими патрулями. Отход был осуществлен в ночное время – люди бросили все свои пожитки, даже одеяла и личные вещи, и протащили свои пушки прямо под носом у врага, который окружил нас стрех сторон. Мы разместили новую позицию где-то в миле к западу, но у нас не было ни боеприпасов, ни связи...

Хельмут Оршидт

Когда британцы пошли в атаку на гряды (предположительно, речь идет о гряде Митейрия – ВК), которую мы удерживали, мы снова оказались под сильным артогнем, на который могли ответить только небольшим количеством снарядов, имевшихся у нас в наличии. Нам пришлось отступить и занять другую позицию. Одну гаубицу бросили, так как ее полугусеничный тягач был поврежден. Я, находясь в своем грузовике – канадском Шевроле, получил приказ вывести эту гаубицу. Она стояла посреди плоского понижения в рельефе где-то в километре от нас. Хотя весь участок простреливался противником, мы поспешно вытащили гаубицу без ущерба для себя.

В этом сражении неоднократно демонстрировали стойкость и храбрость итальянцы. Обороняя позиции на гряде Митейрия, хорошо проявил себя 3-й Батальон 61-го Пехотного Полка капитана Атиллио Каими (Atillio Caimi). Около 350 солдат и офицеров, вооруженные 6 тяжелыми и 18 легкими пулеметами и четырьмя 81-мм минометами существенно задержали расчистку минных полей британскими саперами на западном фланге гряды.

В секторе дивизии Trento 2-й Батальон 62-го Полка был смят. В батальоне оставалось всего 19 офицеров и 340 солдат, имевших на вооружении 6 47-мм противотанковых пушек, 7 20-мм противотанковых ружей, 6 тяжелых и 6 легких пулеметов, 4 81-мм миномета. 2-й лейтенант Эйтель Торелли/Eithel Torelli, про которого говорили, что он был «смелым, веселым и прямолинейным парнем», был назначен в 12-ю Роту. Он вспоминал о сложившейся ситуации так:

В три часа пришла наша очередь. Артобстрел прекратился с рассветом, и бриз сдул дым и пыль. Вражеская пехота была от нас в нескольких сотнях ярдов. Мы вели огонь из автоматического оружия все утро, но нам стало жарковато, когда их минометчики нащупали нужное расстояние до нас.

На плоском участке местности к северу от нас находилось, должно быть, около сотни танков. Наши пушки подожгли четыре из них. Вечером мы наладили связь друг с другом и стали обмениваться новостями и мнениями. Я, как положено, отрапортовал капитану, и мы обменялись немалым количеством старых шуток, но, очевидно, так было потому, что мы оба нервничали.

Всю ночь итальянцы из 61-го Пехотного Полка уверенно отбивали интенсивные, но плохо скоординированные атаки британцев. Они несли при этом потери. 10-я Рота 3-го Батальона была смята, и 250 итальянцев попали в плен...

25 октября

В полночь 25 октября генерал-фельдмаршал [Эрвин Роммель](#) вернулся в Африку и принял на себя управление войсками больше чем через двое суток после начала сражения. С его возвращением боевой дух немецко-итальянских войск заметно вырос. На этот момент времени британцам удалось вбить клин в позиции Оси в северном секторе фронта. Немецкие 21-я и 15-я танковые дивизии – те их части, которые еще не были отправлены на передовую, - были брошены в атаки соответственно с севера и юга, чтобы обрубить вражеский клин. За этим последовали ожесточенные танковые бои, и британцам не удалось пробить брешь в позициях немецко-итальянских войск. Большая часть

бронетехники 8-й Армии все еще продвигалась позади наступающей пехоты, которая столкнулась с упорным сопротивлением противника.

Утро

Эйтель Торелли:

Ближе к утру бой возобновился, и вскоре после рассвета мы стали свидетелями ужасного рукопашного боя на нашем левом фланге. Немецкий 5-й Батальон 382-го Полка был полностью уничтожен. Его командир, лейтенант, был одним из последних, павших в том бою: мы могли легко разглядеть его из-за его высокого роста. Противник подошел ярдов на 200 к нашим позициям, но наш минометный огонь оказался слишком большим испытанием [для него], и он отступил. В 9 утра одиночная Штука сделала над нами круг, затем спикировала и сбросила на нас бомбы. Вскоре после этого происшествия вражеские танкисты просочились в тыл наших позиций и взяли в плен остатки 10-й Роты, штурмовой взвод и штабных. Таким образом, от нашего батальона теперь остались только 12-я Рота и остатки 9-й.

... В нашу сторону (видимо, со стороны тыла – ВК) продвигался [вражеский] танк – из башни торчали голова и плечи человека, который размахивал автоматом. Затем танк развернулся на 180 и ушел назад. Парни полностью развернули 47-миллиметровку, но дали танку уйти... Так вот, если хотите, обе стороны проявили трусость... Однако вокруг была еще сотня танков, если не больше. Трое парней, чей окоп был довольнодохлым, спросили, могут ли они перебраться в мой, так что нас стало четверо. Такое грандиозное количество вражеских танков слегка испугало их...

Бои в небе были не менее жаркими, чем на земле. В полднелуенные часы мощная группа немецких и итальянских самолетов пыталась атаковать колонну британских грузовиков, но с ней вступили в бой около 60 истребителей Королевских ВВС, вынудили итальянцев сбросить свои бомбы на свои собственные позиции и нанесли тяжелые потери немцам.

*О ранней стадии сражения вспоминает фельдмаршал **Эрвин Роммель**:*

Сентябрь-октябрь 1942-го. Роммель и командир воздушно-десантной бригады [Бернхард Рамке](#) (Bernhard Ramcke)

Условия, в которых мои храбрые войска вступили в сражение, были настолько удручающими, что, по сути дела, не было никакой надежды на его победоносное завершение... В дополнение к этому, британцы захватили полное господство в воздухе над Средиземным морем и, нанося бомбовые удары по нашим портам и держа под наблюдением наши морские коммуникации, при этом, ведя интенсивные боевые

действия на море, практически, парализовали наши морские перевозки. В результате наши запасы [военных материалов] истощились до такого уровня, что нехватка буквально всего стала очевидной даже на первоначальной стадии сражения...

Наши контратаки на ранней стадии сражения не могли быть осуществлены с [должной] концентрацией сил [на нужных участках], так как наличие участков сбора сил британцев в южном секторе [фронта] давали нам серьезные причины опасаться того, что их моторизованные силы будут атаковать и в его пределах. Да и нехватка бензина никогда не дала бы нам возможности снова перебросить туда [итальянскую дивизию] Ariete и 21-ю Танковую Дивизию. На этой стадии сражения, следовательно, было бы слишком большим риском перебрасывать все наши моторизованные части с юга на север...

Хайнц-Дитрих Абергер

Вечером 25-го мы начали марш, первоначально на запад, потом сделали широкую дугу за северным сектором фронта, который интенсивно обстреливал и бомбил противник. После крайне тяжелого ночного марша, во время которого пикирующие бомбардировщики нанесли нам тяжелые потери, мы добрались до телеграфной линии южнее Тель эль Аккаира. Мы обнаружили здесь полосу дюн... Она была уже занята противником неизвестной численности, но, на самом деле, позиции здесь должны были занимать итальянцы. Наш командир приказал нам немедленно переходить в атаку и зачистить участок. Сначала произошла перестрелка с разведочными патрулями британцев, которые тут же отступили на восток. Преследуя их, мы набрали на брошенные позиции итальянцев, на некоторых из них стояли 88-миллиметровки, готовые к бою. Итальянский батальон, который должен был находиться здесь, позднее появился, придя из тыла или каких-то своих блиндажей, к которым они ранее отступили.

Адъютант роты доложил по радио о нашем местонахождении и намерениях в штаб корпуса, однако наши планы не были утверждены командованием.

26 октября

Около 21.00 начался сильный артобстрел со стороны противника, такой, под который мы еще ни разу не попадали. По счастью, на этой засыпанной песком местности мы нашли подходящие укрытия. Где-то через полчаса огонь внезапно прекратился. Стало подозрительно тихо. Затем, неожиданно, до нас стали доноситься голоса. Мы сняли наше оружие с предохранителей, но это были итальянцы, которые, громко разговаривая, уходили мимо нас в тыл, кто-то на своих двоих, кто-то на забитых людьми грузовиках. Потом наступила тишина...

28 октября

Утром британцы сконцентрировали большие силы напротив наших позиций. Не особенно беспокоясь о маскировке, они вышли на рубеж для атаки, очевидно, в полной уверенности в своем превосходстве в силах. Однако еще до того, как они заняли стартовый рубеж, наша тяжелая артиллерия накрыла их огнем. Атака не состоялась, но перед нами была мрачная картина: британские санитары шныряли туда-сюда, вынося своих раненых и убитых...

Хельмут Оршидт

26 октября – 1 ноября

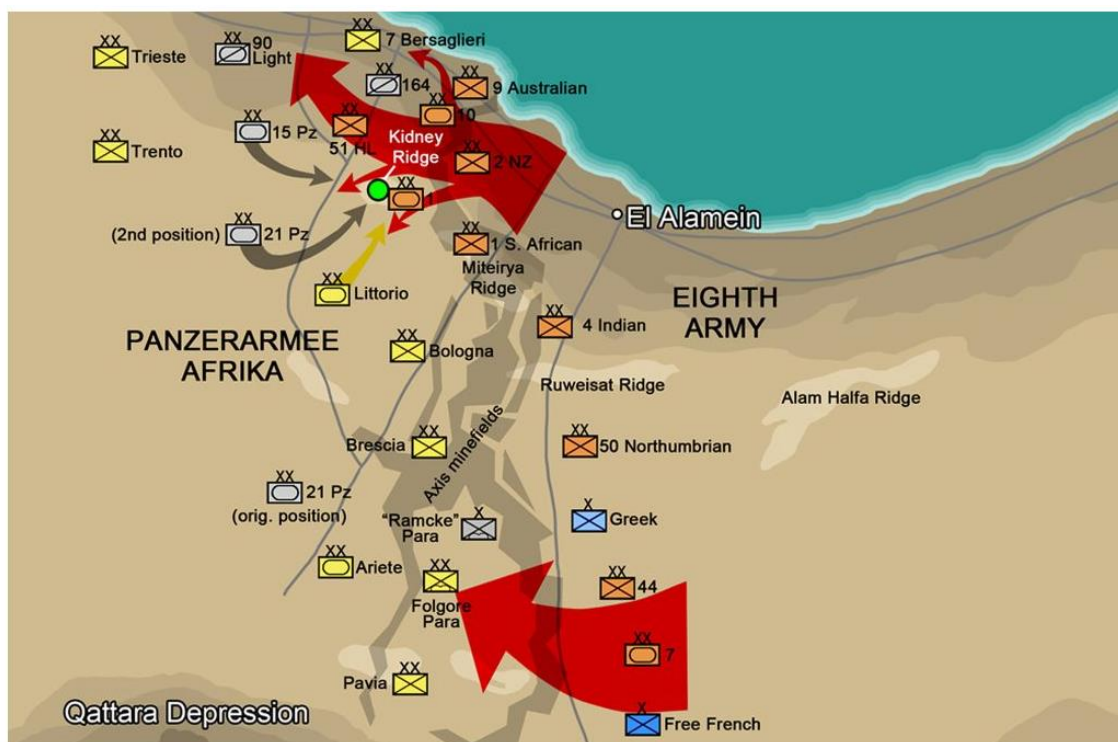
В течение нескольких последующих дней нам пришлось несколько раз менять позицию. Линия столкновения с британцами перемещалась вперед-назад, но, в целом, все развивалось в пользу противника. Бомбежки были очень тяжелыми. При перемещении мы разработали специальную тактику, помогавшую нам оставаться в стороне от зоны поражения. Мы внимательно наблюдали за маневрами эскадрилий врага и ловили

момент сбрасывания бомб. Мы уносились на полной скорости под углом 90 градусов к ожидаемой зоне поражения и обычно успевали оторваться на безопасное расстояние. Это всегда было потерей, но спасало нас от людских и материальных потерь...

Хайнц Эрдманн

Теперь у нас было более чем достаточно забот с медицинской точки зрения. Первые двигавшиеся в нашу сторону машины и войсковые части закупоривали шоссе и дороги. Стало трудно эвакуировать раненых на перевязочный пункт. Иногда нам просто приходилось силой пробиваться через пробки. Потом по нашему пункту первый раз отбомбились, да и атаки истребителей-бомбардировщиков на дороги были тяжелым испытанием...

Бои за гряды Кидни/Kidney Ridge – 26-28 октября

Схематическая карта ранней стадии сражения и местоположение гряды Кидни

Роммель, однако, быстро понял, что Монтгомери осуществляет отвлекающий маневр на юге и что его главное направление атак – прибрежная зона. Он приказал 21-й Дивизии двинуться на север в направлении гряды Кидни/Kidney. В этом был риск: так он оставлял в своем распоряжении на юге только итальянскую дивизию *Ariete*, и, если бы британский командующий принял решение бросить в этот сектор свои танки, у Роммеля просто не оказалось бы достаточно горючего для своей бронетехники, чтобы помочь союзнику. Но Монтгомери перебрасывал свою пехоту и танки с юга на север, в район гряды Кидни, где разворачивалось ожесточенное сражение и где шотландские *Горцы/Highlanders* и австралийцы дрались за каждый камень. В начале сражения 15-я Танковая Дивизия немцев и итальянская Танковая Дивизия *Littorio* быстро потеряли 39 танков из 41.

Роммель так описал эти события: «Убийственный огонь британцев обрушился на нас, и вскоре наша атака была остановлена исключительно плотной обороной противника, в основном представленной вырытыми в землю противотанковыми пушками.»

Дино Кампини (Dino Campini), капитан, итальянский танкист

Трудно было ожидать, что наши 14-тонные танки с их 47-мм пушками произведут значимое впечатление на вражеских 28-тонных монстров с их 75-миллиметровками. Даже при условии, что численность машин с обеих сторон была равной, у них не было шансов – расклад был 4 к 1 против нас...

Итальянский офицер, капитан Преве (Preve) так вспоминал об этом: «Неожиданно на нас обрушился жесточайший огонь восьми или десяти противотанковых пушек, скрытых левее нас в глубине.» Преве увидел, как один из офицеров возглавил отчаянную и безнадежную атаку. «Высунувшись из башни своего танка, 2-й лейтенант Камплани (Camplani), повел свою машину впереди всех, направив ее на полной скорости на ближайшую противотанковую пушку...»

Исход атаки был предсказуемым. Итальянский капитан Дино Контини (Dino Contini) вспоминал:

Некоторые танки продолжали катиться вперед даже после того, как в них попадали снаряды и их охватывал огонь и когда внутри них оставались только мертвецы. Они были словно самоходные погребальные костры, внутри которых нога покойника все еще нажимала на газ... Это была процессия пылающих монстров, которых встряхивали взрывы и которые выбрасывали разноцветные языки пламени, когда на воздух взлетал боезапас... Души мертвецов, должно быть, оставались в ловушке внутри их машин: как еще мог подбитый и пылающий танк продолжать продвигаться в сторону врага?

Контратака немецких танков и пехоты. Эль-Аламейн

Бои продолжались с тяжелыми потерями для обеих сторон в людях и технике, атаки чередовались с контратаками. Потом Монтгомери отвел свои танки, и сражение, в котором силы у обеих сторон просто иссякли, утихло. Британцы оставили позиции на гряде Кидни, потеряв более 2 000 человек ранеными или убитыми в этих боях ...

29 октября

Непрерывные атаки 8-й Армии и рейды союзной авиации на линии снабжения войск Оси оказали существенное негативное воздействие на моральное состояние самого Роммеля:

Никто не сможет передать то чувство тревоги, которое охватило нас в тот период времени. В ту ночь я едва ли спал и к 03.00 [29 октября] шагал из угла в угол, прокручивая в голове вероятный ход событий и решения, которые мне, возможно, придется

принимать. Около половины одиннадцатого я получил ужасную новость: танкер *Louisiana*, который должны были прислать вместо судна *Proserpina*, был потоплен самолетом-торпедоносцем, и теперь проблема [с горючим] становилась для нас непреодолимой.

1 ноября

Некоторые офицеры войск Оси все еще не теряли присутствия духа.

2-й лейтенант Формика, итальянская дивизия *Ariete*

В 13.00 мы получили две хорошие новости: британцы пытались осуществить прорыв, но при этом потеряли целые части безо всякого результата; севернее, в ходе ожесточенного боя с участием 21-й Танковой Дивизии, около 80 [вражеских] танков было окружено и уничтожено. Казалось, британцы оставили какие-либо попытки прорвать [нашу оборону]. Наш боевой дух, как всегда, высокий, перешел просто в эйфорию. Офицеры и солдаты, которые прошли через бои и которые месяцами страдали [от жары] посреди египетской пустыни ..., наконец, увидели, что все их мучения и жертвы были вознаграждены самым желаемым – ПОБЕДОЙ. Мы предположили, что перейдем в контрнаступление, чтобы добиться окончательной победы. Главными словами были следующие: «Рождество в Александрии.»

Однако Роммель увидел в тот день другое. После полудня, когда наступило затишье в сражении, он отправился в северный сектор фронта, чтобы своими глазами посмотреть на происходящее. Он насчитал 30-40 разбитых танков и бронемашин на участке недавнего боя. На тот момент немецкая артиллерия прекратила огонь, поскольку, как отметил он, «британцы вытаскивали с поля боя своих раненых.» Эта передышка для врага была передышкой и для его людей. Когда бой возобновился, у немецких артиллеристов имелось так мало боеприпасов, что им был отдан приказ вести «беспокоящий, а не концентрированный огонь.»

Роммель к тому времени уже отправил следующую телеграмму генералу Ринтелену/*Rintelen*, офицеру связи с верховным командованием итальянцев (*Commando Supremo*): «Снова и снова армия указывает на абсолютную необходимость доставки необходимых материалов, горючего и боеприпасов. Ответственность за текущий острый кризис полностью лежит на тех, кто является ответственным за снабжение.» Его призыв не привел ни к чему существенному. Вечером этого же дня он написал жене: «Некоторые грузы, предположительно, находятся в пути. Но трагедия заключается в том, что этот вид помощи прибывает тогда, когда положение стало почти безнадежным...»

2 ноября – начало операции *Supercharge*

Операция союзников *Supercharge* разрушила систему управления войсками Оси, что сильно подорвало боевой дух многих пехотных частей.

Эрвин Роммель

Наша система связи вскоре была растерзана этим градом снарядов, и сообщения с фронта, практически, перестали поступать... Теперь было крайне трудно получить ясную картину происходящего, поскольку все наши линии связи были разорваны в клочья, а большая часть наших радиоканалов была заблокирована противником. Полный хаос воцарился на многих [удерживаемых нами] участках фронта.

Альфонс Зельмаур (*Alfons Selmaur*), хирург 5-го Танкового Полка 21-й Танковой Дивизии немцев

Нашу радиосвязь постоянно глушили. Томми (прозвище британцев, распространенное среди немцев – ВК) захватили инструкции по управлению связью 8-го Танкового Полка и теперь пытались сбить нас с толку, вставляя что-то свое в наши радиопереговоры.

Эрвин Роммель

Картина для первых послеполуденных часов была таковой: на правом фланге [Африканского Корпуса](#) мощный бронетанковый кулак противника разгромил 20-й Итальянский Моторизованный Корпус и этим пробил 12-мильную брешь в нашей линии, через которую сильные танковые группы [врага] продвигались на запад. В результате этого, наши силы в северном секторе фронта оказались под угрозой окружения силами противника, превышающими наши силы по численности танков в 20 раз. 90-я Легкая Дивизия превосходно обороняла свои позиции, отражая все атаки британцев, но те прорвали линию обороны Африканского Корпуса, преодолев мужественное сопротивление его людей. Резервов не было, поскольку каждый имевшийся под рукой человек и каждый ствол уже были брошены в бой...

Эти прорывы ... решили судьбу Эль-Аламейнского сражения. Монтгомери выполнил свой план, нацеленный на прорыв в открытое пространство: теперь он мог, поворачивая на север и северо-запад, выйти в тыл германо-итальянским войскам и взломать всю Эль-Аламейнскую оборонительную линию.

Роммель был лишен свободы действий нереалистичным приказом Гитлера стоять до последнего человека. Это оказало деморализующее воздействие на военачальника:

Этот приказ требовал невозможного. Даже самый верный своему долгу солдат может быть убит авиабомбой. Несмотря на наши неприукрашенные боевые сводки в ставке Фюрера, по-видимому, не отдавали себе отчет, каково реальное положение дел в Африке. Вооружение, горючее и самолеты, но не приказы могли помочь нам. Мы были полностью ошеломлены, и впервые во время Африканской кампании я не знал, что делать. Что-то вроде апатии охватило нас, когда, согласно идущим с самого верха директивам, мы отдавали приказы людям удерживать все существующие позиции...

Интенсивность авианалетов ВВС союзников была такой, что после одного из рейдов около 200 немецких пехотинцев сложили оружие и сдались в плен. В этот день союзники осуществили 881 боевой вылет, тогда как [Люфтваффе](#) – 175. Дневниковая запись немецкого офицера-артиллериста за это число: «Где наши истребители, наши *Штуки*, наши зенитки? Ничего из этого не вижу. Томми появляются [в воздухе] каждую четверть часа со своими 18 тяжелыми бомбардировщиками.» В эти дни немцы испытали на себе то, что испытывали под атаками [Люфтваффе](#) [солдаты союзных войск во время Битвы за Францию](#) два года назад...

Эрвин Роммель

Британские авиация и артиллерия непрерывно наносили удары по нашим войскам. В течение часа в районе полудня семь авиагрупп с 18 бомбардировщиками в каждой сбросили бомбы на мои войска. Все больше и больше наших 88-миллиметровок, которые были нашим единственным действительно эффективным оружием против тяжелых британских танков, выходило из строя. Хотя каждая зенитка из тех, которые были под рукой, была переброшена ближе к передовой, в тот день мы могли использовать всего 24 такие пушки. Вскоре почти все наши мобильные силы были брошены на передовую. Мы уже выжали все доступные подкрепления из состава административных частей, однако наша эффективная боевая численность теперь была равна только одной трети из того, что у нас было на начало сражения.

К концу этого дня в двух наиболее сильных итальянских дивизиях – *Littorio* и *Trieste* – под непрерывными атаками с воздуха начался развал. Их части одна за другой бросали свои позиции. В 2 часа дня Роммель направил на передовую в район пункта Тель эль Аккакир/Tel el Aqqaqir наиболее боеспособную итальянскую танковую [дивизию Ariete](#). В начале марша лейтенант Формика/Formica вспоминал: «Длинные колонны машин из разных частей даже разных дивизий двигались в таком хаосе, что становилось очевидным, - это не войска, осуществляющие организованный марш к намеченным целям. Условия (плохая видимость, зыбучие пески, в которых вязли машины, аварии) были ужасающими. Из моей машины я наблюдал за солдатами, измученными и хранившими молчание...»

Из телеграммы Роммеля в Берлин, конец дня 2 ноября: «В данной ситуации я вынужден считаться с постепенным уничтожением армии несмотря на ее героическое сопротивление и исключительно высокий боевой дух ее людей.»

3 ноября днем Гитлер ответил:

С доверием к Вам, с уверенностью в Ваших лидерских качествах и храбрости немецко-итальянских войск народ Германии и я следим за героической борьбой на египетской земле. В положении, в котором Вы оказались, не может быть других мыслей, кроме мысли о том, что нужно держаться, не отступать ни на ярд и бросить в бой каждую имеющуюся пушку и каждого человека... Ваш противник несмотря на его превосходство должно быть, также находится на пределе своих сил. Не первый раз в истории сила воли возобладает над большими батальонами. Что касается Ваших войск, Вы можете дать им понять, что есть только один путь – победа или смерть.

Ночь со 2 на 3 ноября

Гауптман Адальберт фон Тайзен (Adalbert von Taysen, на фото - слева), 3-й Батальон 115-го Пехотного Полка 15-й Танковой Дивизии

Ночью по нашим позициям, находившимся рядом с телеграфной линией, 60 минут вела огонь вражеская артиллерия. Около часа ночи огонь прекратился. Через несколько минут британские солдаты в пешем строю и на бронемашинах атаковали позиции 1-й и 2-й рот. Шесть их маневренных бронетранспортеров сумели расстрелять позиции наших противотанковых пушек в упор, после этого противник смял нас. За этим последовал бой с теми, кто засел в окопах, в дело пошли приклады, лопаты, ручные гранаты и просто кулаки. Все что было слышно, это тяжелое дыхание, стоны и рыдания. Можно было разглядеть силуэты атакующих на фоне ночного неба. Для того, чтобы понять, кто друг, а кто враг, нужно

было смотреть на каски, выискивая плоские, которые носили Томми. Через полчаса они исчезли где-то к востоку. Позади осталось несколько трупов. Каким-то чудом мы потеряли всего одного человека раненым...

3-4 ноября

Еще боеспособные остатки *Африканского Корпуса* и дивизия *Ariete* получили приказ удерживать свои позиции как можно дольше, давая возможность другим частям отступить. 2-й лейтенант Формика вспоминал, что не верил своим глазам, наблюдая за тем как перед его глазами проезжают машины всех видов с бледными и измученными людьми на борту: «Мне казалось, что вся наша линия [обороны] рухнула. Это казалось невозможным! А что моя дивизия, прославленная *Ariete*? Мы стояли лицом к противнику, пока все вокруг нас

откатывались назад... Нам дали приказ сражаться до конца – классический приказ в отчаянной ситуации...» Однако Формика вспоминал и о том, что мимо него «шагали немецкие солдаты, очень усталые, но в полном порядке, в то время как вражеские снаряды падали между их шеренгами.» В середине дня *Ariete* была обойдена британцами с юга и окружена. К вечеру 20-й Корпус итальянцев был полностью разгромлен.

Ханс фон Люк (Hans von Luck), майор, командир 3-го разведбатальона 21-й Танковой Дивизии

У меня разрывалось сердце, когда я видел, как дивизия Ariete (наш самый верный союзник) и остатки дивизий Trieste и Littorio сражались с храбростью, попирающей смерть, как их танки («жестянки для сардин», как мы часто в насмешку называли их) поражали снаряды, и они оставались гореть на поле боя. Хотя я сам участвовал в этом бою, я оставался в контакте с 20-м Корпусом итальянцев, пока он не оказался почти полностью в окружении. В 15.30 командир Ariete отправил свое последнее сообщение Роммелю: «Мы окружены, танки Ariete все еще сражаются.» К вечеру 20-й Корпус был разгромлен. Мы потеряли хороших, смелых друзей, от которых мы требовали больше, чем им было по силам...

Горящие итальянские танки. Эль-Аламейн

Лейтенант Формика оставался на передовой до последнего, с гордостью вспоминая позднее о тех, кто сражался и погиб вместе с его дивизией: «О них никогда не скажут, что они отступили.» Доминиони написал о погибших следующее: «Имена, уже занявшие высокое место в истории, перестали существовать вместе с новыми, не менее славными... Пехота [дивизии] *Pavia* имела вековую историю..., *Brescia* в 1848-м была сформирована из добровольцев, людей для [дивизии] *Bologna* набрали в Венеции и Романьи в 1859-м. Ничего от них не осталось. Нет больше юных *Ariete* и *Littorio*. Нет и новорожденной *Foglore*...»

Формика оказался среди тех, кто начал отход на своих двоих. Был момент, когда они набрели на одну из частей Дивизии *Bologna*: «Это было и взаправду жалкое зрелище, когда

эти люди, отчаявшиеся от жажды и усталости, упали передо мной на колени, умоляя дать им хлебнуть воды.» Их немолодой командир, человек с морщинистым лицом и черной повязкой на левом глазу, невесело прокомментировал: «Мы, офицеры, имеем дополнительные резервы боевого духа, но мои солдаты, эти бедолаги, могут думать только о своей жажде.» Лейтенант не оставил упоминания о том, стал ли этот офицер сам пить воду...

Вспоминает Альфонс Зельмаир: «Подбитые танцы были всюду и везде. *Томми* оставались за пределами дальности действия наших орудий, но их ... пушки были лучше и самым убедительным образом превзошли наши... Впервые мы столкнулись с техническим

превосходством противника. *Томми* превосходили нас не только в численности: их броня и пушки были лучше наших.» Зельмаир слышал переговоры по радио между командиром полка, гауптманном фон Зенфтом (Otto-Friedrich Senfft von Pilsach, на фото слева) с командиром батальона обер-лейтенантом Мильдебратом (Mildebrath), получившим приказ атаковать. ««Атака лишена смысла!» - ответил он, но Зенффт и слышать об этом не хотел: «Все верно, но приказ есть приказ!»» По воспоминаниям Зельмаира, «против 30 танков были добрые три сотни, британских танков.» Он стал свидетелем атаки итальянцев: «Несмотря на то, что у них была тонкая броня, они пошли вперед с восхитительной

лихостью и, само собой, были растерзаны на части.»

4 ноября

Генерал [Фритц Байерляйн](#), офицер штаба Роммеля

Офицер-связист Африканского Корпуса принес Роммелю расшифрованную радиogramму, отправленную из 10-го Полка Гусар Монтгомери. В ней были такие слова: «Мы захватили генерала по имени Риттер фон Тома.»

Фельдмаршал отвел меня в сторону и сказал: «Байерляйн, то, что мы старались предотвратить, прилагая все возможные усилия, происходит сейчас. Наш фронт смят, противник хлынул в наш тыл. Вопрос о выполнении приказов Гитлера больше не стоит. Мы отходим к позициям под Фукой/Fuka, чтобы спасти то, что еще можно спасти... Байерляйн, я назначаю вас командующим Африканским Корпусом. Нет больше никого, кому я мог бы это доверить. Если позднее случится так, что Фюрер отдаст нас под суд за неподчинение приказам, нам обоим придется отвечать за

наше сегодняшнее решение. Сделайте все от вас зависящее. Даю Вам полномочия отдавать приказы войскам. Вы можете передать это старшим офицерам, если у вас возникнут с ними проблемы.» - «Я сделаю все, что могу,» - ответил я. Роммель сел в свою бронемашину, чтобы посетить другие части этой разбитой армии и чтобы отдать приказ отступить.

Потеря при столь драматических обстоятельствах командующего Африканским Корпусом была сильным ударом для Оси. Фон Тома был опытным и храбрым военачальником. В своих мемуарах о нем высоко отозвался один из самых известных немецких генералов [Хайнц Гудериан](#) (Heinz Guderian), написавший, что «фон Тома был одним из наших самых старших и опытных офицеров танковых войск. Он был знаменит своим ледяным спокойствием и исключительной храбростью как в Первую Мировую войну, так и в Испании, и он смог показать, на что он способен, еще раз...»

Плен

Генерал фон Тома выбирается из разведывательного автомобиля, доставившего его в штаб Монтгомери...

Генерала фон Тома в плену ждало исключительно уважительное обращение со стороны британцев. Сдававшиеся в плен немецкие солдаты далеко не всегда встречали хорошее отношение к себе со стороны британцев, хотя часто можно увидеть такие характеристики *Войны в Пустыне*, как *Война без Ненависти* (так Роммель назвал свои начитанные на диктофон воспоминания - *Krieg Ohne Hass*) или *Джентельменская Война*.

Слева - британский солдат и военнопленные немцы. 26 октября; справа - британский санитар оказывает помощь немецкому коллеге...

Солдат *Африканского Корпуса* Рольф Фёлькер вспоминал, что он и его товарищи «смотрели на британцев точно так же, как и они нас, — мы относились к ним с полным уважением. Я чувствовал симпатию к британским солдатам, потому что их так же терзали мухи, дизентерия, климат и все остальное.»

Унтер-офицер Фритц Ноймайер (Fritz Neumaier) рассказывал, что, хотя с ним и его товарищами британцы первоначально обращались довольно неплохо, «когда мы направились в сторону Александрии, к нам стали относиться все хуже и хуже. Был момент, когда нас забросали гнилыми помидорами, а когда мы забирались в грузовики, нас подгоняли прикладами.» Рассказывает Фритц Циммерманн (Fritz Zimmermann), артиллерист из 15-й Танковой Дивизии: «Нас везли, словно скотину в фургоне. Было очень холодно, у нас не было с собой одеял... Один британский солдат собрался пострелять по нам, но один из наших парней говорил по-английски и сказал ему, что мы находимся под защитой Женевской Конвенции... Но он, так или иначе, отобрал у нас часы, кольца и все

ценное. Кто-то запротестовал и получил в ухо, так что мы отправились в плен с тяжелым сердцем. Однако многие из нас были рады тому, что война для них кончилась.»

Итальянские парашютисты из дивизии Folgore в бою под Эль-Аламейном (художник David Pentland). Эта дивизия вела оборонительные бои на южном фланге фронта и капитулировала только 6 ноября, израсходовав боеприпасы, и заслужила высочайший уровень уважения со стороны противника. Из 5 000 вступивших в бой в живых оставалось 306 человек. Об этом был снят фильм [The Battle of El Alamein](#) (1969)

Разумеется, были и проявления благородства. Лейтенант из итальянской воздушно-десантной дивизии Folgore так вспоминал о том, что произошло после сдачи его части в плен: «Британцы разделили нас в соответствии со званиями. Один британский солдат отобрал у меня мой кинжал, потом обшарил мой китель в поисках спрятанного оружия. Он нашел эмблему парашютиста, которую нам сказали снять с рукавов. «Folgore,» - сказал он и, очевидно, под впечатлением от этого, отдал мне мой кинжал... Я никогда этого не забуду. Этот жест британского солдата значил для меня больше, чем медаль.»

Отступление

Хельмут Оршидт

Мне пришлось выбираться [с нашей позиции] на двух грузовиках, чтобы подвезти снаряды. По пути на склад мой грузовик столкнулся с самоходкой, меняющей свою позицию. Задний мост был поврежден, пружины подвески оказались погнутыми. Я знал, где находится мастерская, и мы потихоньку тронулись туда, в то время как другой грузовик продолжил свой путь на склад боеприпасов. Мы отремонтировали грузовик и загрузились на складе снарядами, но их там оставалось совсем мало. Я попытался найти свою батарею, начал кружить по местности, но был остановлен каким-то офицером и получил приказ отступить. Он сказал, что нужно отходить, что линию обороны более невозможно удерживать и нужно двигаться к сборному пункту, расположенному неподалеку от Тобрука. Когда мы нашли этот пункт, он уже переместился в Бенгази. В первые дни отступление шло довольно быстро, поскольку британцы сидели у нас на пятках. Когда их линии снабжения растянулись, они потеряли темп и сильно сбавили скорость...

Хайнц Эрдманн

Примерно 30 октября нам пришлось свернуть палатки и переместиться глубже в тыл. Затем, 3 ноября, фронт рухнул, и мы начали отступление. Для нас это, определенно, было наихудшим сценарием: песок несло нам в глаза, нас атаковали с воздуха, не говоря уже об огне артиллерии и танков врага. По ночам приморское шоссе и широкие полосы местности слева и справа от него противник освещал ракетами... Дороги были забиты, всюду были пробки, царили страшный хаос, крики, ругань, люди бегали взад-вперед, машины горели, между ними тащили раненых, на ходу оказывали им помощь и тут же хоронили убитых. Это продолжалось много дней и ночей – всего дней десять. Потом, в районе прохода Халфайя/Halfaya и Соллума/Sollum, все стало приходить, в большей или меньшей степени, в норму (по крайней мере, для нас.) Я был и сейчас благодарен судьбе за то, что моя часть и я прошли через все это относительно благополучно.

8 ноября пришли известия о высадке американцев в северо-западной Африке. Роммель позднее писал: «Это означало конец армии, находившейся в Африке.»

9 ноября, когда прекратился дождь, колонны *Оси* атаковали самолеты союзников. Адъютант Роммеля, лейтенант, Хайнц Вернер Шмидт (Heinz Werner Schmidt), вспоминал: «По нам молотили весь вечер ... Это была мрачная ночь для Африканского Корпуса.»

Шмидт – третий слева. Северная Африка

Заключение

Воспоминания немецких и итальянских участников Эль-Аламейнского сражения помогают ощутить ожесточенность боев и степень разгрома войск *Оси*. Роммель потерпел поражение в сражении, о котором позднее высказался так: «Реки крови были пролиты на жалкую полосу земли, на которой не остановил бы свой взор бы даже самый бедный араб.» Однако, вспоминая об этих событиях, он не преминул негативно отозваться о тактическом мастерстве британского командования и дал понять, что это была *битва на истощение*, в которой превосходство британцев в численности и огневой мощи сыграло решающую роль:

Они, на самом деле, не предприняли никаких операций, а положились просто и однозначно на эффект, оказываемый их артиллерией и авиацией. Реагируя на происходящее, их командование было таким же медлительным, как и раньше...

Незадолго до этого остановленный британцами в [1-м сражении под Эль-Аламейном](#) Роммель, вспоминая о том эпизоде, также покривил душой. Тогда британцы в исключительно мобильных боях остановили войска прославленного тактика маневренной войны, но он позднее жаловался на то, что «фронт стал статичным, и британские командиры были в своей тарелке, поскольку ... позиционная война были их сильной стороной. Похоже, фельдмаршал так и не признал, того, что британцы к тому времени успели хорошо изучить тактические приемы мобильной войны в исполнении Роммеля и научились действовать в не менее эффективной манере, меняя фокус атаки и концентрируя свои силы на наиболее уязвимых участках обороны противника.

Что касается простых солдат, то их воспоминания об этом сражении далеки от аналитики. Посетивший поле битвы и Эль-Аламейнский мемориал через много лет после войны Дитрих Коль (Dietrich Kohl, на фото слева в плену) сказал: «Любой, кто сражался здесь и все еще жив сегодня мог быть похоронен на этом кладбище. У нас есть все основания каждый день благодарить Бога...»

ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОЕ СРАЖЕНИЕ ГЛАЗАМИ СОЮЗНИКОВ

23 октября – 4 ноября 1942 в Североафриканской пустыне развернулось ожесточенное [Эль-Аламейнское сражение](#) между 8-й Армией британцев, которой командовал [Бернард Монтгомери](#), и немецко-итальянскими войсками – Panzerarmee. Последние потерпели сокрушительное поражение. Об этом сражении написано множество книг и статей, в том числе, на русском языке, сняты фильмы. Посмотрим на это сражение глазами противников антигитлеровской коалиции – немцев и итальянцев.

Общая картина и хроника сражения

В ночь с 23-го на 24-е октября, после интенсивной артподготовки, 30-й Корпус британцев атаковал противника силами четырех дивизий по двум коридорам, расчищенным в минных полях. Эта атака осуществлялась в довольно узком секторе фронта протяженностью в 6-7 миль, северный фланг которого упирался в высоты Телль эль Эйса/Tell el Eisa, южный – в гряды Митейрия/Miteiriya. Помимо основной атаки 30-го Корпуса, бригада из состава 9-й Дивизии австралийцев осуществляла отвлекающую атаку между высотами Телль эль Эйса и морем. Эта атака, вместе с ложным десантом с моря, должна была иметь беспокоящий эффект в то время, как южнее 4-я Дивизия индийцев наносила сильный удар из района гряды Рувейсат/Ruweisat. Позднее, в 2 часа ночи 24 октября, передовые элементы 1-й и 10-й бронетанковых дивизий двинулись вперед со своих стартовых позиций.

Первоначальный прогресс в наступлении был существенным, но к утру 24-го танки все еще не смогли продвинуться за полосу минных полей противника. Ночью на участке гряды Митейрия развернулся ожесточенный бой, так как, придя в себя после первоначальной атаки, немецко-итальянские части сконцентрировали артиллерийский и минометный огонь на коридорах в минных полях, а 15-я Танковая Дивизия немцев осуществила контратаку. Части *Свободной Франции* атаковали высоты Химеймат/Himeimat, но вязкий песчаный грунт не дал возможности их силам огневой поддержки вовремя прийти на помощь, в результате чего немцы отбросили их в ходе контратаки. Другая атака 13-го Корпуса после первоначального успеха была остановлена противником между поясами мин. День 24 октября в этом секторе, таким образом, ушел у британцев на противопехотные бои. Они остались второстепенными по отношению к боям в основном секторе прорыва 30-го

Корпуса, где несмотря на небольшие затруднения главная цель была достигнута, поскольку 21-я Танковая Дивизия немцев так и осталась в южном секторе фронта.

Наступила неделя ожесточенных боев. К вечеру 24-го 1-я Танковая Дивизия британцев сумела немного продвинуться за пределы минных полей, но 10-я Танковая Дивизия не смогла этого добиться и попала в весьма затруднительное положение. Атака, которую она предприняла в 22:00 этого дня при поддержке корпусной артиллерии, не принесла ощутимого продвижения вперед.

Ближе к 2 часам ночи 25 октября стало очевидно, что ситуация в коридоре в районе гряды Митейрия, остается неудовлетворительной. В расчищенном проходе образовались значительные пробки, потери от артиллерийского и минометного огня противника были ощутимыми. На этом критически важном участке командир Новозеландской Дивизии генерал [Фрейберг](#) (Bernard Freyberg), как обычно находившийся в центре событий, лично руководил действиями своих людей из своего танка.

К 8 утра 25 октября в штаб Монтгомери пришло сообщение о том, что передовая танковая бригада 10-й Дивизии продвинулась за тыловую границу полосы минных полей на 2 000 ярдов и вступила в соприкосновение с 1-й Танковой Дивизией, продвигающейся севернее. В дополнение к этому Новозеландская Дивизия и 8-я Танковая Бригада прошли полосу основных минных полей и начали продвигаться на юго-запад в соответствии с планом. Они привлекли на себя несколько контратак со стороны 15-й Танковой Дивизии немцев, которые были отбиты с тяжелыми потерями для противника.

К полудню 25-го Монтгомери понял, что направленные на уничтожение пехоты противника атаки новозеландцев обходятся слишком дорогой ценой, и решил переместить ось наступления на север, приказав австралийцам уничтожить силы немцев, дислоцированные в образовавшемся выступе. 1-я Танковая Дивизия получила приказ пробивать себе путь на запад с целью поставить под угрозу пути снабжения противника и тылы противника в приморском выступе. Однако танкисты в ходе этой атаки достигли заметного прогресса только к ночи с 26-го на 27-е октября. Атака австралийцев развивалась успешно: они продвинулись вперед, нанеся тяжелые потери противнику. На этом участке имели место наиболее яростные и ожесточенные бои в ходе всего сражения в целом, которые внесли весомый вклад в окончательную победу.

26-го новозеландцы и южноафриканская 1-я Дивизия медленно продвигались вперед, и британское командование приняло решение провести перегруппировку. 30-му Корпусу была нужна пауза, и, хотя его части пробивались через основные минные поля, противник по-прежнему удерживал свои оборонительные линии. Перегруппировка высвободила резервы, необходимые на решающей стадии сражения. Новозеландцы были отведены от передовой на отдых, их место заняли перемещенные севернее 1-я Дивизия южноафриканцев и 4-я Дивизия индийцев.

27 октября в 12:00 Монтгомери созвал совещание, на котором разъяснил свой план перегруппировки войск и свои намерения по продолжению атак силами австралийцев. 13-й Корпус получил приказ полностью подготовить 7-ю Танковую Дивизию и другие части к переброске в северный сектор фронта, поскольку туда в ночь с 26 на 27 октября переместилась 21-я Танковая Дивизия немцев. Утром британцы сумели с помощью радиопеленгатора определить расположение штаба этой немецкой дивизии.

Большую часть дня две немецкие танковые дивизии атаковали позиции британцев, 1-я Танковая Дивизия, отбивая эти атаки, заявила об уничтожении 50 вражеских машин. В дополнении к этому Королевские ВВС отбомбились по врагу в моменты его подготовки к атакам, нанеся ему ощутимые потери. Далее Монтгомери решил, что 1-я Танковая Дивизия нуждается в отдыхе, и отвел ее в резерв. Ее сектор фронта перешел к обороне силами пехотных бригад, переброшенных сюда из состава 13-го Корпуса.

В ночь с 28-го на 29-е австралийцы вновь атаковали противника и вклинились в его позиции, почти достигнув дороги между участком Сиди Абд эль Рахман/Sidi Abd El Rahman

и высотами Телль эль Эйса. Хотя 29-го противник сделал все возможное, чтобы уничтожить этот клин, его атаки силами танков и пехоты потерпели неудачу.

29 октября британцы осуществляли подготовительные мероприятия к прорыву, который получил кодовое название *Суператака/Supercharge*. Командующий 8-й Армией намеревался осуществить эту атаку как можно дальше к северу, но некоторые из штабных офицеров чувствовали, что лучший результат может быть достигнут, если ось атаки пройдет южнее: чем дальше на север, тем больше было немцев, мин и [хорошо] подготовленных оборонительных позиций.

Выяснилось, что немецкая 90-я Легкопехотная Дивизия переместилась в северный сектор фронта, вне всякого сомнения, из-за успешных действий 9-й Дивизии австралийцев. Стало очевидно, что фронт войск *Оси* далее к югу ослаблен. Монтгомери быстро увидел, что текущая ситуация дает отличный шанс атаковать там, где противник слабее всего, - там, где большинство обороняющихся представлены итальянцами, или на стыке частей союзников по *Оси*, и незамедлительно изменил направление предстоящей атаки.

Австралийцы продолжили свои атаки в ночь с 30-го на 31-е, перерезали прибрежное шоссе, и в какой-то момент показалось, что основная часть сил немцев, расположенных в пределах выступа, будет отрезана и уничтожена. Однако последние сумели вырваться с помощью танковых подкреплений, но атаки австралийцев на севере очень помогли общему делу, потому что связали силы противника в прибрежной полосе и, кроме того, нанесли ему большие потери.

1 ноября британцам стало известно о том, что 21-я Танковая Дивизия немцев переместилась еще дальше на север, то есть, все было готово к тому, чтобы наступила последняя фаза сражения. После 24-часовой задержки (отдых и перегруппировка войск) утром 2-го ноября началась *Суператака*, поддержанная продвигавшимся вперед огневым валом. Около 300 25-фунтовок и корпусная артиллерия средних калибров приняли в этом участие. Цели этой атаки были достигнуты, но 9-я Танковая Бригада понесла тяжелые потери. Затем на помощь ей пришла 1-я Танковая Дивизия, и произошел танковый бой.

3 ноября стало очевидно, что войска *Оси* потерпели поражение, поскольку по сообщениям воздушной разведки началось их отступление. Однако 3 ноября британцы все еще не вырвались на открытое пространство, так как противник продолжал удерживать бреши в своей обороне с помощью противотанковой артиллерии. В ночь с 3-го на 4-е полный прорыв был осуществлен силами 51-й Дивизии и индийской 4-й Дивизии.

Вспоминают и рассказывают солдаты и офицеры 8-й Армии

Перед сражением Монтгомери постоянно проводил время в войсках, беседовал с солдатами и даже угощал их сигаретами, хотя сам не курил. Британцы вспоминали, что он рассматривал боевой дух солдат как важнейший фактор на войне. «Стоя на капоте грузовика или джипа, когда люди собирались вокруг, он сухо говорил: «Отступлений больше не будет.»» Он напирал на необходимость постоянного удержания инициативы и призывал «убивать немцев – даже капелланов, по одному в рабочие дни и по два в воскресенье.» В своем обращении к войскам перед сражением он написал: «Битва, которая вот-вот начнется, станет одной из решающей в истории... И пусть ни один человек не сдастся врагу, если он не ранен и может драться дальше. Давайте помолимся всемогущему Богу, чтобы он даровал нам победу.»

Монтгомери беседует с солдатами и офицерами

23 октября

Брайт (Bright), танкист

Помню, что я стоял на переднем сидении моего танка, когда услышал пушечный выстрел, и уже в следующую минуту меня просто подняло с сидения грохотом тысячи пушек, одновременно открывших огонь и начавших сражение.

А.Ф. Флэтоу (A.F. Flatow), майор, 45-й Танковый Полк, 10-я Танковая Дивизия

В 22.00 это началось с дьявольским грохотом! Все небо на западе осветилось красными, голубыми, зелеными и белыми сполохами. Даже далеко от всего этого, там, где были мы, земля немного тряслась ... С расстояния это звучало как сотни литавр. Это длилось несколько часов. Через час пришел приказ трогаться вперед, и мы пошли на этот шум!

Пехотинец Полка Сифортских Горцев/Seaforth Highlanders (51-я Дивизия)

Шум стоял невообразимый... Небо выло... Пехотинец словно муха в барабане... Грохот то усиливается, то ослабевает, он оглушает и отключает мозг.

Джоу Мейдли (Joseph Madeley) австралиец, 9-я Дивизия

Артподготовка началась без двадцати десять. Никто из нас до этого не видел ничего подобного. Даже представить себе было трудно, что кто-то из джерри (распространенная у британцев кличка немцев – ВК) уцелеет. Над головой летят снаряды, в небе осветительные ракеты – когда мы пошли в атаку сразу после 10, мы думали, что это будет просто прогулка. Но поразительным было то, что они уже вскоре пришли в себя. Мы тогда потеряли некоторых своих ребят. Мы шли настолько вплотную за огненным валом, что

потеряли их еще до того, как вышли на стартовую линию...

Хэролд Харпер (Harold Harper), сержант-майор

Blimey! Мама дорогая! Начинается тяжелая работа... Один паренек куда-то пропал: он спрятался за пулеметом в стрелковой ячейке. Ну, я вытащил его оттуда за шиворот... Пригрозил ему расстрелом, если он не будет готов к бою. Мне нужно действовать жестко, потому что, если кто-то будет делать так уже в бою, это становится

заразным. Я бы и пристрелил его, если бы понадобилось... Он снова встал за пулемет, но он никогда больше не был таким, как раньше.»

В первой линии атакующих шли волынщики.

Чарлз Миллер (Charles Miller), волынщик, Полк Арджиллцев и Сазерлендских Горцев/Argyll and Sutherland Highlanders (51-я Дивизия)

У нас был приказ идти вперед и не обращать внимания на раненых. Их составляли тем, кто шел сзади. Нужно было не показывать своим товарищам, что ты испуган... Волынщики имели большое значение для шотландского полка. Нам нужно было настроить ребят нужным образом. Среди волынщиков были немалые потери...

Джоу Мейдли

Слева от нас были Горцы из 51-го Полка (Highlanders), и я помню, как они шли вперед при свете дня, при этом играли их волынщики. Люди падали, но они шли вперед. Ничего подобного я никогда не видел: настоящие храбрецы. Когда слышишь волынки, хочется встать и идти за ними.

Пехоту сопровождали инженеры. Вспоминает австралийский сапер:

Приходилось сметать песок то там, то здесь. Они были близко друг к другу (thick as thieves), эти мины, а между ними еще натянута проволока... Если ты наступал на детонатор мины Schu, было два взрыва. Первый подбрасывал мину в воздух, а второй разносил ее на уровне пояса, разбрасывая горизонтально сотни подшипниковых шариков. Я сочувствовал пехотинцам: им приходилось идти по минному полю и занимать оборонительные позиции, чтобы держать джерри на расстоянии, пока наши парни делали свое дело.

Один из новозеландцев написал после боев домой о том, что перед атакой в его взводе было 25 человек, к моменту первого приказа остановиться их осталось 12.

Джордж Гринфилд (George Greenfield), 132-я Бригада, 44-я Дивизия

Начало сражения, южный сектор

Помню врача – коренастого канадца русского происхождения по фамилии Шрагович (Israel Shragovitch, ?-1982), который крикнул мне, чтобы я помог ему. Осколок мины угодил одному парню в бедро и почти отсек ему ногу: она болталась на клочьях плоти. Доктор сказал мне крепко держать эту ногу, пока он ампутировал ее, чтобы потом наложить повязку. Когда эта операция закончилась, в результате чего жизнь человека была спасена, я остался сидеть на корточках, тупо держа эту ногу на своих коленках – на ней все еще был гольф...

Свободные Французы смело пошли в атаку на песчаный холм Химеймат/Himeimat, некоторые из них добрались до его вершины, но были сбиты оттуда быстрой вражеской контратакой...

В северном секторе

Ллойд Кросс, капитан, командир роты, 2-я Новозеландская Дивизия

Сначала мы были полностью оглушены грохотом артиллерии. Каждое орудие 8-й Армии открыло огонь... Новозеландская дивизия оказалась единственной из всех, достигшей своей цели в первую же ночь. Оззи (австралийцы - ВК) сделали потрясающий рывок вперед в следующую ночь, добравшись до своей цели, за ними последовали Горцы, потом южноафриканцы. До окончания артподготовки мы проходили 100 ярдов каждые 6 минут. Таким образом, 21-й Батальон прошел первые 100 ярдов, затем 22-й и 23-й прошли через их позиции и продолжили марш на гряды Митейрия. Парни из 23-го не рассчитывали

выполнить свою задачу так быстро, но им это удалось. Они миновали нас, затем пару раз попали в зону огневого вала и понесли потери. В резерве был 28-й Батальон Маори, который тоже пошел в атаку. Наибольшее впечатление у меня оставил артобстрел. Орать приходилось так, что голова слетала с плеч. Испарялась роса, и вместе с дымом разрывающихся снарядов это создало смог. Трупный запах был повсюду...

... Ночью, на марше, мы были заняты тем, что пристально всматривались в темноту. Ждали пулеметных очередей, надеялись, что под ногами не окажется мины-лягушки. Наступишь на такую, она взорвется в трех футах над землей. Ее корпус был набит металлическими шариками – если ты находишься в радиусе 15 ярдов, тебя точно зацепит.

24 октября

Джоу Мейдли

Там были минные поля на многие мили, и о них никто толком ничего не знал. Когда началось сражение, многое расчистили, но потом наткнулись еще на одно с миллю в ширину, и они [танки] не могли через него пробиться. Нам пришлось продолжить продвижение вперед, потому что мы шли за огневым валом, и было необходимо держаться за ним вплотную, чтобы не дать джерри высунуть головы и снова вступить в бой.

Думаю, я прожил три жизни за 24 часа. В первую ночь мы были без танковой поддержки, потому что танки не могли пройти через минные поля. Так что мы стали наступать с винтовками и примкнутыми штыками. К тому времени они [немцы] уже вели по нам ответный огонь. Повсюду были огневые трассы, было видно, как летят снаряды. Они освещали местность, и было видно, как они летят над пустыней. Ты думаешь о том, какой из них снесет тебе голову. Думаешь о каждом: «Ну вот, это мой.» Но когда продвигаешься вперед, ты должен спрятать эту мысль на задворках мозга, даже когда рядом с тобой зацепило твоего приятеля...

Гряда Митейрия

Перед переходом в наступление настроение у британских танкистов было тревожное. Многие из них помнили жестокие бои 1941-1942 годов, сопровождающиеся тяжелейшими потерями. Вспоминает один из них:

Большинство из нас промерзли до костей и не чувствовали особенного прилива храбрости. Первое возбуждение сменилось пониманием того, что через несколько часов мы снова сцепимся с вражеской бронетехникой и что снова начнется побоище.

Фрэнсис Де Гуингэн (Francis Wilfred de Guingand, 1900-1979, бригадир, начальник разведотдела 8-й Армии): «Гряда Митейрия была довольно неприятным местом, там имели место самые ожесточенные бои.» Один из танкистов был более категоричен, описывая приближение танков к немецким позициям:

Неожиданно разверзся ад. В нашу стороны понеслись трассы всех видов огня и со всех сторон. Экипажи, ждавшие сзади в забитых техникой проходах через минные поля, видели, как трассы бронебойных снарядов устремились в направлении танков Эскадрона А, увидели взрывающиеся боевые машины, столбы пламени, охватывающие их и окрашивающие в тусклый вишнево-красный цвет раскаленные башни танков...

Капеллан, служивший в Королевском Восточно-Кентском Полку/Royal East Kent Regiment вспоминал свои ощущения:

Ужасающий грохот стреляющих пушек и разрывающихся снарядов, мрачные виды с покалеченными людьми и скрюченными трупами, тошнотворный запах серы и гниющей человеческой плоти, психологическое напряжение от бессонницы и ответственности, страх перед тем, что с тобой случится срыв на глазах у людей...

Вернон Скэннелл (Vernon Scannell), капрал, Полк Арджиллцев и Сазерлендских Горцев (51-я Дивизия)

Голоса тех, кто был тяжело ранен... Они несли страх и боль. Я помню, как один сержант, который казался мне почти отцом... был тяжело ранен, и слышать его голос, слышать, как он рыдал и звал свою мать, казалось мне унижительным, уничтожающим и ужасным.

Фрэнк Девэни (Frank Devaney), рядовой

Люди в бою меняются. Они звереют. Человек упал – все, с ним кончено. Ты убиваешь – тебе так положено. Все это давит, это ты или он, и это все. Ты только что застрелил или проткнул штыком человека напротив тебя. Этот человек не дает тебе выполнить задачу. Ты разрешил ему выжить, а кто-то в стороне от него собрался отнять у тебя жизнь. Другими словами, ты не мог дать кому-то выжить. Ты должен был убивать. И потом, было темно. Он не просто парень, встающий в полный рост, выпрыгивая из окопа с криком Kamerad! (так обычно кричали немцы, сдаваясь – ВК) или что-то еще. Ты не можешь остановиться, чтобы подумать, потому что чем быстрее ты избавишься от него, тем лучше. У него мог быть и револьвер в руке, или что-то еще, – темно ведь. Ты просто видишь фигуру человека. Для тебя силуэт – это враг, которого нужно уничтожить. Там нет места раздумьям...

После первой атаки

25 октября

На севере австралийцы и Горцы продолжали атаковать позиции Оси, нередко вступая в штыковой и даже рукопашный бой. Капитан Горцев Хью Сэмвелл (Hugh Samwell, погиб в Бельгии 13.01.1945) захватил оборонительную позицию итальянцев, при этом было взято несколько пленных, и здесь сказанное Фрэнком Девэни нашло подтверждение. Сэмвелл стоял на месте недавнего боя, когда до него донесся крик: «Берегись!» Прямо у него под ногами что-то разорвалось, и капитан, каким-то чудом избежавший ранений, огляделся и увидел своего сержанта, который лежал на спине и стонал: его нога была изуродована. Оказалось, что один из итальянцев, только что выбравшийся из окопа и сдавшийся в плен, бросил в Сэмвелла и его людей гранату. О случившемся после этого рассказывает сам британский офицер:

Совершенно неподконтрольный [разуму] гнев нахлынул на меня. Я обругал итальянца, которые теперь сжался в углу окопа, потом выстрелил в упор – раз, второй, третий, после чего раздался щелчок! Я забыл перезарядить оружие. Отшвырнул подальше свой пистолет и схватил винтовку – думаю, винтовку сержанта, - и спрыгнул вниз. Полагаю, еще двое солдат противника лежали на земле, на дне квадратной траншеи. Я заколол их штыком, а потом выбрался наверх...

На поле боя часто царила неразбериха, британские части нередко блуждали в лабиринтах минных полей, и дружественный огонь не был редкостью.

Ллойд Кросс

У немцев оборона всегда была в несколько эшелонов. Ты никогда не знал, где у них передовая. У них мог быть укрепленная точка, затем еще одна, потом еще одна. Ты можешь зачистить передовую линию и понадеяться на то, что дело сделано, но нет – дальше будут еще оборонительные полосы. Было у немцев слабое место: их пулеметы выпускали 1 трассирующий патрон из 10, и это давало возможность точно определить, где находится огневая точка. Исходя из этого, мы заводили половину отделения им за

спину и отстреливали пулеметчиков. У немцев в этом плане ничего не изменилось вплоть до конца войны.

Джон Лонгстафф (John Longstaff), сержант

Я думал, в тот вечер мы ляжем все (we'd have our chips). Я думаю, это был единственный для меня момент, когда я действительно чувствовал, что меня убьют... Думаю, это был настоящий провал (balls-up). Они (командование – ВК) решили, что Королевская артиллерия и орудия поддержки осуществят огневой налет на нашем левом и правом флангах ... но мы пошли в атаку в полной тишине. Идем, и тут случилась еще одна мерзопакостная неприятность. Был дан приказ одному из наших взводов атаковать пулеметное гнездо. Они атаковали его, но это оказался наш пулемет! Половина моего долбаного взвода была убита в одном долбаном бою моими же товарищами...

Джоу Мейдли

Иногда нам приходилось атаковать в том направлении, откуда мы пришли, или так казалось... Нас остановила пулеметная точка немцев. Парни, которые были перед нами, и старина Том Данкен (Thom Duncan), который стал капралом в один день со мной, вели огонь, и у него стали подходить к концу патроны. Джеки Лоу (Jacky Lowe) тащил боеприпасы, и я сказал ему: «Джеки, беги к Томми, у него патроны кончаются.» Он поднялся, и тут его прошило. Бедный парень лежал и рыдая, звал маму, когда я подобрался к нему, чтобы вынести его... Я заорал, чтобы подошли санитары с носилками, потому что не имел права останавливаться. Тут наш лейтенант поднялся, чтобы отдать приказ, но в него попали, и он свалился. После этого зацепило командира роты, и он начал кататься по земле – парни падали там и тут, везде...

Слева – британцы залегли в ходе продвижения вперед, впереди левее – горящие немецкие машины. В африканской пустыне солдаты обычно не окапывались, а обкладывали себя камнями. Справа - немцы сдаются в плен австралийцам

Все это было за пределами того, что можно было себе представить. Потом появился вестовой и сказал: «Быстренько, мы отходим назад на позицию, которую занимали ярдах в двухстах отсюда, там мы перегруппируемся.» Мы ... снова пошли вперед, и тут увидели джерри, которые бежали нам навстречу с поднятыми руками. Помню, много их было, пытавшихся спасти свои жизни. Кит Боулз (Keith Bowls) был рядом со мной, и он сказал: «Вот как должно быть. Вот как нужно воевать – гляди-ка на них: бегут, долбаные черти.»

Потом они контратаковали еще раз, но все кончилось для нас хорошо: уже подошли наши танки. Потом один из них наскочил на мину и загорелся... Наши силуэты стали хорошо видны. Танк повернул назад и въехал в нашу линию, такое случается. Не знаешь, какого черта они это сделали и для чего! Джерри стреляли по нам, всюду были видны

трассы очередей. Мы лежали на земле, и они выбивали нас одного за другим. Я уже думал, что буду следующим, но пытался отстреливаться.

26-27 октября

Майор Флэтоу

Воспоминания майора Флэтоу дают возможность понять, что первая неделя наступления была не слишком успешной для 8-й Армии. Уже на второй день боев многие танкисты «валились с ног от усталости.» Флэтоу и другим танкистам приказали принять по полторы таблетки *амфетамина*, и они почувствовали себя «превосходно, готовыми к бою и ко всему остальному.» Однако уже после второй и третьей дозы у людей начинались галлюцинации. Флэтоу: «Я постоянно видел то, чего не существовало.» Это превращалось в [навязчивые] образы, которые он не хотел видеть. «Никогда не забуду эту картину с [солдатом] *Горцем*, лежавшем на спине с ногами, оторванными по колено.» Его мучили воспоминания о том, как погиб его товарищ Норман Раунс (Norman Rounce). Он выбрался с другим танкистом из пылающей машины, сильно обгорел и умер в госпитале... Бензедрин вызывал головокружения и замедлял реакцию. Флэтоу вспоминал, что Эллан Даггин (Allan Duggin), продвигаясь вперед на своем танке, «потратил 10 минут на то, чтобы разбудить человека, лежавшего на его пути, прежде чем он понял, что тот мертв.»

Флэтоу заметил, что танкисты 45-го Полка через три дня боев были уже сильно измотаны.

Иногда я прохаживался и стал натекать на командиров экипажей, которые засыпали, стоя в башнях танков... Боже, до чего они были утомлены. Подполковник Паркс (Parkes) из 47-го Полка, с которым я поговорил, казался обеспокоенным и сильно взволнованным, и в то утро у него случился [нервный] срыв. Его отвезли на перевязочный пункт, где он был убит разрывом авиабомбы, попавшей в окоп... Обыватель не имеет понятия о том, насколько изматывающей может быть жизнь танкиста., особенно для командира, который постоянно стоит или все время выпрыгивает и запрыгивает обратно. Под конец сражения можно было видеть, как болтает командира танка, когда он пытается забраться на танк и ему помогают залезть в башню, определенно, это происходило со мной...

Первым в его батальоне был убит капрал Блэквелл (Blackwell). Он встал в полный рост, вскипятил котелок воды для чая возле своего танка, и был убит болванкой, срикошетившей под непредсказуемым углом от земли и оторвавшей ему ногу.

Нас это немного встряхнуло, потому что мы стали как-то презрительно относиться к этим артобстрелам и к тому моменту сталкивались лишь с небольшими потерями от них.

28-29 октября

В ожесточенных боях с контратакующим противником боевой дух британских танкистов пошатнулся.

Майор Флэтоу

Случилось так, что у нас у всех стиснуло кишки и пересохло во рту. Несколько Шерманов появились в поле зрения из-за гряды напротив нас, некоторые сдавали назад, некоторые повернули в нашу сторону, некоторые горели – это были танки из 41-го и 47-го батальонов, и они отступали. Некоторые остались с нами, другие прошли через наш строй и исчезли...

Сгоревший Шерман. Эль Аламейн

Этот отход был вызван точным огнем немецких [88-миллиметровок](#). Один из танкистов сказал другому по радио, что услышали все: «Я не знаю, за что мы тут бьемся.» «Эфир был наполнен руганью, и, поверьте мне, это крайне плохо влияло на боевой настрой,» – вспоминал Флэтоу. Он выключил радио, чтобы его собственные товарищи по экипажу не слышали этого. – «У них и так нервы были расшатаны.» Все ждали атаки немецких танков. «Я, правда, чувствовал, что настает конец. Это было какое-то особенное чувство, и я не хочу пережить его снова.»

Ночь с 27 на 28 октября

Товарищи Флэтоу по экипажу были настолько измотаны, что уснули на земле и с большим трудом пробудились. Сам он не мог уснуть из-за ранее принятого *бензедрина*. «лунный свет, пустыня, гряды – все вокруг крутилось и вертелось, - вспоминал Флэтоу. – Я не имел никакого представления, где я и в каком направлении двигаться дальше.»

Положение выглядело для танкистов удручающим, и они были разочарованы действиями командования. «К этому моменту генералы не проявили себя с лучшей стороны: танковые полки бросали в атаку без рекогносцировки на позиции хорошо закрепившегося, вооруженного противотанковыми средствами противника, - вспоминал Флэтоу, - и, похоже, все это должно было случиться снова.» 28-го от двух танковых полков мало что осталось.»

В то же время в первых танковых боях сражения у британских танкистов появилось чувство уверенности в своей технике и в своих силах.

Энтони Уингфилд (Anthony Wingfield, 1908-1996), майор, 10-й Полк Королевских Гусар, 1-я Танковая Дивизия

Несколько немецких танков появились напротив нас и остановились на расстоянии около 3 000 ярдов. Я заметил, по меньшей мере, одну из модернизированных машин Pz.IV с длинной 75-мм пушкой среди них. В этот момент ... наши новые Шерманы продемонстрировали, на что они способны. Когда немецкие танки двинулись вперед, эскадроны А и С начали поражать их, и несколько немецких машин загорелись. Это и правда подняло наш боевой дух, и я почувствовал, что немцы были

удивлены, поскольку повернули на север..., оставив несколько уничтоженных машин позади.

26-28 октября - на гряде Кидни/Kidney Ridge – пункт обороны *Snipe*

Наиболее ожесточенные бои развернулись вокруг позиции, которую британцы называли *Snipe* (1.5 мили к юго-западу от гряды Кидни). Здесь танкисты *Оси* сконцентрировали свои контратаки. Оборонял позицию 2-й Батальон Стрелковой Бригады, пехотного подразделения 1-й Танковой Дивизии. Он был оснащен 33 легкими бронетранспортерами (*Bren carriers*), включал в себя пулеметные и минометный взвод. В него входила рота противотанковой артиллерии с 16 шестифунтовыми пушками и всего 90 пехотинцев...

Майор Том Бёрд (Tom Bird), командир роты противотанковой артиллерии Стрелковой Бригады/Rifle Brigade

27 октября

... Весь день мы были под огнем со нашей стороны. Мы были в 2 000 ярдов впереди всех, там, где, как наши предполагали, не может быть своих. В дополнение к этому, ночью наши танки пытались пройти через наши позиции, но были подбиты. Ведя наблюдение сквозь дымку с большого расстояния, артиллеристы могли разглядеть разве что джипы и несколько вражеских танков, так что они решили, что тут находится противник. Был момент, когда мы оказались под и правда очень сильным огнем со стороны наших, и наш офицер разведки Джекки Винтур (*Jackie Wintour*) запрыгнул в свой джип и помчался прямо к ним. Он подъехал, заставил передовые танки прекратить огонь, но остальные так и продолжали пальбу...

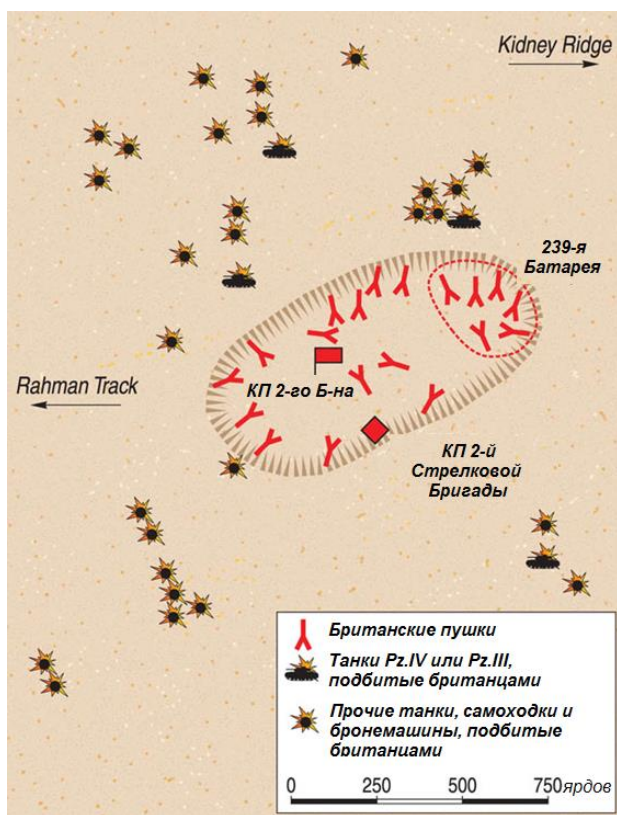

Схема позиции *Snipe*. Перед первой атакой танков *Оси* полковник, командир батальона Вик Тёрнер (*Victor Turner*) сказал своим людям, что это будет бой «до последнего снаряда и до последнего человека». Командир 239-й Батареи лейтенант Элан Бэр (*Alan*

Баер) от своих командиров услышал следующее: «Вполне вероятно, что вас ждет или смерть, или слава.»

Наиболее запомнившийся момент, – это когда нас атаковали девять итальянских танков, но только одна из пушек могла вести огонь (танки были только в ее секторе огня – ВК). В ее расчете были полковник Вик Тёрнер, командир взвода Джек Томс (Jack Toms) и сержант Чарлз Каллистэн (Charles Callistan). Они подбили шесть танков, но потом у них кончились снаряды. Джек Томс запрыгнул в джип и поехал к другим расчетам. Танки, которые все еще продолжали атаковать, стреляли, да и все остальные тоже палили по нам, так что он вел джип сквозь сильный огонь. Потом он загрузил боеприпасы с позиции одной из пушек и поехал назад, но по пути в его джип был подбит и загорелся. Однако он сумел добраться до нужной пушки, вместе с полковником и капралом Фрэнсисом (Francis) они разгрузили боеприпасы, - при этом джип мог взлететь на воздух в любой момент. После этого Каллистэн подбил остальные танки, а Вика Тёрнера был ранен в голову в этом бою.

Чарлз Каллистэн изложил немного другую версию событий...

Я произвел выстрел со 150 ярдов. С такого расстояния не промахнешься. Все наши пушки, казалось, вели стрельбу одновременно. Танк, по которому выстрелил я, охватило пламя, но он проехал еще 50 ярдов, прежде чем остановился. Неожиданно ночную тьму осветили горящие танки.

Том Бёрд (посередине с повязкой на голове) и его боевые товарищи после боя. Эль-Аламейн

Том Бёрд

Меня ранило в затылок, но голова осталась ясной... Я и Вика Тёрнера были в той или иной степени выведены из строя. Тем временем два немецких танка приблизились примерно на 100 ярдов. По ним могла вести огонь только одна пушка, но расчет засел в окопе немного в стороне и не мог добраться до нее, потому что стоило им шелохнуться, как по ним выпускали длинную пулеметную очередь. Взводный сержант Суонн (Swann) сумел подползти к пушке по мертвой полосе. Танки были так близко, что один [после попадания в него] просто взорвался. Помню, как все закричали от радости...

В этом бою было подбито 16 танков противника. Когда танкисты, выбравшиеся из горящих машин, пытались бежать, они были скошены огнем Виккерсов... Позиции британцев были

под сильным огнем артиллерии и танков *Оси*. Вспоминает стрелок Кримп (Crimp): *«Снаряды падали с воем в непрерывной последовательности, здесь и там раздавались взрывы. Несколько раз мою каску прихлопывало к голове ударной волной от ближайшего из них. Один раз мои легкие просто забило потоком песка... Все лежали, не шелохнувшись. Ты ничего сделать не можешь – что будет, то будет. Если снаряд упадет в окоп, что ж, никто об этом не узнает...»*

В ходе последующих контратак противника британские артиллеристы нанесли танкистам *Оси* тяжелейшие потери, но в конце для 28-го оставили свои позиции, забрав с собой последнюю целую 6-тифунтовку. После этого барьером на пути немецко-итальянской бронетехники стал огонь полевой артиллерии. За мужество и умелое командование в обороне пункта *Snipe* полковник Тёрнер был награжден *Крестом Виктории/Victoria Cross*, к высшей награде был представлен и Чарлз Каллистен, но получил *Медаль за Отличие в Службе/Distinguished Service Medal*. Он погибнет в Италии 30 июля 1944 года. Майор Бёрд был награжден *Орденом за Отличие в Службе/Distinguished Service Order*.

29-30 октября

Джоу Мейдли

В последние дни октября австралийцы прорвались к приморскому шоссе, создав угрозу для всей немецко-итальянской группировки. Им удалось отбить несколько ожесточенных контратак под сильным артогнем, но 1 ноября противник закрыл брешь в своих позициях...

Мы атаковали противника 29-го или 30-го и взяли его позиции сравнительно легко, хотя потеряли двоих или троих парней. Мы остановились там, откуда джерри отступили, и, само собой, они знали, где эти позиции находились. Поэтому они засыпали нас артиллерийскими снарядами, плюс к тому там была куча мин-ловушек. Там у нас было много пострадавших.

Благодаря австралийцам командование противника осталось уверенным в том, что дальнейшие атаки британцев следует ожидать именно на севере, что решило судьбу сражения.

Операция *Supercharge*

В 01.05 2 ноября, под прикрытием огня 360 орудий, британцы возобновили атаки. Первоначально в наступление пошли две пехотные бригады вслед за огненным валом.

На южном фланге после недельного ожидания в атаку пошла 132-я Бригада и *Свободные Французы*.

Джордж Гринфилд

Французы на целом эскадроне [легких] бронетранспортеров пошли вперед по краю минного поля шеренгой с интервалом между машинами около 10 ярдов. [Казалось], можно было не беспокоиться, поскольку пространство было разминировано. Их командир дунул в свисток, и вся группа въехала на минное поле. Раздались взрывы, и бронетранспортеры один за другим взлетели на воздух: некоторые пройдя несколько ярдов, некоторые проехав до 50 и больше... Это было восхитительно и бесполезно – подходящая эпитафия славной битве...

Рой Кук (Roy Cooke), 5-й Батальон Полка Сифортских Горцев (51-я Дивизия)

Насколько было видно глазу, слева и справа от нас, люди продвигались вперед с винтовками в положении на руку, штыки при этом поблескивали под бледным светом луны. Мы шли, и, безо всякого сомнения, ощущали гордость и были в возбужденном

состоянии. Мы не осознавали опасность и не думали о ней, мы просто делали свою работу и были далеки от мысли о том, что тебя могут ранить или убить... Впереди нас были видны красноватые разрывы, и пули, трассирующие и обычные, летели в нашу сторону. Я помню, что видел, как люди падали на землю, но приказ был идти вперед и не останавливаться, чтобы побеспокоиться о раненых или умирающих...

Уильям Уотсон (William Watson), полковник, командир 6-го Батальона Полка Дерхемской Легкой Пехоты/Durham Light Infantry (50-я Дивизия)

25-фунтовые снаряды, проносясь над твоей головой..., издают звук, похожий на удар кнута. Сначала наши нервы были в напряжении, но потом все стало похоже на песню. Снаряды неслись где-то сверху и разрывались впереди нас...

Британцы шли вперед сквозь ядовитый дым, и навстречу им стали выходить люди с поднятыми вверх руками.

Я раскопал в памяти свои школьные знания немецкого, говоря им, куда идти. Итальянцы были испуганы и продолжали орать *Madre!/Мама!*. Ночь была очень холодная, на нас были только наши KD (*Khaki Drill*) рубахи и шорты, однако мы все сильно вспотели...

Однако далеко не все немцы и итальянцы собирались бежать в тыл или сдаваться в плен, и советы рядового Фрэнка Девэни вновь обретали смысл...

В нашем стремлении пробиваться дальше мы, должно быть, проходили мимо притаившихся вражеских солдат, и кто-то из таких убил моего полкового сержант-майора и санитаря, который пытался помочь ему, а также сержанта Фэйрли (*Fairlie*), который играл в батальонной крикетной команде, и юного 2-го лейтенанта Виккерса (*Vickers*), который лишь недавно присоединился к нам. Это были тяжелые удары для нас.

К рассвету британцы вышли к передовой войск Оси. Британской пехоте предстояло закрепиться на плацдарме, с которого планировалось продолжить атаку силами 9-й Танковой Бригады с дальнейшим прорывом линии обороны врага. Однако наличие большого количества глыб на песчаной поверхности затруднило продвижение танков. Пока пехотинцы отчаянно пытались окопаться, артиллерия Оси открыла по ним интенсивный огонь. Один из младших офицеров вспоминал: «Следующие пять часов моя группа просто лежала, прижавшись к земле, пока на нас падали снаряды. Их пушки были отлично пристреляны. Все это время мы старались зарыться в землю. Это была наихудшая ситуация из всех, в которых нам пришлось побывать. Снаряды падали непрерывно ярдах в двенадцати от нас, а некоторые не дальше чем в четырех футах.»

Однако пехота удержалась на плацдарме...

Командовавший силами британцев в этом секторе новозеландский [генерал Фрейберг](#) (*Bernard Freyberg*, в преддверии танковой атаки, сказал: «Мы все знаем, что для бронетехники атака на стену из артиллерии звучит как новая [Балаклава](#), - это, однозначно, работа для пехоты. Но у нас больше нет пехоты в резерве, это должны сделать танки.» Командир бригады Джон Карри (*John Currie*) предупредил, что, вероятно, будет потеряно 50% танков, а на тот момент у него было 133 боевые машины. Монтгомери ответил: «Это должно быть сделано. Если нужно, я готов смириться с потерей 100% в людях и танках.»

Стоддарт (C. B. Stoddart), капитан 9-й Бригады

Я дал каждому из своих по глотку виски, и мы тронулись. Сначала очень медленно, в полусумерках. Ничего не происходило первые несколько минут, а потом разверзся ад ... Я был первым из всего полка, чью машину зацепило ...

Один из танкистов эскадрона *Крусейдеров/Crusader* рассказывал: «Здоровенные красные шары вылетали, казалось, прямо из песка и летели навстречу танкам. Некоторые летели мимо целей и прыгали по песку. Другие ударялись с тошнотворным лязгом о *Крусейдеры*, и их глухие разрывы вливались в какофонию, наполнявшую воздух.»

Вскоре в бой с британцами в дополнение к артиллерии вступили немецкие танкисты. Последовавшие события описывает рядовой Ноулз (Knowls): «*Шерманы* медленно выбивали, один за другим, и это было страшное зрелище. Если в танк попадал снаряд, его охватывало пламя. Я не видел, чтобы кому-то удавалось выбраться. Некоторые снаряды ricochetили от брони, и можно было разглядеть, как снаряд вертится в воздух, издавая какой-то особенный звук... Я не мог ничего сделать – просто сидел и смотрел.» Капитан Иэн Инглиш (Ian English), командир роты *Дерхемцев*, был вне себя: «Это было шокирующим зрелищем... перед немцами были превосходные цели. На расстоянии в пределах двух или трех сотен ярдов от моей роты было подбито около 20 танков, и, кажется, мало кому из людей удалось выбраться...»

Один из старших офицеров 9-й Бригады вспоминал: «Насколько мог видеть глаз раскинулись следы произошедшего – танк за танком, сгоревший или разбитый, поднимающийся от них дым, смешивающийся с холодным туманом, пунцовые лучи, поднимающиеся над горизонтом на востоке и придающие всем предметам кровавый оттенок. Местами Карри мог разглядеть танки, несмотря ни на что ведущие огонь по расположенным где-то вдали танкам и артиллерийским позициям Африканского Корпуса. Он был рассержен, ему было горько.»

Лен Фрэнклин, танкист 9-й Танковой Бригады

Мы вступили в бой против вкопанных в грунт танков и противотанковых пушек, среди которых были те самые мерзкие 88-миллиметровки. Каждый танк теперь сражался в одиночку, и я был слишком занят, чтобы что-то замечать. Башня наполнялась едким дымом после каждого выброса гильзы, и нужно было заталкивать в затвор новый снаряд. Первый вражеский снаряд, попавший в нас, сбил гусеницу, и из-за того, что мы лишились мобильности, наши шансы на выживание приблизились к нулю. Мы продолжали стрелять, зная, что наступит момент, когда мы поймем один из этого потока летящих кусков металла. Когда это случилось, слава богу, нам попали куда-то в кормовую часть. Через внутреннюю связь донесся голос механика-водителя, сообщившего, что мы горим. Не думаю, что я слышал приказ покинуть машину. Я пробился вверх, протискиваясь между ногами командира, и был уже на земле, когда он все еще пытался содрать с себя наушники! Когда я оглянулся, ну и зрелище я увидел. Там, должно быть, было более сотни танков на разной стадии горения, тогда как другие, оставшиеся невредимыми, все еще вели бой или эвакуировали раненых с поля боя. Наш водитель и второй водитель выбрались через запасной люк в днище корпуса, но, к сожалению, второго водителя залило высокооктановым бензином, и он ничего не видел. Не считая этого, весь экипаж был цел и невредим, но мы не знали толком, куда сваливать, чтобы оказаться в безопасности.

За час с небольшим 9-я Бригада потеряла 75 танков из 95, брошенных в атаку, из 400 членов экипажей 230 были убиты. Однако бригада нанесла бронетехнике *Оси* в этом секторе тяжелые потери. Последовавшие за этим атаки 2-й и 8-й танковых бригад также не принесли существенного продвижения вперед, но, когда в 11.00 остатки 15-й и 21-й танковых дивизий немцев и итальянской *Littorio* пошли в контратаку, их встретила стена противотанкового огня и дождь авиабомб, что привело к потере около 100 машин. Так временный тактический успех *Оси* сошел на нет.

Ожесточенные бомбардировки позиций немецко-итальянских войск наносили им такие потери, что Монтгомери даже высказался в том смысле, что «Они [ВВС] выигрывают сражение за меня.» От воздействия артиллерии, танков и авиации британцев Роммель потерял к концу дня 2 ноября 117 танков, включая 77 немецких. В *Африканском Корпусе* оставалось всего 35 боевых машин...

4 ноября попытка генерала фон Тома, командующего *Африканским Корпусом*, создать заслон из последних боеготовых машин и остатков боеспособной пехоты из состава немецкой 90-й Легкопехотной Дивизии и итальянских дивизий *Littorio* и *Trieste* провалилась:

измотанным и разбитым частям *Оси* противостояло не менее 200 британских танков. В этот день попал в плен сам фон Тома.

Момент сдачи в плен генерала фон Тома. Художник Дэвид Шеперд (David Shepherd)

Когда немецко-итальянские войска были, фактически, полностью разгромлены, генерал Байерляйн, штабной офицер Роммеля, запрыгнул в свою машину и поспешил к передовой, где нашел фон Тома стоявшим рядом с одним из горящих танков. Он попытался подъехать поближе, но попал под пулеметный огонь и приказал водителю срочно поворачивать назад. Примерно в этот момент к месту событий приблизился на своей разведывательной машине Грант Сингер (Grant Singer), капитан 10-го Полка Королевских Гусар/10th Royal Hussars, пленивший генерала. Он успел рассказать, что увидел «заметного парня, который был сам по себе и появился из облака пыли. Он был в полевой форме и с военным снаряжением и не выглядел, как британский офицер верхнего эшелона.» Фон Тома отдал Сингеру свой пистолет, и оба офицера пожали друг другу руки... К сожалению, Сингер и его водитель погибли в тот же день, 4 ноября 1942 года, после прямого попадания 88-мм снаряда в их машину...

Слева – капитан Ричард Кин (Richard Keane, умер в 2011 году в возрасте 101 года), танк которого подбил боевую машину фон Тома. Справа - капитан Сингер (в фуражке) и его водитель Хайатт (Hyatt) сразу после того, как они доставили генерала фон Тома в штаб 2-й Танковой Бригады.

5 ноября

Уэгнелл (Wagnell), капрал, Служебный Корпус

Мы проезжали мимо разбитых машин и танков... Во многих местах убитые еще не были захоронены..., и однажды нам пришлось резко вильнуть, чтобы объехать пару трупов на дороге.

Уэгнелл и его товарищи наткнулись на большой склад немецкого снаряжения.

Люди всех званий собрались тут, чтобы найти что-то для себя. В немецком лагере, на пляже, было множество палаток, и там было видно, как поспешно противник оставил это место. Стояли накрытые столы, одежда и снаряжение было разбросано в великом беспорядке. Там были бутылки с вином и спиртным, бинокли и туалетные принадлежности. Мы видели и брошенный итальянский лагерь с большим количеством одежды и целыми бочками вина ... Некоторые из наших тут же надели новые башмаки, многие утащили с собой новенькие рубашки, белье и пр.

Пленные

2 ноября

Питер Льюис (Peter Lewis), капитан

Много воронок, множество убитых немцев и итальянцев. Мы приступили к сбору военнопленных, некоторые из них были оглушены и находились в истерическом состоянии. Они бродили поблизости и, к сожалению, некоторых из них убивали, поскольку иногда трудно было понять, собираются они сдаться или просто выбираются из окопов.

Однако Льюис остался под впечатлением от того, какие первоклассные солдаты им противостояли.

Один немец выбрался из окопа, как будто его запустили из чего-то, и он ринулся в мою сторону с пистолетом в руке... Другой парень дождался, пока мы не зайдем за линию, на которой он находился, а потом бросил в нас гранату на длинной ручке. Один из моих ребят вернулся и обнаружил, что тот мертв, - он бросил гранату, умирая...

3-4 ноября

Солдат 51-й Дивизии

В первые четверть часа два эскадрона [бронемашин] уничтожили сорок грузовиков... Потом, когда наши собственные машины стали вязнуть в песке, экипажи стали выгонять немцев и итальянцев из их машин и заставлять их ложиться в находившиеся поблизости окопы... У нас не было времени на пленных. У них просто отбирали оружие и говорили им маршировать на восток. Тех, кто отказывался, расстреливали. Мало кто отказывался...

Джервэйз Маркэм (Gervase Markham), 124-й Полк Полевой Артиллерии

Это был мой первый опыт продвижения по полю битвы, где разбитая армия оставила после себя все, что можно было бросить. Итальянские солдаты стояли и ждали, когда их возьмут в плен, потому что немцы забрали все транспортные средства и оставили итальянцев без еды, воды и машин заботиться о самих себе и молить о том, чтобы их увели под конвоем...

Хенри Бёрн (Henry Burne), артиллерист 154-го Полка Полевой Артиллерии (Лестерширские Йомены/Leicestershire Yomenry)

На десятый день войска Оси были опрокинуты и был осуществлен наш прорыв. Мы преследовали противника, поддерживая огнем наступающих. Вскоре мы получили возможность впервые взглянуть на пленных. Австралийцы швыряли камни в группу итальянцев и орали им, чтобы они проваливались назад и сражались. Я счел это дурновкусием, хотя с виду все выглядело комично. Мы пошли дальше и на знаменитом участке Knightsbridge (здесь в июне 1942 года, всего за несколько месяцев до Эль-Аламейна, британцы оказали упорное сопротивление наступавшим немцам в ходе окончившегося первых разгромом [сражения на Линии Газала](#) -

ВК) в плен были взяты тысячи суперменов Гитлера, растрепанных, грязных, сильно удрученных, и, по-видимому, голодных. Их конвоировала горстка шотландских пехотинцев. Это было то, чего мы ждали, - победа для Британии, в итоге, навалявшей представителям высшей расы.

У меня не было к ним ненависти. Мы остановились и стали смотреть, как эти люди проходят мимо. Я подумал о том, какими героями были эти парни, выдерживая все эти бомбардировки с суши, с моря и с воздуха в течение десяти дней. Я хотел бы быть уверенным в том, что смог бы оказаться таким же храбрым. На мгновение я представил себе, что это британцы и что я – один из них. Подумал о своей семье, и не без гордости скажу, что в глазах у меня появились слезы. Мне предстояло увидеть большее число нацистов в Италии...

Военнопленные. Эль Аламейн

4 ноября

Кит Даглас (Keith Douglas, погиб в 1944 г.), лейтенант, Полк Ноттингемширских Йоменов/Nottinghamshire Yeomanry Regiment, 8-я Танковая Бригада

«Вон они!» - неожиданно прокричал пехотинец. В нескольких ярдах слева от танка двое немецких солдат выбирались из окопа, застенчиво улыбаясь, словно их поймали в ходе игры в прятки. В их окопе лежал Шпандау/Spandau (собирательное название немецких ручных пулеметов, принятое у британцев – ВК). Я вздохнул с облегчением: пулеметным гнездом меньше. Но люди стали появляться вокруг нас всюду и везде.

Мы стояли посреди лабиринта окопов. Эван (Evan) опустил свой пулемет, Беса/Besa, сказал: «Дайте мне ваши пистолет, сэр» и прыгнул танка. Он начал быстро ходить по участку с криками «Вылезайте, выбирайтесь из окопов, ублюдки!» и т.д. Пехотный офицер и я присоединились к нему и стали быстро перебегать от окопа к окопу. Я подобрал винтовку в одной из ячеек и стал угрожающе нацеливать ее [на немцев], потом, правда, обнаружил, что она была на предохранителе... Солдаты продолжали вырастать из-под земли, словно зубы дракона. Я попытался собрать их в колонну, указывая, что им делать, моей бесполезной винтовкой. Чтобы поторопить одного из них, я навел на него оружие, но он сжался в комок, припав к земле, словно щенок, которого ругали, очевидно, думая, что я собрался пристрелить его. Я сильно смутился и опустил винтовку, и он рванулся к своим товарищам, словно начался спортивный забег. Я начал кричать «Raus, raus!/Выходи, выходи!» в адрес тех, кто все еще сидел в окопах, высунув из них головы в нерешительности: Эван напугал их, выпустив очередь из выбранного Шпандау...

Мы накидали на заднюю часть танка подобранные в кишках мухам окопах Шпандау, винтовки, бинокли Dienstglas и размером поменьше, британские консервированные рационы (трофеи, которыми часто снабжали немцев – ВК), и плоские круглые банки с немецким шоколадом...

[После расставания с пехотинцами и пленными] мы были шокированы тем, что пехотинцы стащили все немецкие бинокли, пока катались на нашем танке. Мы сгрузили большое количество пулеметов и винтовок, но оставили себе три пистолета Люгер/Luger (призовой трофей у союзников – ВК), - красивое оружие, правда, довольно деликатное для использования в песках. Еще мы набрали пищевых рационов, столовых приборов, боевых наград и блях, ножей и т.п., которые потом поделили с товарищами. Большую часть рационов мы съели, запив несколькими пинтами кофе...

Заключение

Победила многонациональная 8-я Армия, в которую входили представители различных доминионов Великобритании и других стран. В ней были люди различных рас, в том числе, черные африканцы.

Петрус Дламини (Petrus Dlamini), сержант 1-й Южноафриканской Дивизии

Был слух – командование заговорило о том, чтобы дать нам оружие. Сначала нам дали винтовки, которые отобрали у итальянцев в Кении. Раздали, показали, как перезаряжать, с ними мы обучались. С ними мы попали под Эль Аламейн, и у нас их забрали, потому что они на что не годились, а нам дали винтовки Lee-Enfield .303. А потом 8-я Армия пошла вперед. Парни! Было жутко, убитые солдаты были тут и там, белые и черные, но немцы стали отступать, и мы преследовали их. Мы отбросили их. Говорят, мы прошли 300 миль... Немцы уже не вернулись. Они ушли вместе с итальянцами... На позициях нами командовали белые. Когда мы пошли в бой, все перемешались. Мы стали единым целым, мы сражались вместе: белые и черные солдаты.»

Монтгомери довольно быстро начал считать успех в этом сражении едва ли не исключительно своей заслугой. За два дня до приказа Роммеля отступить, он написал начальнику британского генштаба [Элану Бруку](#) (Alan Brook):

По-настоящему тяжелая и довольно кровопролитная битва к настоящему моменту продолжается уже восемь дней. Это был восхитительный бал... Я справился с удержанием инициативы на всем ее протяжении, и все это время Роммель был вынужден танцевать под мою музыку. Его контратаки и удары были остановлены без больших усилий и вовремя. Думаю, он созрел для действительно сильного удара,

который может скинуть его с постаментов. Это произойдет сегодня ночью, и я бросаю на это все, чем располагаю... Если мы преуспеем, это будет концом армии Роммеля.

Он быстро стал национальным героем. Участник событий, офицер 7-й Танковой Бригады и будущий командующий ВС Великобритании [Майкл Карвер](#) (Michael Carver), позднее оценивал полководческие достижения Монтгомери в этом сражении более прохладно: «Это была битва на истощение ... Может, она и обошлась дорого, и не была овеяна романтикой [боя], но сделала всех уверенными в победе, а уверенность в победе в то время значила все. 8-я Армия располагала ресурсами, чтобы выстоять в такой битве, тогда как *Panzerarmee* их не имела, и Монтгомери обладал решимостью, силой воли и безжалостностью, чтобы довести ее до конца.» Возможно, он недооценивал тактическое мастерство Монтгомери...

10 ноября Черчилль в обращении к британцам сказал следующие слова, вспомнив одну из своих исторических фраз и произнеся еще одну запомнившуюся: «Я никогда не обещал вам ничего, кроме крови, тяжелых трудов, слез и пота. Теперь, однако, мы приобрели новый опыт. У нас есть победа – замечательная и однозначная... Это – не конец, это даже не начало конца, но это, возможно, конец начала.»

Потери 8-й Армии в этом сражении составили около 13 500 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Среди них были 2 827 австралийцев, 2 388 новозеландцев и 2 459 солдат и офицеров 51-й Дивизии. Индийцы потеряли только убитыми около 800 человек. Эти люди, в основном, пехотинцы, вынесли на своих плечах основную тяжесть боев.

Генерал Фрейберг в своем докладе по результатам сражения писал: «... Значимость хорошо обученной пехоты, способной атаковать ночью с примкнутым штыком любые виды оборонительных позиций, была полностью подтвердилась.»

Слева – Бернард Фрейберг, справа – Лесли Моршед

Монтгомери, в итоге, сказал следующее: «Битва за Египет была выиграна за счет высоких боевых качеств солдат Империи. Из всех этих солдат никто не проявил себя лучше, чем бойцы из Новой Зеландии.» Впрочем, уже 2 ноября он писал командиру 9-й Австралийской Дивизии генералу [Морсхеду](#) (Lesly Morshead, 1889-1959, на фото слева): «Ваши люди были абсолютно восхитительны, и та роль, которую они сыграли в этом сражении, была выше всякой похвалы.»

МАЛЬТА В БЛОКАДЕ – 1942

В начале 1942 года немцы и итальянцы снова вернулись к разработке плана вторжения на Мальту, получившего кодовое наименование *Herkules*. 17 января Кессельринг согласился с намерениями итальянцев захватить Мальту комбинированным десантом с моря и с воздуха. В его мемуарах упоминается последовавшее за этим совещание 8 февраля с начальником Генерального Штаба итальянцев маршалом Уго Кавальеро и адмиралом

Артуро Риккарди (Arturo Riccardi), начальником штаба итальянского ВМФ, где обсуждались вопросы, связанные материальным обеспечением операции. Ориентировочное время операции было намечено на июнь-июль. Предполагалось, что высадка на остров будет осуществлена в две стадии: сначала воздушный десант высадится на юге острова в стороне от Гранд Харбор и рассредоточится для захвата трех важнейших аэродромов, дав таким образом возможность приземлиться планерам с большим количеством солдат и офицеров. В противном случае небольшие каменистые открытые пространства Мальты не дали бы возможности приземлиться на них планерам. После этого планировалось высадить сильную десантную группу итальянцев с моря в заливе Марсакслокк. Немцы даже провели рекогносцировку пляжей, но собрали очень мало данных, а одна разведгруппа была захвачена британцами. Однако уже вскоре Гитлера стали одолевать сомнения: он принял во внимание тяжелые потери, которые понесли парашютисты на Крите, отсутствие десантных средств и наличие сильных оборонительных укреплений на острове...

21 февраля итальянцы провели трехстороннее совещание по вопросу о проведении морского десанта на Мальту. На нем присутствовали генерал Гандин (Gandin) и адмирал Тур (Италия), а также представители японской миссии в Риме адмирал Катцуо Абе, капитан Митинобу (Митинобу) и полковник Симидзу (Simizu). Японцев, которые считались экспертами в десантных операциях, попросили изучить вопрос и подготовить рекомендации, что и было сделано. Итальянцы остались под глубоким впечатлением от детальности исследования, но сочли, что японцы существенно недооценивают мощь оборонительных позиций британцев...

Граф Чиано имел беседу с Кавальеро во время их совместной поездки в Зальцбург и так вспоминал о ней: «Во время поездки Кавальеро говорил со мной о Мальтийской операции. Он отдавал себя отчет в том, насколько крепок этот орешек. Подготовка идет полным ходом с максимумом внимания [к деталям] и ответственности и уверенностью в том, что атака должна состояться. Все это говорилось для того, чтобы сильнее мотивировать занятых планированием. Однако то, состоится ли операция и когда это произойдет, было отдельной темой, и в этом отношении Кавальеро не брал на себя никаких обязательств. В присущей ему манере он прятался за большим количеством *если* и *но*.»

Тем временем [Роммель успешно наступал в Северной Африке](#), и вторжение отложили. Муссолини заявил, что продвижение к Каиру и Суэцкому каналу является важнейшим приоритетом, хотя Кессельринг и Кавальеро по-прежнему считали обеспечение безопасности путей снабжения главной необходимостью. Теперь воздушные бои над Мальтой достигли максимального накала. За 6 недель на городки, расположенные по берегам Гранд Харбор, было сброшено 6 700 тонн бомб (для сравнения: 14 ноября 1940 года в ходе бомбардировки Ковентри на этот город было сброшено не более 250 тонн бомб.) Одновременно с этим в бухтах и на подходах к острову был потоплен 21 корабль Королевского флота, еще 13 получили повреждения. В марте авиация *Оси* осуществила 275 налетов на Мальту, в мае – 283.

Вот что записал в своем дневнике американский доброволец в составе Королевских ВВС лейтенант Ховард Коффин (Howard Coffin) из Лос-Анжелеса 21 марта 1942 года, к тому времени сражавшийся на *Харрикейне* в небе Мальты уже 6 месяцев: «Нашу гостиницу бомбили. Лейтенант Стритс (Streets) стал третьим из погибших американцев, еще погибли лейтенант Хэллет (Hallett), капитаны (Flight Officer) Бэйкер (Baker), Уотерфилд (Waterfield), лейтенанты Герин (Guerin), Бут (Booth)... Этот день не будет забыт. Бомбят госпитали, церкви, и городок за городком стирают в пыль. Какое избиение людей. Если вскоре не придет помощь, нам поможет только Бог. Нет еды, сигарет, горючего. Жен англичан эвакуируют в большом количестве.» Всего на Мальте сражались 42 американских летчика, могилы троих из них известны, еще 12 пропали без вести. Коффин пережил войну – единственный из первой четверки прибывших на Мальту американцев - и позднее написал книгу воспоминаний...

В небе Мальты в составе Королевских ВВС сражались летчики из многих стран-доминионов Британского Содружества: австралийцы, канадцы, новозеландцы, южноафриканцы, родезийцы. Примером участия летчиков разных национальностей в одном бою может служить уничтожение 3 января 1942 года *Ju-88*, который пилотировал обер-лейтенант Виктор Шнец (Viktor Schnez). Вот что рассказывал сам немецкий летчик:

Мы приблизились [к цели] на высоте около 4 000 метров, спикировали и сбросили бомбы с высоты 1 000 метров. Снова набрали высоту и взяли курс на Сицилию. Мне пришлось лететь над островом с юга на север, когда нас заметил противник и атаковали сразу несколько Харрикейнов. Сначала они повредили систему охлаждения, из-за чего остановился левый мотор. Я поднялся до 2 000 метров и был уже над морем, когда загорелся правый мотор после новых атак противника. Чтобы избежать падения в море – а мне однажды пришлось садиться в Балтийском море на брюхо и потом грести 85 часов на надувной лодке – я повернул в сторону Мальты, решив покинуть самолет с парашютом... Англичане проявили благородство и прекратили огонь, когда увидели, что наша поврежденная машина возвращается.

Все четыре члена экипажа, двое из которых были ранены, благополучно покинули обреченный самолет на парашютах. В атаке на этот *Ju-88* приняли участие канадец Гарт Хоррикс (Garth Horricks), британцы Джон Халберт (John Hulbert) и Джон Расселл (John Russell) и американец Эдвард Стилз (Edward Steels)...

Рассказывает местный житель Джон Галеа, который был свидетелем задержания Шнеца: «Солдаты и полицейские прибыли на место вместе с толпой, которая не была настроена дружелюбно. Летчика повели по узким улочкам в окружении солдат. У какой-то женщины было кофе в кастрюльке, и она выплеснула его в немца, однако вместо него попала в пару солдат...»

Это был единственный случай за всю блокаду Мальты, когда в плен попал полный экипаж бомбардировщика.

Обер-лейтенанты Виктор Шнец (слева) и Георг Луст (Georg Lust) в ноябре 1941 года под Ленинградом незадолго до переброски на Сицилию...

14 апреля 1942 года Мальта потеряла свою самую опасную для врага подводную лодку *Upholder*, которая погибла во время своего 28-го рейда вместе со своим командиром Уэнклином, который за год до этого был награжден за боевые успехи *Крестом Виктории*. 15 апреля 1942 года Король Георг VI наградил Мальту за «героизм и преданность ее людей» *Крестом Георга* – высшей наградой в Великобритании и Британском Содружестве, гражданским аналогом Креста Виктории. Орден демонстрировался в городках и деревнях острова всем желающим гражданам. В эти же дни произошло и менее заметное событие - 19 апреля 1942 года лейтенант Королевских ВВС Ормонд записал в своем дневнике: «Ура! Я награжден *Крестом за Отличие в Летной Службе/Distinguished Flying Cross*. Сегодня воскресенье, и мне придется ждать до завтра, когда я смогу поехать в Валетту, чтобы отправить матери телеграмму и купить [орденскую] ленточку.» Это была последняя запись в его дневнике. Ему было 20 лет и 3 дня, когда он был сбит над Мальтой. Его тело не могли найти в течение пяти месяцев, так как он упал на крышу одного из зданий. Ормонд был похоронен на Военно-Морском Кладбище Капучинни/Capuccini Naval Cemetery.

Тем временем немцы еще более интенсифицировали свои воздушные атаки на остров: повысились частота авианалетов и количество боевых машин в атакующих авиagrуппах. Они использовали истребители *Мессершмитт* последней модификации, которым *Харрикейны* сильно уступали по тактико-техническим характеристикам. На Мальту прибыл вице-маршал Хью Ллойд (Hugh Lloyd), чтобы принять на себя командование воздушной обороной острова: он понимал, что война в воздухе будет проиграна, если ему не удастся получить большее количество истребителей *Спитфайр/Spitfire*.

Похороны погибшего летчика

Первые *Спитфайры* начали прибывать на остров еще в конце февраля 1942 года, поднимаясь в воздух с авианосцев *Eagle* и *Argus*, позднее две большие группы прибыли, поднявшись в воздух с американского авианосца *Wasp*, доставивший их непосредственно от берегов Великобритании. Это произошло после прямого обращения Черчилля к Рузвельту с просьбой о помощи. Премьер-министр Великобритании лично поблагодарил моряков американского корабля после его второго похода к Мальте в шуточной форме: «Огромная благодарность вам всем за вашу своевременную помощь. Кто сказал, что оса (wasp) не может ужалить дважды?»

Солдаты строят прочные ангары для самолетов для их защиты от близких разрывов и осколков. В этом принимали участие даже офицеры...

Wasp доставил 47 *Спитфайров* в марте и еще 61 в апреле. Прибытие первой группы 20 апреля было замечено немцами с помощью радара, расположенного на Сицилии, и их реакция была незамедлительной. Через полтора часа после приземления истребителей немецкие бомбардировщики осуществили налет на аэродром. Все боеготовые *Спитфайры* были подняты в воздух, но 9 было потеряно на земле, еще 29 были повреждены осколками, и только заблаговременно построенные из скальных обломков и засыпанных песком канистр ангары предотвратили большие потери. В тот день *Люфтваффе* сбросило 1 470 тонн бомб на две главные авиабазы острова.

В следующие четыре месяца *Argus* и *Eagle* помогут доставить на остров еще 225 *Спитфайров*, авианосец *Furious* - еще 100. 9 июня на Мальту прибыл канадский летчик Джордж Бёрлинг (George Beurling), который станет главным асом среди летчиков-истребителей, защищавших Мальту, и главным асом-канадцем периода ВМВ. На его счет над Мальтой было записано 26 сбитых самолетов противника (всего – 31), а 27 июля 1942 года канадец сбил над островом известного итальянского аса Фурио Никло Дольо (Furio Niclot Doglio)...

Вспоминает капитан «Лэдди» Лукас, 249-я Эскадрилья:

Бесценным [командиром], имевшим для нас первостепенное значение, был полковник Вудхолл (Group Captain A. B. Woodhall.) Он руководил действиями истребителей, направляя их и переговариваясь с ними, следил за показаниями радаров и т.д. Он был летчиком еще в Первую Мировую и имел огромный опыт. Он понимал все, что касалось боевых операций, умел говорить с людьми, считывал то, что происходило в воздушном бою...

Нам было крайне трудно, когда прибывали первые Спитфайры с авианосцев. Пока у нас не набралось достаточное количество самолетов, нам приходилось сражаться четверками, шестерками и восьмерками против групп в сотню машин. Если бы у нас не было действительно опытных летчиков, нас бы просто перебили. Я помню один вылет со своей эскадрильей – у нас было всего 8 боеготовых самолетов. Вудхолл позвонил мне по телефону в комнату сбора по тревоге и сказал, что над Сицилией формируется группа для налета. «Думаю, тебе лучше подниматься в воздух минут через 10, я дам тебе знать, когда. Поднимайся, набери хорошую высоту – 25-28 тысяч футов к югу острова. Так у тебя за спиной будет солнце, а я буду стабильно информировать тебя об этих аэропланах, пока они будут пересекать Сицилийский пролив. Так будем вести

игру.» мы получили сигнал к вылету, нас было 8 – два англичанина, остальные были новозеландцами, австралийцами и канадцами. Я набрал высоту прямо над южным побережьем острова, милях в 15 к югу [от аэродрома], солнце было у меня за спиной, высота была 26-27 тысяч футов. Он комментировал передвижения противника: «Их 50 с чем-то ... много мелких целей [истребителей] и не так много больших [бомбардировщиков]. Группа растет от 50 до больше чем 100. Они подходят к заливу Св. Павла/Saint Paul Bay, теперь их больше сотни, из них 80 мелких целей. Предлагаю тебе заходить на них сейчас, и делай это побыстрее.» Только он сказал это, и я увидел их ниже себя: солнце было за мной, видимость была отличной. Мы вышли на них, все было сделано совершенно правильно, ... вся высота была с нами. Мы были над истребителями, так что могли проскочить через их эскорт, а если следовать фактам, там было всего три итальянских бомбардировщика и не более того. Очевидно, они не планировали бомбовый налет - они хотели уничтожить остававшиеся у нас истребители. Мы прорвались через эскорт, сбили все три итальянских бомбардировщика и ушли...

Возможно, имея в виду этот бой или схожие, Кессельринг писал:

Британские истребители заслуживают признания за их храбрость и умение маневрировать, особенно в том, как они великолепно пикировали с большой высоты (30 000 – 40 000 футов) в центр тесно сомкнутого строя немецких бомбардировщиков.

Ожесточенные воздушные сражения не стихали почти до глубокой осени 1942 года. 20 апреля имели место столкновения, в которых у немцев было значительное численное преимущество. Немцы совершили три авианалета, в каждом из которых участвовало не менее 100 машин. В крупнейшем из них приняли участие не менее 57 Ju-88, 27 Ju-87 и большой эскорт Me-109. Рассказывает лейтенант Пол Бреннан, австралийский летчик, награжденный Крестом за Отличие в Летной Службе:

В 500 ярдах от нас, прямо напротив, 88-й. Меня атакуют 109-е, но они все еще слишком далеко, чтобы точно стрелять по мне. Я решил попытать счастья и разобраться с моим 88-м до того, как они навалятся на меня. Я сблизился с немцем, и его задний стрелок открыл огонь. Я был настолько возбужден и так хотел сбить его до того, как меня отгонят 109-е, что даже не заметил, что его пули попадают в мою машину. Я продолжил пикирование и был уже ярдах в 250 от него. Потом я открыл огонь из всех четырех пушек. Задний стрелок замолчал. Я сконцентрировал огонь на двух моторах 88-го и кабине пилота. Я видел, как мои снаряды вливаются в него, и через несколько секунд он задымился. Я остро ощущал то, что 109-е пикируют на меня, и знал, что, если я попытаюсь узнать наверняка, что стало с моей целью, я стану легкой добычей для них... Я продолжил стрелять, он загорелся и начал разваливаться...

В тот день британцы потеряли всего один Харрикейн и сбили 5 немцев. Бреннан успешно приземлился, и, когда его самолет коснулся земли, его сильно встряхнуло близким разрывом бомбы. Потом он нашел 10 пулевых отверстий в своем Спитфайре, одно в 6 дюймах от своей головы... К сожалению, этот храбрый летчик погиб после возвращения в Австралию в 1943 году в возрасте 23-х лет в летном происшествии.

20-22 апреля имели место наиболее ожесточенные воздушные схватки период, который потом называли 2-й Мальтийский Блиц/2nd Malta Blitz. Британцы потеряли 7 Спитфайров и 2 Харрикейна, было сбито 4 Me-109. В боях 9-12 мая потери сторон составили 13 Спитафайров и 5 Мессершмиттов. Всего с 18 декабря 1941 года по 18 мая 1942 года 53-е Истребительное Крыло немцев (53 JG) заявил о 195 победах, потеряв 53 летчика убитыми, 11 пропавшими без вести и 10 попавшими в плен. 7 пилотов было ранено в боях, 8 погибли и 1 был ранен в летных происшествиях. При этом британцы сбивали и первоклассных немецких асов: лейтенант Херманн Нойхофф (Hermann Neuhoff, 40 побед) попал в плен, фельдфебель Ханс Шаде (Hans Schade, 13 побед) погиб в бою 1 апреля. 14

апреля был сбит огнем с земли гауптман Карл-Хайнц Краль (Karl Heinz Krahл, 24 победы), а кавалер Рыцарского Креста, лейтенант Зигмунд Хознедль (Siegмund Hosnedl, 10 побед) – в летном происшествии 15 мая.

Примечательна история спасения унтер-офицера Феликса Зауэра (Felix Sauer) из 10-го Штурмового Штаффеля, бывшего учителя химии и биологии. Вот что он рассказывал: «В декабре 1941-го я прибыл на Сицилию, откуда сделал 90 вылетов над Мальтой, пока меня не сбили 16 мая 1942-го, после чего меня спас малый итальянский миноносец Turbine после моего восьмидневного дрейфа в море. Про этот случай писали в газетах, книгах, он даже отражен в кинофильмах, о нем рассказывали по радио и ТВ...» Зауэр выжил, дрейфуя на надувной лодке и проведя несколько дней на небольшом острове, имея с собой всего три плитки шоколада, немного сахара и несколько таблеток *первитина*.

Воздушные бои над Мальтой отвлекли на себя большое количество самолетов *Оси*, которых ее войскам так не хватало в Северной Африке. Тем временем жители Мальты, живущие среди развалин, стали страдать от недоедания. Ситуация с продовольствием на острове все более ухудшалась. Джозеф Эттард (Joseph Attard), который в то время был подростком, вспоминал: «Пушки продолжали вести огонь и сбивать вражеские самолеты все с той же точностью, истребители продолжали летать и драться, уступая противнику в численности. Военнослужащие, полицейские, гражданские – и мальтийцы, и британцы – работали круглые сутки на аэродромах, засыпая воронки и убирая обломки, чтобы сохранять их [взлетные полосы] в рабочем состоянии. Фермеры трудились на своих полях, пытаясь добиться невозможного.» Города Сенглеа, Витториоза/Vittoriosa, Валетта и Флориана/Floriana настойчиво и систематически превращались вражеской авиацией в руины. Люди уходили жить в подземелья крепостных сооружений. Древние тоннели и галереи были расширены, чтобы дать кров тысячам людей, одновременно с этим многие жители города поселились в неиспользуемом железнодорожном тоннеле под древними бастиями. Положение с продовольствием становилось отчаянным, не лучше было с ГСМ и боеприпасами для самолетов. Губернатор Мальты рассчитал, что Мальта сможет продержаться только до конца июня.

К началу июня немецко-итальянское командование утвердило концептуальный план вторжения на Мальту, который предполагал использование почти 100 000 солдат и офицеров, несколько сотен самолетов и почти все военные корабли, имевшиеся в распоряжении *Оси* на Средиземноморье. «Такая концентрация сил, - писал в мемуарах Кессельринг, - должна была исключить вопрос о неудачном развитии событий.» Однако Гитлер хронически не верил в боеспособность итальянцев. Еще в апреле 1942 года на совещании адмирал Редер (Raeder) жестко настаивал на вторжении на остров, и даже Муссолини заявил, что не сделает больше ни шага вперед в Африке, если не будет захвачена Мальта. Роммель предложил свою кандидатуру в качестве командующего силами вторжения, но Гитлер настоял на том, что вторжение осуществят итальянцы. При этом он сказал Кессельрингу следующее: «Я гарантирую Вам, что произойдет следующее. Гибралтарская эскадра [британцев] сразу же выйдет в море, и британский флот подойдет на полных парах из Александрии. Затем вы увидите, что станут делать итальянцы. При первых же сообщениях по радио об этом они понесутся назад в свои сицилийские бухты – их корабли, транспорты и все остальное. Вы же со своими парашютистами останетесь на острове одни.» Роммель закончил дискуссию обещанием дойти до дельты Нила одним рывком после быстрого взятия Тобрука...

В мае 10-я Флотилия Подводных Лодок (10th Submarine Flotilla) была вынуждена перебазироваться в Александрию в силу того, что вражеская авиация начала топить субмарины прямо в бухтах. Боеспособность подводных сил упала, и итальянские конвои начали проходить в Северную Африку в относительной безопасности под прикрытием легких сил.

К июню было решено, что на Мальту будут отправлены два конвоя для облегчения общей ситуации со снабжением. Один из них, шедший из Александрии и получивший

наименование *Vigorous*, состоял из 11 судов и сопровождался подводной лодкой, другой - *Harpoon*, из шести судов, сопровождался подводной лодкой и шел из Гибралтара. Первый конвой, столкнувшись с итальянскими надводными кораблями, среди которых были линкоры, и оказавшись под атаками с воздуха, был вынужден повернуть назад. *Harpoon*, под прикрытием палубной авиации, сумел провести два судна на Мальту. Эти суда доставили 43 000 тонн грузов, существенно облегчив положение на осажденном острове. Однако большая часть этих грузов была представлена военными материалами, так что снабжение продовольствием продолжало осуществляться по карточкам. Недельный рацион жителя Мальты в середине 1942 года состоял из 73 унций хлеба, 3 унций жиров, 1.75 унции сыра, 1.25 унции кофе, 3 пинт козьего молока, 1.5 фунтов картофеля и 8 галлонов воды в день. Не было сахара, чая, масла, мяса, мыла, и, когда были исчерпаны запасы угля, прекратилось снабжение электричеством. Единственная партия различных материалов после этого была доставлена скоростным минным заградителем *Welshman* и двумя грузовыми подводными лодками, которые сумели прийти на остров, разгрузиться и уйти под покровом темноты...

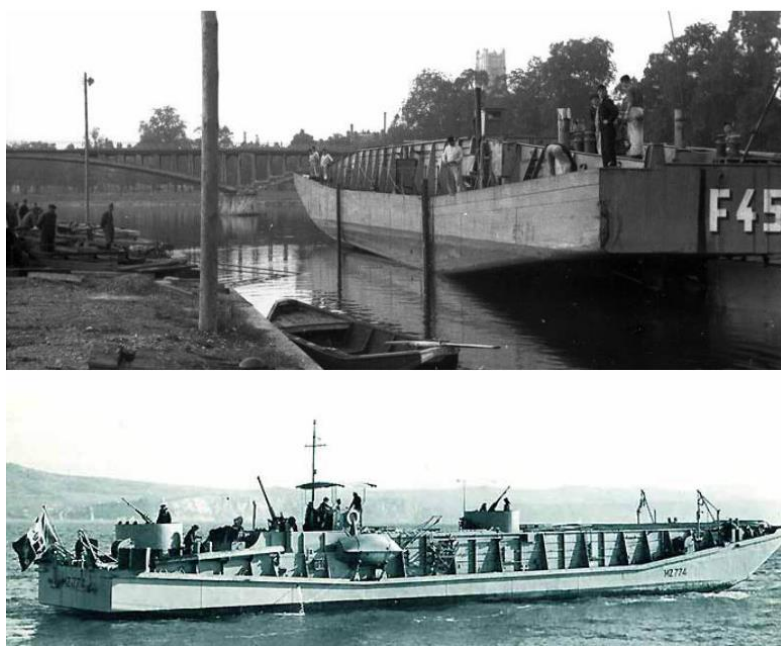
В гавани Валетты горит разбомбленный танкер. Снимок сделан с немецкого самолета-разведчика

Ситуация в Северной Африке для британцев стала критической, казалось, Роммель держит слово, данное Гитлеру. В мае-июне в сражении на [Линии Газала](#) британцы потерпели крупнейшее поражение во всей кампании, 21 июня пал Тобрук, и до дельты Нила *Лису Пустыни* оставалось пройти совсем немного – около 100 миль. У немцев и итальянцев стали появляться сомнения в необходимости захвата Мальты. Примечательной является запись в дневнике, сделанная итальянским парашютистом Баттистой Дроверо (Battista G. Drovero) из элитной дивизии *Foglore*, которую интенсивно обучали и готовили к вторжению на Мальту:

21 июня. Памятный день. Итало-германские войска взяли Тобрук... Мы узнали из военных коммюнике, что Роммель преследует 8-ю Британскую армию по дороге на Александрию. Для нас, воздушных десантников дивизии Foglore, победа Роммеля означает то, что мы лишаемся возможности сражаться. Больше никто не говорит о захвате Мальты, который обеспечил бы занятие Египта, контроль над дорогой к нефти и блокаду Суэцкого канала. Ходят слухи о намечающейся совсем скоро

переброске в Северную Африку, где нас будут использовать как обычную пехоту. Какое разочарование после таких надежд и стольких усилий!

Действительно, итальянцы вполне серьезно готовились к десанту на Мальту. Воздушно-десантные части усиленно тренировались под руководством опытных немецких инструкторов, были заказаны и получены морские десантные средства, в том числе 65 быстроходных десантных барж – копий немецких барж *Marinefährrahm*, кроме того, итальянцы реквизируют и конвертировали в десантные средства большое количество гражданских судов. Не менее 80 десантных барж и катеров было также переброшено в Сицилию немцами в помощь союзникам. Казалось, все или почти все готово для операции *Herkules*, но в начале июня даже для итальянцев уже не было секретом негативное отношение Гитлера к идее десанта на Мальту, тем более что успехи Роммеля ставили под сомнение необходимость в ней...

Вверху - немецкая морская баржа Marinefährrahm (MFP), внизу - итальянская Motozattera (MZ)

В июле авиация *Оси* осуществила 188 налетов на остров, однако противник получил серьезный отпор силами примерно 100 *Спитфайров* и понес тяжелые потери – в этом месяце он потерял 153 самолета. Улучшение ситуации с ПВО острова позволило 10-й Флотилии Подводных Лодок вернуться на остров в начале июля. К атакам на вражеское судоходство присоединились торпедоносцы *Бомфорт*, потопившие в этом месяце 48 судов противника общим водоизмещением около 100 000 тонн.

Транспорты *Оси* шли на дно, а Роммель отчаянно нуждался в резервах, боеприпасах и горючем. Доминирующие в воздухе самолеты союзников почти беспрепятственно наносили удары по растянутым коммуникациям Роммеля, нанося ущерб и без того не слишком большому потоку грузов, идущих к линии фронта... *Африканский Корпус* был остановлен за Линией Газала в [1-м Сражении под Эль-Аламейном](#), имевшим место 1-27 июля 1942 года. Теоретически его могли усилить воздушно-десантные части, которые предполагалось использовать для вторжения на Мальту: немецкая бригада *Ramcke* и итальянская бригада *Folgore*. Эти превосходные части могли добавить войскам Роммеля стабильности, но никак не мобильности. Кессельринг знал, что переброска какой-либо новой части в распоряжение *Африканского Корпуса* усилит проблему с доставкой грузов через Средиземное море, и позднее писал, «что для обеспечения безопасности этого транзита *Оси* была нужна Мальта... Изъятие частей, предназначенных для вторжения [на остров], делали его невозможным. Даже я, в итоге, был вынужден принять решение о его

отмене, так как условий для этого больше не осталось. Отмена этой операции была смертельным ударом для всей кампании в Северной Африке...» Последняя попытка прорыва линии обороны британцев была предпринята Роммелем 30 августа - 5 сентября 1942, но в условиях нехватки буквально всего и господства авиации союзников в воздухе он был остановлен у [гряды Алам Халфа](#) и был вынужден окончательно перейти к обороне...

Но и Мальта по-прежнему отчаянно нуждалась в новых поставках военных материалов и продовольствия. Недоедание было настолько сильным, что капитуляция по причине голода уже вскоре могла стать вполне реальной. Британское командование запланировало отправку на остров большого конвоя, что не ускользнуло от внимания противника. Немецко-итальянское командование перебросило в южную Италию дополнительные бомбардировочные эскадрильи, торпедные катера и подводные лодки для нанесения удара по намечавшемуся конвою... Проводку конвоя, получившую наименование *операция Pedestal*, должен был обеспечить крупный эскорт: два линкора (*Nelson* и *Rodney*), три авианосца (*Indomitable*, *Victorious* и *Eagle*), три крейсера и 14 эсминцев. Ближний эскорт, который должен был дойти до Мальты, состоял из четырех крейсеров и 11 эсминцев. Авианосец *Furious*, сопровождаемый эсминцами, должен был доставить на остров еще 38 *Спитфайров*. Все 14 транспортных судов конвоя были современными и скоростными.

Конвой вышел в море из портов Клайд/Clyde и Скапа Флоу/Scapa Flow в ночь со 2 на 3 августа, пройдя Гибралтарский пролив в ночь с 9-го на 10-е число. Рано утром следующего дня он был замечен с итальянской подводной лодки, и морское сражение началось. Первой потерей британцев стал авианосец *Eagle*, потопленный немецкой подводной лодкой *U-73*. К 15 августа, после ожесточенных боев, пять транспортов дошли до Мальты. Американский танкер *Ohio* был поврежден попаданием торпеды, более того, в него в ходе воздушных атак врезались два немецких бомбардировщика, но, в итоге, он, зажатый между двумя эсминцами, медленно вошел в Гранд Харбор, погрузившись в воду по почти до кромки бортов. Его встретила большая толпа местных жителей, на берегу играли оркестры, всюду развевались флаги – так Мальта приветствовала героический танкер...

Уцелевшие суда конвоя доставили 12 000 тонн нефти, 3 600 тонн солянки, 32 000 тонн различных грузов. Этот скромный успех дорого обошелся союзникам: было потеряно 9 транспортных судов, 1 авианосец, два крейсера и эсmineц. Погибло около 500 моряков. Прибытие этих грузов не означало снятие блокады, но снабжение населения и военных продовольствием улучшилось, укрепив этим надежды людей на лучшее. В атаках на суда и корабли союзников авиация *Оси* понесла тяжелые потери – 50-60 машин. Рассказывает итальянский бортстрелок с пикирующего бомбардировщика *Штука* Никола Пателла (Никола Пателла):

Утром 13 августа мы атаковали конвой, а именно большой танкер Ohio, сбросив бомбу в нижней точке нашего пике. Один из крейсеров эскорта открыл огонь из зениток и сильно повредил нашу Штуку. Мы упали в море километрах в 10 от конвоя. Мой пилот и друг Савини (Savini) избежали гибели и выбрались на надувной спасательный плот. На нем мы пробыли два дня и три ночи вместе с британским летчиком с Бофайтера, Роном МакФарлейном (Ron McFarlane), которого мы подобрали в море до того, как нас взял на борт немецкий гидроплан вечером 15-го. Рон и я остались хорошими друзьями и до сих пор переписываемся...

Рассказывает радист Фред Джуитт (Fred Jewitt) с британского эсминца *Ashanti*, который находился в непосредственной близости от транспорта *Ohio*. Он вполне мог видеть, как сбили *Штуку* Пателло:

Мы шли рядом с ним, где-то в футах 100 от него, может больше – 300-400. Мы вели заградительный огонь – это был зонт из зенитного огня (umbrella barrage). У них самих не было никаких средств ПВО. Но, короче, скажу так: мы были первоклассными

артиллеристами. Нас атаковали Ju-87 – те, что называют Штуками – и неожиданно в один из них попали. Единственной проблемой было то, что он, казалось, падал прямо на нас, но шлепнулся он на Ohio. Потом был еще один – Ju-88, он горел и упал между нами и танкером.

Мы все время вели огонь, прикрывая его, другие корабли тоже. Они создали еще один заслон, применяли FKS (электронная система наведения огня Fuse Keeping Clock – ВК), так что все знали, куда стрелять, чтобы прикрыть это судно... Сами мы не пострадали: Ashanti был невероятно удачливым кораблем!

Рассказывает Фредди Тревс (Freddie Treves), моряк транспортного судна Waimarama. В то время ему было 17 лет:

Погода была прекрасная. Мы вошли в Средиземное море, какое-то время ничего не происходило, но потом атаковали немцы... Ночь за ночью, день за днем. Были высотные бомбардировщики, были Штуки – они наводили страх, когда видишь их первый раз, столбенеешь... Были и подводные лодки, были и торпедные катера. Я поднялся на палубу и увидел, как люди прыгают в воду, слышал их крики. Страшное зрелище. Кто-то из них выжил, но большинство погибло...

13 августа мы получили прямое попадание бомбы. Дело было около 7 утра, это был Ju-88. Меня швырнуло на палубу. Пламя поднялось вверх футов на 600, дым – примерно на 6 000 футов. Потом ветер поменял направление, и это спасло меня. Хью (друг Фредди) и капитан нырнули в воду с правильной стороны. Правило такое – прыгай в воду с того борта, который ближе к воде, и я прыгнул с левого. Нас спаслось 19 из 109. Большинство людей паниковало, но я был спокоен. Меня подобрал эсминец, точнее, парень, которого звали Роджер Хилл. На мне был капковый спасжилет, он был такой тяжелый, что им едва не пришлось оставить меня в воде... Судно затонуло минуты за две. Был там еще один парень, который не умел плавать, так что я подтащил к нему кусок дерева и сказал держаться за него, потом отбуксировал его подальше. Потом, уже на эсминце Ledbury, оказался парень с нашего судна из расчета 6-тидюймового орудия. Он сильно обгорел. Первую ночь я сидел рядом с ним, под утро он умер и был похоронен в море...

После этой операции авиация Оси переключилась на воздушное прикрытие конвоев, идущих из Италии в Ливию, где разворачивались итоговые сражения Войны в Пустыне. Кроме того, несколько немецких эскадрилий были переброшены на Советско-Германский фронт. Частота налетов резко снизилась в сентябре, и 20 ночей прошли без воздушных атак на остров. В октябре был короткий момент, когда авианалеты интенсифицировались: в первую неделю месяца противник осуществил 1 400 вылетов для атак на остров. При этом 114 самолетов Оси было сбито при потере всего 27 Слитфайров.

Вот что вспоминал об осенних воздушных боях 1942 года фельдфебель Герхард Кепплер (Gerhard Keppler):

Вылеты, которые я осуществил с Сицилии, заключались в сопровождении Ju-88 и Me-110. Я вспоминаю их, как совершенно неудовлетворительные, поскольку, когда мы поднимались в воздух, [вражеские] агенты сообщали о них на Мальту, в результате чего британские истребители к моменту нашего прибытия всегда были на большой высоте с солнцем за спиной, поджидая нас. Так они могли атаковать нас с выгодных позиций, что сильно затрудняло нам выполнение наших эскортных задач и приводило к большим потерям среди бомбардировщиков. Мы же были лишены возможности эффективно контратаковать.

Кепплер явно преувеличивал влияние сицилийских шпионов на неудачи немцев над Мальтой. Более вероятно то, что это было результатом превосходной работы британских радаров...

По времени эти события совпали с главным сражением на Эль-Аламейнской линии, и эти воздушные атаки мало в чем помогли задыхающемуся от нехватки самого необходимого *Африканскому Корпусу*: в октябре 40% грузов, посылаемых противником в Ливию, ушло на дно... Перейдя в стратегическое наступление, в период с 23 октября по 11 ноября 1942 года в [сражении под Эль-Аламейном](#) союзники смяли немецко-итальянские войска, после чего началось его отступление в Тунис.

Заключение

В ноябре британцы осуществили операцию *Stoneage*: четыре транспортных судна, эскортируемых крейсерами и эсминцами, базирующимися в Александрии, без потерь дошли до Мальты, тем самым блокада была снята. Следующий конвой, получивший название *Portcullis*, прибыл в следующем месяце, и снова без проблем и потерь. Коммандер Брагадин в своей *Истории Итальянского Военно-Морского Флота во ВМВ/History of the Italian Navy in World War II* писал: «Мальта, безо всякого сомнения, показала себя решающим фактором в победе союзников на Средиземноморье – на суше, на море и в воздухе.»

20 июня 1943 года, после окончательной победы союзников в Северной Африке и перед вторжением на Сицилию в следующем месяце, король Георг VI посетил Мальту. Прошел всего год с того момента, когда остров был на грани капитуляции. Короля сопровождал адмирал Каннингхэм. Они прибыли на отремонтированном и возвратившемся в строй после тяжелых повреждений крейсере *Aurora*. Каннингхэм вспоминал:

По очевидным причинам визит состоялся в обстановке строжайшей секретности, но в 5 часов утра мальтийцам объявили о предстоящем прибытии Его Величества. Времени оставалось предостаточно, и сады Бараккас вместе с другими местами с хорошим обзором были заполнены ликующими людьми, когда Aurora ... прошла между волноломами в 8 часов утра... Король стоял на специальной платформе, построенной перед командирским мостиком, чтобы все могли его видеть. Я видел много запоминающихся торжеств, но это произвело на меня самое большое впечатление. Толпы верных [Королю] ... мужчин, женщин и детей были полны энтузиазма. Я никогда не слышал столько радостных восклицаний, и все колокола во множестве церквей зазвонили, когда он сошел на берег... Король осуществил продолжительную поездку по острову, и мы были на ланче у губернатора, фельдмаршала висконта Горта (Gort) во дворце Вердала/Verdala. Это было первое посещение Мальты Сувереном с 1911 года, и его воздействие на жителей [острова] было колоссальным.

Мальтийские дети, играющие на обломках сбитой Штуки

Блокада Мальты дорого стоила населению острова - за два с половиной года, с июня 1940 года по ноябрь 1942 года около 1 300 жителей погибли, 30 000 зданий было разрушено или повреждено. Потери ВВС обеих воюющих сторон до сих пор непросто сопоставить из-за противоречий и неясностей в сообщаемых цифрах. Самолеты Королевских ВВС заявили о 863 победах. Британцы признали потерю 289 *Харрикейнов* и *Спитфайров* и 844 других самолетов всех типов по боевым и небоевым причинам. Можно встретить и следующие цифры: (1) 369 истребителей всех типов и (2) 570 самолетов всех типов, потерянных в боях). Немцы заявили о 446 сбитых британских самолетах всех типов, признанные боевые потери немцев и итальянцев - 357 и 175 машин соответственно. Очевидно, что боевые потери обеих сторон близки и находятся в интервале от 500 до 600 машин.

Потери британцев на море составили 1 линкор, 2 авианосца, 5 крейсеров, 19 эсминцев, 38 подводных лодок. Несмотря на колоссальные материальные потери, остров устоял, и это стало одним из крупнейших достижений британцев в годы ВМВ, оказавшим огромное влияние на исход сражений в Северной Африке.

ВОЗДУШНАЯ МОЩЬ И МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В 1941-1942 ГОДАХ

Одним из ключевых аспектов применения авиации на Североафриканском ТВД в период ВМВ было его воздействие на морально-психологическое состояние (МПС) наземных войск. Это понятие может быть охарактеризовано как отношение солдат и офицеров к воинскому долгу, их готовность и способность сознательно, активно и ответственно выполнять служебные обязанности и боевые задачи в условиях войны. Катастрофы весны-начала лета 1942 года существенно повлияли самым негативным образом на МПС военнослужащих британской 8-й Армии. Этот кризис был преодолен в в [1-м сражении под Эль-Аламейном](#), в боях у [гряды Алам](#)

Халфа, и в главном сражении на этой линии, ставшем поворотным моментом в войне в Африке. Усиление поддержки с воздуха сыграло важную роль в восстановлении боевого духа многонациональной 8-й Армии и к постепенному его подрыву у противостоявших ей солдат и офицеров немецко-итальянских войск.

Прелюдия

Существующая литература о воздушной войне в небе Африки всегда фокусировалась на том, как *Воздушная Армия Пустыни/Desert Air Force* и наземные войска Британского Содружества преодолевали вызовы, возникшие в сфере взаимодействия авиации и наземных сил на поле боя. Выученные в Африке уроки сыграли ключевую роль в эволюции операционных доктрин и тактики ведения боевых действий англо-американскими союзниками в годы ВМВ и оказали прямое влияние на ведение операций на Сицилии, в Италии и в северо-западной Европе. Военный историк Джон Террэйн (John Terrain, 1921-2003) зашел в этом вопросе так далеко, что написал следующее: «Определенным является то, что мощная система наземно-воздушных операций, выкованная со столь большими потерями в пустыне между ноябрем 1941-го и октябрем 1942-го стала ... поворотным моментом в трансформации побежденной группировки вооруженных сил в команду победителей.»

В работах историков также признается тот факт, что одним из ключевых результатов улучшения качества воздушной поддержки в виде тактического содействия наземным войскам и прикрытия их с воздуха стал психологический эффект. Один из авторов, канадец Брэд Глэдмэн (Brad Gladman), например, утверждал, что в боях под Алам Халфой и Эль-Аламейном ВВС союзников «полностью подавили ... боевой дух сил *Оси*», превратив их в «яичную скорлупу, ожидающую удара молотком.» Военный историк Дэвид Холл (David Hall) в своей книге *Strategy for Victory* также отметил, что бомбардировки с воздуха могут оказывать негативное воздействие на морально-психологическое состояние людей на передовой в масштабе, несопоставимом с наносимым ущербом и реальной угрозой.»

История военной авиации и в самом деле пестрит указаниями на психологическое воздействие бомбардировок с воздуха. Значительный сегмент литературы всегда фокусировался на стратегических бомбардировках, таких как воздушные рейды на Германию и Японию в годы ВМВ. В более поздние времена историки стали также подчеркивать критически важную роль авиации на поле боя и на том, как она воздействует на боевой дух людей на передовой. Историк Марк Клодфелтер (Mark Clodfelter) отметил способность авиации «подрывать боевой дух в конкретных ситуациях», тогда как британский воздушный маршал Стюарт Пич (Stuart W. Peach, р. в 1956 г.) говорил о том, что психологическое воздействие атак с воздуха может иметь очень большое значение в современной войне. В данной работе рассматриваются морально-психологические аспекты применения авиации в период войны в северной Африке и их ключевая роль в успехах и неудачах наземных войск.

Британское командование изучает проблему

Маршал Монтгомери и его генералы в своих воспоминаниях о событиях в северной Африке придают МПС войск ключевое значение. В период катастрофических поражений в мае-июне (Линия Газала – Тобрук) британская 8-я Армия переживала кризис боевого духа, проявившийся в крайне высокой распространенности различных заболеваний, боевой усталости, дезертирстве и тенденции к сдаче в плен. Ситуация начала улучшаться уже в конце июня-июле, когда в 1-м Сражении под Эль-Аламейном британцы отразили попытку Роммеля наступать, причем уже тогда наметилось господство британцев в воздухе.

Воздействие авиации на МПС солдат и офицеров имело свою специфику в Африке. Здесь у людей были минимальные возможности для того, чтобы найти укрытие, поэтому, например, атаки *Ju-87/Штук*, пикирующих под углом 70-80 градусов, сбрасывающих бомбы на минимальной высоте и проносившихся под вой сирены прямо над головой, оказывали исключительно сильное деморализующее воздействие на британцев. Доклады британских командиров периода 1941-1942 годов целиком и полностью подтверждают это. В одном из них, написанных еще по результатам боев на Крите, можно прочесть, что «пикирующий

бомбардировщик действует максимально неточно, [но] оказывает нежелательный разрушительный эффект на психологическое состояние [людей].»

Южноафриканец Нелл (C.N. Nel), прошедший через [Восточно-Африканскую кампанию](#), вспоминает пережитое им во время успешной для британцев [операции Crusader](#): «Ты слышишь пронзительный свист, пока он [Ju-87] ныряет вертикально вниз, и ты убежден, что он выбрал тебя в качестве своей цели. В следующий момент взрываются бомбы, и его атаку неожиданно озвучивает рвущий нервы звук, появляющийся тогда, когда он напрягает силы, чтобы выйти из пикирования.» Когда самолет улетел, Нелл понял, насколько близок он был к гибели, увидев следы от пуль на земле в метре от себя... Напротив, южноафриканский зенитчик рассказывал, что «мы были слишком заняты, чтобы испытывать страх, когда эскадрилья *Штук* атаковала нас.» Ему и его товарищам не удалось сбить ни одной из них, и он признал, что «вражеские самолеты явно превосходили нас.» С высказываниями зенитчика в чем-то перекликается еще один доклад, написанный по результатам операции *Crusader*. В нем указывалось, что «бомбардировка с пикирования, в среднем, не наносит никакого ущерба» и что «нужно приложить все усилия к тому, чтобы это поняли зенитчики. Они скоро это поймут, получив боевой опыт, но у них есть тенденция переоценивать [боевой] потенциал бомбардировки с пикирования...»

Изучение характера воздействия различных видов оружия противника на МПС рядового состава, проведенное в 1943 году в работе с группой из 300 раненых в северной Африке солдат, иллюстрирует вышеизложенное. 176 солдат испытали на себе атаки *Штук* в ходе кампании. Из них только 9% получили ранения в результате этих атак. Для сравнения – 60% тех, кто побывал под огнем немецких 88-миллиметровок, были ранены. Вряд ли стоит удивляться тому, что в лексиконе солдат 8-й Армии выражение *Восемьдесят Восемь/Eighty Eight* означало *смерть* или *край*. Однако 40% из числа тех, кто побывал под бомбами, сброшенными *Штуками*, сочли их наиболее неприятным (most disliked) оружием врага. В отчете по результатам данного исследования указывалось, что люди относились к пикирующим бомбардировщикам с «максимальной неприязнью, несопоставимой с его реальной [боевой] эффективностью.» В дальнейшем доля тех, кто сильно не любил *Штуки*, выросла до 48%, еще 33% составили те, кто просто недолюбливал их.

Война в Пустыне в наибольшей степени включала в себя умение блефовать и добиваться морально-психологического превосходства над противником по сравнению с боевыми действиями на любом другом ТВД. Таблица, составленная по результатам изучения морально-психологического воздействия оружия противника на людей, иллюстрирует это.

Причины, по которым военнослужащие с неприязнью относятся к различным видам вражеского оружия

Эффективность (смертоносность и разрушительный эффект)	19%
Точность	21%
Невозможность противодействовать/вести ответный огонь	13%
Появление чувства уязвимости	15%
Скорость атаки и создаваемый ею эффект внезапности	10%
Нервное напряжение	5%
Шум	5%
Деморализующий эффект	12%

Данная таблица свидетельствует о том, что только первые две поясняющие появление неприязни причины (эффективность и точность) – 40% всех причин – имеют рациональное, прямое объяснение. Остальные 60% указанных причин имеют психологический характер. В отчете говорится, что все опрошенные имели опыт сражения и, боевые ранения: «Однако в большинстве случаев они предпочли бы столкнуться в бою с таким оружием противника, которого следовало бояться по более логическим причинам - из-за страха быть убитым, а не с тем оружием, которое вызывает инстинктивный страх.» В докладе также подчеркивалось, что «заметный деморализующий эффект» появляется в ходе сравнения

в целом британского и германского оружия, в результате которого первое явно проигрывает, а у людей появляется еще и «чувство неравенства – почти что чувство несправедливости, что представляется крайне важным».

Фундаментальная значимость воздействия авиации на МПС была освещена и в докладе, *Военный Невроз в Тобруке/War Neurosis at Tobruk*, написанном подполковником Купером (E.L. Cooper) и капитаном Синклером (A.J.M. Sinclair) о положении с этим среди [оборонявших Тобрук](#) австралийцев. В докладе ясно указывалось, что в период двух первых месяцев осады немецкие самолеты господствовали в воздухе, и, «когда интенсивность вражеских авианалетов достигла максимума, поддержка со стороны RAF почти полностью отсутствовала.» То, что «британских самолетов не было в воздухе неделями, сыграло значительную роль в развитии у некоторых людей *военного невроза*.»

Изучая последствия повторяющихся атак пикирующих бомбардировщиков, психологи начали принимать к сведению то, что «требуется очень высокий уровень морального состояния и храбрости, чтобы выдержать атаки *Штук* и атакующих с бреющего полета истребителей...» В другом докладе, касавшемся борьбы с пикирующими бомбардировщиками в Тобруке (*Battle with the Dive-Bomber at Tobruk*), указывалось первостепенное значение того, что «каждый человек ... должен развить у себя наивысший боевой дух. Те, кто не входит в зенитные расчеты, пусть ведет огонь из винтовок и легкого автоматического оружия. Уход в укрытия должен быть запрещен, когда под рукой есть оружие.» Этот вид активной обороны был разработан для того, чтобы люди не прятались в окопах, когда их охватывает страх. Авторы инструкции верили в то, что, если человек ведет ответный огонь, у него появятся дополнительные силы и его боевой дух не пошатнется. В учебных лагерях в самой Великобритании и в ходе боевой подготовки уже в Африке людей стали приучать к звукам войны и предотвращать развитие у них иррациональных синдромов страха, вызванных оружием *морально-психологического воздействия*.

Впрочем, и солдатам *Оси* приходилось непросто: действия RAF на путях снабжения противника создавали проблемы немцам и итальянцам уже летом 1941 года в период осады Тобрука. Австралийский солдат [Джоу Мейдли](#) вспоминал, что немцы, с которыми ему удалось побеседовать в моменты перемирий, связанных с уборкой трупов, жаловались на нехватку провианта. Можно не сомневаться в том, что это сказывалось на МПС солдат войск *Оси*...

Фото 1942 года. Немецкий грузовик Opel Blitz рядом с воронкой от 250-фунтовой бомбы, сброшенной британским самолетом. Грузовик полностью разрушен взрывной волной...

Британское командование принимает меры

Разрушительное воздействие атак пикирующих бомбардировщиков на МПС британцев и солдат армий Содружества, испытавших его на себе [в Греции](#) и [на Крите](#) в 1941 году, усугубилось в Африке. 13 октября 1941 года, за месяц до начала операции *Crusader*, премьер-министр Новой Зеландии [Питер Фрейзер](#) (Peter Fraser) послал Черчиллю телеграмму, касающуюся предстоящего наступления. «В свете нашего опыта, полученного в Греции и, в особенности, на Крите, - писал он, - вы поймете, что нас, само собой, беспокоит то, как бы нашим частям не пришлось снова, уже в третий раз, вступать в бой без соответствующего авиационного прикрытия и в ситуации, в которой они будут не в состоянии защитить себя от неограниченных ничем атак с воздуха.» Фрейзер хотел иметь гарантии того, что «проблема поддержки с воздуха», которую правительство Новой Зеландии рассматривало как «жизненно важный фактор», была «полностью учтена ... теми, кто за это отвечает», и что ситуация, в которой новозеландцы были брошены в бой «без необходимых средств обороны и нападения», не повторится вновь.

Черчилль передал соображения своего новозеландского коллеги Главнокомандующему Силами Союзников на Ближнем Востоке/Commander-in-Chief, Middle East Command [Клоду Окинлеку](#) в телеграмме, отправленной 15 октября. В ней он также отметил тот факт, что воздушный маршал [Артур Теддер](#) (Arthur Tedder), командующий ВВС союзников на Ближнем Востоке, сомневался в своей способности предоставить войскам воздушное прикрытие, которое требовал Фрейзер. На следующий день Военное Министерство/War Office телеграфировало Окинлеку о том, что 8-й армии отправлены 250 зениток *Бофорс/Bofors*. В телеграмме были и такие слова: «Никогда снова армия не должна будет полагаться исключительно на самолеты для своей защиты с воздуха.»

Вероятно, Фрейзеру не нужно было сильно беспокоиться: радикальный поворот в деле обеспечения сражающихся в пустыне наземных войск воздушным зонтиком уж происходил. На самом деле, большие усилия в этом вопросе предпринимались уже перед началом наступательной [операции Battleaxe](#) (наступление 8-й Армии в середине июня.) Королевские ВВС проявили себя неплохо, но уровень взаимодействия между наземными войсками и авиацией оставался невысоким. Вот что писал по этому поводу генерал [Арчибалд Уэйвелл](#), который был смещен с поста командующего 8-й Армией после того, как операция не достигла поставленных целей:

Наши ВВС эффективно защищали войска от вражеских бомбардировок за исключением некоторых случаев, когда их прикрытие временно отсутствовало... Мы вообще не имели достаточного превосходства [в воздухе], чтобы позволить себе иметь полную защиту наших войск или остановить перемещения противника. Мы не организованы или не обучены для использования такой тесной поддержки [с воздуха], какую имеет противник, и не можем ожидать ее появления.

Несмотря на возмущение авиационного командования подобными обвинениями командующий воздушными силами британцев в на Ближнем Востоке [Рэймонд Коллишоу](#) (правильно – Коллишо; Raymond Collishaw) был смещен с должности...

В сентябре 1941 года ближневосточное командование (армейское и авиационное) издали директиву о *Прямой Воздушной Поддержке/Direct Air Support*, подписанную объединенным руководством ВС в этом регионе. В ней впервые была детально изложена новая техника выбора целей, их распознавания и атак. Дэвид Холл подчеркивал значение этой инициативы, отметив, что «в деле развития взаимодействия между армией и ВВС, это, вероятно, была наиболее важная директива, выпущенная в годы войны.» Интересно отметить то, насколько быстро новая система воздушной поддержки стала оказывать положительное влияние на МПС 8-й Армии. В цензурной сводке за период времени, заканчивающийся 23 сентября 1941 года, отмечалось, что «с момента начала циркуляции среди военнослужащих всех уровней [новой директивы], носящей название *Воздушная поддержка Армии/Air support for the Army*, не было получено никаких комментариев об отсутствии взаимодействия с *RAF*.» В цензурных сводках сообщалось, что «к началу великого Ливийского наступления (*Crusader*) усилившаяся авиационная поддержка»

существенно повлияла на боевой дух 8-й Армии. На самом деле, в сводках утверждалось, что «боевой дух ближневосточной группировки никогда не был так высок.»

Воздушная Армия Пустыни в ходе операции *Crusader* действовала на уровне, который превзошел ожидания Теддера. Это не только подняло боевой дух союзников, но и оказало разрушительное воздействие на МПС немецко-итальянских войск. Цензурная сводка за период от 17 до 23 декабря пришла к заключению, что «подавляющее превосходство и безостановочная активность» *RAF* произвели колоссальное впечатление на [наземные] войска. Все, кого беспокоили воспоминания о Критской кампании, сошлись в том, что Королевские ВВС достигли значительно более сокрушительного эффекта, чем тот, которого когда-либо достигало *Люфтваффе*. В одном из рапортов, написанных новозеландцами после операции, отмечалось, что отсутствие поддержки со стороны *RAF* ушло в прошлое и что все военнослужащие теперь «говорят только самое лучшее о работе *RAF*.» В рапорте южноафриканцев однозначно говорилось о том, что «превосходство в воздухе дает наземным войскам колоссальное морально-психологическое преимущество.» Генерал [Эрвин Роммель](#), командующий танковыми войсками в Африке (*Panzergruppe Afrika*) винил в своем поражении в наибольшей степени материальное превосходство британских войск и указывал «на исключительно сильное превосходство противника в воздухе.» Боевое донесение *Panzergruppe Afrika* от 20 декабря 1941 года полностью поддерживает утверждение Роммеля.

Есть и другие свидетельства тому, что после операции *Crusader* солдаты *Оси* сильно невзлюбили Королевские ВВС. Рассказывает новозеландский капрал Кит Ньют (Keith Newth, на фото слева), связист из 20-го Пехотного Батальона попавший в плен в ходе ожесточенных боев по снятию осады с Тобрука: «Меня доставили в немецкий госпиталь. Он был переполнен, так что меня отвезли в итальянский. В палате было 20 коек, все были заняты, но была одна для меня. Среди итальянцев ... я был не очень популярен, сами понимаете. Они говорили: «Твои *RAF* – бум, бум, бум.» Я говорил им: «Ну да, понятно, что вы имеете в виду...»»

Газала и Тобрук - ВВС *Оси* вновь берут верх

Очевидно, что к началу 1942 года обе противоборствующие стороны видели в ВВС эффективное морально-психологическое оружие. К лету 1942 года войска *Оси* добились существенного численного превосходства своей авиации над *Воздушной Армией Пустыни*, хотя стоит отметить, что в своих боевых донесениях по результатам [2-го Наступления Роммеля](#) (январь-февраль 1942 года), обе стороны сообщали о наличии у противника превосходства в воздухе. Так или иначе, к концу мая 1942 года немцы и итальянцы располагали 497 боеготовыми самолетами, тогда как британцы лишь 190 машинами. ВВС *Оси* также превосходили в численности Королевские ВВС на всем Средиземноморском ТВД, имея около 1 000 машин против 739 машин союзников. Во многом тот морально-психологический кризис, который охватил в мае-июне 1942 года 8-ю Армию на *Линии Газала* и после сдачи Тобрука, был связан с доминированием противника в воздухе.

Кризис МПС солдат и офицеров 8-й Армии выразился в высоком уровне заболеваемости, боевого утомления, дезертирства и сдачи людей в плен. Один из офицеров *RAF* так описал воздействие огневой мощи *Люфтваффе* на людей: «*Джерри (одно из прозвищ немцев – ВК)* шесть часов бомбил наш передовой аэродром, ... людских потерь у нас не было, всего один самолет был уничтожен и где-то один поврежден. Просто удивительно, какой небольшой ущерб наносят бомбы, но как тягостно они действуют на нервы и психику. По ночам ничто не наводит больше страха и не дает уснуть в большей степени – вскоре тебя это подавляет отсутствием сна и нервозностью. Я не видел никого, кто не был бы озабочен этим.»

Немецкая почтовая открытка времен войны в Африке. Штуки атакуют...

Представляет интерес эпизод, описанный британским танкистом Питером Уиллетом из 2-го Полка Гвардейских Драгун/2nd Dragoon Guards (на фото слева) и произошедший в мае, незадолго до сражения на *Линии Газала*. *Штука* спикировала на скопление грузовиков, и ее бомба упала рядом с ним, не нанеся ущерба машинам, однако от осколочного ранения погиб один из танкистов, что, скорее всего, не улучшило им настроения:

Одним, казалось, мирным утром пятеро из нас сидели и завтракали вокруг раскладного стола, стоявшего рядом с полевой кухней и помещенного в специальный окоп: Годболд (Godbold) по кличке Сладкий/Fruity, принявший на себя командование Штабным Эскадром, падре Морсон (Morson), интendant Хэрри Спенсер (Harry Spenser), Крошка Блэйр (Tiny Blair)... , прикомандированный к нашему полку, и я. Тут мы услышали гул мотора самолета, делающего круги над нами. «Давайте поглядывать на этого паренька,» - сказал Блэйр, и через мгновение до нас донесся рев нырнувшей в нашем направлении *Штуки*. Мы тоже нырнули в окоп, вырытый для грузовика. Бомба упала ярдах в 300 от нас, рядом с местом скопления грузовиков, взорвавшись и подняв столб черного дыма. Между грузовиков немедленно забегали люди, словно муравьи, жилище которых было потревожено. Кого-то подняли и потом положили на песок. Я побежал к ним, чтобы посмотреть, что произошло. Руди Мэлкомсон (Rudi Malcolmson), сержант-интendant, был ранен. Он лежал, уткнувшись лицом вниз, его голова лежала на руке, с него были спущены брюки, и можно было разглядеть его раны. Могло показаться, что кто-то надрезал его бок сразу над ягодицами и рассек кожу наискось через спину. Едва ли была видна какая-либо кровь и казалось, что ему не было больно и что рана не выглядит серьезной, но три дня спустя он умер в госпитале.

У британских летчиков были локальные удаchi на *Линии Газала*: в частности, авиация оказала ощутимую поддержку французским защитникам укрепленного пункта [Бир-Хакейм](#), после чего командующий боевой группой обороняющихся [генерал Кёниг](#) (Marie Joseph Pierre François Kœnig) отправил им радиосообщение со словами: «Bravo! Merci pour la RAF!» Однако общей картины сражения это не изменило – *Люфтваффе* взяло вверх...

Воздушная Армия Пустыни снова доминирует

Однако оправившаяся от поражения *Воздушная Армия Пустыни* уже вскоре снова начала брать верх в контроле над небом. Пока 8-я Армия в беспорядке откатывалась к *Эль-Аламейнской Линии*, Журналы Боевых Действий (далее – ЖБД) британских частей отражали то, как постепенный поворот событий в большей степени, чем что-либо другое, позитивно влиял на настроение британцев и негативно на наступательный дух и МПС войск *Оси*. В первые пять дней немецкого наступления, с 26 по 31 мая, британские истребители совершили всего около 1 500 вылетов. В первую неделю июля, месяц спустя, *Воздушная Армия Пустыни* осуществила 5 458 (!) боевых вылетов. Цензурная сводка на ту же неделю

указывает, что «общее мнение является таковым – RAF работает отлично.» Один из рапортовавших писал, что «ни разу не видел наши самолеты в небе в таком количестве.» Другой отметил, что «превосходство в воздухе – это божий дар для нас.» Цензурная сводка на период 8-14 июля откровенно говорит о том, что ВВС в прошлом никогда не были слишком популярны среди сражающихся на Ближнем Востоке солдат и офицеров, но теперь, наконец, все стало на свои места, и какая-либо враждебность не существовала раньше между двумя родами войск, сейчас она исчезла. «Все военнослужащие искренне расхваливают ВВС как за точность бомбометания, так и за постоянство и неутомимость. Никто не хвалит летчиков больше чем те, кто прошел через массовое отступление и кто отдает себе отчет в том, какой превосходной целью они являлись для авиации *Оси*.»

Один из участников событий вспоминал, что он «никогда не видел столько транспортных средств. Вся пустыня на многие мили вглубь суши представляла из себя монолитный поток грузовиков, автомобилей, бронетранспортеров, дорожных машин, танков и всего прочего. Мы отвели буквально тысячи машин в полной безопасности. Впервые мы господствовали в воздухе, в противном случае это было бы побоищем!» Один австралийский артиллерист вспоминал: «Предполагалось, что мы будем иметь преимущество 5 к 1 над ними [*Люфтваффе*], но мне кажется, у нас оно было 50 к 1, и, поверьте мне, эти свиньи получают больше, чем они когда-либо сыпали на нас, благодаря старым добрым Королевским ВВС.»

ЖБД немецкой 90-й Дивизии Легкой Пехоты подтверждает свидетельства военнослужащих 8-й Армии:

Противник бросил всю имеющуюся у него авиацию в бой против наступающего Африканского Корпуса. Каждые 20 или 30 минут 15, 18 или иногда даже 20 бомбардировщиков с соответствующим истребительным прикрытием идут в атаку. Хотя визуально эффект от этих интенсивных и постоянных атак незначителен благодаря расположению сражающихся частей и частей снабжения (вероятно, речь идет об их рассредоточении – ВК), их морально-психологическое воздействие на войска имеет значительно большее значение. Каждый молится за то, чтобы появилось истребительное прикрытие ... Иногда немецкие истребители появляются поодиночке, приветствуемые аплодисментами тех, кто на земле, но, само собой, они не в состоянии атаковать такие мощные группы бомбардировщиков.

Роммель в ходе 1-го Сражения на Эль-Аламейнской Линии (конец-июня июль) бросил свои войска в атаку столь далеко вперед и с такой скоростью, что полностью лишился возможности получить прикрытие с воздуха. Генерал [Энеа Наварини](#) (Enea Navarini), командир 21-го Корпуса итальянцев, счел сложившуюся ситуацию столь тревожной, что 6 июля отдал приказ такого содержания: «Окончательная победа у нас в руках. Не поддавайтесь чрезмерному страху из-за некоторого временного доминирования вражеской авиации.»

Историк Найэлл Барр (Niall Barr), характеризуя данный отрезок времени, писал: «Усилия ВВС *Оси* в сражении на *Линии Газала* и атаке на Тобрук были колоссальными, но они не могли поддерживать этот уровень активности неограниченное количество времени.»

Подъем боевого духа 8-й Армии в июле-сентябре 1942 года и роль в этом союзной авиации

Весь июль *панцерам Африканского Корпуса*, получившим название новое наименование - *Panzerarmee Afrika*, приходилось сражаться под непрерывными бомбежками, которые британские солдаты стали называть *челночным обслуживанием/shuttle service*. К 22 июля немецкие ЖБД все еще регистрировали то, что «вражеская авиация значительно превосходит по численности нашу. Она непрерывно, днем и ночью атакует наши войска, она нанесла нам значительные потери, сбива боевой дух итальянцев до крайне низкого уровня, [а также] помешала нашему снабжению и частично ослабила его.» Превосходство союзников в воздухе было настолько существенным к концу июля 1942 года, что помимо морально-психологического ущерба, нанесенного немецким танкистам, потери транспортных конвоев *Оси* выросли до 30 в день.

У 8-й Армии тем временем дела обстояли значительно лучше. Цензурная сводка за период от 15 до 21 июля свидетельствует о следующем: «Заметным аспектом корреспонденции (то есть, содержания писем военнослужащих – ВК) в последние недели стал превосходная работа, проводимая союзными ВВС, которые ... в значительной мере обеспечили высокий уровень боевого духа у военнослужащих всех званий.» В сводке говорилось о том, «что трудно было найти письмо, в котором не было бы похвал и восхищения тем, с какой тщательностью и с какой решимостью ВВС исполняет свой *блицкриг*», ... и какую «великолепную поддержку» они предоставляют наземным войскам в период долгого отступления и нахождения на позициях под Эль-Аламейном.»

Солдаты становились все более и более уверенными в способности британских летчиков побеждать противника. Рядовой Кирэнс (E. Kerans) из полка Даремской Легкой Пехоты/Durham Light Infantry вспоминал о том, как «парни сидели на краях окопов [на Эль-Аламейнской Линии] и, находясь в сравнительной безопасности, часами смотрели, как один воздушный бой переходил в другой.» Это участок боев, по его воспоминаниям, был «кладбищем самолетов». Доминирование RAF в воздухе приносило «глубокое удовлетворение» солдатам, многие из которых в прошлом часто попадали под немецкие бомбежки. Люди постоянно выражали убежденность в том, что «со временем боевой дух противника рухнет под постоянными атаками и обстрелами с воздуха.»

В своем дневнике [немецкий артиллерист Хельмут Оршидт](#) неоднократно писал о том, как донимала немцев летом-осенью 1942 года авиация союзников. Судя по всему, она сильно действовала на нервы солдатам Оси:

Прибыв в Афины 3 июля, я через три дня перебрался на самолете на Крит, еще через 12 дней – в Эль Адем/El Adem, аэродром к югу от Тобрука. Мы летели в 20-30 м над водой в группе из примерно 30 самолетов. Я вызвался занять место у пулемета MG 15, надеясь защитить себя, а не сидеть, сложа руки, в случае атаки противника. Но мы перелетели без происшествий. Когда мы приземлились в Эль Адеме, нас срочно отогнали подальше от самолета. Через 15 минут британская бомбардировочная эскадрилья обрушилась на аэродром, но Ju-52 уже был в воздухе на пути назад. Здесь время попусту не тратили...

Невероятно – я был в Тобруке! Здесь все было вверх дном. Всюду развалины, порт забит затопленными судами. Но склады были полны припасами от Томми (прозвище британцев, обычное для немцев – ВК) ... Через два дня я уже был в расположении интендантского подразделения нашего полка близ Эль Дабы/El Daba. Я встретил некоторых старых приятелей, которые пригласили меня перекусить с ними... Однако удовольствие от еды и хорошее настроение были испорчены британским истребителем, обстрелявшим наше расположение. Один из нас получил ранение в ступню, а нашу еду забросало песком. Я узнал от парней, что в воздухе теперь было все больше британских самолетов. Общая ситуация сильно отличалась от ситуации 1941-го.

На следующий день, за рулем 3/4-тонного грузовика, я отправился в сторону центрального сектора Эль-Аламейнского фронта, где находился штаб нашего полка (пункт Эль Рувейсат/El Ruweisat). Здесь на месте, все были возбуждены, так как все еще продолжались бои 1-го сражения под Эль Аламейном. Меня оперативно отправили на 5-ю Батарею 2-го Батальона нашего полка. Неподалеку от штаба я, в сухом ручье (wadi) наткнулся на Хайо Мэхтеля (Hajo Maechtelt), который пригласил меня перекусить, пока я жду машину. И снова наше застолье было испорчено звеном двухмоторных бомбардировщиков, которые пролетели над долиной и сбросили в нее бомбы. Я едва успел запрыгнуть в окопчик. Теперь я воспринимал происходящее вокруг более обостренно, чем раньше. Это была другая война по сравнению с 1941-м...

... Меня назначили ответственным за работу грузовиков, подвозящих нам снаряды. В свете растущего превосходства Томми в воздухе перспектива вождения грузовиков, нагруженных снарядами, не особенно радовала...

На заднем плане – городок Бардия, сильно разрушенный в ходе бомбежек. В центре – понижение и спуск к морю, где Хельмут Оршидт и его товарищи иногда купались и стирали форму. На переднем плане – различные транспортные средства, умышленно оставленные немцами на существенном расстоянии друг от друга, чтобы не сделать их легкой целью для случайного вражеского истребителя.

Алам Халфа

8-я Армия устояла под ударами *Оси* в мае, июне и июле 1942 года, но к августу ей вновь пришлось готовиться к обороне в ожидании атаки противника на ее позиции в районе гряды Алам Халфа – последней попытки Роммеля прорваться к дельте Нила. Монтгомери, новый командующий 8-й Армией, осознавал всю хрупкость выработавшейся недавно у его людей уверенности в своих силах и уровень морально-психологических проблем, еще недавно довлевших над ними. В этой связи он решил принять сражение под Алам Халфой как ограниченное по масштабу. Июльские бои в ходе 1-го сражения под Эль-Аламейном показали, что сильными сторонами 8-й Армии являются ее пехота, артиллерия и авиация. Ее уязвимой стороной были бронетанковые силы и их слабое умение координировать свои действия с другими родами войск. Алам Халфа стала сражением, в котором британское командование учло свои сильные и слабые стороны. Монтгомери придерживал свои танки и отказался бросить их в непосредственное сражение против *панцеров* Роммеля. Вместо этого он хотел свести свои потери к минимуму и сконцентрироваться на том, что его люди были в состоянии достигнуть, а не на том, на какие достижения можно надеяться, что было характерно для его предшественника Окинлека. Он понимал, что его людям нужно время для того, что развить в себе уверенность в себе и новой технике. По этой причине он решил дать противнику преимущественно оборонительный бой, в котором рассчитывал выманить Роммеля на свои артиллерийские и противотанковые огневые позиции. Во многом тактика британцев под Алам Халфой была заимствована у немцев и использована в крупном масштабе при значительной поддержке *Воздушной Армии Пустыни*.

Наступлению Роммеля предшествовала [операция британской разведки](#), которая сумела подбросить немцам фальшивую карту с неверно указанным на ней размещением твердых грунтов и зыбучих песков. В ночь с 30 на 31 августа, в два часа немецкие механизированные части двинулись по направлению к британской линии обороны и вскоре начали вязнуть там, где на карте были показаны "твердые грунты". В тот момент, когда экипажи танков и бронемашин стали выскакивать, чтобы откопать свои машины и

двигаться дальше, на них обрушились самолеты британских и, впервые за время *Войны в Пустыне*, американских ВВС... Под утро пустыня была усеяна сожженными танками, бронемашинами и грузовиками.

Вспоминает генерал [Фриц Байерлайн](#), начальник штаба *Африканского Корпуса*: «Британские ВВС к этому моменту достигли беспрецедентной боевой эффективности, и в боях против них воздушная мощь [Кессельринга](#) быстро сходилась на нет. Он не получал подкреплений, потому что Гитлеру все было нужнее в России, поэтому численность немецких истребительных эскадрилий упала до минимума, и погиб даже ас неба Африки [капитан Марсель](#) (Hans-Joachim Marseille).»

Зенитчики Африканского Корпуса

Доклад 19-й Дивизии Зенитной Артиллерии/19. Flak-Division немцев, присланный в штаб *Panzerarmee Afrika*, дает некоторое представление об огневой мощи, продемонстрированной *Воздушной Армией Пустыни* в этом сражении, и об ущербе, нанесенном ею МПС немецко-итальянских войск. В докладе говорится о том, что на *Panzerarmee* за пять дней боев было сброшено 15 600 бомб. Они пришлись на сектор фронта протяженностью 12-15 км и глубиной 8-10 км. Это означало, что на его каждый квадратный километр было сброшено примерно 100 бомб. Тактика, использованная авиацией союзников, была специально разработана для того, чтобы нанести максимальный ущерб МПС солдат и офицеров противника. В докладе можно прочесть о том, «что бомбы сбрасывались не сразу всеми находившимися в строю самолетами, вместо этого на обширную площадь бомбы падали одна за другой.» В результате «в дополнение к обширным материальным потерям» противник наносил грандиозный ущерб МПС [людей]. Боевой дух войск значительно снизился из-за полного несоответствия воздушного прикрытия сложившейся ситуации. Непрерывные ночные атаки особенно сильно подрывали готовность к бою офицеров и прочих чинов.» Это происходило «из-за невозможности выспаться, постоянного ожидания очередной серии бомб, [вынужденного] рассеивания войск [по местности] и т.п.» В действительности, в одной из цензурных сводок британцев можно было прочесть о том, как один захваченный в плен немец «плюхнулся на живот» когда над головой пролетал строй самолетов союзников. «Бог ты мой, - заметил один из британцев, - да ты, должно быть, хорошо научен бояться бомб (bomb happy).» -

«Ты тоже был бы хорошо научен, - ответил на идеальном английском пленный, – когда они у тебя над головой каждую минуту и так день за днем.»

Очевидное доминирование в воздухе ВВС союзников оказало драматический эффект и на МПС 8-й Армии. В первых же строках цензурной сводки британцев за период от 1 до 16 сентября 1942 года можно прочесть, что «главным элементом корреспонденции, исходящей от британских военнослужащих всех званий ... является всеобщее удовлетворение от массовой поддержки, предоставленной нашим наземным войскам союзными ВВС, что оказало не поддающийся оценке [положительный] эффект на МПС людей.» В сводке за период 17-23 сентября также подчеркивается высокая эффективность действий союзных ВВС. Один из артиллеристов писал в письме: «Взаимодействие с авиацией было идеальным, и нам нужно было лишь назвать цель, чтобы RAF отбомбились по ней через 10 минут ... Мы сбивали их [вражескую] технику в кучи и оставляли их на [съедение] RAF.» Еще один солдат писал: «Мы основательно подгоняли его [противника] на его пути назад, но, на самом деле, не были особенно сильно в это вовлечены. Наши артиллерия и RAF дали ему сильного жару, и я целый день просидел на гряде в 5 000 ярдов от расположения дивизии *панцеров*, которую Королевские ВВС бомбили каждые 45 минут и на которую расчеты больших пушек вывалили 10 000 снарядов за один день. Это было самым невероятным зрелищем из всего, что я когда-либо видел, и это принесло нашим парням чувство немалого удовлетворения. На следующий день мы взяли в плен некоторое число заметных пленных, и они говорили, что это был самый тягостный день из всего, что им довелось испытать.»

Роммель, объясняя причины неудачи под Алам Халфой, писал: «Непрерывные и интенсивные атаки британской авиации, которая, в реальности, полностью господствовала в воздухе, прижала мою армию к земле и сделала невозможным сколь-нибудь беспрепятственное развертывание сил или своевременное продвижение в соответствии с намеченным планом... Наши потери были очень тяжелыми и вызваны, в основном бомбардировками и атаками RAF с небольших высот.» Упоминания о 100%-ном господстве в воздухе союзной авиации и тяжелых потерях от воздушных налетов в этот период времени можно найти и в мемуарах командира разведбатальона [Ханса фон Люка](#), вернувшегося в Африку вскоре после сражения под Алам Халфой из госпиталя.

Эль-Аламейн

Двумя месяцами позднее, в ходе главного сражения под Эль-Аламейном, британцы и войска Содружества имели почти на 200 самолетов больше, чем противостоявшие им войска *Оси* – около 530 против 350). По материальным показателям 8-я Армия имела, в целом, двукратное преимущество. Однако и в прошлом союзники не раз имели численное преимущество над войсками *Оси*, но *Panzerarmee* уверенно побеждала оппонента. В своем послании войскам накануне перехода в наступление Монтгомери подчеркнул, что на этот раз все по-другому, что на этот раз 8-я Армия «ГОТОВА ... У нас первоклассная техника, хорошие танки, хорошие противотанковые пушки, артиллерия в большом количестве и боеприпасы в изобилии, нас поддерживает лучшая в мире ударная воздушная группировка.» Брэд Глэдмэн отмечал, что улучшение в тактической поддержке с воздуха имело колоссальное значение для боевого духа 8-й Армии.» В самом деле, появление авиационных групп на поле боя занимало не более 30-40 минут под Эль-Аламейном по сравнению с тремя часами в ходе операции *Crusader*. Доклад об МПС войск за август-октябрь 1942 года гласил:

Осознание того, что в их распоряжении имеются инструменты, более многочисленные и эффективные, чем когда-либо, подняло боевой дух войск на новый, высокий уровень и укрепило их уверенность в себе и суровую решимость, которые предстояло протестировать и подтвердить по максимуму в течение следующих двенадцати исторических дней. Почта свидетельствует о том, что ни одна армия в истории не шла в бой с более высоким боевым настроем.

Немецкие ЖБД указывают на множество причин поражения под Эль-Аламейном в октябрь-ноябрь 1942 года. Одной из них «были непрерывные, интенсивные дневные и ночные атаки

бомбардировочной авиации, противодействовать которым не было возможности» и «которые лишь усиливали комплекс неполноценности», которым страдали солдаты и офицеры *Panzerarmee*. Джон Террэйн отмечал, что между 23 октября и 4 ноября года Королевские ВВС совершили 10 405 боевых вылетов, а ВВС США – 1 181, в то время как *Люфтваффе* и *Regia Aeronautica* – 1 550 и 1 570 соответственно.

Как писал историк Элфред Прайс (Alfred Price, 1936-2017), авианалеты часто не наносили большого ущерба противнику, однако постоянная угроза с воздуха показала себя высокоэффективной с точки зрения морально-психологического подавления противника: «В случае атаки на скученную группу людей или машин детонация сотни упавших близко друг от друга 250- и 500-фунтовых бомб вызовет шок, сходный с тем, который производит в наши дни один *B-52*, поддерживающий войска на поле боя.»

Отчаянное положение, в котором оказались войска *Оси* вследствие непрерывных бомбардировок с воздуха было проиллюстрировано радиогаммой, перехваченной и расшифрованной 8 октября. В ней говорилось о крайне напряженной ситуации с боеприпасами и горючим, однако положение с провиантом описывалось как «исключительно тяжелое.» Как писал Глэдмэн, это привело к «недоеданию, резкому падению боевой эффективности войск, высокой заболеваемости и, вне всякого сомнения, депрессивному морально-психологическому состоянию.» Отсюда можно сделать вывод о том, что падение боевого духа может быть вызвано не только бомбежками войск на линии фронта, но и ударами авиации противника по линиям снабжения, вызывающим постоянную нехватку буквально всего необходимого...

Вспоминает Хельмут Оршидт:

26 октября – 1 ноября

Бомбежки были очень тяжелыми. При перемещении мы разработали специальную тактику, помогавшую нам оставаться в стороне от зоны поражения. Мы внимательно наблюдали за маневрами эскадрилий врага и ловили момент сбрасывания бомб. Мы уносились на полной скорости под углом 90 градусов к ожидаемой зоне поражения и обычно успевали оторваться на безопасное расстояние. Это всегда было потерей, но спасало нас от людских и материальных потерь...

2 ноября интенсивность авианалетов ВВС союзников была такой, что после одного из рейдов около 200 немецких пехотинцев сложили оружие и сдались в плен. В этот день союзники осуществили 881 боевой вылет, тогда как *Люфтваффе* – 175. Дневниковая запись немецкого офицера-артиллериста за это число: «Где наши истребители, наши *Штуки*, наши зенитки? Ничего из этого не вижу. *Томми* (обычная среди немцев кличка британцев – *ВК*) появляются [в воздухе] каждую четверть часа со своими 18 тяжелыми бомбардировщиками.» В эти дни немцы испытали на себе то, что испытывали под атаками *Люфтваффе* [солдаты союзных войск во время Битвы за Францию](#) два с небольшим года назад... О воздействии авиации на МПС итальянских войск свидетельствует такой факт - к концу дня 2 ноября в двух наиболее сильных итальянских дивизиях – *Littorio* и *Trieste* – под непрерывными атаками с воздуха начался развал. Их части одна за другой бросали свои позиции.

Бомбардировщик Мартин/Martin 223-й Эскадрильи RAF бомбит немецкий аэродром в районе Эль Дабы/El Daba. Период сражения под Эль Аламейном

Действительно, значительная доля потерь, которые несли немцы летом 1942 года, как в свое время и 8-я Армия, была связана с МПС людей. Статистика показывает, 40% немецких и 63% итальянских потерь представляли из себя пропавшие без вести, в большинстве своем - попавшие в плен. У британцев процент потерь этого вида в сражении под Эль-Аламейном был равен 17. С МПС был связан и высокий уровень заболеваемости. Историк Марк Хэррисон (Mark Harrison) писал, что один из пяти немецких солдат, отсутствовавших в строю в период сражения, числился больным, а в элитной 15-й Танковой Дивизии таких было 38%.

Проблемы с дезертирством и частой сдачей людей в плен вынудили Роммеля настоять на применении смертной казни военно-полевыми судами еще в июле 1942 года, однако они никуда не исчезли в октябре и в ноябре. В дальнейшем, в ходе Эль Аламейнского сражения, боеспособность войск *Оси* и в моральном, и в материальном смысле, упала до минимума.

Заключение

Катастрофические поражения британской 8-й Армии в первой половине 1942 года были в значительной степени обусловлены кризисом МПС ее солдат и офицеров, который негативно отразился на боеспособности войск. Кроме всего прочего, британцы терпели поражения от противника, сильно уступавшему им в численности.

8-й Армии удалось переломить ситуацию в 1-м сражении под Эль-Аламейном и на гряде Алам Халфа и, в конечном итоге, вместе со своими союзниками, победить противника в Североафриканской кампании в целом. Наличие эффективной поддержки с воздуха играло для обеих противоборствующих сторон важнейшую роль в поддержании высокого уровня МПС у войск, и завоеванное союзниками превосходство в воздухе вместе с умелым его использованием привело к постепенному разрушению боевого духа войск *Оси*.

По-видимому, авиация была далеко не единственным фактором. Да, 8-я Армия ко времени Эль Аламейнского сражения сильно превосходила немецко-итальянские войска в численности войск, наземной техники и авиации, но, кроме того, британцы постепенно учились тактике мобильных боевых действий, комбинированному использованию танков и артиллерии, также большую роль сыграло появление в ее составе новых боевых машин, не уступающих немецким. Не стоит забывать и о проделанной Монтгомери и его штабом

огромной работе по укреплению дисциплины в 8-й Армии и поднятию ее боевого духа после поражения на Линии Газала и падения Тобрука.

Вероятно, историки и в дальнейшем будут спорить о том, какой фактор сыграл основную роль в поражении *Оси* в Африке.